

ЛЮТЕР

Иван
Тобри

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга о Мартине Лютере — идеологе Реформации и отце-основателе европейского протестантизма — принадлежит перу автора-католика, что само по себе необычно. Во многом это биография-памфлет; ее автор ставит перед собой цель разобраться в причинах разрушительного кризиса, поразившего католическую церковь в XVI веке, и объяснить феномен Лютера, обращаясь прежде всего к особенностям психологического склада личности великого реформатора. Но вместе с тем это и скрупулезное исследование, основанное на тщательном и, главное, критическом изучении всех сохранившихся источников, попытка освободиться от магии имени и взглянуть на Мартина Лютера не как на легенду, но как на живого человека со всеми его слабостями и недостатками.

- [А.П.Левандовский. БИОГРАФИЯ - ПАМФЛЕТ](#)

- [Часть первая](#)

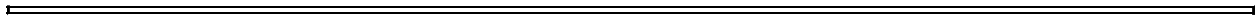
- [1.](#)
- [2.](#)
- [3.](#)
- [4.](#)
- [5.](#)
- [6.](#)
- [7.](#)
- [8.](#)
- [9.](#)
- [10.](#)
- [11.](#)

- [Часть вторая.](#)

- [1.](#)
- [2.](#)
- [3.](#)
- [4.](#)
- [5.](#)
- [6.](#)
- [7.](#)
- [8.](#)
- [9.](#)

- [10](#)
 - [11.](#)
- [Часть третья.](#)
 - [1.](#)
 - [2.](#)
 - [3.](#)
 - [4.](#)
 - [5.](#)
 - [6.](#)
 - [7.](#)
 - [8](#)
 - [9.](#)
 - [10](#)
 - [11.](#)
- [Хроника жизни Мартина Лютера и даты выхода в свет его основных трудов](#)
- [Библиография](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

А.П.Левандовский. БИОГРАФИЯ - ПАМФЛЕТ

О Лютере написаны тысячи книг. И это неудивительно: человек, сумевший сокрушить безраздельно господствовавшую в течение более чем тысячелетия католическую церковь с ее главой — римским папой, проповедник, ставший создателем и первоапостолом новой религии — протестантизма, быстро овладевшего значительной частью населения Западной Европы, должен был представляться поколениям его адептов и последователей неким сверхчеловеком, Божьим посланцем наподобие Мухаммеда или Будды. Отсюда закономерно следует, что поток сочинений о Лютере, принадлежащих перу протестантских теологов и публицистов, — сплошной панегирик, иного быть и не могло. Тем более интересно познакомиться с сочинением, вышедшим из противоположного лагеря, причем не с какой-то легковесной брошюрой, а с фундаментальным трудом историка-специалиста, кропотливого исследователя, стяжавшего славу воинствующего борца за чистоту католической веры^[1]. Разумеется, как бы нас ни уверяли в «объективности» и «беспристрастности» автора, лежащая перед нами книга — прежде всего памфлет, ставящий главной целью разбить «ухищрения» протестантов и показать «зловредность» Реформации Лютера, а в соответствии с этим и очернить до предела саму личность реформатора.

Обширный труд И. Гобри построен по четко продуманному плану. Он делится на три части, соответствующие, по мысли автора, трем этапам становления Лютера и его реформы. Часть первая посвящена «Лютеру до лютеранства» — формированию будущего врага католической церкви еще в лоне самой этой церкви. Часть вторая показывает перелом и разрыв с прошлым во имя новых сложившихся взглядов. Третья часть выявляет общие результаты как в личностном, так и в глобальном масштабах. Вот здесь-то и уместно подчеркнуть главное в специфике книги Гобри: личностный мотив на протяжении всех пятиста страниц его труда неизменно превалирует над объективной реальностью обстановки, в которой реформатору довелось действовать; иначе говоря, согласно автору выходит, что его герой, в силу чисто индивидуальных причин и не менее индивидуальных личных качеств, сумел поломать и осквернить естественный ход истории и ввергнуть Западную Европу в пучину

длительных духовных (и не только духовных) бедствий, плачевные результаты которых не изжиты и по сей день.

Эта идея глубоко спрятана и не сразу высвечивается. Она тонет среди обильного материала, посвященного жизни общества, учебе и преподаванию в университетах, книгам, которые читали в августинском монастыре, и т. д. И тем не менее идею эту выудить можно, и даже не так уж сложно.

Если свести к основным чертам схему, которую Гобри выстроил на страницах своего труда, то она будет выглядеть следующим образом. Мартин Лютер родился и вырос в тягостной обстановке и в порочной среде. Его отец был уголовным преступником (убийцей) и калечил мальчика, безжалостно избивая его, что усугублялось отсутствием материнской ласки. В результате будущий реформатор с детских лет знал только страх, который постепенно трансформировался в ужас перед дьяволом и адом — чувство, которое, непрерывно возрастая, как бы пронизало всю психику Мартина. Ни учеба в университете, ни монастырь, куда он бежал, спасаясь от наваждения, не умиротворили душу юноши. Католическая церковь с ее таинствами и обрядами, не вдохновляла его, не вселяла веры; он не верил, что молитвами и постами можно обуздать грешную плоть и умилоствовать нечистого. И, потеряв доверие к католической вере, Лютер пришел к выводу, что есть лишь один путь к спасению: радикально переделать существующую церковь! Вот, согласно Гобри, тот ключ, который дает объяснение Реформации! Мартин Лютер, этот новый Давид, исходя исключительно из личных мотивов, сумел одними своими силами сокрушить могучего Голиафа и обратить в руины мощнейшую тысяче-летнюю духовную корпорацию во главе с папой, кардиналами, епископами и аббатами! Разумеется, с точки зрения Гобри, этот неслыханный «подвиг» отнюдь не был благодеянием, наоборот, имел самые трагические последствия и для истории Церкви, и для истории Германии. Конечно, замечает автор, в существующей католической церкви были некоторые изъяны. Отдельные папы, к примеру Юлий II или Лев X, больше занимались меценатством и войнами, чем делами церковными, и кое-что подзапустили; но все это требовало реформы, а не коренной ломки. Лютер же вместо этого сокрушил Церковь в целом и заменил ее жалким гибридом, что привело Европу к расколу и нравственному обнищанию; сам же «Лже-Давид» превратился в «Виттенбергского папу», некоего авторитарного монстра, погрязшего в лицемерии, грубости, изошравшегося в площадной ругани и предающего всех тех, кто некогда ему верно служил или оказывал поддержку...

Раз начав, Гобри уже не может остановиться. Все последующие страницы книги он посвящает извержению хулы в адрес Лютера и его окружения. Из числа гуманистов, сторонников новых идей, он похваливает тех, кто не пошел за Лютером (особенно Эразма Роттердамского), и либо не замечает, либо чернит тех, кто откликнулся на его призывы. Все они оказываются в лучшем случае «насмешниками», в худшем — «возмутителями спокойствия». Особенно достается рыцарю-гуманисту Ульриху фон Гуттену, талантливому поэту и участнику восстания 1522 года. Гобри не жалеет бранных слов в его адрес. Этот «пьяница, головорез и бабник», в качестве «наемника и грабителя», оказывается, был «правой рукой Лютера»! Сам же Лютер показал себя приспособленцем и ренегатом: начав как представитель всего немецкого народа, он затем отвернулся от этого народа и пошел в холуи к князьям; спровоцировав своими речами крестьян на восстание, он, когда это восстание произошло, стал истошно вопить, что крестьян надо «рвать на куски, душить и резать, в открытом бою и из-за угла, как режут бешеных псов...». Трус и предатель, реформатор кончил тем, что отказался от большинства своих «революционных» убеждений и завершил земное бытие банальным мещанином-бюргером...

Все это приводит Гобри к мысли о том, что дело Лютера историки неправильно окрестили «Реформацией» — ведь это был всего-навсего дикий фарс с плачевным концом! Подлинной же реформой церкви занялись папы и церковные деятели второй половины XVI века, бесстрашно очищавшие «заблудшую» Церковь от «скверны» и создавшие условия для ее дальнейшего развития. Но, к сожалению, произошло это слишком поздно: Лютер уже успел сделать свое черное дело — раскол состоялся, и устранить его полностью было невозможно...

Разумеется, в целях наглядности мы несколько упростили схему Гобри, умело вуалирующего ее, как было уже замечено, различными способами, но сущность ее именно такова. Насколько же обоснованны выводы автора? Постараемся ответить на этот вопрос.

Прежде всего, уже в первой части книги, наиболее «объективной», бросаются в глаза постоянные натяжки. Так, инвектива в адрес Ганса Лютера, отца Мартина, оказывается сплошным блефом. Не лучше обстоит дело и с взаимоотношениями будущего реформатора с родителями. Конечно, Ганс наказывал мальчика за проступки — так было и в других семьях, — но вовсе не тиранил его, а от матери Мартин видел всю ту ласку, которую обычно видят дети в нежном возрасте, и никакого «ужаса» в то время в его душе возникнуть не могло. Во всяком случае, судя по его

переписке, Мартин Лютер на всю жизнь сохранил к родителям теплые чувства. Следует тут же отметить (об этом забывает Гобри), что Ганс Лютер не стеснял интересов сына и стремился дать ему наилучшее в тех условиях образование, болел за него, и только неожиданный уход Мартина в монастырь, обескураживший отца, привел к некоторому (временному) охлаждению их взаимоотношений. Да, юный Мартин и в университете, и в монастыре, по-видимому, действительно испытывал страх перед дьяволом и адом, но, вероятно, было за что: жизнь школяров тех времен не отличалась нравственным поведением (почитайте Вийона!), и при тогдашней всеобщей религиозности немудрено было временами побаиваться расплаты за грехи — это отнюдь не феномен Лютера, а скорее, феномен эпохи. Другой вопрос, что строить на этом жалком фундаменте целую теорию «величайшей трагедии, равной которой не знала история церкви» — более чем рискованно: причина слишком ничтожна для столь грандиозных, можно сказать, глобальных результатов! Да и потом, Гобри не худо бы вспомнить, что Лютер был не одинок: до него со сходной программой выступил чех Гус, в его же время и позднее этим же путем пошли швейцарец Цвингли и француз Кальвин! Что, каждый из них выступал со своим учением тоже исходя из боязни дьявола и ада? Таких сведений у нас нет. Несомненно, однако, были общие причины всех этих выступлений, совершенно или почти совершенно не связанные с личностными мотивами. Наконец, и это главное, неужели автор книги забыл, что Лютер выступил против папства и католической церкви в 1517 году (и это было его первое выступление подобного рода) не в связи со своими этическими и моральными проблемами, а в связи с конкретными требованиями папской власти — продажей индульгенций^[2]? И именно после этого выступления Лютер стал известен всей стране и сделался как бы знаменем общей борьбы со злоупотреблениями папства и церкви — обстоятельство абсолютно бесспорное, которое Гобри тщательно замалчивает. И недаром большинство историков считают именно событие 1517 года началом Реформации в Европе. Исходя из этого попытаемся представить в самых общих чертах не химерические, а подлинные причины выступления Лютера и существо дела, совершенного им. Для этого, однако, нам придется начать с экскурса в далекое прошлое.

*

Когда в результате Миланского эдикта императора Константина 313 года христианство, после трех веков гонений, стало дозволенной религией и христиане вышли из катакомб, новое учение с невероятной быстротой стало распространяться по территории Римской империи, постепенно

вытесняя все другие культы и становясь господствующей религией. В 325 году Никейский собор сформулировал общеобязательные основы христианского учения; церковь стала называться апостольской, католической (вселенской) и православной (единственно правильной). Пора было, в особенности в связи с появлением разного рода толкований догматов, заняться упорядочением церкви как организации. Сложилась четкая градация церковных должностей во главе с архиепископами и епископами, ведавшими целыми церковными провинциями. Епископы Рима, Александрии, Константинополя, Иерусалима и Антиохии приняли титулы патриархов; двое из них — римский и александрийский — сверх того стали называться «папами»; позднее этот титул удержался лишь за римским первосвященником.

Институт папства как главный центр управления западной христианской церковью складывался и развивался по мере разложения и распада Римской империи, причем укреплению его содействовали сами императоры. Подлинным основателем папства считается Лев I Великий (440—461), вынудивший императора Валентиниана III издать эдикт, провозгласивший «первенство апостольского престола» и право его судить епископов, что сразу же поставило римского первосвященника над прочими церковными функционерами. Падение Западной Римской империи (476) заставило пап искать помощи и поддержки у восточноримских императоров, но Константинополь был далеко и помощь его оказалась эфемерной. И вот папа Григорий I, также прозванный «Великим» (590—604), делает следующий важный шаг, чреватый большими успехами в будущем: он меняет ориентиры и с Востока переносит свой взор на Запад, первым разглядев растущее и набиравшее силу Франкское государство. Результат не заставил себя ждать. Когда один из преемников Григория, Стефан III, обратился за помощью против теснивших его лангобардов к Пипину, ставшему с его благословения первым королем франков из династии Каролингов, Пипин не замедлил эту помощь оказать: дважды разбив лангобардов, он передал захваченные у них земли Стефану, чем было положено начало светскому государству пап (756). При Карле Великом папы находились по отношению к его империи в таком же положении, в каком были ранее по отношению к Константинополю, а после распада империи (843—870) получили полную независимость^[3]. С этого времени и начался непрерывный рост влияния католицизма и его монархического центра — папства. Основная причина здесь была в том, что католическая церковь идеально вписалась в господствующий на Западе феодальный строй. Как институт она была

плоть от плоти этого строя, оформляясь организационно параллельно становлению его политической и социальной структуры. Церковная иерархия была полным отражением иерархии светской: подобно тому, как в светском феодальном обществе выстроились разные категории сеньоров и вассалов — от короля (верховного сеньора) до рыцаря, так и члены клира градуировались по феодальным степеням от папы (верховного первосвященника) до приходского кюре. Церковь была крупным феодалом. В разных государствах Западной Европы она владела до 1/3 количества всей обрабатываемой земли, на которой использовала труд крепостных, применяя те же методы и приемы, что и светские феодалы. Узурпируя таким образом готовые формы феодального общества, получая от них бесчисленные плоды как организация, церковь — и это было особенно важно — одновременно формировала идеологию феодального общества, ставя своей задачей обоснование закономерности, справедливости и богоугодности этого общества. Для того чтобы внушить народу подобные мысли, католическая церковь с успехом использовала самые различные средства. Громады готических соборов с мрачными сводами и картинами рая и ада на витражах и тимпанах, торжественная служба, сопровождаемая своеобразными театральными представлениями (мистериями), — все это должно было подчинять мысль и волю верующего, ведя в заданном направлении. Этому же служили и церковные таинства, в первую очередь таинство причастия, делившее все общество на «верных сынов церкви» и отщепенцев, «еретиков», первых из которых ожидало райское блаженство, вторых — сожжение живьем в земном мире и вечные муки в загробном.

Средневековая церковь со всеми ее атрибутами была не только громоздким, но и очень дорогим учреждением. Однако короли и феодалы шли на затраты, получая взамен нечто неизмеримо большее — высшую санкцию на свое господство. И поэтому, если иногда даже и вспыхивали распри между светской и духовной властью (например, между папами и императорами), то они всегда заканчивались примирением, причем церковь и папство неизменно оказывались в выигрыше. Пик могущества папской власти приходится на понтификаты Григория VII (1073—1086) и Иннокентия III (1198—1216). Первый изъясил из рук светских властей назначение духовных лиц и установил единый порядок избрания пап конклавом кардиналов, второй сформулировал теократическую доктрину верховенства духовной власти над светской и создал разветвленный агентурный аппарат и порядок управления католическими странами. Отныне папский Рим не только распоряжался коронами европейских монархов, но и получал огромные доходы за счет поборов с «вассальных»

государств. Кроме того, в результате организованного им четвертого крестового похода (1202—1204), Иннокентий добился сокрушения Византийской империи и кратковременного присоединения под власть папского Рима православной церкви (1204—1261). Это был предел, выше которого папская власть уже никогда не поднималась.

Однако вскоре всем этим успехам пришел конец. По мере того как активизировался процесс консолидации крупных государств в Европе и усиливалась королевская власть, политическое значение папства неуклонно падало. В централизованном национальном государстве сильный монарх, не желая делить власть с соперником, всегда стремился поставить церковь в зависимое положение и, как правило, преуспевал в этом. Столкновение Филиппа IV Красивого с папой Бонифацием VIII и победа французского короля свидетельствовали о том, что наступили новые времена, и о былом могуществе Рима мечтать не приходится. Время понтификата Бонифация VIII (1294—1303) стало началом крушения могущества папской власти и прологом упадка католической церкви в целом. Уже вскоре после смерти этого папы последовало «Авиньонское пленение», в результате которого римским понтификам пришлось в течение 70 лет (1309—1378) жить на чужой территории, оставаясь фактически пленниками французского короля. Но и после этого положение пап не улучшилось и деградация католицизма пошла быстрыми темпами... Когда автор книги о Лютере уверяет нас в том, что накануне Реформации в католической церкви все обстояло более или менее благополучно, он умышленно умалчивает о тех диких безобразиях, которые происходили здесь в ходе всего XV века и которые должны были в корне подорвать прежнюю слепую веру населения Запада в своих духовных пастырей и их заветы.

Все началось с конца «Авиньонского пленения» (1378). Папа получил возможность вернуться в Рим, но французские кардиналы избрали своего папу в Авиньоне. Оказалось одновременно двое пап — итальянец и француз, — каждый из которых считал себя единственно законным и предавал анафеме другого. Так начался «великий раскол» в католической церкви (схизма). Европа была повергнута в шок. Население не знало, кому верить и за кого молиться. Часть государств (Италия, Польша, Венгрия, Англия, Германия, Скандинавия) признала римского архипастыря, часть — авиньонского (Франция, Испания, Шотландия, Южная Италия). Поскольку создавшееся положение стало угрожать феодальным устоям всего общества, а к этому прибавилась еще новая «ересь» — выступление Яна Гуса против папства за создание национальной чешской церкви, — князья и прелаты решили незамедлительно созвать собор, чтобы официально

покончить со всеми неприятностями. Собор был созван в Пизе в 1409 году и не дал результатов: отцы собора избрали нового папу, но двое прежних и не подумали подчиниться, в результате чего теперь уже трое первосвященников проклинали и объявляли «антихристами» друг друга^[4]. Понимая, что дальнейшее промедление, усиливая «соблазн для верующих», может быть чревато полной катастрофой, сильные мира во главе с самим императором созвали в 1414 году новый, весьма представительный собор в Констанце. На важность этого мероприятия указывает уже и то, что собор заседал четыре с лишним года (до 1418). Собравшиеся поставили перед собой три основные задачи: 1) покончить со схизмой; 2) расправиться с гуситской «ересью» и 3) сделать впредь подобные «бесчинства» невозможными. Казалось, задачи эти удалось выполнить. Все трое прежних пап были низложены, их сменил новый, единственный папа, избранный собором. Ян Гус, несмотря на охранную грамоту, данную ему императором, был осужден и сожжен. Князья и прелаты вынесли решение, что «собор выше папы» и может решать любые теологические конфликты любого уровня. Но победа оказалась непрочной. Казнь Гуса положила начало гуситскому движению, ставшему прологом Реформации. Вновь же избранный папа, Мартин V, отказался признать решение о приоритете собора и поспешил распустить его. Правда, этим дело не кончилось. Упорствующие «реформаторы» собрались в 1431 году на новом соборе, в Базеле, где опять провели постановление о верховенстве собора. Но папа предал собор проклятию и в противовес ему созвал свой собор во Флоренции. В ответ Базельский собор объявил папу низложенным и выбрал своего. Опять оказалось двое пап и в придачу к ним два собора... Однако на сей раз «флорентийский» папа, Евгений IV, оказался достаточно энергичным, чтобы распустить базельцев и низложить своего соперника. Мало того, он сделал еще одну, последнюю попытку, используя тяжелое положение Византии, которой угрожали турки-османы, подчинить своей власти православную церковь («Флорентийская уния», 1439). Но и эта попытка провалилась. В 1453 году турки овладели Константинополем, Византия пала, а ее преемница, Россия, не признала унии...

В целом соборное движение XV века — эта судорожная попытка подреформировать церковь сверху — закончилась полным провалом.

Евгений IV (1431—1445) открыл собой эру правления десяти пап периода Ренессанса. Ренессанс... Одно это слово вызывает представление о чем-то радостном, светлом, возвышенном. Однако все подобные понятия не имеют никакого отношения к римским первосвященникам этого периода, покрывшим несмываемым позором и католическую церковь, и свое

высокое звание. И. Гобри упоминает с укором лишь двоих из этой «славной» десятки, а именно Юлия II и Льва X. Но эти двое были агнцами по сравнению с остальными, о которых тот же Гобри предпочитает умолчать. Так, Сикст IV (1471—1484) навеки заклеил себя введением свирепой испанской инквизиции, Иннокентий VIII (1484—1492) «прославился» жуткими ведовскими процессами, в результате которых на костер были отправлены тысячи беззащитных жертв, а что касается «знаменитого» Александра VI (1492—1503), то он вошел в историю как чудовище разврата и мастер кровавых преступлений...

Был ли этот нараставший паноптикум маразма и разложения следствием какого-то стечения обстоятельств и случайных причин, как считают некоторые защитники католицизма? Нет, история подобных «случайностей» не знает. Это был закономерный процесс, лишь отражавший внешне те глубинные социально-экономические явления и сдвиги, которыми жила в то время Западная Европа.

Феодальная католическая церковь, бывшая идейной санкцией средневекового общества, могла существовать и процветать до тех пор, пока господствовала ее материальная основа — феодальный строй. Но уже в XIV—XV веках сначала в средней Италии и Фландрии, а с конца XV века и повсюду в Европе началось формирование нового класса, постепенно захватывавшего в свои руки экономику, а затем устремившегося и к политической гегемонии, — класса буржуазии. Новому классу, претендующему на господство, нужна была и новая идеология. Собственно, она не была такой уж и новой: буржуазия вовсе не собиралась отказываться от христианства. Но ей было нужно вовсе не то христианство, которое обслуживало старый мир; новая религия должна была отличаться от католицизма в первую очередь простотой и дешевизной: меркантильной буржуазии деньги были нужны не для того, чтобы бросать их на ветер, строя величавые соборы и проводя пышные церковные службы, а для того, чтобы, вкладывая их в «дело», создавать и приумножать свои разрастающиеся предприятия. И в соответствии с этим становилась не только ненужной, но и просто вредной вся дорогостоящая организация церкви с ее папой, кардиналами, епископами, монастырями и церковным землевладением. В тех государствах, где сложилась сильная королевская власть, идущая навстречу национальной буржуазии (например, в Англии или Франции), католическая церковь особыми декретами была ограничена в своих претензиях и этим на время спасена от гибели. В Германии же, где центральная власть была призрачной и папская курия получила возможность хозяйничать, как в своей вотчине, католическая церковь с ее

бесконечными поборами и вымогательствами вызывала всеобщую ненависть, а непристойное поведение первосвященников многократно эту ненависть усиливало. И поскольку теперь для всех было очевидно, что церковь эта, «порочная во главе и членах», не может больше существовать в своем прежнем виде, а попытки подправить ее, идущие сверху, потерпели полный провал, взрыв оказался неминуемым. Он и произошел в 1517 году, и был вызван не кем иным, как осторожным и богобоязненным Мартином Лютером.

В законченном виде учение Лютера сложилось из двух составляющих: 1) человека спасают от дьявола и ада не обряды, а вера в Бога; и 2) в основе религии и церкви должно лежать не Священное Предание, а Священное Писание. Эти, на первый взгляд, довольно абстрактные положения в конкретной обстановке XVI века получили глубокий социальный смысл. Отрицая обряды и признавая лишь веру в Бога, Лютер фактически отрицал католическую церковь как идеологию, поскольку она на 90% состояла из обрядов. Призывая же к Священному Писанию как единственному источнику христианской религии, Лютер уничтожал католическую церковь как организацию, поскольку Евангелие не знает ни пап, ни епископов, ни аппарата церкви, ни индульгенций, ни всего остального, что составляет основы католической церкви. Таким образом, в своей совокупности оба эти положения вели к полному отказу от католической церкви и замене ее более простой — евангелической церковью.

Легко понять, какой социальный эффект вызвало выступление Мартина Лютера в Германии! В течение нескольких дней он стал самым популярным человеком в стране и самым страшным еретиком в глазах папы и клира. Вряд ли подобная популярность могла его обрадовать. Лютер не был ни борцом, ни героем. Больше того: он совершенно не представлял себе поначалу, к чему может привести его учение. Прошло немного времени, и, видя, что происходит, он стал потихоньку поворачивать назад, «уточняя» свои принципы, отказываясь от «крайностей» и во многом сближаясь с той самой церковью, которую поначалу начисто отверг. Но было уже поздно. Реформация началась и набирала силу. По всей Германии орудовали проповедники новых идей. Вслед за Лютером выступил Кальвин. И вскоре протестантизм уже одерживал победу за победой в значительной части Европы, включая Англию, Шотландию, Нидерланды, Швейцарию, Данию, Швецию, Норвегию и Восточную Прибалтику. Вот о чем следовало бы хоть мельком упомянуть И. Гобри и о чем он говорить явно не желает. Зато он достаточно подробно говорит о другом.

Подвергая проклятию дело Лютера, автор книги громогласно

восхваляет то, что историки называют обычно «Контрреформацией». Разумеется, Гобри и слышать не желает о подобном термине, наоборот, он утверждает, что именно в ответ на лютеровские безобразия и начались подлинные реформы католической церкви. В качестве главного «реформатора» Гобри выделяет папу Павла III (1534—1549), о деятельности которого повествует прямо-таки в элегических тонах. Этот замечательный подвижник во имя идеи «вернул к первоначальной чистоте» церковь, укрепил ее положение, восстановил сознательную дисциплину, сделал церковь унитарной и образцовой, что само по себе могло превратить католицизм не только в господствующую, но и в единственную церковь Запада. Впрочем, из конкретных реформ Павла III Гобри называет только две: создание ордена иезуитов (1540) и созыв Тридентского собора (1545), на который «великодушный» папа пригласил даже своих врагов лютеран (благоразумно уклонившихся от явки). Что касается собора, то заседавший очень долго (до 1563 года), на первом этапе он ничем особенным себя не проявил; венцом же его деятельности стало провозглашение тезиса о «непогрешимости папы», согласно которому папская власть объявлялась не только выше всех духовных, но и выше всех светских властей, а каждое слово папы становилось непреложной истиной^[5]. Кроме того, были подтверждены старые положения о таинствах, о поклонении святым, об индульгенциях и т. п.

А вот орден иезуитов вскоре получил мировую известность. Иезуиты имели одну только цель, утверждает Гобри, — «служение Богу». Как же они несли эту «службу»? Деятельность «братьев Иисуса» слишком хорошо известна, чтобы строить здесь какие-то иллюзии. Проникая во все поры общества протестантских стран, захватывая в свои руки школы и просвещение, иезуиты провоцировали монархов и их подданных к возвращению в лоно католической церкви, угрожая в противном случае ядом и кинжалом и идя «при необходимости» даже на цареубийство. За два века своей деятельности орден настолько «зарекомендовал» себя, что папа Климент XIV под нажимом королевских дворов Португалии, Испании и Франции оказался вынужденным его распустить (1773)^[6]. Назвав эти две «реформы», Гобри забывает о третьей и главной: именно кроткий Павел III в 1542 году, продолжая начатое Сикстом IV, учредил в Риме центральный инквизиционный трибунал, у которого было большое и, скажем прямо, мрачное будущее...

Так в целом выглядели «благодетельные», по выражению Гобри, «реформы», которыми католическая реакция ответила на Реформацию. Они

вызвали естественное озлобление и возмущение протестантов. Это привело в ряде стран к массовым кровавым столкновениям, известным под именем «религиозных войн». Они завершились только в середине следующего века общеевропейской Тридцатилетней войной (1618—1648), приведшей, наконец, несмотря на вызванную ею разруху, к более или менее устойчивому политическому и религиозному размежеванию. Впрочем, все это уже выходит за рамки книги Гобри.

Заканчивая, хочется еще раз вернуться к началу. За долгие годы своего существования серия ЖЗЛ создала разные типы произведений. Были здесь и биографии-документы, и биографии-очерки, и биографии-повести, и биографии-размышления. А сегодня читатель получает еще одну разновидность — биографию-памфлет. После всего, что было изложено на предыдущих страницах, может возникнуть вопрос: а нужна ли нашему читателю подобная книга? Лет двадцать назад, когда у нас в литературе господствовала однозначность, когда все делилось на «белое» и «черное», сказали бы: нет, не нужна. А сегодня скажем: несомненно, нужна. Нужна потому, что только в споре и сопоставлении различных точек зрения рождается истина, ибо всякая критика, пусть даже гиперкритика, несет в себе здоровые элементы, способствующие лучшему пониманию существа вопроса. Нужна потому, что здесь с традиционного образа Лютера сдергивается сусальный покров и лучше высветляются его чисто человеческие качества, а также его приемы и методы действий как идейного вождя Реформации. Одновременно яснее становится внутренний облик ряда лиц, его окружавших, — Меланхтона, Карлштадта и других. К тому же приходится добавить, что наша отечественная литература крайне бедна работами о Лютере. А потому, написанная крупным специалистом-историком, к тому же написанная вдумчиво, остро и с чувством, книга И. Гобри, не сомневаемся в этом, будет с пользой и удовольствием прочитана каждым любителем неординарного чтения.

А. П. Левандовский

Часть первая
В ЛОНЕ ЦЕРКВИ (1483-1520)

1.

БЕЗРАДОСТНОЕ ДЕТСТВО (1483-1501)

Мартин Лютер родился в Саксонии, в городе Эйслебене, 10 ноября 1483 года, около полуночи. Впрочем, уверенности относительно этой даты у нас нет. Много лет спустя, когда Меланхтон расспрашивал старушку мать об этом событии, день она помнила точно, а вот насчет года сомневалась. Да и сам Лютер называл в качестве даты своего рождения иногда 1483, иногда 1484 год. Основываясь на его словах, разные авторы, в том числе его ближайший сподвижник Меланхтон, склонялись скорее к последнему варианту. Правда, руководствовались при этом они отнюдь не стремлением к исторической точности. Просто Меланхтон увлекался астрологией, а для доказательства исключительности судьбы его учителя более «подходящим» казалось расположение небесных светил в год от Рождества Христова 1484-й. Вполне вероятно, что и Лютер впоследствии соглашался с этой датой по той же самой причине. Однако в самой ранней юности, а затем и позже он решительно заявлял, что родился все-таки в 1483 году. То же самое, кстати сказать, утверждал и его брат Якоб. Как бы там ни было, уже на следующий день ребенка окрестили в церкви святого Петра. Поскольку на 11 ноября выпадает день святого Мартина, то именно это имя и получил мальчик при крещении.

Саксония, с 1423 года получившая статус курфюршества, возглавляемого герцогом Фридрихом I Воинственным, в 1464 году подверглась разделу между двумя внуками последнего: Эрнст получил западную часть (Саксонию-Виттенберг и Тюрингию) и титул курфюрста, а Альбрехту досталась восточная часть (Дрезден и Лейпциг) и, соответственно, титул герцога. В состав Саксонии вошли также суверенное архиепископство Магдебургское и суверенные епископства Хальбредштаттское, Мерзебургское и Наумбургское. Граф Мансфельд, во владениях которого увидел свет Лютер, считался вассалом курфюрста.

Родители Мартина — Ганс Лютер и Маргарита Циглер (или Линдемманн, что с точностью не установлено) — принадлежали к числу тех молодых супружеских пар, которых лишила родных корней и швырнула в новые места волна экономических перемен, бушевавших в Саксонии. Оба они происходили из крестьян, владевших кое-какими наделами в Мехре, близ тюрингского города Эйзенаха, и оба решили уехать из деревни и попытать счастья в городе. В Эйслебене в это время как раз начинали

добычу меди, и сюда стекалось множество таких же, как Лютеры, вчерашних крестьян, мечтавших о лучшей доле. Некоторые исследователи связывают отъезд Ганса Лютера из родной деревни с преступлением, которое он якобы там совершил. Повздорив на меже с другим крестьянином, он вроде бы даже убил его, вследствие чего ему пришлось спасаться бегством. Возможно, историку-протестанту этот эпизод покажется оскорбительным для памяти Реформатора, но, если задуматься, разве не перекликается он с историей Моисея, также вынужденного скрываться после убийства надсмотрщика? С другой стороны, Эйслебен находился слишком близко от Мехры, чтобы убийца мог надеяться, что его не достанет здесь рука правосудия. Наконец, и возникла эта версия слишком поздно, чтобы мы могли отнестись к ней с полным доверием. Верно, Ганс и его жена действительно бежали из деревни, вот только бежали они, вероятнее всего, не от скорого суда односельчан, а от бедности.

Крестьяне не в первом поколении, в родной Мехре и ее окрестностях Лютеры пользовались вполне приличной репутацией. Эту фамилию мы встречаем в разных написаниях, что во времена, когда царила изустная традиция, а орфография еще не устоялась, было вполне обычным явлением. Вероятнее всего, основоположником рода следует считать человека по имени Лотар, образованному от французского Лотарь и восходящему, в свою очередь, к латинскому Лотарий. Это имя носили многие германские владетельные князья, в том числе император Лотарь Супплимбургский, правивший с 1125 по 1133 год и происходивший из саксонских сеньоров. Возможно, именно при нем предки Мартина и получили свое родовое имя. В дальнейшем оно видоизменялось, и случалось, что члены одной и той же семьи прозывались кто Лудер, кто Людер, а кто и Луидер. Сам Мартин подписывался поочередно как Лудер, Людер или Лотер. Лишь после 1517 года он окончательно остановился на известном нам написании своей фамилии и стал Лютером.

Жизнь у молодой пары складывалась нелегко. «Поначалу, — писал впоследствии Мартин, — мои родители жили очень бедно. Матери, чтобы прокормить нас, приходилось таскать на спине из леса вязанки хвороста. Они делали такие вещи, каких сегодня уже никто не стал бы делать». Тяжелой жизнью можно объяснить те суровые и одновременно распущенные нравы, которые царили среди рудокопов, придерживавшихся жизненного принципа: «Трудная неделя — веселое воскресенье». Большинство из них в выходной пропивали скудную выручку, заработанную днями тяжкого труда. И Ганс Лютер, как свидетельствует его сын, не избежал общей привычки. Правда, в отличие от многих других, он

не впадал при этом в черную тоску и не лез драться, а, напротив, делался чрезмерно оживленным и разговорчивым, хотя в остальное время слыл человеком скорее мрачным. Воскресные развлечения, впрочем, нисколько не мешали ему оставаться суровым в отношениях с домашними, для которых он не признавал никаких «нежностей». Из рассказов Мартина мы узнаем, например, что однажды отец так отлупил его, что ему пришлось убежать из дома. Справедливости ради отметим, что подобные методы воспитания пользовались в те времена самой широкой популярностью, а в Германии больше, чем где бы то ни было. Да и мать Лютера, которую он превозносил за редкостную добродетель, без колебаний хваталась за плетку и стегала сына до крови за украденный орех.

Забияк в их крестьянской породе хватало. Родной брат Ганса Лютера (его звали так же, как старшего брата, а потому в официальных бумагах, чтобы избежать путаницы, его именовали Гансом-младшим) неоднократно представлял перед судом за особую любовь к потасовкам в трактирах и кабаках. То он неосторожно «поиграл» ножичком, то в кровь разбил кому-то физиономию, то треснул кого-то из собутыльников пивной кружкой по голове. Не лучше вел себя и Польдер, племянник Ганса, который тоже отличался задиристым нравом и, стоило ему напиться, немедленно лез в Драку.

Настало лето 1484 года, и привычная бедность Лютеров понемногу начала оборачиваться настоящей нищетой. Не исключено, что ее усугубило рождение младенца, связавшего Маргарите руки и лишившего ее возможности приработка. Наверное, до Лютеров дошли слухи о том, что неподалеку, в Мансфельде, всего в двух лье от Эйслебена, рудокопы жили немного лучше, чем здесь. Они решились бросить свою каморку в доме на улице Лонгю и попытать счастья в соседнем городе. В Мансфельде действительно сосредоточился тогда центр меднорудной добычи: руду добывали в окружавших город холмах и тут же, на месте, в новеньких плавильнях, превращали в металл. По внешнему виду город, наверное, напоминал современный бидонвиль — с единственной центральной улицей, беспорядочно застроенной домишками, число которых росло по мере того, как прибывали новые рабочие. Дворяне селились в цитадели, окружавшей графский замок, — он просуществовал здесь до самого 1944 года. Благородное сословие отнюдь не воротило нос от развивающейся промышленности. Прекрасно понимая, что от ее успеха зависит благополучие графства, оно, напротив, всеми силами старалось способствовать ее процветанию.

Эксплуатацией рудников занималась буржуазия, но в ее отношениях к

рабочим прослеживалась определенная человечность, не допускавшая, чтобы люди трудились задаром. Вот почему наниматель Ганса Лютера, человек по имени Ганс Лютгих, оценивший усердие и ответственность нового работника, вскоре одарил его всяческими милостями и даже сделал совладельцем нескольких плавилен. Так Ганс Лютер из крестьянина и рабочего совершил переход в сословие бюргеров. Условия жизни рабочих в Мансфельде, конечно, оставались суровыми, но все-таки тот, кто умел и хотел работать, мог надеяться на лучшую долю.

Надо думать, что именно эта надежда да еще упорная вера помогли Лютерам продержаться первые годы, особенно трудные потому, что вскоре к маленькому Мартину добавились многочисленные братья и сестры. Лютеры обзавелись еще по меньшей мере четырьмя сыновьями и тремя дочерьми, — точнее историкам установить не удалось.

Наибольшая известность досталась на долю Якоба, который ближе остальных детей дружил с Мартином в детстве и поддерживал с ним тесную связь в дальнейшем. Два других мальчика умерли рано, а факт существования девочек стал нам известен благодаря именам их будущих мужей — зажиточных мансфельдских бюргеров Польдера, Макенрода и Кауфманна.

...Ранним утром Мартин отправлялся в школу. Сколько лет ему было в это время, неизвестно, однако сам он позже рассказывал, как кто-нибудь из старших брал его на руки и нес до школы и обратно. Разумеется, не следует думать, что так происходило каждый день, скорее всего, ему просто помогали преодолевать самые трудные участки пути, например в сильные морозы, или просто жалели, когда маленький Мартин особенно уставал. Да и здание школы располагалось буквально в нескольких шагах от отчего дома, на той же самой улице. Еще и сегодня в Мансфельде можно видеть оба эти здания — на одном красуется табличка «Школа Лютера», на другом — «Дом Лютера». Над дверью последнего выбиты инициалы Якоба Лютера, в свое время унаследовавшего дом от отца.

По какой программе учили в этой школе? Первым делом шли письмо и чтение, затем начиналась латынь — язык межъевропейского общения, язык традиции, язык высшего образования и духовной жизни вообще, которым пользовалась не только Церковь (лишь свободное владение латынью позволяло читать Писание и сочинения Святых Отцов, учебники богословия и официальные документы, издаваемые папой и епископами), но и судьи, адвокаты, медики и весь деловой мир. В течение первого года обучения дети корпели над склонениями и спряжениями, разбирали простые и вместе с тем поучительные тексты: десять заповедей,

ежедневные молитвы.

Основные положения религии, изложенные на латыни, содержались в катехизисе, который юный Лютер освоил очень быстро. Ученик и восторженный почитатель Лютера Матезий, автор «Истории», уверяет нас, что подобный катехизис «благодаря Господу хранился в каждой церкви». Большое значение для тренировки памяти имело и пение на латинском языке, благодаря которому между церковью и школой устанавливалась непосредственная, живая связь. Грамматика помогала лучше постичь смысл литургии, и наоборот; религия и образование удачно дополняли друг друга. Постепенно ученики запоминали несложные в языковом и мелодическом отношении молитвы, например литании святым и Богородице (так называемые литании Лоретты), а также более трудные псалмы Вульгаты^[7], латинские переводы библейских текстов, выполненные св. Иеронимом, гимны и стихи, сложенные в V—XIII веках. Их поэтическая форма и мерный ритм помогали памяти проникнуться самым духом латинского языка, а сердцу — искренним религиозным чувством. «Папизм, — напишет позже Лютер, — пользовался красивой духовной музыкой». Одновременно с этим ученики принимали активное участие в богослужении. Так, мансфельдские школяры пели в хоре церкви Святого Георгия.

Увы, наряду с этой замечательной методикой, сочетавшей потребности разума и души, помогавшей детям приобщаться к священным тайнам и воспринимать латынь как живой язык, здесь же царила совершенно чудовищная педагогика, практически сводившая на нет все перечисленные достоинства обучения. В школьных классах властвовала ферила^[8]. Дурацкий колпак, который в отдельных заведениях благополучно дожил до XX века, конечно, выглядел унижительно, но, нацепленный на голову какого-нибудь особенно упрямого лоботряса, все-таки приносил известную пользу. Гораздо хуже было другое. Мансфельдский наставник, судя по всему, весьма ограниченный, зато наделенный неограниченной властью человек, похожий, впрочем, на многих немецких учителей, сурово карал всех подряд за малейшую провинность, будь то грамматическая ошибка или непослушание. В своих «Застольных речах» Лютер вспоминает, как однажды в один и тот же день за разные проступки 15 раз подвергся «палочному воспитанию». Однако, как мы уже успели убедиться, к такой чрезмерной строгости никому и в голову не приходило относиться как к чему-то из ряда вон выходящему. Разве не к тем же самым «убойным» аргументам прибегали для доказательства своей правоты родители

учеников? Чего же следовало ожидать от учителя, который, по сути дела, являл собой их полномочного представителя?

Некоторые историки лютеранства, до небес превозносящие добродетельную строгость набожных родителей Лютера, громко возмущаются теми методами воспитания, которыми пользовались его учителя. Верно, детство его прошло в атмосфере страха и подавленности, но все-таки винить в этом следует прежде всего семью. Именно в семье происходит становление личности ребенка, а школа, при всей своей важности, играет лишь вспомогательную роль. Из собственных признаний Мартина мы узнаем, что отсутствие взаимопонимания с родителями постепенно привело к тому, что в душе его прочно обосновался хронический страх — *pusillanimitas*. Но поскольку жизнь его протекала в глубоко религиозном мире, где буквально всё — школа, семья, церковный быт — вращалось вокруг идеи долга перед Отцом Небесным, а уклонение от исполнения этого долга неизбежно вело к вечной каре, то неудивительно, что первые же его представления о религии оказались окрашены чувством суровой беспощадности. Образ Отца Небесного преломлялся в его душе в виде бесконечного продолжения облика его собственного, вполне реального, земного отца. «Ребенком, — вспоминал он, — я не мог без тоски читать слова Второго псалма: «Служите Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом».

Никто ведь ему не объяснил, что страх, о котором говорится в Писании, следует понимать как почитание Божьей власти, как благодарную признательность, как потрясение перед Его величием, как основу поклонения Богу. Именно поэтому Отцы Церкви и придают этому страху такое значение. Климент Римский называл его «великим и спасительным», Кирилл Александрийский — «очищающим и спасающим», Иоанн Златоуст видел в нем «сокровище, стоящее всех иных богатств». Другие духовные наставники, жившие в ту эпоху, например Диадох Фотийский, Дорофей или Максим, подчеркивали, что следует различать страх новичка, который обращается к Богу, потому что боится наказания, и страх посвященного, который отдается Божьей воле, потому что боится утратить Его любовь.

Вполне возможно, что Мартину Лютеру от природы досталась предрасположенность к пугливости и меланхолии, ведь воспитывали тогда всех одинаково, однако далеко не на всех это воспитание оказало столь решающее влияние. С другой стороны, вероятно, люди, родившиеся с такими же, как у него, задатками, росли и развивались в более спокойной и теплой обстановке. Очевидно одно: суровое воспитание наложило неизгладимый отпечаток на личность Мартина Лютера. Все раннее детство

прошло для него без ласки и радостей, под присмотром людей, которые его, конечно, любили, но никогда и ничем эту любовь не проявляли и, заботясь о вечном блаженстве, меньше всего пеклись о его сиюминутном счастье. Они стремились внушить ему верные принципы, но не ведали для этого иных путей, кроме словесного убеждения и строго отмеренного наказания. Разумеется, в таких условиях очень трудно постичь, что Бог — это прежде всего любовь. Болезненное приобщение к христианству в самой нетерпимой его форме состоялось помимо воли Мартина Лютера, но образовавшийся в результате душевный нарыв теперь только начинал зреть. Прорвется он, как мы увидим, гораздо позже, уже в монастыре.

А ведь помимо страха Господня оставался еще страх перед дьяволом! Вспомнив об этом, мы поймем, как тяжело ему приходилось. Дьявол, по представлениям окружавших его крестьян и рудокопов, присутствовал повсеместно. Эти представления, доставшиеся им в наследство от манихейства, хотя сами они об этом, конечно, не подозревали, заставляли их во всех своих несчастьях, включая самые естественные, видеть козни адских сил. Лютер впоследствии вполне серьезно рассказывал, как долго болела его мать, которую сглазила соседка, водившая шашни с бесом. Пришлось идти к соседке на поклон с дарами, и лишь тогда болезнь отступила. Точно так же, когда умер младший брат Мартина, родители и все их знакомые поспешили объяснить загадочную, по их мнению, смерть мальчика порчей.

Между тем, несмотря на всю свою мечтательность и запуганность, стоившую ему многих тычков, несмотря на вечную погруженность в самого себя, вызванную полным безразличием окружающих, юный Мартин демонстрировал такие успехи в учении, что к 13 годам ему стало решительно нечему учиться у наставника с ферулой. Выбравшийся из нищеты Ганс Лютер ни в коем случае не хотел, чтобы его дети познали нужду. Раз Мартин такой способный, рассудил он, пусть учится дальше. К сожалению, в Мансфельде не было другой школы, кроме начальной. И в 1497 году, на Пасху, мальчика отправили в Магдебург — крупный город на севере Саксонии, центр торговли, столицу архиепископства, в изумительный готической собор которого толпами стекались верующие, желавшие поклониться гробнице Отгона Великого. Магдебург отстоял от Мансфельда примерно на 20 лье. Как именно проделал Мартин этот путь, мы не знаем. Никаких подробностей об этом путешествии не сохранилось, известно лишь, что ни мать, ни отец, погруженные в работу и домашние хлопоты, участия в нем не принимали, а сопровождал Мартина еще один мальчик, возможно, чуть более старшего возраста. Его звали Ганс Райнеке,

и дружбу с Мартином он сохранил на всю жизнь.

В Магдебурге действовали сразу две латинские школы — францисканская и лоллардская. Лоллардами в народе называли монахов из Виндешейма, подчинявшихся уставу ордена св. Августина. Смысл их миролюбивого духовного учения, позже названного новейшим благочестием, заключался в том, что они отказались от сложных умозрительных построений, взывавших прежде всего к разуму, и проповедовали простое, не отягощенное рассуждениями богопочитание, свободное от строгих предписаний. Иначе говоря, они обращались не к уму, а к сердцу, и святость их пользовалась самой лучшей репутацией. Именно к ним и поступил учиться Мартин.

Помог ему с поступлением и принял его у себя официал архиепископской курии Пауль Мосхауэр, уроженец Мансфельда. Несомненно, это последнее обстоятельство сыграло решающую роль в выборе Лютером-отцом места для учебы Лютера-сына: стараниями знакомого Мартин получил здесь и стол, и квартиру. Не менее очевидно и то, что у новых своих покровителей мальчик обрел наконец то душевное тепло, которого ему так не хватало в Мансфельде. Тем не менее ровно через год он снова вернулся в отчий дом. Что случилось за этот год? Кун, например, считает, что его выгнала домой нужда. Странная версия! Ведь у Матезия мы читаем, что он был сыном «почтенных и зажиточных родителей», к тому же нам известно, что крышей над головой и пропитанием его обеспечивал весьма высокопоставленный церковный служитель. Кун опирается на следующее высказывание Лютера: «Я просил милостыню под дверями домов». Это так, но дело в том, что братия требовала неукоснительного исполнения этого обряда от каждого ученика, а весь доход распределяла затем в пользу бедных. С протянутой рукой ходили и самые обеспеченные из школяров, получая таким образом урок смирения. Да и сам Лютер говорил позже в одной из своих проповедей: «Не мешайте сыновьям вашим учиться, даже если им приходится выпрашивать кусок хлеба. Разве не пристало детям простых людей в страдании подниматься из грязи? Вы ведь даете Господу необтесанное полено, из которого Он сотворит человека». Гризар, в свою очередь, полагает, что причиной срочного отъезда стали финансовые трудности, омрачившие жизнь магдебургской братии. Но будь это так, последствия затронули бы тех, кто жил при монастыре на полном пансионе, а Лютер обучался экстерном. Пожалуй, лучше всего честно признаться, что нам неведомо, почему он вернулся в родное гнездо.

Во всяком случае, для Мартина наступало время, когда уроки ему

начинала давать сама жизнь. Гуляя по улицам Магдебурга, он нередко сталкивался с главой францисканцев братом Людвигом, в прошлом Вильгельмом, последним принцем Ангальтским. Бывший принц тоже учился смирению и тоже ходил с сумой по дворам. От двери к двери его нищенская торба все заметней тяжелела, но Людвиг никогда не позволял сопровождавшему его брату, крепкому здоровяку, помогать себе. В городе хорошо знали этого монаха, который читал суровые проповеди и с усердием заботился о бедных.

Вскоре после возвращения Лютера в Мансфельд здесь случилось важное событие — тяжело заболел граф. Ганс отправился бдеть у одра суверена, а вернувшись домой, пересказал жене и детям последние слова умирающего: «Я покидаю этот мир, веруя в горькую муку и смерть Господа нашего Иисуса Христа». Итак, проповедь Страстей Господних и Крестной муки, на протяжении трех столетий творимая францисканцами, как и кроткая и смиренная вера в Иисуса, которую несли лолларды, как мы видим, достигла и сердец мирян, видевших в новейшем благочестии источник душевного покоя.

Что касается дальнейшей учебы Мартина, то воля отца оставалась непреклонной. Образование следовало продолжить во что бы то ни стало. Один из его двоюродных братьев, Конрад Гуттер, служил пономарем в церкви св. Николая в Эйзенахе. Конечно, пономарь — не официал, но зато в многодетных семьях хорошо знают, что такое чувство локтя, а люди скромного звания часто щедростью натуры превосходят богачей. Правда, Эйзенах находился в два раза дальше от Мансфельда, чем Магдебург, но расположенная здесь школа св. Георгия гремела на всю Саксонию. Туда и отправился Мартин. Судя по всему, брат-пономарь не сумел по достоинству оценить подарок, который свалился ему на голову, потому что в дальнейшем следы этого человека совершенно теряются. Тем не менее мальчик прибыл на место и даже довольно скоро нашел себе простую и хорошо оплачиваемую работу, благодаря которой мог платить за пансион. Некий бюргер, которого звали Генрих Шальбе, нанял его водить в школу своего маленького сына. Одна из родственниц Шальбе (то ли сестра, то ли кузина), женщина по имени Урсула, жена богатого купца Конрада Котты, как-то увидела Мартина в церкви во время мессы. Набожность и красивый голос мальчика так понравились ей, что она пригласила его в свой дом и приняла, как родного сына. Для Мартина начиналась новая жизнь.

Он еще усерднее принялся за учебу. На занятия в Тривиалшуле он ходил каждый день. Ничего «тривиального», то есть популярного, в программе обучения не было, потому что свое название школа получила от

латинского «trivium», что значит «тройной путь». Составляли эту триаду грамматика, риторика и диалектика (она же логика). Школы подобного типа действовали под эгидой монастырей и епископств еще с эпохи Каролингов, теоретической же основой их учебных программ стало разработанное в VI веке учение философа Боэция. Грамматику преподавали по учебнику, написанному Донатом в IV веке, правда, снабженному комментарием Александра де Вильдье, составленным в XIII веке и озаглавленным «Doctrinale Puerorum». В Германии распространением этого сочинения занималось Братство общей жизни. Методика строилась на совершенно новом подходе к обучению языкам: вместо применения заранее известных правил ученикам предлагалось самостоятельно открывать филологические законы. Эта методика вызвала всплеск интереса к гуманитарным наукам во всем мире; именно по ней учился философ Эразм, утверждавший, что с ее помощью сумел проникнуться самым духом латыни.

В курсе риторики изучали стилистические фигуры и просодию. На пение религиозных гимнов и литургий времени отводилось значительно меньше, поскольку считалось, что эта материя уже достаточно хорошо освоена учениками в младших классах, и теперь им следовало заняться более серьезными вещами. Такими, например, как знакомство с церковным календарем. Учебник по этой дисциплине назывался «Cisio Janus» — по имени первой же главы, сокращенного латинского выражения, означавшего «первое января». Слово «cisio» происходит от латинского «circumcisio», т.е. «обрезание», что отсылало читателя к празднику Обрезания Господня. Ректор заведения Иоганн Требоний относился к своим подопечным с почтительным уважением. Входя в класс, он каждый раз обнажал голову, словно признавался, что понимает: многих из его нынешних учеников ждут блестящее будущее и высокие посты.

При всей насыщенности программы прилежным школярам хватало времени и на отдых. Мартин больше всего любил в свободные часы ходить в церковь св. Марии, где встречался с ученым Гансом Брауном, обучавшим его музыке. Этого человека он пригласил затем на свою первую мессу. Посещал он и францисканский монастырь, где благодаря семейству Шальбе, щедро жертвовавшему на нужды братии, его всегда принимали с радушием. Сыны св. Франциска обосновались в здешних местах два века назад, после того как первый провинциал^[9] немецких францисканцев Иордан де Гиано в 1225 году основал в Эйзенахе монастырь своего ордена, построенный под покровительством и на средства принцессы Елизаветы Венгерской, супруги маркграфа Людвига Тюрингского. Возвели монастырь

у подножия Вартбурга — мощной крепости, возвышавшейся над городом и составлявшей предмет гордости маркграфа. Принцесса истово посещала богослужения францисканцев и избрала себе духовника из их числа. Всю свою жизнь она посвятила молитве, заботам о бедных и обездоленных, лично ухаживала за прокаженными, раздавала свое имущество нуждающимся, одним словом, всеми силами служила добру. Когда в одном из крестовых походов маркграф погиб, его родня выставила ее из замка. Из любезного ее сердцу Вартбурга ей пришлось перебраться в Марбург, где она облачилась в серые одежды, какие носили кающиеся грешники Третьего ордена. Все наследство, оставленное мужем, она передала на строительство лечебницы и последние дни свои провела в заботах о калеках и безнадежно больных. Ей исполнилось 24 года, когда и за ней в свой черед пришла смерть.

Рассказ о скорбной, но поучительной жизни прекрасной и милосердной принцессы не мог не растрогать юного Мартина, всегда отличавшегося чувствительностью. Конечно, он не мог тогда знать, что спустя 20 лет снова приедет в крепость, спасаясь от преследований Церкви, чьи ревностно изучаемые теперь заветы он вскоре во всеуслышание отвергнет.

Пока же он прилежно постигал науки и радовался спокойной жизни, которая здесь, в Эйзенахе, казалась такой прекрасной. Он виделся с разными людьми, мужчинами и женщинами, которыми мог искренне восхищаться, не опасаясь насмешек. Может быть, здесь наконец его внутренняя жизнь наполнилась новым смыслом, о котором он и не подозревал в Мансфельде? Как знать... Обрести материнскую любовь в 15 лет, чтобы в 17 опять ее утратить — это и слишком поздно, и слишком мало. Весной 1501 года ему пришлось покинуть этот земной рай — высокоученый и утонченный Иоганн Требоний научил его всему, что знал сам. Мартина Лютера ждал университет.

2.

ЭРФУРТСКИЙ СТУДЕНТ (1501-1505)

Вернувшись в Мансфельд, Мартин не мог не заметить, что в родительском доме ощутимо запахло достатком. Отец, умелый труженик, никогда не щадивший себя в работе, вошел в число самых искусных литейщиков и занял пост одного из городских магистратов. Теперь ничто не мешало ему озаботиться блестящей карьерой для сына, которая позволила бы тому зажить богачом. Для продолжения образования Мартина решили отправить в Эрфурт, расположенный на территории Саксонии, но принадлежавший курфюрсту Майнцскому.

Эрфуртский университет, основанный в 1392 году, пользовался отличной репутацией. В первые два десятилетия своего существования он еще пребывал в тени университета Праги, где находилась тогда резиденция династии чешских Люксембургов. Действительно, Пражский университет принимал в свои стены представителей четырех народностей: чехов, баварцев, поляков и саксонцев. Это означало, что студенты из Саксонии по преимуществу обучались именно в Пражском университете, считая его «своим» и находя здесь все необходимое: пансион, соотечественников, благотворительные заведения. Но в 1409 году император Венцеслав по просьбе ректора, пост которого занимал тогда не кто иной, как Ян Гус, и идя навстречу чаяниям чешских националистов, отдал в университетском совете сразу три голоса чехам, хотя до сих пор представителям всех четырех народностей полагалось по одному. И чехи в одночасье из национального меньшинства превратились в большинство. Тотчас же и баварцы, и саксонцы покинули университет, который утратил отныне свое международное значение. В Баварии период растерянности продлился достаточно долго и завершился лишь к концу века основанием университетов в Ингольштадте и Мюнхене. Зато саксонцы почти сразу же открыли университет в Лейпциге, который привлек к себе множество блестящих умов. Вскоре часть студентов и преподавателей перебралась в Эрфурт, способствуя росту престижа тамошнего университета, который стали иногда гордо именовать «второй Прагой». Лейпциг, конечно, располагался ближе к Мансфельду, чем Эрфурт, но последний принимал гораздо больше студентов. Очевидно, по этой причине отец Лютера, наведя необходимые справки, решил отправить сына именно сюда.

Прибыв на место, Мартин первым делом вступил в корпорацию,

именовавшуюся Бурсой, членство в которой гарантировало ему все те преимущества, какими пользуются и современные студенты: доступ в университетскую столовую, дешевое (иногда и вовсе бесплатное) жилье, медицинскую помощь в случае болезни и бесплатные консультации по учебным предметам. В роли репетиторов выступали студенты старших курсов, которые возмещали таким образом свой собственный долг перед корпорацией. Эта система надолго прижилась в англосаксонских колледжах, создаваемых при университетах (правда, с меньшими финансовыми льготами), а вот в остальной части Западной Европы от нее почему-то отказались. Скорее всего, причина кроется в том, что для подобной организации учебного процесса требуется совершенно особая дисциплина. Действительно, если студент и живет, и питается, и занимается в библиотеке, и пользуется услугами репетиторов, не покидая университетских стен, он, волей-неволей, обязан подчиняться правилам внутреннего распорядка, уметь соблюдать тишину и участвовать в общественном труде. К бесспорным плюсам такой системы можно отнести экономию времени, атмосферу сосредоточенности, благотворную для серьезной работы, наконец, царивший здесь дух товарищества. Мартина вначале приняли в колледж Небесных Врат (так в литании величают Богородицу), затем он перешел в колледж св. Георгия, названный по имени приходской церкви.

Курс обучения в начале XVI века ничем не отличался от того, каким он был и за три столетия до этого, на заре появления первых университетов. Все студенты в обязательном порядке записывались на факультет искусств, представлявший собой своего рода подготовительное отделение перед поступлением на один из специализированных факультетов. На этом первом этапе обучения они приобщались к мировой культуре, знакомились с философскими учениями и оттачивали владение латинским языком. Что касается Мартина Лютера, то он успел постичь всю эту премудрость еще в Эйзенахе, а потому в Эрфурте сразу зарекомендовал себя блестящим учеником. Осенью 1502 года, то есть всего через год после поступления, он получил свою первую университетскую степень бакалавра искусств. Единственный экзамен заключался в устном собеседовании, которое длилось несколько часов кряду и которое принимали сразу несколько наставников. С успехом выдержав испытание, он вместе со степенью получил мантию и отныне мог считать себя полноправным членом сообщества. Одновременно из разряда младших студентов он перешел в категорию студентов-репетиторов.

Учебная программа на факультете искусств отличалась

энциклопедической широтой, поскольку обладатель диплома, прежде чем перейти на один из «профессиональных» факультетов (теологический, юридический или медицинский), должен был освоить все богатство мировой культуры. К «тривиуму», пройденному в Тривиалшуле, здесь добавился «квадривиум», разработанный еще Боэцием, а за тысячу лет до него самим Пифагором. В эту «четверку» входили такие дисциплины, как геометрия, арифметика, астрономия и музыка. Пожалуй, можно сказать, что если программу «тривиума» составляли гуманитарные предметы, то «квадривиум» тяготел к естественнонаучным дисциплинам, хотя строгого деления между науками, характерного для классического знания, в то время уже не существовало. Как мы видели, даже грамматика рассматривалась прежде всего с точки зрения рационального построения законов языка, так что «чтение» текстов опиралось не столько на знание правил, сколько на усвоение идей. Не удивительно поэтому, что грамматика считалась составной частью диалектики. В этом отношении Эрфурт имел богатые традиции, поскольку еще в начале XIV века, когда здесь существовала лишь школа, на базе которой впоследствии основали университет, некий Томас немало потрудился над распространением лингвистической теории Зигера де Куртре, магистра искусств Парижского университета и автора «Суммы модусов значений». Томас Эрфуртский опубликовал даже труд под названием «Умозрительная грамматика», авторство которого долгое время приписывали крупнейшему ученому-францисканцу Иоанну Дунсу Скоту, завершившему свою карьеру в Кельне. Главное содержание этого сочинения составляла идея о соответствии грамматических форм формам мышления, то есть философским понятиям.

Философия и в самом деле пронизывала всю программу обучения свободным искусствам как в рамках «тривиума», так и в рамках «квадривиума». Так повелось с поры, когда на христианский Запад через мусульманских мыслителей проникли сочинения Аристотеля. Степень бакалавра искусств и, разумеется, следовавшие за ней степень лиценциата и магистра на самом деле соответствовали диплому философа. Поскольку же сама философия послушно следовала стопами Отцов Церкви (ученых, выбивавшихся из этой традиции, было меньшинство, и их почти никто не знал), то она неизбежно рассматривалась последними как орудие защиты веры, приносящее конкретную пользу. К доводам рассудка она обращалась лишь постольку, поскольку испытывала потребность в *fides quaerens intellectum* — разумном обосновании веры. Теология, опирающаяся на Священное Писание, обращалась за помощью к философии, опиравшейся на разум, лишь от случая к случаю. Таким образом, философия и в самом

деле исполняла роль *ancilla theologiae* — служанки богословия.

Однако знакомство с творчеством Аристотеля пробудило у религиозных мыслителей интерес к вопросам, которые в Писании даже не ставились, не говоря уже о претензии на их решение. Речь шла не только об общих научных проблемах, связанных с мироустройством, но и о проблемах чисто богословского характера, например о Бытии Божиим и взаимоотношениях между Богом и человеком. В это время появился целый ряд независимых мыслителей, которые, не считая себя богословами, задавались подобными вопросами. Не делая ни малейших поползновений к отделению от Церкви или хотя бы к спорам с Церковью, они все-таки пытались найти ответы на эти вопросы, исходя из ресурсов человеческого разума. Таким образом, этот этап развития христианской мысли оказался отмечен совершенно новой особенностью, которая заключалась в параллельном существовании двух научных направлений, имевших в дальнейшем все шансы слиться в единую теорию, но пока не находивших между собой никаких точек соприкосновения. Представители каждого из этих направлений, разумеется, считали именно себя единственно правыми. Итак, философская мысль в эти времена шла за разумом, а мысль богословская следовала за верой.

Одним из типичных мыслителей подобного толка стал в XII веке Пьер Абеляр, чье учение привлекало толпы восторженных поклонников. Предложенное им видение мира как нельзя лучше вписывалось в дух любознательности, свойственный той эпохе. Впрочем, довольно скоро на пути Абеляра возник другой мыслитель, мощью своего гения легко низринувший его. Речь идет о стороннике традиционализма св. Бернаре. Позже, в XIII веке, таким выдающимся религиозным философам, как св. Фома и св. Бонавентура, удалось нащупать точки соприкосновения между упоминавшимися двумя параллелями, однако развитые ими идеи так и не смогли помешать процессу раздвоения философской мысли, окончательно оформившемуся в XIV—XV веках. Философия, опирающаяся на умозрительные рассуждения, и богословие, не признающее иных доводов, кроме веры, существовали независимо друг от друга. Новейшее благочестие, впервые заявившее о себе в Виндешаймской школе, полностью оправдывало свое название. Оно, правда, вызывало некоторый интерес у философов, строящих свои концепции помимо Откровения, однако само, проникнутое духом сепаратизма, уходило уже в самую откровенную мистику, не имевшую ничего общего с рационализмом.

С этой поры факультеты искусств, прежде рассматривавшиеся как подготовительные отделения богословских факультетов или, в крайнем

случае, как некая культурная база для будущих специалистов в области права или медицины, обрели независимость и смысл своего существования. Философия как предмет учебной программы здесь даже не упоминалась, но на практике все дисциплины, составлявшие «тривиум» и «квадривиум», по сути сводились именно к философии. С одной стороны, это объяснялось успехами в развитии рационализма, с другой — интересом к сочинениям Аристотеля, жившего, заметим, за четыре века до Рождества Христова и, следовательно, не способного ничем помочь в постижении тайны христианства. Этот процесс пробуждения мысли ни в коем случае не следует недооценивать, ведь его результатом стало открытие средневековыми философами, как до них древнегреческими, всего богатства человеческой природы и попытка его применения ко всем многообразным явлениям окружающей действительности. В рамках этой тенденции многие выдающиеся умы, от Ансельма Кентерберийского до Николая Кузанского, выступали за право свободного выражения человеческой мысли.

Не обошлось и без ложных обольщений. Заинтригованные, а порой и просто околдованные «Малой логикой» Аристотеля, а точнее, его искусством комбинировать суждения таким образом, чтобы из них с неизбежностью следовал логически убедительный вывод, университетские наставники так увлеклись этим способом рассуждений, что нередко принимали средство за цель, а поиск истины сводили к поиску аргументов. Так продолжалось до тех пор, пока папа Григорий IX, друживший со св. Франциском Ассизским, а затем и папа Иннокентий IV не наложили запрет на учение Аристотеля. Вот почему Братство общей жизни, не отказываясь от «философской» грамматики, в вопросах веры рекомендовало придерживаться простой, без затей, набожности.

Какие учителя учили Мартина Лютера на факультете искусств Эрфуртского университета? И главное, чему они его учили? Толкованием текстов древнеримских классиков со студентами занимались выдающиеся гуманисты того времени Матернус Пистерис и Иероним Эмсер. Последний был одновременно и специалистом по каноническому праву. Он придерживался достаточно передовых убеждений, чтобы обсуждать с учениками сочинения своего современника Рейхлина. Впоследствии он стал одним из противников Лютера. Греческий преподавал Николас Маршалк, первым издавший в Германии труд на этом древнем языке. Судя по всему, его уроков Лютер не посещал, потому что позже, в Виттенберге, он просил одного из бывших своих соучеников, Иоганна Ланга, заняться с ним греческим. Итак, Мартин изучал Вергилия, Овидия, Плавта, Теренция,

Горация, Ювенала. Среди университетских философов особенно выделялись Герард Геккер, Ганс Гревенштейн, Варфоломей Арнольди Юзингенский, но главным образом ректор заведения Иодо-кус Трутветтер, позже прославившийся своими «Трактатом о логике» и «Суммой философии природы». Эти и другие наставники знакомили студентов с материями, близкими к учению Аристотеля и его средневековых последователей: логикой, физикой (именовавшейся философией природы), учениями о жизни духа. В полном соответствии с веяниями времени не забывали они и о таких вещах, как астрономия и математика.

Всех эрфуртских философов связывала одна и та же общая черта. В большей или меньшей мере все они ощущали себя наследниками той гуманистической традиции, которая вслед за творившим в XIV веке Уильямом Оккамом, оставляя философию грекам, а богословие Библии, вплотную подошла к четкому разделению понятий природы и божественной благодати. В плане метафизики эта тенденция логически подводила к признанию существования двух истин: одной, питающей разум, и другой, питающей веру. В плане реальных поступков это означало, что одно и то же деяние может заслуживать порицания с точки зрения естественной морали, но быть одобряемо исходя из морали Откровения, и наоборот. Впрочем, вряд ли во времена Лютера кто-нибудь из эрфуртской профессуры рисковал заходить столь далеко. «Они, — отмечает Кун, — хранили покорность Церкви и оставались недоступными для новых идей». Нет никаких причин сомневаться в том, что они пребывали в твердой убежденности, что трудятся во благо католической религии.

Что же касается их учеников и пришедшего затем им на смену нового поколения преподавателей, то здесь картина изменилась. Среди однокашников Лютера нашлась целая плеяда мыслителей, с готовностью воспринявших учение о новом гуманизме. Их духовным лидером стал Крот Рубиан (Ганс Егер), к ним же вскоре примкнули ученик Эразма и будущий ректор Эрфуртского университета Юст Ионас, блестящий латинист Эобан Гесс, Петер и Генрих Эбербахи. Все они испытали на себе сильнейшее влияние знаменитого Муциана Руфа, получившего литературное образование в Италии, а затем поселившегося в Готе, неподалеку от Эрфурта. Этот небольшой кружок единомышленников совместными усилиями сочинил язвительный пасквиль под названием «*Epistolae obscurorum virorum*» («Письма темных людей»), формально адресованный кельнским доминиканцам, но на самом деле направленный на гораздо более широкий круг религиозных и монастырских деятелей. Авторы обвиняли богословов и проповедников в дремучем невежестве и, как

следствие, в суеверном отношении к Библии, смысла которой они не постигали.

Из этого примера ясно видно, какую позицию по отношению к Лютеру как основоположнику Реформации занимали новые гуманисты. Отвернувшись от своих учителей (тех самых, что учили и Лютера), они обратили свои силы на борьбу со схоластикой и ее методами, защищая языческий идеал науки. Во имя другого языческого идеала — нравственной терпимости и права на удовольствие — они выступили против монашеского аскетизма. Таким образом, объективно заняв место союзников Лютера в его борьбе против католицизма, по существу они руководствовались при этом совершенно иными мотивами. Они превозносили Разум, который Лютер стремился принизить; они принижали значение Священного Писания, которое Лютер превознес. Впоследствии эта разница в подходах, приводившая иногда к совпадению взглядов, а иногда к их полному расхождению, не раз заставляла Лютера колебаться, определяя свое отношение к новым гуманистам, которое из стадии искренней привязанности порой переходило в фазу жесткой неприязни. Впрочем, двое из однокашников Лютера, а именно Юст Ионас и Георг Буркхардт, называвший себя Спалатином, поскольку родом он был из Спальта, в конце концов примкнули к нему и полностью разделили его новые убеждения.

На фоне всего этого бурления идей молодой Мартин жил своей собственной жизнью, которая пока ограничивалась стремлением к успеху. Особой склонности к гуманитарным наукам он не проявил, жаркой страстью к древним языкам или философским доктринам не горел. Впрочем, он обладал выраженным чувством прекрасного, любил литературу и с удовольствием читал стихи, сочиненные давным-давно другими людьми, которые теперь открывали перед ним свою душу. Учился он хорошо и среди однокашников пользовался тем уважением, какое обычно вызывает к себе старательный, способный и скромный сотоварищ.

Однако довольным он себя не чувствовал. Мало того, снедавшая его внутренняя тревога даже как будто усилилась. Мы узнаем об этом из его «Застольных бесед». Насладившись в течение некоторого времени ощущением мира в душе, он снова впал в состояние глубокой депрессии, вызываемое чувством страха и смертной тоски перед Божьим гневом. Его постоянно преследовала одна и та же мысль: Бог ненавидит грешников, а раз он, Лютер, грешник, значит Бог ненавидит его. Он старался не поддаваться этим мыслям, повторял себе, что они есть дьявольское наваждение, но этот разумный довод не приносил облегчения. Позже он

заявлял, что сатана, задолго до людей увидевший в нем спасителя Церкви, пытался таким образом отвратить его от будущей миссии.

Утешение своим печалям он черпал в общении с друзьями и чтении Библии, которой, судя по всему, до сих пор толком не знал. Действительно, рукописные книги стоили так дорого, что полный текст Библии считался большой роскошью. В школах изучали отрывки из Библии, представленные в виде коротеньких текстов, которые ученики читали и комментировали. Когда в один прекрасный день Мартин обнаружил в университетской библиотеке том, содержащий всю Библию целиком, это стало для него настоящим открытием. Он поклялся, что обязательно раздобудет для себя книгу. Вскоре это уже не представляло труда — с рождением книгопечатания христиане его поколения получили возможность читать Священное Писание в свое удовольствие.

Еще одним утешением стала музыка. Натура артистическая и погруженная в себя, Мартин Лютер нуждался в искусстве. Вспомним, что с раннего детства все его воспитание сводилось к механической зубрежке правил и сухим нотациям. К счастью, была еще литургия. Псалмы, гимны, *kyrie* помогали излить душевную муку и дарили надежду. Матезий сообщает, что Лютер с удовольствием занимался музыкой, любовь к которой пронес через всю жизнь. Он играл на лютне и в кругу друзей охотно пел, аккомпанируя себе. Крокус писал, что в их кружке Мартин считался «музыкантом».

Но все эти многочисленные занятия, заполнявшие его дни, не могли заглушить в его сердце мучительной тоски. В чем крылась ее причина? В угрызениях нравственного толка или сомнениях чисто богословского характера? Иными словами, совершил ли Мартин некие серьезные проступки, чувство вины за которые наполняло его душу сознанием своей греховности, или ему не давала покоя мысль, что человек, включая и его самого, есть существо греховное изначально? О жизни и привычках эрфуртских студентов сохранились весьма противоречивые отзывы. Вообще в студенческой среде тех лет, особенно в Германии, царила довольно широкая свобода нравов. Официально считалось, что строжайшая дисциплина обязательна для соблюдения во всех колледжах, однако преподаватели нового поколения, не слишком требовательные к себе, не особенно допекали и студентов. Стоило выйти за порог школы, как каждый мог делать все, что ему заблагорассудится.

В городах же процветали не только питейные заведения, где рекой лились пиво и вино, но и весьма прибыльные дома терпимости, платившие налоги в городскую казну. Во всяком случае, в Эрфурте дело обстоит

именно так. Нам трудно судить, в какой мере Мартин Лютер разделял легкомысленные увлечения, свойственные определенной части молодежи, но в 1520 году его товарищ Иероним Эмсер писал ему, как будто оправдываясь: «Если и ты пал вслед за мной, то причина у нас, я думаю, одна и та же — отсутствие дисциплины, принявшее в наши дни характер привычки. Оно позволяет молодежи не бояться наказаний, вытворять кому что вздумается и считать, что все позволено».

Около 1507 года, то есть еще до того, как фигура Лютера превратилась в символ противоречий, неизвестный автор собрал под одной обложкой ряд текстов, озаглавленных «Двадцать четыре письма Лютера, его учителей и друзей по Эйзенаху и Эрфурту». Лютеру, в частности, приписывается следующее высказывание: «Человеческая слабость меня удручает. Я чувствую себя усталым и ленивым. Из-за попоек и наступающего за ними следом тяжкого похмелья я до сих пор не успел ничего ни написать, ни прочитать». Среди протестантских историков этот документ вызвал серьезные споры. Одни из них, например Дегеринг, решительно возражали против его подлинности, тогда как другие, в частности Иордане, склонялись к тому, чтобы все-таки ее признать. Что касается Куна, то его суждение категорично: «Его эрфуртская юность была настолько чистой, что никто из его многочисленных врагов так и не смог отыскать в ней ни единого темного пятна».

В самом деле, ничего скандального в том, что студент напился, а потом впал от этого в тоску, вовсе нет. Не исключено также, что он предавался и другим излишества. Так, Дургеншейм, автор небольших по объему работ, сохранивший верность католицизму, подвергал Лютера самым яростным нападкам. А что говорит по этому поводу сам Лютер? В своей «Исповеди о св. Причастии» он, обычно предпочитающий ограничиваться описанием своего психологического состояния без упоминания обусловивших его внутренних причин, обронил признание о своей «достойной порицания юности». Но всего этого слишком мало, чтобы делать выводы. Правда, богослову и суперинтенданту Реформистской церкви Тольцену этих данных хватило, чтобы заподозрить

Лютера в совершении тяжких грехов, без которых, по его мнению, невозможно объяснить его смятение.

Впрочем, все эти трудности личного порядка несколько не мешали его учебе, и 6 января 1505 года, в праздник Богоявления, успешно выдержав экзамен, Мартин Лютер получил степень магистра искусств, дававшую право на преподавание. Судя по всему, в Эрфурте предпочитали обходиться без промежуточной между бакалавром и магистром степени лиценциата,

принятой в Парижском и других университетах. Из семнадцати студентов он закончил курс вторым. На торжественной церемонии ему и остальным его товарищам вручили отличительные знаки магистра искусств — кольцо и шапочку.

Он тут же записался на юридический факультет. Отец по-прежнему настаивал, чтобы он продолжал учебу, без которой немыслима блестящая карьера, и даже начинал подумывать о выгодной женитьбе для сына. На окончание курса он привез Мартину дорогой подарок — том «Corpus Juris». Никогда не имевший ни малейшего представления о внутренних переживаниях, точивших душу сына, он пребывал в уверенности, что тот счастлив своим вступлением в самую престижную из университетских корпораций, открывавшую доступ к наиболее высокооплачиваемым должностям церковной и светской иерархии. Однако последовавшие вскоре непредвиденные события не оставили от этих радужных мечтаний камня на камне.

3.

ПОСЛУШНИК (1505-1506)

2 июля 1505 года Мартин Лютер, приезжавший домой проведать родителей, пешком возвращался в Эрфурт. Он медленно брел по дороге, истомленный гнетущим зноем саксонского лета. Едва успел он миновать деревню Штоттернхейм, как разразилась невероятной силы гроза. Тщетно оглядывался он округ, — ни одного местечка, где можно было бы укрыться от стихии! И вдруг одна из молний ударила прямо возле его ног, ослепив его и свалив на землю. Вне себя от ужаса он громко закричал: «Святая Анна, спаси меня, и я стану монахом!» Святая Анна считалась покровительницей рудокопов, вот почему объятый безумным страхом юноша вспомнил именно этот знакомый с детства образ. ...Гроза понемногу уходила в сторону, вскоре перестал и дождь.

Он поднялся с земли и ощупал себя — вроде цел и невредим, вот только нога побаливает, должно быть, вывихнул, когда падал.

До Эрфурта он добрался благополучно, но здесь на него разом нахлынули жестокие сомнения. Неужели ему и в самом деле придется уйти в монастырь? Он, конечно, знал, что некоторые монастыри пользовались в народе далеко не безупречной репутацией, а например, его отец, человек суровый и прямолинейный, и вовсе называл монахов шайкой бездельников. С другой стороны, в новых аббатствах, основанных бенедиктинцами, и в монастырях, живущих строго по уставу, — францисканских, доминиканских, августинских — каноны добродетели и верность христианским заповедям блюли очень жестко. Припомнилась ему и привлекательная фигура принца Вильгельма Ангальтского, будившая в его душе и зависть, и страх. Всплыли в памяти образы двух почтенных эрфуртских правоведов, увенчанных докторскими мантиями, каждый из которых к старости сокрушался, что прожил жизнь в миру и мечтал о монашеской рясе. Да, но ведь это значит отказ от карьеры! Ведь придется сказать прощай всем честолюбивым планам отца! Бедный отец! Он столько сделал для него! Скольких жертв ему уже стоило образование сына! Вправе ли он отмахнуться от его надежд? Да и достанет ли у него смелости послушаться отца?

Между тем никаких сомнений, что небеса послали ему самое последнее предупреждение, у него уже не оставалось. Дело в том, что он успел получить и другие. Однажды, года за два этого, он вместе с

товарищем шагал той же самой дорогой, ведущей из Мансфельда в Эрфурт. Поддавшись внезапному порыву, юный бакалавр выхватил из ножен висевшую у него на боку шпагу — этот символ принадлежности к благородному сословию, которую он теперь имел полное право носить. Его переполняла гордость. Когда же, вволю потешив свое тщеславие, он неловким жестом человека, не имеющего привычки обращаться с оружием, захотел вернуть шпагу на место, рука его дрогнула, и острый клинок вонзился в бедро. Он слишком хорошо помнил, как катался по земле, зажимая рукой глубокую рану, из которой хлестала кровь. Ему казалось, что он умирает, и мысленно он снова и снова призывал Богородицу...

Наконец, товарищ привел к нему хирурга, за которым бежал в город. Лекарь перетянул артерию тугой повязкой, и его, чуть живого, кое-как дотащили до колледжа. Несколько дней спустя понадобилось сделать перевязку, и рана опять открылась, вызвав обильное кровотечение. Теперь-то он уже не сомневался, что пробил его смертный час, и, теряя сознание, успел лишь прошептать имя Девы Марии. Он провел в постели долгие дни, пока рана окончательно не зарубцевалась. Но вместо того чтобы потратить это время на изучение учебников по логике и математике, он с утра до вечера распевал псалмы и гимны, аккомпанируя себе на лютне. Теперь он вспоминал это время как самое счастливое в своей университетской жизни. Как знать, может быть, то было предчувствие будущего монастырского бытия? Один на один со своей болью и музыкой, он забывал в те минуты о мерзостях будничного существования.

В другой раз, совсем недавно, он как раз собрался идти в Мансфельд, и опять той же самой дорогой. Поистине, вот уж стезя скорби и гнева! Опять он нашел себе спутника — вместе путь короче. Настал час отправляться, но товарищ Мартина что-то не спешил на условленное место. Прождав его некоторое время, Мартин решил пойти его поторопить. Долго стучал у дверей — никакого ответа. Наконец, он толкнул дверь и вошел в комнату. И тут же увидел своего товарища лежащим на полу в луже крови. Что случилось? Он наклонился к распластанному телу, окликнул друга по имени и осторожно потрогал за плечо. Увы, здесь никто уже не помог бы. Юноша был мертв. Так что же с ним все-таки произошло? Матезий утверждал, что молодой человек пал жертвой убийцы. Более осторожный Меланхтон признавался, что для него это событие осталось загадкой. Впрочем, для Мартина было неважно, действительно ли юношу убили или имел место несчастный случай. Его волновало совсем другое: человек, с которым он намеревался совершить небольшой переход, отправился в совсем другое путешествие — к небесам. А когда настанет

его черед?

Все эти образы снова и снова вставали у него перед глазами, наполняя сердце привычной тоской. Вот он, чуть живой, корчится от боли в придорожной пыли... Вот неподвижное тело друга, навсегда закрывшего глаза... А вот и вспышка молнии, пронизывающая душу предсмертным ужасом... Да, Бог трижды посылал ему знак. Доколе еще достанет Божьего терпения? Разве не успел он убедиться, что добродетель в миру недостижима? Долго ли еще вариться ему среди этих студентов, погрязших в пьянстве и разврате, пока он сам не сделается таким же, как они? И потом, разве у него есть выбор? Он дал обет, он сам связал себя словом, обращенным к Небесам. Гораздо позже эпизод с молнией на дороге обрстет ореолом таинственности, без которого не обходится ни одна легенда. Крот Рубеан напишет даже, что в судьбе Лютера эта дорога сыграла такую же роль, как в судьбе Павла путь в Дамаск. Впрочем, это сравнение не отличается оригинальностью. Им охотно пользовался преподаватель богословия монастыря, в который поступил Лютер, с удовольствием рассказывавший об этом случае каждому, кто изъявлял желание его слушать.

Итак, следовало выбрать монашеский орден, и Мартин отдал предпочтение августинцам. Именно к ним поступили двое из его наставников — Юзинген и Геккер. Сейчас же начались неприятности. Отец прислал ему гневное письмо, в котором категорически осуждал его решение, друзья в один голос отговаривали от задуманного. Позже, вспоминая об обстоятельствах своего вступления в монастырь, Лютер признавался: «Я раскаивался [в том, что дал обет], однако отступать не собирался». 16 июля он устроил для самых близких друзей прощальный ужин. Молодые люди болтали и пели песни, однако веселья никто не испытывал. На следующее утро Мартин явился в монастырь августинцев. Кольцо свое он вернул университету. Наиболее настырные из друзей предприняли последнюю попытку — явились к настоятелю с требованием выпустить Мартина обратно. Стоит ли говорить, что их демарш завершился ничем? Папаша Лютер разразился в адрес неблагодарного отпрыска еще одним, полным упреков, письмом, из которого явствовало, что сын своим поступком разбил ему сердце. С того самого дня, когда Мартин получил степень магистра, отец обращался к нему на «вы». Теперь, отбросив церемонии, он снова говорил ему «ты».

Первые несколько дней он провел в тиши кельи, ни с кем не общаясь. Затем пришел черед свершения обряда пострига. Приор облачил его в белую рясу и наплечную накидку с капюшоном и прочитал над ним такую

молитву: «Господи Иисусе Христе, учитель наш и сила наша! Смиренно молим Тебя избавить от плотских искусов и земных пороков раба Твоего, ради святости небесной отлучить его от жизни остальных людей и через святое раскаяние осенить его благодатью во имя жизни вечной».

Потекли дни первого года послушничества, в течение которого ему под руководством особого наставника предстояло приобщиться к «уставу и порядкам, к богослужению и пению, к обычаям, обрядам и прочим правилам жизни ордена», принятым еще в 1290 году, закрепленным Генеральным капитулом Регенсбурга (Бавария) и все еще остававшимся в силе. Кроме того, наставник обучал новичка основам духовной жизни. Согласно тому же уставу, ему следовало полюбить тишину кельи, отрешиться от всего мирского и усвоить некоторые каждодневные обязанности. В их число входило и чтение Священного Писания, предаваться которому надлежало «в тишине и покое». На последнем требовании особенно настаивал особый устав, составленный для монахов Германии старшим викарием Иоганном Штаупицем и призывавший сынов св. Августина «читать Библию с усердием, слушать ее с любовью и изучать со рвением».

Это уточнение чрезвычайно важно, потому что впоследствии, уже отделившись от Церкви, Лютер пытался «протолкнуть» идею, будто в монашеских орденах вовсе не читали Библию, пока он, Лютер, не «открыл» ее заново. «По вступлении в монастырь, — заявлял он, — я первым делом потребовал Библию». Возможно (хотя и не обязательно), он просто опередил своего наставника, который и так дал бы ему книгу; впрочем, как он сам добавлял, ему сейчас же вручили экземпляр Библии в красном кожаном переплете. Следовательно, в распоряжении монастыря Библия имела. Если же у монахов возникали трудности с получением «на руки» одного из немногочисленных изданий Священной книги, то связаны они были вовсе не с недостатком интереса или благоговения к ней, а скорее всего с тем, что книгопечатание в это время делало лишь первые шаги, и практически любая книга, особенно такая объемистая, как Библия, представляла собой немалую ценность.

Матезий кроме всего прочего рассказывает, что августинцы, недовольные шумихой, создавшейся вокруг новичка, старались всячески унижить его и нагружали самой неблагоприятной работой: заставляли мести полы в церкви, дежурить на воротах, чистить отхожие места, а главное — ходить по городу с нищенской сумой на плече, собирая милостыню. Дошло до того, что кое-кто из вчерашних друзей Лютера, возмущенных такой вопиющей несправедливостью, явился к приору и добился того, чтобы от

этой обязанности Мартина освободили.

Со всеми этими вещами следует разобраться. Во-первых, маловероятно, чтобы августинцев раздражило появление ученого послушника, ведь устав ордена поощрял образование, и настоятели монастырей особенно охотно принимали у себя братьев с университетским дипломом. Во-вторых, Мартин отнюдь не претендовал на роль светила науки, оставаясь, так сказать, звездой второй величины, поскольку, как мы уже показали, сразу двое из его университетских преподавателей поступили в тот же самый монастырь до него, не говоря уже о том, что и кроме них в этих стенах хватало высокообразованных монахов, таких, например, как Дорштейн и Добелин. Богословие здесь преподавали выдающиеся мыслители своего времени, пользовавшиеся заслуженной славой. С другой стороны, обхождение с братом Мартином, описанное его биографами, вовсе не отличалось исключительностью. Каждого послушника, независимо от его происхождения, заставляли выполнять те же самые обязанности, но не с целью унижить, а с целью научить смирению. И если настоятель в конце концов освободил одного из своих «подчиненных» от этой работы, то рассматривать подобный жест следует как самую настоящую привилегию.

Что же сам послушник? Обрел ли он вожделенный душевный покой? Всеми силами стремясь к этому, он с жаром принялся исполнять предписания устава и монастырские правила. Позже, когда для него настала пора воспоминаний, он даже утверждал, что попал в весьма небольшое число братьев, стремившихся к святости. Другое дело, что он, судя по всему, ограничился тем, что подвергал испытаниям одно лишь тело, полагая, что для достижения вечного блаженства этого достаточно.

Если он и в самом деле питал такие надежды, это означает, что он сделал совершенно неверные выводы из литературы, которую читал, и из объяснений, которые получал от своего наставника. Одним из наиболее авторитетных авторов считался св. Бернар Клервоский, чьи проповеди, обращенные к монахам, входили в программу обучения послушников. Между тем, его тексты изобилуют предостережениями против обманчивого сознания собственной праведности. «Слишком часто, — удрученно восклицал великий аббат, — приходится встречать монахов, которые, приняв постриг и надев рясу, уже считают себя спасенными». Подчеркивая, что спасение души целиком зависит от милости Божьей, он далее говорил: «Несчастливые ничтожества, в своем легкомыслии мы забываем, что блаженство досталось нам даром». На вопрос, довольно ли раскаяния, чтобы очиститься от греха и заслужить Божье прощение, Бернар отвечал

так: «Если обращение затрагивает одно лишь тело, оно не стоит ничего. Оно есть лишь символ обращения, но никак не само обращение. Являя собой лишь видимость добродетели, оно не несет никакой пользы. Жалости достоин человек, живущий одними телесными ощущениями! Он полагает, что все вокруг него — добро, он не чувствует, что в душу к нему забрался червь, грызущий его изнутри. Он выстригает тонзуру, не меняет платья, соблюдает посты, в надлежащий час читает молитвы, но, как говорит Господь, «сердцем своим он далек от Меня». В другом месте Бернар в лаконичной, но весьма выразительной форме говорит о пользе конкретных дел: «Не умеющий любить не сможет возлюбить и Жениха Небесного, а деяния его, даже праведные, не могут без веры сделать праведным его сердце. Вера же мертва без милосердия». Итак, добрые дела живы верой, а вера жива милосердием.

Тому же автору принадлежит и небольшой по объему трактат, озаглавленный «Обращение лиц духовного звания», получивший широкую известность. Этот труд внимательно изучали в монастырях, поскольку в нем нашла выражение одна из главных задач Церкви. Обратить нас в истинную веру может только Бог, но при этом мы должны еще заслужить его милость смирением и раскаянием: «Недовольный собой мил Богу, ненавидящий грязь и нечистоты своего жилища вознесется в обитель вечной славы... Конечно, счастье не есть плод нищеты, но плод милосердия... Благо увечного в том, что он нуждается в исцеляющей руке. И тому, кого, предоставленного себе, ждет неминуемая гибель, здоровье вернет сам Господь Бог». Впрочем, далее автор добавляет, что на эту помощь нечего рассчитывать тому, кто живет одними чувствами, кто не смог отказаться от телесных привычек и обратить свои помыслы и желания к Богу. Раскаяние, идущее из глубины сердца, как раз и относится к числу таких сверхъестественных желаний: «Если хочешь, чтобы Бог сжалился над тобой, смилуйся над своей душой. Ежедневно орошай ложе свое слезами. Если сумеешь с сожалением взглянуть на себя, если застонешь над собой стоном раскаяния, тогда будет тебе и милосердие. Ежели ты грешен и многогрешен, ежели нуждаешься в великом прощении и великой жалости, трудись душой и возвращай в ней милосердие: лишь примирившись с собой, можешь надеяться, что пребудешь в мире с Богом».

Никак не мог брат-послушник Мартин обойти вниманием и другого автора, современника св. Бернара — Гуго Фуиллуа, каноника монастыря св. Лаврентия в Буа, входившего в состав Амьенской епархии. При нем монастырь принял устав ордена св. Августина, а его страстные проповеди об обращении монахов расходились в списках по всей Германии. Еще и

сегодня в Эрфурте хранится рукописная книга XV века, содержащая фрагменты его сочинений. В основном своем труде, озаглавленном «Обитель души», он выразил главную идею своего учения: никто не может довольствоваться одним телесным покаянием. Монастырское уединение — вот средство спасения от соблазнов злокозненного века. Но есть ли средство спасения от соблазнов, настигающих и в тиши кельи? Такое средство есть. Это строжайшая дисциплина. Однако чисто внешняя дисциплина, не проникшая в самую душу человека, не ставшая *spiritualiter*, бессмысленна. Монах может самым прилежным образом исполнять устав, но если он делает это лишь по привычке, он не монах. Самое опасное зло, против которого бессильны и аббат, и настоятель, кроется в сердце и заключается в обманчивом сознании собственной праведности. Неприятие мирской жизни и даже презрение к ней сами по себе недостаточны, чтобы стать основой призвания к монашеству, а единственной истинной побудительной причиной к постригу является любовь к Богу. Не всякий надевший рясу становится монахом, не всякий живущий в строгости свободен от мира, не всякий молчальник достигает самоотрешенности. Автор трактата с воодушевлением повторял слова пророка Илии: «Рвите сердце свое, а не свои одежды».

Формулируя свои призывы, Гуго не выходил за рамки устава, предписанного св. Августином. Согласно этому уставу, который надеялся исполнять Мартин Лютер, монах должен воспринимать его предписания «не как раб, боящийся послушаться закона, но как свободный человек, ведомый благодатью». В первых же строках устава звучало предостережение к монахам, обратившимся к святому нищенствованию из гордыни. О том же самом говорится и в предисловии к уставу св. Бенедикта: «Истинный монах живет со страхом Господним в душе (мы уже показали, какого рода должен быть этот страх. — И. Г.), он не кичится тем, что соблюдает правила, он хранит убежденность, что достижение истинного блага отнюдь не в его власти, но целиком во власти Господа».

Еще одним усердно изучаемым послушниками автором был великий францисканский мыслитель XIII века, реформатор св. Бонавентура. Особенным вниманием монахов пользовались два его сочинения, написанные специально для них в форме своего рода учебных пособий. Первый трактат назывался «Жизнь совершенная» и посвящался раскрытию сущности религиозного бытия. В нем черным по белому было написано, что первейшей добродетелью монаха, позволяющей ему давать верную оценку самому себе и продвигаться таким образом по пути совершенства, является смирение; только через смирение, пишет автор, «вы постигнете,

что Бог есть творец всех благ». Вот почему мы должны без устали повторять, обращаясь к Богу: «Все, чего мы достигли, Господи, есть плод Твоих сил». Ученый-францисканец приводит монахам пример Христа, который ради нас принял унижение. «Помните, — проповедует он, — что вы вышли из ничтожества, что вы сотворены из грязи и пыли земной, что вы жили во грехе и заслужили изгнание из блаженства Рая». Лишь смиренные сердцем удостоятся милости Божьей. «Ничем на свете человек не может вернуть себе Божьего расположения, если не будет благодарить Господа и возносить ему хвалу за Его благодеяния».

Второе сочинение Бонавентуры называется «Упражнения души». Эту книгу Лютер должен был читать с особенным интересом, потому что в ней не только дается оправдание тому ужасу, который охватывает человека, совершившего грех и осознавшего его последствия, но и предлагается средство исцеления от этой пагубы. Первые главы трактата содержат призыв к душе осознать свою беду, оплакать свою мерзость, признать свою вину и предать проклятию годы, потраченные на оскорбление Бога. Когда же душа человека погрузится в глубокую скорбь, близкую к отчаянию, Бонавентура предлагает свое утешение: «Разве ты не знаешь, что многие святые грешили?.. Да, все те, кто соединился сегодня с Господом, или грешили в прошлом, как мы, или могли впасть в грех, не останови их Божье великодушие». За что же грешникам дана такая милость? Только благодаря искупительной жертве Христа. И только следуя примеру Христа, который страдал ради нас, мы можем надеяться на благосклонность Отца. Ведь Христос явился на землю именно для того, чтобы примирить нас с Отцом, чтобы искупить наш первородный грех и дать нам возможность заслужить вечное блаженство. «Бог принял унижение, чтобы ты возвысился, Бог подвергся бичеванию, чтобы ты утешился, Бог обрел крестную муку, чтобы ты освободился».

В этих словах нашло свое выражение столь характерное для XV века благоговение перед Страстями Господними. «Господи Иисусе Христе! Ты, который не пощадил себя ради меня, изрань мое сердце Твоими ранами, ороси мою душу Твоею кровью, дабы везде, где бы я ни находился, я всегда видел перед глазами Тебя, распятого ради меня... Пусть великим моим утешением, о Господи, станет быть распятым вместе с Тобой!» Милосердный Христос ждал нас, пока мы вели свою грешную жизнь; теперь же, когда мы готовы измениться сердцем благодаря Его любви, мы можем перейти к покаянию, то есть стараться приблизить свою жизнь к Его жизни. Но душа наша все еще пребывает в сомнении: возможно ли в этой юдоли слез надеяться на существование, достойное Небес? На этот вопрос

Бонавентура отвечает словами св. Августина: «Когда благодаря знанию и любви мы внутренне постигаем, что есть вечность, тогда душа наша уже не принадлежит этому миру». Св. Павел говорил о том же: «Дом наш на Небесах». Однако чтобы прийти к этому, «душа вначале должна очиститься от греха, от беспорядочных привязанностей, от земных утех и беспутной плотской любви».

Итак, учение духовных мыслителей, с которым знакомился брат Мартин, предлагало двойной способ исцеления от снедавшей его глубокой тоски: поверить в милосердие Божье и очиститься сердцем. Судя по всему, ни тот ни другой путь ему не давался. Призывы святых Бернара и Бонавентуры, похоже, не смогли поколебать в его сознании сложившийся образ карающего Бога. Почему? Ведь он не совершил в юности никаких непоправимых грехов. И зачем же в таком случае он рвался продолжать монашескую жизнь, если она не приносила ему спасения? Лютер сам ответил на этот вопрос, подчеркнув, что он чувствовал себя связанным данным обетом. «Монахом я стал не по своей доброй воле. Я дал обет сгоряча, в состоянии ужаса перед неминуемой гибелью. Я покинул мир и удалился в монастырь, не переставая горько сожалеть об этом». Небесные знамения, подтверждавшие правильность его выбора, продолжались и после того, как он сделал решающий шаг. Вскоре после его поступления в монастырь в курфюршестве Саксонском разразилась эпидемия чумы, унесшая жизни двух из его друзей. Затем болезнь перекинулась в Мансфельд, где жила его родня. Очень скоро он узнал, что от чумы умерли два его брата. Разве не отмечен мир, который он покинул, печатью проклятья? Наконец, словно спеша подвести окончательный итог сомнениям, отец прислал ему примирительное письмо. Несмотря на огорчение, которое сын доставил ему своим поступком, он теперь соглашался признать за ним право выбора.

Итак, отступить Мартину было некуда, приходилось продолжать начатую игру. И он обратился в образцового послушника, неукоснительно соблюдающего все предписания и правила своего ордена. Однако чем больше он старался, тем явственнее его преследовала мысль, что он понапрасну теряет время. Меланхтон, впоследствии ставший доверенным лицом Лютера, рассказывает, что тот год обернулся для Мартина временем жесточайшей душевной муки. Его преследовало видение той самой грозы, в которой ему чудилось проявление Божьего гнева. Временами на него нападал такой ужас, что он «едва не отдал Богу душу».

Гораздо позже он пришел к выводу, что истинной причиной, приведшей его в монастырь, стало дурное обращение с ним родителей.

Этим своим признанием он заслужил многочисленные упреки в несправедливом отношении к родным. Однако если попытаться шаг за шагом проследить за внутренним становлением личности Лютера, приходится с ним согласиться. Действительно, в монастырь его привели терзавшие его страхи, но главную ответственность за эти страхи несли все-таки его родители, превратившие его в замкнутое, боязливое, малодушное существо, видевшее в Боге только сурового судию. Значение этого позднего признания, в котором он излил долго сдерживаемую обиду, трудно переоценить, потому что оно неопровержимо свидетельствует, что брат Мартин вовсе не страдал «келейным недугом», как это пытаются представить некоторые протестантские авторы. В самом деле, рядом с ним жили многие и многие братья по вере, которых этот недуг не коснулся ни в малейшей степени. Скорее всего, дело в том, что в случае Лютера имело место совершенно особое, индивидуальное состояние человека, мучившегося угрызениями совести, причину которых следовало искать в его двадцатилетней давности прошлом.

...Шло время, и год послушничества подходил к концу. Приближался день, когда молодому монаху по каноническому уставу предстояло дать обет и посвятить свою жизнь Церкви. Странно, но ни наставник послушников, ни настоятель, ни более опытные монахи даже не догадывались о жестокой тоске, день и ночь грызущей душу юноши. Он же со своей привычной замкнутостью, наверное, и не стремился делиться внутренними переживаниями ни с кем, включая духовного руководителя, ответственного за его подготовку к принятию монашеского обета. Очевидно, это его молчание вкупе с примерным поведением послушника и ввели всех в заблуждение. По чисто внешним признакам благонравия (позже Лютер именно такие поступки назовет «делами» и особенно подчеркнет полную их бесполезность) они решили, что послушник успешно выдержал годовой испытательный срок (точнее, срок длиной в год и один день), и без колебаний позволили принять обет столь образцовому и старательному монаху. Нет никаких сомнений, что, закрадись в голову кому-нибудь из них хоть малейшее сомнение, они не пожалели бы усилий, чтобы исцелить брата Мартина от терзавшей его немочи, а если бы и это не помогло, просто отправили бы его обратно в мир. На самом деле Мартин Лютер открылся своим духовным наставникам гораздо позже, когда он уже стал «полноправным» монахом, принявшим обет, отдавшим свою жизнь служению ордену, который он выбрал для себя сам.

Наконец настал решающий день. Желание Лютера принять постриг, логически завершающее год подготовки, не удивило никого. В

монастырской церкви собралась вся авгу-стинская община. Настоятель занял свое место перед алтарем. Мартин приблизился к нему, преклонил колена и вложил свои руки в ладони приора. В канонических выражениях ему была предложена дилемма. «Ты познал суровую жизнь нашего ордена, — звучали слова настоятеля. — Решайся теперь: хочешь ли ты вернуться в мир или желаешь посвятить себя Богу». Твердым голосом послушник произнес полагавшийся к случаю текст согласия: «Я, брат Мартин, принимаю монашеский обет и пред лицом всемогущего Господа Бога и Пресвятой Девы Марии, а также пред тобой, брат Винард, представляющий здесь главного приора Ордена братьев-отшельников святого епископа Августина и его законных последователей, отрекаюсь от своей воли и даю зарок до конца своих дней владеть существование в бедности и целомудрии, как велит устав святого Августина». Итак, покорность, бедность, целомудрие. Три евангельские добродетели, ради которых монахи добровольно посвящают свою жизнь Богу, но только не тому гневливому Богу, который требует жертвы, а Богу любящему, который приемлет ее с кроткой лаской.

Новообращенный снял белую рясу послушника и облачился в черную, приличествующую его нынешнему положению. Настоятель прочитал над ним еще одну молитву: «Господи Иисусе Христе! Признай в рабе Твоем Твою овцу, дабы и он признал Тебя и, отрекшись от самого себя, не знал иного пастыря, кроме Тебя, и не слушал иного голоса, кроме Твоего». С зажженной свечой в руке молодой человек поднялся к хорам и под звуки гимна « Veni Creatoro принял целование своих братьев. Никто из присутствовавших и не догадывался, что тихий брат Мартин ступил в эту минуту на роковой путь, ведущий в тупик, и что выбраться из этого тупика он сумеет лишь ценой величайшей трагедии, равных которой еще не знала история Церкви.

4.

ТАЙНА ЛЮТЕРА

Оставим на некоторое время брата Мартина Лютера в тиши монастырской кельи продолжать свое религиозное образование, которое вскоре принесет ему священнический сан, а сами обратимся к психологии, чтобы попытаться хотя бы в общих чертах составить портрет личности этого человека и тем самым заглянуть под плотно закрывающий его покров таинственности.

Лютер впоследствии осудил этот период своей жизни. С одной стороны, ему требовалось объясниться перед протестантами, почему он поступил в монастырь и почему старательно исполнял его правила, с другой — как бы оправдывался перед католиками, почему нарушил обет и порвал с монастырем. Впрочем, все эти объяснения он сформулировал уже после 1530 года, то есть спустя двадцать пять, тридцать пять и даже сорок лет после событий, которые привели его к резкому противостоянию с католической Церковью. Поэтому не следует удивляться, что некоторые из его объяснений порой слишком явно противоречат самым очевидным фактам. Да и сами эти факты, несмотря на скрупулезность, с какой они собраны, дают ответы далеко не на все вопросы, связанные с загадкой Лютера. Чтобы все-таки найти эти ответы, пусть не исчерпывающие, но хотя бы более или менее вероятные, попробуем прежде всего заняться системной постановкой проблемы.

Первый же вопрос, который никак нельзя обойти, звучит так: почему Лютер поступил в монастырь? Исполняя вырвавшийся сгоряча обет или по зрелом размышлении, надеясь на спасение души? Мы уже видели, что он дал утвердительный ответ на первую часть нашего предположения: «Я стал монахом не по своей доброй воле, а по принуждению». Но это заявление сделано Лютером в позднейшие годы. Так он писал в своих «Застольных беседах», о том же говорил своим биографам. Однако в те же самые годы (1539) тот же самый Лютер, осуждая монашество как орудие, не достойное христианина, признавался ученикам, что он в свое время тоже совершил эту сделку с Богом: «Почему в монастыре я предавался самому суровому самоистязанию? Потому что жаждал обрести уверенность, что таким путем заслужу прощение своим грехам». Немного позже, в 1540 году, обращаясь к лицам духовного звания, он высказывался в том же духе: «Когда мы были

монахами и занимались умерщвлением плоти, это не приносило нам никакой пользы, потому что мы отказывались признать свои грехи и несправедность своей жизни». Довольно трудно примирить между собой два таких противоречивых высказывания. Тем не менее можно осмелиться предположить (хотя нигде об этом не сказано), что, поступив в монастырь под влиянием пережитого страха, молодой человек принялся затем размышлять над проблемой спасения души, и ему, подбадриваемому духовными учителями, постепенно начал видеться превосходный путь, ведущий напрямиком на небеса.

Вместе с тем, перечитывая то, что он писал, еще не покинув монастырь и не порвав с католицизмом, мы снова сталкиваемся с проблемой. Так, в толковании Послания к Римлянам (1516) он излагает свое видение религиозного призвания в духе вполне правоверного учения: «Каждому позволено во имя любви к Богу ограничивать свою свободу обетами». Для чего? Для спасения души? Разумеется, но только при условии, что жизнь в религии не будет рассматриваться как единственное средство спасения; ведь в этом случае ни о какой свободе уже не может быть и речи, а отказ от мира будет означать только жест отчаяния. Но «хорошим монахом становятся не от отчаяния, а от любви». В последующем тексте он набрасывает идеальную картину религиозной жизни, утверждая, что монах, которому не понаслышке ведомо, что есть милосердие, становится счастливейшим человеком в мире — *felicissimus*. Сколь далеки эти мысли от его будущих откровений!

И как быть нам с этими противоречиями? Возможно, всерьез обеспокоенный проблемой спасения души, послушник Лютер внимал наставлениям своего духовника (что входило в прямые обязанности последнего), излагавшего ему основы католического учения о монастырской жизни и обетах, оставаясь в плену своих собственных черных мыслей; иными словами, он изучал официальную доктрину Церкви, внутренне оставаясь ей чуждым. Но тогда почему же тридцать лет спустя, уже во всеуслышание осуждая эту доктрину, он признает, что послушно следовал всем ее указаниям? Почему он принял монашеский постриг, если в душе не ощущал себя монахом? Можно также предположить, что в религиозной жизни Лютера последовательно сменились два периода. Первый, очень краткий, по времени совпал с его послушничеством, когда он еще верил, что спастись можно только через религию, что данный им обет на самом деле был для него спасительным, что Бог, напугав его, провидчески толкнул его на верный путь. На втором же этапе, когда вместе с уроками, усвоенными от наставников, к нему

пришло понимание своей ошибки, он уже сам проповедовал католическое учение. Так почему же в своих позднейших признаниях он вспоминает только о первом из этих периодов?

Разрываясь между двумя этими гипотезами, мы с неизбежностью спотыкаемся об одно и то же противоречие. В 1515 году Лютер с безмятежностью проповедовал католическое учение о религиозном призвании; в 1539—1540 годах он ссылаясь на собственный опыт, противоречивший этому учению, но уверял, что почерпнул свои откровения именно в нем. Бесспорно, к 1515 году его внутренняя тоска потеряла свою остроту, кстати сказать, в значительной мере именно благодаря той «коррекции», какую получили его представления в монастыре; однако позже она снова вспыхнула в его душе с новой силой, чтобы окончательно исчезнуть лишь после разрыва с Церковью. Связь его тревожного внутреннего состояния с католическим учением представляет собой отдельный вопрос, к которому мы еще обратимся. Пока же отметим как непреложный факт: на протяжении своего «католического» периода Лютер изучал и одобрял церковное учение о монастырской жизни, но позже, возглавив Церковь инакомыслия, он помнил лишь о первых своих впечатлениях и их-то идентифицировал с официальной доктриной католической Церкви. Это позволило ему не только найти себе оправдание в том, что он покинул монастырь, но отвернуться и от самой Церкви, чьи принципы вступили в противоречие с его убеждениями. Подобное запоздалое объяснение не может быть ничем иным кроме защиты «pro domo»^[10], основанной, увы, на фальсификации.

Второй интересующий нас вопрос заключается в следующем. Какого Бога обрел Лютер в тиши монастыря — того же гневного судию, который до полусмерти напугал его во время грозы? Устав св. Августина, который послушник внимательно изучал с первого дня поступления в монастырь, содержал совсем иной образ Бога: «Пусть же Господь поможет нам с любовью [cum dilectione] исполнять все предписания, подобно влюбленным в божественную красоту, благонаравием своей жизни восславляя Христа не как рабы, боящиеся закона, но как свободные люди, преисполненные благодати...». Приложение к уставу, озаглавленное «Ordo monasterii», которое монахам полагалось перечитывать еженедельно, начиналось такими словами: «Прежде всего, любезные братия, возлюбите Господа вашего, а затем возлюбите своего ближнего, ибо таковы суть две главные данные нам заповеди». В дальнейшем тексте подчеркивалось, что самые усилия, предпринимаемые монахами, следует рассматривать как

«помощь Божьего милосердия». Широкой известностью в это время пользовалось письмо 210-е св. Августина, обращенное к женской общине, но читаемое и в мужских, и в женских монастырях. Письмо начиналось восклицанием: «Велика доброта Божия!» Далее шли такие слова: «Милосердием Его полнится вселенная, и в снисхождении Его черпаем мы утешение. Холит и лелеет Господь тех, кто верует в Него, кто надеется на Него, кто с любовью взирает на ближнего своего. Есть ли на свете хоть что-то, исходящее от Господа Бога, что не являло бы благодати, ибо даже испытания, ниспосланные Им, есть благо? Даруя богатство, Он утешает; заставляя страдать, Он предупреждает. Так поступает Он даже с отъявленными злодеями, а что же говорить о тех, кто всей душой предан Ему? И вы из их числа, ибо можете возрадоваться, что милостью Его собраны в этой обители». Заканчивалось письмо обращением: «Подумайте об этом, и Божий мир воцарится меж вами, избравшими путь соборной молитвы». Итак, как свидетельствует основатель ордена, монахи в общине возносили молитвы Богу мира и милосердия, именно с таким Богом связывали они свои надежды.

Сочинения авторов, трактующих эту тему в том же самом смысле, предоставлялись послушникам, в том числе и брату Мартину, в изобилии. Что, например, мог он прочитать у св. Бернара, труды которого изучали и комментировали в каждом монастыре начиная с XII века? «Келья — не темница, где страдают, а мирный приют. За ее закрытой дверью не мрак, но тишь уединения. Если с тобой Бог, ты никогда не будешь одинок, хоть и в самом полном одиночестве, ибо можешь вволю наслаждаться своим счастьем. В свете истины и в покое чистого сердца легко распахнуть душу; ум же, исполненный Бога, расцветает, рассудок просветляется, сердце счастливо бьется, а человеческие слабости отступают без борьбы. Вот почему вы избрали этот образ жизни!»

Св. Бонавентура, славя Бога, милостью Своей посетившего человеческую душу, особенно душу монаха, преисполнен пылкого лиризма: «О душа! Прислушайся к словам Небесного Жениха! Он говорит: Я и Отец Мой явимся сюда и сделаем эту душу Своей обителью. И в самом деле, один лишь Бог, который создал тебя, может вселиться в твою душу, ибо, как учит св. Августин, Он хочет быть к тебе ближе тебя самого. Возрадуйся же, блаженная душа, приему такого гостя! Щедрость Его так велика, что и ты получишь свою долю, доброта Его так бесконечна, что Он засыплет тебя дарами... О, чудесные и поистине удивительные слова! Царь Небесный, чей свет затмевает свет луны и солнца, чья мудрость просвещает легионы небесных душ, чьего милосердия с избытком хватает

всем блаженным душой, этот Царь стучится к тебе и просит у тебя приюта!»

Еще два сочинения, оба анонимные, созданные в более близкое к Лютеру время, имелись во всех монастырских библиотеках и внимательно изучались их обитателями. Первое из них, долгое время приписываемое св. Бонавентуре, называлось «Размышления о жизни Христа». На самом деле оно появилось в XIV веке и принадлежало, как считается теперь, перу францисканца Жана де Кальволи. Приведем для примера отрывок из проповеди, посвященной явлению Христа перед учениками, идущими в Еммаус: «Уверьтесь в доброте и дружелюбии Господа вашего. В пылу своей любви Он не может допустить, чтобы чада Его пребывали в заблуждении и печали. Как преданный друг, как верный товарищ, сострадающий Господь нагоняет Своих учеников, спрашивает их, отчего они грустны, и толкует им Писание. Он возжигает пламень в их сердцах, очищая их от всякой ржавчины. И так Он поступает с нами каждый день. Стоит нам, отягощенным печалью и мерзостью бытия, вспомнить о Нем, как Он уже с нами, Он несет нам утешение, Он согревает наши сердца и наполняет их Своей любовью».

Вторая из упомянутых книг называлась «Подражание Иисусу Христу». В ней из уст праведного христианина звучала такая молитва: «Славлю Тебя, Отец Небесный, Отец Господа нашего Иисуса Христа, за то, что Ты соизволил вспомнить обо мне, ничтожном. Благодарю Тебя за то, что Ты порой посылаешь мне утешение, мне, не достойному никаких утешений. Господи Боже, удостоивший меня Своей святою дружбой, когда Ты касаешься моего сердца, все нутро мое трепещет от счастья. Ты слава и радость моей души, Ты моя надежда и мое пристанище в дни скорбей».

О. Денифль отмечает, что всю литургию, все молитвенники и требники, составленные по канонам римско-католической Церкви, пронизывал тот же самый пафос благоговения перед добрым и милосердным Богом. Весь период Филиппова поста, открывающего церковный календарь, отмечался как праздник надежды и веры, как нетерпеливое ожидание Спасителя, обещанное несчастному человечеству. Входная воскресная молитва гласит: «К тебе, мой Боже, обращаю свою душу, в Тебя верую. Ни один из ожидающих Тебя да не совратится с пути истинного!» Молитва, читаемая в третье воскресенье года и заимствованная у св. Павла, призывает к радости и миру: «Возрадуйтесь же в Господе! Да, говорю я вам, возрадуйтесь! Ни о чем не тревожьтесь, но в молитве передайте Господу все ваши нужды!» В другой молитве верующий просит Бога озарить своим светом потемки своей души; в антифоне

причащения этот мотив звучит еще настойчивее: «Скажите боязливому: «Мужайся! Оставь свой страх, ибо грядет Господь-Спаситель!» Молитва, читаемая в среду следующей недели, прославляет «благодарную Божию силу», приход которой в этот мир «принесет облегчение и освобождение тем, кто верует в милость Божию». Затем та же самая мысль повторяется и в других молитвах, а в четвертое воскресенье года молящиеся просят Бога «о снисхождении и милости», дабы своей «благодатью Господь ускорил спасение, которому мешают наши грехи». Накануне Рождества эта мольба достигает своего апогея: «Господи Боже! Ты наполняешь наши сердца радостью в ожидании искупления! Сделай же, Господи, так, чтобы мы с ликованием встретили, как встречаем каждый год, Твоего единственного Сына, пришедшего искупить наши грехи, дабы в последний день, когда Он явится нас судить, мы без страха могли лицезреть Его».

Если бы мы поставили себе целью привести здесь все литургические тексты, произносимые в церкви во время Великого поста, тексты, в которых перед грешником предстает образ сострадательного Бога, это заняло бы слишком много места. «Господи! Не смерти грешника Ты желаешь, но его покаяния, смилуйся же над слабостью человеческой природы; яви нам Твое милосердие и очисти нас от грехов; вознагради же раскаявшихся». «Смилуйся надо мной, Господи, ибо всей душой верую в Тебя!» «Господи! Не суди нас по грехам нашим и не карай нас, как мы того заслуживаем несправедливой своей жизнью! Прости нам, Господи, все наши прошлые грехи!» «Господи! Я воззвал к Тебе, и Ты помог мне!» Разумеется, иногда в молитве содержится намек на гнев Божий, карающий грешников, но само наказание Божье всегда является следствием божественной доброты и служит к нашему исправлению.

Главное же содержание всех церковных молитв составляет призыв к Божьей милости, жалости, благодати и состраданию. Бог «скорее явит милосердие, чем гнев тому, кто верует в Него». Замечательно звучит 90-й великопостный псалом: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю». [...] и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его». Брат Мартин вместе со всеми распевал эти псалмы и не мог не понимать их смысла, ведь латинским языком он владел в совершенстве. В самые тяжелые минуты он присоединял свой голос к голосам братьев по вере: «Избави меня от моих тревог, Господи; узри мое смирение и мою скорбь; отпусти мне мои грехи». «Господи, я воззвал к Тебе, и Ты исцелил меня, Ты вознес мою душу из бездны».

Что же мы слышим от Мартина Лютера тридцатью годами позже? «Я чувствовал себя самым несчастным человеком на земле. День и ночь я пребывал в тоске и отчаянии, и никто на свете не мог мне помочь. Ибо я не знал тогда Иисуса Христа, вернее сказать, я смотрел на Него лишь как на сурового судию, гнева которого бежал и не мог избежать». Для объяснения этого несоответствия возможны две гипотезы. Либо память Лютера сохранила воспоминание лишь о том, что он чувствовал, поступая в монастырь, оставив «за скобками» все, что он делал и переживал потом, — в этом случае его заявления нельзя рассматривать как критику уклада и идейного содержания церковной жизни. Либо он и в самом деле продолжал внутренне упорствовать в своем негативном мироощущении вопреки урокам, получаемым от духовника, вопреки практике богослужения, в которой постоянно участвовал сам. Тогда речь должна идти о неких патологических отклонениях самой личности Лютера, к которым нам еще не раз предстоит вернуться.

Третий вопрос мы сформулируем следующим образом: посвящая свою жизнь религии, надеялся ли Лютер обрести спасение души с помощью «добрых дел»? Иными словами, следует ли нам предположить, что, старательно исполняя монастырский устав и занимаясь самоистязанием, он мечтал такой ценой «купить» себе место в раю? Сам он, начиная с определенного времени, утверждает именно это. В 1532 году он писал: «Я искренне стремился добрыми делами достичь праведности», иначе говоря, заслужить отпущение грехов. В 1537 году он заявлял: «В самоограничении мы видели заслугу едва ли не равную по цене крови Христовой. И я, разделяя общее безумие, думал так же. Тогда я не знал, что Бог завещал мне заботиться о своем теле и не подвергать испытаниям свою веру». Наконец, в 1540 году он утверждал: «Раньше, при папизме, мы громко взывали к вечному блаженству; дабы удостоиться попасть на Небеса, мы истязали свое тело, едва не лишая себя жизни. Так, денно и нощно подвергая себя страданиям, мы искали Бога».

Что же получается? Если Лютер надеялся с помощью «дел» заслужить небесное блаженство, то он вступал тем самым в противоречие с учением католической Церкви, суть которого заключается в том, что своим спасением мы обязаны одному лишь Христу. Нам нечего рассчитывать на собственные силы, потому что благодать дается нам только милостью Божьей, ставшей возможной благодаря искупительной жертве Христа, открывшего нам путь согласия с Божьей волей. Никакие наши деяния, даже самые лучшие, не способны заслужить Божью милость, которая всегда

является даром, — буквально дается «даром». На втором Оранском соборе, проходившем в VI веке, эта концепция получила такое определение: «За добрые дела дается награда, но не благодать, которая предшествует добрым делам и без которой они не могли бы свершиться». Таким образом, благодать Божья изначально присутствует в наших добрых делах и делает возможным их осуществление. Более того, святые Августин и Фома учили, что даже молитва о Божьей благодати уже является плодом этой благодати.

Вот в чем заключалось официальное учение Церкви, и брат Мартин не мог его не знать. О том же самом, как справедливо замечает Денифль, ежедневно напоминала ему литургия, эта «школа религиозного учения». Примеров можно привести сколько угодно. «Боже, Ты видишь, что не в делах своих черпаем веру свою...». «Молим тебя, Боже всемогущий, таинством милости Твоей ниспослать нам сил для достойного служения Тебе и праведной жизни». «В тебе, о Боже, сила и утешение, Ты ведешь меня и питаешь меня». Сам по себе человек не может ничего: «Без Тебя, Господи, бессильны смертные». «Да снизойдет на нас Дух Святой, ибо без воли Его мы ничто и неведома нам невинность». Бог, следовательно, и есть первопричина лучших, святых человеческих деяний: «Господи, очисти нас от скверны наших грехов!» «Молим Тебя, Господи, укрепить нас в добродетели!» «На Тебя, Господи, уповаю, Тебе говорю: «Ты мой Бог, и судьба моя в Твоих руках». «Милостивый Боже, отпусти нам грехи наши и направь неверные наши сердца!» «Господи! Да пребудет с нами во всех наших начинаниях Твоя воля и Твоя помощь, дабы и молитвы, и деяния свои мы начинали и заканчивали именем Божьим».

На самом деле брат Мартин меньше всего нуждался в «подготовительном курсе» послушничества, длившемся целый год и заполненным чтением и слушанием молитв. Уже в первый день настоятель выдал ему белое облачение и прочитал над ним следующую молитву: «Господи Иисусе Христе, учитель наш и сила наша! Со смирением молим Тебя отвратить от служения плоти и от скверны земных дел рабов Твоих и святостью небесной даровать им благодать для жизни в Боге».

Что же проповедовал Лютер после разрыва с Церковью? Либеральный протестант Гарнак, которого трудно заподозрить в стремлении очернить память Лютера в угоду католичеству, дает на этот вопрос такой ответ: «Обращаясь, насколько это возможно, к глубинным истокам мысли Лютера, то есть к первым годам его преподавательской деятельности в университете Виттенберга, мы можем считать установленным фактом, что понятие Божьей благодати сводилось для него к очищению от грехов, причем это очищение даровалось Богом без всякого участия со стороны человека».

Но вот в 1535 году, то есть 29 лет спустя после принятия монашеского обета, Лютер делает следующее чудовищное признание: «Будучи монахом, я практиковал целомудрие, покорность и бедность. Свободный от земных забот, я целиком отдавался постам, бдениям, молитве, посещению мессы. Но под покровом святости и моей собственной убежденности в том, что я веду праведную жизнь, не скрывалось ничего кроме неверия, сомнений, страха, ненависти и кощунства по отношению к Богу. Вся моя праведность была зловонной клоакой и прибежищем довольного дьявола. Сатана особенно любит святых такого рода, они для него самое лучшее лакомство, потому что они губят сразу и тело, и душу, потому что они лишают себя и благословения Божьего, и всех Божьих даров».

Что имел в виду бывший монах-августинец, произнося эти слова? Неужели его душа и в самом деле напоминала клоаку? Неужели он по-настоящему предавался ненависти и святотатству? Иными словами, неужели он целиком отдался сатане? Но как же тогда он может говорить о «святости» своей жизни? Или он употребил все эти слишком сильные выражения, стремясь подчеркнуть, что состояние праведности есть состояние разврата, что монастырский образ жизни, несмотря на чистоту поведения и нравственную чистоту, несет печать проклятия? Скорее всего, истинно именно это второе предположение. Вот, разобравшись с собственным внутренним мироощущением той поры, он переходит к оценке остальных членов братства. Поначалу он воздерживается от открытого осуждения: «Что касается других, то нет такого правила, по которому можно узнать тех из них, для кого принятый обет явился святотатством, ибо дело это решается каждым наедине со своей совестью». Следовательно, речь в данном случае может идти лишь об ошибке того или иного человека, и осуждения заслуживает именно этот конкретный человек, но никак не институт монашества.

Однако начиная с 1521 года Лютер приходит к убеждению, что в совершении этой ошибки повинны почти все: «Опасность таится в том, что в наши времена безверия среди тех, кто принимает обет, едва ли найдется один на тысячу, делающий это по доброй воле». Как мы видим, вина все еще возлагается на человеческую слабость, хотя и сам институт в этом контексте выглядит достаточно серьезно скомпрометированным. Наконец, Лютер делает решающий вывод о том, что все монахи похожи на него: все без исключения избрали путь служения религии из ошибочных побуждений, а отягчающим обстоятельством является их нежелание признать, в отличие от брата Мартина, свою неправоту и стремление упорствовать в своем заблуждении. «Спросим каждого о том, что подвигло

его принять обет, — восклицает он, — и от каждого мы услышим признание нечестивца, утратившего благодать, полученную при крещении, и мечтающего избежать крушения, ухватившись за соломинку раскаяния. Вот что привело их к этой жизни, вот почему они приняли постриг; они не просто стремятся к добру и очищению от грехов, но каются денно и нощно в надежде стать лучшими из христиан». Таким образом, «монахи и монахини впали в великое идолопоклонство. Идолом стали для них дела их; они отдалились от Бога, они больше не боятся Бога, они не нуждаются ни в Его милости, ни в Его дарах, ни в отпущении грехов». И поскольку монахи так дурны, то и самый институт монашества есть не что иное, как кощунство и святотатство. Итак, «сделаться монахом значит совершить вероотступничество, значит отринуть Христа». Ведь «монахи, папа и клирики заявляют: нам мало одного Христа. Они не желают понимать, что один Христос есть и наше утешение, и наше спасение».

Правда ли, что на всем протяжении своей церковной жизни Лютер искренне верил, что смысл монашества состоит в том, чтобы попытаться ценой страданий обрести вечное спасение? Если это так, то у него слишком короткая память, которую он почему-то не захотел оживить, обратившись к собственным проповедям и толкованиям Писания, составленным в то время. В 1515 году он отправил одному из братьев по вере письмо, посвященное как раз этой теме. В нем Лютер предостерегает собрата против заблуждения, в которое легко впасть, уверовав в собственную праведность. Он и сам совершил было эту ошибку, от последствий которой до конца так и не избавился. «Научись, — призывает он своего собеседника, — не доверять ни себе, ни своим силам. Обратись лучше к Христу: «Господи Иисусе! Ты моя праведность, а я — Твой грех. Ты взял от меня все мое, а мне дал взамен Твое». Неделий позже, продолжая убеждать собрата, очевидно, все еще терзаемого сомнениями относительно своего спасения, он проявляет настойчивость: «Я совершенно убежден, и порукой тому мой и твой опыт, а также опыт всех людей, переживших минуты сомнений, что единственной причиной и главным корнем наших тревог остается осторожность наших собственных мыслей. Мы смотрим на все порочным взглядом. Что до меня, то эта порочность взгляда, увы, уже принесла мне неисчислимые страдания и муки, а сколько еще продолжает с жестокостью приносить!»

Есть ли средство исцеления от этой муки? Лютер предлагает первым делом обратиться к хорошему советчику и указывает на о. Варфоломея Юзингена, называя его «лучшим утешителем, проникнутым святым духом». Эти письма представляют для нас чрезвычайную ценность, потому

что в них перед нами раскрывается образ мыслей раннего Лютера. Так, нам ясно, что в период своего послушничества он в течение некоторого времени хранил убежденность в собственной праведности, а затем жестоко страдал, размышляя о проблеме спасения, поскольку понимал, что самоистязание, которому он предавался, стоит слишком мало, чтобы искупить его грехи. Так ему открылась его ошибка. И помогли ему в этом советы умудренных знанием и опытом монахов.

Значит, «келейный недуг», о котором он говорил впоследствии, следует рассматривать как проявление присущей многим молодым людям склонности к тревожному беспокойству, от которого большинство из них успешно избавлялись, обратившись за помощью к более опытным людям. Но Лютер, — и это обстоятельство чрезвычайно важно для понимания хода его дальнейшей внутренней эволюции, — даже обладая знанием, не мог побороть душевное смятение. Понимая умом Божью доброту и бесконечное милосердие Христа, он по-прежнему сомневался в своем спасении. Вопреки полученным урокам, вопреки самому себе, часто противореча себе, он продолжал уверять себя, что душа его на гибельном пути. Личный опыт убеждал его в собственной слабости и ничтожестве, но вера — в том глубинном смысле этого слова, какой вкладывают в него богословы, — в спасение оставалась ему недоступной.

При этом следует иметь в виду, что учившие его наставники не просто излагали перед ним свою личную точку зрения на предмет, но знакомили его с учением католической Церкви вообще. В 1516 году, то есть как раз в то время, когда он пытался обратить на путь истинный своего друга, Лютер написал «Комментарий к Посланию к Римлянам», в котором излагал уже своим ученикам вполне традиционный взгляд на католицизм. Умерщвление плоти, учил он, не есть чудодейственная разменная монета, но «одно из добрых дел», вполне естественный способ уничтожения в себе прежнего человека и сотворения человека нового, «свободного от призывов плоти». Развивая далее свою мысль, он показывает, что личного усилия для этого недостаточно, а нужна еще молитва — самое действенное оружие против искушения. «Истинная молитва, — утверждает он, — всемогуща, ибо сказал Господь: «Просите и дастся вам». Эти слова действительно полностью согласуются с католическим учением: с одной стороны, мы должны бороться, предпринимать конкретные усилия (совершать дела) против одолевающих нас похотливых вожделений, но одновременно мы должны постоянно и настойчиво молить Бога, ибо без Его помощи всякая наша борьба обречена на провал. Никто не спасется помимо Бога, но и Бог не спасет нас помимо нас. Еще в 1520 году в одной из своих проповедей

Лютер, демонстрируя безусловную приверженность доктрине католицизма, цитировал две литургические молитвы, показывающие, что одних добрых дел для спасения души еще мало. В первой, входящей в состав заупокойной службы, говорится: «Господи, не суди меня по делам моим, ибо я не сделал ничего, достойного Твоего взгляда»; во второй, прославляющей Богородицу, звучат такие слова: «Делами своими мы не можем радовать Тебя».

Итак, в поисках ответа на третий из наших вопросов мы приходим к выводу, что, во-первых, учения об отпущении грехов в награду за добрые дела Лютер не почерпнул ни у своих наставников, ни у окружавших его монахов, ни тем более в трудах великих богословов; во-вторых, что он, вероятнее всего, сам изобрел эту теорию вскоре после вступления в монастырь, чтобы впоследствии в ней разочароваться; наконец, в-третьих, что, несмотря на это разочарование, он в свои монастырские годы так и не сумел преодолеть склонности постоянно возвращаться мыслями к этой болезненной теме, как не смог вытравить из сознания страх перед грядущим наказанием и вытекающую из него необходимость постоянно самооправдываться, совершая для этого героические усилия. Когда же много лет спустя он мысленно возвращался к годам своей юности, выяснилось, что память его сохранила лишь воспоминания об этом раннем заблуждении, преодолеть которое до конца он так и не смог. Это мучительное состояние оставило свой неизгладимый отпечаток на всей его личности, составив основу ее глубинных особенностей.

Четвертый вопрос лежит в плоскости тех самых «дел», которыми так увлекался брат Лютер во время своего послушничества и в последовавшие за ним годы. В какой мере требовали они сверхчеловеческих усилий от молодого монаха? Мы не можем обойти вниманием эту проблему, важную для понимания личности Лютера, еще и потому, что он сам уделил ей существенное внимание в своих рассказах о монастырской жизни. Впрочем, отметим сразу, что все эти рассказы являются позднейшими свидетельствами. Так, в 1535 году (тридцать лет спустя после года, проведенного в послушниках) он писал: «Я мучил и изводил себя постом, холодом и прочими способами самоистязания». В 1538 году: «От молитв и поста я так ослаб, что еще чуть-чуть, и мне пришел бы конец». В 1540 году Лютер добавлял: «Мы, жившие в предсмертном аду». «Почему, попав в монастырь, я предался жесточайшему умерщвлению плоти? Зачем я терзал свое тело постом, бдениями и холодом?» В 1545 году его воспоминания звучат уже настоящим трагизмом: «И я прошел через это. Постом, воздержанием, непосильным трудом и дурной одеждой я едва не довел себя

до смерти. Изможденное мое тело было почти совсем разрушено».

Насколько точны эти воспоминания? Начнем с того, что и пост, и воздержание, и ночные бдения, одним словом, все приемы умерщвления плоти практиковались всеми монахами, причем практиковались добровольно (послушникам, например, вовсе не обязательно было принимать обет после первого подготовительного года, а порой наставники даже рекомендовали новичку повременить с окончательным решением), так что сами по себе они не таили в себе ничего особенно ужасного. Тем более что орден августинцев отличался в этом отношении умеренностью по сравнению с францисканцами или доминиканцами, особенно строгого устава.

Что касается бессонных ночей, по поводу которых так сокрушался 57-летний Лютер, то не будем забывать, что он совсем иначе относился к ним, когда ему был 31 год и когда он в своей религиозной практике еще не отказался от бдений. Приведем один отрывок из его комментария к 118-му псалму, написанного в 1514 году: «Внутренне человек служит Богу и днем и ночью... Ночью душа становится восприимчивее, чем днем, ко всему сверхъестественному, как учит нас святоотеческое Писание. Вот почему в Церкви прижился спасительный обычай петь по ночам хвалу Господу». В 1519 году он еще верил, что бдения, посты и умерщвление плоти служат исцелению от «самого тяжкого недуга» — вожделения. На следующий год, когда состоялось его отлучение от Церкви, он все еще утверждал, что «дурные и низменные побуждения плоти мы можем усмирить и преодолеть с помощью поста, бдения и труда». Предлагая рецепт спасения души, он идет еще дальше, подчеркивая, что, если голос плоти звучит слишком настойчиво, лучше вовсе умертвить ее, чем поддаться ее призыву. Для уничтожения самых закоренелых человеческих слабостей годится и мучительная смерть.

Итак, вплоть до 1520 года Лютер вполне одобрительно относился к умерщвлению плоти и признавал действенность этого способа, хотя, напомним, его и нельзя рассматривать как средство «покупки» вечного спасения. Возможно, конечно, что в своем усердии он пошел гораздо дальше требований общего правила, превзойдя в этом остальных братьев, но это очень и очень маловероятно. Устав ведь для того и существовал, чтобы охлаждать пыл слишком рьяных неофитов, а духовник послушников, человек опытный, строго следил за точным исполнением каждого предписания. Вторая глава устава содержала и такую статью: «Укрощайте плоть вашу воздержанием в ястве и питии, сколько дозволяет здоровье». И если брат Мартин не отличался крепким здоровьем, наставники

обязательно сделали бы для него послабления. Еще одна статья устава специально оговаривала, как братия должна относиться к отдельным «привилегированным» коллегам: «Если некоторые, явившиеся в монастырь, отказавшись от более изнеженной жизни, продолжают получать пропитание, одежду, одеяла и шерстяные вещи, которых нет у остальных, более неприхотливых и уже оттого более счастливых, то пусть те, кто не получает ничего, задумаются о том, какую жизнь в миру оставили их братья...»

Послушники изучали сочинения всех религиозных мыслителей, писавших о монастырской жизни. Между тем каждый из этих авторов подчеркивал исключительную важность такой добродетели, как скромность, не позволяющей монаху переоценивать собственные силы, ибо это ведет к отчаянию, разочарованию и унынию. Брат Мартин не мог не читать трудов св. Григория Великого, который писал: «Воздержание должно умерщвлять плотские пороки, но не саму плоть». Читал он и св. Бонавентуру, одного из любимых своих авторов, объяснявшего, что самоистязание само по себе отнюдь не является добродетелью, обеспечивающей вечное спасение; читал и немца-францисканца Давида Аугсбургского, предупреждавшего послушников, что чрезмерное увлечение умерщвлением плоти делает невозможным духовное развитие.

Итак, мы приходим к выводу, что монастырское начальство вовсе не требовало от Лютера никаких запредельных жертв. Если же он их приносил, то делал это по собственному желанию. Впрочем, это маловероятно, учитывая строгость монастырских правил. Вообще же во всей этой ситуации перед нами с особенной яркостью предстает характерная черта Лютера — его упрямство и замкнутость. Он ни перед кем не распахивал душу, ни с кем не делился своими мыслями, предпочитая идти своим путем, заранее уверенный в собственной правоте. Ему объясняли, что он заблуждается, от него требовали покорности, ему втолковывали, что отказ от собственной воли есть вернейшее орудие достижения спасения и неременное условие его членства в ордене — он выслушивал мудрые советы и читал самые убедительные тексты, но все это производило на него лишь поверхностное впечатление. Если умом он и соглашался с тем, чему его учили, то в сердце по-прежнему хранил убежденность, что спасение возможно лишь на том пути, какой он определил для себя сам. Им владела героика монашеского бытия, верность которой он хранил, порой вопреки себе, всю дальнейшую жизнь, хотя порой она вынужденно обретала «подпольную» форму. Он с головой бросился в самоистязание, как голодный бросается на лакомый кусок,

уверенный, что в этом-то и заключается вся прелесть монашества. Соглашаясь на жизнь, по всем человеческим меркам, гораздо более тяжелую, «худшую», и заслужив при этом от отца упрек в предательстве, он в глубине души верил, что в каком-то главном, капитальном, отношении именно эта жизнь окажется как раз самой лучшей и прекрасной. Для полной уверенности в том, что он не прогадал, ему настоятельно требовалось получить от окружающих и от самого себя зримые знаки уважения и почета, которые компенсировали бы ему все, от чего он отказался в миру. А на что еще оставалось опереться молодому человеку, бросившему блестящую светскую карьеру и ступившему на путь, к которому он не чувствовал ни малейшего призвания? Только на сознание того, что он совершает героический поступок. И вдруг эту самую героюку у него захотели отнять, раз и навсегда прямо запретив ему даже думать о героизме. Но, покорившись внешне, в глубине души он все-таки хранил это праздничное ощущение подвига, скрашивавшее ему будни монашеского быта. Когда же тридцать лет спустя он со смешанным чувством любви и ненависти возвращался памятью к этим годам, оказалось, что помнит он только про свой подвиг.

Мы подошли к пятому и последнему в нашем списке вопросу: почему Лютер так опасался, что его минует спасение? Это самый щекотливый из всех вопросов, потому что он связан с личными тайнами. Почему юного Мартина снедала тревога? Что внушало ему чувство обреченности? Что конкретно ужасало его: врожденное несовершенство человека пред лицом Божиим, следствие первородного греха или тяжесть его личных прегрешений?

В пользу первой гипотезы свидетельствует целый ряд положений католического учения, подчеркивающих нетерпимость Божьего суда к грешникам. Однако, как мы уже показали, упорствовать в приверженности этой точке зрения долго не мог ни один монах, потому что все, что его окружало в церкви, в молельной, в зале капитула, все, что вытекало из его бесед с наставниками, убеждало в обратном. Впрочем, Мартин и не нуждался ни в каких доказательствах, поскольку источник его сомнений скрывался не в доктрине, а в личных переживаниях. Следовательно, молодой августинец считал именно себя отмеченным знаком позора и безнадежной порочности. «Когда мы были монахами, — вспоминал он в 1540 году, — и предавались умерщвлению плоти, то занимались бесполезным делом, потому что не желали признавать своей греховности и скверны». Почему он говорит во множественном числе? Что имеет в виду? Весь человеческий род вообще, включая и клириков, и мирян, отмеченных

печатью первородного греха? Или речь идет о личных грехах Лютера и окружавших его людей?

В 1535 году он утверждал, что вся его «праведность была не более чем зловонной клоакой». Что означает это признание? Бессмысленность стремления к спасению посредством праведной жизни, в результате которого духовная нищета обретает скрытую форму и оттого еще большую глубину, или горечь от сознания своей персональной греховности? В 1545 году, то есть задним числом, сам Лютер уверял, что он был святым монахом, «одним из лучших», таким, который неукоснительно соблюдает все предписанные правила и ограничения. Отталкиваясь от этого высказывания, традиционно представляют образ Лютера монастырской поры в этаким ореоле святости. Однако первые же его биографы-протестанты как-то совершенно упустили из виду, что речь в этих воспоминаниях шла об исключительно внешних проявлениях смирения. А что происходило в тот момент с его душой? Лютер ведь сам признавался, что все его существо пребывало во власти безудержного вожделения, столь всеобъемлющего, что он, ужаснувшись, поспешил распространить собственное состояние на весь род человеческий. Именно исходя из этой посылки он и воздвиг в дальнейшем фундамент своей теории: человек есть существо настолько порочное, что нет на свете силы, способной избавить его от порока.

Допустив, что главной причиной безнадежного отчаяния, терзавшего брата Мартина, было владевшее им вожделение, мы подходим к другому важному вопросу: имело ли оно реальное выражение или существовало лишь в потенции? Иными словами, приходилось ли ему упрекать себя в конкретных дурных поступках или же, охваченный высшим стремлением к совершенной чистоте, он в одном мысленном желании уже видел грех? В защиту первого предположения можно сослаться на несколько редких, но вполне определенных признаний, сделанных им гораздо позже. Так, в 1533 году, вспоминая свое монастырское прошлое, он писал: «Я не мог устоять ни перед одним искушением, диктуемым смертью или грехом». «Не мог устоять», очевидно, означает, что он поддавался злу. Опять-таки, поддавался в реальности или мысленно? Это не имеет значения, возразят многие, поскольку мысленно согрешивший уже грешен.

Однако нашего вопроса это не снимает. Человек с обостренным чувством совести воспринимает как грех малейшее движение мысли, мимолетное воспоминание, расплывчатый образ, произвольную дрожь возбуждения. Ряд высказываний Лютера о его понимании своей греховности относится к 1516 году, то есть ко времени, когда он еще не

покинул лоно Церкви. «Каждый человек понимает, что пред Господом все мы обманщики, потому что каждый из нас обуреваем похотливыми желаниями». Грешник, поясняет он далее, нарушает законы Божьи уже потому, что «хотя бы в сердце своем вожделеет, значит, грешит». Корни греховности могут прятаться очень глубоко, и наш юный богослов призывает бороться не только с самим злом, но и с очагом зла, который гнездится в вожделении (как видим, он по-прежнему хранил верность своей излюбленной концепции героизма добродетели). Тот, кто не борется с этим злом в себе, оставляя в душе тлеть его очаг, и есть грешник. Пусть так, но ведь сам Лютер, если верить его высказываниям, только тем и занимался, что отчаянно боролся против своих порочных желаний. Значит, себя он не мог причислять к грешникам?

Итак, виновник греховности найден, и все мы грешны, потому что постоянно носим в себе источник скверны. Но, согласно теологическим построениям Лютера, само понятие вожделения приобретает чрезвычайно широкое значение.

«Под словом вожделение, — пишет он все в том же 1516 году, — иногда разумеют порок похоти, называя его источником греховности; иногда под ним понимают первое душевное побуждение, именуемое предчувствием страсти; иногда следующую за ним страсть или наслаждение, иногда чувство довольства; иногда самый поступок». Что же именно из этого списка следует считать главным виновником греха? Оказывается, все. Не только чувство довольства, испытываемое при совершении дурных поступков, как учило официальное богословие, но и укрытый в глубинах сознания «очаг», вызывающий к жизни произвольные, неподконтрольные побуждения. Разве не сказал св. Павел в Послании к Римлянам: «Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех»?

С того самого момента, как Лютер потребовал признания виновности за внутренними побуждениями человека, предшествующими реальному злу, как он присвоил звание греха всем оттенкам и проявлениям того, что принято называть вожделением, в результате чего моральная оценка различий, существующих между пятью разными, с точки зрения психологии, ступенями «виновности», утратила всякий смысл, таким же бесплодным становится и поиск ответа на вопрос о личной греховности молодого Мартина. Что толку пытаться понять, принес ли он с собой в монастырь свои порочные привычки или только ощущал в себе готовность поддаться смутным порывам искушения, предвестникам дурных поступков? Он чувствовал себя оскверненным самой своей

принадлежностью к нечистому роду адамову, а всякая скверна греховна.

Мы никогда не узнаем, какие мысли и чувства обуревали брата Мартина в тот миг, когда он принимал монашеский обет. Корил ли он себя за недавние прегрешения, которых надеялся больше не совершать, терзался ли, сжигаемый изнутри пламенем сладострастия, настоятельно требовавшего удовлетворения, мечтая загасить его навсегда, или просто ощущал в себе некую склонность к злу вообще, мешавшую ему стать святым монахом, свободным от слабостей и дурных побуждений? След, ведущий к истине, слишком запутан, чтобы мы могли рассчитывать на определенность полученных выводов. Зато нам совершенно ясно другое: воодушевленный своим положением, новоиспеченный монах принял твердое решение перебороть в себе вождение, подвергая страданию свое тело. Бой обещал быть тяжелым, но он не боялся трудностей, ведь он как раз вступил в свой «героический» пери-од. Нет никаких сомнений, что для него, попавшего в монастырь силой обстоятельств, но сознательно вознамерившегося во что бы то ни стало утвердиться здесь, выбор в пользу служения религии знаменовал собой поступок, исполненный веры в будущее. Также нет никаких сомнений, что основой его надежд была в это время прежде всего вера в себя.

5.

ВЕЛИКАЯ СКОРБЬ (1506-1509)

В течение года, последовавшего за принятием монашеского обета и завершившегося посвящением в духовный сан, никаких ярких событий, заслуживающих особого внимания, в жизни брата Мартина не произошло. Весь этот год он посвятил главным образом изучению богословия. Молодого монаха по-прежнему опекали старшие наставники, как, впрочем, это делалось по отношению ко всем членам братства, еще не достигшим вершин теологического образования. В глазах монастырского начальства он, по всей вероятности, представлял старательным и исполнительным юношей, может быть, несколько зажатым и чрезмерно педантичным, но зато послушным. Это позволяло надеяться, что к моменту завершения образования он сумеет добиться необходимого душевного равновесия.

Между тем тревожное сознание собственной греховности не покидало его ни на минуту. «Я постоянно пребывал в печали», — позже признавался Лютер. И добавлял: «Дух мой был сломлен». В один из дней, когда священник во время мессы читал отрывок из Евангелия, повествующий об одержимом, в которого вселился бес немоты, внезапно побледневший Лютер вскочил со скамьи, бросился вперед и громко закричал: «Нет, нет, это не я!» И сейчас же без чувств свалился на каменный пол.

Тем не менее никаких проблем с принятием сана у него, судя по всему, не возникло. Осенью и зимой 1506 года его уже произвели соответственно в иподиаконы и диаконы, а весной 1507 года (некоторые в качестве точной даты называют 3 апреля, другие — 2 мая) в Эрфуртском соборе епископ Иоганн Бонемиш рукоположил его в священнический сан. Лютер готовился к этому событию, а сердце его «обливалось кровью». Впрочем, сохранилось его письмо викарию Эйзенаха Иоганну Брауну, в котором он излагал свое понимание духовного призвания и Божьей благодати, несколько не противоречившее католическому учению: «В славе и святости Своей Бог явил чудо и возвысил меня, недостойного и многогрешного. Милосердием Своим Он призвал меня служить славе Его. Отныне, дабы выразить свою благодарность за столь высокую милость, мне должно всем сердцем стремиться исполнить то, что мне доверено...». В тот момент, когда по ходу богослужения свершалось приношение даров, его вдруг обуял такой трепет, что он едва не выскочил из алтаря, так что наставнику пришлось удерживать его. Затем настал его черед служить мессу, и, по его

собственному признанию, его «не покидало чувство великого ужаса».

Между тем он пригласил великое множество гостей, включая свою родню. Вместе с отцом из Мансфельда прискакало верхом целое «войско» — 20 человек. После службы состоялась торжественная трапеза, и Мартин, наверное, больше для самоуспокоения, чем ради поддержания своего авторитета в глазах окружающих, вслух обратился к отцу: «Скажите, батюшка, почему вы так противились моему обращению в религию? Разве не дает нам религия примера счастливой и безмятежной жизни? Неужели вы и сегодня печалитесь, что сын ваш принял духовный сан?» Несмотря на оптимизм, звучавший в словах новоиспеченного священника, на лице его ясно читались следы сомнения.

Отец поднялся из-за стола. Гости примолкли, готовясь выслушать набор общих слов, подходящих к случаю. Но рудокоп обвел присутствующих взглядом, полным упрека. «Вы все ученые господа, — начал он. — Разве не читали вы, что сказано в Писании? Почитай отца своего и мать свою!» Затем, обернувшись к сыну, он произнес, с трудом сдерживая гнев: «Вы нарушили эту заповедь, когда бросили меня и свою мать, хотя мы надеялись, что в старости получим от вас помощь и утешение. Ваше учение стоило мне больших средств, вы же поступили в монастырь против нашей воли».

Мартин поспешил напомнить о причинах своего решения. Разве не Бог явил ему свою волю в тот день, когда во время грозы его швырнуло на землю? «Дай Бог, чтобы не дьявол...» — только и отвечал отец. Сидевшие за столом монахи принялись защищать собрата, на все голоса расхваливая свое житье-бытье. «Что ж, коли я пришел сюда, — не сдавался отец, — я стану есть и пить с вами, хоть мне и хочется быть отсюда подальше». Мартин сделал последнюю попытку, уверяя отца, что в монастыре он принесет родителям гораздо больше пользы своими молитвами, чем принес бы в миру, зарабатывая состояние. «Дай Бог, дай Бог...» — с большим сомнением в голосе повторял в ответ Ганс.

Посвящение в сан происходило в те времена намного раньше, чем это принято в наши дни, зачастую за несколько лет до завершения богословского образования. Брату Мартину тоже предстояло учиться еще полтора года, а руководителем его теперь назначили известного августинца Иоганна Натхина. Лютер продолжил изучение все тех же авторов, а в душе его по-прежнему бушевали сомнения и страхи. Вопреки мудрости духовных учителей, вопреки заветам наставников он никак не мог отрешиться от снедавшей его внутренней тревоги.

Казалось бы, сделавшись священником, он получил возможность

черпать силы для борьбы с искушением в самом отправлении божественной службы, однако в действительности с ним случилось прямо противоположное: «Я готовился к мессе с величайшим благоговением, однако, поднимаясь на алтарь, чувствовал одно лишь отчаяние и в отчаянии же спускался с алтаря». Уже не раз его посещала мысль о том, что не все ладно с состоянием его души. «Неужели я единственный, — вопрошал он себя, — кого вечно грызет эта внутренняя тоска?» Неизвестно, пытался ли он тогда же прояснить этот вопрос с братьями по вере, однако тридцать лет спустя он уже давал на него определенно отрицательный ответ, распространяя собственное душевное беспокойство на всех монахов своей обители: «Мы изводили своих исповедников». Отметим все же ограниченный характер этого «мы», поскольку в его число не вошли исповедники, то есть все монастырские священники.

В конце концов он заболел, и его отправили в лечебницу. Похоже, никто из окружающих не догадывался, что в исцелении нуждалось не столько его тело, сколько душа. Его уложили в постель, обрекая таким образом на бездействие, одиночество и пустые мечтания. Вскоре у него начались галлюцинации: «Мне виделись призраки и другие зловещие фигуры». Очевидно, что им с новой силой овладели все прежние искушения. «Самые жестокие соблазны мучили и терзали мое тело. Я едва мог дышать, и никто не приходил меня утешить». Пожалуй, ему пошло бы на пользу, если бы его отправили с нищенской сумой собирать милостыню по домам. Возможно, занятие богоугодным делом отвлекло бы его от черных мыслей.

Не исключено, что именно с этой целью осенью 1508 года руководители решили направить его в другой монастырь. За три года, проведенных в Эрфурте, печаль, томившая брата Мартина, делалась все заметнее. Ни принятие обета, ни рукоположение в сан не только не помогли ему вырваться из состояния глубокой протрации, в которой он находился, но, напротив, даже усугубили его тоску. И ему велели собираться в Виттенберг, где его ожидала полная смена обстановки, лиц, привычек и новая деятельность. Монастырское начальство верно рассудило, что молодому человеку, чересчур занятому собой и анализом своих душевных переживаний, настоятельно необходимо более широкое общение с новыми людьми. Принимая это решение, наставники Лютера руководствовались как своим психологическим чутьем, так и правилами ордена. Раз брат Мартин учился в университете и выказал большие способности к наукам, раз он особенно интересуется Священным Писанием, пусть отправляется в Виттенберг преподавать Слово Божье. Поначалу его слушателями будут

молодые августинцы, живущие в монастыре, а затем, если дела пойдут успешно, он получит кафедру в Виттенбергском университете, покуда занимаемую профессором о. Штаупицем.

Иоганн фон Штаупиц с 1503 года совмещал профессорскую должность с постом главного викария августинцев строгого устава всей Германии, причем второй своей обязанности отдавался с гораздо большим жаром, чем первой. Лекции в университете он читал крайне нерегулярно и вообще явно стремился отделаться от преподавания, разумеется, предварительно подыскав подходящую замену из числа «своих». В Средние века считалось нормальным, что кафедра принадлежит не конкретному человеку, а религиозному ордену, и именно орден назначал на должность преподавателя одного из наиболее достойных своих членов. Августинцы, весьма высоко ставившие свою репутацию, разумеется, строго следили за соблюдением должной преемственности. Таким образом, направляя о. Мартина Лютера в Виттенберг, его руководители преследовали двоякую цель: вырвать молодого монаха из терзавшей его меланхолии и подготовить хорошего преподавателя для университета.

Однако будущему профессору вначале следовало самому получить ученую степень, и сделать это предполагалось в том же самом заведении, где в дальнейшем он намеревался преподавать. И Мартин снова стал студентом. Правда, теперь его окружал совсем другой, не похожий на прежний, мир. Виттенбергский университет, созданный совсем недавно, всего за шесть лет до приезда сюда Лютера, все еще пребывал в стадии становления. Основание его обусловили причины политического характера. Дело в том, что Саксонское курфюршество не имело собственного высшего учебного заведения. Лейпцигский университет располагался на территории герцогства Саксонского и подчинялся двоюродному брату и сопернику курфюрста; Эрфуртский же университет, хоть и находился в самом центре владений курфюрста, принадлежал князю-архиепископу Майнцскому.

Фридрих Мудрый, унаследовавший престол от отца, курфюрста Эрнста, в 1486 году, подыскивал подходящее место для собственной высшей школы. Перед ним стоял трудный выбор. Новое заведение не следовало открывать в непосредственной близости ни от Лейпцига, ни в особенности от Эрфурта, дабы избежать обвинений в нечестной конкуренции. Но все крупные города курфюршества располагались в Тюрингии, то есть группировались как раз вокруг Эрфурта. Единственный достаточно большой город, отстоявший к северу, — Гальберштадт, а также оба города, занимавшие центральное географическое положение, — Мерзебург и Наумбург — входили в состав суверенных епископств, так что

здесь по всем вопросам пришлось бы советоваться с епископом, это не сулило никаких особенных выгод по сравнению с Эрфуртом.

С предложением основать университет в Виттенберге выступил брат курфюрста Эрнст Саксонский, архиепископ Магдебургский. Ничем не примечательный городок, раскинувшийся на берегах Эльбы, Виттенберг отстоял далеко от всех более или менее значительных центров культуры («на задворках цивилизации», как впоследствии определял его местоположение Лютер). От Эрфурта его отделяли 150 км, от Эйзенаха — 200, от Майнингена — 220, зато граница с Бранденбургом проходила почти рядом. Этот район считался отсталым и в экономическом, и в культурном отношении, однако имел важное политическое значение, поскольку служил резиденцией курфюрста. Поначалу Фридрих встретил предложение брата громким хохотом, однако архиепископ привел в его защиту целый ряд аргументов политического и экономического характера. Действительно, в соседнем Магдебурге — старинном и густонаселенном городе, известном своей торговлей и занимавшем среди государств Центральной, Восточной и Северной Германии ключевые позиции, поскольку здесь сходились транспортные пути, связывавшие Саксонию с Гамбургом и портами Северного моря, своего университета не имелось. Поэтому Виттенберг, расположенный в непосредственной близости от владений князя-архиепископа, несомненно, привлек бы внимание жителей Магдебурга, не говоря уже об остальном населении курфюршества Саксонского. Сюда бы съехались представители монашеских орденов со своими профессорами, и город, а вместе с ним и резиденция курфюрста засияли бы новым блеском. В конце концов оба суверена пришли к согласию, и уже в 1502 году в Виттенберге поднялись стены первых университетских построек.

Ректором университета курфюрст назначил своего личного врача Мартина Поллиха, уроженца Мельрихштадта, гуманиста, страстно увлеченного древнеримской поэзией. Поллих, в свою очередь, постарался привлечь в Виттенберг выдающихся профессоров, которые составили бы славу нового учебного заведения. Преподавать философию пригласили Николаса Амсдорфа, право — Штехлина, Шерла, Шурфа и Фоланда. Поскольку в городке имелся монастырь августинцев строгого устава, то возглавить кафедру богословия предложили одному из членов этого ордена. Им оказался Иоганн фон Штаупиц, получивший степень доктора в 1500 году. В помощники к нему определили еще одного августинца, Венцеслава Линка, настоятеля монастыря (свою докторскую степень он получил уже в 1511 году), а также Андреаса Боденштейна, предпочитавшего называть себя Карлштадтом — по имени города, в котором он родился.

Итак, Мартин Лютер поступил на факультет богословия. Традиционный университетский курс, который предстояло пройти студенту-богослову, строился по единой строгой схеме, одинаковой для всех учреждений подобного рода. Образцом в данном случае служил Парижский университет со своим уставом, разработанным Робером де Курсоном в 1215 году. На факультет принимали студентов, имеющих степень магистра искусств (мы помним, что Лютер получил ее в 1505 году). Далее следовали три ступени обучения, по завершении каждой из которых будущему богослову присваивалась одна из трех степеней бакалавра: *biblicus* или *tamquam ad Biblia* (способный комментировать Священное Писание; как видно, изучение Библии считалось отправным пунктом теологического образования); *sententiarius* (способный комментировать книгу богослова XII века Пьера Ломбара «Сентенции», на самом деле представлявшую собой сборник текстов, написанных Отцами Церкви); *formatus* (достигший высот в применении различных методов преподавания). Затем, как и на факультете искусств, бакалавр переходил на следующую ступень обучения, в результате чего становился сначала лицензиатом, а затем и магистром. Таким образом, чтобы добиться права преподавать в университете, богослов сам должен был проучиться не меньше восьми лет. Существовал и возрастной ценз: теоретически к университетской кафедре не допускались лица моложе 34 лет. Как легко догадаться, в действительности эти строгие установления нарушались сплошь и рядом.

Поступив в университет в декабре 1508 года, отец Мартин Лютер получил степень бакалавра-«библиоведа» уже 9 марта 1509 года, то есть всего через три месяца занятий. Может быть, он все это время не поднимал головы от книг? Это маловероятно, потому что, следуя указаниям своих наставников, стремившихся «расшевелить» слишком погруженного в себя юношу и одновременно использовать его таланты, он сам читал лекции в монастыре, посвященные разбору «Этики» Аристотеля. Как видим, тема лекций не имела ничего общего с изучением Священного Писания. Нам не остается ничего иного, как предположить, что либо Мартин Лютер проявил исключительные способности к обучению, либо Штаупиц, выступавший одновременно в качестве его декана, собрата по ордену и духовника, сознательно ускорил процесс продвижения своего ученика и добился присуждения ему степени в рекордно короткие сроки. Впрочем, не исключено, что свою роль сыграли оба эти фактора. Мы, разумеется, вправе усомниться в глубине познаний, полученных за столь непродолжительное время, но это, как говорится, уже совсем другой

вопрос. Так или иначе, семь или восемь месяцев спустя Лютер удостоился и второй степени бакалавра — *sententiaire*.

Очевидно, отправляя Мартина «под крыло» к Штаупицу, его руководители рассчитывали, что с его помощью молодой человек обретет наконец душевное равновесие. Викарий епископа Штаупиц, человек умный и искренне озабоченный проблемами реформирования своего ордена, не случайно удостоился от своих братьев избрания на пост главы немецких августинцев строгого устава, сменив в этом качестве основоположника реформы о. Пролеса. В то же самое время Штаупиц отличался миролюбием и добротой, а в отношении монастырского уклада придерживался традиционных и простых взглядов. Он отнюдь не претендовал на звание великого аскета, какими за сотню лет до него гордились францисканцы, и будучи монахом прежде всего оставался человеком. Он никого и никогда не запугивал, а от подчиненных требовал не подвигов, но простого соблюдения устава, основанного прежде всего на любви ко Христу. Разработанные им монастырские предписания выделялись своей умеренностью; строгости, принятые в обителях первых августинцев, при нем сгладились и приобрели во многом условный характер, в том числе в отношении поста. В этой связи любопытно задаться вопросом, что же в таком случае представлял собой жизненный уклад августинцев не строгого устава? Не менее любопытно задуматься и над тем, чего ожидал от монастырской жизни молодой Лютер, если даже такие, не слишком суровые порядки он называл невыносимыми?

Богословское образование Штаупиц получил в университете Тюбингена, и следует отметить, что и в его случае процесс овладения премудростью протекал стремительно. Удостоенный степени магистра искусств в 1497 году, он 29 октября 1498 года уже добился первой из трех степеней бакалавра, в январе 1499 года — второй, 6 июля того же года именовался лиценциатом, а 7 июля (на следующий день!) и магистром богословия. Еще через год его произвели в доктора богословия. Как видим, в конце XV века в немецких университетах благополучно предали забвению все строгие предписания, благодаря которым студенты действительно получали глубокие знания. После этого не стоит удивляться, что добряк Штаупиц, как, впрочем, и большинство его братьев, о многих вопросах религии имел весьма смутное представление. Таким образом, богословский факультет Виттенберга заполучил в качестве декана человека, который вместо восьми положенных лет потратил на овладение своей наукой всего два с половиной года.

Неизвестно, что именно привлекло Мартина в личности Штаупица —

его докторская степень, должность декана или пост викария епископа. Возможно, его пленило отмеченное всеми современниками умение Штаупица держаться с удивительным достоинством. Возможно, все эти соображения сработали одновременно. Так или иначе, факт остается фактом: молодому монаху Штаупиц понравился. Пусть он не слишком хорошо разбирался в тонкостях богословия, зато отнесся к новому подчиненному с вниманием и теплотой. В его лице Лютер нашел истинного утешителя. Собираясь в Виттенберг, он все еще не избавился от того состояния тревожности, которое омрачало его жизнь в Эрфурте. «Меня охватывала дрожь, а сердце мое принималось трепетать всякий раз, когда я задавался вопросом, как же Бог может явить мне свою милость. Часто при одном упоминании имени Иисуса меня пронзал страх, а при виде Креста чудилась молния». Снова молния! Похоже, этот роковой образ преследовал его. Стоило кому-нибудь из окружающих заговорить о смерти, как на него накатывала волна ужаса. Порой у него вырывались восклицания вроде: «Лучше бы Бога не было совсем!» Отчаяние с такой силой владело им, что, казалось, еще немного, и он не выдержит. «Часто, терзаемый соблазнами, я сам поражался, что сердце мое еще на месте». Мучили его и галлюцинации: «Каких только призраков я не перевидал!» Беспрестанные эти страдания так изнурили его, что он чувствовал себя «совершенно разбитым».

Порой он пытался поделиться своими переживаниями с собратьями, которым рассказывал, какие страхи и тревоги его преследуют. Монахи с любопытством оглядывали его, но честно признавались, что им его состояние непонятно. Странное дело! Зло, в причинах которого Лютер впоследствии обвинит папизм, самим папистам оставалось неизвестно! Впрочем, если он и видел в своем состоянии некоторые отклонения, то не считал их болезненными. По его мнению, они свидетельствовали лишь о его исключительности. Он пытался найти нечто похожее в церковных книгах, но не обнаруживал в откровениях Отцов Церкви ничего, кроме банальных искушений. Значит, он их в чем-то превосходит! «Святой Иеремия и остальные святые не знали подобных искушений, имея дело лишь с ребяческими плотскими соблазнами и видя в них главную трудность. Августина и Амвросия преследовал страх меча, но разве может он сравниться с тем ужасом, какой испытываешь, когда лицом к лицу сталкиваешься с самим ангелом Сатаны! Перед этой пыткой отступают все искушения святого Иеремии и иже с ним». Образ ангела Сатаны, бьющего в лицо, заимствован у св. Павла. Итак, он уже сравнивал свои страдания с искушениями св. Павла! «Ах, если бы святой Павел был сейчас жив! —

горестно восклицал он. — Как хотелось бы мне знать, какие именно искушения он испытывал! Это нечто еще более высокое, чем отчаяние греха».

В «Исповеди» Блаженного Августина есть рассказ о том, как, похоронив самого близкого друга, он безутешно оплакивал его. В опьянении от собственных слез он продолжал плакать и тогда, когда боль утраты исчезла: «Слезы заменили мне друга в сердце моем». Вслед за основателем ордена августинцев, описавшим себя в возрасте Мартина, последний тоже находил опьянение в своей скорби. Ведь это благодаря своим искушениям он поднялся до высот духовной жизни, сравнявшись с самим апостолом Павлом, превзойдя всех остальных святых. Искушение приобрело в его глазах неизъяснимую прелесть. Он поворачивал его так и этак, изучал под разными углами, холил его и лелеял, приходя от этого в восторг. Мысли о смерти все еще посещали его, но теперь, похоже, он начинал склоняться к мнению, что жизнь все-таки стоит того, чтобы ее прожить, раз уж в ней находится место для таких поразительных ощущений. «Если я чувствую желание прожить еще некоторое время, то только ради того, чтобы написать книгу о своих искушениях». Его личная проблема превратилась в Проблему с большой буквы, а в исключительности своего состояния он черпал теперь подобие удовлетворения. Значит, он необыкновенный, он особенный! И он делает вывод: не испытав пережитых лично им искушений, «ни один человек не в состоянии ни понять Священное Писание, ни познать любовь и страх Божий».

Отметим мимоходом, что в ту пору Лютер, по собственному его признанию, знал смысл библейского толкования страха Божия, синонимичный благоговению. Чем же, если не болезненной фиксацией, можно объяснить, что он испытывал совсем другой страх, страх сродни ужасу, который заставлял его подсознание отвергнуть толкование, принятое в церковной традиции? Следующим его шагом стал поиск скрытых смыслов Писания и попытка интерпретации сочинений Святых Отцов с точки зрения своего личного опыта. Он с головой погрузился в изучение проблемы искушения, трактуемой разными богословами. После откровений Отцов Церкви читал труды св. Бернара, затем сочинения докторов-схоластов: Ричарда (скорее всего из св. Виктора), св. Фомы, Дунса Скота, Вильяма Оккама. В результате этих изысканий он только утвердился в своих первоначальных предположениях: ни один из них понятия не имел о том, что такое Искушение. Все прочитанные авторы толковали лишь о плотских искушениях. Других они, судя по всему, не

ведали.

Кто, как не Штаупиц, ученый богослов, высокопоставленный иерарх церковной конгрегации, знаток Священного Писания, мог помочь ему советом? И в один прекрасный день Мартин на исповеди открылся ему в своих сомнениях. Увы, его постигло горькое разочарование. «Брат Мартин! — отвечал ему викарий епископа. — Я этого не понимаю!» Итак, он вновь остался наедине со своими мыслями, убежденный, как никогда, в собственной исключительности. Некоторое время спустя, после обеда в трапезной, когда Лютер молча просидел над своей тарелкой, не прикоснувшись к пище, Штаупиц остановил его в дверях. «Почему у вас такой печальный вид, брат Мартин?» На сей раз уже не Лютер обращался за содействием к старшему собрату, но сам Штаупиц, заподозрив неладное, попытался понять причину терзавшей того тоски. «Ах! — воскликнул в ответ молодой священник. — Куда же мне идти?» Штаупиц пристально взглянул ему в глаза: «Вы, очевидно, не знаете, что искушения необходимы и даже полезны. Без них вы никогда не придете к добру». Эти слова не содержали ничего, кроме и без того известной ему истины, проповедуемой католическим учением: искушение необходимо для очищения души. Однако брат Мартин понял их по-своему и пуще прежнего укрепился в сознании собственной правоты. Именно искушение, равного которому не испытывал до него никто, и приведет его к спасению.

Кажется, для его изболевшейся души наконец-то забрезжил луч надежды. В самом деле, если искушение есть отклонение от нормы, то разве не следует стремиться к тому, чтобы от него избавиться? Разумея под искушением собственные страхи и тревоги, молодой Лютер как наибольшей милости чаял освобождения от этих страхов. Именно это толкало его к пристальному самокопанию: обращая свое душевное состояние в предмет изучения, он тем самым делал попытку дистанцироваться от него, вырвать его корни из собственного сознания. Но тут его поджидала еще одна ловушка. Если ему удастся удалить из души эту глубоко засевшую занозу, не значит ли это, что он вновь станет обыкновенным христианином, одним из многих? Что он уподобится всему этому сонму недалеких монахов, живущих неторопливой и серенькой жизнью? И с вершины, приблизившей его к святому апостолу Павлу, рухнет вниз, на равнины, обитаемые рядовыми Отцами Церкви? Самая тяжесть его состояния сулила ему надежду на необыкновенное избавление. Но, понимая свою непохожесть на других, так ли уж стоило стремиться от нее избавиться?

Настал день, когда он смог облечь свои потаенные мысли в ясную

форму. В монастырь он поступил только потому, что надеялся таким образом заслужить искупление своих личных грехов, а источник его скорби таился в невозможности добиться этого. Таким образом, смысл его искушения сводился к сомнению в Божьей благодати. Штаупиц выслушал покаянную исповедь Мартина с изумлением. Так, значит, его подопечного терзали муки чисто богословского характера! И он дал ему ответ, какой дал бы на его месте любой исповедник: «Вы ведь не хотите грешить? Да и что они такое, эти ваши грехи? Христос обещает прощение истинным грешникам: убийцам, святотатцам, прелюбодеям. Вот это настоящие грехи... Вы же, если хотите, чтобы Христос не оставил вас, не докучайте Ему своими детскими проступками! Не превращайте в смертный грех всякую мелкую оплошность!»

Штаупиц преподал Лютеру двойной урок. Во-первых, урок богословия, напомнив ему, что Христос крестной мукой искупил грехи, в том числе самые тяжкие, всех людей, значит, и его, Лютера. Во-вторых, урок смирения, показав ему, что, раздувая сверх всякой меры значение собственных прегрешений, он безо всяких оснований претендует на особое внимание к себе Бога. Как знать, услышь Мартин подобную отповедь раньше, когда он только-только надел рясу послушника, может быть, от его сомнений в возможности собственного спасения не осталось бы и следа. Может быть, он уже тогда сумел бы отказаться от стремления во что бы то ни стало «купить» милость Небес на собственные «средства».

Впрочем, мы не зря говорим «может быть». Пусть никто не предостерег его в такой же простой и ясной форме, как Штаупиц, но ведь никто и ничто не мешало ему найти ответ на свои вопросы из других источников. «Научитесь же, — продолжал свой урок Штаупиц, — взирать на Иисуса как на истинного Спасителя, а на себя смотреть как на истинного грешника. Посылая нам Своего Сына, Бог не шутил и не ломал перед нами комедию». Иными словами, исповедник призывал его именно перестать «ломать комедию» и осознать себя пред ликом Господним не трусом, выторговывающим у Бога спасение, но существом, исполненным любви и надежды на Его прощение.

Урок Мартин понял, но согласился ли он с ним? Понять не всегда означает проникнуться духом услышанного. Если доброта Божья столь безгранична, если можно без остатка доверить себя Ему и не рассуждая броситься в Его объятия, то значит ли это, что испытанию пришел конец? Неужели гнойный нарыв искушения, отравлявший ему жизнь, прорвался? Увы, абсцесс, развивавшийся долгих три года, укоренился слишком глубоко... Гнойник вскрыт, рана очищена, но до исцеления далеко, потому

что источник заразы не удален и продолжает отравлять организм... Мартин искренне привязался к человеку, которого считал теперь своим избавителем, но, к сожалению, Штаупиц не мог постоянно находиться рядом с ним. Должность викария вынуждала его ездить по всей Германии. В его отсутствие молодой священник вновь оставался один на один со своим недугом, и вновь ему начинало казаться, что Бог отвернулся от него. «Я старался, — напишет он позже, — успокоить свою мятущуюся душу». Но ни чтение молитв, ни месса, которую он служил, не приносили облегчения от душевной муки.

Речи Штаупица не шли у него из головы, вызывая новые вопросы. Теперь, впрочем, они носили более общий, богословский характер, не так прямо затрагивая его личность, следовательно, помочь ему тем более не могли. Христос принял смерть ради спасения грешников, это так. Но вот ради спасения всех грешников или не всех? В сочинениях Отцов Церкви говорится о предопределении... Отмечен ли печатью предопределения он, Лютер? Бог, который является Отцом всего сущего, не может не видеть, как он страдает от сознания своей греховности. Почему же Он не избавит его от этих страданий? Но стоило ему засомневаться в божественной доброте, как он ужаснулся, словно сам себя застиг на месте преступления. Кажется, он вплотную приблизился к неверию...

Едва Штаупиц вернулся в Виттенберг, как Мартин поспешил раскрыть ему душу и поведать о том, что его искушение обрело новую форму — пожалуй, менее болезненную и более приличествующую студенту-богослову. В ответ ученый доктор лишь пожал плечами. Его мало занимали схоластические тонкости. Он хоть и закончил университет, а теперь сам стал университетским профессором, но пошел на это, лишь подчиняясь требованиям вышестоящего начальства. На самом деле все эти проблемы его совершенно не интересовали. Образ мыслей Виндешайма казался ему куда ближе и понятнее заумных построений Вильяма Оккама. «Для чего вы забиваете себе голову подобными сложностями? — не понимал он. — Взгляните лучше на раны Христа! Задумайтесь о той крови, которую Он пролил ради вас!»

Как-то раз, когда Штаупиц находился в исповедальне, Мартин без предупреждения ворвался к нему и прямо с порога, едва переведя дух, выпалил, что во время мессы обмирает от ужаса. «Что за мысли для христианина! — услышал он в ответ. — Христос не запугивает, а утешает!» В другой раз, когда он явился на исповедь к незнакомому священнику (надо полагать, беспокойный монах осаждал многих исповедников), то получил еще более суровый отпор: «Опомнись, безумец! Не Бог гневается на тебя, а

ты сам восстаешь против Бога!»

Должно быть, при этих словах брат Мартин словно очнулся от долгого сна, хоть и нельзя сказать, что он слышал подобное впервые. Ведь еще в ту пору, когда он был послушником, ему случалось читать такие строки св. Бернара: «Всею своею жизнью вы обязаны Иисусу Христу, отдавшему свою жизнь за вас, претерпевшему и страдавшему, дабы избавить вас от муки вечной». Или другие: «Как небеса превосходят землю, так Его жизнь превосходит нашу. И эту-то жизнь Он принес в жертву. Как нет общей меры, чтобы измерить нечто и ничто, так нельзя соразмерить Его жизнь с нашей. Нет ничего прекрасней Его жизни, нет ничего ничтожней нашей. Даже если я пожертвую всем, что имею, если отдам и себя самого, жертва моя будет подобна свету звездочки рядом с Солнцем, капле воды в целой реке, ка-мешку в громаде горы». И еще: «Как же мне не любить Тебя, о милостивый Иисусе, принеший искупительную жертву! Эта жертва действительно и победительно требует от нас всей любви, на какую мы способны... Христос предал смерти душу Свою; сердцем Своим оплатил цену прощения, дарованного нам Отцом. Вот почему к Нему приложим следующий стих: «В Господе обретишь благодать, един Господь дарует обильное искупление». В свою очередь кроткий Бонавентура писал: «Вопреки преграде, воздвигнутой во мне моим греховным двоедушием, Ты наполнил мое сердце Своей неизъяснимой благодатью; о прекраснейший из всех сущих, Ты один в силах даровать очищение тому, кто рожден от семени нечистого; омой же меня от моей скверны, освободи меня от моих грехов, дабы, приняв Твое очищение, я приблизился к Тебе, совершенная Чистота, дабы я получил надежду, что во всякий день своей жизни живу в Твоем сердце, дабы познал я и исполнил святую волю Твою». Из более современных авторов Лютер наверняка читал благочестивого Фому Кемпийского, писавшего: «Не добродетель человеческая, но милость Иисуса Христа понуждает нас силою духа возлюбить и совершать поступки, которые по природе вещей вызывают в нас неприязнь и ужас. Если станешь рассчитывать только на свои силы, то не добьешься ничего; если же уверуешь в Бога, то получишь силу свыше. Не утратишься и беса, врага твоего, если будешь вооружен верою и крестным знамением Иисуса Христа».

Брат Мартин мучительно размышлял над этими вопросами, но в то же самое время активно занимался преподавательской деятельностью. Вначале он учил августинцев Виттенбергского монастыря, затем и мирян, приходивших в монастырскую и приходскую церковь. Чему именно он учил их? Нам это неизвестно, поскольку мы не располагаем текстами

первых проповедей Лютера. Однако догадаться об их содержании несложно, ибо сохранились его письма той поры. Так, обращаясь к Иоганну Брауну, он писал: «Господь наш Бог вечно ведет нас Своим милосердием». Мартина Лютера можно смело назвать интровертом: ни о своих внутренних переживаниях, ни о своей душевной тоске, ни о своих искушениях он вслух не распространялся. Когда от него требовали публичных выступлений, он произносил то, чему его учили. Мудрость, почерпнутую из книг, истину, услышанную из уст своего утешителя, он преподносил как свои собственные убеждения. Восходя на кафедру, отец Мартин проповедовал милосердие Божие. Продолжая идти этим путем, он мог надеяться, что избавление не за горами.

6.

РИМ (1510-1511)

Вскоре он получил диплом бакалавра второй ступени — *sententiaire* — и намеревался продолжить свое богословское образование и дальше. Но руководители его рассудили иначе. В Эрфуртском университете не оказалось подходящего специалиста для разбора со студентами богословского факультета «Сентенций». В Виттенберге же недостатка в ученых теологах не ощущалось, потому что в тамошнем университете преподавали августинцы. И Мартин получил приказание перебираться в Эрфурт. Здесь его встретили весьма прохладно. По правилам бакалавр получал право самостоятельно вести курс только после того, как в торжественной обстановке прочитает перед университетской аудиторией свою вводную лекцию. Августинцы довольно строго следили за соблюдением этого правила, и потому вокруг кандидатуры Лютера разгорелась жаркая полемика. В конце концов молодому бакалавру второй ступени все-таки дали позволение вести курс.

Последствия расставания со Штаупицем могли оказаться для Мартина катастрофическими, ведь он только-только начинал осознавать свое заблуждение и соглашаться, пока хотя бы умом, с объяснениями своего старшего коллеги. Впрочем, они ведь разлучались не навсегда: Штаупиц регулярно навещался в Эрфурт. Самое же важное заключалось в том, что для молодого профессора наступила пора самоутверждения. С одной стороны, посвящая достаточно времени ученикам, он волей-неволей отвлекался бы от внутренних своих проблем, с другой — самостоятельность и независимость от духовника открывали перед ним прекрасную возможность убедить наконец самого себя в справедливости тех истин, которые он проповедовал другим. Не имея досуга для ставшего ему привычным самокопания, он получал шанс проникнуться идеями, которые сам же провозглашал внимательным слушателям, постичь их как нечто самоочевидное. Таким образом, отсутствие стороннего авторитета могло, пожалуй, сыграть благотворную роль.

Новоиспеченный толкователь «Сентенций» с жаром окунулся в новую для себя деятельность. Ни один из разбираемых авторов не уберегся от его суровой критики. Он громил Аристотеля, высмеивал его логику, развенчивал схоластиков и настойчиво подчеркивал противоречия средневековых мудрецов. Всем этим мыслителям он противопоставлял

теперь

Отцов — основателей Церкви времен первохристианства, уже забыв, что всего несколько месяцев тому назад их авторитет не значил для него ровным счетом ничего. Он принялся изучать сочинения св. Августина, затем в поисках аргументов для спора с философами обратился к Священному Писанию, в частности к Посланию святого апостола Павла к Римлянам. Он охотно принимал участие во внутримонастырских диспутах. Так, преподобного Вимфелинга, осмелившегося заявить, что св. Августин плохо знал условия жизни монахов-отшельников, назвавших его именем свой орден, он публично назвал «безмозглым болтуном».

Только-только он начал входить во вкус новой работы, как его от нее оторвали. Причиной послужила распря, разгоревшаяся в конгрегации августинцев. Иоганн фон Штаупиц выступил с предложением подчинить своей власти все саксонские монастыри, входящие в орден св. Августина, но не считающие себя последователями строгого устава. Часть монахов поддержала его, полагая, что подобная мера будет способствовать оживлению религиозного усердия и единству братства. Другая часть высказалась резко против, утверждая, что эта авантюра принесет конгрегации только бремя новых забот, не обогатив ее ни одним убежденным сторонником реформы.

Против предложения Штаупица выступили семь монастырей, в том числе и Эрфуртский. Лютеру выпало блеснуть красноречием, поскольку защищать точку зрения общины перед церковными властями поручили им с Натхином. Следует отметить, что в ту пору в монастыре его ценили не слишком высоко: у монахов еще свежи были воспоминания о вечно насупленном брате Мартине до его отъезда в Виттенберг. Да и потом, когда он вернулся назад, ему доверили вести курс, хотя формально он не имел на это никакого права. Наконец, все считали его занудой. Так, Ольдекоп утверждает, что «в спорах он до последнего держался своей точки зрения, не слушая собеседника».

Зато теперь это его качество могло очень пригодиться в наметившемся конфликте. Переживал ли Лютер по поводу того, что оказался втянут в него на стороне противников своего любимого Штаупица? Или, напротив, поспешил воспользоваться этим обстоятельством, чтобы доказать себе, что окончательно достиг духовной независимости? Действительно, он сам теперь учил других и больше не нуждался в руководителе. Вполне вероятно поэтому, что он согласился на это задание с целью продемонстрировать своему бывшему наставнику, что отныне он сам себе голова.

Хотя спор не выходил за рамки Саксонии, Лютеру и еще одному

монаху, Иоганну фон Мехельну, поручили отправиться прямиком в Рим, чтобы привлечь на сторону противников Штаупица старшего приора (возглавлявшего и до-и пореформенные конгрегации) и папскую курию. Осенью 1510 года (Меланхтон называет 1511 год, но в его расчеты, очевидно, вкралась ошибка) они пешком тронулись в путь. Сегодня такое путешествие многим показалось бы сопряженным с риском, на самом же деле никаких особенных опасностей оно не таило. Отправляясь поутру в дорогу, путники знали, что к вечеру непременно найдут ночлег в одном из бесчисленных монастырей, разбросанных по всей стране, — не своего ордена, так чужого, — а то и в доме епископа.

Тем не менее путешествие оказалось долгим и утомительным. Монахи избрали для себя самый оживленный маршрут, которым до них прошло столько армий, проехало столько купцов, прошагало столько паломников... Он вел через Тирольскую область, Бреннер, Милан и Флоренцию. Многие из виденного вокруг изумляло их, многое вызывало оторопь и неприязнь. Им попадались монастыри, выстроенные из мрамора, украшенные портиками и колоннами, — не монастыри, а самые настоящие дворцы. В одном из них, куда они приплелись вечером пятницы, им подали на ужин мясо. В другом пришлось задержаться на несколько дней, потому что брата Мартина свалила жестокая лихорадка, и он даже думал, что умирает.

Наконец они добрались до Священного города. Счастье переполняло паломников. Весь первый день они ходили по церквям, в каждой вознося Господу благодарственную молитву. Но уже на следующий день энтузиазм их начал угасать. Им сразу бросилось в глаза, что священники ведут себя совсем не так, как положено, мессу «ужимают» до нескольких минут. Зато по всему городу высились величественные дворцы, в которых на самую широкую ногу жили кардиналы и прочие церковные иерархи. Наслушались они и разговоров. Оказалось, многие церковные деятели даже не имели духовного сана! В Риме жаловались на суверенных правителей, узаконивших светскую инвеституру, но сам папа раздавал епископские должности мирянам. Что же говорить о том, что прелатами он назначал своих 20-летних племянников! Некоторые высокопоставленные клирики содержали любовниц, имели детей, а мессы не служили вообще. У себя в Германии они и ведать не ведали, что предыдущий папа Александр VI (папу Пия III, занимавшего этот высокий пост не более месяца, в расчет не принимали) открыто практиковал симонию, сожительствовал с женщиной, родившей ему четверых детей, и аннулировал брак своей дочери, чтобы вторично выдать ее замуж за сына неаполитанского короля. Нынешний же папа Юлий II, хоть и обладал безукоризненной личной репутацией, прежде

всего был воителем и любителем изящного и окружил себя художниками и музыкантами.

Брата Мартина при виде всех этих безобразий охватила глубочайшая скорбь. Он, всегда идеализировавший образ папы и папства, испытал самый настоящий шок. Во всяком случае, именно это утверждал он впоследствии. Впрочем, ряд историков склоняется к мнению, что эти эмоциональные оценки и впечатления были сформулированы задним числом. «Давайте, — призывает Люсьен Февр, — раз и навсегда прекратим обсуждать Рим периода власти Борджа и оставим в покое те анекдоты, сами по себе достаточно банальные, которые во славу великого человека собирали его добровольные хроникеры. Предельно ясно выразился в этой связи Шеель, утверждавший, что в Риме наш августинец не увидел и не услышал ничего из ряда вон выходящего. Он добросовестно исполнил свою миссию паломника, притом паломника, начисто лишённого критического подхода к действительности, который никогда не входил в число его достоинств». Последним своим замечанием Февр намекает на те фантастические бредни, которыми наверняка забивали голову молодому монаху словоохотливые дьячки и паломники, с которыми общался Лютер.

Между тем его действительно постигло глубокое разочарование, хотя и совсем другого рода. Сразу по прибытии выяснилось, что выполнить поручение не удастся. Славные саксонские августинцы понятия не имели, что простой монах не мог обращаться в римскую курию без рекомендательного письма, выданного высшим представителем местной церковной власти. В данном случае речь шла о письме, подписанном Штаупицем или старшим приором. Очевидно, что первый вряд ли снабдил бы своих противников необходимым документом, а второй вообще отказался потворствовать этому предприятию, потому что не верил в его успех. Вместе с провалом миссии рухнула и ещё одна задумка Лютера, в которой он не признавался никому и которая, не исключено, и стала одной из причин, подвигших его к путешествию в Рим. Он собирался испросить у курии позволения продолжить образование в одном из университетских городов, где не было монастыря его ордена, вследствие чего ему не пришлось бы носить во время учебы монашескую рясу.

Что за планы вынашивал отчаявшийся священник? Может быть, он мечтал порвать со своим орденом, поселившись где-нибудь подальше, где его никто не знал. Может быть, просто хотел избавиться от опеки и общества поднадоевших ему саксонских августинцев. Впрочем, в последнем случае ему ничего не стоило попросить приюта в одном из зарубежных монастырей ордена, чего он не сделал. Ольдекоп, от которого

мы узнаем обо всей этой истории, ни слова не сообщает о побудительных мотивах друга, — вполне возможно, они и для него оставались загадкой. Так или иначе, но попытка тайком от начальства добиться в Риме привилегии весьма красноречива. Она доказывает, что в ту пору монастырское житье настолько опротивело Лютеру, что он готовил самый настоящий побег, правда, для очистки совести предпочитая не выходить за рамки установленных правил. Итак, его путешествие оказалось не только печальным, но и совершенно бесполезным. Слабое утешение он нашел в уроках древнееврейского языка, которые согласился давать ему один немецкий еврей.

Четыре недели в Вечном городе пролетели, и Лютер собрался в обратный путь. Дорога к дому заняла еще больше времени, и вот почему. Папа и император беспрестанно воевали друг с другом, и папская армия, усиленная венецианским войском, постоянно вступала в вооруженные стычки с отрядами германского императора. Осторожный Лютер решил избрать наиболее безопасный маршрут, а потому двинулся долиной Рейна, пересек Швейцарию и очутился в Австрии. В Зальцбурге он встретился со Штаупицем. Неизвестно, произошла ли эта встреча случайно или они договорились заранее, но обрадовались оба. Очевидно, религиозный дух братской любви не покинул ни того, ни другого. Мартин сейчас же излил старшему товарищу всю горечь своих разочарований; тот утешал его как мог. Возможно, Штаупиц тоже воспользовался доверительностью обстановки, в которой оба оказались, чтобы с глазу на глаз изложить бывшему ученику свою позицию в вопросе монастырей. Впрочем, за время отсутствия Мартина и его компаньона в деле произошли серьезные изменения. Викарий епископа собрал в Иене совещание, на которое пригласил и представителей семи оппозиционно настроенных монастырей. Здесь, проявив известную гибкость, он открыто и, вполне возможно, искренне заявил, что отказывается от своего первоначального плана. Так что поход Мартина, как ни крути, выходил бесполезным.

Сам молодой богослов совершенно охладел к этому делу. Возможно, он потерял к нему интерес после того, как его миссия провалилась; возможно, затея с самого начала казалась ему унижительной; возможно также, он вообще согласился взять на себя роль ходатая, только имея в виду тайные личные планы, которые тоже бесславно рухнули. Наконец Штаупиц сообщил Лютеру, что его с нетерпением ждут в Виттенберге. Мартин несколько не расстроился оттого, что в Эрфурт ему возвращаться не нужно. Тамошняя братия всегда вызывала у него неприязнь своими строгостями в соблюдении устава, тогда как Штаупиц по-прежнему настаивал, что

Мартин должен занять после него кафедру. Таким образом, и для того и для другого дела оборачивались совсем неплохо. Разумеется, Мартин для проформы сделал вид, что не согласен с решением. «Я болен, я глуп, — заявил он. — Вам бы следовало поискать кого-нибудь другого». Но викарий только поощрительно улыбался, давая понять, что Церкви нужны именно такие люди, как Лютер, ибо за ними будущее. Нет никаких сомнений, что в ту минуту Штаупиц вполне искренне верил, что, помогая брату Мартину избавиться от меланхолии, он открывал перед ним возможность послужить своими талантами во благо Церкви.

Между тем распря, расколовшая августинцев, приняла неожиданный оборот. Наверное, Штаупиц почуял, откуда ветер дует, потому-то он и постарался как можно быстрее урегулировать свои отношения с монастырями, справедливо рассчитав, что люди, сегодня выступающие против него, завтра могут стать его союзниками. Одного из таких потенциальных союзников он видел и в Мартине Лютере. В самом деле, спор, вначале разгоревшийся вокруг проблемы взаимоотношений с саксонскими августинцами, не придерживавшимися строгого устава, в конце концов перекинулся на внутренние проблемы ордена. Конгрегация вступила в полосу кризиса, тем более острого, что далеко не все члены братства изначально выражали согласие с проводимыми реформами. Штаупиц не только добился существенного смягчения правил, установленных Пролесом (что само по себе весьма мало напоминало реформу), но и попытался в дальнейшем пересмотреть самые основы монастырского устава, так что становилось непонятно, чем же последователи строгого устава должны отличаться от остальных братств августинского ордена.

В монастырях началось брожение умов. Многие монахи открыто возражали против некоторых дополнительных требований, введенных в строгий устав. Возможно, Лютер, известный своим неодобрительным отношением к «делам», сыграл в развитии этого процесса определенную роль. Конечно, пока он был рядовым послушником или излишне нервным студентом, мало кто обращал внимание на его стенания и жалобы, впрочем, никогда не выходившие за достаточно скромные рамки. Другое дело теперь, когда он начинал пользоваться репутацией интеллектуала. К тому же изменилось и его поведение: он все чаще стал подавать голос.

Постепенно сформировались два лагеря, представители которых первое время вели себя по отношению друг к другу вполне терпимо, но уже очень скоро начали демонстрировать взаимное неприятие. В одном лагере

объединились те, кто считал необходимым сохранить без малейших изменений все правила, введенные Пролесом, потому что поблажки, которые проталкивал Штаупиц, подрывали религиозное усердие монахов. К другому лагерю примкнули те, кто полагал, что буква убивает дух, что в Германии совсем другой климат, нежели в Италии, поэтому слепое подражание итальянцам приведет не только к массовым болезням среди монахов, но и к нарушению добродетели умеренности. Разумеется, Штаупиц, как автор «Установлений», целиком и полностью поддерживал именно последнюю группировку. Лютер, постепенно склонявшийся к мнению, что чрезмерная аскеза нисколько не приближает к спасению, но, напротив, способна поколебать веру, стал его союзником.

Капитул конгрегации, собравшийся в Кельне в мае 1512 года, показал, что большинство придерживалось взглядов Штаупица. Его снова избрали на пост викария епископа. Сохранил за собой место настоятеля Виттенбергского монастыря и Венцеслав Линк, один из горячих сторонников Штаупица. Лютера, которому едва исполнилось 29 лет, но который успел зарекомендовать себя в качестве яростного защитника идей викария, назначили помощником настоятеля все в том же Виттенберге. Таким образом, монастырь, который возглавили сразу два наиболее убежденных поборника новых веяний, превращался в оплот борьбы против радетелей строгого устава.

При таких обстоятельствах успешная сдача Лютером экзаменов не вызывала ни малейших сомнений. Вернувшись в университет после трехлетнего отсутствия, он не посетил ни одной лекции, но 4 октября 1512 года получил степень лиценциата богословия. Пятнадцать дней спустя, 19 октября того же года, ему присвоили и докторскую степень. Экзаменационную комиссию возглавил Карлштадт, а одним из поручителей выступил настоятель Линк.

7.

ИСЦЕЛЕНИЕ (1512—1516)

1512 год знаменовал собой начало периода, важность которого для развития личности Лютера трудно переоценить. Именно в это время перед ним замаячила реальная надежда избавиться от своего недуга. Путешествие в Рим действительно оказало на него глубочайшее влияние, но не потому, что он узнал о существовании пороков, которые бытовали и в Саксонии, и воочию увидел дворцы церковных иерархов, которых хватало и в Майнце или Аугсбурге, а потому, что он наконец-то вырвался из тесной клетки самосознания. Ведь это он, зажатый и робкий монах, привыкший без конца копаться в собственных переживаниях, стал в оппозицию к власти, получил от братьев важное поручение и без провожатых проделал далекое путешествие! Теперь все переменялось. Теперь он стал доктором и монастырским начальником. Еще вчера ему позволялось только слушать, что говорят другие, а теперь он сам учил окружающих. Еще вчера он только покорно исполнял, что ему прикажут, а теперь сам приказывал другим.

Душевные его страдания пошли на спад. Правда, его все еще донимали сильнейшие головные боли, а мыслями владел так и нерешенный вопрос о его предназначении. На исповедь он по-прежнему ходил охваченный изнутри парализующим страхом. Зато теперь он понял, что нет смысла биться головой о стену, если есть возможность ее попросту обойти. Одной проблемой, которая не давала ему покоя по меньшей мере последние пять лет, он поделился со Штаупицем. Может ли покаяние, которое является одним из «дел», примирить человека с Богом? По своему обыкновению, Штаупиц и не подумал искать ответ в дебрях теологии; для него учение и практическая деятельность всегда существовали параллельно. О каком покаянии идет речь? Если о таинстве, то Церковь учит, что кающийся грешник, принимая причастие, очищается от грехов благодаря Христу-Спасителю. Или об умерщвлении плоти, которое практикуют монахи, исполненные ненависти к греху? Впрочем, исповедника эти нюансы и не интересовали. Он хотел одного: успокоить и приободрить томимого тоской Мартина. «Без любви ко Христу нет покаяния, — говорил он. — Предавшись без остатка Христу, обретешь ты душевный покой». Эти слова произвели на Лютера впечатление. Теперь он понимал, что только вера в Христа наполняет смыслом духовную жизнь.

Для чего же он раньше потратил столько сил на то, чтобы найти оправдание своим прегрешениям? И зачем так страдал, вспоминая о них?

Самое же главное, ему стало решительно некогда заниматься исследованием темных закоулков своей души: новая деятельность захватила его без остатка. Немало времени отнимала у молодого доктора подготовка к занятиям со студентами, требовавшая изучения первоисточников. Сменив за университетской кафедрой Штаупица, он должен был взять на себя курс толкования Библии. Для начала он выбрал темой своих лекций Псалтирь. «Он прочитал курс лекций по Посланию Римлянам, — пишет Меланхтон, — а затем по Псалтири». Здесь, как и во многих других местах, биограф не удосужился свериться с источниками. Лютер сам составил план своих первых лекций: «Получив докторскую степень, я начал с разбора Псалтири, Послания к Евреям, а затем перешел к Посланию к Римлянам и Посланию к Титу». Именно в таком порядке эти труды и были затем опубликованы: в 1514 году вышли «Диктанты по Псалтири», в 1516-м — «Комментарий к Посланию к Римлянам», в 1517-м — «Комментарий к Посланию к Евреям». «Комментарий к Посланию к Галатам», изданный в 1518 году, был, скорее всего, прочитан раньше «Комментария к Посланию к Евреям».

Нет ничего удивительного в том, что молодой профессор решил начать с Псалтири. Тема эта, скорее поэтическая, нежели научная, не требовала от преподавателя глубоких теоретических познаний. В качестве цитируемых он чаще всего привлекал тех авторов, чьи сочинения успел хорошо изучить: бл. Августина, св. Бернара, св. Бонавентуру. Много позже, составляя предисловия к изданию этих трудов, он обращался к читателю с просьбой проявить к ним снисходительность, поскольку, как он пишет, сочинял их будучи «монахом и заядлым папистом». Кроме текстов своих лекций он в 1513 году опубликовал также работу, посвященную Десяти заповедям. От этого издания, озаглавленного «Praeceptorium Martini Lutheri»^[11], не сохранилось ни одного экземпляра.

Приходилось ему читать и проповеди. Вначале его аудиторию составляла только монастырская братия, но начиная с 1516 года к ней добавились и прихожане Виттенбергской церкви. Пыл, с каким он произносил слова, сулившие ему освобождение, сообщал его красноречию искренность и вдохновенность. Порой он слишком отдавался полемическому задору, и тогда тон его делался колким, а то и угрожающим. Первый цикл проповедей, очевидно, составленных на основе уже изданного к тому времени научного труда, который его прихожане вряд ли читали, посвящался Десяти заповедям. Впоследствии ученики Лютера

записали текст этих проповедей, перевели их на латынь и опубликовали перевод в 1517 году.

Понимая, что список авторов, на которых он ссылался, необходимо расширить, он много читал. Лютер придерживался установок школы новейшего благочестия, совпадавших с его внутренними убеждениями человека, который верит только личному опыту, и потому презирал рационалистические методы и отвергал авторов-рационалистов. Изучая относительно современных и эмоционально наиболее ярких мыслителей, он открыл для себя творчество немецкого мистика Иоганна Таулера.

Произведения этого доминиканца, жившего в XIV веке и заслужившего от современников прозвища «ясновидца» и «несравненного Доктора», стали для проповедников настоящей золотой жилой. Он сочинил проповеди для целого церковного года, читал их в Кельне и Страсбурге на немецком языке, по-немецки же их и записывал. Перелистывая эти исполненные пафоса и глубокого чувства страницы, отец Мартин искал и находил в них отклик своим собственным мыслям и переживаниям. В проповеди ко дню Богоявления Таулер раскрывал символику мирры, видя в ней олицетворение тяжести испытаний: «Душа в тревоге, душа во мраке. Страдания, истинные страдания, которым страждущий предается без остатка, пожирают его плоть, и кровь, и все его существо. Внутренняя работа куда заметнее меняет самый цвет лица, нежели исполнение внешних обрядов, ибо Бог является в самых чудовищных искушениях, в особенных, чрезвычайных испытаниях, ведомых лишь тому, кто их претерпевает... Бог сам знает, куда Ему являться! Увы! Не понимая, в каком порыве любви дарует нам Бог эту мирру, мы совершаем непростительную ошибку, и никаких слез не достанет, чтобы оплакать урон».

В первое из трех воскресений перед Великим постом Лютер обращался к толкованию слов Иисуса, сказавшего: «Иго мое есть благо, и бремя мое легко». «Это утверждение, — учил он, — вступает в противоречие с опытом тех людей, которые понадеялись на собственные природные силы, доверились своему естеству. Они-то и говорят: «Иго Божье горь-ко, а бремя Его тяжко». Но мы должны верить словам Иисуса, ибо Его устами говорила вечная истина». Во второе воскресенье Великого поста он в свойственной тому времени аллегорической манере комментировал отрывок, в котором говорится о том, что Христос удалился в страны Тирские и Сидонские: «Название страны Тир означает «тревога», а страны Сидон — «охота». За кем же идет эта охота? За человеком внешним, которого преследует человек внутренний. «Из этой-то охоты и рождается тревога и скорбь великая. О, дети мои! Погружаясь в эту

тревогу, человек начинает понимать, что охота идет в его душе, а охотник — сам Бог. В такие минуты и является к человеку Иисус, и входит в его душу. Тому же, кто не ведает скорби и не чувствует, что за его душу идет охота, Иисус не является».

Наконец, он вел обширную переписку, и в его письмах той поры находят отражение и мысли о прочитанном, и будничные заботы. Обращаясь к друзьям, он расхваливал им проповеди Иоганна Таулера: «Ни на немецком, ни на латинском я не встречал еще столь святого богословия, столь близкого по духу к Евангелию». Брату Георгу Шпенлайну он писал в Майнингенский монастырь: «Хотелось бы мне знать, в каком состоянии пребывает твоя душа. Быть может, утомившись собственной праведностью, она нашла наконец радость и надежду в праведности Христа? Сегодня немало таких, кто поддается соблазну самодовольства, в особенности же много их среди набожных праведников. Не понимая, что благодать Божья дается нам даром во Иисусе Христе, они тщатся своими силами творить добро, дабы предстать пред Ним счастливыми, в ореоле заслуг и добрых дел. Но это никак невозможно. Когда ты был с нами, то тоже придерживался этого мнения, вернее сказать, этого заблуждения, как, впрочем, придерживался его и я. Еще и поныне я все борюсь против него и все никак его не одолею».

Это письмо помечено 1516 годом. Следовательно, для его автора пока мало что изменилось. Все так же умом он понимал, что спасение его зависит лишь от Бога, и все так же ничего не мог поделать с боязнью, что безжалостная кара Господня настигнет его, вернее, его грехи. Он не ленился лишний раз повторить то, чему учил его Штаупиц: «Если отдохновение души зависит только от наших трудов и наших усилий, то для чего тогда принял смерть Иисус? Лишь отчаявшись в себе и своих делах, обретишь ты мир». Как видим, его по-прежнему занимала все та же проблема. Теоретическое ее решение лежало на поверхности, но вот практическое претворение в жизнь... Проповедуя перед другими, он изо всех сил старался внушить им уверенность, которой сам еще не обладал.

В том же самом году и примерно в том же духе он обращался и к брату Йоргу Лайфферу, жившему в Эрфуртском монастыре: «Не отталкивайте от себя эту частичку Креста Христова... Если мы ради любви к Его вселюбящему сердцу безропотно сносим [испытания] и приемлем Его божественную волю, то самые испытания эти святы и благословенны». Благоговение перед сердцем Христовым доказывает, что он хранил верность заветам, оставленным св. Бернардом и св. Бонавентурой. В целом в его переписке доминирует вполне традиционная концепция, согласно

которой наше спасение не зависит от наших заслуг, но даровано нам Иисусом Христом. Зато его пристальное внимание к вопросу о бесполезности «дел» можно рассматривать как предтечу уже чисто лютеранской теологии.

Итак, он делил свое время между чтением, сочинительством, проповедничеством и писанием писем. Но этим его занятия не ограничивались. Он ведь входил в число высших руководителей монастыря, а в 1515 году его статус повысился еще. Именно тогда на капитуле конгрегации, собравшемся в Готе, его избрали викарием деканата, то есть главой одного из округов конгрегации. К этому округу относились, за малым исключением, территории южной части обеих Саксоний: Тюрингия, входившая в состав курфюршества Саксонского, и бургграфство Мейсен (со столицей в Дрездене), принадлежавшее герцогству Саксонскому. Вместе с Виттенбергом получалось 11 монастырей строгого устава, оказавшихся под началом Лютера. Термин «деканат» (по-латински *decanus*), скорее всего, обязан своим происхождением тому, что первоначально каждый округ насчитывал примерно десять монастырей. В действительности же, поскольку конгрегация имела монастыри по всей Германии, должность Лютера приравнивалась к должности приора саксонской провинции.

Первым делом он назначил настоятелем крупнейшего в округе Эрфуртского монастыря своего друга Иоганна Ланга, полностью разделявшего его взгляды на Бога и человека. По отношению к подчиненным Лютер демонстрировал доброту и понимание. Так, находясь в Дрездене, он узнал, что один из братьев впал в грех и после шумного скандала укрылся в монастыре Майнца. Настоятелю монастыря Лютер направил письмо такого содержания: «Этот человек — одна из моих заблудших овец. Мой долг разыскать его и вернуть в лоно Церкви. Пусть же ничего не боится и приходит назад, ибо я приму его». Впрочем, чуть дальше следовало еще одно замечание, выдававшее его собственные сомнения: «Чудо не в том, что человек оступается; чудо, что он способен подняться и удержаться на ногах». Между тем, когда к прочим его обязанностям добавилась еще и новая, выяснилось, что ему трудно поспевать везде.

В 1516 году он отправился с инспекцией по своим монастырям. Первым делом посетил Дрезден — возможно, как раз из-за недавнего скандала, о котором ему доложили. Затем, наскоро заглянув еще в несколько монастырей, он вернулся в свою резиденцию. Так, в Готе он провел всего час, в Лангензальце — два часа. Мыслимо ли за столь

короткое время побеседовать с каждым монахом по отдельности, как того требовали правила? Видно, он решил, что Божьего попечения его подчиненным будет довольно, а потому писал Лангу: «В подобных местах Господь действует помимо нас и вопреки диаволу; оставим же Ему заботу руководить как вечным, так и преходящим». Что ж, если посещение монастырей относить к разряду «дел», а «дела» считать бесполезными, тогда исполнять свои обязанности окажется совсем не так уж трудно...

Он и сам отдавал себе отчет в том, что успеть повсюду не в состоянии. «Мне бы надобно, — писал он в том же году, — обзавестись двумя секретарями или канцеляристами. Целый день я занят тем, что пишу письма, так что порой задаюсь вопросом, а не повторяю ли в них все одно и то же. Как монастырский проповедник я обязан ежедневно читать проповедь в трапезной, и ежедневно же меня призывают в приходскую церковь. Я преподаю студентам. Я занимаю должность викария, а сие означает, что я одиннадцать раз настоятель. Я квестор рыбаков в Лайтцкау, я представляю Церковь на процессе в Герцберге. Я читаю курс лекций о святом апостоле Павле и готовлю новый курс, посвященный Псалтири. Но, как я уже говорил, целыми днями я вынужден сидеть и писать письма».

Представим себе такую картину. Брат Мартин, еще вчера такой робкий и молчаливый, мечется от письменного стола к университетской кафедре и с утра до вечера трудится над словом, устным и письменным. В личных письмах к друзьям он делится с ними самыми сокровенными своими мыслями; выступая перед братьями-монахами и мирянами в приходской церкви, излагает перед ними основы христианства, проповедует и учит. Постепенно начинает меняться и его собственное мироощущение. Если раньше он весь тяжкий груз сомнений, давивших на сердце, мог нести только в исповедальню, то теперь он открыто обсуждает самые сложные и острые вопросы в рамках своего теоретического курса; обретая форму учения, его личные переживания освобождаются из тюрьмы, в которой держало их сознание. Личный опыт помогал вести преподавание, а сотни раз повторенные вслух истины, несущие утешение, в конце концов проникали в глубь сердца и проливались целительным бальзамом на рану, обильно кровоточившую в тоске одиночества.

Но как нельзя объять необъятное, так нельзя одновременно быть талантливым проповедником, аккуратным корреспондентом, погруженным в жизнь духа, и добросовестным руководителем, озабоченным соблюдением правил и проблемами подчиненных. Невозможно в одно и то же время мчаться в отдаленный монастырь, находиться на университетской кафедре или в приходской церкви и водить пером по бумаге в тиши кельи.

Лютер не мог не понимать, что как викарий деканата он недостаточно бдительно следит за соблюдением устава. Впрочем, в целом ряде монастырей — особенно этим славился Виттенберг — к уставным строгостям относились с прохладцей. Весьма красноречивым примером служит рассказ, который поведал нам Генрих Денифле. Монах Виттенбергского монастыря по имени Габриэль Цвиллинг с 1512 года числился в списке студентов университета. И вот в 1517 году отец Лютер получил от викария епископа Штаупица приказание срочно переправить упомянутого брата в Эрфурт по той простой причине, что он, как вслед за Штаупицем повторил Лютер, «не узнал и не освоил ни одного из правил и обычаев нашего ордена». Далее следует вывод, к которому пришел викарий деканата: «Было бы разумно и полезно, чтобы его поведение во всех отношениях соответствовало установленным правилам».

Хорошенькое дело! Монах, принявший обет, целых пять лет прожил в монастыре под присмотром настоятеля и его помощника, к тому же облеченного властью викария всего округа, и при этом исхитрился не узнать ни одного из правил монастырской жизни. Чем же, любопытно знать, он занимался все эти пять лет? И как он себя вел? Надо думать, он ходил на занятия в университет, работал в библиотеке, сидел у себя в келье, гулял по монастырскому саду, но ни одной из обязанностей, налагаемых званием монаха, не исполнял. Не прислуживал в церкви, не слушал мессы, не исповедовался и не каялся в грехах, не говоря уже о будничной мелкой работе, без которой немислим самый дух монастыря и которая каждому из монахов дает возможность ощутить себя членом братства. Но, может быть, то был редкий, единичный случай? Вряд ли. Коли уж монастырское начальство не углядело в поведении этого «брата» ничего из ряда вон выходящего, значит, и остальные могли последовать его примеру. Поэтому мы вправе предположить, что в описываемой обители царил определенный дух анархии. Штаупиц специально обратил внимание на этот случай, поскольку он попался ему на глаза, но мы не знаем и никогда не узнаем, не отправлял ли викарий епископа и другие, не дошедшие до нас письма аналогичного содержания, касающиеся других монахов. Очевидно, подобная вольница характеризовала именно монастырь в Виттенберге, не зря же провинившегося отослали изучать устав в Эрфурт.

В это время между Лютером и частью эрфуртской братии наметились явные трения. Богословы этого монастыря уже высказали свой протест, когда Мартина, тогда юного бакалавра второй ступени, прислали к ним преподавателем. Они настаивали на том, чтобы молодой профессор получил прежде все положенные ученые степени. Забегая вперед, скажем,

что двое самых выдающихся из них — Юзинген и Натхин — в разгар Реформации выступят решительными противниками Лютера.

Но это случится позже, а пока, в 1514 году, викарий деканата посылал своим эрфуртским собратьям письмо за письмом, одно пламеннее другого. До нас дошло третье из этой серии писем, в котором автор называет два предыдущих глупыми. Что же он в них писал, Боже праведный, если в последнем, за которое он и не думал просить извинения, он на чем свет стоит поносил Натхина и заодно всех остальных эрфуртских монахов и обещал излить «чашу своего гнева и негодования на Натхина и весь монастырь в целом»? Дальше шли уже прямые угрозы: дескать, скоро «этот человек» узнает, что его ждет. Он же, Лютер, счастлив, что «спасся» из Эрфуртского монастыря. Не мог он удержаться и от того, чтобы подчеркнуть свое превосходство: «Пусть я поддаюсь негодованию, зато на мне благословение Божье, чему я и радуюсь бесконечно».

Но не только Виттенберг и Эрфурт выясняли между со-, бой отношения. Склока разгоралась внутри всей конгрегации. Никто из сторонников двух разных точек зрения не желал складывать оружия. Защитники строгости устава имели в своем арсенале установленные правила, историческую традицию и здравый смысл. Действительно, о. Пролес основал целую сеть монастырей и провел свои реформы именно ради того, чтобы возродить в них исконный дух дисциплины, отличавший первые братства ордена. Он добился от Рима признания независимости своей конгрегации при условии, что входящие в нее монастыри будут жить по своему особенному уставу, как раз и основанному на строгой дисциплине. Почему же преемник Пролеса, избранный, чтобы продолжить дело последнего, возглавил партию его противников? Прошло всего несколько лет, а он уже опустил руки перед трудностью доверенной ему миссии. Устав бороться с леностью монахов и инерцией настоятелей, он отказался блюсти чистоту установлений, и неудивительно, что самые эти установления теперь подвергаются сомнению. Разве можно надеяться сохранить букву, если умер дух? Что же касается недовольства некоторых распустившихся монахов, то им следует напомнить, что они вступали в ряды конгрегации добровольно, а потому обязаны либо соблюдать принятые правила, либо перейти в один из монастырей, не придерживающихся строгого устава. Иначе зачем вообще говорить о реформе?

Защитники противоположной точки зрения опирались главным образом на авторитет большинства. С той самой минуты, когда небрежение к уставу охватило подавляющее число монахов, викарий епископа,

продолжая оставаться их рупором, превратился одновременно в заложника этой группировки. На все аргументы своих оппонентов они теперь с агрессивной насмешкой возражали: «Хотите быть образцовыми монахами? Вот и начните с главной добродетели — с покорности!»

До сих пор исследователи не обратили должного внимания на ту решающую роль, какую внутренний кризис немецкой конгрегации августинцев сыграл в эволюции Лютера. Если бы он постоянно имел перед глазами вдохновляющий пример истинно монашеского поведения, разве пришла бы ему в голову идея о бесполезности добрых дел? Если бы его не назначили на высокий пост и не предоставили ему возможность учить и руководить своими братьями, разве поселилась бы в его душе такая уверенность в собственной правоте? Не случись всего этого, он, вероятно, так и продолжал бы копаться в своих внутренних переживаниях, пока не дошел бы до полного отчаяния. Во всяком случае, исцеление от душевной скорби, к которому он так стремился, не обрело бы форму богословской доктрины и не привлекло бы к нему такое количество сторонников, пусть поначалу и пассивных, но замороженных его авторитетным словом. Как знать, возможно, окончательно разуверившись в том, что он одолеет свою тоску монашеским служением, он вернулся бы в мир и окончил свои дни адвокатом или правоведам, достиг бы земного богатства и навсегда забыл о своих былых страхах. Иначе говоря, его личные психологические проблемы никогда не обернулись бы проблемами богословскими.

Лютер вплотную приблизился к поворотному моменту всей своей жизни. На него явственно повеяло долгожданным ветром освобождения. Обозначилась и преграда на пути к этому освобождению — монашество, убежденное в необходимости строгого соблюдения устава ордена. На него-то и обратил Лютер весь пыл своей ненависти. Он, перепробовавший все виды самоограничения и так и не добившийся душевного покоя, теперь стремился доказать всем остальным их тщетность и иллюзорность. Он ополчился не только на конкретные монастырские установления, он замахнулся на их теоретические основы. Все эти благонравные августинцы, которые подолгу постились, целыми днями не произносили ни слова, отстаивали все положенные службы, добровольно поднимались среди ночи для молитвы и при этом чувствовали себя безмятежно счастливыми, вызвали в нем нетерпеливое раздражение. Именно в них он видел теперь единственную препону, мешавшую ему утвердиться в спокойном сознании своей правоты. И потому щадить их он не собирался. Он поносил их заочно, с церковной и университетской кафедр (без малейших колебаний он втянул в склоку и своих студентов), он брал их в

глаза, выступая с проповедями в монастырях. Особенно старался он перед студентами. Так, в своем «Комментарии к Псалтири» он писал: «Многие сегодня считают себя высокодуховными людьми, тогда как на самом деле суть существа из плоти и крови, исполненные порока... Лишенные истинной духовности, они верой и правдой служат лишь своим начальникам, да еще и гордятся этим».

В другой своей лекции он высмеивал христианскую добродетель бедности, называя ее удобным предлогом для маскировки лени или жадности. В то же самое время своих подчиненных-монахов он упрекал в нарушении добродетели покорности, ведь они отстаивали свою точку зрения вопреки мнению начальства. И он честил их на чем свет стоит, именуя фарисеями, святошами, праведниками, евреями и еретиками. Свет, который они возжигают в своих церквах, уверял он, есть «свет, исходящий от дьявола».

Впрочем, на этом этапе его упреки к собратьям сводились лишь к тому, что последние, по его мнению, слишком истово исполняли предписанное правилами, зачастую превосходя в своем усердии самые правила. Поэтому он в основном корил монахов за непослушание, в котором видел гордыню, самоуверенность и презрение к ближнему. Ему пока не приходила в голову следующая достаточно простая мысль. Если ревнители строгого устава в глазах остальной части монахов выглядят чересчур усердными, то точно такими же «ревнителями» выглядят простые монахи в глазах мирян. И если диктуемое гордыней ложное усердие заключается в завышенных требованиях к себе, то как определить «незавышенные» требования? Где та грань, которая отделяет «правильное» усердие от чрезмерного? Он не мог простить себе, что мечтал обрести мир и душевный покой, исполняя монашеские обеты, и теперь приходил к убеждению, что этот путь никуда не годится. Но, опять-таки, как ее узнать, эту невидимую границу, за которой ревностное исполнение обетов подлежит безоговорочному осуждению? Повторим, в годы с 1512-го по 1516-й эти вопросы еще не занимали его. Он ведь сам принял монашеский постриг и потому считал нормальным соблюдать монастырский устав. И высшую добродетель он видел в подчинении своей воли воле высших руководителей — в той мере, в какой оно не противоречит Евангелию, уставу и нравственному чувству.

Между тем множество обязанностей, которые он взвалил на себя, не давали ему возможности во всем придерживаться требований устава. Как мы уже видели, он весьма небрежно относился к инспекции монастырей, хоть в этом заключался первейший долг викария деканата. Подобная же небрежность появилась и в его отношении к церковной службе,

составлявшей главное содержание жизни духовного лица, и в отношении к мессе — главной обязанности священника. В 1516 году он писал Лангу: «Мне редко удастся выкроить время, чтобы как положено читать часы и служить мессу». Впрочем, он и до этого не слишком старательно отдавался исполнению священнического долга. «В прежнее время, — признается он в 1535 году, — совершая требу, я часто заканчивал чтение псалма, а то и вовсе прекращал службу, даже не сознавая, добрался ли до ее середины или остановился в самом начале».

Как можно легко догадаться, мысли его во время богослужения витали где-то очень далеко, он был занят обдумыванием очередной проповеди или лекции, которые имели для него гораздо большее значение. Конечно, он молился, но не потому, что чувствовал потребность в общении с Богом, а потому, что искал оправдания в глазах окружающих, и самооправдания в том числе. В то же время он не мог не сознавать уникального значения молитвы не только в жизни религиозного деятеля, но и в жизни любого христианина вообще. В 1521 году, через год после своего отлучения от Церкви, он признается в письме Спалатину: «Я несчастный человек со все больше остывающим сердцем. Лень и вялость не дают мне молиться как должно. Будем же молиться и бдеть, дабы не впасть в искушение».

Из чего следует, что в Виттенберге, где он не молился как должно, он именно впал в искушение. Он и сам не отрицает этого, жалуясь (если только здесь уместно говорить о жалобе) в том же письме от 1516 года, в котором он упоминал о своем нерадивом отношении к мессе и божественным службам: «И кроме того, меня преследуют плотские и мирские искушения и посторонние мысли». На сей раз он недвусмысленно дает понять, что речь идет именно о «плотских искушениях», тех самых, из-за которых он еще недавно сверху вниз смотрел на святых Иеремию и Августина, полагая, что его собственные искушения, носившие трансцендентный и исключительный характер, ценились на порядок выше.

Эти его слова следует понимать буквально, не делая скидки на их метафорический смысл или оговорку. Он не называл «плотскими» искушениями мелкие проступки, связанные с уступками обыкновенной лени или чревоугодию. Несколько позже, в 1519 году, размышляя о борьбе за целомудрие, он напишет: «Это жестокая борьба. Мне довелось ее изведать. Думаю, и вам известно, что это такое. Я же слишком хорошо знаю, как это происходит. Как является диавол, как возбуждает он плоть, заставляя ее гореть огнем. Вот почему, прежде чем принимать обет целомудрия, каждый из нас обязан с полной серьезностью взвесить, по силам ли ему эта ноша. Ибо стоит вспыхнуть пламени — а я знаю, о чем

говору, — стоит начаться приступу, как разум слепнет». Он вспоминал все, что читал на эту тему. Некоторые авторы, стремясь отвратить читателя-мужчину от разврата, пытались представить женщину существом отталкивающим, отвратительным. Читал он и Овидия, в том числе его «Любовные элегии», и знал, что думал по этому поводу древнеримский поэт: «Когда возгорается плоть, мужчина слепнет, и ему уже все равно, красива женщина или нет». Лютер добавлял к этому свидетельству умудренного жизнью человека собственный комментарий: «За неимением чистой воды сойдет и навозная жижа».

Волновавшие его мысли находили выражение и в лекциях, которые он в 1515 году читал в университете. Так, в своем «Комментарии к Посланию святого апостола Павла к Римлянам» он в назидательной манере объяснял, как следует спастись от грехов, связанных с плотскими вожделениями: «Если юноша или девица не испытывают благоговения и трепета Божьего, а живут как им вздумается, не помышляя о Боге, то я сильно сомневаюсь, что ему или ей удастся сохранить целомудрие. Ибо необходимо, чтобы что-то одно — либо плоть, либо дух — прозябало, а что-то одно пылало. Нет лучшего способа победить плоть, чем сердечная отрешенность и равнодушие. Как только дух восплает огнем, так плоть утихомирится и остынет, и наоборот».

К мысли о том, что для достижения и сохранения целомудрия необходимы молитва и размышление, Лютер вернется еще не раз. В 1519 году он напишет: «Если тебя одолевают нечестивые и грязные помыслы, подумай о том, какую жестокую муку претерпела от ударов бичей и копий трепетная плоть Христа». В 1520 году под его пером родились такие строки: «Лучшее средство спасения — молитва и слово Божие. Как только человек почувствует себя во власти дурных побуждений, он должен обратиться к молитве, просить у Бога милости и помощи, читать Евангелие и размышлять над ним, вспоминать о страстях Христовых». Вот чему учил в это время Лютер. Тот самый Лютер, который в 1520 году скажет: «Я знаю, что живу совсем не так, как учу жить других».

Таким образом, вопреки своей сугубой занятости, а частично и благодаря этой занятости, отвлекавшей его от регулярного отправления монашеских обязанностей, вопреки тому учению, которое он с таким жаром проповедовал, вопреки спасительному убеждению, что аскеза бесполезна, он снова оказался во власти прежних искушений. Мы говорим снова, потому что теперь он отказался от придуманной ранее мистико-героической роли, играя которую гордо отвергал опасность плотских искушений и признавал лишь искушения духа.

В надежде исцелиться от своего душевного недуга он пролил столько слез перед Штаупицем, он так досконально разобрал психологическую природу греховности перед студентами и прихожанами, что теперь у него больше не оставалось ни сил, ни желания и дальше прятать от окружающих и от самого себя тот факт, что он испытывал самые обыкновенные, банальные, человеческие страсти. В 1517 году в «Комментарии к Посланию к Евреям» он отмечал: «Мы со всех сторон окружены врагами, ежедневно нас одолевают бесчисленные прелёсти, поглощают заботы, отвлекают дела. Все это лишает нас душевной чистоты». В 1519 году он в который уже раз жаловался Штаупицу: «Я слабый человек, падкий до мирской суеты, пьянства, плотских страстей, лени и прочих пороков, усугубляющих те, что проистекают из моей должности».

В то же самое время его переполняло чувство довольства собой. Еще недавно обмиравший от сознания собственной ничтожности пред ликом сурового Бога с его карающей десницей, а теперь поверивший, что Бог добр и никакая кара ему не грозит, он решительно переменялся в собственном мнении. Конечно, он каждую минуту готов оступиться, но ведь такова человеческая природа! Главное, как понял он теперь, это помнить о ранах Христа. Пусть от греха это и не убережет, зато даст уверенность, что Бог не затаит на тебя обиду за твой грех. С другой стороны, он теперь стал весьма популярным проповедником и почуял вкус славы. Мало кто на его месте сумел бы сохранить равнодушие к собственным успехам. Наконец, после возвращения из Рима и своего избрания на высокий официальный пост он начал понимать, что представляет собой определенную силу. Оглядываясь вокруг, он ни в ком — или почти ни в ком — не находил совершенства. Натхина он называл «безмозглым болтуном», епископов — фараонами и слугами сатаны, латиниста Ортуина Грация — «ослом» и «алчным волком в овечьей шкуре».

Поэтому не следует удивляться, что из лексикона Лютера этой поры почти исчезли такие слова, как раскаяние, угрызения совести или, как тогда еще говорили, сокрушение сердца. Пока он верил в возможность «купить» милость Бога ценой самоистязаний, вопрос о покаянии даже не вставал перед ним, ведь значение имела не его душа, а общий «вес» накопленных им добродетелей. «Я был настолько глуп, — признавался он, — что никак не мог понять, почему, исповедавшись и покаявшись, я все еще считал себя таким же грешником, как все остальные».

Как мы видим, здесь Лютер упоминает о покаянии, но вполне

очевидно, что речь идет о поверхностном чувстве, для удовлетворения которого хватает мимоходом полученного прощения. Церковь называет такое чувство «несовершенным раскаянием», имея в виду его случайный и условный характер. О том, что в случае Лютера дело обстояло именно таким образом, говорит и тот факт, что сам он неоднократно подчеркивал, что ни разу в своей жизни не испытал истинного раскаяния. Такого рода заявления он делал и в 1514, и в 1518 годах. Собственно, толкуя о раскаянии, он имел в виду страх перед Божиим судом, но никак не порыв любви к безвинно страдавшему Богу, ко Христу, принявшему крестную смерть за наши грехи.

Представив себе, в какой внешней суете и в каком внутреннем беспокойстве протекали его дни, стоит ли удивляться, что, возвращаясь по вечерам в свою келью, уставший от дневных забот и бесконечных споров несчастный брат Мартин становился мишенью атаки, которую обрушивало на него «тройное вожделение», как он сам называл три основные человеческие страсти: похоть, гнев и гордыню. Мы сознательно ограничиваемся здесь словом «атака» и не идем дальше в своих предположениях. Мы, разумеется, видели, что порой он позволял себе поддаться приступу гнева, причем чем дальше, тем эти приступы становились все более осознанны, однако приведенные нами цитаты относятся к 1516 году, когда для него все, или уже почти все, решилось. Что же касается целомудрия, то ни он сам, ни кто-либо другой нигде не упоминает, что Лютер когда-либо, тайно или явно, в мыслях или фактически согрешил. Он говорит, что испытывал искушение, но нигде не говорит, что этому искушению поддался. Таким образом, он нес на своих плечах общее для всего человечества бремя, но и только — ни больше ни меньше.

Между тем корень его страданий, обрушившихся на него сразу по вступлении в монастырь, лежал именно в этой плоскости. Он винил себя за то, что испытывает искушение, и потому с таким пылом практиковал умерщвление плоти, надеясь, что этим искупит свой грех, но его надежда оказалась напрасной. Он спутал состояние греховности, которое каждого человека делает потенциальным грешником, с греховным поведением, в результате которого люди и делаются настоящими грешниками. Раз он пребывает в состоянии греховности, рассуждал он, значит он грешник. Греховную человеческую натуру, из-за которой люди рождаются на свет со склонностью к пороку, он спутал с сознательным приятием греха, в результате которого человек действительно становится порочным, поскольку соглашается творить зло. Раз и он обладает человеческой

натурой, считал он, значит, он порочен. Но ведь изменить свою натуру невозможно, как невозможно благодаря посту и ночным бдениям перейти в иное состояние. Значит, делал он вывод, он есть и навсегда останется порочным грешником. Отсюда и тщетность его борьбы с состоянием постоянного внутреннего ужаса.

Чтобы избавиться от этого ужаса, доктору Мартину предстояло расстаться сразу с двумя иллюзиями: перестать верить в то, что грех искупается аскезой, и в то, что источник греха таится в вожделении. Первую иллюзию ему удалось преодолеть к началу периода, охватывавшего годы с 1512-го по 1516-й. До той поры вопреки всему, что он читал, вопреки всему, чему его учили, он продолжал упрямо придерживаться своего личного взгляда на аскезу как на «валюту», легко «конвертируемую» в искупление. Увы, все его старания ни к чему не привели, и его по-прежнему донимали искушения. И тогда — постепенно, преодолевая внутреннее сопротивление, — он начал склоняться к убеждению, что спасение человеческой души зависит от одного лишь Бога. Ему открылась Божья благодать.

Это открытие могло стать для него самым счастливым событием, знаменуя собой начало нового этапа его жизни. Но этого не произошло, потому что его по-прежнему держала в плену вторая иллюзия, наряду с первой угнетавшая состояние его духа и в равной мере мешавшая ему проникнуться откровением Искушения. Грех, который искупил Христос, считал он, есть грех вожделения. Поступая послушником в монастырь, он мыслил отнюдь не категориями католического учения, и даже последующий его отказ от пелагианства (старинной ереси, с которой боролся еще бл. Августин и смысл которой сводился к вере в то, что спасение человека зависит лишь от его доброй воли) еще не означал, что он принял католицизм. Его позиция оказалась уязвима даже с точки зрения простого здравого смысла, поскольку смешение понятий искушения и греха больше принадлежит области психологии и личного душевного опыта, нежели сфере богословия.

Благодать открылась Лютеру, когда он успел уже стать священником и доктором богословия, то есть достаточно поздно. Но все-таки он осознал, что своим спасением человек обязан одному лишь Христу. Увы, эта истина не заставила его сердце затрепетать от радости. Он, конечно, проповедовал свое открытие, яростно защищая его в спорах, но участвовал в этом один лишь его рассудок. Озарение коснулось богослова, оставив холодным монаха. Душой он по-прежнему скорбел и сомневался. Штаупиц потратил не один год, чтобы избавить его от первой иллюзии, тогда как о

существовании второй он даже не подозревал. Посредственный богослов, Штаупиц не мог похвастать и тонким психологическим чутьем.

И адский круг замкнулся. Освободившись от ужаса перед карающим Богом, Лютер не освободился от сознания собственного ничтожества. Он знал, что Бог милосерден, что Он не требует платы в виде самоистязания за спасение. Но он также хорошо помнил то место в Евангелии, где Христос, обращаясь к женщине, говорит: «Ступай и больше не греши». Но он не мог не грешить! В годы с 1510-го по 1514-й он еще верил, что победа над собой возможна, хоть и трудна. Он даже учил других (нам уже известна его манера искать самоубеждения, убеждая окружающих), что вожделение греховно только в том случае, если в нем участвует душа. Он цитировал святого апостола Павла, сказавшего: «Вожделение не может повредить тем, кто живет в Иисусе Христе», поскольку после искупления грехов оно перестало быть злом, но обратилось в камень, тянущий нас в бездну зла.

Можно сказать, что в течение нескольких лет Мартин Лютер рассудком и словом (в той мере, в какой публичные выступления отражали состояние его ума) исповедовал католицизм. Но к 1514 году он уже формулировал эти истины «сквозь зубы». Победа над гордыней и похотью, словно выдавливал он из себя, «чрезвычайно трудна, а может быть, как убеждает нас опыт, и невозможна». Но что именно он подразумевал, толкуя о гордыне и похоти? Побуждения или конкретные поступки? Похоже, для него существенной разницы между тем и другим не существовало. И как обстоит дело с победой? Трудна она или все-таки невозможна? Мы видим, что он еще колеблется, и догадываемся, что слово «трудна» он произносит если не в последний, то, скорее всего, в предпоследний раз.

И в 1515 году для него все решилось. Надежда победить свою греховность рухнула окончательно и бесповоротно. «Бог требует от нас невозможного, того, что не в нашей власти, и не прощает неисполнения». «Мы видим, что, несмотря на всю нашу мудрость, несмотря на любые способы, к которым мы прибегаем, мы не в состоянии вырвать из нашего существа вожделение». «Бог запретил нам делать то, чего не может избежать ни один человек». Позже он разовьет эту мысль еще дальше: «Все, что в нашей воле, есть зло: все, на что способен наш ум, есть заблуждение». Что же остается в таком случае человеку? Ничего, одно отчаяние. «Законы плоти, — восклицал он в 1516 году, — властно влекут тебя к сатане, к греху и к нестерпимым мукам совести». Несколько лет спустя он добавит: «Все мы пленники диавола, он — наш князь и наш бог. Мы принуждены делать то, чего хочет он, то, на что нас толкает он».

Но нет! Это было бы слишком ужасно! Что-то подсказывает ему, что

есть выход помимо отчаяния. Отчаяние — свойство человека, но, возможно, есть и божественное решение проблемы. В 1515—1516 годах доктор Лютер пристально изучал Послание святого апостола Павла к Римлянам, на основе которого построил курс лекций и прочитал целый ряд проповедей. Постепенно, по мере того как мысли об отчаянии все больше овладевали его умом, по мере того как Небесные Врата закрывались перед его душой, они же распахивались перед Писанием. Да, человеку не дано достичь добродетели, но Богу — Богу дано все. Да, Мартин Лютер достоин осуждения за свои грехи, но Христос дарует ему вечное блаженство. Пусть грешник не сделал в жизни ничего хорошего (он на это не способен!), пусть он грешил и продолжает грешить (его порочная натура не позволяет ему ничего иного), Бог не станет вменять ему в вину его грехи. И не потому, что человек совершает их невольно (подобные аргументы хороши для людского правосудия, в глазах же Бога грех всегда наказуем), а потому, что Бог после Искупления вообще простил все грехи. Бог перестал быть карающим Богом, потому что Иисус Христос раз и навсегда утолил Божий гнев на людей.

И ужас, снедавший его, отступил. Отныне вся его небрежность к соблюдению устава и уклонение от исполнения священнических обязанностей не только сделались неподсудны, но и получили логическое объяснение. Дела, творимые человеком, не просто бесполезны. Они невозможны. Все, чему с таким усердием предаются искренне верующие, а больше всех — монахи и монахини, — не только напрасный труд, не играющий в деле спасения никакой роли, потому что спасемся мы одной лишь Божьей благодатью, но даже и никакая не добродетель, а только видимость добродетели, потому что человеческая порода изначально порочна. Чем глубже проникало в него это убеждение, тем слабее звучали в его душе угрызания совести за дурное исполнение своих обязанностей, тем призрачнее становилось его желание наказать себя самого. В то же самое время его собратья — набожные, целомудренные, смиренные, верные уставу монахи — превращались в его глазах в фарисеев, чтобы вскорости обернуться и вовсе чудовищами. Поскольку добродетель недостижима, все их добрые дела суть не что иное, как гримасы, призванные скрыть от мира их истинную сущность, которая, в свою очередь, есть не что иное, как бездна греховности, усугубленная нежеланием признать свою греховность.

Лютер понял, что он спасен. Вот оно, решающее доказательство, перевернувшее всю его душу. «С непостижимой отвагой, — отмечает Люсьен Февр, — он совершил головокружительный прыжок от самого мрачного пессимизма к самому твердому оптимизму, от восторженной

решимости сойти в ад к смиренной готовности упасть в божественные объятия». Но раз спасен он, Лютер, то значит, спасено все человечество. Он должен сообщить всем эту Благовую Весть. И в течение следующих двух лет все его лекции, все его проповеди посвящались одной и той же теме. «Не мучайте себя, ибо Бог действует за нас; не усердствуйте, ибо дела наши тщетны; обратитесь лучше с верой к Иисусу Христу, раз и навсегда даровавшему нам спасение». Все эти два года он так и этак поворачивал эту тему, пояснял и развивал ее, углублял и отрабатывал детали, находил все новые доказательства и с торжеством воспевал свою идею. Он нес ее своим братьям, проповедуя в Виттенбергском и других подчиненных ему монастырях; он приобщал к ней ученых и студентов; он знакомил с ней простой народ, ходивший к службам в приходскую церковь; он делился ею в письмах к друзьям. Он буквально наводнил всю Саксонию проповедью открытого им спасительного учения, заставляя прислушиваться к нему как лиц духовного звания, так и мирян. Он как будто заранее готовил их последовать за ним, когда придет время великого раскола.

В «Комментарии к Посланию к Римлянам» он писал: «Бог стремится спасти нас не за ту праведность и мудрость, что внутри нас, а за ту праведность и мудрость, что вне нас, что принадлежит не земле, но дана свыше». Иными словами, Бог, не надеясь на человека, который не способен творить добро, прощает ему его слабость и действует вместо него. «Христос, — продолжает он далее, — одарил меня Своей праведностью и взял на Себя мои грехи. Да, Он забрал у меня мой грех, и у меня нет больше греха, — я свободен». В 1516 году он писал Георгу Шпенлайну: «Только отчаявшись в себе и своих делах, обретишь ты мир во Христе. От Него ты узнаешь, что, принимая тебя вместе с твоими грехами, Он взамен отдает тебе Свою праведность». В одной из наиболее шумевших проповедей, прочитанной им около декабря 1515 года и вызвавшей решительный протест со стороны августинских богословов, он восклицал: «Мы все состоим из плоти, а потому не способны соблюдать закон, но Христос явился и один исполнил его вместо нас. Христос даровал нам уже исполненный закон; Он, как заботливая наседка, простер над нами Свои крылья, чтобы мы могли укрыться под ними. О, благословенная наседка! О, блаженные птенцы сей доброй наседки!»

Учение Лютера полностью сформировалось. Он чувствовал себя окрыленным своей новой уверенностью, позволившей ему спастись от отчаяния. Оставалось спасти от ада других людей.

8.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИНДУЛЬГЕНЦИИ (1517)

В августе 1513 года умер Эрнст Саксонский, архиепископ Магдебургский и епископ Гальберштадтский, младший брат курфюрста Фридриха, тот самый человек, по чьему совету в Виттенберге был основан университет. 30 августа собрался соборный капитул, избравший на место покойного Альбрехта Гогенцоллерна, младшего брата курфюрста Иоахима Бранденбургского. Почти ровно за сто лет до этого, в 1415 году Фридрих Гогенцоллерн, бургграф Нюрнберга, благодаря своему состоянию стал маркграфом и курфюрстом Бранденбургским. В 1411 году император Сигизмунд, которому в числе прочих владений принадлежало и маркграфство Бранденбургское, занял у Фридриха кругленькую сумму в 150 тысяч золотых дукатов, оставив последнему в залог эти земли. Четыре года спустя, когда выяснилось, что вернуть долг он не в состоянии, ему пришлось расстаться с этой частью своего наследства. Получив вдобавок еще 250 тысяч дукатов, он передал маркграфство вместе с титулом курфюрста Фридриху, который таким образом превратился в основателя прусского королевского дома, поскольку Пруссия как государство сложилась именно вокруг Бранденбурга.

Иоахим, по прозвищу Нестор, приходился Фридриху I правнуком. Заняв престол в 14-летнем возрасте, он тем не менее проявил себя умелым правителем и считался одним из выдающихся гуманистов Севера. В 1506 году он основал университет во Франкфурте-на-Одере. Его дед, курфюрст Альбрехт, издал в свое время эдикт, согласно которому маркграфство Бранденбургское и прилежащие к нему земли не могли после смерти суверена подвергаться разделу — весьма мудрое решение, позволившее избежать раздробления курфюршества. Поэтому от своего младшего брата Альбрехта Иоахим, согласно установившейся традиции, потребовал вступления в монашеский орден, с тем чтобы при первой же благоприятной возможности получить в свое владение церковное княжество.

Случай не заставил себя долго ждать. В момент, когда архиепископство Магдебургское потеряло руководителя, молодому человеку как раз исполнилось 24 года. Дело казалось чрезвычайно выгодным. Магдебург считался богатым епископством, к тому же он граничил с Бранденбургом, что позволяло братьям объединить оба государства в одно. Такое решение вопроса устраивало и курфюршество

Саксонское, из-под власти которого выходил Магдебург. Дело в том, что у курфюрста Фридриха был всего один младший брат, к тому же не имевший духовного сана, а потому не претендовавший на это место. Двенадцать лет спустя он наследовал своему брату. Более того, капитул Гальберштадта принял решение подчиниться епископу Магдебургскому, как это было принято во времена Эрнста Саксонского. Рим одобрил кандидатуру, выдвинутую сразу двумя капитулами, и 9 января 1514 года Альбрехт Бранденбургский получил сан архиепископа Магдебургского и епископа Гальберштадтского одновременно.

Еще через месяц, 9 февраля, умер Уриэль Гемминген, архиепископ Майнцский, примас Германии, курфюрст и глава имперской курфюрстской коллегии. Еще более завидный случай! Ну почему Уриэль не умер раньше Эрнста? В те времена епископы не имели права переходить из епархии в епархию, а потому молодому архиепископу Магдебургскому не приходилось надеяться на переезд из Магдебурга в Майнц. Впрочем, раз он уже занимает два престола, почему бы не добавить к ним третий? Политические мероприятия крупного размаха ничуть не пугали представителей дома Гогенцоллернов, как это доказал Фридрих, купивший себе курфюршество у Сигизмунда.

Вот и на сей раз все решили деньги. Дело в том, что после кончины очередного епископа епархия выплачивала Риму налог, величина которого прямо зависела от размеров епископства. За последние десять лет в Майнце хоронили уже третьего епископа, и среди прихожан явственно слышался недовольный ропот. Поэтому новость о том, что на престол претендует 24-летний кандидат, они восприняли скорее благосклонно, справедливо рассудив, что, не случись несчастья, под рейнскими мостами утечет немало воды, прежде чем им снова придется платить дань. (И действительно, Альбрехт Бранденбургский занимал пост епископа в течение 31 года.) Последние сомнения отпали, когда гонцы курфюрста Иоахима, прибывшие на заседание местного капитула, заявили: «Если вы выберете Альбрехта, платить вообще не придется. О налоге позаботится Бранденбургский дом». И через месяц после смерти Уриэля Альбрехт стал еще и епископом Майнцским.

Оставалось получить согласие Рима. Среди членов курии хватало людей достаточно серьезных и в то же время достаточно завистливых, чтобы с неодобрением отнестись к резкому политическому и церковному возвышению молодого человека, шедшему вразрез с традицией. Однако папа Лев X, год назад сменивший папу Юлия II, под предлогом уважения независимости соборного капитула одобрил это решение. Это объяснялось

несколькими причинами. Первая из них носила политический характер: папа считал для себя весьма полезным заручиться благодарностью курфюрста Бранденбургского. Вторая причина лежала в области финансов: папы, чрезмерно увлекавшиеся военными предприятиями и покровительствовавшие искусствам, успели накопить почти неразрешимые денежные проблемы. Восемь лет назад папа Юлий II заложил первый камень в сооружение собора Святого Петра, которому предстояло завершиться лишь через 120 лет. Пока же возводились лишь первые опоры. Сам папа жил на неслыханно широкую ногу, расходуя по сто тысяч дукатов в год. Помимо того что он содержал личный штат прислуги в количестве 683 человек (сюда входили музыканты его оркестра и актеры его театра), он еще выплачивал щедрые субсидии целому легиону ученых-гуманистов, художников и композиторов.

Из Майнца ему дали знать, что готовы выплатить дань, но на определенных условиях. Таким образом, некоторую уверенность в том, что немцы не питают к нему ни раздражения, ни ненависти, он уже получил, и мог поздравить себя с важной политической и религиозной победой. Пойдя в своих рассуждениях дальше, он предположил, что, раз уж под руку попался кандидат, готовый без звука расстаться с деньгами, следует поднять планку повыше. И он потребовал от Гогенцоллерна сверх 14 тысяч дукатов обычного налога еще десять тысяч в качестве добровольного пожертвования. На самом деле в эту сумму он оценил возможность для епископа занимать три кресла сразу.

Кандидат принял предложенные условия, однако деньгами он не располагал. И тогда он обратился за помощью к самому крупному немецкому банкиру Якобу Фуггеру, являвшемуся одновременно членом курии и ведавшему деловыми взаимоотношениями с германскими странами. Фуггер выдал 24 тысячи дукатов, но сейчас же составил план, как с помощью Рима вернуть себе потраченные средства, да еще и с процентами. Как раз накануне этих событий папа обратился ко всему христианскому миру с сообщением о выпуске новой индульгенции для сбора средств на сооружение собора Святого Петра. Каждый христианин, пожертвовавший на это богоугодное дело, заслужит особую благодарность. 31 марта папа издал буллу, согласно которой в епархиях Майнца, Магдебурга и Гальберштадта половина сборов будет направлена в Рим, а вторая половина пойдет архиепископу.

Таким образом, доверяя заботам Альбрехта Бранденбургского сбор пожертвований на территории своих епархий, Рим давал ему возможность проявить особое усердие и не только вернуть долг, но и заработать. В Риме

вообще ничем не рисковали, поскольку деньги в виде налога здесь получили сразу. Куда уязвимее оказался расчет Фуггера. Акция по продаже индульгенций, от которой ожидали золотых гор, принесла всего 10 тысяч дукатов, из которых банкиру досталась половина.

И это при том, что новый архиепископ приложил все старания, чтобы не остаться внакладе. Для успешного проведения кампании на своих с братом территориях он пригласил доминиканца Иоганна Тецеля, недавно выпущенного из лейпцигской тюрьмы, куда монах угодил за участие в какой-то грязной истории. Этот человек обладал несомненным актерским дарованием. Прежде чем появиться в том или ином городе, он непременно предупреждал церковные и светские власти, которые готовили ему соответствующий прием. В толпе встречающих проповедника горожан обязательно присутствовал представитель епископа, члены городского правления, настоятели монастырей, священники, представители цеховых корпораций со своими знаменами, наконец, школьники и учителя. Все они несли в руках зажженные свечи. Тецель торжественно вышагивал по городским улицам, со всех сторон окруженный монахами своего ордена. За ним шествовала целая свита прислужников, а впереди ступал монах, державший на вытянутых ладонях алую с золотом подушечку, на которой покоилась папская булла. По всему городу звонили колокола. В главной церкви по этому случаю заранее воздвигали величественный яр-ко-красный крест. «Самого Господа Бога, явись он в город, не могли бы встретить с большей пышностью», — писал об этом событии современник.

И вот Тецель начинал свою проповедь. Все богатство его аргументации преследовало одну вполне определенную цель — заставить как можно большее количество флоринов упасть в запертый на висячий замок ящик, стоявший возле его ног. Он, правда, не скрывал, что индульгенция приносит пользу лишь тому, кто искренне раскаялся и исповедовался в своих грехах. Патетически заламывая руки, он восклицал: «Спешите оплакать свои грехи! Спешите к исповеди! Не скрывайте своих грехов от святых викариев и святого Владыки нашего папы!» Затем он переходил к прославлению такой добродетели, как щедрость: «Неужели вы забыли пример святого Лаврентия, который ради любви к Господу отдал все свои сокровища и самое тело свое предал огню?»

Но, разумеется, он не мог требовать от каждого верующего таких жертв, какие под силу лишь святым. Здесь его ожидания выглядели гораздо скромнее. «Не сокровищ прошу у вас, но ничтожной милостыни! Кто посмеет отказать в такой малости?» И Тецель объяснял непонятливым, что за такую смехотворную сумму они получают нечто гораздо более ценное —

отпущение грехов. «Блажен, кто видит и понимает, что я даю вам паспорт, с которым душа ваша проследует через юдоль скорбей и океан слез прямоком в райское счастливое отечество! Христос своими страданиями даровал нам возможность искупления, но помните ли вы, что за каждый из смертных грехов, которых мы в день совершаем не по одному и не по два, даже после раскаяния и исповеди нас ждут семь лет покаянного страдания на земле или в чистилище? И найдется ли среди вас такой, кто откажется всего за четверть флорина получить письмо, которое приведет его бессмертную божественную душу в райские кущи Небесного блаженства?»

Письма, о которых толковал папский уполномоченный, он лично раздавал каждому из жертвователей в качестве вещественного доказательства дарованной милости. Тех же, кто с угрюмым безразличием относился к собственной загробной жизни, он призывал подумать о душах усопших родственников, пребывающих в чистилище. «Разве вы не слышите голосов ваших умерших близких, которые призывают к вам о сострадании? «Сжальтесь над нами! — вопиют они. — Сжальтесь! Какие муки мы терпим! Как жестоко страдаем! Малой милостыни довольно, чтобы избавить нас от мучений! Неужели вы не хотите помочь нам?» Наконец, для самых упрямых оставался крайний аргумент в виде прямой угрозы. «Час пробил! Внимайте гласу Божьему! Не гибели грешника Он жаждет, но обращения к новой жизни! Знайте же, что бесплодными останутся ваши поля и виноградники, ваши сады и ваши стада! Спешите же! Обращайтесь, грешники!»

Вся эта шумная кампания катилась по Саксонии с начала 1517 года. И вот 31 октября того же года отец Мартин Лютер вывесил на дверях Виттенбергской приходской церкви свои знаменитые тезисы об индульгенциях. Как утверждает лютеранская легенда, этот день ознаменовал рождение Реформации. Молодой монах-августинец, глубоко оскорбленный проповедями Тецеля, выражавшими учение папы и папистов, восстал против них и выступил с возмущенным разоблачением ложных догматов католицизма. Именно в этот момент он осознал, какая глубокая пропасть разделяет его с католической Церковью, и начал борьбу за правое дело — дело Христа.

Как сообщает Матезий, некий ученый доктор, старейший член братства, прочитав тезисы, воскликнул: «С вами Бог! С вами молитва всех, стенающих в плену Вавилона!» Кун в привычной для себя патетической манере добавил к этому: «Один человек осмелился сделать то, о чем втайне мечтали все. В этот миг огонь, тлевший под пеплом, вспыхнул ярким пламенем. С того дня вопросы веры завладели всеми умами... Многие

испытали удивление и даже потрясение... То был миг долгожданного освобождения». В дальнейшем историки справедливо дали этому событию более скромную оценку.

Прежде всего, неправда, что проповедь Тецеля открыла Лютеру глаза на порочную практику раздачи индульгенций. В том же самом Виттенберге в замке курфюрста хранилась собранная им пестрая коллекция священных реликвий с прикрепленными к ним листками индульгенций, на доход от которых и приобретались эти сокровища. Здесь же постоянно держали кружку для пожертвований, и каждый желающий мог внести свою лепту, получив взамен индульгенцию. Лютер, проживший в Виттенберге шесть лет, не только знал о собрании курфюрста, но и принимал участие в ежегодном празднике поклонения святыням. Не мог он не знать и о том, что церковные власти сурово критиковали слишком ретивых проповедников индульгенций за нарушения как практического, так и теоретического характера. Так, Лютер приписывал именно Тецелю стишок, содержанием и формой больше напоминавший разнузданную рекламу ярмарочного зазывалы:

Sobald das Geld im Kasten klingt,
Die Seele aus dem Fegfeuer springt.

«Денежка в ящике звяк — душа из чистилища прыг!» Вполне возможно, что не слишком щепетильный папский уполномоченный действительно употреблял подобные выражения, однако придумал их не он. Еще в 1482 году Сорбонна рассмотрела и отклонила предложение следующего содержания. «Всякая душа из чистилища устремляется к Небу, то есть немедленно освобождается от наказания, как только кто-либо из верующих опустит в качестве милостыни или подаяния монету в шесть бланков в кружку для пожертвований на починку церкви Сен-Пьер де Сент». За несколько месяцев до того, как Лютер вывесил на дверях церкви 95 тезисов, его друг Карлштадт обнародовал свои 152 тезиса аналогичного содержания, а главное, с аналогичной целью. Но провокация (ибо это была именно провокация) Карлштадта прошла незамеченной. И, наконец, за 20 лет до описываемых событий монах-францисканец по имени Жан Витрие публично выступил против практики сбора пожертвований с помощью индульгенций. Монаха отлучили от Церкви, однако ни на орден, к которому он принадлежал, ни на простой народ это не произвело ровным счетом никакого впечатления.

Не соответствует действительности и утверждение, что Лютер вывесил свои тезисы в знак возмущения. Уже на следующий день, выступая в замковой церкви с проповедью, он смиренно оправдывался. «Я во весь голос заявляю, — говорил он, — что мне хорошо известно, сколь добры намерения папы». Но, может быть, он просто испугался и решил уйти от ответственности? Ничего подобного. Обращаясь вскоре с письмом к своему любезному Штаупицу, он объяснял, что им руководило стремление спасти святое учение Церкви: «Не желая потворствовать столь бессмысленным утверждениям, я решил подвергнуть их умеренной критике, опираясь на авторитет всех ученых мужей и самой Церкви». Итак, он считал, что высказывания и поведения папского посланца столь далеки от католицизма, что приходится спасать от него веру.

Общий тон тезисов также не дает никаких оснований заподозрить в их авторе бунтовщика. Он просто указывал на замеченные им ошибки. Целый ряд тезисов (напомним, что шел уже 1517 год) составлен в духе признания пользы дел: «Само по себе душевное раскаяние не стоит ничего, если оно не влечет за собой разнообразные виды умерщвления плоти». По мнению Лютера, подмена дел денежным взносом возмутительна, однако он забыл, что и ранняя Церковь, и иудейская традиция считали милостыню богоугодным делом, поэтому осуждения достоин не тот, кто подает, а тот, кто использует подаяние в корыстных интересах.

Впрочем, он нападал не столько на сам принцип индульгенции, сколько на торговый дух, сопровождавший это мероприятие: «Индульгенции, чьи достоинства с таким жаром превозносят проповедники, для них имеют одно самое крупное достоинство — они приносят прибыль». «Горе тому, кто выступает против истинно апостольских индульгенций; но благословен тот, кто с недоверием прислушивается к развязным и бесстыдным речам торговцев индульгенциями». По Лютеру, получать индульгенцию необходимо, согласуясь с духом Церкви и не превращая это средство достижения благодати в фетиш и волшебный трюк, не имеющий ничего общего ни с покаянием, ни с милосердием. «Нужно учить христиан, что папские индульгенции несут благо тому, кто не рассчитывает только на них, и пагубу тому, кто утрачивает через них страх Божий». «Нужно учить христиан, что тот, кто подает милостыню бедным или нуждающимся, поступает лучше, чем тот, кто покупает индульгенцию».

Формулируя эти тезисы, Лютер старался подчеркнуть, что индульгенция, далеко не являющаяся единственным источником Божьей милости, бледнеет перед актом высшего милосердия. «Всякий истинный

христианин, живой или мертвый, причастен благодати Христовой и Церковной милости Божией и безо всяких индульгенций». Возражая отдельным корыстолюбивым проповедникам, которые в своей дерзости доходили до извращения учения Церкви, он напоминал, что для отпущения грехов не нужны индульгенции, а нужно лишь раскаяние, что, наконец, индульгенция не искупает самый грех, а лишь облегчает положенное за него временное наказание: «Всякий искренне кающийся христианин имеет право на полное отпущение грехов и полное прощение, даже если у него и нет писем-индульгенций». «Те, кто учат, что для освобождения душ из чистилища или получения свидетельства об исповеди покаяние не обязательно, проповедуют антихристианское учение». «Индульгенции не способны искупить даже самого малого греха».

Во всех этих высказываниях Лютер выступает истинным католиком, в отличие от Тецеля, проповедовавшего еретические идеи. Другие тезисы в большей степени расходятся с католическим учением — например, неприятие индульгенции в качестве средства спасения для умирающих или для душ, пребывающих в чистилище (согласно вероучению Святых Отцов). Знал ли об этом сам Лютер? Конечно, учение об индульгенции сформировалось в Церкви еще со времен Фомы Аквинского, однако во времена Лютера многие его пункты оставались неясными и спорными. С другой стороны, мы знаем, что брат Мартин изучал богословие «наспех», а потому в его собственных познаниях могли зиять многочисленные пробелы.

Бытует также мнение, что призывы Лютера к папе носили иронический характер, в частности, в следующем пассаже: «Папа отлучает от Церкви именно тех, кто злоумышляет против индульгенций, но с еще большим основанием ему следует отлучить тех, кто под предлогом защиты индульгенций злоумышляет против святого милосердия и истины». Или: «Безоглядная проповедь индульгенций невероятно затрудняет даже самым ученым мужам дело защиты чести папы от клеветы или коварных вопросов, задаваемых мирянами». Однако в этих высказываниях нет и намека на какую-либо дерзость по отношению к папе, но, напротив, отчетливо слышна глубокая озабоченность человека, искренне почитающего верховную власть Церкви и огорченного тем, что подобные безобразия творятся не только безнаказанно, но еще и под прикрытием авторитета папы.

Фактически ведь дело обстояло таким образом, что высший церковный иерарх, руководствуясь финансовыми интересами, назначил епископом сразу трех епархий светского молодого человека, который, в свою очередь,

призвал на службу невежественного проповедника с весьма сомнительным прошлым. В итоге они оба — архиепископ и проповедник — занялись обманом простого народа, искажая христианское учение и нагло играя на самых святых чувствах людей с единственной целью — выманить у них из кармана как можно больше денег.

На протяжении всего рокового 1517 года, еще до вывешивания своих знаменитых тезисов, Мартин Лютер в своих проповедях предпринимал множество попыток разъяснить пастве те богословские положения, которые могли быть ими истолкованы неверно со слов других проповедников. «Индульгенцию, — обращался он к ним, — следует принимать с должным уважением, ибо она — плод деяний Христа и святых. Однако в руках корыстолюбца она служит не Богу, а маммоне. Папские посланцы больше думают о деньгах, чем о душе. Простой человек полагает, что, покупая индульгенцию, он обеспечивает себе спасение, а они позволяют ему пребывать в этой опаснейшей уверенности... Если бы они хотя бы раздавали индульгенции только тем, кто искренне раскаялся в своих грехах!» Немного позже он развил эту тему: «Широкая торговля индульгенциями способствует распространению праведности рабов. Из-за них простой народ приучается опасаться не самого греха, а наказания за грех. Если бы не этот страх наказания, никто и руки не протянул бы за индульгенцией, даже если б их раздавали задаром».

Эта же мысль о недопустимом легкомыслии по отношению к собственным грехам и нежелании принять искупительное страдание — самом опасном следствии церковной торговли индульгенциями — нашла свое выражение в тезисах: «Истинное раскаяние стремится к страданию, любит страдание. Терпимость к греху, распространяемая через индульгенции, освобождает человека от необходимости страдания и тем самым вынуждает его ненавидеть страдание». Здесь Лютер смешивает две разные вещи. С одной стороны, он говорит о нежелании нераскаявшегося грешника страдать, с другой — о готовности раскаявшегося согласиться с «отменой» наказания за совершенный грех. Ему категорически не нравятся люди, которые гонятся за индульгенциями в надежде избежать кары за грехи, но в то же время он предостерегает против индульгенций и тех, кто искренне сокрушается в совершении греха. Но ведь очевидно, что психологически те и другие настроены абсолютно по-разному: если вторые, раскаявшись, заслуживают право на божественное милосердие и принимают индульгенцию не как подачку, но как Божий дар, то первые, чуждые всякого раскаяния, вообще не способны ни понять смысла страдания, ни решиться в дальнейшем избегать греха. Именно поэтому

Церковь в обмен на индульгенцию требует от грешника искреннего и глубокого покаяния.

Любопытно проследить, как расходятся в этот период времени умозрительные представления Лютера и его же душевный опыт. В его тезисах, как и вообще во всей истории противостояния Тецелю, доминирует следующая мысль: человек, надеющийся достичь душевного покоя — не важно, с помощью индульгенции или без нее, — пребывает во власти иллюзии, поскольку забывает о своей греховности и крови, пролитой за него Христом. Лучше уж постоянно поддерживать в себе чувство страха, чем успокоиться, приняв как должное божественное милосердие. Этот вывод, противоречивший всему, что Лютер старался в это время делать, означал его внутреннюю убежденность в превосходстве конкретных человеческих деяний над Божьей благодатью. В проповеди ко Дню Всех Святых он, называя самой большой опасностью для души проповедь индульгенции, не говорил, что речь идет о нежелании нераскаявшегося грешника принять страдание, но о желании избежать наказания как такового. Этому же посвящены и два первых тезиса: «Следует наставлять христианина учиться следовать за учителем нашим Христом, преодолевая страдания, смерть и адские муки; лучше ценой страдания взойти в Царство Небесное, чем пребывать в блаженном состоянии ложного умиротворения». Он, разумеется, совершенно прав, когда говорит о ложном умиротворении. Вот только сам он не сомневается, что это ложное чувство покоя исходит из уверенности в том, что Бог простит грешника. Как сам он настаивает в предыдущих строках, «никто не может быть уверен в том, что раскаяние его истинно».

Следовательно, тезисы, обнародованные 31 октября 1517 года, вовсе не носили характера открытия или внезапного прозрения, осенившего богослова Лютера. Это тем более очевидно, что еще в 1516 году, то есть задолго до появления Тецеля в Магдебурге и Бранденбурге, он уже во всеуслышание проповедовал с кафедры: «Папские уполномоченные и их помощники, занятые проповедью индульгенций, только и делают, что расхваливают перед народом свой «товар», чтобы его лучше раскупали. Никогда вы не услышите, чтобы они объясняли людям, что такое индульгенция, для чего она нужна и в чем ее польза». Таким образом, он проводит различие между истинностью учения и ее практическими искажениями. Но как только встает вопрос о содержании этого самого учения, наш доктор богословия теряется, поскольку он и сам его не слишком хорошо усвоил: «Совершенное раскаяние, говорите вы, упраздняет всякое наказание. Для чего же тогда нужны индульгенции?

Признаюсь вам, что я и сам этого не понимаю...» Здесь же у него начинает пробиваться мотив тревоги по поводу душевного покоя, достигнутого за счет добрых дел: «Остерегайтесь, чтобы индульгенции не внушили вам ложного чувства безопасности!»

Почему именно в этот период раздражение брата Мартина перешло в столь активную фазу? Разные исследователи предлагают свои объяснения этому факту. Некоторые из их объяснений, не претендуя на полноту охвата проблемы, выглядят тем не менее достаточно привлекательно. Во-первых, не следует забывать, что право на торговлю индульгенциями на территории Германии досталось ордену доминиканцев, который в те времена враждовал с августинцами по целому ряду теоретических положений. Лютер, который из-за недостатка средств не имел возможности основать собственный монастырь, единственный из августинцев получил от Штаупица добро на проведение своей кампании и, как мы знаем, предал анафеме корыстолюбие папских проповедников.

Во-вторых, необходимо помнить, что помимо финансовой существовала и политическая подоплека событий. Проповедники собирали пожертвования верующих в пользу Рима, что категорически не нравилось немецким князьям и будило в них весьма недобрые чувства к Святому Престолу. В герцогстве Саксонском вначале епископ Мейсенский, а за ним и сам курфюрст Фридрих запретили проповедникам торговать индульгенциями на своей территории. Сам Лютер впоследствии рассказывал об отваге, с какой Тецель добрался со своими проповедями до самого Юттербога, расположенного на границе Саксонии. Прихожане Виттенберга бросились к нему за индульгенциями, но, когда они затем приходили к Лютеру на исповедь с этими письмами, он отказывал им в отпущении грехов. Не исключено также, что проповедник позволял себе публичные выпады против ученого богослова. (Впрочем, Тецель мог и не подозревать о существовании противника, отбивавшего у него клиентов в тиши исповедадьни.)

Более чем вероятно, что все эти обстоятельства сыграли решающую роль в укреплении боевого духа доктора Мартина. Все его поведение в это время определялось теорией, которую он создал сам в надежде разрешить свои внутренние сомнения и тревоги и которая заключалась в утверждении бесполезности «дел». В чем суть индульгенции? В отпущении грехов и освобождении от наказания. Но, чтобы получить индульгенцию, верующий должен совершить некий поступок — вчера это было паломничество к святым местам или участие в крестовом походе, сегодня стала милостыня, — но так или иначе, он обязан заработать милость Божью конкретным

делом. Но разве человеческий поступок может удостоиться Божьей милости? Озабоченность Лютера этим вопросом нашла выражение в одном из тезисов: «Может быть, Церковь получила бы больше выгоды, если бы папа раздавал свои индульгенции и милости не одновременно, а по сотне раз на дню и всем желающим?»

Эта же проблема диктовала выбор тем, которые он предлагал своим студентам для защиты докторской диссертации. Так, в сентябре 1516 года студент по имени Бернхарди фон Фельдкирхен написал под его руководством работу, озаглавленную «Силы и воля человека в отсутствие благодати». Легко догадаться, в каком тоне шла защита диссертации. За месяц до обнародования тезисов Лютер предложил другому студенту еще более откровенную и смелую тему: «Против схоластического богословия». В этих названиях весь Лютер. Человеческая воля не может быть свободна, ибо человек, полагаясь исключительно на собственные силы, неизбежно обречен творить зло. Некоторые же положения демонстрируют еще более продвинутого Лютера, Лютера 1520-х годов: «Всякий законный, но лишенный благодати поступок является лишь видимостью доброго дела; если же присмотреться к нему пристальнее, окажется, что это не что иное, как грех».

Здесь Лютер снова демонстрирует свой полемический задор, который отныне не покинет его до последнего дня. Жак Маритен считает, что определил одну из характернейших черт личности Лютера, назвав его «человеком, целиком и полностью находящимся во власти собственных возвышенных чувств». Исследователь приходит к этому выводу, основываясь на «антиинтеллектуалистской» теории Лютера. Однако стоит приглядеться, к какой изощренной аргументации прибегал Лютер для защиты этой своей теории! Он вполне мог бы остаться на позициях мистика, ограничась указанием перемен, которые происходят в душе под влиянием греха или благодати. Он мог бы избрать путь толкователя Библии, подобрав из Священного Писания отрывки, подходящие по смыслу к созданной им теории. Нет, ничего этого он делать не стал! Со своим противником он поступал, как с загнанным в нору зверем. Он выискивал в сочинениях своих врагов слова и выражения, которые содержали хоть малейший намек на отступление от истины, чтобы затем подвергнуть их осмеянию, проклятию, буквально втоптать в грязь. Лютер обладал душой инквизитора. Стоило ему натолкнуться на чужую мысль, казавшуюся ему искажением правоверного учения (которое в эти годы уже обрело черты его собственного учения), как он приходил в крайнее возбуждение и не успокаивался до тех пор, пока не добивался полного изничтожения

противника. Что уж говорить о случае, позволившем ему извлечь из теологических дебей целую сотню диссидентских заявлений!

Не стоит чересчур доверчиво относиться к утверждениям антиинтеллектуалистов, принимая их за свойство характера. Слишком часто за ними прячется холодный расчет. Абсурдность разума до Лютера провозглашал Тертуллиан, после него — Кьеркегор, но и тот и другой доказали в споре — один с древнегреческими философами, второй — с Гегелем, — блестящее владение методами этого самого отрицаемого разума. Сама их демонстративная горячность лучше всего доказывает, что если теоретически они и не верили в силу разума, то на практике относились к ней с полным доверием. Таким образом, их вера в разум существовала на уровне инстинкта, тогда как убеждение в его тщетности носило вторичный и во многом искусственный характер.

Это в полной мере относится и к Лютеру. Он привык доверять доводам рассудка, и как раз его рационализм и был «нормальной», если можно так выразиться, составляющей его личности. Патологическая же составляющая целиком принадлежала области чувств, самым сильным из которых было чувство страха. Он, конечно, отдавал себе отчет в том, что с ним что-то не так, и, возможно, надеялся, что с помощью своей «светлой» стороны справится и с «темной». Иными словами, трезвый рассудок должен был сослужить службу мятущимся чувствам. Именно этим способом и решал Лютер свою личную проблему. В самом деле, не будь он прирожденным интеллектуалом, он бы просто погиб, убитый собственными страхами. Но он спорил с собой и в конце концов сумел убедить сам себя, что бояться нечего. Иррациональное чувство страха нашептывало ему: «Ты погиб...» Но разум, подобно мощному лучу, врывается в бездонную гущу мрака и восклицал: «Ты спасен!» И, преодолевая внутренний ужас, он верил разуму.

Поэтому антиинтеллектуализм Лютера следует понимать в том смысле, какой имел в виду Ларошфуко, утверждая, что «сердце дурачит разум». Речь в данном случае, разумеется, не идет о людях, которые вообще живут исключительно чувством, никогда не задумываясь о причинах своих сердечных побуждений, и слепо следуют им, не задаваясь вопросами и не испытывая потребности в самооправдании. Если сердце действительно дурачит разум, то лишь потому, что разум постоянно пытается «продать» сердцу свои таланты. И чем сложнее устроено сердце, тем значительнее должны быть таланты, как в случае Лютера. Он, конечно, был схоластом, но схоластом поневоле и вопреки себе, впадавшим в ярость при одной мысли о схоластике. Его приверженность к ней носила не исторический и

не теоретический характер (он отнюдь не разделял взгляды тех великих богословов-схоластов «золотого века», которые дали впоследствии название целой школе), его схоластика оставалась методологической. Он мастерски жонглировал тезисами, аргументами и логическими конструкциями. Именно поэтому учение схоластов и приводило его в такую ярость — он чувствовал, что слишком похож на них.

Героическое самоутверждение Лютера в качестве рационалиста, отрицающего превосходство разума в пользу благодати, то есть пытающегося самую благодать сделать элементом рациональной системы, ни в малейшей степени не повлияло на эмоциональную составляющую его психики: богатство личности как раз и заключается в сочетании способностей мыслить и чувствовать, умение же гармонизировать это сочетание говорит о душевном равновесии. В этом плане важным, но далеко не достаточным источником душевного покоя служило Лютеру искусство. Еще в Эрфурте, студентом, он искал утешения в игре на лютне. Однако длилось это утешение недолго — ровно столько, сколько звучала музыка. Позже, как свидетельствует Рацебергер, «в минуты гнева и искушения, в миг печали музыка приносила ему огромное облегчение». В 1530 году Лютер писал Вильгельму Баварскому, что музыка избавила его «от больших неприятностей». Но стать для него точкой опоры искусство не могло в силу своей мимолетности. Иное дело мысль — мысль продолжительна и долговечна; если и стоит на что-то надеяться, так именно на мысль.

Шумная история вокруг папской индульгенции оказалась для Лютера той самой счастливой случайностью, которую ждут порой всю жизнь, рискуя не дожидаться. Ему, изголодавшемуся по спорам и схваткам, она дала обильную пищу. Вот почему мы называем 1517 год поворотным в судьбе Лютера: именно в споре с другими он становился самим собой. Он получил возможность упорядочить и укрепить собственную богословскую теорию, игравшую для него роль освободительницы, и вместе с тем увлечь за собой сторонников. Испытывая потребность убедить самого себя, он нуждался в аудитории, особенно в ученической аудитории. Университетская кафедра пришлась ему как нельзя кстати. Он сознавал это и, ни в коем случае не желая возврата к своему мучительному прошлому, культивировал в себе учителя. Виттенбергский наставник — это богослов, отрицающий пользу «дел»; это руководитель, предлагающий своему ученику тему для диссертации, посвященную воле (читай: бессилию) человека в отсутствие благодати; это человек, обретший первоначальную чистоту и заказывающий другому своему ученику сочинение «Против богословской

схоластики».

Решаясь на вывешивание своих тезисов, то есть действуя открыто, без посредников, и объявляя тем самым войну Тецелю, Лютер наконец-то почувствовал себя в своей тарелке. Тезисы начинаются словами: «Руководствуясь любовью к истине и желанием уточнить оную...» Посылка, достойная рационалиста. Автор тезисов признается, что им движет не любовь к Богу, или к Церкви, или к заблудшим душам, но любовь к Истине. И дабы ни у кого не возникло сомнений в праве его как университетского профессора провозглашать эту истину, он старательно перечисляет свои титулы и звания: «Под руководством преподобного отца Мартина Лютера, монаха ордена св. Августина, магистра искусств, доктора и лектора святого богословия».

Как отмечает Люсьен Февр, Лютер решился на этот шаг 31 октября, то есть накануне Дня Всех Святых, когда по сложившейся традиции прихожане являлись в замковую церковь почтить выставленные здесь священные реликвии и получить индульгенции. Намерения доктора представляются совершенно ясными: он метил не только в Тецеля, но и во Фридриха Мудрого, критиковал не только Майнц, но и Виттенберг. Тезисы не только выражали негодование против злоупотреблений проповедников, но и формулировали его собственную теорию индульгенции, сообразную с его видением человеческой природы, которой отныне предстояло стать достоянием всей Церкви.

В том же назидательном духе выдержано и письмо, отправленное им в тот же день архиепископу-курфюрсту Майнцскому. Тон письма строгий, решительный и смелый. Богослов предупреждает высокое духовное лицо о возложенной на него ответственности. После пространного вступления, в котором Лютер отдает дань традиционной формуле раболепной почтительности, он переходит непосредственно к делу: «От имени Вашего преосвященства повсеместно идет широкая торговля индульгенциями, выпущенными папой с целью сооружения церкви св. Петра». Более всего автора письма удручает незавидная доля простого народа. «Эти несчастные души убеждены, что им для спасения довольно приобрести письмо с отпущением грехов».

Далее следует суровое предупреждение: «Таким образом, вверенные вашему попечению души получают пагубные наставления, и вам придется держать за них строгий ответ... Вот почему я не могу далее молчать». И он переходит к аргументации, перечисляя доводы, представленные в тезисах: «Почему проповедники отпущения грехов своими баснями и лживыми обещаниями отучают народ от страха и внушают ему чувство

безопасности?.. Милосердие к ближнему и богопочитание куда полезнее индульгенций, однако в своих горячих проповедях они не учат ни тому ни другому, напротив, заставляют относиться к этому с пренебрежением, отдавая предпочтение индульгенциям».

И Лютер смело напоминает архиепископу о его прямых обязанностях. «Главный и единственный долг каждого епископа — учить народ Евангелию и милосердию... Горе и ужас тому епископу, который позволяет крикунам с индульгенциями перекрыть голос Евангелия и заглушить его перед народным слухом. Разве не про них сказал Христос: «Вы видите сучок, но не замечаете бревна»?» Он подвергает резкой критике содержание проповедей папских уполномоченных, перечисляя все, по его мнению, противоречащие церковному учению положения и высказывает предположение, что эти проповеди писались без ведома архиепископа. Однако теперь, когда тот предупрежден, ему легко прекратить творящееся безобразие.

Патетический призыв Лютера к власть предержащим исполнен настоящего величия. Искренний тон письма не вызывает ни малейших сомнений. Скандал вокруг индульгенций больно ранил душу священника Лютера и наполнил ее страхом за все рискующие своим спасением души, до которых законному пастырю не было никакого дела. Совершенно очевидна и смелость его поступка: в те времена подобное обращение к лицу такого ранга означало серьезный риск навлечь на свою голову все громы и молнии. Однако беспорядочным нагромождением самых разных обвинений Мартин существенно подпортил эффект своего послания и свел на нет все его достоинства. Как и в тезисах, которые он приложил к письму, все оказалось здесь смешано: действительно имевшие место злоупотребления, потенциальная опасность, расплывчатые формулировки богословских принципов.

Подвергая сокрушительному разгрому позиции проповедников отпущения грехов, Лютер не делал различия между идеями, действительно осуждаемыми Церковью, например, необязательностью покаяния, и идеями, безоговорочно ею поддерживаемыми, в частности, положением о том, что прощение, получаемое через индульгенцию, распространяется не только на наказание, налагаемое Церковью, но и на кару, которую мы своими грехами заслужили перед Богом. Поэтому, читая письмо Лютера, князь должен был видеть за ним довольно нахального монаха, а епископ — несостоятельного богослова. В целом послание производило легковесное впечатление. Там, где доводы ясного рассудка, подкрепленные взвешенными ссылками на первоисточники, сыграли бы убедительную

роль, путанные объяснения мятущегося ума выглядели более чем неуместно.

Отдавал ли Лютер себе отчет в том, что защищал если не явно диссидентские, то во всяком случае весьма сомнительные посылки? Некоторые исследователи полагают, что он в тот момент уже готовил себе плацдарм для нового учения, однако из осторожности пока маскировался, прикрываясь видимостью покорности. Но если бы это было действительно так, он, наверное, сумел бы более ловко выстроить свою аргументацию. Сознал ли он, что предлагаемые им идеи противоречат официальному учению Церкви? На этот вопрос, пожалуй, никто не в состоянии ответить, включая самого Лютера. Он сам сравнивал себя на этом отрезке своей жизни с лошадью, скачущей неведомо куда. Лучше и в самом деле не скажешь. В 1517 году Лютер действительно весь состоял из противоречий, но не потому, что вел себя как сознательный двурушник, а потому, что еще не полностью уверился в том, что отыскал верное средство для своего окончательного освобождения. Вопрос о том, в какой мере его тезисы опровергали или, наоборот, укрепляли католическое учение, его вообще не занимал. Он думал совсем о другом: как сохранить едва обретенный душевный покой. Шоры, надетые на глаза лошади, открывали поле зрения в одном-единственном направлении. Когда же в один прекрасный день ей удалось-таки обернуться и взглянуть назад, выяснилось, что ноги унесли ее далеко от родной конюшни.

С того дня, когда Мартин Лютер вывесил свои тезисы на дверях церкви, он начал воспринимать себя как лицо общественное. Носителем некоей миссии он ощущал себя уже давно, с той поры, как занял в качестве лектора (то есть преподавателя) университетскую кафедру. Его аудитория была пока не слишком большой, но с годами она расширялась, поскольку ему внимали и собратья-августинцы, и студенческая молодежь, и паства приходской церкви. Теперь же, когда его речи обрели полемическое звучание, а тема его проповедей перешагнула границы Саксонии, в нем проснулся небывалый задор. Архиепископа и примаса Майнцкого он уже припер к стенке. Оставалось разобраться еще с четырьмя епископами: Иеронимом Шульцем, епископом Бранденбургским, одновременно исполнявшим обязанности инспектора Виттенбергского университета, Иоганном Зальхаузенем, епископом Майнцским, принцем Адольфом Ангальтским, епископом Мерзебургским, и принцем Филиппом Баварским, епископом Наумбургским.

Лютер предложил устроить диспут, посвященный обсуждению его тезисов, но к назначенному дню никто из приглашенных не явился. То ли богословы опасались драчливого настроения отца Мартина, то ли просто не хотели усугублять скандал. Однако он перевел тезисы на немецкий язык и разослал их во все университеты империи. Тецель тоже решил включиться в открытую борьбу, поскольку понимал, что предложенные к обсуждению вопросы задевали лично его, хотя имя его прямо и не называлось. Он оставил проповедничество и отправился во Франкфурт-на-Одере, в тамошний университет — получить и повысить свой личный статус, чтобы выглядеть достойно в предстоящем споре, раз уж он имел неосторожность в него ввязаться. Докторской степени у него пока не было, и он приступил к подготовке диссертации, избрав именно обсуждаемую тему.

Знающего учителя он нашел в лице своего наставника Вимпины, который и возглавил комиссию по защите диссертации. 20 января 1518 года Тецель получил вожденную ученую степень. Сочинение его представляло собой 106 антитезисов, опровергавших 95 тезисов Лютера и излагавших традиционное учение Церкви, которое во Франкфурте помнили твердо. Доминиканцы существенно превосходили по этой части

августинцев.

Новоиспеченный доктор отпечатал свои «Антитезисы» в типографии и тоже разослал по университетам. Один экземпляр пришел в Виттенберг. Студенты, заранее настроенные Лютером, не стали даже открывать творение бывшего папского эмиссара, а отправили его прямым ходом в костер. Отметим следующий факт: они приняли сторону Лютера, не читая сочинения его оппонента. Между тем Тецель вел спор исключительно на богословском уровне, не переходя на личности. Опираясь на Священное Писание и труды Святых Отцов, он излагал догматы католического учения.

Тем не менее Лютер считал необходимым ответить на этот выпад и выступил с «Проповедью об отпущении грехов и благодати», написанной в полемическом тоне. Проповедь довольно быстро разошлась по Германии. Таким образом, дело все отчетливее принимало публичный оборот, что как нельзя лучше устраивало брата Мартина. Но и Тецель не дремал. Вскоре вышел из печати новый его труд под названием «Изложение», на сей раз направленный лично против Лютера. Автор упрекал его в подрыве авторитета папы, влекущем смуту в Церкви, аргументируя свои утверждения догматом о непогрешимости папы и напоминая об исключительной роли последнего в устоях Церкви.

Тон полемики становился все более острым. Лютер издал и распространил «Свободу проповеди об отпущении грехов и благодати», в которой возлагал всю вину за вспыхнувшую склоку непосредственно на папу. На предложение оппонента прибегнуть к суду верховного церковного иерарха он отвечал отказом, утверждая, что это бесполезно. После выхода в свет последнего сочинения Лютера у Тецеля неожиданно объявился союзник. Им стал доктор Экк, лектор богословия Ингольштадтского университета, выступивший с рукописным трудом под поэтическим названием «Обелиски», что в переводе с греческого означает «железные копья».

Этими самыми копьями он намеревался пронзить своего соперника насквозь. Лютер не остался в долгу и опубликовал «Астериски» — звезды, сияющие в ночи.

Параллельно события развивались и в плоскости высшей власти. Архиепископ Майнцский, задетый тоном посланий Лютера, переслал бумаги в Рим, сопроводив их довольно противоречивым комментарием, составленным доминиканцами. Папа Лев X приказал старшему приору августинцев назначить представителя ордена, который добился бы от Лютера отказа от всех высказанных им идей. Выбор пал на отца Габриэля дель Вольту, которому очень не хотелось соваться в это немецкое осиное

гнездо и который недолго думая переадресовал поручение викарию Штаупицу.

Но мог ли Штаупиц повлиять на Лютера? И если мог, то каким образом? Подавив силой разума? Но он не блистал могучим интеллектом... Силой авторитета? Он не любил ни на кого «давить»... Штаупиц принадлежал к породе людей, которых в наши дни принято называть «тюфяками» или «тряпками». Он терпеть не мог силовых методов, а в богословии, как мы уже успели убедиться, разбирался весьма поверхностно. Вполне вероятно, что он даже не заметил, насколько далеко ушел его ближайший помощник в своих тезисах от официального учения Церкви. Поэтому Штаупиц избрал пассивную роль простого свидетеля происходящих событий и заботился лишь о том, чтобы их участники по возможности держались в рамках умеренности. Следил ли он за эволюцией богословских воззрений брата Мартина? Вряд ли. Все его устремления сводились, главным образом, к тому, чтобы избежать скандала и раскола, да еще чтобы при этом не слишком пострадали его подчиненные. И Штаупиц принял решение выслушать обвиняемого всем составом общего капитула конгрегации.

Капитул назначили на апрель, собраться решили в Гейдельберге. Лютер заранее предвкушал свою победу. Во всяком случае, капитула он совсем не боялся. Слишком многое говорило в его пользу: доброта и отсутствие твердости старшего викария, дружба с виттенбергскими богословами, симпатии августинцев, воспринявших его учение, восторженное почитание монахов-студентов, покоренных его красноречием, невежество простых монахов, которым никто никогда не объяснял, в чем заключается смысл догмата об отпущении грехов. Впрочем, некоторое беспокойство он все-таки испытывал. Не могло ли случиться так, что его арестуют по дороге, чтобы отправить на судилище в чужой орден? И он выхлопотал себе у курфюрста Фридриха пропуск. Несмотря на неприятности, доставленные курфюрсту Лютером в День Всех Святых, тот теперь относился к нему с подчеркнутым уважением. 11 апреля, прихватив с собой, по монастырскому обычаю, спутника из числа братьев ордена, Лютер тронулся в путь.

Капитул открылся в следующем месяце. Вначале прошли выборы. На пост викария епископа снова избрали Штаупица, с блеском доказавшего свое полное равнодушие к проблеме изучения монахами церковного учения. Правда, Лютера не переизбрали — это выглядело бы уж слишком вызывающе. После выборов и викарий, и остальные богословы, кажется, напроць забыли, что Лютер явился на капитул не просто так, а чтобы

предстать перед их судом. И потому, завершив обсуждение организационных вопросов, участники встречи устроили богословский диспут, председательствовать на котором выпало... доктору Лютеру. Правда, от него потребовали обещания, что об индульгенциях он ничего говорить не станет. Нам следует либо предположить, что руководство конгрегации состояло сплошь из простаков, либо принять версию, согласно которой подобный шаг явился результатом заранее спланированной комбинации. Дело в том, что Лютер прибыл на капитул отнюдь не с пустыми руками. Он уже подготовил очередные тезисы. Речь об индульгенциях в них действительно не шла, однако затрагивалась куда более масштабная тема, занимавшая молодого богослова в течение последних трех лет и настоятельно требовавшая публичной огласки. Лютер посвятил свое выступление проблеме оправдания с помощью добрых дел. О том, что он срежиссировал спектакль заранее, говорит и тот факт, что в качестве оппонента выступил один из его горячих сторонников виттенбергский монах Леонард Байер.

Двадцать восемь тезисов, предложенных обоими выступившими, представляли собой уже чистой воды лютеранство. Вот несколько примеров того, о чем они говорили. «Дела человеческие, какими бы добрыми и прекрасными они ни казались, не могут быть ничем иным кроме смертного греха». «Избежать гордыни и хранить в душе истинную надежду невозможно, если в каждом своем поступке не руководствоваться страхом вечного проклятия». «После грехопадения свободный выбор человека превратился в пустой звук; что бы ни делал отныне человек, он способен лишь грешить». «Человек, который надеется достичь благодати, опираясь на собственные силы, только множит свои грехи и потому виновен вдвойне». «Праведник не тот, кто творит добро, но тот, кто, не делая ничего, крепко верует во Христа». И, наконец, основополагающий тезис Мартина, плод его многолетних раздумий, отмеченный печатью личных проблем: «Нет сомнения, что человек должен полностью разочароваться в себе. Лишь тогда он способен обрести Божью благодать».

Что касается философской подоплеки тезисов, то Лютер, отринув традиционный для минувшего века принцип дихотомии, в соответствии с которым каждую посылку следовало рассматривать параллельно с положениями богословия, превратил ее в откровенную насмешку над рационалистическим началом. Вся философская часть его тезисов сводилась к издевке над Аристотелем и схоластами и задевала мимоходом дорогого сердцу гуманистов Платона.

Какая роль отводилась во всем этом Штаупицу? Мы не знаем, дал ли

он ради спасения друга свое согласие на подобное развитие событий или все происшедшее явилось для него неожиданностью, но факт остается фактом. Диспут завершился триумфом Лютера. Молодое поколение богословов, зачарованное его речами, безоговорочно встало на его сторону. Среди них особенно выделялся один доминиканец по имени Мартин Буцер, которому в дальнейшем предстояло сыграть важную роль в движении Реформации. В его лице августинцы получили ценный подарок! Ни о какой ереси брата Мартина не могло быть и речи. Напротив, на него смотрели теперь как на героя, прославившего свой орден.

Раздавались, конечно, и протестующие голоса, в основном принадлежащие старикам, лучше молодых владевшим теорией богословия. Но им буквально не давали вымолвить слова. Горячий энтузиазм представителей новой школы захлестнул собрание, и напрасно старики пытались вразумить молодежь, цитируя церковные догматы. Их никто не слушал. Среди собравшихся находились и бывшие учителя Мартина, двое лекторов Эрфуртского университета — Трутфедер и Юзинген. Последний оказался попутчиком Лютера на обратной дороге, и молодой богослов предпринял немало усилий, чтобы обратить его в свою веру, но наткнулся на решительное сопротивление. Впрочем, мнение вчерашних авторитетов уже ничего для него не значило. Теперь он проникся твердым убеждением, что ошибаться может кто угодно, только не он. «Какая ужасная вещь, — писал он чуть позже, — эта окаменелость в убеждениях! Для эрфуртских богословов мое учение подобно смертельному яду».

Самым решительным образом настроенный привлечь на свою сторону всю Саксонию, он по пути в Виттенберг завернул в Дрезден, где выступил с проповедью перед герцогом Георгом. В отличие от своего кузена курфюрста, герцог серьезно увлекался теологией, а потому высказал публичное несогласие с идеями Лютера. Его поддержали и остальные слушатели. Однако брат Мартин теперь слишком верил в себя, чтобы прислушиваться к критике. И он с высокомерием отмахнулся от мнения несогласных: «Болтуны змеиной породы! Как я презираю их гнусные маски!»

Прибыв в Виттенберг, он сразу окунулся в активную деятельность, твердо уверенный, что монастырское начальство не захочет или не сможет ему препятствовать. Он рвался убеждать в своей правоте всех и каждого и начать решил с папы. Может быть, папа спорит с ним только потому, что плохо знает богословие? Ему уже удалось склонить на свою сторону саксонских и рейнских теологов, неужели ему не хватит ловкости добиться одобрения и от Льва X? Наскоро набросал он коротенький текст,

озаглавленный «Резолюции».

Этот документ достоин называться памятником человеческой наивности. Молодой доктор, опьяненный ароматом лавров и оглушенный треском аплодисментов, в глуши своего саксонского монастыря вообразил, что должен преподать папе римскому урок богословия. И то сказать, живя в этом Вавилоне разврата, погруженный в мирские заботы, разве способен человек, именующий себя наместником Христа на земле, найти время для глубоких размышлений о проблеме спасения души? Он же, Лютер, единым махом разделававшийся со схоластами, отринувший, как ненужный сор, весь опыт предшествующих поколений, предлагает возвести совершенно новое здание церковного учения, покоящееся, словно на прочном фундаменте, на руинах былых заблуждений.

И вот он пункт за пунктом объясняет своему высокопоставленному адресату, в чем заключается смысл покаяния и каких ошибок следует избегать, составляя письма-индугенции. Затем он переходит к изложению основ своего учения. Прощение грехов сводится к одной-единственной вещи: отмене наказания, наложенного Церковью. Все остальное, то есть отпущение грехов, наложенных Богом, не входит в компетенцию папы. Роль священника, участвующего в таинстве покаяния, строго ограничена: он может лишь подбодрить кающегося. Поскольку же право отпущения грехов не является прерогативой священников, это означает, что каждый верующий может выполнять его функции. Что касается заслуг святых, то об этом вообще не стоит говорить, потому что любые деяния человеческие бесполезны.

Текст предваряет небольшое посвящение, представляющее собой нечто вроде речи Лютера в свою защиту. Чтение этого краткого предисловия вызывает чувство недоумения. Предлагая вниманию папы свод положений, явно противоречащих учению Церкви, Лютер открывает его следующими словами: «Святой отец! До меня дошли слухи о клевете, которую распространяют на мой счет, обвиняя меня в ереси, и я спешу оправдаться в ваших глазах». Тут же, словно забыв, что он сам в своих «Резолюциях» низвел власть и авторитет папы до смехотворных величин, он жалуется папе на его хулителей: «Во всех тавернах... только и слышно, как народ злословит по поводу папской власти и самого папы. И такое творится по всей Германии».

Что подвигло его выступить с тезисами, из-за которых разгорелся такой спор? Ведь он являлся доктором богословия и находился под защитой высшей власти! «Меня обвиняют в том, что это я разжег пожар. Меня, доктора богословия, вашей апостолической властью имеющего

полное право участвовать в публичных диспутах!» Следовательно, те, кто нападает на него, подвергают сомнению авторитет папы. «Что же теперь делать?» — якобы сомневаясь, вопрошает Лютер. На самом деле никаких сомнений у него давно не осталось. «Я не могу отречься от сказанного». Еще раз самоуверенно подтвердив, что он не говорил ничего кроме правды, а потому ему не от чего отказываться, он неожиданно заканчивает выражением полной покорности Отцу Церкви, единственному из людей, владеющему истиной: «Блаженный Отец! Склоняюсь к стопам Вашего Святейшества и отдаюсь вашей воле... Судите и милуйте меня, как сочтете нужным. Ваш голос прозвучит для меня живым гласом Христовым».

Есть ли разумное объяснение такому нагромождению противоречий? Есть. Дело в том, что к Лютеру вновь вернулись все его тревоги. Пытаясь отвести от себя обвинения в том, что его учение противоречит Церкви (он признавал это, но упорно не желал слышать, чтобы его именовали еретиком), Лютер вспоминал тот путь, который он проделал в поисках, решения своей личной проблемы. Память настолько живо хранила все оттенки пережитых мучений, что он даже включил их описание в текст своих «Резолюций». «Я знаю человека, — пишет он, — которому еще на земле довелось пережить муки чистилища. Это адские пытки, столь ужасные, что нет языка, способного о них поведать, и нет пера, способного их описать. Даже если бы они длились всего одну десятую долю часа, этого хватило бы, чтобы обратить кости в пыль. В этот миг человеку является Бог, Творец мироздания, но гнев его так ужасен, что некуда от него спрятаться, негде искать утешения... Во всей душе не остается ни одного уголка, который не переполняли бы горечь, страх, ужас и стыд, и кажется, что длиться это будет вечно... Что за нестерпимая мука! Должно быть, в аду страдают так же... Как не поверить тем, кто пережил такое?»

Мы никогда не поймем, почему он обратился в Рим и почему обратился именно в таком тоне, если не примем-во внимание это страшное признание. Лютер понимал, что стоит на распутье. Он нащупал выход из тупика душевного смятения, и выход этот пока еще оставался в рамках Священного Писания. Но — и эта догадка проникала в него подспудно — он явно лежал в стороне от учения, проповедуемого Церковью. В итоге он снова оказался на узеньком мостике, разделяющем две бездны. С одной стороны зияла пропасть эмоций, ведущая к отчаянию и гибели; с другой — пропасть рационального мышления, над которой и пролегал спасительная жердочка. Но, чтобы двинуться по ней прочь от смерти и страха, следовало отвернуться от Церкви.

Где же спасение? Если он останется с Церковью, то умом он, конечно,

сумеет себе доказать, что достоин спасения. Но что толку, если в глубине души будет по-прежнему сидеть уверенность, что он обречен? Надо отделаться от этой зловещей уверенности, которая тянет его напрямик в ад. Но если ты это сделаешь, подсказывал ему разум, то Церковь отринет тебя. Куда же бежать? Где искать спасения? В последние четыре года он почуял надежду на избавление от своей муки, он познал его вкус, а потому не сомневался: возврат к былым страданиям хуже и страшнее любого наказания, какому может его подвергнуть Божья Церковь. Но если он сумеет убедить Церковь, что она ошибается, тогда он разом избежит обеих катастроф. Сумел же он убедить себя и многих других, что спасение души вовсе не зависит от добрых или злых дел. И сразу ушел страх, это проклятье души. Но и разум оставался доволен, ибо его не тревожили проклятья богословов.

Однако к моменту написания «Резолюций» мир между разумом и душевным опытом еще не наступил. Он видел восторг на лицах слушателей, когда излагал им свои мысли, и разум его торжествовал, опьяняясь очевидностью доказываемых истин, в которые он уже готов был верить. Но вот он вернулся в Виттенберг, в свою монашескую келью, и снова его охватили сомнения. Чем упорнее он доказывал, что дела — ничто, что надеяться стоит лишь на милость Бога, даваемую даром, тем явственнее слышал возражения и осуждения — и от своих прежних учителей, и из Рима, тем отчетливее понимал, что он удаляется от Церкви и превращается в еретика. Поначалу, целиком сосредоточенный на своих душевных переживаниях и озабоченный исключительно поиском выхода из душевного тупика, он вовсе не обращал внимания на ту огромную дистанцию, которая разделяла его убеждения с догматами Церкви. Но, сделав следующий шаг на пути своего освобождения, вырвавшись из одиночной камеры своего больного сознания и заговорив во весь голос, он оказался лицом к лицу с церковным учением, которое плохо знал и еще хуже понимал, чтобы с ужасом обнаружить, что это учение опровергает выстраданные им убеждения.

Чем старательнее строил он свою систему доказательств, тем отчетливее проступала перед ним истина, проповедуемая Церковью. И эта истина не имела ничего общего с его догадками. Чем успешнее заделывал он ров, разделявший рациональную основу его аргументации с его же иррациональной тоской, тем глубже делался разрыв между его рассуждениями и церковной доктриной спасения души. Ему требовалось окончательно убедиться, что он прав, требовалось убедить в своей правоте и всех остальных, то есть всю Церковь, включая папу, значит, следовало

довести свою систему взглядов до логического конца, до полной и окончательной ясности. Но чем ближе подступал он к этой ясности, тем очевиднее становилось, что все его допущения в корне противоречат тому, что должен думать христианин. В его душе шла жаркая схватка между двумя Лютерами, и каждый из них рвался вперед. Который придет к финишу первым?

Только в контексте этой мучительной борьбы, криком боли прорвавшейся на страницы его «Резолюций», мы поймем смысл его письма к папе. Прежде всего письмо выражало протест, ведь его называли еретиком! Отметим, что он впервые употребил это слово, говоря о себе. Очевидно, сделанное им открытие относилось к числу недавних. Неужели Церковь и в самом деле отвернется от него, если он будет упорствовать в своих убеждениях? Нет, этого не может быть! Он во что бы то ни стало хочет избежать подобной трагической для себя развязки и потому целиком отдается на суд высшего церковного иерарха. Но, подтвердив свою правоверность, он вынужден оправдываться, оправдываясь же, не может обойти молчанием свои убеждения, и без того уже всем известные, убеждения, отречение от которых снова ввергнет его в пучину тоскливого ужаса.

Он действительно не мог отступить. Над ним довлел страх возврата того внутреннего ада, который он уже пережил, а потому он решил идти до конца, твердо держась выбранного направления. Но и разлучаться с Церковью он ни в коем случае не хотел. Если бы еще речь шла о выборе между двумя путями спасения — обретением внутренней свободы или примирением с Церковью! Но в том-то и дело, что спасение всегда только одно, и путь к нему не может состоять из противоречий. И вот, с глухим упорством повторяя папе, что он не может отречься от своих взглядов, он призывал его в свидетели, что остается верным сыном Церкви. Поскольку папа владеет непререкаемым авторитетом (это утверждение еще раз доказывает, сколь искренне верил Лютер в католическое учение), ему ничего не стоит одобрить и узаконить воззрения Лютера (а это утверждение доказывает, что Лютер не собирался отречься от своих идей).

И «Резолюции», и письмо к папе он вручил Штаупицу с просьбой переправить их в Рим. Снова Штаупиц! Человек, подаривший ему душевный покой и в то же время никогда не грозивший ему отлучением от Церкви. Человек, чьи собственные богословские представления оставались достаточно зыбкими, чтобы поддерживать Лютера и при этом ни разу не усомниться в верности своего ученика римско-католической Церкви.

Вручая Штаупицу «Резолюции» вместе с сопроводительным письмом, Лютер считал полезным добавить к этому еще одно объяснение в виде пространного письма. Из него нам становится ясно, насколько серьезно он в это время оценивал весь свой предшествующий опыт. Он действительно подошел к решающему повороту в своей судьбе и теперь, окидывая взглядом минувшее, силился еще раз переосмыслить его, чтобы суметь донести его суть до остальных. Строго говоря, ничего нового из этого письма мы не узнаем, как ничего нового не узнал и Штаупиц. Более всего в нем интересен его безапелляционный тон. Удастся ли ему убедить своего адвоката? Отправляя в Рим послание, пронизанное страстным стремлением свести на нет папскую власть, он с простодушием заявлял: «Мои противники, не в силах опровергнуть того, о чем я говорю, прибегают к самым грубым ухищрениям и смеют утверждать, что я в своих тезисах нападаю на власть самого папы».

Но борьба в его душе все еще продолжалась, он все еще взвешивал все за и против. И потому, едва вручив посланцу свое смелое письмо к папе, он не откладывая принялся сочинять весьма осторожный текст под названием «Значение отлучения». В основу этого труда легла мысль о том, что человек, падший жертвой несправедливого отлучения, продолжает принадлежать Церкви. Из чего следует, что в 1517 году Мартин Лютер сильнее, чем когда бы то ни было, желал оставаться верным сыном католической Церкви.

Как и следовало ожидать, в Риме «Резолюции» Лютера произвели скорее отрицательное, нежели положительное впечатление. Папа поручил компетентным инстанциям разобраться с этим делом. Брата Мартина вызвали для объяснений в Рим и заказали монаху-доминиканцу Сильвестру Маццолини, по прозвищу Приерий, преподававшему в Ватикане, подготовить отчет по рассматриваемому вопросу. 7 апреля Лютер получил и вызов в Рим, и отзыв доминиканца, составленный в самых суровых выражениях. Почувствовав реальную опасность, он стал думать о защите. Справедливо рассчитав, что более надежной поддержки, чем помощь светской власти, ему не найти, он направил записку курфюрсту Фридриху, который в это время находился на заседании рейхстага в Аугсбурге.

Рейхстаг являл собой весьма широкое собрание, в котором участвовали все князья империи и представители городов, обсуждавшие дела общенационального масштаба. Опасаясь за свою свободу, Лютер обратился к Фридриху с просьбой оказать ему содействие и добиться, чтобы его допрашивали не в Риме, а на территории Германии. Курфюрст с готовностью исполнил эту просьбу, и в Риме ее приняли благосклонно.

Ответственным за организацию процесса в Германии назначили папского легата кардинала Каetano, присутствовавшего на рейхстаге.

Это был человек, вполне достойный возложенной на него миссии. Фома де Вио, по прозвищу Каetano (он был родом из Гаэты), считался одним из выдающихся мыслителей своего времени. Вступив в орден доминиканцев, он преподавал в Падуанском университете, пока в 1508 году не занял пост главы своего ордена. Кардинальский сан и звание легата он получил незадолго до своего появления в Аугсбурге. Каetano придерживался философских взглядов, которые вполне могли привлечь к нему симпатии Лютера. Придавая Откровению гораздо большее значение, нежели доводам разума, он учил, что в вопросах веры философия бесполезна. В отношениях с окружающими он проявлял себя человеком сдержанным, терпеливым и дружелюбным. Внимательно изучив толстую папку с делом Лютера, он пришел к выводу, что из всех выдвинутых последним тезисов только два находятся в противоречии с католической верой, но эти два заслуживают звания еретических: во-первых, тезис об отрицании заслуг Христа, служащих основанием для отпущения грехов и получения индульгенции, а во-вторых, тезис о том, что вера действительна без добрых дел.

Допрашивать Лютера он начал 12 октября и первым делом убедился, что приписываемые последнему тезисы действительно принадлежат его перу. Затем он предложил ему отречься от своих взглядов, но это предложение не встретило отклика: брат Мартин подошел к этапу окончательного формирования своих убеждений, которые ему предстояло пронести через всю жизнь. В то же время он с настойчивостью подчеркивал, что остается покорным сыном Церкви. «Я стою перед вами, — в первый же день заявил он легату, — как смиренный и послушный сын Святой Христианской Церкви; я готов безропотно выслушать все, в чем меня обвиняют, и, если выяснится, что я ошибаюсь, с радостью принять истинное учение». Начало казалось вполне конструктивным, и Каetano решил даже, что легко одержит над строптивцем верх. Однако, как рассказывает сам Лютер, «каждый поднятый вопрос приводил все к новым противоречиям, так что нам не удалось добиться согласия почти ни по одному пункту».

На втором допросе история повторилась. Брат Мартин упорно защищал тезисы, противоречившие церковному учению, но при этом каждый раз оговаривал: «Сегодня я заявляю, что никогда не замышлял и не делал ничего, что противоречило бы Священному Писанию, святоотеческим заветам, установлениям папы и здравому смыслу. Все,

чему я учил, я и сегодня считаю святым, истинным и верным католичеством». На третий день он принес с собой письменное объяснение, последнюю попытку оправдаться, но и здесь легат обнаружил сплошное отрицание того, что внушал ему накануне. Вскоре по Аугсбургу пронесся слух, что глава августинцев отдал приказ об аресте Штаупица и Линка, обвинив их в поддержке Лютера и потворствовании его заблуждениям. Говорили также, что викарий снял с брата Мартина обет послушания, после чего вместе с Линком бежал в Нюрнберг. В свою очередь, кардинал понял, что сломить сопротивление упряма ему не удастся, и прекратил допросы.

В дальнейшем инициативу взял в свои руки Лютер. Он направил кардиналу пространное послание, в котором просил прощения за свое поведение и заявлял, что больше вообще не будет говорить об индульгенциях. Заканчивалось письмо признанием, что, несмотря на его горячее желание отречься от высказанных ранее мыслей, он все-таки никак не может согласиться с тем, что сформулированные кардиналом догматы являются истинным выражением учения Церкви. Как видим, он по-прежнему метался между одними и теми же полюсами: желанием и рассудком. В конце концов он обратился непосредственно к папе, чей авторитет столь решительно отвергал всего несколькими днями раньше. Затем, 20 октября, он тайно скрылся из Аугсбурга, оставив Каetano записку, в которой просил легата «милостиво признать» его «полную покорность» и «доложить о ней Святому Отцу нашему папе».

Мартин Лютер вернулся в Виттенберг в состоянии сильнейшей тревоги. Он понятия не имел, насколько серьезна угрожающая ему опасность. К счастью, он пользовался надежной защитой курфюрста, настолько надежной, что Фридрих, получив письмо от папского легата с просьбой выслать назад беглеца, никак на него не отреагировал. Лютер принялся за работу. По горячим следам своих допросов в Аугсбурге он написал труд под названием «Акты». Но простое изложение фактов его совершенно не устраивало, его жег полемический задор, к тому же он все-таки чувствовал потребность оправдаться. Вскоре он уже писал Линку: «Посылаю вам свои «Акты». Они получились гораздо острее, чем мог предположить легат, но меня сейчас волнуют вещи куда более важные. Понятия не имею, откуда у меня берутся все эти идеи. Господа из Рима уверены, что дело близится к завершению, я же думаю, что оно еще даже не начиналось».

Что это за новые идеи, о которых он говорит? Об этом можно догадаться исходя из того, о чем он в это время писал и чем занимался. Разумеется, речь шла о стратегии борьбы против папской власти. И не о

временной, преходящей власти, но о власти духовной, ключевой. До сих пор он старался низвести авторитет папы в области учения в той мере, в какой официальное богословие противостояло его собственной теории, запрещая ему открыто исповедовать милые его сердцу взгляды. Папа (а вместе с ним и учение, от имени которого он выступал), по мнению Лютера, ошибался всего в одном пункте, правда весьма важном, а именно в вопросе благодати и дел. Лютер просил у него немногого: уступить именно в этом пункте, то есть признать, что доктор Мартин Лютер совершенно прав, а Церковь до сих пор просто не имела по этому поводу ясно выраженного и четко сформулированного учения.

Если бы Святой Отец пошел на эту сделку! Ведь это было в его власти! Как прекрасно все устроилось бы! Он, Мартин, раз и навсегда избавился бы от своих кошмаров, а Церковь навсегда избавилась бы от оппозиции в лице Лютера. Между тем оппозиция набирала обороты. Она уже захватила Виттенберг, она склонила на свою сторону курфюрста Саксонского и все его окружение, она уверенно подминала под себя весь орден августинцев во главе с викарием монастырей строгого устава. Недалек час, когда она распространится по всей Германии, вначале сманив к себе светскую, а затем и духовную власть. Берегись, Рим! Неужели тебе еще не ясно, сколь высоки ставки в этой игре? Нет, в Риме его не слышали. В Риме слишком хорошо понимали, что уступка, какой бы ничтожной она ни казалась, способна перевернуть все учение с ног на голову. Оставьте брата Мартина в лоне Церкви, казалось, призывал он, и вся Германия останется вам покорной. Он и в самом деле начинал уже ощущать свое величие и свою роль в жизни германского народа. Разве уже сейчас курфюрст Саксонский не готов безоглядно поддерживать его? Разве сам император не выдал ему пропуск, чтобы спасти его от тюрьмы?

Еще до отъезда в Аугсбург он писал Штаупицу: «Я докажу, что в Германии есть люди, которые насквозь видят все римское коварство. Слишком давно римляне насмеваются над нами и считают нас дураками». Отвечая Каетано, он восклицал: «Неужели Ваше преподобие вообразило себе, что мы у себя в Германии не знаем грамматики?» Если Лютер восстанет против Рима, то тем хуже для Рима, потому что за ним следом восстанет вся Германия.

Во время допросов в Аугсбурге Лютер без конца демонстрировал, с одной стороны, знаки покорности папскому престолу, а с другой — упрямое нежелание расстаться со своими убеждениями. В письменной форме он сообщал, что готов добровольно «выслушать и принять все, чему учит Святая Римская Церковь». Но в том-то и дело, что соответствующим

истинному учению Церкви он считал только свои собственные взгляды и убеждения. Пожалуйста, заявляет он, я уступлю, я отрекусь, пусть только мне докажут, что именно я ошибаюсь, — в твердой уверенности, что никто на свете — ни папа, ни богословы — не сумеет этого сделать.

Пылко объявляя о своей нижайшей покорности, он в то же самое время требовал созыва ассамблеи, на которой мог бы встретиться со своими оппонентами. Он слишком хорошо представлял себе подобного рода мероприятия, уже позволившие ему отточить свое ораторское искусство и завоевать множество сторонников, и потому надеялся, что с легкостью убедит любую аудиторию в своей правоте, в том, что именно он владеет истиной. Но если в споре с папой истина на его стороне, то что получается? Либо папа должен склониться перед Лютером и объявить его своим вероучителем, либо Лютер публично объявит, что папство бежит истины.

Так или иначе победителем выходил он. Отметим, что на этом промежутке жизни он верил в себя с невероятной силой. После триумфальных выступлений на публике он убедился, что владеет если и не самой истиной, то способностью убеждать окружающих в своей правоте. Пока ему хватало и этого. Ведь на самом деле он стремился к одному: переспорить в первую очередь самого себя и выйти победителем в схватке с отчаянием, которое теперь вроде отступило, но все равно продолжало висеть над ним в виде потенциальной угрозы. Рассказывая в письме к Линку от 15 июля 1518 года о последней произнесенной им проповеди, он заявлял: «Все в восхищении. Каждый говорит, что никогда не слышал ничего подобного».

Конец 1518 года Лютер провел в Виттенберге, в уединении. Окрыленный своими недавними успехами и громкой славой, он тщательно взвешивал дальнейшие шаги и прикидывал шансы. Шансы казались значительными, разумеется, если сумеет ими воспользоваться. Для этого нужна решимость и ловкость. Каждый день, признавался он впоследствии, ожидал он вести о своем отлучении от Церкви. На память приходили образы Жерсона и Базельских отцов. Базельский собор, собравшийся в 1431 году, то есть сразу после Великого раскола Запада, провозгласил превосходство собора над папой, а затем, воспользовавшись тем, что папа на собор не явился, направил ему официальный вызов и объявил заочный приговор. Правда, на этом соборе, созванном по инициативе папы, присутствовало на первом заседании всего трое, а на последнем около 20 епископов, что, конечно, лишало его статуса вселенского. Затем решения собора прошли голосование с участием многих сотен лиц духовного

звания, которых поддержало несколько высших прелатов, что являлось нарушением не только установленных правил, но и всей традиции вообще. Тем не менее противникам папы это нисколько не помешало воспринять результаты голосования с великой радостью. В итоге Церкви пришлось пережить немало неприятных минут.

Вспомнив об этом прецеденте, Лютер с помощью нотариуса и в присутствии двух свидетелей составил и направил в адрес главного церковного собора обращение. Он, конечно, рисковал: законами канонического права запрещалось обращаться к собору с документами подобного рода, и провинившихся строго карали. Но он чувствовал, что не одинок, что за ним вся Германия. Он постарался распространить текст обращения как можно шире, чтобы затем изображать полное неведение: «Наш печатник опубликовал мое «Обращение к Собору» без моего ведома и против моей воли. Я хотел сохранить его для себя лично, но Бог рассудил иначе». Странная логика! Кто же пишет обращения в стол? Впрочем, он уже все меньше скрывал свои истинные чувства. «Судите сами, прав ли я, — писал он Линку, — когда утверждаю, что истинный антихрист, о котором говорил святой апостол Павел, правит при римском дворе. Думаю, что теперь я уже могу доказать, что он куда хуже турка». На этом письме стоит дата — 3 декабря. В тексте обращения, написанном ровно за пять дней до этого, Мартин смиренно сообщал: «Я не имею ни малейшего намерения ни подвергать нападкам римского владыку, ни отходить от Церкви».

10.

ЛАВИРОВАНИЕ (январь — июль 1519)

12 января 1519 года умер Максимилиан Габсбург, герцог Австрийский и император Германии. Завершилось 26-летнее царствование человека, сумевшего завоевать любовь немцев и утвердить могущество своего государства в Европе. Герой народных сказаний и песен, он остался в памяти людей последним королем-рыцарем, храбрым воином, не боявшимся ни фламандцев, ни венгров, ни итальянцев, бросавшим вызов самому королю Франции и нещадно гонявшим турок. В то же время он прославился как выдающийся гуманист, основатель многих университетов и талантливый законодатель, создавший имперскую канцелярию и имперский суд.

Немедленно встал вопрос о наследнике. Удержится ли корона у Габсбургов? Единственный сын Максимилиана Филипп Красивый умер еще 13 лет назад, а старшему сыну Филиппа Карлу, королю Испании, минуло всего 19 лет. Хотя Карл и родился во Фландрии, но по духу оставался настоящим латинянином, крепче всего привязанным к своим бургундским корням. Он вырос в Генте под пристальным взглядом воспитавшей его тетки Маргариты, дочери Марии Бургундской. Учителями к Карлу она пригласила двух французов — Гийома де Шьева и Шарля де Ла Шо, так что родным языком он считал французский, а говорить по-немецки, да и то плохо, выучился лишь позднее. Испанский трон он занимал уже три года, о том, что творится в Германии, не знал почти ничего и больше интересовался королевствами Неаполитанским и Сицилийским, нежели эрцгерцогством Австрийским. Его старшая сестра Элеонора вышла замуж за короля Португалии, впоследствии и он нашел себе супругу в этой же монархии.

Очевидно, что на волне национализма, поднимавшейся в Германии, подобный кандидат на престол не мог вызвать ничего кроме антипатии ни у правящей верхушки, ни у простого народа. С другой стороны, император, едва владевший немецким языком и почти никогда не бывавший в стране, представлялся германским князьям большим удобством, поскольку вряд ли стал бы вникать в хитросплетения финансовых злоупотреблений и их личные свары. Не имея своего войска, он в случае необходимости станет прибегать к их помощи; не имея собственных доходов, будет зависеть от них и в финансовом отношении. Преемственность династии Габсбургов

тоже говорила скорее за, чем против Карла. Впрочем, наиболее тщеславные из немецких князей все-таки выступили против его кандидатуры, призывая сбросить наконец иго австрийского дома поработителей и захватчиков.

Дело Лютера отступило на второй план. Во-первых, для немецких монархов, особенно для курфюрстов. Согласно золотой булле от 1356 года курфюрст Саксонский носил титул маршала Империи, являлся вице-председателем выборной коллегии и викарием северной части Германии (на юге и западе аналогичные функции выполнял курфюрст Пфальца). На практике это означало, что в периоды безвластия именно он замещал императора. Во-вторых, для папы. Выборы германского императора требовали от него чрезвычайной осторожности. Он боялся излишне докучать немецким князьям, чья помощь могла ему пригодиться в борьбе с нарождающейся ересью, не хотел ссориться и с курфюрстами и уж тем более с будущим императором.

В начале января он отправил в Виттенберг прелата курии Карла фон Мильтица, немца саксонского происхождения. Первым делом тот попытался получить от курфюрста разрешение на выдачу еретика, однако ничего не добился. Тогда он наехал на Лютера и буквально выколотил из него письменное заявление, нечто вроде изложения своего кредо. Документ, в котором Лютер ухитрился пойти на все уступки, ни в чем не уступив, назывался «Поучение доктора Мартина Лютера о некоторых доктринах, вменяемых ему в вину противниками». Как видим, сам заголовок этого сочинения красноречиво свидетельствует о том, что виттенбергский вольнодумец остался верен себе: не он проповедует запрещенные доктрины, но некие «противники» приписывают их ему. Поэтому ни о каком глубоком раскаянии не было и речи, хотя Лютер все же снизошел до того, чтобы чистосердечно принять некоторые из догматов. Так, он согласился признать культ святых и возможность молитвы за души пребывающих в чистилище. По вопросу, послужившему причиной конфликта, он высказался во вполне католическом духе: «Индульгенция есть освобождение от наказания за грех. Она есть результат свободного и добровольного выбора, уступающего по значению добрым делам. Вот и все, что народу следует знать об индульгенциях». Но далее он пояснял: «И пусть народ оставит богословам заботу спорить об определениях и пользе индульгенций». Следовательно, сформулировав для простых верующих вполне традиционное определение, он оставлял за собой право на любое другое и совсем не обязательно правоверное.

Та же двусмысленность сквозит в его определении добрых дел. «Нет никаких сомнений, — пишет он, — что никто не в состоянии творить

добрые дела, пока его не осенит Божья благодать». Это заявление абсолютно сообразно с католицизмом. Но дальше следовало: «Отречемся же от веры в себя и станем уповать единственно на Божье милосердие». Это уже может быть истолковано двояко, в том числе и в том смысле, какой имел в виду Лютер: добрые дела бесполезны и даже невозможны.

В заключительной части документа он воздерживался от далеко идущих выводов, зато защищал свое право на выражение собственных взглядов и убеждений в рамках Церкви: «Превыше всего следует почитать римско-католическую Церковь. Если она в чем-то и ошибается, это еще не дает нам права отделяться от нее, ибо она есть Церковь Апостолов и Мучеников. Пусть же богословы сколько угодно спорят между собой о границах ее могущества, к спасению души это не имеет никакого отношения». И, наконец, он намеком вспомнил о собственном обращении к церковному собору, походя задев церковные установления: «Они, конечно, имеют свою ценность», однако «желательно, чтобы собор уменьшил их число».

Этот новый свод тезисов, выглядевший гораздо скромнее и осторожнее по сравнению с предыдущими, сопровождался очередным письмом к папе: «Перед Богом и всеми созданиями Его, — восклицал Лютер, — торжественно заявляю, что никогда, ни сегодня, ни прежде, не имел намерения открыто нападать ни на авторитет римско-католической Церкви, ни на власть Вашего Святейшества, как никогда не стремился поколебать ее с помощью каких-либо уловок. Я безоговорочно верую, что власть этой Церкви превыше всего, что ни на Небесах, ни на земле нет ничего, что могло бы ее превосходить, кроме Иисуса Христа». Получив такое послание, папе придется признать, что сын его Лютер готов согласиться со всем, чему учит католическая Церковь.

Между тем богослов Лютер по-прежнему считал, что имеет полное право свободно выражать свое мнение об основных догматах католичества. Если бы от его отречения зависело восстановление мира и спокойствия внутри Церкви, он бы этому лишь возрадовался. Но ведь его сочинения уже успели (помимо его воли, разумеется) распространиться по всей Германии, так что от него уже ничего не зависит. Таким образом, мы видим, что он сожалел не столько о том, что написал свои тезисы, сколько о том, что из-за них поднялась такая суматоха. Но кто именно ее поднял? Те богословы, которые обрушились на него с критикой. Следовательно, они во всем и виноваты: «Святейший Отче! Больше всего ошибок наделали мои противники. От них-то и получила римско-католическая Церковь самые жестокие удары».

Что же в таком случае собирается предпринять он сам, Лютер? Он ничего не может обещать, разве что хранить молчание и ни с кем больше не обсуждать проблемы индульгенций, конечно, при условии, что те, кого он называет своими противниками, то есть защитники правоверной доктрины, поступят точно так же. Какое хитроумное и в то же абсолютно фантастическое предложение! Ведь Лютер сам только что признал, что его сочинения уже завоевали известность во всей Германии. Поэтому его дальнейшее молчание пойдет ему только на пользу. Под предлогом «честной игры» он заткнет рот своим критикам, а в это время его диссидентские труды будут продолжать свое победное шествие по стране. Мало того, его ученики, от которых никто не требовал никаких обещаний, станут вербовать ему новых сторонников и продолжать распространять и комментировать сочинения учителя. Он и не думал ни от чего отречься. Совсем наоборот, он собирался с прежним усердием проповедовать свое учение, потребовав от Церкви, чтобы она прекратила проповедовать свое.

Неужели он на самом деле верил, что ему удастся уговорить Рим? Не будем забывать, что в начале 1519 года он еще балансировал на острие бритвы и еще готов был жертвовать многим, лишь бы дело не дошло до отлучения. Возможно, он испытывал вполне понятную сентиментальную привязанность к Церкви, всему строю церковной жизни с ее централизацией, организационным единством, общностью культовых обрядов и в то же время достаточно широкой свободой толкования догматов, позволявшей каждому верующему исповедовать свой глубоко личный Символ веры.

И, конечно, его по-настоящему пугало положение еретика. Если Церковь осудит его окончательно, он превратится в белую ворону, на которую каждый кому не лень станет указывать пальцем. Возможно даже, его заключат в тюрьму. Но если этого и не случится, он разом утратит все преимущества своего нынешнего статуса, потеряет возможность писать, проповедовать, учить. Одним словом, он обратится в ничто. Правда, его опекал курфюрст Саксонский, но еще неизвестно, станет ли он защищать отлученного? С тех пор как в VII веке Церковь осудила учение ариан, ни один правитель не соглашался терпеть на своей территории еретиков. В XIII веке граф Тулузский жестоко поплатился за свое сочувствие к катарам — его лишили и короны, и всех владений. Лютер не питал никаких иллюзий относительно судьбы, которая ожидала его в случае отлучения. Поэтому и приходилось ему изощряться во всевозможных увертках и притворстве.

Зато он явно питал иллюзии по поводу собственного хитроумия, и не

исключено, что определенную роль сыграл в этом Мильтиц. Посланник папы был не богословом (он даже не имел священнического сана), а дипломатом. Свою единственную цель он видел в успешном исполнении порученного ему дела. Ему приказали: «Добейтесь от Лютера покорности». Но Лютер не желал покоряться. Ну и что? Зато он получил от него формальное заявление, удовлетворявшее обе стороны. Его совершенно не волновало, что подписанный Лютером документ ни в малейшей степени не отражал истинных убеждений последнего. Вскоре после составления этой «отписки» Риму Лютер доверительно сообщал своему другу Спалатину: «Я проделал это безо всякого труда, ибо уважаю даже ту власть, какую Господь даровал турку». Это означает, что папа значил в его глазах не больше, чем турецкий султан. Правда, папа имел над ним вполне реальную власть, которой следовало опасаться.

Но Мильтиц отнюдь не удовлетворился ролью посредника. Он решил пойти до конца и выжечь каленым железом самый источник заразы, иными словами, примерно наказать виновных в искажении сущности индульгенции. Рассудив, что смута, поднятая Лютером, разразилась из-за Тецеля, он отправился в Лейпциг, разыскал в тамошнем монастыре доминиканцев бывшего продавца индульгенций и потребовал от него строгого отчета. Мильтиц повел себя крайне жестко, обвинив Тецеля в присвоении денег верующих, в подрыве авторитета Церкви в глазах населения Германии, наконец, в разжигании ссоры, нанесшей непоправимый вред католической вере. В конце концов он даже пригрозил Тецелю отлучением. Под таким шквалом упреков и угроз проповедник не выдержал. Заболев от горя, он несколько месяцев спустя скончался.

Среди историков католической школы нашлись впоследствии такие, кто осудил Мильтица за то, что он слишком сурово обошелся с Тецелем. Между тем как раз с их точки зрения его поведение выглядит безупречно, ведь доминиканец действительно пользовался недопустимыми методами. Другое дело, что, стремясь искоренить зло, Мильтиц избрал слишком легкий путь. Что толку наказывать руку, не трогая голову? Ему удалось застрашать несчастного монаха до смерти, в то время как архиепископ Альбрехт Бранденбургский, с чьего ведома и по чьему наущению действовал Тецель, остался в стороне от каких бы то ни было нареканий. Вместо того чтобы преследовать конкретного человека, как бы он лично ни провинился, Риму следовало пресечь явление как таковое, приняв меры к тому, чтобы оно никогда не повторилось.

Деятельность Тецеля нельзя рассматривать как причину, побудившую Лютера к бунту; в лучшем случае она послужила лишь предлогом. Не будь

Тецеля, нашелся бы кто-нибудь другой. К 1517 году Лютер уже разработал свою теорию бесполезности «дел» и занимался ее углублением, пропагандой и распространением. Ему попался на пути проповедник отпущения грехов, но даже если бы этого не случилось, он все равно нашел бы способ провозгласить свои идеи, быть может, в чуть менее резкой форме. Придя к определенным убеждениям, он испытывал потребность в самовыражении, а потому рано или поздно обязательно столкнулся бы с тем или иным защитником чистоты ортодоксального учения и непременно спровоцировал бы тот же самый конфликт.

Мильтиц был дипломатом, к тому же немцем. Он всей душой желал уладить ссору, по возможности не вынося ее за пределы Германии. Он пользовался полным доверием папы, а потому сразу по приезде принялся подыскивать на роль судьи подходящего человека, который проявил бы достаточную гибкость в вопросах толкования доктрины и в то же время обладал бы реальной властью, — иначе Рим не одобрил бы его кандидатуры. Такого человека он нашел в лице Рихарда де Грайффенклау, архиепископа Трирского и принца-курфюрста. Нельзя сказать, чтобы последний с восторгом отнесся к предложенной ему миссии. Отказаться от поручения, данного Римом, он не мог, но и влезать во всю эту свару явно не жаждал. По долгу архиепископа он обязан был следить за чистотой католического вероучения и исполнять все предписания папы, но по своему положению немецкого князя не мог не чувствовать солидарности к Фридриху Саксонскому, а вместе с ним и ко всем немцам, без зазрения совести радовавшимся любой осечке со стороны Рима.

Первым делом он добился отсрочки рассмотрения дела, перенеся его на март. В марте он снова принялся тянуть время, уверяя, что не может заняться Лютером, пока в Германии нет законного императора, выборы которого намечалось провести лишь в июне. Очевидно, папе надоели эти проволочки, потому что 29 марта он отправил Мильтицу бреве^[12] с предписанием переправить Лютера в Рим, дабы тот смог наконец предстать перед судом. Но Мильтиц утаил это приказание, рассудив: «Поживем — увидим». В самом деле, если от Лютера удастся добиться отречения, папский приказ утратит смысл, в противном же случае применить к строптивцу драконовские меры всегда успеется. Зато никто не сможет упрекнуть Мильтица в недостатке кротости и долготерпения.

Мартин Лютер понял, что на некоторое время его оставили в покое. Человек, назначенный ему в судьи, не торопился его слушать, римский посланец демонстрировал ему уважительную снисходительность. И он продолжал сидеть у себя в Виттенберге, удвоив активность. Опубликовал

текст проповеди «Пояснение к Десяти заповедям», произнесенной в конце 1518 года, а также «Комментарий к Псалму 109». Но главное внимание он уделил подготовке к печати рукописи «Комментария к Посланию к Галатам», составленной на основе ранее прочитанных им лекций.

Именно в это время на него с новой силой нахлынули его былые страхи. Затаившись в тиши своей кельи, он без конца размышлял о спасении души, и перед ним вновь и вновь вставал один и тот же вопрос: «Каким же образом каждый из нас может быть уверен, что заслуги Христа оправдали его перед Богом?» Еще недавно ему казалось, что он нашел способ примирения с самим собой. Он провозгласил тезис о том, что «дела» сами по себе бесполезны, что спасение приходит только через веру. Один лишь Бог может даровать нам состояние благодати, мы же, даже совершая дурные поступки, не способны лишиться этого состояния, ибо Бог сильнее нас, а заслуги Христа превосходят все наши грехи. Но где уверенность, что Бог согласен заместить Своими заслугами наши прегрешения? Разве не сказано в Писании, что Бог — судия? И разве не дело судии наказывать за преступления?

Он снова погрузился в пучину сомнений. Слово «суд» преследовало его, и несмотря на свои недавние публичные успехи, он опять чувствовал то же отчаяние, что терзало его в пору послушничества. Нет, не то же, гораздо худшее отчаяние. И тут на него снизошло озарение. Случилось это в монастырской башне. Он в который раз мысленно декламировал отрывок из «Послания к Римлянам», читанный-перечитанный, но так и не понятый: «Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему... В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет». И далее святой апостол Павел продолжает: «Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою». Что же, до сих пор он толковал правду Божию как наказание грешников, не достойных милости, то есть «ненавидел праведного Бога, карающего грешников». «Я пребывал во гневе, — признается он, — а в душе моей все вопияло от смятения и ужаса». Именно в этом состоянии крайней тревоги он отправился в отхожее место, и здесь-то, в укромном уголке, случилось то, что впоследствии он назвал «откровением Святого Духа». Его охватила безудержная радость: «Я почувствовал себя полностью обновленным, передо мной широко распахнулись двери Рая».

Что же именно открылось Лютеру? Что Божья правда, о которой повествует Евангелие, призвана не карать, но спасать. Что благодаря заслугам Иисуса Христа Бог не вменяет согрешившему в вину его грех. В

своем «Комментарии к Книге Бытия» он скажет, что ничему подобному его никогда не учили; вслед за ним Меланхтон в «Жизни Лютера» настойчиво повторит, что Лютер совершил открытие. Но вот о. Денифле, известный в Германии специалист по средневековому богословию, задался целью проверить, а соответствует ли истине это утверждение, подхваченное и многократно повторенное в сотнях биографических и научных трудов, посвященных Лютеру. Ученый решил отыскать источник, из которого юный послушник, а затем и умудренный опытом богослов почерпнул идею о том, что Писание трактует Божью правду именно в смысле Божьего гнева. И выяснил, что абсолютно все авторы, с которыми знакомился Лютер в годы учебы, толковали именно о том, что позже явилось ему в виде откровения: «Ни один католический писатель от Амброзиастера до Лютера включительно не прочитывал этот отрывок из Послания святого апостола Павла в том смысле, что Божья правда сводится к наказанию и гневу Господню. Напротив, они понимали ее как Божью милость, как путь ко спасению, обретаемый через веру. О том же самом говорится и во втором стихе 70-го Псалма: «По правде Твоей избавь меня и освободи меня». Возможно, будущий Реформатор действительно углядел в этом стихе некую угрозу, но лишь потому, что в нем при желании можно уловить намек на справедливое возмездие. Однако до него ни один комментатор не толковал его подобным, в сущности, совершенно бессмысленным, образом».

И Денифле, как истинный боец, добивает соперников сокрушительным выводом: либо Лютер не читал ни одного из произведений богословов, прежде него комментировавших этот текст, следовательно, его суждения о них по меньшей мере опрометчивы; либо он сознательно искажил истину. Есть и третья гипотеза, которая нам представляется более правдоподобной с точки зрения психологии Лютера. Он, конечно, читал все эти тексты, но мысли его во время чтения витали далеко, вокруг его личной проблемы. Поэтому прочитанное осталось в памяти в виде смутного воспоминания, которое в один прекрасный день всплыло на поверхность в виде «озарения». Кроме того, учитывая весьма посредственный уровень преподавания богословия в немецких университетах той поры (мы говорим не о гуманистах, а обо всех многочисленных преподавателях средней руки, которые зачастую откровенно не любили богословия) и скорость, с какой Лютер освоил университетский курс, можно предположить, что брат Мартин изучил далеко не все комментарии к знаменитому стиху из Послания святого апостола Павла. Но и те, что он читал, проникали в его сознание, словно во

сне, потому что он и жил, как во сне, с того самого дня, когда у самых ног его в землю ударила молния. «Человек с таким складом психики, как у Лютера, — пишет проницательный Люсьен Февр, — открывая любую книгу, читает в ней одно и то же: собственные мысли». Ему, погруженному в тоскливые переживания о своем ничтожестве, смешными и нелепыми казались открытия, совершенные другими.

Но вот наступил день, когда он вырвался из своей внутренней темницы. Сначала преподавательская деятельность, а затем и активная борьба с оппонентами словно пробудили его ото сна, а когда ему удалось нащупать путь к решению своей проблемы и поверить, что спасение возможно, он окончательно очнулся и вышел наконец из того сомнамбулического состояния, в котором пребывал, непрестанно занимаясь самокопанием. Он нашел убедительное доказательство своей правоты именно в тот момент, когда внутренне созрел для этого открытия. И нет ничего удивительного в том, что память об источниках этого открытия в его сознании совершенно стерлась. Может быть, в дальнейшем он и отдавал себе отчет в том, что его идеи сформировались под определенным влиянием ранее усвоенных знаний, но в самый миг открытия эти соображения нисколько его не волновали. Для него имело значение одно: в нужный миг его осенила спасительная мысль, и никакой связи между ней и конкретными книгами конкретных авторов он не видел.

Вечно погруженный в себя молодой человек, привыкший слушать окружающих вполуха, с трудом переносивший давление чужого интеллекта, он пережил в те минуты настоящее счастье. Он понял, что больше никому ничего не должен, кроме, разумеется, Святого Духа, озарившего его разум. В той борьбе, которую он уже начал, он видел себя, во-первых, духовным учителем (не зря же его с таким восторгом принимали толпы слушателей), а во-вторых, носителем новых идей, непонятым представителями официального вероучения. Откуда же, рассуждал он, явилась ему эта новая истина, как не от самого Бога?

Даже то обстоятельство, что озарение снизошло на него в столь неподобающем месте, как клоака, казалось ему неоспоримым доказательством особой, интимной связи между Богом и им самим, Божьим избранником. Некоторые протестантские авторы предпочитают обходить молчанием эту деталь, полагая, что она снижает величие Божьего откровения. Но Лютер так не считал. Как раз напротив, ему казалось нормальным, что Бог праведников является в таком месте, куда никогда не забрел бы обычный учитель-человек. Охотно рассказывая об этом эпизоде, он как будто бросал вызов богословам-рационалистам: смотрите, вам ваш

Бог заявляет о себе лишь тогда, когда вы принимаетесь рассуждать о нем, мне же Он явился в минуту самой презренной из человеческих слабостей. Ах, доктор Мартин, неужели ваш наставник не рассказывал вам, тогда еще юному послушнику, историю, связанную с толкованием завета святого апостола Павла: «Молитесь беспрестанно!» Однажды святой Пахомий удалился в отхожее место, но и там продолжал молиться. Вдруг ему явился дьявол и спросил: «Неужели тебе не стыдно говорить о Боге, предаваясь столь гнусному занятию?» Но великий монах отвечал ему: «То, что возносится кверху, идет Богу, а то, что падает вниз, достанется тебе».

Радостное возбуждение, охватившее Лютера, объяснялось не только тем, что он нашел ответ на давно мучивший его вопрос. По складу своей психики любые нерешенные вопросы он воспринимал через призму тревожности, поэтому каждое найденное решение автоматически становилось средством исцеления от этой тревоги. Вот и теперь он больше всего радовался тому, что отныне не надо бояться гнева Божьего, что благодать ему обеспечена, а вместе с ней и спасение души. Эта уверенность придавала ему новые силы для борьбы, а совершенное им открытие он намеревался использовать в качестве решающего аргумента в интеллектуальном споре с оппонентами. Таким образом, ситуация складывалась для него чрезвычайно благоприятно: и политический климат, и внутренняя убежденность, и вооруженность средствами для пропаганды своих идей и завоевания новых сторонников — все говорило в его пользу. Главную задачу текущего момента он видел в том, чтобы избежать прямого столкновения с церковными властями. Для этого следовало придерживаться двойственной тактики: во-первых, погромче твердить о своей покорности папе и возлагать всю вину на тех, кто его неверно информирует, а во-вторых, стоять на том, что он лично не утверждает ничего определенного, а просто задается трудными вопросами, надеясь получить на них твердые и исчерпывающие ответы.

Итак, он пребывал в самом радужном настроении, и ему не терпелось поскорее найти своему оптимизму конкретное применение. Случай для этого вскоре представился, хотя и не совсем такой, какого ожидал Лютер. Ему пришлось иметь дело с противником, столкновения с которым он предпочел бы избежать. Речь идет об Иоганне Майере, уроженце швабского города Экка, по традиции гуманистов той эпохи именовавшемся поэтому Иоганном Экком. Он был тремя годами моложе Лютера, ему как раз исполнилось 33 года, но несмотря на молодость, он пользовался в Германии славой великого ученого. Человек глубоко образованный, он считался достойным соперником величайших гуманистов своей эпохи и

заслужил дружбу самого Эразма. Вступив в орден св. Доминика, он завоевал все необходимые ученые степени и с 1510 года стал профессором богословия в университете

Ингольштадта, в Баварии. Его умеренность, широкая эрудиция и превосходная память вызывали всеобщее восхищение и позволяли предположить, что он может проявить восприимчивость к новым идеям. Лютер, начиная с 1517 года, пытался привлечь его на свою сторону и даже отправил ему через своего друга Шерла, преподававшего в Нюрнбергском университете, экземпляр своих тезисов. Но все его расчеты с треском провалились. Ознакомившись с тезисами Лютера, Экк, вместо того чтобы примкнуть к лагерю новаторов бросился отстаивать устои католичества и стал одним из ярых защитников ортодоксии. Ему не хотелось придавать спору публичный характер, но в то же время он понимал, что его личный ответ Лютеру не произведет никакого эффекта, поэтому свое опровержение, озаглавленное «Обелиски», он направил своему епископу. Епископ счел, что рукопись достойна того, чтобы ознакомить с ней как можно большее число богословов, сделал с нее множество копий, которые и разослал по университетам и монастырям.

То было начало войны, но войны подспудной, и хотя Лютер начал ее первый, он оказался застигнут врасплох, что его, конечно, огорчило. К тому же Экку, гораздо лучше разбиравшемуся в богословии, чем в политике, удалось докопаться до сути вещей и обнаружить несомненное сходство тезисов Лютера со взглядами Гуса, о чем он и заявил в категоричной форме. Для Лютера это обвинение прозвучало сигналом настоящей тревоги, потому что гуситская ересь считалась в то время наиболее опасной. Друзья Лютера настойчиво требовали, чтобы он защищался. Легко сказать! Выступить с доскональным изложением своей теории значило открыто признать себя еретиком и, что еще хуже, еретиком-гуситом. И потому в ответном сочинении «Астериксы», написанном в июне 1518 года и также разосланном по университетам, Лютер пытался доказать, что именно его оппонент ошибается в толковании традиционного учения. Противопоставляя схоластов бл. Августина, он решительно вставал на сторону последнего и обвинял Экка в предпочтении первых.

Ответ прозвучал слишком слабо, и это немедленно почувствовали в том и в другом лагере. Виттенбергские богословы решили предоставить слово одному из своих, чтобы он выступил публично и спровоцировал противника на открытый бой, в победном исходе которого они не сомневались. Выбор пал на Карлштадта. По-настоящему этого уроженца города Карлштадта, что во Франконии, звали Андреас Боденштейн, и он

считался одним из выдающихся представителей новой школы. В самом начале проповеднической деятельности Тецеля он, опередив Лютера, обнародовал свои 152 тезиса против индульгенций. В мае 1518 года, когда Лютер сочинял свой скромный ответ Экку, Карлштадт бесстрашно выступал с гораздо более смелыми заявлениями. Впрочем, и он остерегался оспаривать папскую власть, ограничиваясь обсуждением проблем благодати и таинств.

Экк с легкостью вычислил большое место своих противников и в феврале 1519 года выступил с 12 тезисами, которые, очевидно, задумывались как ответ Карлштадту, но которые на самом деле посвящались защите главенствующего положения римско-католической доктрины. Любопытно, что Экк пользовался в точности теми же выражениями, которые годом раньше употребил Лютер в своих «Резолюциях». Таким образом, оба богослова оказались в центре внимания и притом в связи с самым острым из вопросов, развивать который до логического конца оба они все еще боялись. Лютер почувствовал себя в положении человека, на которого прямо указали пальцем. Отмалчиваться он больше не мог и в феврале 1519 года ответил Экку 13 тезисами, в последнем из которых открыто ставил под сомнение авторитет папы.

Рассчитывал ли он, что его заявление, прозвучавшее на всю Германию, не будет услышано в Риме? Или надеялся на протекцию Мильтица, который защитит его перед верховным владыкой? Скорее всего, он просто почувствовал себя затравленным зверем, а потому — мы увидим, что в дальнейшем он еще не раз поведет себя точно так же, — перестал просчитывать шансы и отдался на волю судьбы. Он, правда, сделал последнюю попытку ввести папу в заблуждение, потому что несколькими днями спустя писал ему: «Перед Богом и всеми тварями Его заявляю, что никогда, ни раньше, ни теперь, не имел намерения открыто нападать на авторитет римско-католической Церкви» (письмо датировано 9 марта). Что из того, что эти слова находились в вопиющем противоречии с фактами? Лютер слишком хорошо понимал, что ему необходимо выиграть время.

Понимал это и Экк, рассудивший, что пришло время выложить карты на стол. Он потребовал проведения публичной дискуссии с участием обеих сторон. Лютер пожелал организовать ее в Виттенберге, Экк с негодованием отверг это предложение. Он хотел, чтобы диспут прошел в одном из лучших христианских университетов, достойном и обсуждаемой темы, и сложившейся непростой ситуации, и, вероятно, его собственной высокой репутации. Он предложил на выбор — Рим, Париж или Кельн. Теперь не соглашались его противники, утверждавшие, что для них путешествие

слишком опасно: их могут арестовать сразу по окончании диспута. Они предпочитали не покидать пределов Саксонии, что вполне понятно — здесь они могли рассчитывать на благоприятный прием со стороны публики. В конце концов сошлись на Лейпциге, расположенном во владениях герцога Георга, давшего согласие на проведение диспута.

Понимал ли Лютер, что его ждет, когда собирался помериться силами с Экком? Папский легат Каetano запретил ему покидать пределы Саксонского курфюршества, а друзья прямо отговаривали его принимать участие в предстоящем диспуте. Все они слишком хорошо знали, что такое Экк, чья слава гремела не только в Германии, но и в Италии. Помимо глубоких знаний и решительного характера, он обладал многими другими достоинствами: высокий, хорошо сложенный красавец с изысканными манерами и прекрасным голосом, наделенный даром красноречия, он с легкостью покорял любую аудиторию. Знали они и о том, как неосторожен бывает в споре Лютер. Если он поднимет брошенную ему перчатку, боялись они, ему придется высказать все до конца, и тогда он бесповоротно пропал. Даже курфюрст сделал попытку удержать его: пусть объясняется с общим противником едет Карлштадт! Он наверняка сумеет повести спор достаточно тонко. Однако Лютер уговорил и курфюрста, умело сыграв на чувствах последнего. Нападая на двух богословов, намекнул он, Экк на самом деле метит в весь Виттенбергский университет. Позволительно ли курфюрсту терпеть такое? И Фридрих сдался. Мартином Лютером владело теперь одно страстное желание — убедить всех без исключения в справедливости своих открытий, которые, верил он, ведут его к спасению души.

Открытие диспута назначили на 27 июня. Лютер лихорадочно готовился к сражению. Пора виляний закончилась, теперь он пойдет до конца. «Господь ведет меня», — повторял он всем и каждому. И непременно добавлял: «Я с радостью следую Его воле». Сознание того, что отступить больше некуда, наполняло все его существо радостным возбуждением. Да, он проявил слабость, когда отправил папе покаянное письмо, но теперь он готов ее искупить. Многочисленные письма, которые он писал в этот промежуток времени, полны свирепой ненависти к папству: «Готовясь к диспуту, я просмотрел папские Декреталии, и меня охватили глубокие сомнения. Уж не антихрист ли папа? Больно уж жалким выглядит в этих Декреталиях распятый Христос!» «Борьба теперь перешла в такую стадию, что должно решиться: кто кого. Я рад этому. До сих пор мы только играли. Пора же наконец передавить этих гадин и свергнуть римскую тиранию». Он с пристрастием выискивал в Библии любое упоминание об

антихристе, надеясь найти подтверждение своим подозрениям в отношении папы. В Послании к Фессалоникийцам он обнаружил место, где говорится, что антихрист «в храме Божиим сядет», и немедленно сделал вывод, что эти слова относятся именно к папе.

Епископ Мерзебургский, занимавший пост канцлера Лейпцигского университета, воспринял идею проведения диспута весьма неодобрительно. К чему спорить о том, что и так ясно? Пусть Лютер и его сторонники прямо скажут, согласны они с католическим учением или нет, и дело с концом. Георг, герцог Саксонский, напротив, отнесся к предстоящему мероприятию благосклонно. Послушный сын Церкви, он искренне надеялся, что великий Экк сумеет заткнуть глотку Лютеру. Кроме того, его приятно грела мысль о той чести и славе, какая выпала на долю Лейпцига среди всех соперничавших университетов. Впрочем, не желая раздражать канцлера, он выдал пропуск одному Карлштадту, правда, с припиской «с сопровождающими его лицами». Лучшего способа пригласить Лютера не выдумал бы никто.

Герцог приказал подготовить для приема богословов и слушателей свой замок в Плейсенбурге и сам лично приехал встретить их из своей дрезденской резиденции. Он прибыл ровно за пять дней до начала диспута, чтобы успеть принять участие в торжественном шествии по поводу праздника Тела Господня. Доктор Экк тоже приехал заранее. Что касается виттенбергских богословов, то они предпочли не мешаться с толпой своих противников и появились на месте через день после праздника. Их процессию возглавлял Карлштадт. То ли он сам счел себя героем дня, то ли университетское руководство велело ему прикрыть собой Лютера. За ним выступал ректор Виттенберга с дюжиной профессоров, среди которых выделялись Меланхтон, Армсдорф и Ланг. Вся компания шествовала в окружении двух сотен вооруженных студентов. И в это время от епископа Мерзебургского прибыл посланец с пастырским предписанием, запрещающим проведение диспута. Герцог приложил все усилия, чтобы замаять эту неприятную новость, и утром 27 июня слушания начались.

В течение четырех дней Карлштадт и Экк вели друг с другом спор. Экк выглядел уверенным в себе, говорил язвительно и иронично, держался обвинительного тона. Как утверждал Пиркхаймер, в его манере сквозило «что-то от яростной дерзости». Маленький и горячий Карлштадт кипятился, зачастую не находил нужных слов, а найденные бормотал глухо и неразборчиво. Главная тема обсуждения сводилась к проблеме благодати и свободы воли. Экк защищал католическую доктрину об их совместимости, Карлштадт настаивал на пассивной роли человеческой воли перед Божьей

благодарью. Виттенбергский ученый без конца сопровождал свою речь цитатами, которые по ходу дела подыскивал в толстых книгах, принесенных на заседание. В конце концов его лейпцигскому оппоненту это надоело, и он заявил, что подобная практика несовместима с серьезным спором. Драгоценные источники у Карлштадта отняли, и он потонул в собственных объяснениях. «Дерзкий Экк торжествовал», — свидетельствует Кун.

4 июля настала очередь Лютера. Среди присутствующих его появление вызвало всплеск любопытства, тем более что обсуждать собирались проблему папской власти, которую Карлштадт — скорее из осторожности, чем из убеждений — отказался включить в свое выступление. Публика ожидала, что Лютер сразу перейдет в наступление, но ничего подобного не произошло. Почувствовав, что сопернику удалось почти целиком покорить аудиторию (как он, должно быть, сожалел, что уступил первую роль Карлштадту!), он начал с того, что громко заявил о своем почитании папского престола, а потом обвинил Экка в навязывании ему темы, по которой он не желал дискутировать. Тогда слово взял Экк и с присущей ему уверенностью, демонстрируя глубочайшую эрудицию, прочитал всем присутствующим целую лекцию по теологии, которую закончил сопоставлением тезисов Лютера с гуситской ересью. Это был чрезвычайно ловкий, дважды выигрышный ход: во-первых, он заставил Лютера защищаться, поскольку обвинение в ереси оставалось самым тяжким; во-вторых, удачно сыграл на враждебности саксонцев к чехам, в частности лейпцигских ученых к пражским. Он направил немецкий национализм в другое русло, заставив аудиторию на время забыть о своих претензиях к далекому Риму и обратить их против ближайшего соседа. Лютер почувствовал себя в опасности и принялся вилять. Он признал авторитет папы, однако отказывался принять догмат о его божественном происхождении.

На следующий день Экк явился на заседание, полный решимости окончательно добить загнанного зверя. Он зачитал присутствующим гуситские тезисы, весьма схожие с тезисами Лютера. В ответ Лютер во всеуслышание провозгласил себя католиком и назвал клеветнической попытку сравнивать его с раскольниками, пошатнувшими единство Святой Церкви.

Но Экк продолжал его клеймить. Лютер, напомнил он, обратился к собору, миновав папу, тогда как Вселенский собор в Констанце осудил взгляды Яна Гуса, направленные против авторитета папы. Следовательно, подвергая сомнению главенствующую роль папы, Лютер отрицает и

авторитет святого собора. Лютер не нашел ничего лучшего, чем жалко пролепетать: «Возможно, акты Собора в Констанце не подлинные?» Это был провал. Герцог Георг громко и возмущенно крикнул: «Безумец!» Эккем в то время спешил закрепить достигнутый успех. Обобщив все высказывания оппонента, он заявил, что тот «именует христианством самые зловредные заблуждения гуситов», что, не соглашаясь с решением Собора осудить эти заблуждения, он обвиняет собор в осуждении евангельских истин. Заседание завершилось в страшном шуме. Доктора Лютера публично называли еретиком.

Диспут продолжался еще несколько дней, однако самое интересное уже миновало. Предстояло обсудить вопросы о чистилище, об индульгенциях и о покаянии. Но публика больше не слушала выступавших. Проглотив главное блюдо, она уже не смотрела на закуски, хоть их и оставалось еще изрядно. 14 и 15 июня на сцене снова возник Карлштадт, принявший участие в обсуждении проблемы спасения. Но все уже устали, кроме, может быть, Экке, который, не поморщившись, скушал молодого лютеранина в качестве десерта. Лютер исчез еще до заключительного торжественного заседания. Его переполняло чувство горечи. Как плохо все началось, сокрушался он, так же плохо и закончилось. Они только зря потеряли время. А виноваты в этом, конечно, его соперники, которых не интересует истина, а интересует только личная слава. Его немного смущало, что из-за чрезмерной осторожности он сгладил свои убеждения, выстраданные в тиши одиночества. Но ничего, твердил он себе, скоро он выскажет их в достойной форме. И уж тогда-то сумеет отстоять их перед лицом всего мира.

11.

БУНТ

(июль 1519 — июнь 1520)

Пока в Лейпциге спорили между собой богословы, во Франкфурт для участия в работе рейхстага съезжались представители светской власти, которым предстояло избрать преемника императора Максимилиана. На его трон претендовало сразу несколько кандидатов. Покойный император за несколько месяцев до кончины успел высказать свою волю и дал понять будущим выборщикам, что хотел бы видеть своим наследником внука, короля Испании Карла I. Чтобы с его выбором согласились, он не жалел средств, щедрой рукой черпая золото из состояния Фуггеров.

Карлу пришлось бы делать то же самое, поскольку в предвыборную гонку включился весьма серьезный соперник, тем более опасный, что, будучи богатейшим европейским монархом, имел в своем распоряжении практически неограниченные финансовые средства. Этим соперником был король Франции Франциск I, 25-летний король-рыцарь, только что успешно завоевавший Миланское герцогство и после убедительной победы при Мариньяно навязавший Карлу выгодный для себя мир. Наконец, сразу после смерти Максимилиана объявился и еще один претендент на его наследство — король Англии Генрих VIII, 28-летний гуманист и женолоб, женатый на Екатерине Арагонской, младшей сестре Иоанны Безумной и тетке Карла Испанского.

Имелся свой фаворит и среди немецких курфюрстов — Фридрих Саксонский. Волна национализма, неуклонно поднимавшаяся в это время по всей Германии, делала весьма проблематичным выбор как в пользу француза, связанного с папой договором в Витербо и Болонским конкордатом, так и в пользу англичанина, слишком уж далекого на своем острове. Что касается Фридриха, то по сравнению с этими тяжеловесами он, конечно, выглядел слабовато. Оставался единственный кандидат, способный удовлетворить всех, и этим кандидатом был Карл. Разумеется, он устраивал большинство не в качестве короля Испании, но в качестве внука Максимилиана. Не зря же, упоминая о нем, немцы говорили не Дон Карлос, а Карл фон Габсбург. Он и сам, у себя за Пиренеями, назначая, к негодованию подданных, на все ответственные должности исключительно фламандцев, доказал, что немецкого в нем гораздо больше, чем испанского.

К тому же Неаполитанское королевство, сувереном которого он являлся, представляло постоянную угрозу Риму. Итак, 28 июня 1519 года императором Германии был избран Карл.

Какую бы религиозную политику ни собирался проводить новый император, Лютер хорошо понимал, что такой протекции, как от курфюрста Саксонского, от Карла ему не дожидаться. Во время коронации, которой руководил архиепископ Кёльнский, Карл, теперь именовавшийся Карлом V, поклялся по мере сил своих «защищать католическую веру в духе традиции» и «почитать Святого Отца и Владыку во Иисусе Христе, а также Святую Церковь с покорностью, уважением и верностью». Впрочем, и без этой клятвы он хорошо сознавал свой долг перед Христовой Церковью. Воспитавший его Адриаан Флоризоон, декан факультета богословия Лувенского университета, учивший также и Эразма, в 1522 году ставший папой Андрианом VI, сумел внушить ему искреннюю веру и глубокую набожность, основанную, главным образом, на новейшем благочестии, явлении опять-таки гораздо больше германском, нежели испанском.

Но все эти соображения меньше всего занимали мысли Лютера. Теперь, когда судьба его бесповоротно определилась, ему прежде всего требовалось добиться признания своего учения и заполучить на свою сторону как можно больше немцев. Решить эту задачу он мог, лишь чувствуя себя в полной безопасности. Экке все еще донимал его, предлагая через курфюрста Фридриха новые встречи и новые диспуты — в Париже, в Лувене или в Кельне. Лютер на эти призывы не реагировал. Он уже понял, что пойдет к своей цели другим путем. Перо — вот то оружие, с помощью которого он защитит себя и завоюет себе последователей. И он погрузился в работу над составлением отчета о лейпцигском диспуте, в котором постарался подчеркнуть весомость своей аргументации. Этот труд он издал под названием «Резолюции». Поскольку теперь над ним не стояли придирчивые судьи, он повел себя смелее и развернулся во всю ширь своих полемических талантов: в вопросах веры есть лишь один авторитет, и он принадлежит Священному Писанию; что касается соборов, то они нередко допускали ошибки в этой области. Затем он принялся громить и предавать анафеме своих оппонентов: тот, кто полагает, что авторитет Писания стоит ниже авторитета папы, есть извратитель истины и еретик. Пересмотрев все каноническое Писание, он исключил из него книги Маккавейские и Послание святого Иоанна, потому что в них утверждалось, что «вера без дел мертва». Предисловие он посвятил чрезвычайно грубой критике, направленной лично против Экка.

Курфюрст, с одной стороны, искренне стремившийся защитить немца

Лютера от нападок римской власти, а с другой — не желавший получить в свой адрес обвинение в поддержке еретика, передал это сочинение Экку, который выступил с ответным трудом, озаглавленным «Очищение». Сторонники Лютера, видя безнаказанность своего вождя, более не считали нужным скрываться и всем скопом набросились на Экка. Именно в это время заявил о себе Иоганн Хаусшейн по прозвищу Эколампадос^[13]. Ознакомившись с сочинениями Лютера, он покинул свой монастырь в Баварии. В дальнейшем ему предстояло сыграть важную роль в движении Реформации. Именно он выступил с острой сатирой против защитников папства. Нюрнбергский бюргер Пиркхеймер активно распространял анонимный памфлет под названием «Есциус dedolatus», что можно было перевести и как «обструганный Экк», и как «поколоченный Экк».

Но и Экк не собирался почивать на лаврах после своей победы в Лейпциге. Он сознавал, что значение и распространенность нового учения выходят далеко за рамки обычного университетского спора. Своими проповедями Лютер привлек к себе немало ученых и толпы простого народа. Вот и Экк решил предпринять своего рода «турне» с целью разоблачения виттенбергского богословия и призыва к христианам хранить верность Церкви. Он тоже много писал в это время, за один год опубликовав около десятка небольших по объему сочинений, в том числе «Трактат о главенствующей роли папы». В свою очередь, и он получил существенное подкрепление. В апреле в Юттербокке (Бранденбург), то есть как раз в тех местах, где когда-то начинал свою проповедническую карьеру Тецель, прошел капитул братьев-францисканцев строгого устава. Участники капитула внимательно изучили писания Лютера и обнаружили в них целый ряд положений, противоречащих учению Церкви. Затем они переслали эти труды епископу Бранденбургскому, указав на их вредный характер. Когда до Лютера дошел слух об этом происшествии, он разразился негодованием: какое право имели эти невежественные монахи вмешиваться в дела, которые их не касаются? Змеи и порождения ехиднины!

До лейпцигского диспута оставался еще месяц, когда он, поддавшись гневу, решился обнародовать мысли, которые пока таил про себя. Таинство покаяния, писал он, является не божественным установлением, но выдумкой одного из пап. Между тем документ, составленный францисканцами, дошел и до Экка. Получив благословение епископа, он опубликовал и распространил его по всей епархии. Лютер в очередной раз обозвал Экка «честолюбцем, снедаемым жаждой славы», который, по его мнению, преследовал в жизни единственную цель — погубить его, Лютера.

Среди представителей светской власти одним из наиболее последовательных защитников Церкви проявил себя герцог Георг Саксонский. Он потребовал, чтобы Лейпцигский университет занял твердую позицию по отношению к ереси, но добиться этого в полной мере ему не удалось. Только один монах, францисканец Августин Альфельд, преподаватель Священного Писания одного из монастырей ордена, опубликовал труд о божественном происхождении папской власти, опровергающий воззрения Лютера. Напротив, в других университетах к делу защиты правоверного учения отнеслись с большей сознательностью. В Кельне доминиканец Якоб ван Хоогстратен, прославившийся своим памфлетом, направленным против гуманиста Рейхлина и вызвавшим в защиту последнего знаменитые «Письма темных людей», составил на основе сочинений Лютера свод положений, которые 30 августа были осуждены университетом. В этом же учебном заведении все книги витгенбергского монаха приговорили к сожжению на костре. В 1526 году тот же Хоогстратен опубликует «Трактат о вере и делах, опровергающий Лютера». Примеру Кельнского последовал и Лувенский университет. 5 августа он направил свои соображения бывшему декану факультета богословия Адриаану Флоризоону, к тому времени ставшему кардиналом.

В свою очередь, Лютер писал книгу за книгой. В августе, когда заболел курфюрст Фридрих, он посвятил ему целый трактат об утешении души, озаглавленный «Тесарадекас» (в переводе с греческого «Четырнадцать уложений»), или «Утешение душам, обремененным трудом и заботами». Для убежденного противника схоластов это довольно любопытное сочинение, прославляющее 14 второстепенных святых, каждый из которых преподает читателю урок терпения. Здесь же объясняется, как именно следует каждому из них молиться, чтобы научиться терпению — этой величайшей из милостей. Читая этот труд, трудно не думать о том, каким замечательным духовным наставником мог бы стать Лютер, не отдай он все внутренние силы на решение своей личной проблемы.

Он писал и другие назидательные книги: «Комментарии к Псалтири», пояснение к «Отче наш», размышления о Страстях Христовых, небольшие брошюры об умерщвлении плоти, о подготовке к смертному концу. В последних снова прорывается наружу его давний затаенный страх: «Не давайте себе останавливаться на этой ужасной мысли!» Никаких отступлений от традиционного вероучения в этих писаниях нет. Однако он не отказался от борьбы, напротив, вел ее сразу на несколько фронтов. Так, он обрушился с яростными нападка на секретаря герцога Георга

Иеремию Эмзера, который попытался было выступить в его защиту, написав некоему прелату в Прагу, что Лютер не имеет ничего общего с Гусом, а потому напрасно чешские еретики принимают его за своего. Лютер назвал поступок Эмзера «поцелуем Иуды» и заявил, что не нуждается в помощи такого человека, как он.

Но с особым старанием он трудился над сочинениями, посвященными проблеме догматов католицизма. В сентябре 1519 года он выпустил «Комментарий к Посланию к Галатам», написанный на основе лекций, прочитанных в 1515—1516 годах. Тема оправдания одной верой имела для него первостепенное значение, и здесь он снова с настойчивостью проводил мысль о тщетности «дел». В декабре он издал «Проповедь о причастии», в которой хоть и признавал в таинстве евхаристии присутствие Христа, однако намеренно уклонялся от его богословского объяснения, называя его бессмысленным. Одновременно само понятие жертвы, служащей основой евхаристии, он толковал расширительно, смыкаясь в этом с утраквистским крылом гуситов, в частности, с их требованием причащения «под обоими видами»^[14].

Впрочем, в католическое учение о таинствах он уже не верил, а Спалатину, приславшему ему поздравление с успешно завершенным трудом, отвечал: «Близок день, когда я расскажу о выдумках, окружающих все семь так называемых таинств». В начале следующего года, уже после публикации «Утешений» и комментариев к Десяти заповедям, в «Проповеди о добрых делах», вышедшей на немецком языке с посвящением брату курфюрста принцу Иоганну, он снова обращается к своей любимой теме. Его позиция стала еще более жесткой. Если достаточно радикальные предложения встречались и в предыдущих его работах, то в нынешней уже ничего не осталось кроме них. Без веры все грех, даже лучшие и достойные восхищения поступки. Исходя из этой посылки, автор подвергает пересмотру самую сущность монашества, утверждая, что она противна духу Евангелия. Святость монаха основывается на добрых делах (пощении, молитве, бедности, умерщвлении плоти), но ведь Бог не заповедал ничего подобного. Стремиться поэтому следует не к тому, чтобы превзойти остальных христиан своими возвышенными поступками, но к тому, чтобы с покорностью нести бремя будничной жизни.

Здесь Мартин Лютер, с того самого дня, когда он надел рясу послушника, искавший, но так и не нашедший внутреннего согласия с правильностью сделанного им же выбора, впервые рискнул открыто выступить против монастырского устава и системы церковных обетов. В то

же самое время он говорит здесь о католиках как об учениках папы, а папистов, в свою очередь, противопоставляет ученикам Христа (в следующем своем сочинении он разовьет эту тему). «Паписты, — пишет он, — с их верой в могущество дел грешат против веры в кровь Христову». Кто же виновен в том, что простые люди, введенные в заблуждение, целиком доверяются надежде спастись с помощью добрых дел? Разумеется, церковная власть, этот враг немецкого народа. «Вот они, истинные турки. Нечего нам кормить папу, его лакеев, его людей, его любимчиков и его потаскух, платя при этом разрушением своих душ». Богословское сочинение оборачивается политическим манифестом: пора защитить себя от гнета Рима и его церковных приспешников, а для защиты нужен меч. Римская власть «утратила всякий разумный смысл». Поэтому пришла пора «королям, князьям и дворянству, городам и общинам нанести ей решающий удар».

После такой неприкрытой атаки на католицизм уже никого не могло удивить появление в печати в июне 1520 года памфлета под названием «О римском папстве». Главным объектом критики стали здесь «Эмзер, Экк и Сильвестр» (имелся в виду Сильвестр Маццолини, по прозвищу Приерий, папский прокуратор), а также богословы из Лувенского и Кельнского университетов. Попутно Лютер задавал трепку и францисканцу Альфельду, называя утверждения последнего обезьянничаньем. Церковь по преимуществу является царством духа, а потому в ней нет и не может быть конкретного руководителя. Следовательно, никакой законной власти нет и у папы. Ключи от Врат Небесных, врученные Христом святому Петру, никем и никогда не передавались епископам, значит они в равной мере принадлежат всем крещеным христианам. В Церкви вообще нет ничего земного, она есть сообщество невидимое. Верно, Иисус сказал Петру: «Ты камень, и на камне сем я построю свою Церковь». Но надо понимать, что Христос давал это обещание не конкретному апостолу, своему ученику, а той вере, в которую его обратил; иными словами, каждый верующий во Христа и есть тот камень, на котором зиждется Церковь.

Но если Церковью никто не руководит, в чем же она конкретно проявляется? В трех вещах: крещении, причащении и проповеди истинного Евангелия, то есть того самого, которому учат в Виттенберге. И снова в богословском трактате звучат политические ноты: во всех несчастьях христианского мира виноваты папа римский и его алчность. Если кто и способен помешать беззаконию твориться и дальше, так это немецкие князья и все дворянство Империи. Римляне считают немцев пьяницами и неотесанными мужланами, годными лишь на роль рабочей скотины. Если

благородное сословие Германии желает освободить свой народ от этого чудовищного угнетения, оно должно немедленно вступить в борьбу.

Немалую помощь в этой бескомпромиссной борьбе, начатой Лютером, оказывали ему его верные сторонники. Одним из них стал Юст Ионас, в прошлом однокашник Мартина, теперь занявший пост ректора Эрфуртского университета. Он окончательно проникся идеями Лютера во время богословской схватки в Лейпциге. Любопытная деталь: ректор университета Ионас не имел даже докторской степени, которую получит лишь два года спустя в «конкурирующем» Виттенбергском университете, куда к тому времени переберется в качестве профессора лютеранского богословия. Примкнул к Лютеру и Иоганн Целларий, преподававший в Лейпциге древнееврейский язык и бросивший ради нового движения свою кафедру. Даже личный секретарь Экка Полиандер порвал со своим бывшим начальником и переметнулся к его противнику. Страстно увлеченный идеей проповеди на немецком языке, он затем сочинял гимны на народном диалекте.

Впрочем, самым ценным приобретением 1519 года, бесспорно, стал Филипп Шварцерд. По-немецки «schwarzerd» означает «черная земля», и обладатель этой фамилии, переименовав ее на греческий лад, предпочел именоваться Меланхтоном. Рейхлин, который приходился ему двоюродным дедом, в свое время подвигнул его на изучение классических языков и иврита и рекомендовал курфюрсту Фридриху. От последнего он получил назначение преподавателем греческого языка в Виттенбергский университет, где и начал свою карьеру в возрасте 21 года. Лютер, слабо владевший библейскими языками, обратился к молодому человеку за помощью, взамен пообещав заняться с ним богословием. В итоге молодой эллинист, надеявшийся в Виттенберге изучить творчество Аристотеля, вскоре стал его ярким ниспровергателем, называл древнегреческого философа отцом схоластики и проповедником теории свободы воли. Он вместе с Лютером ездил в Лейпциг и принимал участие в диспуте. Обращение Экка к учениям схоластов только разожгло в нем ненависть к средневековой теологии. С подачи Лютера он бросил свою кафедру греческого языка и стал преподавать Священное Писание, к изучению которого, в отличие от своего наставника, подошел с похвальной скрупулезностью, отличавшей его и раньше. В самом деле, если богословские воззрения Лютера формировались медленно и субъективно, в зависимости от фазы развития его внутреннего кризиса, то у Меланхтона они с самого начала обрели характер объективного знания, складывавшегося на основе теории, разработанной его наставником.

Вот почему очень скоро он и сам стал выдающимся учителем лютеранского богословия. «Я столь глубоко уважаю его, — писал Лютер, — что не боюсь менять собственные мнения в угоду его мнениям. В нем я почитаю шедевр творения моего Бога». «В этом юноше есть нечто сверхчеловеческое... Знаниями и чистотой нравов он превосходит меня». Меланхтон, со своей стороны, не жалел комплиментов в адрес Лютера: «Нет на земле ничего, что превосходило бы его в божественности... Дайте же ему спокойно следовать туда, куда ведет его Дух, и не противьтесь воле Божьей». Меланхтон не имел духовного сана, а потому лично ему не грозили опасности, нависшие над Лютером, тем более что Виттенбергский университет почти целиком перешел к утверждению нового богословия. Решив упрочить свое положение преподавателя, Меланхтон в сентябре 1519 года защитил диссертацию на степень бакалавра богословия. Эта работа отличалась крайней смелостью. «Какая же ересь, — вопрошал он, — в отрицании пресуществления?» Лютер прокомментировал это заявление следующими словами: «Это дерзко, но верно!» Впрочем, с этих пор говорить о какой бы то ни было ереси уже не приходилось. Зато отвага Меланхтона вызвала искреннее восхищение доктора Мартина, который сам пока не решался заходить столь далеко. «Меланхтон, — уверял он, — свершит больше, чем несколько Лютеров вместе взятых. Вот опасный противник сатаны и схоластов. Этот юный грек в богословии сильнее меня».

Благодаря этой дружбе, придававшей ему уверенности в себе, Лютер гораздо меньше боялся того рокового исхода, который не мог не предчувствовать. События неуклонно катились к развязке. Балансировать на лезвии бритвы с каждым днем становилось все труднее. Мильтиц, в котором самодовольство уживалось с полной бездарностью, в октябре предпринял последнюю попытку разрешить ситуацию с помощью архиепископа Трирского. Он еще раз увиделся с Лютером и, форсируя события, в ультимативной форме предложил ему вместе ехать в Трир. Одновременно он послал курфюрсту Саксонскому уведомление о том, что решение об отлучении Лютера практически готово.

В этот момент Лютер, переживавший очередной кризис духа, едва не уступил. «Если князь согласится, — говорил он, — я поеду». Смирившись с неизбежным, он заявлял даже, что «готов отдаться им в руки и смирить их гнев». Но князь не согласился. Он уже сам окончательно встал на сторону Лютера и опасался, что навсегда лишится лучшего украшения своего университета. Архиепископ, впрочем, и не настаивал. Он ни в коем случае не хотел ссориться с немецкими князьями, так что между обоими

суверенами установились отношения молчаливого соучастия.

В декабре, после выхода в свет «Проповеди о причастии», антилютеранские настроения вспыхнули с новой силой. К курфюрсту со всех сторон стекались жалобы и протесты. Особенно громко возмущался герцог Георг. Фридрих попытался несколько умерить пыл Лютера, для чего отправил к нему их общего друга Спалатина. Посланец курфюрста заговорил с Лютером о Реформе. Нужно не ломать веру, что опасно и бессмысленно, убеждал он, но попытаться перейти к реальному преобразованию Церкви. Разве не этого ждет весь христианский мир? Лютер противился. Для чего ему нужна Реформа Церкви, если по-настоящему его волновало только спокойствие собственной совести? Если устоит католическая доктрина о пользе «дел», как может он надеяться на спасение души?

Разумеется, он отвечал Спалатину не в этих выражениях, однако они легко читаются между написанных им строк: «Я озабочен одной-единственной вещью, касающейся моих взаимоотношений с Богом: чтобы Бог смиростивился надо мной. Что же до остальных людей, то давайте молиться и быть терпеливыми». Поскольку благодаря вере он обрел чувство полной безопасности, то и бояться ему больше нечего: «Мой нынешний девиз таков: «Никого не бойся, но всех презирай!» Раз от воли человека в этом мире не зависит ничего, как же может он думать, что в силах свершить что бы то ни было? «Вот о какой ссоре говорил Господь, когда учил, что не мир принес он на землю». И за что же его отлучать от Церкви? Уж не за то ли, что он проповедовал учение Яна Гуса? Но ведь это и есть истинное учение Церкви, которое исповедует каждый, пусть и не отдавая себе в этом отчета: «Все мы гуситы, хоть и не подозреваем об этом».

В то же время, утверждая, что он не предпринимает ровным счетом ничего, чтобы избежать осуждения, что он «целиком отдает себя в руки Господа», желая уподобиться Иисусу Христу, «осужденному за беззаконие и соевратительство», Лютер начал своего рода информационную кампанию в свою защиту. Первым делом он послал новому императору оправдательное письмо, в котором постарался смыть с себя обвинения в ереси и свалить всю вину на своих врагов, преследующих его из необъяснимой ненависти. Император должен взять его под свою защиту, потому что он служит делу утверждения истины и проповеди Евангелия. Увлечшись собственной аргументацией, он договорился до довольно опасных заявлений: «Если меня сочтут еретиком или нечестивцем, я не прошу о защите».

В отношениях с епископами он продолжал вести себя уклончиво. Архиепископу-курфюрсту Майнцскому и епископу Мерзебургскому он написал весьма двусмысленное письмо, в котором призывал Бога в свидетели того, что никогда не пытался учить ничему, что противоречит евангельской истине. Он заявлял, что готов отречься от всего, что говорил раньше, если ему докажут, что он заблуждался. В одном месте письма он уверял представителя Церкви: «Я целиком подчиняюсь вам как прелату Святой Церкви», а в другом говорил: «Я не подчиняюсь Церкви, которая учит чему угодно, только не Евангелию».

Понял ли архиепископ Майнцкий всю степень дерзости (быть может, невольной) этого послания? Слишком занятый своими делами, он не очень-то интересовался подробностями богословского спора, к тому же он знал, что его кузен курфюрст Саксонский уже получил из-за этого профессора массу неприятностей от Рима. Никакого желания участвовать в этой склоке он не испытывал. И он вежливо ответил Лютеру, что книг его не читал — что представляется вполне возможным и показывает, насколько «глубоко» волновали князя-епископа в 1520 году вопросы веры. Епископ Мерзебургский проявил больше внимания и пригласил автора письма к собеседованию, не назначив, однако, точной даты, что на практике означало аналогичное нежелание ввязываться в драку. Не исключено, что и он не читал сочинений, всколыхнувших всю Германию.

Зато другой саксонский епископ, напротив, следил за развитием лютеранской идеи с самым пристальным вниманием. Это был епископ Мейсенский Иоганн фон Шлейниц, в епархию которого входил город Дрезден. Наверное, он часто обсуждал сложившееся положение с герцогом Георгом. После появления в печати «Проповеди о причастии» он собрал свой капитул и, заручившись всеобщей поддержкой, 24 января 1520 года издал пастырское послание, вывешенное затем на дверях каждой церкви в его епархии. В этом послании он осуждал учение Лютера об евхаристии и требовал от священников, чтобы они объясняли прихожанам истинное учение Церкви. Виттенбергский доктор, уже успевший привыкнуть к совсем другому обхождению со стороны епископов, отреагировал на этот поступок весьма своеобразно. Так и не избавившийся от потребности постоянно оправдываться, он поднял брошенную перчатку, но сделал это, как сообщает протестантский историк, с детской хитростью: объявил послание фальшивкой. «Эта шутовская выходка, — с натушной веселостью комментировал он, — не может быть делом рук епископа». Из чего следовало, что его, Лютера, учение как раз заслуживает всяческого доверия. Заодно он еще на шаг продвинулся в своем отрицании церковной

дисциплины: в обращении к будущему собору намекнул, что недурно бы разрешить приходским священникам обзавестись женами.

Эти заявления вызвали новый приступ тревоги у Спалатина. Неужели Лютер не понимает, какую опасную игру ведет? «Non possum pop loqui»^[15], — отвечал ему Лютер. Теперь он уже не сомневался, что дело его правое, дело Божье. Его теперь не запугать. Он несет людям Слово Божье. И не его вина, что «Слово Божье есть война, разруха, ссора, гибель и яд». Ему хотят помешать? Но он уже не властен над собой, Бог ведет его. Он кажется безумцем? Но «великое безумие противно людям, а великая мудрость противна Богу». Если он и стал причиной распрей, то их невольной причиной: «Сам я ни к чему не стремлюсь. Тот, кто стремится, иной. Это Бог». В это же время он отвечал «кельнским и лувенским ослам», осудившим его учение, что их приговор значит для него не больше, чем ругань пьяной бабы. Ах, отец Августин Альфельд разгромил его позиции по отношению к папству? Так он просто ищет личной славы и липнет к Лютеру, как «грязь липнет к колесам повозки».

Тем временем в Риме продолжалось разбирательство дела Лютера. Курия изучала отчет о лейпцигском диспуте, составленный Эком, а также материалы, присланные из Кельна и Лувена. Лютер уже почуял, в какую сторону подул ветер, и в конце 1519 года опубликовал на немецком языке «Проповедь об отлучении», словно заранее сам себе вынося оправдательный приговор. Неправедное отлучение, утверждал он, не только не разрушает союза с Христом, но, напротив, является «великой и благородной заслугой перед Богом», ведь жертва любой несправедливости благословенна перед Господом. Следовательно, не бояться нужно этого наказания, налагаемого церковной властью, но возлюбить его. Эти рассуждения заканчиваются тем же выводом, к какому он пришел в «Проповеди о добрых делах», а именно: раз Рим доказал свою неправедность, светская власть в лице князей должна восстать против его решений.

Между тем из Рима до курфюрста доходили все более тревожные вести. В марте саксонский дворянин по имени Валентин фон Дейтлебен написал ему, что в Риме глубоко возмущены тем, что он покрывает еретика. С призывом положить конец столь неподобающему поведению обратился к нему и кардинал Санкт-Георга. В Виттенберге все пришло в волнение. Меланхтон пророчил грядущую катастрофу. Но курфюрст, раз и навсегда принявший твердое решение, не собирался отступать и подлил масла в огонь, ответив через своего посланника Риму, что ответственным за смуту считает отнюдь не Лютера, но доктора Эка. Если же на его профессора

будут нападать и дальше, то крупных неприятностей не миновать, и первой их жертвой станет Рим. В конце его послания ясно прозвучал националистический мотив: «И у нас в Германии сегодня хватает ученых мужей».

Эти завуалированные угрозы не смутило Рим. Процедура, начатая 9 января, шла своим ходом. Всю подготовительную работу взяла на себя специальная богословская комиссия, трудившаяся под руководством кардиналов Каetano и Аккольти. В марте еще одна комиссия, теперь уже возглавляемая самим папой, составила на основе сочинений Лютера перечень из 41 тезиса, каждый из которых расценивался как ересь. К концу апреля текст буллы был готов, но чтобы уточнить все формулировки, понадобилось еще четыре заседания кардинальской комиссии. В итоге окончательный текст представлял собой официальное осуждение учения Лютера, однако лично его автору пока ничто не грозило: ему давали достаточный срок, чтобы осмыслить свои ошибки и отречься от них.

Поэтому вопреки распространенному мнению булла «*Exsurge Domine*», провозглашенная папой Львом X 15 июня 1520 года, не являлась актом отлучения Лютера от Церкви.

В ней перечислялось 41 ошибочное положение, на которых Лютер строил свое учение, и предписывалось торжественно, в присутствии духовенства и мирян, предать огню все сочинения автора, содержащие указанные заблуждения. Лютеру предлагалось в 60-дневный срок либо выступить с официальным отречением от своих идей, либо лично явиться в Рим. В противном случае, говорилось в булле, он будет отлучен от Церкви *ipso facto*, то есть заочно. Отсчет срока начинался с того дня, когда булла будет вывешена на дверях кафедральных церквей Бранденбурга, Майнца и Мерзебурга. Впрочем, во имя кротости Всемогущего Бога папа высказывал готовность предать забвению все нанесенные ему тяжкие оскорбления и принять в свои объятия их виновника, как евангельский отец принял блудного сына. Если же Лютер станет и дальше упорствовать в своих заблуждениях, его ждет суровая кара в соответствии с законом. Делая поправку на подъем националистического движения, охвативший Германию, папа счел нужным напомнить, что благородная германская нация всегда проявляла себя верной и истовой защитницей веры, а немецкие императоры без колебаний лишали имущества и прав тех, кто оказывал поддержку еретикам. Итак, если по истечении 60 дней Лютер не исполнит всех предписанных требований и не склонит голову, ему придется предстать перед светским судом, защищающие его князья будут лишены прав, а их земли подвергнутся интердикту^[16].

Булла была подписана, но пока не обнародована: церковная бюрократия во все времена отличалась ничуть не меньшей медлительностью, чем светская. 9 июля папа направил курфюрсту Фридриху бреше, в котором еще раз предупреждал, что наказание неминуемо. «Мы проявили долготерпение, — говорилось в этом документе, — но теперь пришла пора применить сильнодействующее средство». Проследить за обнародованием буллы во всех трех епархиях папа поручил Экку, который прибыл на место только в сентябре. К Карлу V отправили нунцием Иеронима Алеандра, бывшего ректора Парижского университета, секретаря Льва X и библиотекаря Ватикана. В конце сентября он встретился с императором в Антверпене и получил его согласие; тогда же в Лувене состоялось торжественное аутодафе сочинений еретика. Аналогичные церемонии прошли в Кельне и Майнце.

О том, что против него замышляется, Лютер знал еще с начала года. Поэтому для размышлений у него оставалось не 60 дней, а от шести до восьми месяцев. Но размышлять уже не приходилось. Он сделал свой выбор. За четыре дня до выхода буллы в Риме он уже писал Спалатину: «Жребий брошен. Рим я презираю... Никогда не пойду на примирение с ними». Отныне, вопреки всему, о чем он писал в «Проповеди об отлучении», он сам порывал с Церковью. В течение четырех лет он тщетно силился скрыть от самого себя, что его вера вступила в непримиримое противоречие с верой Церкви, но теперь эта истина вставала перед ним со всей очевидностью. В то же время придуманная им система взглядов не только стала необходимым условием сохранения его собственного душевного покоя, она завоевала признание и в сердцах его учеников. Эти же взгляды в не столь далеком прошлом, он знал это, открыто исповедовали и другие люди, не побоявшиеся объявить себя вне Церкви. Мысли о них вселяли в него чувство уверенности и безопасности, хотя он уже хорошо понимал, что на самом деле они вовсе не были вне Церкви. Как и он, они были против Церкви. Но, как знать, быть может, недалек день, когда они вместе с ним — он уже грезил этой мечтой — создадут новую Церковь. Папская булла отсекала Лютера от тела Церкви, не подозревая, что в душе он уже давно сам отсек себя от этой Церкви.

Мартин Лютер. Лукас Кранх Старший. После 1528.

Ганс Лютер, отец Мартина Лютера. Лукас Кранах Старший. 1527.

Маргарет Лютер, мать Мартына Лютера. Лукас Кранх Старший. 1527.

Торгующие крестьяне. Альбрехт Дюрер, 1519

Плавильня. Гравюра из книги Георга Агриколы «О горном деле и металлургии» (Базель, 1556).

Эйслебен. Дом, в котором родился Мартин Лютер.

Танцующие крестьяне. Альбрехт Дюрер. 1514.

Беседующие крестьяне. Альбрехт Дюрер. Около 1496-1507.

Эрфурт. Гравюра на дереве 1493.

Портрет Мартина Лютера — монаха. *Лукас Кранх Старший. 1520.*

Портрет Мартина Лютера в докторской шапочке. *Лукас Кранх Старший. 1521*

Зверь богохульства и зверь соблазна. Альбрехт Дюрер. Из цикла гравюр «Апокалипсис». 1498.

Четыре апокалипсических всадника. Альбрехт Дюрер. Из цикла гравюр «Апокалипсис».

Часть вторая.

ПРОТИВ ЦЕРКВИ (1520-1525)

1.

ЗНАМЕНОСЕЦ (июнь — август 1520)

На фоне набравшего силу немецкого национализма осуждение Лютера пришлось как нельзя более кстати, послужив толчком к подъему общего чувства ненависти к Риму. Немецкая аристократия, чьи интересы выражали владетельные князья, более не желала терпеть подчинение, пусть даже чисто формальное, папской власти; незнатное дворянство, представленное небогатыми рыцарями, с нарастающим раздражением следило за тем, как церковные богатства и имущество епископств и архиепископств переходят в руки младших отпрысков богатых фамилий. Все более ощутимым делался гнет налогов, взимаемых не только в пользу местных епископств, но и в пользу папской курии. В то же время среди гуманистов, многие из которых принадлежали к дворянству, рос интерес к античной культуре, свободной как в своих нравах, так и в выражении мыслей. Требования Церкви в сфере нравственности и особенно в сфере догматики (поскольку и сами представители духовенства в те времена нечасто отличались высокоморальным личным поведением) многими воспринимались теперь как свидетельство отсталости. Нельзя сказать, что они пылали особой любовью к своему императору, скорее, его власть воспринималась как устаревший институт, но в то же время многим князьям не нравились привилегии, которыми пользовались семь курфюрстов, тем более не нравился порядок, при котором избрание императора и его коронация не могли обойтись без одобрения папы, и это превращало императора немцев в лицо, подчиненное папе. При этом, однако, все хорошо понимали, что власть императора носит во многом номинальный характер, не мешая каждому князю править как ему вздумается, однако служит при этом символом единства Германии, ценным в эту кризисную эпоху весьма высоко. Таким образом, линия водораздела пролегла не столько между духовной и светской властью, сколько между Римом и немецкой аристократией, осознавшей собственный политический вес, гораздо более существенный, нежели влияние человека, которого они избирали для того, чтобы он представлял общие интересы.

Своим бурным успехом Реформация обязана прежде всего уникальному стечению обстоятельств. Политический подъем немецкой аристократии совпал по времени с богословским бунтом Лютера, и оба эти процесса развивались параллельно, чтобы в решающий момент,

ознаменованный буллой об отлучении, слиться воедино. Поначалу князья не демонстрировали по отношению к новому учению ничего кроме сдержанно-вежливого любопытства, главным образом, в связи с собственными финансовыми интересами. С ними можно ознакомиться по «Претензиям немецкого народа» (*Gravamina Germanicae Nationis*, или *Beschwerden der deutschen Nation*) — документу, служившему предметом обсуждения каждого рейхстага начиная с 1486 года и представлявшему собой нечто вроде «жалобной книги». В 1510 году над составлением «Претензий» работал Якоб Вимфелинг, знаменитый гейдельбергский гуманист, которого прозвали «воспитателем Германии». Этот человек, искренне преданный идеям новейшего благочестия, в то же время не питал ни малейшей вражды к папству. Вполне вероятно, что Лютер читал «Претензии», представленные на Аугсбургский сейм 1518 года, поскольку в дальнейших своих трудах он не раз ссылался на содержащиеся в них критические замечания в адрес «романистов», как презрительно называли представителей римской курии и римских юристов.

К 1515 году тон высказываний заметно изменился. Группа эрфуртских гуманистов, объединившихся вокруг Крота Рубиана, опубликовала свой памфлет «*Epistolae virorum obscurorum*»^[17], в котором, нападая на кельнских доминиканцев, громила схоластическое образование, а также беспорядки, царившие в Церкви, и непосредственно римскую власть, ответственную за эти самые беспорядки. Впрочем, стиль изложения оставался сатирическим, и авторы памфлета, бичуя недостатки, отнюдь не посягали на самое учение. Но в 1516 году эстафету из рук Крота перехватил другой человек, куда более беспокойный. Им оказался рыцарь Ульрих фон Гуттен, поэт, гуманист и наемный солдат в одном лице, ярчайший пример всего «блеска» и всей «нищеты» эпохи Возрождения. До 16 лет он воспитывался в бенедиктинском аббатстве Фульды, пока его не вытащил оттуда Крот. После нескольких лет бродячей жизни он прибил к маркграфу Бранденбургскому, высоко оценившему его поэтический дар и приблизившему его к своему двору. Затем он поочередно побывал в пяти немецких университетах, а в 24-летнем возрасте отправился изучать право в Павию. Здесь он крупно повздорил со швейцарцами, в результате чего оказался солдатом в австрийской армии, воевавшей против Венеции. После этого он завербовался в войско Франца фон Зиккингена, знаменитого главаря банды наемников, и вместе с ним сражался против герцога Вюртембергского. За успехи в поэзии он получил щедрую награду от императора Максимилиана и снова присоединился к Зиккингену, разыскав его в «орлином гнезде» в Эбернбурге. Отсюда он возобновил переписку со

своими друзьями-гуманистами и вместе с ними включился в борьбу против папского Рима, который они противопоставляли Древнему Риму. Впрочем, в аргументации Гуттена голос немецкого рыцаря явно заглушал голос гуманиста.

Лютер, конечно, не мог не замечать сходства своих интересов с интересами этих людей, хотя и лежали они в разных сферах, — его занимало признание своего личного религиозного опыта, их влекли чисто политические цели. Тем не менее он охотно повторял в своих сочинениях некоторые из их идей, очевидно, рассчитывая добиться одобрения со стороны этих насмешников и возмутителей спокойствия, хотя о том, чтобы объединиться с ними, пока не думал. В апреле 1518 года он с презрением писал своему другу Герману фон Нейвенару: «В Саксонии, в Виттенберге, образовалось две партии: одна нападает на папскую власть, другая защищает папские индульгенции. Надеюсь, они благополучно пожрут друг друга».

Что касается Гуттена, то для него в эту пору все монахи стоили друг друга, поскольку все они считались сынами христианского Рима. Но уже полтора года спустя, 16 октября 1519 года, Крот Рубиан, как человек более осведомленный, отправил Лютеру полное почтительного восторга письмо, в котором именовал его «Отцом Отечества». Это письмо дошло до Лютера как раз в тот переломный момент, когда он в состоянии горького отчаяния вернулся с лейпцигского диспута в Виттенберг. Кельнский университет, эта вотчина доминиканцев и предмет яростной критики Крота, только что выступил с осуждением его тезисов, а Экк в Риме открыто провозгласил его еретиком. Он терзался мучительными сомнениями, стоит ли продолжать борьбу, и тут-то ему в руки попало хвалебное послание немца, враждебно настроенного к Риму, который утверждал, что ему, Лютеру, надо воздвигнуть «золотой памятник». Мог ли изголодавшийся по дружеской поддержке человек не проглотить эту приманку? Одновременно (поскольку кампания по «совращению» велась организованно) Эобанн Гесс направил письмо Гуттену, уговаривая его вступить в контакт с Лютером. Забавно, но отважный вояка в ответном письме (от 29 октября) признавался: «Я не смею войти в доверие к Лютеру из-за принца Альбрехта». Речь, очевидно, шла о курфюрсте Майнцском, у которого он в тот момент жил.

Делались ли другие попытки сторговаться? Новая атака началась в феврале 1520 года, когда еретик, вновь чувствуя себя затравленным, отправил императору исполненное нижайшей почтительности письмо. Его содержание стало известно рыцарям, которые пришли в сильнейшее волнение. Гуттен, так и не решившийся прямо обратиться к Лютеру, 20

февраля послал письмо Меланхтону: «Герой Зиккинген, избавивший Рейхлина от его гнусных врагов, приглашает Лютера к себе и предлагает ему приют и защиту, если больше его защитить некому. Зиккинген надеется склонить на свою сторону герцога Фердинанда, брата императора. С его помощью уже можно будет думать о том, как выступить против нечестивцев». Предложение сознательно было сделано в такой форме, чтобы тот, кому оно предназначалось, почувствовал к отправителю полное доверие и увидел в нем надежного союзника, вполне разделяющего его убеждения. Не получив ответа, 28 февраля Гуттен послал еще одно письмо. Его армии дозарезу нужен знаменосец, и он его получит!

По всей видимости, Лютер еще колебался. Но его новые союзники решили во что бы то ни стало добиться своего. Подключился к делу и Крот. В тот самый день, когда Гуттен писал к Меланхтону, он, после совместного совещания, обратился к Лютеру: «Ваши враги не жалеют сил, чтобы отвратить от вас князя Фридриха. Они мечтают, чтобы вы сбежали к презираемым ими богемцам. Бегите, но не к ним, а к Зиккингену! Здесь вы найдете и защиту, и приют!» Они всерьез опасались, что Лютер покинет Германию. Еще годом раньше, в июле, распространился слух, что Лютер якобы действительно намеревается перебраться в более гостеприимный чешский край. Зарождающийся немецкий национализм видел в этом бегстве весьма нежелательную помеху. Безопасность Лютера интересовала этих людей лишь во вторую очередь, — ведь ясно, что в Праге Лютеру жилось бы куда спокойнее, чем в Эбернбурге. Но, повторяем, эти соображения рыцарей почти совсем не волновали. Им нужен был пророк. Вскоре с предложением помощи к нему обратился еще один человек, Сильвестр фон Шауенбург: «Только не дрогните перед лицом предательства князей и от страха перед ними. Не соглашайтесь бежать в Богемию!» И он пообещал Лютеру в случае надобности прислать ему для защиты вооруженный отряд.

Гуттен между тем вновь взял в руки перо. Пока Лютер читал послания своих сторонников, в Майнце, под тайным покровительством курфюрста, вышел в свет довольно грубый памфлет, озаглавленный «Вадискус». Этот неологизм в приблизительном переводе означал «человек снизу, со дна». В подзаголовке значилось: «*seu Trias готапа*», то есть Римская Троица. Только после этой смелой акции автор осмелился обратиться напрямую к доктору Лютеру. 4 июля, то есть за несколько дней до принятия Римом решения о судьбе Лютера, он направил ему пылкое и восторженное письмо, которое вместо обращения начиналось лозунгом: «Да здравствует свобода!» Гуттен предостерегал Лютера, советовал с недоверием воспринимать все, что

исходит из Рима, и буквально умолял его не соглашаться на примирение с папскими посланцами. «Будьте мужественны! Будьте отважны! Не поддавайтесь слабости! Как хотел бы я быть сейчас вместе с вами, с какой радостью хранил бы вам верность, что бы ни случилось! Отбросьте сомнения и знайте, что я в любую минуту готов придти к вам на помощь! Вместе мы добьемся свободы для всех людей и сумеем защитить эту свободу, вместе мы избавим нашу родину от рабства!» Отметим, что Гуттен говорит о «родине», а вовсе не о «Церкви». Этот солдафон, этот наемник толкует о «защите», однако не уточняет, что и какими средствами собирается защищать. Двусмысленность приглашения к сотрудничеству не ускользнула от внимания Лютера, и, отвечая своему «вербовщику», он объяснял, что «для защиты Евангелия» не имеет права пользоваться «ни мечом, ни насилием. Ибо победить антихриста силой нельзя». Прекрасно сказано! Увы, он не мог не знать, что со своей горячей проповедью против антихриста обращался к самому дьяволу, предлагавшему ему союз, который он уже готов был принять.

На самом деле Гуттен вполне убедил Лютера, который с поспешностью писал Спалатину: «Жребий брошен!» «*Alea jacta est!*» — эти три слова в «Вадискусе» Гуттена прозвучали уже настоящим призывом к оружию. И задели в душе Лютера чувствительную струну. Проповедник и полемист, вкушивший от первых плодов славы, ощущавший за своей спиной готовую подняться за ним Саксонию, он, конечно, совсем не хотел, чтобы его обставил в смелости и отваге какой-то герой, словно сошедший со страниц романа. Нет уж, он сам обратится ко всей Германии, он сам поведет ее против Рима! Князьям и рыцарям, пока что действующим в тени, нужен вождь? Что ж, он их не разочарует! Он станет говорить с ними на родном языке и даст им программу. Свой призыв он назовет просто: «*An den christlichen Adel deutscher Nation*» — «К христианскому дворянству немецкой нации». Чтобы никто не питал иллюзий относительно его намерений, он специально употребил слово «христианскому», однако понимал, что само дворянство прочтет его вскользь, задержавшись на втором определении — «немецкой». На всякий случай он добавил и подзаголовок, гласивший «Об улучшении христианского положения». Слово «положение» (*Stand*) обозначало условия жизни христиан в лоне Церкви. Тем самым он давал понять, что, обращаясь с речью к немецкому народу, не занимается политикой. Все, к чему он стремится, это улучшение положения христианина в лоне Церкви Иисуса Христа.

На самом деле то зло, о котором говорилось в манифесте и от которого страдал самый дух Церкви, немцами воспринималось как личное зло, а

источником его им виделся Рим. Для большей наглядности Лютер заимствовал план и темы, использованные Гуттенем в «Вадискусе». В частности, он повторил его требование замены римского права обычным германским правом и занял ту же самую крайне радикальную позицию по отношению к нищим, то есть так называемым нищенствующим орденам, представленным, главным образом, его противниками францисканцами и доминиканцами, призывая запретить их деятельность по сбору пожертвований. «Прежде, — отмечает Морис Гравье, — бедность называли супругой святого Франциска. Просить милостыню и подавать бедным считалось заслугой. Но из религиозного словаря (Лютера. — И. Г.) исчезло само понятие бедности. Нищий перестал быть тем посланцем Бога, каким он виделся со времен самой глубокой древности, и превратился в отвратительного паразита; бедность как христианская добродетель уступила место пауперизму как бичу социально-экономической жизни».

Здесь перед нами типичный пример сделки между богословием и политикой. Гуттен заявил: «Мы не желаем терпеть нищенствующих монахов, потому что из-за них беднеет Германия». Лютер подхватил: «Мы не желаем терпеть нищенствующих монахов, потому что бедность есть дело, а дела не приносят никакой пользы». Иными словами, разными путями они шли к одной и той же цели. Каждый из двоих сознавал свое отличие от другого, и каждый надеялся использовать другого в своих интересах. Лютер, до сих пор озабоченный только личным спасением, задумался об общественном зле; он, учивший христиан безропотно сносить унижения и преследования, теперь призывал немцев восстать против них.

Внезапно его взору открылось множество проблем, о существовании которых он раньше даже не задумывался, но над решением которых яростно бились неимущие немецкие дворяне и бюргеры, жаждущие богатства, жаждущие наконец воспользоваться плодами трудов своих. Августинец, до сих пор занятый исключительно вопросами достижения свободы и благодати, широко распахнул глаза и обнаружил, что над страной занимается заря капитализма, обещающего жизнь в роскоши. Тут же обозначился и главный виновник всех экономических бед, о котором следовало как можно скорее сообщить народу, — это царствующий в Риме папа. «Доколе мы, немцы, будем терпеть, что нас грабит и обворовывает папа? Французское королевство сумело защитить свои интересы, почему же мы, немцы, позволяем себя дурачить и обирать?» Что из себя представляет папская власть? Это «дьявольский порядок, при котором пиратство, мошенничество и тирания несут свою службу у адских врат. Он ведет христианский мир к телесной и духовной гибели, а потому мы

обязаны бросить все свои силы на борьбу с этим разрушительным злом». Кто не помнит о крестовых походах против турок? Но есть кое-кто похуже турок, им-то и пора объявить войну. Разве не вздергивают воров, разве не рубят голов разбойникам? Но в Риме сидит злейший вор и разбойник, чьи преступления нельзя более терпеть. Впоследствии Лютер заявит, что, говоря о войне и борьбе, он имел в виду духовную войну и духовную борьбу. Но рыцари, к которым он обращался, поняли его не в переносном, а в прямом смысле.

Все те требования, которые дворянство выдвигало во имя достижения светской власти, нашли отражение и в выступлениях Лютера, пусть и под флагом духовной борьбы. Хватит Риму наживаться на немецком добре! Пора положить конец порядкам, при которых «епископы обязаны давать папе самые страшные и ужасные клятвы». Доколе император будет лбызать папские стопы и подставлять ему свою спину? «Папа не имеет никакого права ставить себя выше светской власти». Следует также запретить паломничество в Рим. Следует прекратить порочную практику богослужений по усопшим, потому что это только лишняя трата денег. В самой Германии нужно снести и сровнять с землей часовни и церкви, притягивающие паломников, потому что они есть не что иное, как «орудие дьявола, разжигающего алчность». Надо добиться принятия закона, запрещающего роскошь в одежде; наконец, надо сломать всю банковскую систему, это дьявольское изобретение, с помощью которого папа обрекает всю Германию на нищету.

Разумеется, все эти предложения не могли осуществиться без политических перемен. Прежде всего следовало пересмотреть основу основ, в том числе учение о двух мечях, ведь папа не имеет никакого права командовать империей. Папа уверяет, что он даровал немцам империю, отнятую у греков, но на самом деле он лишь глумится над ними. «Папа хочет присвоить себе императорский сан, но не потому, что жаждет осчастливить нас подарком, а потому, что мечтает покорить своей воле наше могущество и нашу свободу, завладеть нашим имуществом, нашим телом и душой и, одурачив нас, восторжествовать над всем миром». Пусть же «папа вернет нам свободу, могущество, имущество, честь, тело и душу!» Возможно, немецким князьям эти требования покажутся недостаточными? Что ж, богослов готов замахнуться и на мировую политику. Папа должен прекратить заявлять о своих правах на Неаполитанское и Сицилийское королевства. То же относится ко всем городам и странам, входящим в состав папского государства: Болонье, Имоле, Виченце, Равенне, Марке и Анконе, Романье. Разумеется, выступая

с такими речами, духовный учитель вдохновлялся не чем-нибудь, а заветами, оставленными святыми апостолами Петром и Павлом...

Как обстояло дело с реформой нравов, то есть с собственно Реформой? Разве не этот вопрос больше всего волновал возмущенные народные массы? И разве не называли в это время, в начале XVI века, Германию пристанищем всех пороков? Но нет, эту тему Лютер затрагивать не собирался. «Я еще не коснулся, — говорит он, — истинно адского вертепа личных пороков, но я и не хочу его касаться». Не забивай себе голову, словно советует он читателю. Тем не менее в самом конце своей речи он все-таки обратится к этой теме, но лишь для того, чтобы констатировать: пьянство и обжорство, столь распространенные в Германии, являются настолько укоренившимся злом, что бороться с ним бесполезно. Другие же преступления, такие, как «прелюбодеяние, воровство, святотатство и прочие распутства», если и имеют место, то объясняются вполне материальными причинами и вытекают из существующего порядка вещей, при котором немцы вынуждены постоянно терпеть урон, наносимый их имуществу. Откуда в Лютере вдруг такая деликатность? Все объясняется очень просто. Воспитание нравов отнюдь не входило в цели и задачи рыцарей, и Лютер легко согласился с ними, признав эти пороки неизбежным злом. Разве сам Гуттен не был настоящим разбойником? И не он ли с цинизмом, достойным бесхребетности своего покровителя, посвятил курфюрсту Майнцскому целый трактат об искусстве лечения гонореи — непременной спутницы любителей альковных приключений? Лютер быстро уяснил, что есть вещи, о которых не стоит напоминать наемникам и князьям-епископам, если хочешь остаться их вождем. Как видим, люте-ровское богословие и здесь попало в тон немецкой политике. Человек грешен, потому что он грешен, и винить его в этом нельзя, говорил один. Немцы родились на свет пьяницами и распутниками, такими они и умрут, подхватывали вторые.

Аналогичное взаимопонимание возникало у них и в вопросе оценки монашества. Мелкопоместное немецкое дворянство не скрывало своей ненависти к монахам, особенно нищенствующим: во-первых, они постоянно требовали денег, а во-вторых (и это главное!), они представляли иноземную власть, образовывали внутри немецкого государства нечто вроде отдельного государства, проводившего папскую политику. Что касается Лютера, то у него личный опыт жизни в монастыре оставил самые неприятные воспоминания. Мало того, что он вступил в орден, повинаясь чувству страха, мало того, что он продолжал испытывать этот страх уже будучи монахом; вопреки своим надеждам и несмотря на самый

аскетический образ жизни, он так и не сумел достичь того, к чему стремился: увериться в том, что спас свою душу. Монастырь казался ему каторгой, и, как всякий каторжник, он не мог не мечтать о побеге. Но ведь он принял обет! И нарушить его он не смел, не рискуя заслужить вечное проклятие. Вот почему монашеское бытие теперь представлялось ему верхом несчастья, а бедные монахи казались жертвой жестокого папы, насильно удерживающего их в этом состоянии и терзающего их души. Что такое монашеский обет, если не бесполезный жест отчаявшегося человека? Ведь никто из нас, грешных, не в состоянии соблюсти ему верность! Итак, богослов, с одной стороны, и рыцарь — с другой, нападали на монашество с разных флангов, но в итоге проявили полную солидарность. Монашеская жизнь безнравственна уже потому, что человека толкает в монастырь одно отчаяние; безнравственны и монашеские обеты, потому что большинство из тех, кто их принимает, исполнить их не в силах. «Отныне следует прекратить строительство монастырей для нищенствующих орденов». А еще лучше уничтожить и те, что уже построены! Во всяком случае, надо запретить монахам выступать с проповедями и лишить их права исповедовать мирян, призывал наш сторонник свободы слова. И вообще, каждый должен решать сам, когда ему вступить в монашеский орден и когда его покинуть, поскольку все монашеские обеты суть не что иное, как духовная тюрьма.

Такой же свободой должны пользоваться приходские и прочие священники, живущие среди мирян. Всякий из них, кому угодно жениться, пусть женится! Никто не вправе требовать от человека, чтобы он хранил целомудрие. Почему Рим с таким упорством продолжает настаивать, чтобы лица духовного звания несли тяжкое бремя безбрачия? Из одной корысти! Неженатый священник все свое имущество завещает папе, а тот, у кого есть жена и дети, оставит наследство им. Впрочем, понимая, что заставить папу изменить свое мнение в этом вопросе невозможно, с призывом принять новый закон он предпочел обратиться к вселенскому собору.

Таким образом, изучая этот знаменитый манифест, появившийся в момент, когда церковными властями решалась его судьба, и написанный к тому же под сильным влиянием немецких рыцарей, следует видеть за заявлениями религиозного деятеля чисто политическую подоплеку. Обличая Рим, Лютер настаивал на нарушениях догматического и морального характера, но немецкое дворянство услышало в его речах прежде всего анафему иноземному владычеству. Впрочем, для пущей убедительности в отдельных местах подтекст выходит наружу, обретая однозначность и твердость прямой речи. Уже в первых строках автор

изобличает «кровопийцу Юлия II» и всю его европейскую политику и призывает вырвать «юного принца Карла» из рук «князей тьмы». Папа, негодуя, держит в плену человеческую личность. К чему далеко ходить за примерами, если даже епископы вынуждены подчиняться ему, а он готов замахнуться и на императорскую инвеституру? «Император и дворянство, — добавляет он, — обязаны положить конец подобной тирании и наказать виновных». Легко представить, с каким удовольствием читал эти строки Гуттен!

С тех же позиций подходит Лютер и к свободе толкования Писания. «Романисты» «установили правило, по которому никто, кроме папы, не имеет права толковать Священное Писание». Если же под давлением обстоятельств папа все же соглашается на созыв собора, то требует от князей (как всегда, выступающих в роли жертвы) присяги на верность. «Если действия папы противоречат Писанию, наш долг — прийти на помощь Писанию, уличить папу и вынудить его к повиновению». Но как же его вынудишь, если он уверен в своем праве? Ничего, рыцари поймут: «мечом»! Вот так, стоит заменить толкователя Библии, и в роли жертвы окажется совсем другое лицо. И всем будет хорошо. Лютер будет счастлив, потому что окажется, что он всех переспорил, рыцари будут довольны, когда избавятся от папы.

Всего несколькими днями раньше, сочиняя ответ Гуттену, Лютер отказывался прибегнуть к мечу, но теперь, обращаясь ко всей немецкой нации сразу, он видит в нем лучшее средство борьбы. «Римляне запугали нас и внушили нам неуверенность в собственных силах. Но и они такие же люди, как все, и они склонятся перед силой меча, лишившись права толковать Писание». Поскольку же сами они не торопятся исполнять что положено, «пора народу и светской власти сказать свое слово, нимало не заботясь об угрозе отлучения... Пробудись же ото сна, милая Германия!»

Вся заключительная часть его речи, обращенная к папе, на самом деле была призывом к верному дворянству, которое отныне внимало ему, как новому Пророку: «Прислушайся же, папа, к моим словам, ибо ты не Преосвященный, но Великогрешный! Пусть же Бог с небесной высоты побыстрее разрушит твой престол и отправит тебя в бездну ада! Кто дал тебе право возноситься над Богом, предавать поруганию Его заветы и учить христиан, в особенности христиан немецкой нации, чье благородство, верность и постоянство прославляют все историки, кто дал тебе право учить их предательству, клятвопреступлению, измене, коварству и вероломству? Господи Христе, молю Тебя, опусти же взор Твой к земле! Явись на Страшный суд и разори укrywшееся в Риме гнездо дьявола! Ибо

на этом престоле сидит тот, про кого говорил Павел, что он вознесется над Тобой, воссядет в Твоей Церкви и станет подобен Богу, он, великий грешник и сын погибели!»

Работая над составлением этой прокламации, Лютер окончательно сформировал ту часть своего учения, которая касалась духовенства. Папа ничем не отличается от прочих людей, потому что он не в состоянии опровергнуть его, Лютера; следовательно, он не имеет никакого права подвергать его осуждению. Епископы, в свою очередь, также ничем не отличаются от прочих людей, потому что они не в силах заставить его отречься от своих идей. Снова его позиция совпадает с позицией рыцарей: чтобы лишить духовенство юридических и политических прав, в первую очередь следует свести на нет их духовное право, доказать, что их авторитет не имеет основания. «Кто-то выдумал, — поясняет Лютер внимающим ему дворянам, — что папа, епископы, священники, монахи составляют особое сословие, именуемое духовным; что князья, сеньоры, ремесленники, крестьяне составляют другое сословие, именуемое светским. Эти хитроумные рассуждения — чистой воды лицемерие. Не верьте им и не робейте перед ними, ибо каждый христианин принадлежит к духовному сословию». Только благодаря крещению мы переходим в состояние чистоты, напротив, посвящение в сан ничего не прибавляет и ничего не убавляет. Следовательно, «все мы в равной мере священники». Поэтому в обличении любого духовного лица, будь то сам папа, нет никакого святотатства: «Светская власть дана от Бога, чтобы карать злодеев и защищать праведников, значит, действие этой власти должно распространяться на весь христианский мир без исключения; никто — ни папа, ни епископы, ни кюре, ни монахи, ни монахини, ни кто бы то ни было — не может быть свободен от этой власти». Для рыцарей эти слова прозвучали сигналом. Злодеи названы поименно, теперь осталось только судить их праведным судом.

Обращение «К немецкой нации» отличалось такой широтой тематики, такой ловкостью построения, таким знанием человеческой психологии, что эффект, произведенный им в Германии, оказался подобен звуку военной трубы. Позже автора осыпали множеством упреков: дескать, и композиция неудачная, и стиль не отработан, и текст изобилует неуклюжими оборотами. Но разве все это имело значение? Более того, будь обращение написано на высшем литературном и научном уровне, разве достигло бы оно своей цели? В лучшем случае им бы восхитилась пара-тройка гуманистов, оно согрело бы сердце кое-кому из склонных к инакомыслию философов, но уж никак не стало бы исполненным беспощадной ярости

призывом ко всем и каждому.

Книга увидела свет в середине августа. Мильтиц успел заранее сообщить в Рим о готовящейся акции, и оттуда курфюрсту пришло строгое предупреждение. Штаупиц и Ланг хором умоляли Лютера подождать печатать рукопись. «Слишком поздно! — торжествовал тот. — Из-под прессов уже вышло четыре тысячи экземпляров!» И с невинной кротостью добавлял: «Если я в чем и согрешил, теперь остается только молиться». О чем молился Лютер, мы не знаем, зато знаем, что он немедленно направил императору письмо, в котором уверял, что книгу отдали в печать без его ведома. Карл V, гораздо более осведомленный, чем это мог предположить Лютер, разорвал его письмо на мелкие клочки. Сам курфюрст забеспокоился и заставил своего протеже сыграть очередной тур двойной игры, в результате чего на свет явилось небольшое по объему сочинение «Причащение», в котором Лютер клятвенно заверял католическую Церковь в своей нижайшей ей преданности.

Одновременно вместе с печатником Мельхиором Лоте-ром, переехавшим в Виттенберг из Лейпцига, он готовил к публикации второе издание своей книги, существенно переработанное, но отнюдь не в духе «Причащения», а именно в том духе, какого ожидали от него князья и который отвечал его собственным устремлениям. Всего несколько дней спустя (об авторском и издательском праве в эту пору еще и не слыхивали) взрывоопасная книга уже повсюду печаталась в Лейпциге, Эрфурте, Нюрнберге, Франкфурте, Аугсбурге, Базеле, Хагене. За считанные недели она разошлась по всей Германии. Дворяне находили в ней отклик своим мечтам о независимости от римской гегемонии, в сердцах бюргеров она оживила надежду самостоятельно распоряжаться своими деньгами, недостойные своего звания монахи предвкушали возможность безнаказанно покинуть монастыри. Нужда в широкомасштабной проповеди отпала сама собой: Германия и так уже стала лютеранской.

Разумеется, оставались и приверженцы католического учения, бесстрашной плотинкой вставшие на пути вздымавшейся волны. Экк выпустил книгу, написанную по-немецки, рассчитывая перенести место схватки на территорию противника, однако его рассуждения слишком отдавали высокоумным богословием. Эмзер буквально по косточкам разобрал учение Лютера, доказывая, что каждое из его утверждений является ересью, он же обратил внимание на принципиальную разницу между законностью учреждения и практическими злоупотреблениями как делом рук человеческих. Все это немецкие дворяне знали и без него, но в том-то и дело, что их в первую очередь волновал вопрос свержения

учреждений. К счастью для католичества, на арену борьбы вступил новый ее участник — народный проповедник и монах-францисканец Томас Мюрнер. Он ринулся в бой, вооружившись всем арсеналом противника: иронией, обращением к слушателю, смешными сравнениями, пренебрежением к аргументам оппонента. Он предостерегал дворян против союза с человеком, покусившимся на высшую власть. Сегодня вы все хотите стать священниками, говорил он, а что, если завтра каждый захочет стать князем? Книга Мюрнера вышла в Страсбурге в декабре, но первое издание стало и последним. Немцы не желали больше никого слушать. Они жаждали лютеранства.

2.

ЕРЕСИАРХ (сентябрь 1520 — январь 1521)

После опубликования своего манифеста Лютер почувствовал, что ветер наконец-то задул в его сторону. Все внимали ему, все восторгались им. Как раз в это время в Саксонию прибыл Экк, который привез с собой папскую буллу. Нечего и говорить, что никакой пользы она уже принести не могла. Тем не менее Лютер, томимый жаждой деятельности, разразился целым потоком писем к друзьям, в которых спешил изложить им свою точку зрения на последние события. В этих письмах он смело называл папскую буллу «мыльным пузырем»^[18], а Экка именовал жалким орудием в руках сатаны. В еще одном письме он заявлял, что «папа — антихрист, а Рим — престол сатаны». Из этих же посланий мы узнаем, что архиепископ Майндский наконец-то вышел из привычного ему состояния апатии и приказал предать огню сочинения Гуттена; что преподаватель древнееврейского языка Виттенбергского университета Адриен решительно выступил против лютеранского учения. (Какое жестокое разочарование! Лютер не сомневался, что уж в «своем-то» университете все за него.)

В результате всех этих событий его ненависть к Риму только укрепилась, и в сентябре он сочинил новый памфлет «Вавилонское пленение», который вышел в свет 6 октября. Под пленницей имелась в виду Церковь, Вавилоном именовался Рим. Как позже говорил он сам, эта книга задумывалась как боевой призыв к борьбе с римским антихристом, отравляющим праведные души. В то же время, как это уже вошло у него в привычку, он приводил новые аргументы и уточнения в защиту своего учения. «Речь к дворянству» предназначалась прежде всего князьям, многие из которых весьма слабо разбирались в богословии, поэтому всякий раз, когда автору требовалось привести законное обоснование того или иного практического вывода, ему приходилось формулировать базовые принципы. Но ведь писал он по-немецки, то есть использовал язык, на котором до него вообще никто не высказывался на подобные темы, и, разумеется, столкнулся с большими трудностями. Целых два месяца он посвятил тщательной переработке основных богословских положений своей главной книги и вот теперь подводил итог. Таким образом, за весьма агрессивным фасадом нового издания скрывался теоретический труд, быть

может, в наиболее последовательной форме излагавший взгляды Лютера на точной и выверенной латыни. Он и так допустил слишком много уступок идеям национализма, над которыми в глубине души искренне потешался и которые всегда воспринимал лишь как средство для достижения собственных целей. Теперь перед ним стояла иная задача: увлечь за собой настоящих духовных учеников. Беспощадная борьба продолжалась, но только теперь его врагом выступал не папа — угнетатель Германии, а папа — угнетатель душ. Лютер решил временно покинуть свой пост знаменосца националистического движения ради другой роли — роли ересиарха.

Он начал с отрицания своих же прежних заявлений. Что такое индульгенции? Беззаконное изобретение римских распутников. Что такое папство? Великая охота епископа Рима (прозрачный намек на библейского охотника Нимрода). Вскользь прошелся он по своим вчерашним оппонентам, обозвав их дураками, годными лишь на то, чтобы месить грязь. Затем изложил собственную теорию таинств. Список у него получился коротким, потому что от всех таинств осталось только три: Причащение, Крещение и Покаяние. Но и эти три по сравнению с католическим учением выглядели весьма упрощенно. Что касается Причащения, то правильной следует считать точку зрения Гуса, а то, чему учит Рим, и есть самая настоящая ересь. Истинное причастие совершается под обоими видами; суть пресуществления не поддается пониманию (здесь Лютер следует за Меланхтоном), а месса не может рассматриваться как жертвоприношение, поскольку является просто обещанием жизни, как это вытекает из слов Иисуса Христа, произнесенных вечером Святого Четверга. Чтобы иметь право приобщения к этому обещанию, достаточно одной веры: «Человек ничего не дает, но получает все». Здесь Лютер вспоминает о пережитых им страхах и о том, как он от них излечился: «Умиротворяет одна вера; страх и тревога неразрывны с неверием».

Крещение остается единственным таинством, которое не извратила Церковь. Но и его значение Церковь свела на нет, придумав монашеские обеты. Благодаря своей божественной природе крещение само по себе является обетом, исключаящим любые другие. Покаяние в строгом смысле не является таинством (иными словами, истинных таинств всего два), а смысл его заключается в отпущении истинно верующему его грехов и обретении им Божией благодати. Все остальные таинства суть изобретения человеческие, не связанные с благодатью. Отрицание католических догматов сопровождается у Лютера изрядной толикой брани в адрес «суеверного и лукавого папы», а также «глупых дикарей», окружающих его. Книга заканчивается прямыми угрозами, обращенными к «Ироду-

нечестивцу», и твердым обещанием, что очень скоро он еще услышит об авторе.

Стоит ли говорить, с каким недоумением встретили в Риме новое сочинение монаха, которому милостиво дали срок для исправления своих ошибок? Флорентийский доминиканец Амброзио Катарини выпустил «Апологию против нечестивого учения Лютера»; брат Томас Мюрнер выступил с еще одной сатирой, написанной по-немецки и под тем же названием, что у Лютера, — «Вавилонское пленение». Этот шаг вынудил Лютера, опасавшегося за свою аудиторию, не владевшую латынью, засесть за перевод собственной книги на народный язык.

В этот же период Лютер опубликовал еще одно сочинение, озаглавленное «Христианская свобода». Вместе с обращением «К дворянству» и «Вавилонским пленением» оно вошло в состав трилогии, которую принято именовать «Большим реформаторским писанием». Любопытно, что в этом последнем труде наблюдается определенное отступление от ранее заявленных взглядов, особенно заметное на фоне радикального «Пленения». Разительно изменился и стиль изложения: после гневной иронии и анафематствования интонации Лютера дышат кротостью и миролюбием. Начало книги вполне достойно пера философа-стоика: «Человеческая природа двойственна, так как человек одновременно существо духовное и плотское, с душой свободной и телом раба. Но ни свобода, ни рабство духа не зависят от внешнего мира; не внешнее делает человека праведником или нечестивцем, свободным или рабом». Эпиктет закончил бы этот пассаж выводом, что только разум делает нас добродетельными, исключая чувственный опыт, ибо он не зависит от нашей власти. Лютер же заключает, что благодать достигается верой. Здесь он снова вспоминает свою излюбленную теорию о бесполезности «дел»: «Ни дела, ни внешняя набожность, ни освященные обряды не способны наделить душу святостью и богопочитанием... Душа обретает свободу и праведность только в Святом Слове Божиим». Если мы верно поняли, свобода здесь понимается как синоним праведности, а сообщается она душе непосредственно Богом. В остальном высказывания Лютера соответствуют ранее сформулированным тезисам: единственная гарантия того, что душа избежит вечного проклятия, заключается в праведности, заслуженной Христом.

Другая странность, возможно, вызванная желанием оправдаться перед Римом или же связанная с временным пересмотром собственной концепции «дел», проявилась в том, что эта проблема неожиданно заняла у Лютера такое важное место. «Мы далеки от того, чтобы пренебрегать

добрыми делами, напротив, всячески славим их; отбрасываем же мы превратную мысль, что в добрых делах обретается спасение». Само по себе это утверждение звучит совершенно по-католически. Лютер даже добавляет, что праведник, творящий добрые дела, потому и праведник, что им движет вера. Как далек он от своего же «Комментария к Посланию к Римлянам», в котором восклицал: «Даже если вокруг все добро, для нас ни в чем нет добра; даже если вокруг нет и следов зла, для нас все зло. И так всегда, потому что мы носим в себе грех. Вот почему следует бежать добрых дел и не бояться дурных, да не на словах, не притворно, а всем сердцем стремиться к погибели и проклятию». Итак, благодать посещает лишь те сердца, которые отрекаются от добрых дел; впрочем, на добрые дела никто и не способен, потому что каждому мешает греховность. Милость Христа проявляется во всей своей полноте именно там, где человек не может поступать по законам добра; она оправдывает его в тот самый миг, когда он сознает, что не может быть никем иным кроме грешника. И тогда происходит нечто прямо противоположное: человек, одухотворенный верой, становится источником добрых дел. Следует ли из этого, что свобода не есть свойство сознания?

Далее Лютер мимоходом напоминает о новом аспекте своего учения, пунктирно намеченном в двух предыдущих работах, который сводится к идее всеобщего характера духовенства. В Церкви каждый может быть священником, а отличие священника от рядового верующего относится не к сфере таинств, а к области исполняемой работы.

Это небольшое сочинение вышло на латыни 11 ноября, а уже пять дней спустя появился его немецкий перевод. В оригинальной версии текст, обращенный к папе, предваряло составленное в почтительных выражениях письмо. Разумеется, Лютер решился на этот жест не просто так. Его уговорил Мильтиц, судя по всему, настроенный довести порученное ему дело до конца, чего бы это ни стоило. 28 августа Штаупиц созвал в Эйслебене заседание капитула своей конгрегации, на котором с большим сожалением передал свои полномочия викария епископа Линку. На одном из заседаний появился весьма доброжелательно настроенный Мильтиц. Поскольку Лютер в работе капитула участия не принимал, Штаупиц согласился организовать Мильтицу встречу с ним, которая и состоялась в Лихтенберге, городке, расположенном на юге Тюрингии, 12 октября. Дипломат принялся улаживать августинца, всячески давая ему понять, что Рим вовсе не против уступок. Откровенно говоря, в то, что Лютер дал себя убедить, верится с трудом: все-таки он знал, что приговор по его делу уже вынесен, и давно настроился не сдаваться. Неужели Мильтиц сумел

внушить ему, что одного коротенького вежливого письма хватит, чтобы заменить официальное торжественное отречение? Если б это было так, мы ломали бы себе голову над совсем другой загадкой: кто из двоих — Мильтиц или Лютер — оказался наивнее и простодушнее. Так или иначе, но Мильтиц явно решил использовать весь свой запас уловок и фокусов и посоветовал Лютеру пометить письмо папе задним числом, чтобы создать обманное впечатление, будто оно писалось еще до обнародования буллы. Поэтому на письме и фигурирует в качестве даты 6 сентября.

Каких нечеловеческих усилий, должно быть, стоило ему, ярому врагу Петрова престола, составить свое обращение к папе так, чтобы презрение и злоба выглядели ласковой почтительностью! «Сердцем, — писал он, — я вовсе не отвернулся от Вашего Преосвященства. Не помню, чтобы я когда-нибудь отзывался о вас иначе нежели с глубоким уважением... Вы — Лев, но вы подобны агнцу среди волков, вы — Даниил во рву со львами, вы — Иезекииль среди скорпионов... Я говорю вам правду, потому что желаю вам добра».

Чем же он объясняет папе собственные яростные нападки на Святой Престол, которыми исполнены его сочинения? Тем, что папу со всех сторон окружают исчадия сатаны. «Разве можете вы один противостоять этим чудовищам?» Льстивые злодеи толпятся вокруг него и его именем творят свои беззакония. Хуже всех из них, конечно, доктор Экк, этот «враг Иисуса Христа и слуга сатаны». И он, Лютер, горячо надеется, что папа выгонит наконец всех своих богословов и возьмет бразды правления в свои руки. Тут же он добавляет, что ни о каком отречении с его стороны не может идти и речи. Зато во всем остальном с ним могут делать все, что захотят: он все готов претерпеть. В доказательство своей доброй воли он посылает папе экземпляр своего трактата «Христианская свобода».

Легко вообразить, с каким чувством читал Лев X это послание. Богослов, официально обвиненный в ереси, месяцем раньше опубликовавший злобную книжонку, направленную против него, теперь как ни в чем не бывало любезничает с ним и просит отпустить ему грехи — при условии, что ни одного из своих заблуждений он не признает! И еще надеется снискать его милость, прислав пленительное сочинение, отрицающее и Церковь, и духовенство.

Но сомнения папы относительно искренности автора письма длились недолго. Всего шесть дней спустя после отсылки верноподданнического послания папе Лютер опубликовал грозную обвинительную речь, написанную на латыни, но сейчас же переведенную на немецкий. Речь называлась «Против мерзостной буллы антихриста». «Папа Лев,

кардиналы, а также вы все, те, кто правит в Риме! Я обвиняю вас! Я заявляю вам в лицо: если эта булла написана вами, если вы признаете за ней свое авторство... тогда я именем Господа призываю вас опомниться и прекратить свои богохульства. Если же вы отказываетесь, то знайте, что я и другие слуги Христовы отныне считаем ваш престол престолом антихриста; мы отрекаемся от него и не желаем более ему покоряться, мы проклинаям его как силу, противную Иисусу Христу». Далее следует приговор: если папа и его присные будут упорствовать в своих заблуждениях, Лютер обрекает их на гибель вместе с их буллой.

Итак, стоило сманить истину в свой лагерь, как всякая угроза исчезла. Отныне Лютер стал проводником христианской веры, и теперь уже он может выносить приговор, отлучать и предавать виновных в руки светского суда. И действительно, в последней части он в двух словах обращается к германской нации, призывая и славного императора Карла, и князей-христиан более не внимать «дьявольскому гласу антихристову». В немецком переводе обращение к князьям оказалось заменено кратким поучением простому народу: «Если папа не отречется, если он не заберет назад свою буллу и не покарает доктора Экка и его соучастников, то ни у кого не останется сомнений, что он и есть враг Божий, гонитель Христа, разрушитель христианства и истинный антихрист».

В тот же день 17 ноября Лютер составил еще одно обращение к собору. В присутствии нотариуса и свидетелей он перечислил все свои претензии к папе Льву X, этому главе беззакония и произвола, закосневшему в своем упрямстве еретiku, врагу и гонителю Священного Писания, хулителю и поносителю Святой Христовой Церкви. Снова он обращался за помощью к императору, а также к «князьям-курфюрстам, графам, сеньорам, рыцарям, дворянам, муниципальным советникам, ко всем городам и коммуна германской нации». Как видим, посев Гуттена принес обильный урожай.

Вдохновившись новой ролью верховного владыки, 10 декабря Лютер через Меланхтона собрал на городской площади Виттенберга своих коллег и студентов. Все вместе разложили огромный костер, в который полетели книги по римскому праву, труды схоластов и сочинения всех оппонентов Лютера. Когда огонь хорошенько разгорелся, Лютер швырнул в пламя осуждавшую его буллу и наставительно произнес ритуальное заклинание: «Тебя, порушившего правду Божью, да порушит тебя Господь этим огнем». Уже на следующий день Лютер, объясняя свой поступок, снова не смог избежать двусмысленности: сожжение книг, по его словам, представляло собой лишь символический акт, тогда как на самом деле следовало бы

сжечь самого папу. И тут же оговорился: «Я имею в виду римскую кафедру». Так или иначе, этот наглядный урок принес свои плоды. Когда на ближайшем карнавале в толпе, изображавшей «романистов», появился студент, переодетый папой Львом X, толпа долго гналась за ним по улицам, пока не поймала; студент был арестован и осужден.

Еще несколько дней спустя, верный своей привычке публично оправдываться в каждом совершенном поступке, Лютер опубликовал небольшую, на несколько страничек, работу под названием «Почему доктор Мартин Лютер сжег писания папы и его учеников?» Здесь, предавая анафеме целый ряд положений об организации церковной жизни, он излагал основы собственного учения в этой области, в карикатурном виде повторяющего католицизм, при том с сильным привкусом схоластики. В частности, из этого труда мы узнаем, что папа подчинен собору, что Христос вовсе не воздвигал свою Церковь на престоле Петровом, что папа не имеет права толковать Писание и не может запрещать священникам жениться. Одним словом, мы узнаем, что папа — антихрист.

3 января 1521 года, поняв, что ждать больше нечего, горько разочаровавшись в лучших своих надеждах, Лев X обнародовал буллу «*Decet Romanum pontificem*», в которой сообщалось, что Мартин Лютер, принявший обет монаха ордена бл. Августина, является упорствующим в своих заблуждениях еретиком, а потому подлежит отлучению от Церкви. Лютер отвечал новым самооправданием, написанным и на латыни, и на немецком. Это произведение называлось «Защита всех положений, осужденных новой буллой папы Льва X». Заканчивалось оно изложением символа веры в самого себя, которое отныне из уст Лютера будет звучать часто: «Я уверен, что Слово Божие со мной, а не с ними».

Осудив ересиарха, Рим изложил свою позицию, к которой больше ничего не мог добавить. Страница истории религии была перевернута, и теперь открывалась страница истории политики, чтение которой заняло куда больше времени, чем могли предположить Лев X и сам Лютер. Никакого торжества в Риме не испытывали, напротив, здесь царило настроение скорбной озабоченности. Папа действительно проявил долгое, очень долгое терпение, но результат оказался еще хуже, чем если бы он стал действовать не раздумывая. Упорство, с каким держался своих ошибочных убеждений этот строптивец — крещеный христианин, монах, священник, доктор богословия — наполняло сердце Льва X глубокой печалью. Задумывался ли он, глава Святой Церкви, о том, какая доля ответственности за роковую развязку всего происшедшего ложилась лично на него? Конечно, с точки зрения католической традиции, поведение

Лютера выглядело гораздо более возмутительным, чем самые злостные нарушения, допускаемые при римском дворе, ведь его нападки затрагивали самые основы веры, тогда как их злоупотребления касались в основном лишь нравственности. Они использовали существующие церковные институты во зло, он же отрицал самую необходимость их существования. С другой стороны, разве в Риме не понимали, что именно злоупотребления ведут к утрате доверия? Папа осудил виновного, даже не задавшись вопросом о доле собственной вины. Читая кощунственные писания еретика, он сознательно не желал видеть в них те места, где на него прямо указывалось пальцем.

Если бы Лютер не стал свидетелем безобразий, творившихся в Риме, он, скорее всего, так или иначе пришел бы к своей идее оправдания одной верой, поскольку она сформировалась у него уже в 1515 году, то есть еще до того, как он обратил внимание на мерзости, процветавшие в среде духовенства. Но в этом случае он не дал бы себя вовлечь в будущий мятеж и последовавший за ним раскол, поддержанный и братьями по религии, и студенческой молодежью, и немецким дворянством. Ему просто не пришло бы в голову искать удовлетворения в упорном отстаивании своей позиции, добиваться личной славы ценой кощунств и святотатства. Папство эпохи Возрождения, конечно, не виновато в том, что отдельный человек проникся еретическими идеями, папство виновато в том, что эти идеи привели к расколу христианского мира и народным распрям.

3.

ВОРМССКИЙ РЕЙХСТАГ (январь — апрель 1521)

Коронация нового императора состоялась только через полгода после его избрания. После торжественной церемонии, на которой его провозгласили верховным правителем немцев, Карл объявил о созыве имперского рейхстага, назначенного на 6 января будущего года. Собирался рейхстаг в Вормсе, «имперском» городе. В действительности власть нового императора не простиралась столь же широко, как власть его предшественника. Дело в том, что выставляя кандидатуру своего внука в качестве наследника престола, Максимилиан подписал «Имперскую капитуляцию» — документ, в котором признавал права немецких князей. Несомненно, эта уступка сыграла свою роль в избрании Карла, который, в свою очередь, поспешил ратифицировать «Капитуляцию» уже в новом своем качестве. Поэтому он не мог, не отказавшись от им же подписанного документа, игнорировать мнение курфюрстов и представителей дворянства и городов по всем важным государственным вопросам. Кроме курфюрстов на заседание рейхстага приглашение получили Фердинанд, младший брат императора и эрцгерцог Австрийский, 25 герцогов, восемь маркграфов, 30 архиепископов, епископов и аббатов, представители 10 вольных городов, многочисленные князья и графы, а также Вильгельм де Шьевр, занявший к тому времени пост премьер-министра Испании, семь посланников, в том числе двое эмиссаров бывших соперников Карла — Франциска I и Генриха VIII, и, наконец, два папских нунция — Алеандр (Иеремия Алеандр) и Карачьоли.

В повестке дня фигурировало и дело Лютера. После выступления легатов Карл V склонялся к тому, чтобы добиться исполнения папских булл. Во время своей коронации (которая проходила в Болонье, а не в Ахене), он торжественно поклялся быть верным сыном верховного церковного иерарха и защитником католической Церкви. Впрочем, он получил такое воспитание, что выпавшая ему на долю роль прекрасно вписывалась в его убеждения, и он в любом случае исполнил бы ее, независимо ни от каких клятв. В политическом плане поддержание одной и той же веры на всем пространстве империи также являлось существенным элементом ее единства. Курфюрст Фридрих Саксонский не пожалел

усилий, чтобы убедить императора пригласить на рейхстаг и Лютера. В своем безмерном восхищении перед новой надеждой Германии он хранил твердую уверенность, что стоит тому выступить перед аудиторией хотя бы один раз, как он склонит на свою сторону всех до единого. Он пытался подбить и еще кое-кого из князей повлиять на Карла V, когда в дело вмешался Гаттинара — знаменитый юрисконсульт, которого Карл нашел в одном из картезианских монастырей и сделал государственным канцлером. Он и напомнил императору, что его решения по вопросам веры, бесспорно, должны доводиться до сведения князей, однако отнюдь не нуждаются ни в советах, ни в одобрении последних. Тогда Фридрих Мудрый предпринял более тонкий ход. Он сумел уговорить сразу двух советников императора, к которым тот имел обыкновение прислушиваться, — Вильгельма де Шьевра и Генриха Нассауского, и советники стали убеждать Карла, что нельзя осудить Лютера, не выслушав его. И император согласился на компромисс. Лютер получит приглашение, но лишь для того, чтобы публично отречься от своих идей. Если он этого не сделает, его ждет изгнание за пределы империи.

Казалось, согласие достигнуто. Но тут проявил бдительность Алеандр. 13 февраля он выступил перед рейхстагом с горячей, умело выстроенной и аргументированной речью, продолжавшейся три часа. Смысл речи сводился к одному: для чего нужно слушать Лютера? Разве не достаточно его слушали? Разве не он опубликовал предложения, более чем странные с точки зрения веры и оскорбительные для Апостольской Церкви? И не его ли после долгих размышлений осудил и отлучил от Церкви сразу двумя своими буллами слишком терпеливый папа? Это еретик, замахнувшийся не только на церковные, но и на имперские законы; повторяя вслед за Гусом все его ошибки, он грозит ввергнуть Саксонию в смуту, уже потрясшую Чехию, а отказываясь признать решения Констанцского собора, отрицает авторитет Церкви. К тому же вопросы веры не входят в компетенцию императора; ему, как человеку, олицетворяющему светскую власть, полагается просто исполнить предписания Рима. Впрочем, Алеандр проявил достаточно дипломатического чутья, чтобы не требовать ареста Лютера. Он призвал рейхстаг вынести решение о сожжении всех сочинений отлученного на всей территории Германии. Карл V одобрил это предложение.

В этот момент на сцене появился еще один весьма любопытный персонаж, чьи мотивы для многих так навсегда и остались загадкой, — Иоанн Глапион, монах-францисканец и исповедник Карла. Он полагал, что, если Лютера не пустят в Вормс, его мятежный дух от этого лишь

укрепится; если же здесь удастся заставить его отказаться от наиболее скандальных заявлений, согласившись с теми, что поддаются двоякому толкованию, то его самолюбие получит полное удовлетворение. Таким образом все будут довольны. Очевидно, Глапион не имел ни малейшего понятия ни о личности Лютера, ни о политической обстановке в Германии, ни о той ненависти, какой немцы пылали к Риму. Он попытался добиться личной встречи с Фридрихом Мудрым, но последний, заподозрив ловушку, от нее отказался. Тем не менее, терзаемый любопытством, Фридрих направил к Глапиону для переговоров канцлера, которому брат Иоанн и изложил свой план. Он прочитал два последних произведения Лютера. «Христианская свобода», по его мнению, содержит более или менее приемлемые идеи, но вот «Вавилонское пленение» столь резко отличается от первого труда, что не верится даже, будто их писал один и тот же человек. Надо убедить Лютера отказаться от этой развязной книги, тем более что она не представляет собой никакой теоретической ценности, и заставить его признать, что в некоторых своих высказываниях относительно папы он зашел слишком далеко. Если Лютер согласится на такой компромисс, то он, брат Иоанн, берется уговорить Карла пригласить августинца на заседание рейхстага. Глапион предложил даже лично съездить в Эбернбург и на месте обо всем договориться. Но Фридрих отверг все авансы самозванного дипломата: он уже понял, что Карл по своему характеру человек нерешительный и подверженный чужим влияниям, а потому надеялся склонить его к более благоприятному для своего протеже варианту.

Император, уверенный, что речь Алеандра произвела на присутствующих должное впечатление, предложил весьма жесткую формулировку приговора, в соответствии с которым следовало не только уничтожить произведения Лютера, но и взять под арест их автора. Этого не требовал даже папский легат. Как и его духовник, Карл слишком плохо знал немецких князей. Даже те из них, кто искренне придерживался католического вероучения, не хотели такого строгого приговора, опасаясь, что любая попытка привести его в исполнение вызовет беспорядки еще хуже тех, что случились в Чехии. Потратив несколько дней на бурные обсуждения, члены собрания обратились к императору с ходатайством, в котором высказали свою точку зрения на взрывоопасное положение, сложившееся в Германии. Нельзя принимать окончательного решения по делу Лютера, внушали они Карлу, не заслушав его, но в то же время нельзя позволять ему превращать заседание рейхстага в диспут (как раз этого больше всего боялись легаты и наиболее приверженные католичеству

князя). Надо просто заставить его дать четкий и ясный ответ на единственный вопрос: упорствует ли он в своих заблуждениях? Если он ответит на него положительно, то князя, хранящие верность вере своих предков, окажут императору всяческое содействие в приведении в исполнение его приговора. Это был весьма ловкий маневр. Князя знали, что в своем теперешнем положении Лютер ни за что не отречется от высказанных ранее взглядов, но они хотели, чтобы он выступил перед рейхстагом. Человек, ставший олицетворением всенародной ненависти к Риму, должен изложить свою позицию собранию представителей германской нации. Карл V об этих тонкостях не догадывался, а потому удовлетворил прошение.

6 марта 1521 года император издал указ, подписанный также великим канцлером империи, курфюрстом Майнцским, предписывавший доктору Мартину Лютеру в трехнедельный срок предстать перед имперским рейхстагом. Для гарантии своевременного прибытия на заседание император выдал Лютеру пропуск на свободный проезд по всей территории страны. На необходимости этой меры настояли делегаты собрания, справедливо рассудившие, что пропуск обеспечит их духовному лидеру безопасный проезд не только из Виттенберга в Вормс, но и — что гораздо важнее — из Вормса в Виттенберг.

В ожидании Лютера делегаты обратились к другой животрепещущей теме — обсуждению своих претензий к Риму, коих успело накопиться великое множество. Никогда еще папским легатам не доводилось выслушивать такого количества упреков и внимать столь суровым речам: наряду с обвинениями в финансовых злоупотреблениях звучали и укоры нравственного характера. Герцог Георг Саксонский, тот самый, что решительно выступал против лютеровских проповедей и распространения его сочинений, обрушил теперь весь гнев своей критики на практику торговли индульгенциями и прочие финансовые махинации посланцев курии, блестяще показав грань между проблемами веры и злоупотреблениями практического характера. В конце концов делегаты пригрозили папе, что будут вынуждены обратиться с жалобой к вселенскому собору.

Вызов на заседание рейхстага чрезвычайно обрадовал Лютера. Поклявшись раз и навсегда порвать с Римом, он теперь только и ждал возможности объявить всей Германии новую христианскую весть и сгорал от нетерпения сыграть свою роль знаменосца. А тут его специально приглашают выступить перед рейхстагом! В канун Рождества он писал Спалатину: «Если кесарь вызывает меня, значит, меня призывает Бог. Я не

собираюсь прятаться и уж, конечно, не намерен ни от чего отречься». Он ясно видел, чего ждут от него князья, в свою очередь, уверенные в том, что он не подведет, тем более что Фридрих Саксонский уже успел через Спалатина прощупать Лютера и убедиться: если он и отправится в Вормс, то уж никак не за тем, чтобы изъявлять свою покорность Риму.

25 января, то есть еще до получения вызова в Вормс, Лютер, осведомленный о нерешительности и колебаниях Карла, рискнул направить ему собственное ходатайство. В своем послании он благодарил императора (словно речь шла о чем-то давно решенном) за внимание, с каким тот отнесся к рассмотрению его дела, касавшегося, как подчеркивал Лютер, отнюдь не его одного, но «всего христианского мира и всей германской нации». Итак, он больше не делал различия между двумя аспектами своей деятельности: знаменосец немецкой армии, выступающей против Рима, и проповедник новой веры, враждебной все тому же Риму, в его лице слились воедино. Он призывал императора не оставить без внимания этот факт, ведь именно в нем, своем верховном властителе, немцы видят защитника христианства. Но какого именно христианства — проримского или антиримского? Ответ Лютера на этот вопрос при всей формальной сдержанности не оставляет места для сомнений: «Умоляю Ваше Величество как светского главу Святой христианской Церкви (отметим, что он не говорит ни «римской», ни «католической». — И. Г.) настоять, чтобы мои враги, защитники римского престола, прекратили свои святотатственные и незаконные выходки против меня». Именно так, ибо тот, кто защищает Лютера, защищает в его лице «божественную евангельскую истину». Расклад ясен. Карлу V следует сделать выбор: либо Рим с его святотатствами и беззаконием, либо Лютер с его евангельской истиной. В заключение он просил императора выдать ему пропуск, который оградил бы его от возможных покушений.

Но еще до того, как пришел вызов от императора, Лютер через своих сторонников узнал, что его пригласят и дадут ему слово. Пока этого казалось достаточно. Спалатин уведомил его о тех достаточно умеренных требованиях, которые выдвинул Иоанн Глапион, но Лютер не хотел полумер. «Не сомневайтесь во мне, — отвечал он. — Я не отрекусь ни от чего». Итак, друзей он предупредил. Собственно говоря, они и вызвали его лишь потому, что не сомневались в его решимости идти до конца и ждали, что его речь перед императором и папскими нунциями станет продолжением «Обращения к немецкому дворянству». Судя по всему, Лютер позаботился и о том, чтобы оговорить условия своей явки на рейхстаг. В том же письме к Спалатину он подчеркивал, что если

император собирается требовать от него отречения, он в Вормс не поедет. Между тем события развивались дальше. Участникам рейхстага уже целых две недели было известно содержание указа о вызове Лютера, но знал ли он сам, о чем дословно говорилось в этом указе? Так или иначе, свое решение он принял. Перед лицом всей Германии он еще раз подтвердит свою готовность исполнить взятую на себя миссию и не обмануть возложенных на него надежд. Пусть все услышат, что нет той силы, которая заставила бы его свернуть с намеченного пути.

В этом же письме имеется один фрагмент, заслуживающий особого внимания. Геройский пафос этого фрагмента приводил и продолжает приводить в восхищение многие поколения лютеран. Речь идет об отрывке, в котором затравленный со всех сторон еретик признается, что готов погибнуть. «Если (император. — И. Г.) призывает меня, чтобы предать смерти, что ж, я принимаю вызов». Несколькими строками ниже сослагательное наклонение переходит в утвердительное: «Я уверен, что эти кровавые убийцы не успокоятся, пока не лишат меня жизни. Да свершится воля Божья!» Февр относится к этому заявлению с полной серьезностью, считая, что Лютер собирался в Вормс как «на мучительную смерть». Впрочем, добавляет исследователь, возможно, его ждала вовсе не смерть, а слава. Никакие «возможно» здесь неуместны. Его совершенно определенно ждала слава, и он об этом знал. Ведь его уже известили, что император распорядился снабдить его пропуском, значит, по пути в Вормс и обратно никакие опасности его не подстерегали. Знал он и о том, какие настроения царили среди участников рейхстага. Папские нунции держались в изоляции, а его немецкие друзья, настроенные как никогда решительно, ощущали себя хозяевами положения. Он знал, что в имперском городе собралось четыре сотни вооруженных рыцарей, а в его окрестностях стояла наготове шеститысячная армия. Он знал, что легаты папы чувствовали себя настолько неудобно, что боялись даже за собственную жизнь. Алеандр, кстати сказать, действительно писал в эти дни папе: «Дворянство, руководимое Зиккингеном, готово к восстанию. Зиккинген, эта гроза Германии, теперь их царь и бог». И что же мог противопоставить им император, даже если он и в самом деле горел желанием исполнить все постановления папы?

Императора удалось нейтрализовать и заставить почувствовать собственное бессилие. В этом городе, только именовавшемся имперским, он, со всех сторон окруженный врагами, оказался на положении осажденного. Чтобы внести в ситуацию окончательную ясность, особенно постарался Гуттен. Отбросив всякие околичности, он напрямую, без

посредников, обратился к императору с письмом, — так глава одной державы обращается к главе другой. Исполненное внешней почтительности простого рыцаря к королю, по существу это письмо содержало почти не прикрытую угрозу. «Настал миг, когда вы можете погубить всех нас и погибнуть сами», — без обиняков заявлял Гуттен императору. Что же это за страшная опасность, сулящая всем гибель? Разумеется, она исходит от «романистов», присутствующих на рейхстаге и угрожающих Лютеру. Ведь, если разобраться, лишь они одни злобствуют на августинца. «Против него выступают только священники, потому что он посмел посягнуть на их всевластие, на их бесстыдную роскошь, на их распутную жизнь, потому что он подал свой голос в защиту учения Христа, в защиту свободы своей родины, в защиту чистоты нравов».

Поразительно, с какой легкостью Гуттен использует Лютера в своих интересах. Этому наемнику и грабителю глубоко безразличны и учение Христа, и чистота нравов; что его действительно волнует, так это свобода родины. Но почему бы не прибегнуть в качестве прикрытия для патриотических лозунгов к лозунгам защиты веры и нравственности? Разве не долг Карла служить гарантом целостности этих высоких ценностей? А ведь церковники своим поведением оскорбляют каждую из них! Заметим, что Гуттен больше не говорит «Рим», он говорит «священники». Что совершенно закономерно, потому что Гуттена раздражает не столько власть далекого Рима, который во главе со своим воинственным папой бьется то за Милан, то за Равенну, сколько власть епископов и аббатов, в том числе немецких, и даже по преимуществу немецких, ведь они являют собой чужеродный римский элемент, проникший в самое сердце Германии, укоренившийся в каждом ее уголке. Призывы Гуттена предвосхитили стремление к секуляризации епископств и аббатств, о которой Лютер не только не мечтал, но даже и не задумывался и о которой он очень скоро в полный голос заговорит в своих проповедях. Вот тогда он и в самом деле сделается полноправным знаменосцем немецкого дворянства.

Пока же скромный рыцарь фон Гуттен — неофициальный, зато умеющий играть на чувствительных струнах чужих душ (качество, пожалуй, более чем ценное) лидер дворянского движения — торжественно объявлял германскому императору, королю Испании, Неаполя и обеих Америк, эрцгерцогу Австрийскому и принцу Фламандскому, что, если по его воле с головы какого-то августинского монаха, осужденного Римом за ересь, упадет хоть один волосок, — Германия погибнет! «Смилуйтесь над нами, о Император! Не вовлекайте в пучину гибели целый народ! Вся Германия падает ниц и в слезах молит вас! Ради священной памяти тех

германцев, что во времена, когда миром самовластно правил Рим, одни не склонились перед его надменной спесью, вся Германия закликает вас о спасении от рабства и призывает к отмщению тиранам». Что же конкретно следует предпринять императору для осуществления столь грандиозных целей? Сущую малость: не трогать Лютера, этот символ немецкой нации. Но, разумеется, этим дело не ограничится, поскольку затем все равно придется «свергнуть папскую тиранию».

Лютер читал это письмо, как и множество других писем, которыми Гуттен буквально засыпал всех, кто держал в своих руках судьбы Германии. И очень хорошо понимал, что ему не только нечего бояться поездки в Вормс, но, напротив, следует многого опасаться, если он туда не поедет. Отказаться от этого предложения значило бы упустить из рук редчайший шанс провозгласить свою веру перед лицом немецких князей и немецкого народа. Он разом утратил бы всех своих друзей и нанес бы жестокое разочарование дворянству, которое сделало на него ставку, притом разочарование такого рода, что оно отнюдь не ограничилось бы сферой чувств. Томас Мюнцер, числивший себя сторонником Лютера до тех пор, пока не стал его противником, впоследствии напишет ему: «Если в Вормсе ты смог противостоять рейхстагу, благодари за это немецкое дворянство... Оно ведь так надеялось, что благодаря твоим проповедям получит богатые дары в виде монастырей и прочего церковного добра! Если бы в тот момент тебе вздумалось дать слабину и дрогнуть, они просто перерезали бы тебе глотку».

Лютер дожидался вызова на рейхстаг, нервно прислушиваясь к каждой свежей новости, и усиленно работал. Папа уже вынес ему свой приговор, а его непосредственный начальник освободил его от всех ранее данных обетов, поэтому к службе он больше не ходил и никаких монастырских обязанностей не исполнял, хотя с рясой не расстался. Войну приходилось вести на всех фронтах. Самолично уподобившись епископу, он опубликовал «Поучение к исповедующимся», в котором призывал обращать поменьше внимания на исповедника: если тот отказывает кающемуся в отпущении грехов, ничего страшного в этом нет. Главное — в душе почувствовать себя прощенным самим Господом, ибо Слово Божье стоит всех таинств, без которых вообще можно обойтись.

Он публиковал памфлет за памфлетом, нападая на своих главных противников, но особенно на Эмзера, который также не оставался в долгу. Лютер понимал, что за их яростным спором следит вся Германия. При поддержке Георга Саксонского Эмзер выпустил ответ на «Обращение к немецкому дворянству», выдержанный в католическом духе. Этой работой

оппонента Лютер воспользовался как предлогом для дальнейшего развития собственной концепции Церкви, намеченной в «Христианской свободе»: видимая Церковь не является истинной Церковью, папа есть антихрист, подменивший авторитет Писания своим авторитетом, веру делами, благодать суеверием, а чтение Слова Божия литургическим обрядом; истинная же Церковь есть Церковь святых, и она не нуждается ни в папе, ни в центральном руководстве, ни в органах власти; духовное звание носит всеобщий характер, а потому священники не нужны; христианином является каждый, кто принял крещение, следовательно, монашеские обеты не имеют смысла; одно из величайших преступлений папы состоит в изобретении целибата — за одно лишь это его следует назвать Сыном Погибели.

Лютер быстро оценил достоинства такого жанра, как сатира. «Научные» пасквилы, которые он продолжал сочинять, оставались недоступны простому народу, и тогда, подогревая массовое недовольство Римом, он задумал дешевое «народное» издание, которое мог купить себе каждый. Для большей наглядности текст предполагалось снабдить гравюрами. В марте 1521 года в сотрудничестве с Лукасом Кранахом он издал «Сборник чтений о страстях Христовых и антихристовых» — книжку с 26 парными иллюстрациями, в которой каждой из картинок, представлявших ту или иную сцену из жизни Христа, соответствовала картинка из жизни папы. Христос отказывается от всех земных царств — папа громко заявляет на них свои требования; Христа венчают терновым венцом — папу венчают тиарой; Христос оmyвает ноги апостолам — папа подставляет свои ноги для лобзаний. В конце альбома Христос возносится к Небесам, а папа проваливается в преисподнюю. Само собой разумеется, даже внешне папу и все его окружение художник изобразил в самом отталкивающем виде.

Лютер также продолжал трудиться над теоретическими сочинениями, которые писал на основе своих проповедей: толковал Книгу Бытия, Евангелие от Иоанна, Величание. Немало времени отнимала и работа над «Комментарием к Псалтири». Возможно, под влиянием текстов, над которыми он подолгу размышлял, ему порой случалось испытать нечто вроде сожаления по поводу собственной резкости и грубости. Так, отвечая хранителю францисканского монастыря, упрекавшему его в употреблении недопустимых выражений, он смиренно писал: «Вы совершенно правы, я и сам чувствую это, но ничего не могу с собой поделать. Не знаю, что на меня находит, ведь я уверен, что никому не желаю зла. Противники нападают на меня с такой яростью, что и я не в силах остеречься сатаны.

Помолитесь за меня Господу, чтобы я не произносил и не писал ничего богопротивного...»

Массу времени отнимала у него переписка. Приближалось время решительной схватки, и он готовился к ней, рассылая во все концы бесчисленные письма, в которых убеждал будущих сторонников, защищался от нападков врагов, разрабатывал тактические приемы грядущей борьбы... Подчас приходилось и ругаться. Так, он отправил полное упреков письмо своему бывшему наставнику Штаупицу, который покинул Виттенберг и наблюдал за своим учеником издали. Под влиянием Матеуса Ланга, архиепископа Зальцбургского, Штаупиц выступил в печати со своим «символом веры», в котором полностью признавал авторитет папы и Церкви. «Как можно, — возмущался Лютер, — не оскорбляя Бога, призывать в судьи худшего врага Христа и его благодати! Вот что вам следовало ответить этому нечестивцу. Вы призываете меня к смирению, я же хочу призвать вас к гордости». Бурные события, в результате которых духовные чада Штаупица утратили верность Церкви, надломили его. Вскоре он покинул орден, который когда-то надеялся обновить, и закончил свои дни аббатом бенедиктинского монастыря св. Петра в Зальцбурге.

26 марта 1521 года, в среду Святой Недели, в Виттенберг прибыл посланец императора Гаспар Штурм. Он привез Мартину Лютеру вызов на заседание рейхстага. Времени оставалось в обрез. Уладив самые срочные дела, в среду 2 апреля Лютер двинулся в путь. Согласно уставу, каждый странствующий монах обязан был путешествовать не один, а в сопровождении еще одного монаха, которого называли «socius». На сей раз вместе с Лютером в дорогу отправились Иоганн Пеценштейнер, Амсдорф и молодой померанский дворянин Петер Шванен. Процессию возглавлял императорский вестник со своим слугой. В каждом городе, где им приходилось останавливаться, друзья Лютера устраивали ему восторженный прием. В Наумбурге, епископ которого предал сожжению сочинения Лютера, его принимал в своем доме сам бургомистр. Проезжая через Веймар, Лютер узнал, что по городу расклеены афиши с императорским указом о сожжении его писаний. Он испугался и едва не повернул обратно. Другам пришлось долго уговаривать его, и в конце концов он согласился ехать дальше. В Эрфурте его встречал Крот Рубиан, ставший к этому времени ректором университета, в окружении почти всех своих профессоров. Приезд Лютера отметили шумным празднеством, на котором отлученный от Церкви монах прочитал проповедь о спасении души. Сразу после его отъезда студенты устроили погром в домах, где жили кафедральные каноники. Во Франкфурте Лютер играл на лютне.

Между тем брат Глапион все еще не отказался от мысли осуществить свой план. Для этого он выехал в Эбернбург, где встретился с Зиккингеном и Гуттенем. Лютер к этому времени уже добрался до Оппенгейма — последнего города на пути к Вормсу. Сюда для переговоров с ним и отправили Буцера. Буцер стал дружески уговаривать Лютера ехать вместе с ним в «логово» Зиккингена, но монах решительно отверг это предложение. С одной стороны, он боялся потерять драгоценное время и не успеть к сроку в Вормс, с другой, как позже признавался сам, опасался, что за этим предложением скрывается ловушка, уготовленная ему Альбрехтом Бранденбургским, который хотел таким путем заманить его в расположенный поблизости Майнц. Мы, однако, не можем исключить, что францисканец действовал из лучших побуждений, искренне стремясь послужить Церкви. Увы, надеясь убедить Лютера, он поддался собственным иллюзиям. И Буцер вернулся в городок один. Гуттен еще раз написал Лютеру, подтверждая свою решимость сражаться вместе с ним, правда другим оружием. «Надеюсь, — добавлял он, — что пробил час, когда Бог воинов очистит свои виноградники от разоряющих их свиней, особенно от некоторых из них!»

16 апреля, две недели спустя после отъезда из Виттенберга, Лютер в окружении друзей и сторонников, встретивших его за городскими стенами, въехал в Вормс. «Великий ересиарх, — вспоминал Алеандр, — вступил в город в сопровождении более чем ста всадников». Улица вокруг постоялого двора, в который он направлялся, вскоре оказалась запружена толпой зевак и симпатизирующих ему горожан. На следующее утро к нему явился маршал империи Ульрих фон Паппенгейм и сообщил, что в четыре часа пополудни Лютер должен предстать перед рейхстагом. К назначенному часу народу на улицах скопилось так много, что императорскому вестовому, исполнявшему при Лютере роль телохранителя, пришлось вести того в епископский дворец «огородами». Делегаты уже собрались и ждали его появления. Маршал предупредил Лютера, что он не должен ничего говорить от себя, а только отвечать на задаваемые вопросы.

В зал, где проходило заседание, он вошел ссутулившись. Несмотря ни на что, его охватило сильнейшее волнение. Присутствие всех этих князей, прелатов, высоких сановников и юристов, перед которыми ему следовало держать сейчас ответ, произвело на него гораздо более сильное впечатление, чем он предполагал. Он с тоской вспоминал о богословских диспутах, на которых ему противостоял всего один противник, о студенческой аудитории, встречавшей аплодисментами едва ли не каждое его слово. Там он чувствовал себя сильным и уверенным в себе. Но эти

парадные камзолы, эта ледяная тишина! Внезапно он всем своим существом ощутил, как мал он и как ничтожен... Сознание того, что для него настала та самая решающая минута, о которой он столько думал, заставляла его нервничать еще больше. Да, конечно, сидя у себя в келье, он писал друзьям: «Никогда я не отрекусь!» Но повторить эти слова здесь, перед лицом высших руководителей христианского мира, в этом парадном зале... Да, в эту минуту решалась его судьба.

Поскольку должность великого канцлера империи занимал архиепископ Трирский, то вести допрос поручили его официалу Иоганну фон Экку (не путать с однофамильцем-доминиканцем). Официал задал Лютеру всего два вопроса, вначале по-латински, затем по-немецки. «Первое. Признаете ли вы, что собранные здесь сочинения написаны вами? Второе. Согласны ли вы отречься от изложенных в них идей или настаиваете на своей правоте?» По просьбе одного из друзей Лютера перечень представленных суду произведений зачитали вслух. На первый вопрос подсудимый сразу же дал положительный ответ: да, все эти книги написал он. Что касается второго вопроса, то ответ на него требовал размышлений. Всем стало ясно, что это увертка. Император начал проявлять признаки нетерпения. Все же после короткого совещания со своими советниками он позволил 24-часовую отсрочку. Лютер покинул зал.

Присутствующие не скрывали разочарования. «Решительно, — говорил Карл V, — это не тот человек, который сделает из меня еретика!» Друзья Лютера пребывали в недоумении. Весь вечер они не отходили от Мартина, стараясь морально поддержать его, и помогли ему составить текст завтрашнего заявления. На следующий день в тот же самый час Лютер снова стоял перед собранием рейхстага. На сей раз он говорил убежденно, хотя голос его и дрожал от волнения. Прежде всего он заявил, что среди написанных им книг необходимо различать сочинения, посвященные вопросам веры, и книги, направленные против папства и конкретных оппонентов. Впрочем, добавил он, по зрелом размышлении он не может отречься ни от одного из своих произведений. В то же время, сознавая, что, как и всякий человек, он может ошибаться, он согласен лично предать все свои книги огню, если ему докажут, что их содержание лживо. Чем больше он говорил, тем явственнее в его голосе начинали звучать угрожающие ноты, а в речи все чаще мелькали выражения, явно рассчитанные на симпатии его политических покровителей. «Берегитесь! — почти кричал он. — Надеясь обрести покой ценой гонений на Слово Божье, вы рискуете навлечь на всех нас поток неисчислимых бедствий!» Говорил он по-латыни. Чтобы представители дворянства поняли смысл его

речи, его попросили повторить ее по-немецки, что он и сделал.

Официал с горечью констатировал, что еретик явно стремится вовлечь присутствующих в очередную дискуссию, которая представлялась совершенно бессмысленной, поскольку проповедуемое им учение уже заслужило безоговорочное осуждение духовных властей. И он потребовал от Лютера ясного и недвусмысленного ответа на уже заданный вопрос: настаивает ли он на истинности ошибочных теорий, изложенных в его книгах? И Лютер, отбросив всякую осторожность, произнес наконец то, чего так ждали от него политики: «Я не верю ни в папу, ни в соборы. Я не могу и не хочу отречься ни от одного из своих слов». На настойчивое требование Экка точнее сформулировать свою позицию он ответил: «Я не сомневаюсь, что решения соборов полны заблуждений. В частности, Констанцский собор выступил с защитой положений, целиком и полностью противоречащих Слову Божьему». На этом терпение Карла лопнуло, и он закрыл заседание.

Должно быть, уже вечером того же дня ему объяснили всю опасность сложившейся ситуации. Обычная процедура наказания отлученного от Церкви и так уже оказалась нарушена, но многие из делегатов рейхстага, опасаясь худшего, все еще пытались найти какой-то компромисс. Действительно, после заявлений Лютера о верности своим убеждениям он автоматически становился объектом преследования со стороны светских властей, что было чревато гражданской войной; но даже если бы удалось склонить его к отречению, еще неизвестно, как повело бы себя мелкое дворянство, готовое к самым резким выступлениям. Император отказался появляться на очередном заседании рейхстага, а вместо этого направил делегатам записку, написанную по-французски, как он всегда поступал в случаях, когда не считал нужным взвешивать каждое слово. В записке содержался приказ отправить Лютера в Виттенберг, после чего следовало применить к нему «обычную процедуру, принятую в обращении с упорствующими еретиками». Именно этого больше всего и боялись делегаты. Они снова принялись увещевать императора, который в конце концов сдался и скрепя сердце назначил согласительную комиссию.

В комиссию, возглавляемую курфюрстом Трирским, вошло девять человек, в том числе курфюрст Бранденбургский, герцог Саксонский, епископы Аугсбургский и Бранденбургский и гроссмейстер Тевтонского ордена. 24 апреля Лютера вызвали на заседание комиссии, но не добились от него ничего нового — он лишь повторил свои прежние заявления. Тогда обратились за помощью к Иоганну Кохлею, франкфуртскому гуманисту, который в течение некоторого времени разделял убеждения Лютера, пока

не разочаровался в них. Кохлей встретился с Лютером один на один и тоже попытался воздействовать на него, но безуспешно. Тогда Кохлей предложил провести еще один публичный диспут. Он, отдавший в свое время дань еретическим идеям Лютера, надеялся, что легко сможет доказать их ошибочность. Но это предложение не прошло. На следующий день комиссия снова заседала, и каждый из участников выступил с продолжительной речью, однако дело не продвинулось ни на йоту. Лютер по-прежнему стоял на своем. К вечеру 25 апреля Карл V издал приказ на завтра же отправить Лютера в Виттенберг.

Собственно говоря, вызывая Лютера в Вормс, император не питал никаких иллюзий. По его просьбе Алеандр еще раньше написал эдикт о высылке еретика за пределы империи. 26 мая император подписал этот документ, причем подписал задним числом, указав в качестве даты 8 мая. В тексте эдикта не просто использовались средневековые формулировки, он прямо-таки дышал средневековой нетерпимостью. За обвинением в ереси и святотатстве следовали обвинения политического характера: «Он призывал мирян омыть руки свои в крови священников и, отбросив всякое повиновение, настойчиво звал их к бунту, расколу, войне, убийствам, воровству и пожарам...» На самом деле ничего подобного Лютер не предлагал, но Карл таким образом отплатил ему за его сговор с рыцарями. Затем шло перечисление мер наказания: эдикт запрещал кому бы то ни было давать кров и пищу осужденному и приказывал каждому, кто заметит его на территории империи, немедленно предать его в руки властей; приговаривал к костру все его сочинения, а все имущество его друзей, покровителей и издателей — к конфискации.

Запомним три эти даты, охватившие двухмесячный промежуток: 26 марта 1521 года Мартин Лютер получил вызов на заседание рейхстага; 26 апреля он покинул Вормс, спасаясь от правосудия; 26 мая был официально объявлен изгнанником, подлежащим преследованию со стороны светской власти.

4.

ДУХОВНЫЙ КРИЗИС (май 1521 — март 1522)

В обратный путь Лютер собрался быстро — время поджимало. Он уже понял, что от императора милости ждать не приходится. Если тот и дал ему возможность уехать, то лишь из страха перед рыцарями. Но что ему мешало послать гонца к кому-нибудь из наиболее покладистых князей с приказом арестовать его? Лютер покинул Вормс с такой поспешностью, что даже не озаботился получить императорский пропуск. Правда, в Оппенгейме его нагнал вестовой Карла с пропуском. 2 апреля Лютер уже достиг Франкфурта, откуда писал Кранаху, горько сетуя на императора и герцога Саксонского. Впрочем, одновременно он отправил письмо и Карлу V, выражая готовность покориться воле государя: «Господь, читающий в сердцах, мне свидетель: я целиком предаю себя во власть Вашему Величеству». 2 мая он прибыл в Эйзенах, где вопреки формальному запрету прочитал проповедь. Переночевав у одного из своих дядьев в Мере, он двинулся дальше, к Готе, и только что миновал Вальтерхаузен, как стал жертвой похищения. Карету, в которой сидел Лютер со спутниками, окружила группа из пяти всадников. Они схватили еретика и увлекли его за собой в глубь леса.

Весть о похищении Лютера вызвала сильнейшие волнения. Каждый кому не лень выдвигал собственную версию случившегося. Кто говорил, что его казнили убийцы, подсланные императором, не доверявшим лояльности князей; кто утверждал, что его захватили в плен и держат в крепости во Франконии; кто заявлял, что похищение организовал Бегем — злейший враг Фридриха Саксонского; кто настаивал, что он, живой и невредимый, прячется у Зиккингена. Дюрер в эти дни записал в своем дневнике: «Если его убили, то он умер за христианскую правду... Боже мой! Пошлешь ли Ты нам другого человека, который, так же как он, сумеет проникнуться духом Твоим, соберет воедино осколки Твоей Святой Церкви и научит нас жить по-христиански, дабы, видя наши добрые дела, все неверные, турки, язычники и индейцы захотели бы примкнуть к нам и принять нашу веру?» На самом деле все обстояло куда проще и совсем не так драматично. Покушение при молчаливом согласии Лютера организовал сам Фридрих. Курфюрст оказался в безвыходном положении. Если бы он не

пресек деятельность отлученного еретика, то сам очутился бы в шкуре клятвопреступника и подлежал бы высылке за пределы империи; если бы он выдал Лютера властям, то сделался бы ярым врагом рыцарей и к тому же пошел бы против своей совести. Теперь же, предоставив Лютеру тайное убежище, он одновременно обеспечил ему безопасность и сам оказался вроде бы ни при чем.

Похитители скрывались в лесу до глубокой ночи. Лишь когда стемнело, они двинулись к Эйзенаху, а оттуда поскакали в Вартбург — крепость, принадлежавшую курфюрсту Саксонскому и служившую резиденцией маркграфам Тюрингии. Здесь Лютера встретил комендант крепости барон Ганс фон Берлеш, который, убедившись, что перед ним именно тот, кого он ждал, оказал гостю самый пышный прием. Лютер сменил рясу на платье рыцаря, нацепил шпагу, повесил на шею золотую цепь. Вскоре у него отросли волосы и борода. Звался он теперь юнкером Йоргом, и никто не заподозрил бы в нем беглого еретика. К нему приставили слугу, который исполнял все его поручения, а позже, когда внешность беглеца достаточно изменилась и непосредственная опасность миновала, сопровождал его во время прогулок.

Первые месяцы заточения тянулись с мучительной медлительностью. Заняться было решительно нечем, читать — кроме Библии — нечего. Он подолгу валялся в постели, предаваясь праздным мечтам. Кормили его, привыкшего к скудным монастырским трапезам, словно на убой. И не только кормили, но и поили. «Целыми днями сижу я здесь, — писал он, — ничем не занятый и пьяный [crapulosus]». У него начались нелады с пищеварением. В письмах он горько жалуется на боли в желудке и в животе, на то, как трудно дается ему верховая езда. «Сегодня всю ночь не мог заснуть... Если эти боли не прекратятся, я больше не выдержу». Он начал подозревать, что хворь наслал на него сатана, дабы помешать ему исполнить предначертанное судьбой.

Бытие определяет сознание... В июле он признавался в письме к Меланхтону: «От своего безделья я стал бесчувственным и черствым. Увы, я слишком редко молюсь. Скорбь о Божьей Церкви совсем не посещает меня, зато снедает жар непокорной плоти. Вместо огня духовного меня пожирает плотский огонь: сладострастие, леность, бездействие и дремота. Не знаю, может быть, Бог уже отвернулся от меня... За последние восемь дней я не написал ни строчки, ни разу не молился, ничего не читал, весь отдавшись во власть плотских искушений и телесного недуга». Спалатин привез ему лекарства. Физическое недомогание с их помощью удалось преодолеть, однако с моральными страданиями дело обстояло хуже. «Мне

обеспечен прекрасный уход, но я продолжаю терзаться грехом и искушениями».

Отметим, что он говорит не только об «искушениях», но и о «грехе». Значит ли это, что он все-таки поддался влечениям плоти? Но где? В своем «одиночном заключении»? Или он просто перестал сопротивляться одолевавшим его похотливым мечтам? Здесь мы должны проявить очень большую осторожность и все время помнить, что для Лютера слово «грех» имело совсем не тот смысл, который вкладываем в него мы. Шестью годами раньше, размышляя над Посланием к Римлянам, он пришел к выводу, что похоть, понимаемая как врожденное и не зависящее от воли человека желание, уже есть личный грех. Может быть, он терзался именно этим грехом? Или предчувствовал приближение своего падения? Впрочем, если он считал невольные желания уже грехом, то непонятно, чем его мог испугать настоящий, реальный грех. И почему тогда он проводил различие между грехом и искушением? В одном из писем он писал Спалатину: «Я часто оступаю, но Господь дает мне силы подняться».

Так или иначе, но в этот промежуток времени ипостась проповедника и толкователя Священного Писания отступила в его личности перед ипостасью запуганного и затравленного человека. Он чувствовал, что ступил на скользкую дорогу, которая явно вела куда-то под уклон. Где-то в глубинах сознания у него начинала брезжить мысль о принципиальном различии между искушением, которое является лишь позывом к греху, и самим грехом, который означает отказ от борьбы с искушением. Читая о жизни великих святых, он знал, что всех их искушал дьявол, заставляя испытывать совсем не свойственные им чувства и ощущения. Оказывается, даже самые верные слуги Господни познали не только искус гнева или лени, но и искус похоти. Познали, но не поддались ему, и именно поэтому Церковь называет их святыми. Они боролись с плотскими искушениями, умерщвляя собственную плоть. Когда Мартин был еще послушником в монастыре, его наставник не мог не рассказывать ему о св. Бенедикте, который бросился в колючий кустарник, или о св. Франциске, который нырнул в ледяную воду. В тот самый год, когда он впервые выступил с тезисом о бесполезности «дел», он поучал своих читателей, что потакание утробе неизбежно ведет к распадению плотских страстей: «Излишества в пище и питье суть источник склонности к распутству. Вот почему тем, кто желает служить Господу, святые отцы советуют первым делом преодолеть в себе страсть к чревоугодию. Грех сей, даже не будучи смертным, не дает душе в должной мере озаботиться богоугодными помыслами». Это весьма серьезный вопрос, суть которого можно выразить

следующим образом: в какой момент добровольный отказ от потакания чувственным желаниям становится «делом»?

Его покаянное признание в том, что он перестал молиться, свидетельствует о глубине его веры. Так же Петр, безоговорочно уверовавший в Христа, кричал ему в грохоте бури: «Господи! Спаси нас! Мы гибнем!» Оставшись один на один со своими грехами, сомнениями и страхами, он искал в душе Бога и не находил его. Вартбургский затворник как будто вновь превратился в послушника Мартина, обеспокоенного не прославлением Бога, не спасением мира, но своим собственным спасением. Облачаясь в рясу августинца и добровольно подчиняясь правилам устава, он так и не проникся ни духом монашества, ни его глубинной сущностью. И в монастырской молитве он видел прежде всего набор словесных заклинаний, подкрепленных определенным набором обязанностей, одним словом, видел в молитве дело — подобное делам, предписываемым законом Моисея. В письмах к Меланхтону и другим своим корреспондентам, в проповедях первых лет монашеской жизни он почти всегда ведет внутренний диалог с самим собой и почти никогда не обращается к Богу. Он не говорит: «Господи Боже, ниспошли мне Твою благодать!» Он говорит: «Я повторял себе: если б только я мог угодить моему Богу!» Он не говорит: «Господи Иисусе Христе, не суди меня строго!» Он говорит: «Я не знал Иисуса Христа и видел в Нем строгого судию». Сконцентрированный на себе самом, он без конца рылся в закоулках своей души, не находя в ней ничего, кроме пустоты.

Между тем монастырская традиция учила его, что молитва есть вечный союз с Христом — Икупителем, Святым Духом, Образцом. Дом Коломба Мармион, известный бенедиктинский аббат из Маредсу, живший в начале того же века, с благоговением напоминал о роли Христа в жизни каждого христианина. Это чувство, унаследованное человеком средневековья от Святых Отцов, прекрасно выразил знаменитый карфагенский епископ Киприан: «Мы следуем одним путем с Христом, мы ступаем Его стопами; Он наш вождь, Он — яркий факел, освещающий нам путь. Первооткрыватель спасения, Он ведет нас к Отцу Небесному и сулит победу всем ищущим в вере. И мы уподобимся Его славе, если во всем будем верно следовать Его примеру, если сделаемся христианами, то есть другими христами». Невозможно допустить, что его наставник не объяснял юному послушнику сущность святости, которая не сводится к аскетизму, но, как учил святой апостол Павел, имеет теологический смысл: «Не я живу, но Христос живет во мне». Если бы он сумел проникнуться духом этой традиции, его сердце наполнилось бы радостью.

Но Лютер воспринимал монашескую жизнь лишь как набор трудных и скучных обязанностей. Напрасно наставники внушали ему, что, принимая обет бедности, монах подражает Христу, не имевшему никакого имущества; принимая обет послушания, следует примеру Христа, покорно принявшему смерть. Выстраивая всю свою жизнь по этому образцу, монах стремится душой сродниться с Христом. В богослужении и постоянном размышлении над Священным Писанием он видит средство возвыситься душой до Того, кто является одновременно и Создателем души, и автором Писания. Богослужение — не дело, исполняемое монахом, но дело Божье: *opus Dei*. Увы, во время службы брат Мартин думал не о Боге, а о себе, изводя и мучая себя поиском собственной правды.

В XV и XVI веках появились книги, освещавшие традицию под новым углом зрения, говорившие о ней на новом языке. «Подражание Иисусу Христу» начиналось с евангельской цитаты: «Тот, кто следует за Мной, ступает не во мрак». Далее следовало пояснение: «Эти слова Иисуса Христа призывают нас подражать Его жизни и Его поступкам, если мы действительно хотим достичь света и избавиться от слепоты сердца». Чуть дальше говорится: «Царствие Небесное в вас самих, говорил Иисус Христос... Мужайся же, верная душа! Готовь сердце свое к приходу Жениха, жди и надейся. «Тот, кто любит Меня, сохранит Мое Слово, и Мы придем к нему и останемся с ним». Иисус Христос — вот твое богатство, и другого тебе не надо».

В 1516 году, изучая Священное Писание в поисках решения своей личной проблемы, доктор Лютер открыл для себя смысл молитвы, исполненной искренней веры и сыновнего почтения, тот самый смысл, который и является ключом ко всей монашеской жизни. В это время его отношение к монашеским обетам ничем не отличалось от традиционного. Не приходится сомневаться, что он не вычитал эту идею и не извлек ее из глубин своей памяти; он дошел до нее своим умом и дальше уже воспринимал ее как свое открытие. «Каждому позволено, — поясняет он в «Комментарии к Посланию к Римлянам», — руководствуясь любовью к Богу, принимать на себя обязательства в виде обетов. Найдется ли безумец, отрицающий право каждого человека жертвовать свою свободу другому, добровольно превращая себя в пленника? Важно лишь, чтобы мотивом служило не стремление к спасению, а жажда милосердия и свет веры...» Мартин словно спорил с самим собой времен послушничества, поняв, что тогдашние его мысли и чувства шли вразрез с истинным смыслом монашеской жизни. Чуть дальше он восклицает: «Если ты думаешь, что спасешься, только если станешь монахом, не становись им! Хорошим

монахом становятся только из любви...» Но мы знаем, что это откровение не было для него интуитивным, а явилось в результате упорного труда. За этими его словами как будто слышится отчаянный крик: «Делайте, что я вам говорю, но постарайтесь не делать того, что сам я делал!»

Оказавшись в Вартбурге в полном одиночестве, он как будто вернулся в годы своего послушничества с их страхами и сомнениями. Но теперь он обладал знанием, которому сам же учил других. Теперь он знал, что не вырвется из этого тупика, если не станет поступать так же, как до него поступали все истинные монахи: молиться и отказаться от веры в себя. Увы, за минувшие годы случилось столько всего! И он начал сомневаться в успехе начатого им дела. Вдали от князей, графов, баронов и рыцарей, вдали от друзей, которые его подталкивали и умоляли, восхваляли и превозносили, вдали от студентов, жадно ловивших каждое его слово, ему вдруг открылась вся необъятность той бездны, к которой вело его отрицание. Ему было плохо. В первые два месяца его донимал больной желудок, затем он терзался сознанием своей греховности и слабостью перед искушением. Когда наступил ноябрь, его охватили сомнения в праведности его миссии.

В это время он работал над сочинением, которое назвал «Поучение Мартина Лютера против монашеских обетов». Речь в нем шла о тех самых обетах, которые он принял сам под влиянием минутного страха, а потом расценивал как од-но из «дел»; обетах, от которых его освободило монастырское начальство накануне Аугсбургского рейхстага, так что он больше не чувствовал себя связанным ими; обетах, соблюдение которых так тяжело дается монахам, не ощущающим внутреннего призвания к монашеству. Теперь он хотел доказать их никчемность самой широкой публике. Он понимал, что стал властителем дум всей Германии, и спешил использовать своих поклонников как орудие мести. Но ведь он уже знал, что есть обеты, приносимые из чувства любви! Изучая Писание, читая о жизни монахов-праведников, он постиг истинный смысл монашеского обета. Не он ли в «Комментарии к Евангелию от Матфея» писал, не скрывая своего восхищения перед монашеским подвижничеством: «Если бы мы в трудах своих проявляли столько же усердия, сколько монахи, мы все стали бы святыми!»? Он мечтал о внутренней свободе, но обязательно ли было ради обретения этой свободы разрушать институт монашества? Стоило ли во имя своей мстительной ненависти к Риму внушать невежественной толпе идеи, которые шли вразрез с его собственными убеждениями? Или без этого можно как-нибудь обойтись? Но ведь он уже заявил, что жребий брошен. Он уже бросил в лицо легатам, императору и

всей немецкой нации: «Я не отрекусь».

И он продолжал писать свою книгу, раздираемый изнутри сомнениями и страхом. «Она дорого обошлась мне! — признавался он в письме от 28 ноября. — Чего я только не пережил и не перечувствовал, пока с превеликим трудом, без конца обращаясь к лучшим страницам Священного Писания, не сумел оправдать себя перед собственной совестью! При одной мысли о том, что я, жалкий одиночка, осмелился спорить с папой и назвал его антихристом, а епископов — апостолами антихриста, сердце мое охватывал трепет! Сколько раз я корил сам себя, сколько раз твердил про себя: неужели ты думаешь, что ты один владеешь мудростью, а все остальные ошибаются! Возможно ли, чтобы все они пребывали в извечном заблуждении? А если правы они, а не ты? Если ты увлекаешь все эти души по ложному пути? Что, если по твоей вине они заслужат проклятие в день Страшного суда?»

В эти дни ему стал являться дьявол. За время его пребывания в Вартбурге лукавый показывался ему в разных видах. Теперь он постоянно держался рядом с Мартином, без конца смущая его. «Либо я борюсь с искушениями, либо впадаю в гнев и ярость, — писал он Спалатину. — В меня вселился сатана, вернее, он поселился рядом со мной. Даже когда я совсем один, я чувствую его присутствие». Миконию он рассказывал, что дьявол являлся ему дважды, оба раза под видом бешеного пса, с явным намерением его сожрать. Матезий тут же сделал вывод, что Лютер достоин сравнения с самим Иисусом, которого в пустыне тоже искушал сатана.

В лютеранской легенде сохранился один знаменитый эпизод, служащий доказательством той ярости, с какой сатана мешал Мартину трудиться над переводом Библии. Однажды ночью, закончив работу, изгнанник протянул руку за стоящей на столе коробкой и стал посыпать еще влажный лист песком, но из коробки — о сатанинское чудо! — струей хлынули чернила, заливая написанное. Стены комнаты тут же сотряслись от чудовищного хохота. Лютер вскинул голову и сейчас же увидел скалящего зубы дьявола. Вне себя от ярости он швырнул в него чернильницей. Призрак испарился, а вместо него на стене осталось огромное чернильное пятно. Даже протестантские историки признают, что этот рассказ относится к числу позднейших легенд и не опирается ни на одно современное свидетельство, однако это ничуть не мешает не слишком добросовестным гидам на протяжении веков толпами водить паломников на поклонение историческому чернильному пятну, которое в результате их благоговейных касаний приходится регулярно подновлять. О живучести этой легенды говорит и тот факт, что аналогичным пятнам поклоняются

также в Виттенберге и в Кобурге.

В другой раз терзаемый сомнениями Лютер напишет: «Следует признать за папством и причастность к Слову Божьему, и апостольский дух. Ведь мы именно благодаря папству получили и Священное Писание, и крещение, и евхаристию, и кафедру. Не будь его, что знали бы мы обо всем этом? Значит, с ним и вера, и христианская Церковь, и Иисус Христос, и Дух Святой. Так что же я делаю, восставая против него, как ученик восстает против учителя? Вот какие мысли грызут мое сердце. Теперь я понимаю, что ошибся. Лучше бы я и не начинал! Лучше бы из моих уст не вырвалось ни одного слова! Кем надо быть, чтобы подняться против Церкви, о которой мы говорим, повторяя Символ веры: «Верую в христианскую Церковь»? Не эту ли самую Церковь представляет папство? И разве не обязан я быть ей послушным? Проклиная ее, я обрекаю себя на отлучение, на проклятье Бога и всех святых!»

Еще в монастыре, с радостью сознавая свою причастность к этой Церкви, он задумывался над причинами и истоками ереси. В 1514 году он, тогда молодой доктор богословия, набросал для своих учеников такой портрет еретика: «Ни один еретик никогда не признается в своих ошибках. С ним бесполезно спорить, его бесполезно преследовать, ибо он упрям и твердолоб. Он считает себя мудрецом, и переубедить его невозможно. Он решительно настроен против любых уступок». В 1515 году, когда он уже начал проповедовать учение, которое вскоре назовет новым, в его отношении к ереси ничего не изменилось, оно стало даже еще более непримиримым. Сила, с какой он обрушивался на ересь, словно давала ему возможность чувствовать себя среди сторонников того же лагеря, к которому принадлежала и Церковь: «Еретик, не ведающий истины и находящийся в плену иллюзий, в своей гордыне принимает за истину то, что лишь кажется ему верным. Опасная ловушка! Считая себя правым, не боясь оступиться, он уверенно шагает вперед, не слушая никаких возражений, не слушая вообще никого. С жаром защищая свои взгляды, он злится, если ему противоречат, он готов преследовать тех, кто с ним не согласен, не останавливаясь даже перед клеветой, и мечтает об их гибели. В конце концов он впадает в полное ослепление, и когда всем вокруг уже все ясно, он по-прежнему не видит ничего. Другим открывается истина, он же навсегда замыкается на своих ошибках». И дальше: «Еретики могут чувствовать себя в выгодном положении, только нападая на Церковь, выставляя ее в дурном свете, называя лживой и обманной. Они считают праведниками одних себя, а Церковь представляется им кругом неправой».

Нет, доктор Лютер отнюдь не мечтал стать еретиком. Не потому, что он

боялся отлучения, не потому, что опасался за свою репутацию, но потому, что хотел остаться верным Церкви. Но понемногу, шаг за шагом, поначалу незаметно для себя самого он вдруг оказался в том самом положении, против которого предостерегал своих учеников. Но он не желал признавать очевидного. Учение об оправдании одной верой, которое он выдвинул в своих комментариях к Писанию в 1515—1516 годах? Оно вызвано стремлением заслужить прощение грехов от самого Бога. Тезисы, вывешенные на дверях церкви в 1517 году? Он боролся против Тецеля и ему подобных, этих недостойных сынов Церкви. Его послания к папе от 1518 года? Не более чем попытка оправдаться. Как видим, он ни на минуту не допускал мысли о том, что проповедуемые им взгляды заслуживают осуждения.

Но наконец Рим провозгласил свою точку зрения: доктрина Лютера противоречит учению Церкви. Лишь тогда он понял, что стоит перед дилеммой: признать правоту Рима, то есть отречься от всего, чему он учил, или остаться при своем мнении, то есть согласиться с ролью еретика. Вот тогда он принялся лавировать, но само лавирование его объяснялось не только хитростью и двуличием, но и искренней надеждой по-прежнему считаться одним из «своих». А вдруг все как-нибудь устроится? Вдруг комиссия богословов согласится считать его учение всего только спорным? Вдруг папа решится предоставить ему некоторую свободу действий в толковании вопросов, которые даже у Отцов Церкви, как он полагал, вызывали разногласия?

Увы, грянул приговор, и ему стало ясно, что выбора не избежать. Вернуться назад? Но ведь он уже стал национальным немецким героем! Его портреты вывешивали на улицах рядом с портретами Гуттена — этого пьяницы, головореза и бабника. И, отбросив в сторону всякую осторожность, он бросился вперед. Между тем события все ускоряли свой ход, и вот он — одинокий, убитый страхом — оказался в Вартбурге, изгнанный из Церкви, изгнанный из империи. Он — еретик.

Что толку теперь лить горькие слезы, что толку предаваться отчаянию? Он дал обещание тем, кто пошел за ним, он поклялся перед всеми немцами — теми самыми немцами, о которых он меньше всего думал за последние два года, но которые теперь вошли в его судьбу столь бесповоротно, что от них уже не отделаешься, даже если захочешь. В самом деле, что могло связывать его с фон Гутгеном, с фон Зиккингеном, с фон Берлихингеном, с фон Берлешем? Поступая в университет, он вступал в великое братство гуманистов, которые узнавали друг друга повсюду, независимо от того, где жили — в Риме, Париже или Эрфурте. С тех пор он привык читать,

говорить и думать на латыни — языке великой цивилизации, проникшем в Европу в те далекие годы, когда германцы были всего лишь невежественными дикарями. Затем, став монахом ордена бл. Августина, он опять-таки приобщился к кругу избранных, заняв среди христиан, к которым принадлежал с момента крещения, почетное место защитника во всех несчастьях и утешителя во всех горестях. В этом мире ни происхождение, ни национальность не имели никакого значения, и потому он снова молился на латыни, учился на латыни, размышлял на латыни, ощущая свое единство со всеми христианами, как сегодняшними, так и вчерашними. Зачем он понадобился немцам? Почему именно его они пожелали видеть своим вождем? Как знать, не в этом ли обидном недоумении лежали корни его ненависти к Риму, его гнева против епископов, его решимости перед рейхстагом? Что ж, они все-таки сделали из него своего знаменосца, и теперь отступать было поздно.

В это время произошло событие, невольно подстегнувшее его бойцовский дух. Два саксонских священника, воспользовавшись обстановкой анархии и нестабильности, охватившей церковные круги в этой области, взяли и женились, очевидно, подыскав среди «коллег» кого-то, кто согласился благословить оба противозаконных брачных союза. Обоих арестовали: одного по приказу курфюрста Майнцского, другого по приказу герцога Саксонского. Вскоре один из бывших учеников Лютера, священник Бернард фон Фельдкирхен, несколько лет назад защитивший под его руководством весьма дерзкую диссертацию и на примере своего учителя убедившийся, что на миру и смерть красна, тоже вступил в брак, создав на торжество толпу народа. Курфюрст Майнцкий отдал приказ арестовать и этого молодожена, но курфюрст Саксонский встал на его защиту. Под влиянием Меланхтона Фельдкирхен выпустил провокационную книжонку, озаглавленную «*Apologia pro uxore ducta*», что по-немецки переводили как «Апология новобрачной», хотя более точный перевод с латыни означал «Апология моей свадьбы». Брак, говорилось в этом сочинении, является божественным правом, и нет такого закона, который запрещал бы священникам воспользоваться этим правом. Тот, кто утверждает обратное, есть лжепророк.

Поначалу новость шокировала Лютера. Все-таки его понимание сущности духовенства еще оставалось католическим. «Остерегайтесь вступать в брак, — писал он Сплатину, — ибо это ведет к терзаниям плоти». Вскоре пришла еще одна весть. Его друг Юст Йонас последовал примеру Фельдкирхена. Лютер понял, что началась эпидемия. Карлштадт решил воспользоваться случаем и устроил в Виттенбергском университете

диспут на эту тему. Изложенная им позиция представляла собой смесь новаторских и традиционных взглядов. С одной стороны, он утверждал, что человек не может чувствовать себя нормально, не имея жены и детей, и что обеты целомудрия следует разрешить лишь для тех, кому перевалило за 60 лет. С другой стороны, он же говорил, что нарушение обета целомудрия есть грех. Меланхтон, выступавший оппонентом, уклонился от обобщений и предложил рассматривать каждый случай по отдельности, признавая недействительными обеты тех, кто чувствовал себя не в силах их соблюсти.

Лютер тоже сообщил друзьям свое мнение. Он долго колебался, не зная, к кому примкнуть. Он испытывал искреннюю жалость к тем монахам и священникам, для которых искушение плотским вожделением превратилось в настоящую пытку. Но он думал и о том, что представителям новой антиримской оппозиции следует заботиться о своей репутации. Если они начнут провоцировать монахов на разврат, народ может и отвернуться от них. И он предложил аргумент, красноречиво свидетельствующий о том кризисе, который он сам переживал. Освобождение монахов от ранее данных обетов, заявлял он, приведет к тому, что они начнут терзаться угрызениями совести, и крест, который им придется отныне нести, окажется гораздо тяжелее их нынешних страданий. Впрочем, он не отрицал, что эта проблема серьезно занимала его и что он искал путей ее решения. Мало того, искомый выход, кажется, уже намечался: искать оправдания следовало не в человеческих слабостях, но в Священном Писании.

Этим поискам он отдался с жаром, и они увенчались успехом. В своей новой книге, озаглавленной «Монастырские обеты», он поясняет, что существует два вида обетов: угодные Богу и неугодные Богу. Монашеские обеты относятся ко второй категории, потому что они противоречат Слову Божьему, вере, христианской свободе; это опасное изобретение папистов, служащее источником греха, и как следствие — проявление царствования антихриста. Напротив, брак есть прямое олицетворение дороги в рай. Годом раньше Лютер поддерживал точку зрения Меланхтона, в соответствии с которой епископ имел полное право требовать от иподиаконов воздержания, однако при рукоположении в сан следовало допустить оговорку, явную или хотя бы мысленную, смысл которой сводился к следующему: «Обязуюсь хранить целомудрие в меру моих сил; если же я не смогу побороть искушения, пусть мой обет считается недействительным».

На сей раз проповеднику Слова Божьего требовалось сформулировать всеобщий закон. Он судорожно листал Новый Завет, а потом торопливо

писал строку за строкой, сам не замечая, что готовый текст изобилует противоречиями. Он как будто нарочно подставлял своим оппонентам спину, да еще сам протягивал им бич. В Священном Писании, говорит он, «нет прославления девственности», следовательно, прославляя девственность, паписты выступают против Писания. Несколько строками ниже он же пишет: «Христос провозгласил и восславил девственность и безбрачие». Читаем дальше: «Христос никому не советовал хранить девственность и блюсти безбрачие, напротив, Он отговаривал людей от этого». «Он никого не призывал и никого не поощрял к этому». Еще дальше выясняется, что Священное Писание хоть и не навязывает, но все-таки «рекомендует воздержание». А что думает по этому поводу св. Павел? «Он действительно говорит: «Хочу дать вам совет». Но еще ниже «апостол Павел никого не подталкивает (к безбрачию. — И. Г.), скорее наоборот, он советует его избегать». Одним словом, книга написана так, что абсолютно каждый найдет в ней рекомендации на свой вкус.

Находил их для себя и Лютер. Так же как «Комментарий к Посланию к Римлянам» помог ему в свое время избавиться от чувства вины, «Поучение о монашеских обетах» освобождало его от всякой ответственности перед Церковью. Оправдательный пафос этого сочинения нашел выражение в посвящении, адресованном отцу. Публично покайся перед родителем, автор заявлял, что совершил ошибку, поступив в монастырь вопреки его воле. Удалившись от мира, признавался он, он понял все ничтожество монашеской святости и готов вечно благословлять Господа, избавившего его от этого невыносимого бремени. Теперь, сообщал он старику Гансу, «моя совесть свободна». Но это было еще не все, потому что он рвался осчастливить этой свободой и других. Книга заканчивалась призывом к каждому монаху и к каждой монахине, томящимся за стенами обителей: «Яснее ясного, что обеты твои ничего не значат, они незаконны и нечестивы, ибо противны Евангелию. Уверуй же в Евангелие, забудь о своих обетах и вновь обрети христианскую свободу!»

В этот период, который можно назвать двойным испытанием — искушением грехами и поползновением дать начатому делу обратный ход, Лютер уделил особенное внимание дальнейшей разработке своей теории спасения одной верой. Вера обеспечивает спасение и не нуждается в делах, в частности в монашеских обетах. В этом же русле поиска благодати явилось на свет и его знаменитое письмо к Меланхтону от 1 августа 1521 года, в котором впервые прозвучал лозунг «*Resca fortiter*»^[19]. Незадолго до этого Меланхтон опубликовал свои «*Loci communes*» («Общие места»), в которых попытался подвести под лютеровскую доктрину бесполезности

дел не только теологическую, но и философскую базу. Любое событие предопределено, поскольку всем управляет воля Божья. Следовательно, наша воля не может быть свободной, и мы грешим потому, что не можем не грешить. Поэтому мы не только не несем никакой ответственности за дурные поступки, которые совершаем, но мы к ним вообще не причастны, ибо действуем не мы, действует Бог.

Когда Лютер ознакомился с таким научным обоснованием собственных взглядов, он пришел в полный восторг. Он послал своему ученику одобрительное письмо и, судя по всему, надеялся, что оно станет достоянием широкой гласности. «Если ты проповедуешь благодать, — говорилось в письме, — проповедуй не выдуманную, но истинную благодать; истинная же благодать не сопрягается с выдуманными грехами. Господь не спасает лжегрешников. Греши, и греши крепко, но веруй еще крепче, и возрадуйся, ибо Христос победил грех, и смерть, и весь мир». Все комментаторы сходятся во мнении, что Лютер вовсе не советовал своему корреспонденту — а через него и всем остальным людям — грешить. Допустим. Но разве результат стал другим? Смысл его поучения сводится к следующему. Пусть ты грессишь, пусть ты грессишь многократно, — не бери в голову, Бог все равно тебя простит. В психологическом плане из этого следует, что грех — не только грех вообще, но и каждый из наших конкретных грехов — неизбежен, значит, незачем ни раскаиваться в своих грехах, ни стараться исправиться. Это был самый щекотливый, самый уязвимый пункт в учении Лютера, изрядно отравивший всю атмосферу вокруг его предприятия.

Между тем крестовый поход на папизм продолжался. Следующим «выстрелом» стала небольшая книжка «*De abroganda missa privata*» («Об отмене приватной мессы»), которая в немецком издании превратилась в «Неправедность мессы». Этим сочинением Лютер отвечал Томасу Мюрнеру, специально посвятившему свой последний труд изложению католического учения о причащении. Несмотря на то, что Лютер явно сознавал собственную безнаказанность, в его книжке проскальзывают довольно странные ноты смирения. Может быть, он пытался запутать Мюрнера? Или сказались последствия внутреннего кризиса, заставлявшего его тяжело переживать свое отступничество? Так или иначе, книга отличается редкой непоследовательностью. В предисловии автор, сурово отчитав оппонентов, заявляет о своей приверженности ортодоксальному учению: «Я открываю эту книгу протестом против тех, кто с пеной у рта тщится доказать, будто бы я выступаю против церковного обычая, заветов Святых Отцов и принятого порядка». И тут же он переходит к нападкам на

католическое учение о мессе. Впрочем, особенной резкости в этих нападках нет. Напомнив читателю свой тезис о сущности духовенства, к которому может при-числить себя каждый, кто принял крещение, он осуждает только закрытую, так называемую приватную мессу, совершаемую священником со служкой, считая этот обряд «лживой выдумкой».

В это же время он закончил «Изложение Величания», изданное с посвящением младшему брату курфюрста князю Иоганну, унаследовавшему трон в 1525 году. В этой книге Лютер, практически не отступая от традиционной точки зрения, высказался по поводу католического учения о Деве Марии. Затем он выпустил сборник проповедей под общим названием «Kirchen Postille» и приступил к переводу на немецкий язык Нового Завета. Последняя работа оказалась сопряжена со множеством трудностей, но все-таки он ее завершил. Не забывая и о рыцарях, Зиккингену, которого он почтительно именовал своим другом и покровителем, он посвятил небольшую книжку об исповеди, написанную по-немецки. В ней Лютер разоблачает порочную практику исповедоваться в своих грехах священникам, подвергая свою совесть насилию ради иллюзорной надежды на помощь духовника. Поскольку все мы в равной мере духовные лица, делает вывод Лютер, давайте исповедовать друг друга.

Немало времени в этот период с осени 1521-го по весну 1522 года он уделял и продолжению полемики с оппонентами. Так, курфюрст Майнцский, судя по всему, не усвоивший уроков прошлого, выдал разрешение на торговлю индульгенциями в городе Галле, и Лютеру пришлось строго отчитать его в своем «Поклонении идолу в Галле». После этого он скрестил шпагу с еще более важным господином, а именно с королем Англии Генрихом VIII. Серьезно интересовавшийся вопросами богословия и нередко обращавшийся за помощью к Томасу Мюрнеру Генрих опубликовал «Защиту святых таинств», за что удостоился от папы звания Радетеля католической веры. Лютер ответил на это сочинение крайне резким памфлетом, направленным как против Рима, так и против автора-англичанина. Памфлет так и назывался «Книга короля Англии Генриха VIII». Король, говорилось в нем, обесчестил себя, выступив в защиту «римской блудницы». Сам Генрих — «безумец, дерьмо свинячье, дерьмо ослиное», «он пачкает своей грязью венец Царя Небесного». Этого «мошенника и лжеца», этого «карнавального шута» следует «закидать грязью и навозом». Король, по мнению Лютера, и сам ведет себя как «распоясавшаяся потаскуха». Сразу видно, что «в его жилах нет ни капли

королевской крови». Поставив короля на место, Лютер переходит к объяснению божественного происхождения своей собственной миссии: «Господь избрал меня орудием разоблачения той мерзости, которая воцарилась в святом месте. Я уверен, что мои догматы даны мне свыше... Они останутся, когда папа падет, несмотря на помощь адских врат... Господь увидит, чье учение рухнет первым, папское или Лютерово».

Этот непристойный, чтобы не сказать похабный, стиль, ставший очередным открытием Лютера (хотя отдельные его образчики он рисковал использовать и раньше), отныне воцарится в его сочинениях и будет служить ему доходчивым средством убеждения народных масс, свидетельствуя в то же время о его собственном нравственном падении. Развращенный легкой жизнью, быстро привыкший к обильным возлияниям и так же быстро отвыкший молиться, он совсем перестал следить за своей речью и как будто нарочно изощрялся в подборе самых неприличных выражений, одних ввергавших в ужас, а других заставлявших довольно хихикать. Тесное общение с развязными в поведении дворянами только способствовало тому, что этот исполненный пошлости, порой переходящий всякие границы пристойности стиль прочно вошел в его литературный обиход.

В 1520 году он избрал мишенью для своих насмешек постановление Латранского собора (1215), которое начиналось словами: «*Omnis utriusque sexus...*», то есть «каждый человек того и другого пола...». Лютер решил прочитать эту фразу в несколько ином смысле: «Каждый человек, принадлежащий к тому и другому полу одновременно». И разразился комментарием: «Гермафродитам пора покаяться в своих грехах. Папа приказывает всем христианам, женщинам и мужчинам, исповедоваться: наверное, он боится, что среди них попадают такие, кто не является ни мужчиной, ни женщиной. Исповедоваться должны и дети, если они хотят вырасти в мужчин или женщин, не то папа отрежет им кое-что важное».

15 апреля 1521 года Сорбонна выступила с осуждением его взглядов на свободу, таинства и церковную власть. Лютер ответил на критику открытым письмом, составленным в следующих выражениях: «Отлично, мои милые ослики! Вас усадят на мягкие сиденья и до отвала накормят овсянкой. Когда же в животе у вас начнет бурчать и вы приметесь выпускать ветры, то будете требовать от нас, чтобы мы ловили каждый звук, ибо это и есть символ веры». В книге «Беззаконие мессы» он называл папу «свиньей сатаны». На появление папской буллы о таинстве евхаристии (*De Coena Domini*), в которой попутно досталось гуситам и Лютеру, последний отреагировал пародией, озаглавленной «Булла Нашего

Преосвященного о жратве» (Abendfressen). В этом сочинении встречаются такие, например, пассажи: «Тех, кто умирает от страха понести наказание, хоронить надо под ветрогонную дробь!» «Это просто чудо, что папа еще не запретил портить воздух в отхожих местах!» Знаменитый гуманист Томас Мор, служивший при дворе Генриха VIII канцлером, писал, защищая своего короля: «От сочинений Лютера разит, как из отхожего места. Стоит ему открыть рот, как на читателя низвергаются потоки грязи и нечистот, — видимо, ему это приятно».

В своих ученых занятиях Лютер не забывал и о необходимости поддерживать контакты с представителями светской власти. Разумеется, князья и рыцари знали, что он жив и здоров, однако ему казалось разумным время от времени напоминать им о себе: он по-прежнему исполнен решимости играть свою роль рупора немецкой нации. В письме к одному из друзей от 19 ноября 1521 года у него проскользнула фраза, явно рассчитанная на широкую публику: «Я родился немцем. Могу ли я не служить моему народу?» В декабре, вскоре после беспорядков, вспыхнувших в Виттенберге (речь о них пойдет в следующей главе), он сочинил «Честное увещание против мятежей», в котором призывал народ вести себя тихо и не бунтовать. «Господин Простой-человек», по мнению Лютера, должен знать свое место. Борьба с папизмом, конечно, необходимо, но для этого есть «светская власть и дворянство с их авторитетом». Себе он оставлял прежнюю роль рупора, подразумевая, что власть предержащие должны ловить каждое его слово. Итак, теория двух мечей сформировалась в своем окончательном виде. На горизонте маячили контуры Kulturkampf — «культурной революции».

5.

РАЗДАВИТЬ ГАДИНУ!

(1522-1525)

Беспорядки, из-за которых Лютеру пришлось активно вмешаться в ход событий, начались в Виттенберге вскоре после завершения работы рейхстага. Управление всеми церковными делами в столице курфюршества взял в свои руки триумвират, который состоял из одноглазого августинца Габриэля Цвиллинга, предпочитавшего именовать себя на греческий манер Дидимусом (прямой перевод с немецкого его фамилии, означающей «близнец») и всей душой преданного теориям Учителя, а также Меланхтона и Карлштадта. Цвиллинг, которого уже нередко называли «вторым Лютером», первым делом заменил мессу причастием, то есть краткой формальной процедурой, предваряемой несколькими фразами, произносимыми по-немецки. Меланхтон без устали пропагандировал новое учение, а Карлштадт, впервые обративший серьезное внимание на светскую власть, предложил курфюрсту запретить служить мессу на всей территории своего государства. Последний проявил осторожность и вынес это предложение на обсуждение своих советников, которые его благополучно отвергли.

Лютер в эти дни мучился сознанием того, что столь важные события протекают без его участия. В письме к Спалатину он писал: «Я оставил поле боя, повинаясь советам друзей и вопреки собственной воле. Не думаю, чтобы это было угодно Богу». Он не очень-то доверял талантам своих последователей: будь сам он на месте, противники «услышали бы совсем другие речи». Слух о том, что Лютер недоволен мягкостью своих учеников, достиг и Виттенберга, где каждый понял, что надо усилить рвение. Особенный вой и улюлюканье поднялись против мессы, причем каждый из сторонников Лютера старался перекричать других и первым обрушить идола. Вскоре студенты, объединившиеся в отряды, под предводительством Карлштадта ворвались в приходскую церковь и выгнали из нее священников, совершавших таинство причастия. Затем они бросились к замковой церкви, но, не сумев взять ее приступом, побили все витражи. Об их «подвигах» стало известно гражданским властям, и когда студенческие банды собрались напасть на монастырь францисканцев, их разогнали силами порядка.

3 декабря вести о решительных действиях левого крыла его собственного движения дошли и до Лютера. Он понял, что больше не может оставаться в Вартбурге. Переодевшись в рыцарское платье, он сел на коня и отправился в путь. Ненадолго задержавшись в Лейпциге, вскоре он был уже у своих, свалившись на них как снег на голову. Лютер не сомневался, что именно его последние сочинения, в частности труды, направленные против монастырских обетов, мессы и Альбрехта Бранденбургского, спровоцировали отчаянные выходки против папистов. С великим удивлением он узнал, что в Виттенберге о них никто даже не слышал. Осторожный Спалатин попросту «придержал» рукописи у себя и не дал им ходу. Лютер вознегодовал. «Ваша осторожность, — писал он Спалатину, — переходит всякие границы! Я желаю видеть свои труды напечатанными! Ваше поведение приводит меня в отчаяние. Но Мысль, да будет вам известно, задушить нельзя!» Он провел в Виттенберге восемь дней, все время призывая своих товарищей к умеренности, а затем, поняв, что держать свой приезд в тайне не сможет, уехал назад, в Вартбург.

Все его советы пропали впустую, особенно после того, как в Виттенберге все-таки ознакомились с радикальными теориями, изложенными в последних трудах Реформатора. Кампанию по претворению лютеровских заветов в жизнь начал Карлштадт. В своих проповедях он требовал от священников, монахов и монахинь обязательного вступления в брак. Для пущей наглядности он разослал «государям всего мира» уведомление о собственной женитьбе. Следующее его требование касалось причащения под обоими видами. Во время праздничного богослужения в замковой церкви по случаю Рождества он, отмахнувшись от запретов курфюрста, причастил всех присутствовавших из потира. Еще дальше пошел Цвиллинг: у него вообще прихожане получали святые дары не из рук священника (зачем священник, если перед Богом все равны?), а просто передавали их друг другу. В отправлении культа наряду со взрослыми участвовали и несмышленные дети, а священники абсолютно ничем не выделялись в толпе.

Постепенно обыватели, прежде лишь наблюдавшие за происходящим со стороны, становились активными участниками событий. Дальше — больше. Монахи-августинцы, охваченные священным жаром благочестия, переколотили все статуи святых в своей церкви, содрали со стен картины, заплевали и затоптали изображенные на них лики. Вскоре к ним присоединились столь же непримиримо настроенные студенты и грозной толпой ринулись громить остальные городские церкви и часовни. Монахам объявили, что пост и воздержание отменяются. Исповедальни закрыли,

сосуды с миром перебили. Цвиллинг, ссылаясь на евангельское высказывание Христа о том, что Бог прячет истину от мудрецов и открывает ее простым душам, приказал закрыть все городские школы.

27 декабря в Виттенберг прибыли трое суконщиков из Цвиккау — города, расположенного во владениях герцога Саксонского. Их звали Клаус Шторх (он считался старшим), Томас Дрехзель и Маркус Штюбнер. Как выяснилось, они наслушались проповедей Томаса Мюнцера, вольномыслящего ученика Лютера и основателя секты анабаптистов, и пришли в полный восторг. Как и их наставник, они учили, что крещение в детском возрасте не может считаться действительным, потому что силу таинству придает только вера, и, следовательно, все взрослые должны еще раз пройти через обряд крещения (отсюда название секты^[20]). Далее они заявляли, что Церковь должна целиком переместиться в область духа и избавиться от всех бесполезных внешних атрибутов; поскольку же священники и монахи представляют Церковь, узурпировавшую чужие права, их следует уничтожить физически. Такой же нечестивой и незаконной является и светская власть, поэтому ей не только не нужно повиноваться, но надо по возможности убивать ее представителей. В Цвиккау проповеди Мюнцера привлекли к нему такое огромное число сторонников, что он выбрал из них 12 человек в качестве апостолов и еще 72 в качестве учеников и отправил их обращать в свою веру остальное население Германии. Одним из учеников и был Шторх. Когда активность Мюнцера достигла опасных пределов, местные власти выслали его из города, на что население ответило восстанием. Бунт подавили, и его вдохновителям пришлось скрываться. Так Шторх с двумя товарищами оказался в Виттенберге.

Курфюрст колебался. С одной стороны, вновь прибывших ему горячо рекомендовал Меланхтон, тепло встречавший любого, кто мог вести с ним беседы на отвлеченные темы, а уж Шторха с компанией и подавно, — ведь они рассуждали почти как Лютер. С другой стороны, он получил письменное предостережение от герцога Георга, который рассказал ему о бесчинствах беглых сторонников Мюнцера на своей территории, а заодно и строго отчитал его самого за покровительство, оказываемое Лютеру. Ведь всем известно, что именно от Лютера — врага мессы, духовенства и монастырской жизни — Мюнцер нахватался своих идей. Сообщили о прибывших и Лютеру, и он сейчас же написал Меланхтону письмо, в котором на чем свет клял его за радушный прием беглецов из Цвиккау. Как смели эти людишки претендовать на звание носителей новой истины? Разве они испытали и пережили все, что пережил и испытал Лютер? Что

они знали о душевных муках, о страхах и искушениях? Ах, они видели вещие сны?! И на этом зыбком основании собирались строить свои пророчества? Что же касается крещения, то тут и спорить нечего. По этому вопросу следует придерживаться церковного обычая, потому что таинство крещения восходит ко временам первохристианства.

Из разных источников до Лютера доходили слухи, что Карлштадт подозрительно быстро нашел общий язык со вновь прибывшими, такими же агрессивными иконоборцами, как он сам. Партия сторонников жестких мер существенно укрепила свои позиции, к ней во множестве присоединялись студенты. Другая их часть спешно покидала университет, в котором вся учеба свелась к изредка устраиваемым богословским диспутам. Курфюрст совершенно потерял голову. Как во всех этих людях узнать истинных посланцев Божьих? «Я уже ничего не понимаю, — сокрушался он, — и совершенно запутался, кто тут повар, а кто виночерпий». В Вартбурге Лютер в нетерпении грыз удила. Ну почему он не там, не в своем городе? Он отправил своим послание, в котором упрашивал их не доверять чужакам и не забывать ради них собственного дела. Одновременно он умолял курфюрста не поддаваться на уговоры всех этих неизвестно откуда взявшихся крикунов.

Наконец, решение созрело: он едет. Он не может ждать, пока там, в Виттенберге, извращают дело его жизни! Это призыв Господа, и ослушаться нельзя. 1 марта 1522 года, снова облачившись в рыцарский наряд и прихватив с собой слугу, он отправился в путь с твердым намерением никогда больше не возвращаться в свою тюрьму. 5 марта, остановившись в Борне, он отправил еще одно письмо Фридриху, ставя его в известность о своем приезде, разделяя с ним горечь тревоги из-за случившихся беспорядков, но главным образом стараясь рассеять уже начавший циркулировать по всей Саксонии слух, что беспорядки эти произошли по его, Лютера, вине. Но разве мог он быть их причиной, если действовал по воле свыше?! «Не от людей получил я Евангелие, — писал он, — но прямо с Небес, от Господа нашего Иисуса Христа». Теперь он уже жалел, что из скромности сразу не присвоил себе звания Евангелиста. Он поскромничал, а теперь из-за его излишней кротости другие издеваются над Евангелием! Но ничего, лучше поздно, чем никогда!

Между тем Лютер не мог не знать, что его возвращение в Виттенберг сулило курфюрсту крупные неприятности. И папа, и император, и епископы, и князья (Георг Саксонский первый!), недовольные его поведением, вполне могли предъявить ему свой ультиматум. Город бурлил, и его приезд лишь подлил бы масла в огонь. Он решил сыграть «в

поддавки». Обращаясь к курфюрсту, он советовал ему не нарушать приказа императора и не мешать его аресту.

Целый ряд биографов квалифицируют этот поступок Лютера как героический. Но разве Лютер не знал, что в Виттенберге арест ему не грозит? Да, он во всеуслышание заявлял, что ради своего дела был бы готов пожертвовать жизнью, но, заметим, он всегда говорил об этом только в сослагательном наклонении. Он милостиво разрешил курфюрсту пропустить к себе в страну представителей императорской власти, но отнюдь не призывал его исполнить приказ императора и лично арестовать его. Мало того, он специально подчеркивал, что не станет ничего предпринимать против воли курфюрста, а если последний получит конкретное приказание, пусть обратится к нему, Лютеру, и он научит его, как выкрутиться. Он чувствовал себя в такой безопасности, что говорил Фридриху: «Я сумею защитить Ваше Высочество лучше, чем Вы сможете защитить меня». Поэтому приходится признать, что в Виттенберг Лютер ехал с тем же настроением, какое вело его в Вормс: не приносить себя в жертву, но утверждать свою власть.

6 марта он въехал в Виттенберг. Курфюрста в городе не было, он отбыл в свою резиденцию в Лохау. Лютера встретил юридический советник Фридриха Иероним Шурф, который потребовал от него еще одного письма, снимавшего с курфюрста всякую ответственность. Лютер такое письмо написал, признаваясь, что приехал в город вопреки воле государя. Изложил он и причины, делавшие его появление в Виттенберге необходимым. Таких причин оказалось три. Во-первых, он не мог не ответить на призыв «Виттенбергской церкви»; во-вторых, он чувствовал ответственность за тех христиан, которым начал проповедовать Евангелие и которых считал отныне своей паствой; в-третьих, смута, вспыхнувшая в Виттенберге, вполне могла перекинуться на всю Германию, следовательно, требовалось срочно навести порядок и затушить разгорающийся пожар. Итак, Лютер снял с Фридриха все подозрения в пособничестве и вдобавок убедился, что город настроен к нему более чем благосклонно (что автоматически делало проблематичным любое вмешательство светских властей), наконец, он дал понять, что его присутствие в Виттенберге поможет навести здесь порядок.

Следующие восемь дней Лютер посвятил публичным проповедям, которые читал по-немецки. Очень скоро эти выступления вышли в виде книги под названием «Восемь проповедей, прочитанных в Виттенберге во время Великого поста». Как он и обещал, ему действительно удалось положить конец самым жестоким бесчинствам и вселить в окружающих надежду, что дальше дела пойдут еще лучше. Да, мессу надо запретить,

взывал Лютер, но зачем же подвергать насилию священников? Да, обет безбрачия кощунствен по самой своей сути, но разве это означает, что церковников надо силой тащить под венец? Да, изображения Христа и святых оскорбляют чистоту веры, но ломать и топтать их все-таки нехорошо. Что касается исповеди, то, поскольку общепризнано, что она служит важным источником утешения для верующих (в чем сам Лютер неоднократно имел возможность убедиться), то исповедь можно оставить, только отстранив от участия в ней священников: пусть христиане исповедуют друг друга. Таким образом, выступая в Виттенберге, Лютер предстал перед лицом всей Германии в ореоле миротворца, в то же время ни на йоту не отступив от своей главной цели — разрушения католицизма. Он немедленно развил наметившийся успех и изгнал из города анабаптистов как зачинщиков смуты, тем самым подорвав авторитет слишком тесно сошедшегося с ними Карлштадта. Последнему пришлось укрыться в деревне.

Затем, рассудив, что в Виттенберге помощники справятся и без него, он отправился проповедовать по другим немецким городам. По землям герцогства Саксонского он передвигался переодетым, останавливался в городах Цвиккау, Альтенбурге, Борне, Эрфурте, Веймаре. Он уже давно перестал быть одиночкой-проповедником. С ним теперь работала спаянная «команда» единомышленников, полная решимости нанести последний удар папизму. Особенным рвением отличались его бывшие ученики и молодые августинцы из Виттенбергского монастыря, в том числе Ланг, Цвиллинг и Линк.

Чему же учили новые апостолы христианский народ? Нам нетрудно проследить за этим, потому что все выступления Лютера и большинства его последователей сейчас же появлялись в печатном виде. Прежде всего они проповедовали спасение одной верой и вытекающую из этого положения бесполезность «дел»: «Довольно того, что мы знаем Агнца, принявшего все грехи мира. Поэтому как бы мы ни грешили — пусть мы по тысяче раз в день будем предаваться распутству и совершим тысячу убийств, — ничто не отвратит нас от Него». «Христос, словно плащом, закрывает все наши самые постыдные поступки». «Тот, кто верит, что Христос уничтожил грех, сам уподобляется безгрешному Христу». «Истинные святые во Христе должны быть честными и великими грешниками и всегда носить в себе эту святость».

Нет никаких сомнений, что, провозглашая свои «успокоительные» теории, Лютер искренне стремился избавить своих «нищих духом» слушателей от тех душевных мук, которые пришлось пережить ему самому.

«Слово «Евангелие», — объяснял он, — имеет всего одно значение — Новый Завет, то есть радостный и добрый Завет, учение, открывающее нам истины, которые наполняют наши сердца блаженством. В этом учении нет и не может быть ни закона, ни завета, чего-то требующего от нас, заставляющего нас отказаться от чего бы то ни было под страхом кары и проклятия, ибо нет человека, который стал бы с удовольствием слушать такие речи... Мы нуждались в помощи, и вот Бог послал нам новое учение, в котором мы черпаем мир и утешение». Несколько позже он напишет: «Партия сделана! Христос-Победитель исполнил все, нам же не нужно делать ничего: ни заглаживать свои грехи, ни бороться с бесами, ни побеждать смерть. Все это уже излилось на землю».

Следующей темой лютеранской пропаганды стало осуждение монашеских обетов, в частности обета целомудрия. То, что давным-давно уяснили себе проводники нового учения, теперь предстояло сделать достоянием широких масс. Верить в пользу «дел» — кощунство, следовательно, наиболее кощунственны самые заметные, требующие особого усердия дела: умерщвление плоти, пощение, послушание, богослужение, акты братского милосердия. Заниматься всем перечисленным — значит не верить в Божью милость, то есть святотатствовать. Грех непобедим, ибо вождение с неумолимостью рока поселяется в каждом из нас, следовательно, обрекать себя на безбрачие, думая угодить Богу, означает заниматься самообманом и ломать комедию. Основываясь на этой идее, Лютер не жалел слов для осуждения монашеского бытия и горячо призывал всех монахов и монахинь как можно скорее освободиться от проклятия, на которое они добровольно себя обрекли. Неудивительно, что в его сознании порочность института распространялась и на вполне искренние устремления настоящих, истинных монахов. «Монаху или священнику так же невозможно быть христианином, как Христу невозможно не быть Христом!» — восклицал он в 1522 году. Немного спустя он добавлял: «Бенедиктинцы, картезианцы, августинцы, кармелиты, одним словом, все монахи обречены на проклятие; одни христиане спасутся». Спohватившись, что он перечислил не всех членов религиозных братств, он набросился и на нищенствующие ордена, по его мнению, столь же недостойные милости Неба, как и все остальные: «Августинцы, францисканцы, доминиканцы и прочие — все они утратили право именоваться учениками Христа, потому что не в Христе видят свое спасение, а совсем в другом: в своих уставах и обетах».

Монахи, как известно, бывают разные. Есть те, кто строго исполняет все предписания монашества, а есть и те, кто ими откровенно пренебрегает.

Но Лютер не считал эту разницу принципиальной и осыпал самыми страшными проклятиями и тех и других, видя в монашестве своего заклятого врага. Вторых он осуждал за несоблюдение принятых обетов, первых — за то, что эти обеты несовместимы с верой. Не имеет никакого значения, верен монах своим обетам или нет, — он виноват уже тем, что взял их на себя. Пытаясь достучаться до сердец своих слушателей, Лютер в равной мере нападал и на «хороших», и на «плохих» монахов. То он называет монахов «откормленными свиньями», «заплывшими жиром ослами, нацепившими на свои свиные головы красные и коричневые шапки» (отметим, что все паписты без исключения отождествлялись у него со «свиньями и ослами»). То он представляет их какими-то одержимыми, добровольно подвергающими себя самым страшным мукам: «Они истязают себя молитвами, постами, пением, бдениями, самобичеванием, чтением, бессонными ночами на жестком ложе. Остерегайся делать, как они, ибо все это есть великий смертный грех!» «Суровая монастырская жизнь вся состоит из постов, праздничных служб, ночевки на жестком ложе, молчания, ношения грубой одежды, бритья головы, затворничества и отказа от брака. И ничего из этого не заповедовал нам Господь!»

Впрочем, однажды эта словесная акробатика, основанная на контрасте между «плохими» и «хорошими» монахами, привела к результату, весьма неожиданному для полемиста Лютера. Некий францисканец по имени Эберлин де Гюнзбург, наслушавшись Лютера, бросил свой монастырь, присоединился к сторонникам нового учения и публично назвал основателя ордена Франциска Ассизского опасным безумцем и лгуном. Всей душой стремясь помочь своему новому вероучителю в его борьбе против монашества, он в 1523 году опубликовал книжонку, в которой намеревался разоблачить своих вчерашних собратьев по вере, францисканцев строгого устава. Однако по иронии судьбы его книга прозвучала настоящим гимном им во славу.

Каждой своей строчкой это сочинение последовательно, пункт за пунктом, опровергало стройный обвинительный приговор, вынесенный монашеству виттенбергским прокурором. «Все эти дерьмовые паршивцы (напомним, что речь идет о монахах. — И. Г.), — заявлял Лютер, — только делают вид, что лишают себя пищи и питья; на самом же деле они с утра до вечера только и делают, что набивают себе брюхо самыми изысканными яствами». А вот что пишет Эберлин: «Они часто постятся и сделали воздержание своим постоянным правилом». Те, кто проповедует целомудрие, уверял Лютер, сами его не соблюдают, и все вокруг них «запачкано скверной». Теперь послушаем Эберлина: «Они хранят

целомудрие в словах, в поступках, в самом образе жизни, и среди них едва найдется один на сотню, кто не таков» (по всей видимости, сам автор и оказался этим «сотым»), Лютер обвинял монахов в ханжестве и лицемерии: «Они хотят заставить нас восхищаться собой, ждут, чтобы мы с благоговением ахали, глядя на них: о, святость!» Эберлин свидетельствует: «Они совсем не думают о почестях... В жизни они следуют тем правилам, которым учат других». Лютер утверждал, что благодаря своим обетам они ставят себя выше окружающих. Эберлин признается: «Толпа относится к ним как к существам низшего сорта». Лютер настаивал, что все монахи алчны, корыстолюбивы, что они едят чужой хлеб и «жиреют за счет других». Эберлин констатирует: «У них нет никакого имущества, они не ищут земных богатств и никогда ничего не требуют у простых людей, радуясь добровольным пожертвованиям». Лютер уверял, что они невежественны и не знают Библии. Эберлин говорит: «Они не стремятся к высоким званиям, хотя преуспели в науках и превосходно разбираются в Священном Писании». Лютер: «Они вступают в монастырь, лишь бы не работать, и не исполняют заповедей Господних». Эберлин: «Они трудятся, стараясь отвлечь людей от порока, учат их страху перед преисподней и стремлению к Царствию Небесному».

Сам того не желая, Эберлин, этот вероотступник, не утративший искренности, набросал нам портрет монашеской добродетели. Пусть он считал ее тщетной и противоречащей основам вероучения, тем не менее его рассказ остается неоспоримым свидетельством того, что эта добродетельная жизнь действительно существовала; ведь он сам в течение долгого времени наблюдал ее изнутри и участвовал в ней. Странно другое. Почему единственный весомый аргумент в споре против Лютера оказался делом рук противника Церкви? Неужели во всей Германии, богатой блестящими умами, искренне набожными душами, убежденными в своей правоте священниками, не нашлось ни одного талантливому полемиста и бесстрашного заступника Церкви (если не считать нескольких честных богословов, выступивших в защиту своего учения с научных, теологических, позиций), который сумел бы вступить в схватку с врагом на его территории? И ведь такой воитель имел бы все шансы на красивую победу!

Да, мы знаем, что в самом начале разгоравшейся битвы против Лютера выступил монах-францисканец Томас Мюрнер, в темпераментных сочинениях которого успешно сочетались сила убеждения и легкий слог. Увы, его горячие речи не получили широкого распространения. Неужели в Германии совсем не оставалось верных католичеству издателей, которые

взяли бы на себя труд сделать эти труды достоянием общественности? Сам же брат Томас ничего не предпринимал для саморекламы: талантливый проповедник, он не владел даром пропагандиста.

Впрочем, еще один выпад против Лютера все-таки имел место, и совершил его бывший наставник и духовный учитель реформатора Иоганн фон Штаупиц. Правда, выпад этот носил слишком частный и почти стыдливый характер. Вместо того чтобы публично выступить против своего ученика, Штаупиц всего лишь написал ему личное письмо, полное робких упреков. «Прости меня, — смиренно говорил он, — если я не понимаю всего, к чему ты призываешь. Но что же сделало монашескую рясу, которую многие носят с искренней верой во Христа, столь омерзительной в твоих глазах? Увы, не приходится отрицать, что злоупотребления слишком часто омрачают любые человеческие деяния... Но стоит ли под предлогом случайного и единичного зла осуждать институт как таковой? Ты и твои Последователи готовы скопом отбросить как негодные все обеты без исключения, хотя, если разобраться, вашего осуждения заслуживают, быть может, лишь редкие единицы, а может быть, всего-навсего один-единственный человек!» Единственный человек! Все тот же «один на сотню», все та же заблудшая овца, безнадежно отбившаяся от стада... Правда, на сей раз овца обернулась волком.

Лютер поспешил объявить монахам, что им пора сделать выбор: или верность обетам, или верность Христу. Но как же быть с теми, кто не желает к нему прислушиваться? Против таких нужен новый крестовый поход! Поскольку монашество так или иначе должно исчезнуть, не имеет значения, как именно оно исчезнет, добровольно или под угрозой силы. Еще в 1521 году он призывал к разгрому культовых сооружений: «Как было бы славно снести все церкви, сломать все алтари, чтобы возвести один-единственный алтарь!» О том же самом мечтали и рыцари, не зря одновременно с Лютером писал и Зиккинген: «Если не разрушить все эти бесполезные здания, если не упразднить все монашеские ордена, то нам никогда не удастся вырвать из народного сердца ошибочное представление о вере». Но даже этого Лютеру казалось мало. Свое сочинение о монашеских обетах, написанное в том же году, он начал словами: «Всеми силами души я призываю тот день, когда все монастыри будут уничтожены, сметены и стерты с лица земли!»

К этой же идее он вернулся и в 1523 году: «Все монастыри, все кафедральные соборы, все непотребства того же рода, именуемые храмами, в обязательном порядке должны подвергнуться разрушению и опустошению». В последующие годы он вновь и вновь возвращался к этой

своей мечте, рассуждая о ней с такой страстью, что это не могло не походить на откровенный призыв к погрому: «Все монастыри должны быть разрушены до основания!» «Кафедры и монастыри надо разнести на щепки, а щепки втоптать в землю». «Если б мне удалось собрать всех францисканцев в одном доме, я с радостью поджег бы этот дом...» Но вот пожелание оборачивается приказом: «В огонь их всех!» За что же с ними так? «Они недостойны звания человека, они куда хуже свиней».

Его кровавая ненависть распространялась на все духовенство без исключения. Ясное дело, если каждый христианин сам себе священник, то для чего нужны священники? Эти наглые узурпаторы? В 1520 году, обращаясь к виттенбергским студентам-богословам, он еще держался в рамках теологии: «Вам никогда не спасти свою душу, если вы всем сердцем не отвертитесь от царства папизма. Царство папы во всем противно Царствию Христову и всей христианской жизни... Всякий, кто стремится получить священнический сан от этой Церкви, обречен на гибель — в этом или в загробном мире».

После 1521 года его наступательный пафос обретает новые формы. «Лучше всего, — пишет он, — перестать именовать этих людишек священниками, а просто назвать их бо-соголовыми и выгнать вон из страны как бесполезное отребье. Зачем нам эти постриженные, которые не являются священниками ни телом, ни духом? Чужие рты, пожирающие наш хлеб, вот кто они! Для чего нужны они нам, если мы сами священники и телом, и духом, и чем угодно! Так чего же мы ждем? Гнать их взащей, этих распутников!» Итак, к аргументам богословского характера теперь добавились аргументы националистической направленности. Все, кто носит духовный сан, паразиты и иностранцы, значит, долой их из Германии! Примерно в это же время он отзывался о представителях духовенства как о «людях, ведущих нечестивую жизнь, жиреющих за чужой счет, мечтающих о праздном существовании в роскоши и богатстве».

В своем стремлении поднять народ против духовенства он дошел и до высмеивания церковной одежды, одновременно давая понять, что кроме чисто внешних отличий от остальной массы населения в лицах духовного звания нет ничего особенного. Уставная одежда не освящается таинством, значит, внушал Лютер обывателю, напяливая на себя рясу и выбривая себе голову, церковники уподобляются паяцам, шутам гороховым. «Чем же могут они доказать нам свое священство? Тонзурой, помазанием да сутаной! Да разве трудно выбрить свинью или обтесать бесчувственное полено, а потом помазать его маслом и сверху нацепить клобук?» Приблизительно в том же духе выдержаны и дальнейшие его выступления,

вот только вместо свиньи теперь фигурирует осел (эти два образа духовенства у него взаимозаменяемы). «А вот я напялю клобук на осла, препояшу ему брюхо веревкой, выберю ему тонзуру, да и запру его в келью! И есть ему не дам, вот пусть и служит праздничную службу!»

За несколько недель до возвращения в Виттенберг он набросал для своих последователей такую программу реформ: «Мы должны устно и письменно разъяснять народу все коварство и лживость папы и папистов... Отговаривай каждого, кто решился стать священником, монахом или монахиней, от этого шага! Тех, кто уже принял сан, подбивай от него отречься! Дай нам еще два года, и ты увидишь, куда одеваются папа, кардиналы, епископы, священники, монахи, колокола, колокольни, месса, бдения, рясы, клобуки, тонзуры, уставы и правила... Все это исчезнет, как тень в ясный день». Лютер неоднократно заявлял, что он никогда не призывал к прямому уничтожению духовенства. Если он и позволял себе жестокость, настаивал он, то лишь словесную; если говорил о мече, то имел в виду меч Слова, а на самом деле всегда оставался глубоко мирным человеком. Как же расценивать приведенные выше тексты?

И ведь это еще не самые поджигательские из его выступлений, потому что нередко под видом пророческих предостережений он открыто призывал народ к топору: «Следует помнить, что восстание неизбежно. Если они, все эти кюре, монахи, епископы и прочие церковники не исправятся, то их наверняка ждет изгнание и гибель. Простой человек, возмущенный посягательствами на свое имущество, свое тело и свою душу, бесконечно подвергаемый угнетению, которое вершится с редким вероломством, более не может и не хочет терпеть подобных безобразий. И кто откажет ему в праве, когда, защищаясь, он возьмет в руки дубину или цеп?»

Что ж, крестьянам он вполне доходчиво объяснил, что любой их бунт будет не просто законным, но и богоугодным делом. Гораздо позже, на склоне дней, автор этих строк подтвердит свою однозначную приверженность решительным мерам, требуя «покончить с церковной сволочью» и «устлатъ землю их трупами».

В борьбе за это священное дело, лозунг которого — раздавим гадину! — был сформулирован лишь два века спустя, доктор Лютер довел свой полемический талант до совершенства. Еще в 1520 году он начал писать многочисленные листовки, на страничку или чуть больше, которые затем расходились по всем немецким землям, проникали в каждое сословие, не только призывая население к подрывной деятельности, но и придавая ей богословское оправдание. По возвращении в Виттенберг, где в его распоряжении имелось сразу несколько преданных ему издателей, он

сочинил целую кучу таких листовок, написанных на народном диалекте. Эти листовки, зачастую иллюстрированные гравюрами, имели самое широкое хождение, а их содержание полностью соответствовало целям разжигания воинственного настроения и вкусам публики, к которой они обращались. В качестве стилистических приемов автор использовал оскорбления и обвинения, повторы и смешные сравнения, пошлые шутки и похабные выражения, служившие для передачи богатейшей гаммы чувств, в которую входили презрение и брезгливость, возмущение и гнев, а также смиренная кротость автора, владеющего истиной. Объект нападок не менялся — папа, епископы, монахи, священники и князья, поддерживающие католицизм.

Эти послания, написанные как самим Лютером, так и его друзьями, придавали слову Реформатора, которое успело стать Божьим Словом, неоспоримый авторитет. Он выступал как Святой, как Божий посланец, как Пророк, как второй апостол Павел, как новый Илия, как Ангел Бога Живого, как Мудрейший Учитель, превзошедший всех Отцов Церкви, как Толкователь Божьего Завета. Начиная с 1520 года его изображали на портретах с сияющим нимбом над головой, с парящим над ним голубем — символом Святого Духа. Меланхтон, смешав в кучу мифологический язык с христианским, назвал его как-то «нашим Гераклом, исполненным Божественного Духа».

Порой он облакал свои обличительные речи в форму диалога, причем представителю духовенства отводилась в них роль невежественного и тщеславного болвана. В стремлении принизить значение и сущность литургии, он сочинял сатирические стихи, которые легко ложились на музыку гимнов, — тех самых гимнов, что он сам когда-то пел в церковном хоре, славя Господа. Так, вместо гимна

Христе Боже, светоч зари,
Ты, рассеявший сумрак ночи,
Свято веруем в свет, приносимый Тобой,
Славим вечную благость Твою...

теперь распевали:

О презренная ряса монаха,
Ты, прикрывшая тело ханжи,
Твердо знаем, не нити соткали тебя,

Но обман и коварная ложь...

1523 год принес Лютеру сразу два повода обогатить свою коллекцию памфлетов. В декабре предыдущего года в саксонской деревне Вальтерсдорф, близ города Фрайберга, родился теленок-урод. Простодушное народное сознание всегда придавало событиям подобного рода большое, как правило, грозное значение. Когда за комментарием обратились к астрологу, он заявил, что рождение монстра символизирует деятельность Лютера. Реформатор подхватил брошенную перчатку и выпустил книжицу с собственным толкованием происшествия. Гравюра, украшавшая издание, изображала теленка-урода в монашеской рясе. Сам Господь, пояснял автор, показывает нам, что за монашеским клобуком скрывается слугитель золотого тельца. Клобук разорван, потому что монахи сами сбились со счета, сколько у них орденов. Животное слепо — так слепы духовные учителя. У теленка нет рогов, и это значит, что Бог желает сокрушить монашескую власть. Вскоре Меланхтон припомнил, что в 1496 году в Тибре выловили еще одно чудовище, которое с помощью народной молвы вскоре превратилось в фантастическое существо с головой осла, телом женщины, одной рукой нормальной, а второй в виде слоновьего хобота. Вместо задницы у монстра оказалась заросшая бородой старческая физиономия, а вместо хвоста извивалась змея. Меланхтон ухватился за эту легенду, чтобы сделать из нее образ папы-осла. Его сочинение увидело свет в марте 1523 года и нашло восторженных почитателей по всей Германии.

За несколько месяцев до этого, в июне 1522 года, Лютер опубликовал еще более резкий пасквиль, озаглавленный «Против ложного церковного сословия папы и епископов». Как и проповеди, письма и листовки Лютера, это сочинение содержало призыв к восстанию против Церкви. Для большей убедительности автор назвал себя самого «евангелистом милостью Божьей». Для обличения духовного сословия он избрал тезис о невозможности победить в себе похоть и делал на его основании вывод о том, что безбрачие священников и монахов ведет либо к разврату, либо к соблюдению порочного в силу принудительности целомудрия. Поэтому церкви и монастыри суть «врата адовы». Они куда хуже «публичных домов, кабаков и бандитских притонов». Вот почему необходимо подвергнуть суровому наказанию каждого епископа.

Как видим, здесь снова налицо призыв к самым радикальным мерам. «Лучше всего, — утверждает он, — казнить смертью всех епископов и разрушить все церкви и монастыри». В то же самое время, избегая

обвинений в кровожадности, он подчеркивал, что не одобряет применение «меча». В другом месте он просто замечает, что если волк (читай: епископ) заберется в овчарню, его надо выгнать. «Апостол Петр называл их позором и отбросами человечества. Они погрязли в мире материальном, эти подобные животным люди, состоящие из одной плоти и чувств. Это не епископы, а жалкие куклы, безмозглые истуканы, марионетки и идиоты... Да, все епископы — волки, тираны и убийцы душ. Они апостолы антихриста...» Он уверял, что всем этим заявлениям имеются подтверждения в Священном Писании. Венцом творения стала карикатура на папский указ, озаглавленная «Булла и реформация доктора Лютера». В ней говорилось, что все, кто трудится во благо уничтожения института епископата, суть любезные сыны Христовы; те же, кто, напротив, хранит верность папе, суть слуги дьявола.

Эти выступления Лютера встретили негативный отклик даже в лагере его сторонников. Спалатин, который занимал пост исповедника при дворе курфюрста и дорожил своим теплым местечком, поспешил призвать Лютера к умеренности. Впрочем, реформатор ожидал чего-то подобного, а потому довольно решительно ответил: «Не надейся, что я стану их щадить. Если начавшийся бунт или революция сметет их, в том не будет нашей вины. Пусть сокрушаются на судьбу и собственное тиранство». Еще раз подал недовольный голос и Штаупиц. Правда, он снова обратился к Лютеру с личным письмом, но тон его заметно изменился. «Твои писания, — говорил он, — доставляют удовольствие тем, кто посещает бордели, а их чтение вызывает скандал за скандалом». «Ваши замечания, — отвечал ему Лютер, — не удивляют и не пугают меня». Другому критику, имени которого мы не знаем, он изложил свою позицию еще более резко: «Я не собираюсь ни сдаваться, ни уступать, ни выказывать покорность и сожалею лишь о том, что поступал так раньше, потому что был глуп».

Мы помним, что накануне своего триумфа в Вормсе он уже провозгласил: «Больше никогда!» Теперь, когда его уверенность в победе окрепла, он тем более не намеревался смягчать свою тактику. Каждый внутренний кризис, переживаемый Лютером, выливался у него в самые решительные поступки. Чем глубже захватывала его внутренняя неуверенность в себе, тем жестче он действовал. Вартбург стал для него слишком жестоким испытанием. «А вдруг ошибаешься ты, а не они?» Нет, Лютер не может ошибаться! Скорее ошибаются все остальные: папа, епископы, монахи, вся Церковь. Но чтобы его правда стала известной всему миру, от этих противников следует избавиться.

6.

ЛЕД ТРОНУЛСЯ (1522-1525)

Кампания, организованная столь умело и проведенная с таким энтузиазмом, не могла не принести своих плодов. Разумеется, католики оборонялись, проявляя кто талант, кто ум, кто упорство. Увы, ни один из них не сумел завладеть всеми тремя «козырями» сразу, чтобы дать достойный отпор обрушившейся на них атаке. К тому же с самого начала издатели приняли сторону нового учения. Листовки, которые в огромном количестве расходились по Германии, нравились им не только своим красноречием, но еще и тем, что служили источником постоянного дохода. Этот метод двойного убеждения в будущем использовался лютеранами еще не раз.

Вместе с тем, глядя из дня сегодняшнего, мы не можем отказать защитникам католической Церкви ни в бойцовских качествах, ни в доказательности аргументации. Одним из первых в борьбу против Лютера ринулся Иоганн Экк, клеймивший новое учение и в устных проповедях, и в печатных трудах. В 1520 году он опубликовал толстую книгу о главенстве папы, в 1522 году еще одну, о таинстве покаяния и исповеди, затем в 1523 году — о чистилище, в 1526 году — о мессе, в 1527 году — об обетах. Наконец, в 30-х годах он издал труд под названием «Послание против лютеран».

Его примеру последовали другие доминиканцы, в частности приор Кельнского монастыря Якоб Гохштратен, вернее ван Хоогштратен, поскольку он был фламандцем. Прекрасно разбираясь в творчестве бл. Августина, он атаковал Лютера именно на этом направлении, но также приводил стройную аргументацию в защиту христианской свободы и теории богоугодных дел. Внес свою лепту и Иоганн Фабер (Августинец), гуманист и друг Эразма, поначалу отнесшийся к Лютеру с симпатией, но после появления «Вавилонского пленения» превратившийся в одного из самых яростных его противников. Впоследствии за непреклонность своей позиции он решением Аугсбургского протестантского совета был изгнан за пределы страны. Преподаватель Кельнского университета Конрад Келлин также твердо отстаивал догмат о непогрешимости папы римского и кроме того реабилитировал св. Фому Аквинского, многократно поруганного Лютером; Иоганн Дитенбергер скрупулезно искал и находил в писаниях Реформатора демонический аспект. К голосу Томаса Мюрнера скоро

присоединили свои голоса его собраты по ордену Гаспар Шатцгегер, уроженец Верхней Германии, опубликовавший сразу несколько богословских трудов, Августин Альфельд, апологет римского главенства, и Конрад Клинг, чьи страстные проповеди собирали толпы слушателей в Эрфурте.

Из представителей мирского духовенства отличились декан Франкфуртского университета Кохлей, также переживший увлечение Лютером и затем решительно отмежевавшийся от него (он сменил Эмзера на должности секретаря герцога Георга Саксонского), и особенно второй Иоганн Фабер, эрудит и сторонник реформ, сменивший первоначальное восхищение лютеранским движением на гневное неприятие. Пережитое разочарование сделало из него серьезного соперника в споре с реформаторами. Ему принадлежит солидный труд под названием «Против некоторых новых доктрин Мартина Лютера» и еще более глубокое исследование, озаглавленное «Молот против лютеранской ереси». Он умер архиепископом в Вене.

Но все эти высокоученые труды, написанные на латыни, опирающиеся на стройную систему доказательств, изобилующие цитатами из Священного Писания, почти не находили читателей. Жанр, в котором они были созданы, отнюдь не принадлежал к числу популярных. Возможно, они помогли определенному числу священников и гуманистов сохранить верность католичеству, но поклонников Лютера, вступивших в стадию миссионерства и популяризаторства, они даже не задели, как не оказали и никакого влияния на толпу.

Ну а толпе стоило только показать мишень — духовенство. Ничего больше ей и не требовалось, чтобы сейчас же поверить, что священники и монахи и есть ее злейшие враги. «Священники теперь боятся даже показать тонзуру, — писал не позже 1521 года Эберлин де Гюнзбург, — так настроен против них народ. Каждую их оплошность люди готовы раздуть до невероятных размеров и без конца призывают на их головы гнев Господень. При этом все, кто нападает на священников, верят, что служат Богу». Три года спустя еще один перебежчик, на сей раз бывший бенедиктинец Бларер отмечал, что «духовенство потеряло всякий авторитет и стало объектом насмешливого презрения». Сам Лютер, подводя итог этому периоду своей жизни, не без удовольствия писал: «Человек из народа стал теперь образованным: он понимает, что духовенство не стоит ничего. Повсеместно — на стенах домов, на каждой мало-мальски пригодной доске, а недавно даже на игральные карты — ему стали показывать монахов и священников в их истинном облике, и что же? Теперь сердце его наполняется

омерзением всякий раз, когда он видит церковника или только слышит о нем».

Первыми и самыми внимательными слушателями Лютера и его друзей как раз и стали представители духовенства, вернее, той его части, которая воспринимала тонзуру как плату за безбедную жизнь, а рясу — как тяжелое бремя. Пока принадлежность к духовному сословию сулила им какие-то выгоды, они еще мирились со своим положением, но стоило им обнаружить, что носить сутану стало стыдно, а народ косится на них с подозрительным неодобрением, стоило им прознать про доктора из Виттенберга, который объявил, что ничего божественного в духовном сане нет, следовательно, нечего и мучиться угрызениями совести, стоило послушать новых реформаторов, которые на каждом углу внушали, что лучше завести жену, чем медленно сгорать на огне вождения, как они с облегчением сбросили с себя непосильную ношу, какой обернулся для них духовный сан, и с радостью набросились на все, чего раньше были лишены и чем могли наслаждаться только тайком. Учение о бесполезности «дел» они приняли с восторгом. В самом деле, зачем блюсти целомудрие, зачем проповедовать послушание, доброту, умеренность, если все это совершенно лишнее, а для спасения души достаточно одной веры?

В первую очередь эта волна захлестнула саксонских августинцев, которые имели возможность ежедневно слушать проповеди брата Мартина и которых брат Мартин — тогда приор и викарий — милостиво освободил от соблюдения привычной дисциплины. Начиная с 1521 года на арену выступил одноглазый Габриэль Цвиллинг, тень Лютера, как его называли, — тот самый Цвиллинг, которого в 1517 году выслали в Эрфурт, потому что за пять лет пребывания в монастыре Виттенберга он так и не удосужился толком разобраться, чем же должен заниматься монах. Теперь Цвиллинг, вооруженный учением Лютера, набросился на своих прежних братьев по вере. Именно он подзуживал толпу сдирать с монахов рясу, издеваться над ними на городских улицах, вынуждать их уходить из монастырей, а несогласных изгонять оттуда с позором. 28 августа 1520 года, когда в Эйслебене собрался капитул — тот самый, на котором Штаупиц сложил с себя полномочия викария епископа, — сразу 14 августинцев заявили о своем выходе из конгрегации. В их числе был и Ланг, духовник Лютера, с которым тот привык обсуждать свои искушения и призрачные видения и который соглашался с младшим коллегой, что человек имеет полное право удовлетворять все свои желания.

В марте 1522 года Лютер писал Лангу: «Я вижу, что многие из наших монахов покинули монастырь по той же самой причине, которая в свое

время их сюда и привела: из потакания своей утробе и стремления потешить свою плоть». Чуть ниже он добавлял: «Сила Слова все еще слишком слабо и незаметно влияет на нас, что немало меня удивляет. Мы все те же, какими были и раньше, — черствые, глупые, нетерпеливые, безрассудные, склонные к пьянству, ссорам и дракам». Матезий, еще одно доверенное лицо Лютера, признавался: «Те, кто поступал в монахи из желания сладко есть и не работать, теперь бросают монастыри, чтобы безнаказанно распутничать. Многие из наших своим развратным поведением и дурными поучениями заслужили репутацию блудников. С тех пор как Евангелие освободило их от папского гнета, они употребляют свою свободу во зло и ведут самую беспорядочную жизнь. Между собой они беспрестанно ссорятся, ученых книг не читают, предаются постыдным порокам, насмеваются над властями и только и знают что обличать монахов и монахинь. А народ охотно внимает им...»

8 июня 1522 года в Гримме под председательством Венцеслава Линка состоялось заседание капитула конгрегации монастырей строгого устава, в которой от устава осталось одно название. После бурных дебатов руководство конгрегации, утратившее всякий авторитет, остановилось на принятии ряда половинчатых решений. В заключительном документе капитула фигурировали в том числе и такие пассажи: «В корыстолюбии своем, взимая плату за отправление мессы, хитростью и обманом выманивая пожертвования, мы больше думаем о дележе пирога, чем о спасении души. Жизнь свою мы проводим в праздности и пьянстве, нисколько не заботясь о Священном Писании». Вот чистейший образец лютеровского стиля! Либо он сам писал текст документа, либо за ним уже успела сформироваться целая школа.

В этой связи следует выделить два факта. С одной стороны, августинцы отдали дань самокритике, признав, что прожигают свои дни в безделье и пьянстве. С другой — явственно слышен мотив самооправдания, толкающий к выводу, что в конечном итоге виноват во всем папизм. То, что до сих пор называлось платой за мессу («священник живет за счет религии»), и евангельский идеал нищенствования превратились в объект бесчестной торговли. Но и этого им показалось мало, поскольку в следующих постановлениях капитула (возможно, принятых под влиянием других религиозных деятелей) говорится о том, что «многие используют во зло христианскую свободу, позоря Христа и его Евангелие». Обратим внимание на сходство формулировок с выражениями, употребленными Лютером в его письме к Матезию.

В 1523 году Линк в свою очередь сложил с себя обязанности викария

епископа ордена августинцев строгого устава. Причиной, подтолкнувшей его к этому шагу, стало вовсе не желание последовать за Штаупицем в бенедиктинский монастырь, а... женитьба. Обряд совершил Лютер. С этого же времени он с удвоенной энергией обратился к пропаганде отказа от целомудрия. «Принять обет целомудрия, — писал он одному из священников, — значит признать, что ты не человек. Так чего же мы боимся? Смелее вперед! С твердой верой обратим свои взоры к Богу и повернемся спиной к миру с его воплями, негодованием и презрением! Что за дело нам до Содомы и Гоморры, гибнущих за нашим плечом! Хоть бы нам и вовсе не знать, что таковые есть на свете!» «Настал благословенный час, настал час спасения. Всего-то и нужно, что преодолеть краткий миг стыда, а за ним начнутся годы и годы славы и красоты. Да явит тебе Христос свою милость, дабы духом Его эти слова вошли в твое сердце и обрели в нем силу».

Итак, что же получается? Принятие обета стало признаком слабости, а его нарушение — актом мужества. Обеты оскорбительны для Бога, значит, тот, кто отрекся от данного обета, служит славе Божьей. Стоило Лютеру почувствовать в человеке, особенно занимающем важный пост, слабину, как он начинал планомерную осаду, пока не добивался своего. Так случилось с Вольфгангом Райсенбушем, настоятелем каноников св. Антония в Лихтенберге, который под давлением Лютера порвал с религией и женился на дочке портного. Рыцари Тевтонского ордена получили от него особое послание, в котором реформатор призывал их подать пример остальным религиозным братствам. Результат не замедлил сказаться. Гроссмейстер Тевтонского ордена прилюдно сорвал с себя клобук, а вскоре не только женился, но и прибрал к рукам все имущество ордена.

Недостойные своего звания священники и лишённые истинного горения монахи в массовом порядке порывали с духовным саном. Именно они, присоединившись к Реформатору, с особым усердием превозносили его учение о необходимости греха. «Все, кто хочет вести беспорядочную жизнь, — сообщал Юзинген, — вливаются в ряды евангелистов». Благодаря этим людям Лютер чувствовал себя правым в глазах широкой общественности. «Мы, проповедники, — впоследствии выскажется он, — стали еще ленивее и небрежнее, чем во времена папистского мрака и невежества. Чем тверже мы верим в свободу, завоеванную для нас Христом, тем равнодушнее и невнимательнее относимся к учению и молитве, тем реже творим добро, тем легче миримся с несправедливостью; если бы сатана не будоражил нас искушениями, гонениями со стороны врагов и презрительной неблагодарностью со стороны друзей, мы давным-

давно превратились бы в ленивых бездельников, в подлости своей неспособных ни к чему хорошему».

Как же воспринимал новых проповедников народ? «Они не желают поступиться даже грошовой выгодой во имя проповеди Святого Слова, — сетовал Лютер. — Они грабят церкви и растаскивают добро, завещанное нам нашими предками... Многие из проповедников Слова Божьего так презираемы народом, что влачат поистине нищенское существование, погибая от голода и холода». Эта картина типична для всей Саксонии, во всех уголках которой раздавались одни и те же жалобы: «Незаметные и подспудные гонения, в тысячу раз более опасные, чем открытая война, обрушились на нашу Церковь. Служители культа нищенствуют и терпят лишения, не встречая вокруг ничего, кроме презрительной ненависти».

Между тем, если верить помощнику Лютера Бугенхагену, они сами заслужили подобное отношение к себе. «Еще и сегодня, — сокрушался он в 1525 году, — многие мечтают стать евангельскими проповедниками, но из их уст ты не услышишь ничего кроме грязных ругательств в адрес монахов и священников-папистов, а также глумления по поводу пятничного поста, богослужений, украшения церквей, святой воды и прочих подобных вещей, которыми мы до сих дорожили. Зато о Евангелии от них не услышишь ни слова». Впрочем, дальше автор, нимало не заботясь о логике, сам поливает грязью папу, священников, монахов и всех христиан-папистов. Он предлагает вниманию начинающего проповедника лично составленный им перечень выражений, которые следует употреблять, говоря о духовенстве: традиционалисты, предатели, святоши, вырядившиеся в сутану, бритоголовые, писаки, играющие в четки, не расстающиеся с требником, зубрящие молитвы, римские паломники. Он не уточняет, нужно ли вываливать на слушателя весь этот ворох комплиментов одновременно или делать из него выборку сообразно обстоятельствам.

Но если адепты нового вероучения столь критически относились к своим пастырям, то как они вели себя сами? Увы, так же, с готовностью отдаваясь пороку. Начиная с 1522 года Лютер беспрестанно жалуется на моральное падение своей паствы. Получив право не соблюдать постные дни и причащаться под обоими видами, они вообще забыли, что такое пост и молитва. Он не понимал, что происходит. «Прошли те времена, когда люди, томясь под игом папства, грешили по невежеству. Почему же сегодня чем больше мы их учим, тем они делаются дурнее?» Эти людишки взяли себе за привычку «хвастаться на словах своей верой в Евангелие», «без конца рассуждать об Иисусе Христе», не понимая, что «ложная вера ведет их прямоком в ад». Но вот от третьего лица он переходит к первому: «Мы

гордимся тем, что получили Евангелие, но на самом деле помним о нем не больше, чем о каком-нибудь отрывке из Теренция или Вергилия». «Мы называем себя евангелистами потому, что причащаемся под обоими видами, не признаем образов, набиваем себе утробу мясом, забываем пост и молитву. Но творить во имя веры милосердие не желает никто!»

Но, может быть, тремя годами позже ситуация улучшилась? Отнюдь нет, если судить по гневным отзывам Лютера о состоянии его «стада», она только ухудшилась. «Среди нынешних евангелистов не найдется ни одного, кто не вел бы себя всемеро хуже, чем во времена, когда еще не стал нашим. Они крадут чужое добро, лгут, обманывают, объедаются, пьянствуют и предаются всем мыслимым порокам так, будто никогда не слыхивали Слова Божьего! Мы избавились от одного заблуждения, но на смену ему явились семь новых и злейших, которые и овладели нашей крепостью». «Слишком быстро забыли мы о горестях, которые мучили нас под гнетом папизма, когда мы тонули в потоке нелепых правил, смущающих ум и заставляющих мечтать об избавлении... Но теперь, когда Господь явил нам милость и отпустил нам все наши грехи, мы сами стали не способны простить ближнему самую пустяковую обиду, оказать ему милосердие и помочь в беде». «Мы избавились от адского искуса папизма, но не испытываем никакой благодарности и не торопимся служить Богу согласно заветам Его Евангелия». «Во времена папизма, когда нас морочили индульгенциями и паломничеством, люди проявляли больше рвения и усердия; теперь же, когда мы говорим им только об Иисусе Христе, они перестают нас слушать и заявляют, что мы повторяем одно и то же».

Итак, Германия серьезно провинилась перед Лютером и его учениками, не сумев в должной мере проникнуться светом его учения. «Если б кто-нибудь захотел изобразить нынешнюю Германию, — восклицал Реформатор в 1525 году, — ему пришлось бы придать ей черты большой свиньи». «Мы, германцы, — писал он еще несколько лет спустя, — все грешники и рабы греха; мы предаемся плотским наслаждениям и с головой окунаемся в свою свободу. Мы не желаем терпеть никакого принуждения, хотим поступать всегда так, как нам заблагорассудится, и тем самым служим дьяволу. Мы радуемся, что избавились от папы, курии и устава, но нимало не задумываемся, что нужно делать, чтобы служить Христу и избавиться от своих грехов». Или еще: «Мы, немцы, в большинстве своем такие неисправимые свиньи, что не имеем ни разума, ни морали. Когда с нами говорят о Боге, мы проявляем не больше внимания, чем зеваки, слушающие байки ярмарочного зазывалы». Он всерьез опасался, что добром все это не кончится: «Вы доиграетесь до того,

что на Германию обрушится какое-нибудь страшное бедствие. Боюсь, как бы все три кары — война, чума и голод — не постигли нас одновременно. Никто не верует в Бога, но все — крестьяне, ремесленники, дворовые люди — только и норовят обмануть ближнего и живут, повинуюсь своим страстям». «Больше всего я боюсь, что из-за нашей неблагодарности Бог в конце концов поступит с нами так же, как Он поступил с евреями».

В Виттенберге моральное разложение достигло крайних форм. Бывший студент университета грамматист Иккельзамер писал в 1524 году: «Чем ближе к Виттенбергу, тем хуже христиане». Лютер горько сетовал на распутную жизнь, которую вели студенты. Зато Эберлин фон Гюнзбург искренне радовался веселым городским нравам. «Здесь все сплошь добрые евангелисты, — восторгался он, — потому что все относятся к священникам, как к собакам». Ясно, что он подразумевает священников, сохранивших верность Церкви. Но и у остальных судьба складывалась далеко не радужно: «Можно подумать, — горевал Лютер в 1523 году, — что люди сговорились уморить голодом всех проводников Евангелия».

И жаловался не только Лютер. Его последователь Сильвий Эгран также отмечал, что учение о бесполезности «дел» превратило народ в толпу «закоренелых грешников, которые, предаваясь бесчисленным порокам, льстят себя ложной надеждой на Божью милость и благодать». Далее он добавлял: «С тех пор, как Германия обратилась в христианство, никогда еще ее народ не отличался таким невежеством, не вел себя так дурно и не заслуживал столь решительного исправления. Причина этого кроется в учении, презиравшем и отвергающем добрые дела». Меланхтон, который впоследствии разошелся с Лютером как раз по этому пункту, с 1524 года переживал такое тягостное разочарование, что подолгу сидел один взаперти, словно «разбитый параличом сапожник». Позже он признается Камерарию: «Здесь нет ни одной живой души, с которой мне было бы приятно встретиться. Все эти люди знают, по выражению Платона, лишь волчью дружбу, и обращаются друг к другу только тогда, когда им что-нибудь нужно».

В Эрфурте между тем события развивались еще драматичнее. В 1521 году Ланг, все еще не расставшийся с одеянием августинца, возглавил в городе партию сторонников Лютера. Его проповеди встретили благосклонный прием у широкой публики, в результате чего католический культ пал и здесь. Священников, рискнувших показаться на улице в сутане, толпа встречала свистом и улюлюканьем. По словам Эобана Гесса, во всем городе осталась единственная часовня, в которой за плотно закрытыми дверями тайно служили мессу. Как раз в это время Лютер и сочинил свое

хвалебное послание «К Эрфуртской Церкви». «Я еще и пальцем не успел пошевелить, чтобы сокрушить папистов, как одной силой Слова Христова они уже пали». Что ж, сам он, вполне вероятно, мог и не шевелить пальцами, зато другие вовсю шевелили руками и притом весьма активно. Он не мог об этом не знать. Не он ли в своих письмах призывал поскорее покончить с католиками: «Мы должны уничтожить это дьяволово отродье»? И его призыв не остался без ответа. Студенты и бюргеры дважды устраивали в городе погромы с грабежом в домах католических священников. Старика профессора Матернуса они просто вышвырнули из окна на мостовую, где он и убился насмерть.

Освобождение от церковной власти шло рука об руку с распространением свободы нравов. Как только сторонники Лютера заставили умолкнуть порядочных священников, защищавших добродетель и принимавших исповедь, они сейчас же утратили в глазах верующих всякое уважение. Так, Мехлер, который отрекся от духовного сана и нашел себе жену, с горечью описывал нравы, воцарившиеся в среде духовенства: «Не проходит и трех дней после того, как монах или монахиня покинет монастырь, и он уже открыто сожительствует с какой-нибудь потаскухой, а она — с каким-нибудь бродягой. О Боге они и не вспоминают. Вслед за ними так же поступают и священники, готовые связаться с первой попавшейся бабой. Месяц удовольствий пролетает быстро, а вот каяться за него потом приходится долго».

В университете курс лютеранского вероучения стал вести Генрих Эбервейн, он же Куриций Корд. «Здесь у нас, — писал он, — множество храмов, в которых звучит Слово Божье. Дай-то Бог, чтобы плоды этого просвещения были соразмерны тому восторгу, которое оно встречает в народе. Увы! Что-то я пока не вижу, чтобы хоть кто-нибудь из нас стал лучше. Перемены, конечно, имеются, и их нельзя не видеть: всеми завладели алчность и вседозволенность в утолении плотских желаний... Повсюду только и разговоров, что о женитьбе священников и монахов, против чего я, вообще-то говоря, не возражаю. Но школа наша в совершеннейшем упадке, а безнравственность студентов достигает такого размаха, какого не встретишь даже в солдатской казарме».

Чему же в такой обстановке можно научить и чему научиться? Профессора богословия, недовольные и напуганные происходящим, покидали город. Оставались лишь те, кто воспринял лютеранство. Студенты распустились. Зубрежке латыни они явно предпочитали грабежи, а философии — любовные приключения. В 1521 году в университете числилось 311 студентов; в 1522 году их стало 120; в 1523 году — 72. В

1527 году у преподавателей лютеранства осталось 14 слушателей! Гуманист Эобан Гесс, благосклонно принявший новые идеи, искренне горевал, рассуждая о судьбах науки. «Я узнал, — писал он в 1523 году пастору-реформатору Драконитесу, — что вы энергично трудитесь во славу Евангелия, и меня это весьма радует. Молю Того, чьему делу вы служите, чтобы так продолжалось и дальше. Между тем есть вещи, которые меня страшно огорчают. Я имею в виду монахов-отступников, которые под предлогом проповеди Евангелия ведут гонения на литературу. Эти люди опасны, как смертельный яд, ибо они сами не ведают, что творят. Они губят репутацию святой науки и вещают на весь мир всякую чушь, выдавая ее за высшую мудрость. Университет наш совершенно опустел, и мы сами чувствуем себя здесь изгоями. Священники и монахини без конца донимают нас, утверждая, что мы плохо учим. Не могу вам передать, как я ненавижу всех этих перебежчиков! Поистине, нет распутней куртизанки, чем бывшая монахиня».

Увы, стенания гуманиста остались втуне. Доктор Лютер уже забыл о радости познания, пережитой им в Эрфурте, и теперь охотно высмеивал университетских профессоров, а своего бывшего учителя Юзингена и вовсе назвал безумцем. Очевидно, старый богослов не проявил должного восторга перед учением питомца. В 1524 году Гесс описывал обстановку в университете в еще более мрачных тонах. «К великому своему сожалению, — обращался он к своему другу Штурцу, — я по-прежнему живу в этом гиблом месте и уже не надеюсь ни на новый расцвет науки, ни даже на простое восстановление порядка в городе. Все рушится. Несколько невежественных бродяг сумели разжечь самую яркую ненависть в душах представителей всех сословий. Если вы приедете к нам, то воочию убедитесь, что здесь творится настоящая трагедия. Я с радостью отдал бы жизнь за христианскую правду, но где взять силы и терпение, чтобы вынести беззакония, совершаемые Божьими слугами, которые жаждут одной крови и мечтают возвыситься, унижая и преследуя других? Горе тебе, о несчастный Эрфурт!» О несчастный Эобан Гесс, воскликнем мы вслед за ним. Полностью деморализованный, утративший всякую надежду на лучшее, он пристрастился к алкоголю... В 1523 году поэт писал, что его умственные способности еще не пострадали от обильных возлияний (*multus potationibus*), которым он предается. Вскоре начались нелады со здоровьем, однако от бутылки он отказаться не захотел, потому что «чувствовал на себе благодать Божью». Влияние реформаторов не прошло бесследно...

Несчастный Эрфурт! Эти слова мог бы повторить и брат Адам Горт,

настоятель эрфуртского монастыря августинцев, после бегства Линка исполнявший обязанности викария епископа конгрегации строгого устава. Он хранил непоколебимую стойкость в своей вере. После того как слабые духом или просто недостойные монахи покинули ряды конгрегации, над оставшимися сгустились тучи. Перед Гортом встал выбор: отступить от своих убеждений или покинуть город. И он уехал. Уехал и старик Юзинген, которому запретили преподавать в университете и который нашел себе приют в монастыре Вюрцбурга. Один из более молодых их братьев, Флаций Иллирик, рискнул остаться в Виттенберге. Из монастыря его выгнали, и ему пришлось влачить полуподпольное существование. Все, кто не утратил воли к сопротивлению, объединились к 1525 году вокруг доктора Конрада Клинга, убежденного францисканца, сумевшего разжечь угасший было пламень католической веры. Этот человек, которого Лютер назвал «нечестивым босоногим монахом», мог теперь проповедовать только в здании городской больницы, и слушать его стекались толпы людей. Городские власти не давали его в обиду, опасаясь народных волнений.

На остальной территории Саксонии развал общественного порядка не достиг таких масштабов, как в Эрфурте, однако падение нравов наблюдалось повсюду. Сарцерий, которого Лютер направил в Мансфельд, описывает этот город как один большой бордель. Мужчины, сообщает он, больше не желают довольствоваться одной женой и бегут из дома в поисках приключений, а брошенные жены недолго думая поступают так же. В 1522 году Лютер разрешил разводы, чтобы «дать свободу плохим мужьям и плохим женам расстаться и изменить свою судьбу». Отныне отношение супругов друг к другу стало напоминать отношение к стоптанной паре обуви: выбросил и надел новую. «Ужас берет, — докладывал Сарцерий, — когда видишь, какого размаха достигли проституция и супружеские измены; порок этот стал столь обычным делом, что кое-кто уже перестал считать его грехом... Случается даже, что один или одна сожительствует сразу с несколькими!» Так вот где истоки группового брака!

В Нюрнберге, вольном баварском городе, сторонники Лютера завладели, как и в Виттенберге, и в Эрфурте, всеми культовыми сооружениями и также подстрекали народ к выступлениям против духовенства. К чему это привело? Об этом без обиняков говорит в своем письме, написанном в 1524 году, один из «своих», Ганс Сакс: «Своим поведением вы не только не приобщаете христианские души к Слову Божьему, но прямо отвращаете от него. Своим открытым попираньем

постных дней, своими воплями и угрозами, своей похабной бранью духовенства, своими выходками, своими бесконечными ссорами, своим презрением к простым людям вы добились того, что многие христиане, встречаясь с вами на улице, от омерзения плюют вам вслед. Вы много шумите, но мало что делаете... Вы насмехаетесь над другими и расхваливаете сами себя, вы клевете на священников и оскорбляете их, а сами распутничаете напропалую, а потом удивляетесь, что люди презирают вас и ненавидят ваше учение». Похожие упреки, обращенные к единоверцам, можно встретить и в письмах других лютеран, например, Пиркгеймера, Конрада Викнера, Лазара Шпенглера.

Урбан Регий, один из проповедников нового Евангелия, писал Лютеру из Аугсбурга: «Ваши люди ведут себя здесь так грубо и так откровенно предаются плотским радостям, что можно подумать, будто Десять заповедей писаны не для них. Нет абсолютно ничего, что они считали бы для себя запретным. Доходит до того, что они готовы с чистой совестью простить себе воровство, клятвопреступление и разврат. Неужели в своем ослеплении эти несчастные глупцы думают, что Спаситель явился на землю и принял здесь крестную муку ради того, чтобы мы могли с бесстыдством тешить свои животные страсти?» Позже, получив назначение в Люнебург, он застал там примерно ту же картину: «Чем более всего озабочены ярые ревнители Христовой правды, так это личным благополучием. Один в обмен на проповедь Евангелия требует почета и высоких должностей, другой только и ищет, как бы наложить лапу на церковное имущество, и почти все норовят устроить свою жизнь так, как диктует им собственная прихоть и каприз... Поначалу и я принимал усердие этих ревностных апостолов Евангелия за чистую монету. Как и многие другие, я пал жертвой лицемерного обмана. Но теперь-то я хорошо изучил их и знаю: единственная их цель и забота — утолить свою алчность и под прикрытием Евангелия завладеть чужим добром».

О том, какие нравы воцарились в имперском Констанце после того, как и сюда проникли апостолы лютеранства, нам подробно рассказывает книга «Евангельские распутства», написанная Людвигом Гетцером, большим «экспертом» в этом вопросе, окончившим свои дни в 1529 году на плахе по обвинению в многоженстве, — у этого человека было не меньше дюжины жен. «Поистине гениальное изобретение мэтра сатаны, — восклицал он, — под предлогом проповеди Евангелия и христианского братства ловко обобрать толпу и заманить простаков в свою ловушку. И ему это в полной мере удалось, как нам показывает пример гнусного поведения тех, кто именует себя евангелистами».

О положении дел в Базеле нам сообщают различные источники, в частности, друг Цвингли швейцарец Анри Лорити Глареанус (Гларис). Поначалу он не скрывал от Цвингли своей радости по поводу того, что и в Швейцарии появились проповедники Слова Божьего, но вскоре радость сменилась разочарованием. В 1522 году он писал Миконию: «Вы и представить себе не можете, как вредят делу Лютера даже самые ревностные его сторонники. Они действуют столь непоследовательно и столь неуклюже, что создается впечатление, будто их вдохновляет гений зла». В 1524 году его мнение осталось прежним: «Я глубоко убежден, что никто не приносит большего вреда проповеди Евангелия и наукам, чем те, кто называет себя его друзьями и радателями... Впрочем, поостережемся замахиваться слишком высоко: как и раньше, никому не позволено критиковать помазанника Божия». Эти слова проникнуты горькой иронией человека, понявшего, что в «империи» Цвингли действия пасторов не подлежат обсуждению. Глареануса и в самом деле вскоре вынудили отойти в тень и освободить место более сговорчивым проповедникам.

Одной из столиц Реформации стал Страсбург. С самого начала этот город превратился в арену жестокой борьбы между разными течениями лютеранства. Сюда одновременно съехались Буцер, Капитон, Гедион, Швенкфельд, Энгельбрехт, Ламберт и Целий, и каждый из них активно использовал мощную издательскую базу, сложившуюся в Страсбурге, для пропаганды своих евангельских сочинений. Большинство текстов этих представителей первой волны Реформации увидело свет, когда период становления новой Церкви уже завершился, однако в них подробно освещаются события, имевшие место с 1522 по 1525 год. «Наши пасторы, — писал Капитон, — учат Евангелию, совершенно не заботясь о дисциплине, и, судя по всему, даже не подозревают, что дисциплина необходима и в наших церквях. Подавляющее большинство трудоемким, но полезным службам предпочитает службы легкие и удобные; есть и такие, кто христианскую свободу понимает как царство разврата. Глядя на них, можно подумать, что для утверждения евангелической церкви достаточно сбросить гнет папизма. Немало и тех, кто, видя явный упадок наших церковных институтов, начинает мечтать о восстановлении былого авторитета духовенства... Народ, охваченный моральным разложением, совершенно отвык повиноваться. Посягнув на авторитет папы, мы, похоже, пошатнули уважение к таинствам, принизили роль священничества и даже подорвали веру в Слово Божье».

Бывший францисканец из Авиньона Ламбер первое время тоже славил Реформацию, называя ее приход «счастливой порой». Однако и он открыто

жаловался Миконию: «Вся моя жизнь превратилась в боль и стон, ибо слишком мало встречаю я тех, кто евангельскую свободу использует во благо. Вместо милосердия, от которого теперь осталось одно только смутное воспоминание, между нами воцарились клевета, зависть, обман и злословие». Еще несколько лет спустя он же напишет: «Разрушили мы немало, но что мы построили? Велико число тех, кто отвернулся от заповедей Господних, а Евангелие чтит лишь в той мере, в какой находит в нем оправдание потаканию своим плотским желаниям... Кто подсчитает все зло, проникшее в нашу молодую Церковь? Кто измерит необъятность наших пороков?..»

Бывший доминиканец из Шленштадта Буцер сокрушался: «Кому еще не ясно, что наша церковь поощряет безнаказанность самых тяжких проступков? Отсутствие порядка и вседозволенность подталкивают народ, особенно молодежь, к преступлениям. От стыда и совести остались одни названия. Люди предаются всем мыслимым излишества, не испытывая при этом ни малейшего раскаяния». Позже он же: «Значительное число наших пасторов убеждены, что исполнили свой долг, осыпав оскорблениями пособников антихриста, освистав своих прежних собратьев и потратив долгие часы на споры о бесполезных предметах. В свою очередь, народ, видя перед собой такой прекрасный пример, утвердился во мнении, что истинно добродетельному христианину достаточно осыпать оскорблениями папистов, участвовать в гонениях на них и вести бесконечные разговоры о пустяках. Что же касается скромности, христианского милосердия и истинного рвения, то от всего этого не осталось и следа».

Массу документальных свидетельств об обстановке, сложившейся в первых протестантских коммунах, оставил Швенкфельд, хорошо знавший не только Страсбург, но и другие города, в которых ему довелось проповедовать. «Пивные и кабаки, — пишет он, — переполнены праздными проповедниками, вообразившими себе, что ссоры по поводу толкования Божьего Слова, крики и пьянство способствуют процветанию христианства. Судя по всему, они уверены, что образцовым евангелистом может стать каждый, кто научился поносить папу и отказался платить десятину церковникам. При этом они полагают, что Иисус Христос обязательно покроет все их грехи. Самое же ужасное в этом то, что, предаваясь беззакониям и распутству, они имеют дерзость утверждать, что никогда еще со времен апостолов христианство не пребывало в таком расцвете. Новое евангельское милосердие внушает им мысль, что любые заблуждения, любые проступки, любые беспутства позволены, потому что

за ними стоит Христос. Прикрываясь Евангелием и Словом Божьим, они готовы открыто попирать Божественный Закон и учат народ искать и находить на каждой странице Священного Писания заветы, отвращающие их от жизни вечной». Вот какой символ веры исповедуют, по его мнению, новые христиане: «Я верую всей душой. Правда, я не использую во благо ни благодеяния Христовы, ни Его утешение, ни веру, ни Евангелие; в глубине души я вовсе не люблю ни Бога, ни Сына Его единственного Иисуса Христа; я не боюсь ни Бога, ни его правды; вопреки собственной совести я упорствую в злобе, не молюсь, никому ничего не прощаю, думаю только о личном обогащении и при этом верю, что именем Иисуса Христа и ради моей веры Бог не поставит мне в вину совершенное мною зло».

Подобные заявления и протесты стекались к Лютеру со всей Германии, но он оставался к ним глух. «Никогда и ни за что я не поверну назад», — раз и навсегда решил он. Он видел собственными глазами и слышал из уст своих сподвижников, что стекавшиеся к нему новые христиане уже чувствовали себя «повязанными» общим сознанием свободы от всякой ответственности. Посещало ли его в эти годы чувство хотя бы минутного сожаления? Судя по всему, нет. Он упивался своей победой — двойной победой: над своими страхами и над папой. Все остальное не имело для него никакого значения. Он и сам прямо говорит об этом в письме к Гармуту фон Кроненбергу, написанном в 1522 году: «Господи Боже, Отче Небесный, нашли на нас испытание любой подлостью и всей мерзостью греха, но избави от ослепления и темноты».

На следующий год, оправдываясь перед потоком обвинений и упреков, он издал новую книгу, обращенную и к непокорным священникам, и к колеблющимся сторонникам, которую назвал «Новая Апология, или Ответ на смертный крик папистов». Итак, враг окончательно определен. Это не дьявол, не порок, не внутренние раздоры. Враг — это папизм. Призывая всех, кто поверил в него, объединиться и выступить единым фронтом против Рима, он надеялся преодолеть сомнения, от которых еще недостроенное здание его дела уже пошло трещинами. «Гораздо важнее, — заявлял он, — оградить мир от изощренных соблазнов бритоголового отродья, чем стремиться обратить явных грешников, язычников, турков, прелюбодеев, разбойников, воров и убийц».

Те из его последователей, в ком отвращение брало верх, не довольствовались простой критикой творившихся безобразий, а возвращались в лоно католицизма. По-разному складывались судьбы этих людей, и нам представляется любопытным проследить хотя бы за некоторыми из них. Первым из гуманистов, примкнувших к Реформации,

стал Крот Рубиан, известный как автор первой серии «Писем темных людей». Можно даже сказать, что он предвосхитил Лютера в его борьбе против Рима, потому что в то время, когда Крот издавал свои первые подстрекательские листки, брат Мартин еще внимательно разбирал со студентами Послание святого апостола Павла к Римлянам и ни малейшей враждебности к Святому престолу не демонстрировал.

В 1519 году Рубиан ознакомился с теми сочинениями Лютера, в которых уже содержался намек на будущий бунт, и прислал ему из Болоньи одобрительное письмо. В 1521 году, когда Лютер направлялся в Вормс, Крот встретил его в Эрфурте, где стал к тому времени ректором университета, и произнес в его честь торжественную речь, назвав «первым за долгие века, кто осмелился поднять меч Священного Писания против римского распутства». Получив назначение каноником в Галле, он с восторгом примкнул к движению Реформации, но очень скоро его постигло глубокое разочарование. «У нас сейчас наступило такое засилье всех видов порока, — писал он, — что невольно задаешься вопросом, могут ли люди, никогда в жизни даже не слышавшие об Иисусе Христе, вести себя дурнее». Он перечислял все пороки и безобразия, которые ему пришлось наблюдать: алчность, мошенничество, гордыня, нетерпимость, разврат, супружеские измены. «Скажите им, — продолжал он, — что те, кто с легкостью предается дурным наклонностям, никогда не обретет Царствия Небесного (так говорил еще святой апостол Павел), и вскоре вы не сможете найти ни одной живой души, готовой вас слушать... Если же и попадетсся вам случайный слушатель, то он открыто издевается над вашими словами. Здесь остался всего один грех — забыть причаститься вином».

В 1531 году он окончательно отрекся от новой веры, объяснив причину своего поступка в письме к герцогу Альбрехту Саксонскому: «Я в течение долгих лет поддерживал движение протестантов. Но когда я обнаружил, что оно противоречит само себе, распадается на множественные секты, что нет на свете вещи, которую протестанты не стремились бы облить грязью и разрушить, включая заветы апостолов, я задумался. А вдруг мы стали жертвой обмана духа злобы, который, прикрываясь Евангелием, сулил нам добро, на самом деле все глубже сталкивая нас в пучину зла? С этого самого дня я решил вернуться в Церковь, которая дала мне крещение».

Ульрих Цазий из Фрайбурга считался величайшим правоведом своего времени и поддерживал дружеские связи с Эразмом. Поначалу и он воспринял идеи Реформации с большим воодушевлением. «Все, что исходит от Лютера, — признавался он, — кажется исходящим от ангела». В 1519— 1520 годах он искренне поддерживал теорию оправдания одной

верой, а Лютера именовал «фениксом богословов и славой христианского мира». Появление двух особенно нашумевших трудов последнего — «К дворянству немецкой нации» и «Вавилонское пленение» — повергло его в болезненное изумление. Тогда он с дотошностью внимательного критика перечитал и все остальные сочинения Лютера. В результате на свет явилось его знаменитое письмо к Амерёаху, в котором он проводил параллель между Эразмом и Лютером, осыпая градом упреков того, кто еще недавно служил предметом его восхищения. Еще некоторое время спустя, когда чаша его гнева переполнилась, он выступил в университете с публичной речью, в которой назвал Лютера «основателем отвратительной секты». Свое возвращение в католичество он отметил следующим заявлением: «Я никогда не посмею оскорбить истинного Бога подозрением, что Церковь могла веками обманывать нас вопреки категорическому обещанию никогда не впасть в заблуждение». Отныне его упреки в адрес Лютера пополнились обвинением в том, что он «взбаламутил всю Германию».

В отличие от Крота и Цазия, Теобальд Герлахер, по прозвищу Билликан (уроженец Билликхейма, что в Пфальце), был не гуманистом, а церковным деятелем. Он присоединился к движению Реформации в 1522 году и одним из первых обзавелся женой. Но в конце концов и его не оставили равнодушным внутренние противоречия, которыми изобиловала доктрина новых толкователей Евангелия. Не меньше его возмущало и моральное разложение самих реформаторов. В 1525 году он писал Урбану Регию: «Вы только подумайте, как молода эта церковь и какими чудовищными безобразиями успела она запачкаться с самого своего младенчества. Да, сатана старается изо всех сил, и цель его ясна — превратить само Евангелие в орудие распространения безбожия». В 1529 году он принял окончательное решение, публично огласив его во время защиты своей докторской диссертации по богословию. В заполненном до отказа зале университета он торжественно заявил: «Что касается лютеран, цвинглиан и анабаптистов, то все они — чума, которую Бог наслал на нас за наши грехи, за жадность, безнравственное поведение и слепоту епископов, священников и прочих слуг Церкви. Я публично заявляю, что в их учении содержится и доброе начало, но под прикрытием добра в нем зародилось и продолжает развиваться бесспорное зло, отравляющее все вокруг смертельным ядом раскола».

Георг Витцель принадлежал к той же среде церковных деятелей, что и Билликан. Образование он получил в университете Виттенберга и здесь же после рукоположения в сан занял пост викария. Впоследствии он сам рассказал о том пути, который проделал в своих духовных исканиях.

Принять учение Лютера его подтолкнули два обстоятельства — «всеобщая безоговорочная поддержка» нового вероучителя и знакомство с сочинениями Эразма. Витцель согласился с теорией бесполезности добрых дел, женился и занялся проповедью нового Евангелия. Однако по мере того как постепенно эволюционировало лютеранство, его душу все чаще начали посещать сомнения. Прежде всего его возмутило явное падение нравов: «Дела шли все хуже и хуже. Порядки и обычаи новой Церкви ввергали меня в шок. Я не находил в них ничего, что способствовало бы возвышению души и располагало к благоговению перед Господом. Напротив, самые святые вещи низводились до уровня детской игры, лишались даже намека на страх, уважение и строгость... Когда же я воочию убедился в распутствах, жестокости, алчности и гордыне ее руководителей, в их бесконечных спорах и склоках, сомнения мои возросли многократно». Вторая причина его охлаждения к новому учению носила теоретический характер: «Ради нового Евангелия я оставил свою горячо любимую родину. Но чем больше я старался углубить новое учение, тем яснее сознавал всю слабость его основ. Не слишком охотно сходил я с проторенной тропы. Но изучение святоотеческих писаний снова привело меня в лоно Матери-Церкви, пусть и не очистившейся пока от всех своих ошибок». Скрепя сердце он еще какое-то время продолжал проповедь лютеранства. «Наконец Господь сдернул пелену с моих глаз, сорвал грубую корку с моего сердца, и я прозрел. Господь вызволил меня из лютеранской синагоги и показал мне ее такой, какая она есть».

Так какая же «она есть»? Суждение Витцеля абсолютно категорично: «Автор, вождь и вдохновитель всего этого дела — монах, и он подготовил его в одиночку, как свое личное дело; так же, действуя от себя, он обеспечил этому делу защиту и поддержку, дал ему ход, утверждая одно и опрокидывая другое, заменяя привычные понятия другими, а потом изменяя и их, призывая к тому, что ему казалось верным, и отрицая все, что ему не нравилось, руководствуясь исключительно собственными целями и стремлением навредить Церкви...» Какими виделись ему проводники нового учения? «Евангелие служит лишь прикрытием для всевозможных мерзостей... Поведение и нравы пасторов и их жен слишком хорошо известны всем и не нуждаются в комментариях». Особенно он настаивал на том разрушительном воздействии, какое оказал их пример на моральный климат в обществе. «Под их влиянием в людских сердцах угасли милосердие и набожность; они разрушили, извратили, уничтожили культ с его самыми трогательными обрядами, они свели на нет значение молитвы, высмеяли пост, милостыню, покаяние и милосердие. Там, где царила

добродетель, теперь властвует порок. Я уже не говорю о воспитании детей, от которого осталось только слабое воспоминание». И Витцель приходит к однозначному выводу: «Лютеранство и та мешанина, которую именуют Реформацией, не могут претендовать на звание Всемирной Церкви. Оно представляет собой самый обыкновенный раскол, подобный сотням других расколов, возникавших со времени смерти Спасителя и, так же как они, неизбежно катящийся к небытию и забвению, тогда как Божья Церковь продолжает стоять и торжествует над самыми яростными из своих врагов».

Скромный кюре Симон Штумпф познакомился с Цвингли в 1519 году и вскоре стал ревностным поклонником Лютера. В 1522 году он порвал с обетом безбрачия и занялся активной проповедью нового Евангелия на улицах Ульма. Но в один прекрасный день и он повернулся против Лютера. «Мы безмерно превозносили этого человека и оказывали ему почести, приличествующие одному лишь Богу; мы поставили выше Моисея, выше апостолов и даже выше Иисуса Христа простого монаха, который сам не способен вести себя так, как того требует его доктрина. Он оболstil и привел в волнение весь мир, но это нисколько не мешает ему спокойно спать. Из-за него стало невозможно проповедовать Слово Божье в его первоизданной чистоте. Под влиянием его писаний появилось множество лютеран, но не появилось ни одного христианина. Об учителе легко судить по его ученикам. Он вместо проповеди Царствия Небесного и заветов Сына Божьего Иисуса Христа проповедовал обмирщение; его ученики, постигшие науку Лютера, но невежественные в божественном учении, из всех сил цепляются за мирские соблазны и прихоти собственного брюха, а поиск Царствия Небесного и Божьей правды оставляют на потом».

Беат Ренан принадлежал к той же породе, что Рубиан и Цазий. По определению Деллингера, этот человек «больше всех после Рудольфа Агриколы способствовал распространению грамотности в Германии». Глубоко возмущенный возней вокруг индульгенций, он примкнул к Лютеру и поначалу открыто поддерживал новое движение. Но вскоре он переехал в свой родной город Шленштадт, сохранивший верность католичеству, и в 1525 году в письме к другу Гуммельбергу объяснил причины своего отступничества: «Этот жалкий сброд, именующий себя евангелистами, развращает народ, зовет его к бунту, грабежам и учит ненавидеть власть». Бесспорно, Церковь нуждалась в реформах, однако Лютер и его друзья не только не способствовали ее исцелению от действительных недугов, но лишь усугубляли их; вся их работа свелась к «нелепым спорам, пронизанным ненавистью и яростью, и обернулась разрушением самых достойных обычаев».

Уроженец Эльзаса гуманист Луциний (настоящее имя Отмар Нахтигаль) в 23 года уже считался одним из виднейших эрудитов своего времени. В 1521 году в предисловии к своей книге «Прогимназмата» он восхвалял Лютера и поносил его противников, называя их «болтунами, которые не боятся злословить по адресу самых достойных уважения людей». В 1522 году, служа каноником в Страсбурге, он сочинил сатиру под названием «Груний», направленную против схоластики и попутно обличающую все злоупотребления, допускаемые Церковью. Эти два произведения позволили реформаторам считать его «своим». Однако Луциний не торопился вливаться в их ряды и не скрывал принципиальных разногласий с лютеранами по ряду вопросов. Так, в 1524 году он выступил с критикой лютеровской теории бесполезности «дел»: «Чернь, введенная в заблуждение собственными дурными наклонностями и невежеством проповедников, подстрекающих ее к бунту, совершает сейчас опасную ошибку, извлекая из обращенных к себе ученых речей самый превратный, самый порочный смысл, как нельзя лучше отвечающий ее тайным устремлениям. Мало кто из них старается строить свою жизнь согласно Евангелию. Напротив, большинство пытается подладить Евангелие под свои поступки и превратить его в инструмент для удовлетворения своих желаний». Наконец в 1525 году он перешел в открытое наступление против «поверхностных ученых, погрязших в мирской суете, и бесноватых крикунов, умеющих только лаять и не имеющих права именоваться проводниками Евангелия».

Особенно типичной представляется история Виллибада Пиркхеймера, по прозвищу Ксенофон, ответившего, как и многие немцы, на призыв Лютера по чистому недоразумению. «Мы надеялись, — напишет он позже, — что настанет конец всем мерзостям, творимым Римом, всем плутням и хитростям монахов и священников, но, если верить тому, что мы видим, все стало настолько хуже, что по сравнению с распутными проповедниками нового Евангелия паписты кажутся образцом благочестия». О том, как он пришел к этому убеждению, он рассказывал своему другу Лейбу: «Поначалу дело, затеянное Лютером, казалось мне похвальным и полезным; я уверен, что ни один чистый сердцем человек не мог не страдать, видя ложь и ошибки, незаметно проникшие в христианскую религию. Я надеялся, что его учение поможет нам избавиться от всех этих недостатков. Увы! Мне пришлось пережить горчайшее разочарование! Вместо освобождения от былых заблуждений мы получили расцвет новых, несравненно более опасных, на фоне которых прежние стали казаться детскими шалостями. И тогда я дал обратный ход». Он и раньше позволял

себе критиковать, правда безрезультатно, некоторые выходки членов нового братства. «Наш друг Шенер недавно женился на молоденькой девушке. Я оставляю этому разбитому подагрой старцу право самому судить, насколько умно он поступил. Меня волнует другое. Для него и подобных ему Евангелие играет роль маскировки для удовлетворения их плотских устремлений. Но чтобы войти в Царствие Небесное, мало крикнуть: «Господи! Господи!» Нечего и говорить, что в кругах лютеран его заявления встретили самый живой отклик. «Меня обвинили в измене евангельской свободе только потому, что я не одобряю сатанинской свободы, царящей в этом стаде самок и самцов. Лютер дает полную волю своему бесстыжему языку и болтает на весь мир все, что ему взбрело в голову, так что теперь уже и не разберешь, то ли он одержим бесом, то ли просто утратил разум».

7.

ЦЕРКОВЬ ДУХА (1522-1525)

На фоне всех этих безобразий Лютеру настоятельно требовалось оправдаться как в глазах своих учеников, так и в собственных глазах. Он подошел к решению этой задачи как богослов, подчеркивая, что все наблюдаемые мерзости относятся к явлениям нравственного порядка, тогда как действительную опасность представляет лишь религиозное зло, то есть неверие. В Евангелии он прочитал: «Тот, кто уверует и примет крещение, тот спасется». Он понял этот завет так, что для спасения достаточно веры и крещения. И нечего морочить ему голову всякими банальными историями про распутство и прочие безнравственные поступки. Они не имеют никакого значения и не могут служить преградой на пути в Царствие Небесное.

«Прошу вас, — писал он в 1523 году, — четко различать учение и жизнь... Чтобы отделить учение от жизни, нужна высшая благодать». Несколькими годами позже он все еще настаивал на этом разделении, которое теперь превратилось в противопоставление: «Я часто говорил о необходимости строго различать учение и жизнь. Учение состоит в том, что я верую в Христа и ни в чем не полагаюсь на свои дела, свои страдания, свою смерть и свое служение ближнему, — все это меня совершенно не заботит... Образ жизни не столь важен, как учение, и даже если жизнь моя недостаточно чиста, мне дарует чистоту мое учение... Я живу так, как могу, но из образа моей жизни отнюдь не следует, что учение мое ложно. Вот почему судить надо не по образу жизни, который я веду, а по тому учению, которое исповедую. Жизнь свою можешь попить ногами, но учение должно достигать небесных высот!» Итак, теория оказывается важнее жизни. «Учение неизменно, оно не теряет ни своей чистоты, ни своего совершенства». Реальная жизнь не в состоянии подняться на такую высоту. К этому главному теологическому выводу он добавляет еще один, прикладной аргумент. Простые души легче поддаются внушению святых, чем грешников; поэтому лучше, если проповедовать учение станут люди, погрязшие в пороках. Тогда новообращенные пойдут за ними не из-за их личных качеств, а исключительно благодаря авторитету Божьего Слова.

Единственное, что имеет значение, это вера. Если имеешь веру, то все остальное позволено, ибо Христос своей правдой искупает все наши грехи. Вот почему не так страшны блуд, супружеская измена, пьянство или драки,

которые не затрагивают основ веры. Напротив, стараясь творить добрые дела, человек как бы признается, что уповает не на милость Божью, а на личную добродетель. Самый большой вред приносят месса, исповедь, пост, умерщвление плоти и церковная молитва, крайней формой которых является монашество, поскольку под этими занятиями подразумевается беспрестанный торг с Богом, безумная надежда на то, что на жалкие свои деяния человек может «купить» Божью благодать, которая безмерна. Своей искупительной жертвой Господь преподнес нам великий дар, ничего не требуя взамен. Вот почему Лютер так яростно боролся с монашеством, вот почему он призывал и всех остальных не жалеть сил на эту борьбу. Монахов нужно убеждать, что в монастырях им делать нечего, а если они не желают этого понимать, надо обратиться за помощью к мирянам и выгнать их из монастырей силой. Вот почему он провозгласил ненужными все церковные обряды, все обычаи благочестия — они, по его мнению, превращают религию в идолопоклонство. Вот почему он объявил крестовый поход против папы — узурпатора и святотатца, подменившего своей властью авторитет Христа и упорствующего в этой кощунственной подмене.

Посреди Вавилона, обитатели которого прислушиваются только к голосу плоти, новый Илия провозгласил Церковь Духа. Истинная Церковь не имеет ничего общего с тем учреждением, которое сформировалось под именем христианства и обросло иерархической структурой, институтами духовенства, таинств, заповедей, настроило себе церквей... Истинная Церковь невидима глазу и зиждется на душах посвященных. Между собой эти души равны, ведь Христос ничего не говорил о необходимости епископов и священников и уж, конечно, ни словом не обмолвился о существовании папы. Если у новой Церкви и есть свои пасторы, единственная задача которых заключается в проповеди Божьего Слова, то облечь их властью может только сама община. Новая Церковь — не монархия, а демократия. Именно на эту отличительную черту своей Церкви — ее невидимость — и ссылался Лютер в 1518 году, когда пытался дезавуировать процедуру отлучения. Отлучение есть орудие, которым пользуется видимое церковное сообщество, и именно поэтому оно не имеет никакого смысла, ведь истинная Церковь невидима. Чтобы стать ее членом, достаточно принять крещение.

Уже в 1520 году Лютер писал: «Как только христианин выходит из крестильной купели, он становится священником и может считаться принявшим любой духовный сан вплоть до епископского и папского». Носителем священничества становится таким образом весь Божий народ,

наделяющий кого-то из своих представителей конкретными функциями: «В случае, если христианин, подобным образом избранный священником, в дальнейшем лишается этого звания из-за допущенных злоупотреблений, то он просто становится тем, кем был раньше; стоит верующим низложить его, как он возвращается в крестьянское или бюргерское сословие, из которого вышел, и больше ничем не отличается от прочих крестьян и бюргеров, на собственном примере убедившись, что священник остается священником лишь до тех пор, пока его считает таковым община».

В 1523 году в поучении, обращенном к своим сторонникам, он уточнил теоретические обоснования этого положения: «Всякая община имеет право высказывать свое суждение об учении, а также назначать и смещать пасторов». Таким образом, он подверг сомнению не только авторитет папы, епископов и церковных богословов, но и авторитет священного собора, к которому еще недавно сам обращался через посредничество нотариуса. «Что значат эти со всех сторон несущиеся вопли: «Собор! Собор!»? Ах, Собор опирается на авторитет ученых докторов и епископов и охраняет традицию? Но кто сказал, что Слово Божье должно быть в рабстве у традиции? в рабстве у обычая? в рабстве у епископов? Никогда тому не бывать! Пусть же епископы на своих соборах и дальше болтают что хотят и переливают из пустого в порожнее!» Ученых отцов, трудящихся над определением веры, он именует узурпаторами, человекоубийцами, разбойниками, волками и отступниками.

И разве не должен свободный народ требовать восстановления своих законных прав? Те, кто его обманул, «в полной мере заслужили изгнание из рядов христианства. Их надо гнать, как гонят волков, разбойников и убийц, потому что они вопреки Слову Божьему навязали нам свои собственные догматы и захотели подчинить нас своей власти». Епископы — это «апостолы дьявола», пребывающие в «бесовской шкуре», они ничем не лучше турок и евреев, а потому им место среди собак и ослов. В 1524 году в письме к одну из друзей он излил свое возмущение перед соборами, которые «хотят решать за нас и приказывать, во что нам верить».

Но, оказывается, Церковь извратила не только религиозные догматы, но и учение о нравственности. В Церкви Духа все христиане пользуются свободой сынов Божьих, той самой христианской свободой, которую провозгласил манифест 1520 года. Церковь вообще не имеет никакого права диктовать своим верным, как себя вести, потому что подобное вмешательство означает насилие над их совестью. В этом вопросе Лютер мог ограничиться ссылкой на собственный догмат о непобедимости похоти и с откровенной насмешкой объяснить, что Церковь только зря теряет

время, пытаюсь приказать нам сделаться чистыми, отважными и добрыми, ибо в силу первородного греха мы изначально похотливы, ленивы и злы. Но он предпочел перенести дискуссию с церковной почвы на почву пелагианства. Если Церковь насилует нашу волю, заставляя исполнять предписания, без которых лучше было бы обойтись, это означает, что сама эта воля свободна. Однако Лютеру этого мало. Чтобы подчеркнуть весь вред, наносимый церковными заповедями, он пытается воспользоваться авторитетом святого апостола Павла, учившего, что с момента возвещения Евангелия человек перешел из-под власти закона под власть благодати. Таким образом, церковные пастыри, навязывающие нам те или иные законы, превышают свои полномочия.

Поэтому бессмысленно даже формулировать заповеди, диктующие образ действий человека: вера сама подскажет ему, что нужно делать. «Истинный христианин, — писал в 1521 году Лютер Бугенхагену, — не нуждается в моральных заповедях, ибо дух веры сам ведет его ко всему, что угодно Богу и чего требует братское милосердие». Мы видим, что к двум высказанным ранее аргументам против пользы «дел» добавился третий. Вначале, чтобы успокоить свою совесть, Лютер говорил: «Добродетель недостижима, следовательно, грешник ни в чем не виноват». Затем он подкрепил это психологическое доказательство богословским: «Христос искупил все наши грехи, следовательно, грешнику не о чем беспокоиться». Наконец, он лишил доверия самый источник моральных норм: «Видимая Церковь не обладает никаким авторитетом, следовательно, ее указания для нас не обязательны». Причинно-следственная связь переносится таким образом из плоскости «власть — подчинение» в плоскость «внутреннее побуждение — поступок». Дела не просто бесполезны, они порочны по своей сути, если продиктованы нашим стремлением заслужить Царствие Небесное; они достойны уважения, когда совершаются бессознательно, продиктованные верой.

Наше исследование не претендует на богословскую глубину и вовсе не ставит своей целью опровержение того или иного богословского учения. Поэтому мы не будем обсуждать, ошибался ли Лютер, отвергая пользу «дел», и если ошибался, то в чем именно. Нас интересует исключительно психологическая эволюция личности Лютера, неразрывно связанная с его богословской трактовкой греха и свободы, и нам представляется важным отметить, что и на сей раз он восстановил зависимость воли от веры. В самом деле, он не говорит, что любые дела бесполезны; он говорит, что они в некоторых случаях заслуживают одобрения, а в некоторых — осуждения. Дела приносят пользу тому, кто совершает их движимый одной верой, они

же несут вред тому, кто думает только о своем спасении. Речь, таким образом, идет о существенной разнице между двумя подходами, а вовсе не о принципиальной невозможности явления как такового. Человек совершает те или иные поступки, продиктованные либо верой, либо корыстным интересом, но в любом случае он перестает быть пассивной жертвой собственного вождения. Паписты думают как раз о спасении, значит, они и не свободны, и не искренни: «Все, что не есть вера, есть лицемерие. Даже если некто руководствуется в своей жизни заповедями Божьими, он остается всего лишь лицемером. Добрые дела, творимые плотью, еще дальше уводят нас от цели, потому что ни жизнь, ни дела, ни закон ничего в ней не значат». Восстановление в правах свободы воли понадобилось Лютеру для того, чтобы найти новый повод для обвинения своих противников, но в этом случае возникает вопрос: как следует понимать поведение проповедников и последователей нового учения, вдохновленных верой — этой матерью всех дел — и тем не менее не сумевших «произвести» на свет ничего, кроме новых и новых грехов?

Церковь Духа, она же истинная Церковь, не признает никаких учреждений; ее членов объединяет только вера — невидимая вера в невидимого Христа. Единственный свидетель этой веры и единственная связь с объектом веры — Слово Божье. Лютер уже забыл, какими кровавыми призывами дышало его послание к немецкому дворянству и христианскому народу, который он настраивал против монашества. Теперь он объявляет, что единственным оружием может служить Слово Божье. «Я осуждаю только Словом, — учит он в 1522 году. — Сражаться надо, вооружившись одним только Словом». Как богопочитание не должно сопровождаться возведением статуй и украшением стен храмов распятиями — зримыми воплощениями Бога и его избранных, так и христианский воитель не должен разрушать эти нечестивые образы — их опрокинет Слово.

О новых «видимых» руководителях Церкви, которым суждено заменить папу и епископов, Реформатор не желает ни говорить, ни слушать: с ними это будет уже совсем другая, не истинная Церковь. В 1523—1524 годах он решительно отвергал идею лютеранской Церкви: «Не в Лютера вы веруете, но в Христа, в единого Христа. Я знать не знаю, кто такой Лютер, и знать его не хочу. То, чему я учу, не от Лютера исходит, но от Христа». Но ведь для объединения верующих, для проведения обрядов нужна хоть какая-никакая организация. Хотя бы собрание высших ответственных лиц. Вот что он отвечал на эти предложения: «Мне кажется неосторожным собирать наших в собор для обсуждения единства формы

обрядов. Одна Церковь не должна в своих внешних проявлениях повторять другую».

В это же время Лютеру пришлось признать, что слева его начали обходить Мюнцер и Карлштадт с их мистицизмом. Эта пара приступила к установлению христианства, радикально очищенного от любых зримых элементов. Виттенбергский пророк давно стал казаться им чересчур умеренным. После своего публичного поражения, отодвинувшего его на вторые роли и в университете, и в герцогском городе, Карлштадт удалился в Орламюнде, где числился пастором. Здесь он зажил крестьянином, трудился в саду и вел беседы с деревенскими жителями. Из тех священников, что входили в окружение Лютера, он одним из первых нарушил обет безбрачия, доказав тем самым, что хотя бы в реальной жизни признавал важность чувственного опыта.

Его перу принадлежит множество сочинений духовного характера, главным содержанием которых стала тема вознесения души над обыденностью. Для преодоления этого мистического пути душе вообще не требуется никаких зацепок в действительности, так что даже те крохи, которые Лютер оставил от католической литургии, Карлштадт счел излишеством, Крещение? Совершенно бессмысленная процедура. Разве для того, чтобы приобщиться благодати Божьей, обязательно поливать голову водой? Причастие? Излишество. Бог не нуждается в ломте хлеба и стакане вина, чтобы доказать, что Он существует. Статуи и картины? Да это же карикатура на Бога, следовательно, их необходимо уничтожить. Церкви? Творение рук человеческих. Куда лучше собираться на природе, которая является творением рук Божьих. Университеты? Но разве Богу нужны профессора, чтобы передать нам Его науку? И разве не запретил Христос называть именем Учителя людей, навсегда осудив любые университетские звания? Пастыри? Но если Дух Святой вдохновляет верующих напрямую, то какова же их роль? Руководители? Церковь как духовная общность в них не нуждается, а всякий человеческий закон не действителен перед Божьим законом; следовательно, долг каждого христианина — отказывать в послушании гражданским властям.

Кому-то может показаться, что все это были не более чем пустые мечты переучившегося богослова, однако не стоит забывать, что в тогдашней политической и морально-нравственной обстановке, сложившейся в Германии, сочинения Карлштадта издавались большими тиражами. Картины общества, существующего без формальной организации и без законов, пленили Якоба Штрауса в Аугсбурге и Штейна в Веймаре, чьи проповеди вскоре привлекли массы последователей. Говоря

об отсутствии законов, они, разумеется, имели в виду законы, изданные людьми, поскольку Бог установил Свой закон, перед которым человеческие правовые нормы бледнеют и теряют силу. Лютер понимал, что его ученик пошел дальше него. Ссылаясь на Ветхий Завет и пример библейских патриархов, этот мистик ратовал за многоженство и, разжигая в себе чувство мести, призывал к крестовому походу против нечестивцев и распутников, окопавшихся в Виттенберге. Разве Бог не потребовал от евреев сровнять с землей города идолопоклонников? Впрочем, когда Томас Мюнцер, этот Моисей анабаптистов, начал вербовать рыцарей и крестьян в свое святое воинство, Карлштадт хоть и присоединился к нему, но лишь как истинный лютеранин, убежденный, что сражаться против неверных можно только оружием веры.

Так Лютер, едва успевший отбить атаку на правом фланге, оказался перед необходимостью защищать и левый фланг. Сам он не одобрял ни анархизма, ни уравниловки. Конечно, он тоже призывал к крестовому походу против духовенства, однако продолжал надеяться, что существующая Церковь, эта «вавилонская блудница», скончается сама собой, от излишеств и злоупотреблений, а вовсе не умрет насильственной смертью. Конечно, и он отрицал авторитет папы и епископов, однако никогда не отрицал существования особой харизмы, которая дается свыше и носителем которой, как он полагал, являлся он сам. Конечно, и он советовал подражать образцам, почерпнутым в Священном Писании, а не средневековым святым, однако никогда не забывал делать поправку на пригодность этих образцов для современности. Конечно, он никогда не спорил, что власть предержащие — те же люди из плоти и крови, однако видел, что и они могут служить Делу, как, например, курфюрст Фридрих. Что же касается толкования Ветхого Завета, то здесь он пошел дальше всех, напомнив, что ни Иосиф, ни Даниил, ни любой другой еврей никогда не соблюдали Моисеевых законов на чужбине, уважая местные обычаи; христианин же, являющийся гражданином Царствия Небесного, на земле всего лишь чужестранец, следовательно, обязан подчиняться государственным законам.

Итак, две ветви одного движения вступили между собой в борьбу. Их вдохновители при каждом удобном случае осыпали друг друга оскорблениями, к которым немцы прислушивались с особенным любопытством. Мюнцер называл Лютера «сверхъязычником и сверхмерзавцем, доктором Вра-кой, бесстыжей вавилонянкой, витгенбергским папой (это было самое обидное ругательство. — И. Г.), драконом, василиском» и одаривал прочими любезностями в том же роде.

Более сдержанный Карлштадт обличал лютеран как обманщиков, еретиков, святотатцев, пустых мечтателей, непоследовательных спорщиков и идолопоклонников. Лютера он именовал «младшим братом антихриста», «убийцей душ» и «покровителем истуканов». Лютер величал Мюнцера «аллштадтским сатаной» и «прожорливым волком», а Карлштадта — неразумным дитятей, возмутителем народного спокойствия и заоблачным мечтателем.

Вскоре Карлштадт обзавелся печатней в Иене и, следуя тактическим приемам, разработанным учителем, начал рассылать по всей стране листки обвинительного содержания. С суровой отповедью Лютеру выступил и Мюнцер, опубликовавший свой труд под названием «Как я защищаюсь от смертных из Виттенберга». «Лютер, — говорилось в этом сочинении, — осквернил весь христианский мир и украл у него Евангелие». Когда до Лютера дошли слухи о том, что страсбургские пасторы попали под сильное влияние Карлштадта, он поспешил обратиться к ним с торжественным посланием, озаглавленным «Мартин Лютер, недостойный сын Церкви и евангелист (толкователь Ветхого и Нового Завета) — возлюбленным сынам Божиим, христианам Страсбурга». Своим читателям он предлагал сравнить учение Карлштадта, все сотканное из возвышенных мечтаний, с его же образом жизни, свидетельствующим о том, что Евангелие занимает его куда меньше, чем плотские радости бытия, и, наконец, приводил в пример себя самого как «верного слугу Иисуса Христа». В начале 1525 года он выпустил еще один разгромный документ — «Против небесных пророков, по поводу образов и Причастия».

С другой стороны, убежденный, что гражданские власти должны служить Церкви, Лютер предпринял ряд попыток привлечь на свою сторону князей и не дать им переметнуться к противнику. Его пугали обращенные к рыцарям — этому классу благородных бездельников и циничных грабителей — призывы своих оппонентов разорять церкви, гнать монахов и карать «середняков», то есть тех, кто не считал себя католиком, но и не спешил вступить в их секту. Лютер решил заручиться поддержкой «своего любезного покровителя» курфюрста Фридриха. Опираясь на Писание, он доказывал ему, что императорская власть, установленная в Германии, и есть та единственная власть, которой должны подчиняться все христиане. Предостерегал он и против новоявленных пророков, указывая на недопустимость их идей и нелепость их исступленных речей. Они мечтают о бунтах, тогда как он, Лютер, уважает существующий порядок. Всякому должно быть очевидно, на ком из них Дух Божий. Они бахвалятся, что получили откровение, и исполняют миссию проводников Евангелия, да

еще уверяют, что напрямую беседуют с Богом и ангелами. Но это не может быть правдой: их выдает собственная речь, проникнутая злобой. Напротив, лютеране ведут себя образцово: «Здесь, в Виттенберге, мы учим только вере, милосердию и проповеди Креста Господня». Разумеется, нет ничего легче, чем разоблачить безнравственность новых христиан: «Они укоряют нас в том, что наша жизнь не во всем соответствует нашему же учению. Увы! Мы и сами это признаем. Но разве для того, чтобы узнать об этом, обязательно слышать небесные голоса и обладать духовным превосходством?»

Впрочем, эта жаркая оправдательная речь касалась исключительно негативной, притом внешней, стороны новой Церкви. Лютер понимал, что ему не удастся ни заткнуть глотку своим хулителям, ни переманить к себе папистов, ни убедить в своей правоте князей, если он не покажет им конкретный пример того духовного сообщества, о котором столько говорил. В 1523 году он пришел к выводу, что под мистику пора подвести фундамент реальности. Поскольку высшим авторитетом является народ, то и начать надо с небольших местных ячеек общества евангелистов. Своими планами он поделился с пражскими каликстинцами — теми самыми гуситами, которые после Базельского собора вернулись в лоно Церкви, добившись для себя уступки по вопросу причащения под обоими видами (все-таки речь шла о внешней стороне обряда и не затрагивала его догматической сущности), и которых Лютер надеялся снова рассорить с папизмом. Он рассчитывал, что члены каждого прихода образуют собственное свободное объединение, выберут себе пастора, решат, в какой форме будут принимать причастие, а в остальном станут жить без всяких регламентаций, «ведомые одним Господом». Затем он перевел эту программу на немецкий язык и разослал сначала по саксонским, а затем и по другим германским городам.

Переход от теории к практике потребовал от него конкретных действий. Родиной первой образцовой общины стал небольшой саксонский городок Лейзниц. Прихожанам местной церкви, проявившим известную благосклонность к его учению, Лютер разослал манифест, озаглавленный «Да будет христианское сообщество или коммуна вправе и во власти судить о любых учениях и ученых, назначать их и смещать. Причины и основания». Иными словами, Лютер попытался последовательно применить на практике собственный догмат о свободе выбора. Здесь же он еще раз дал свое определение сущности духовенства, подчеркнув, что оно в равной мере распространяется на всех христиан, и напомнил, что единственным авторитетным источником истины является Священное

Писание. Отныне христианам достаточно договориться о толковании Писания, и тогда они с легкостью заставят умолкнуть каждого, чьи суждения расходятся с истиной. По мысли Лютера, образцовая община должна была положить начало процессу обращения масс к новой Церкви. «Паписты, — не скупился на посулы Лютер, — отступят перед нами и подчинятся нашему Слову». Как нетрудно догадаться, затея с образцовой общиной с треском провалилась: каждый прихожанин, помня о своем праве на личное мнение, выискивал в Писании именно то, что хотел найти. Начав с бесплодных и бесконечных споров, община вскоре разделилась на противоборствующие группировки. Там, где еще недавно господствовало согласие, воцарился раскол.

Но Лютера это не обескуражило. Решив, что неудача носила случайный характер, он принялся за составление краткого словаря для нужд будущих коммун. Словарь, названный «Об организации обрядов в общине», увидел свет в 1523 году. Именно конкретному объединению людей, настаивал автор, принадлежит право определять форму культового обряда. Сам же он ограничился тем, что подсказал несколько идей. За образец следует взять божественную службу, которую практиковали во времена апостолов. Собираться нужно ежедневно, а программа должна включать общую молитву и чтение Библии. В то же время он понимал, что, действуя исключительно по собственной инициативе, члены общины рискуют либо запутаться в этих слишком туманных рекомендациях и утратить основательность, либо, наоборот, привнести в них чересчур много всяких фантазий и выставить себя в смешном свете.

И он взял на себя труд разработать точный устав, который мог бы послужить образцом для остальных общин. Устав назывался «Отправление мессы и причащение в церкви Виттенберга». Внешних различий с католической мессой было здесь немного. Священник, совершающий богослужение, облачался в белый стихарь и фелонь. Присутствующие пели поочередно входную молитву, литанию, глаорию. Затем священник читал молитву, отрывки из Посланий Апостолов и Евангелия, в промежутках между которыми исполняли гимн на ступенях амвона или пели «Аллилуйя»; наконец, пели «Верую» и выслушивали проповедь. Поскольку проскомидия и соответствующая ей часть литургии отсутствовали как ненужные (лютеране отказались от жертвенного характера мессы), священник просто пел часть литургии, предшествующую канону, а затем зачитывал из Евангелия отрывок об установлении таинства евхаристии. Молитвы, в которых содержится намек на жертвоприношение, пропускались, зато «Свят, свят, свят Господь», «Отче наш» и «Агнус-деи»

пелись безо всяких изменений. Затем следовало причащение под обоими видами, а в заключение читалось несколько молитв непосредственно по католическому требнику.

Верные ученики Лютера не скрывали своего удивления. Для чего отводить такое место божественной службе и стоит ли так широко пользоваться элементами папистского обряда, недоумевали они. Они-то думали, что все эти вещи остались далеко в прошлом. Неужели Реформатор собирается заставить их вернуться к «делам», хотя бы и в форме богослужения? Лютер успокоил их. Задуманное ими предприятие пока переживает период становления. Нельзя же так сразу от традиционной Церкви перейти к Церкви Духа, в которой от всех таинств действительно останутся только крещение и причащение. Толпа слишком привязана к внешней стороне обряда, она привыкла к песнопениям, привыкла к латыни, звучащей в стенах храма. К тому же все это явления второстепенного порядка, с которыми вполне можно мириться, не опасаясь за успех Реформации. Вера прежде всего. Дела — вторичны. Что же касается театрализованного действия под названием богослужение, то разве сыщется на свете лучший способ привлечь к новой Церкви толпы верующих? «Тот, кто не вникает в смысл проповеди, будь он итальянец, француз или испанец, — терпеливо разъяснял Лютер, — слушает звуки органа, наслаждается церковным пением и колокольным звоном, видит на священниках ризы, одним словом, не замечает ничего необычного и думает, что он находится в папистской церкви».

Меланхтон целиком одобрил эту идею. «Мир так привязан к мессе, что, кажется, невозможно отучить от нее людей». Найденное решение поражаало своей простотой. Реформаторы сохранили внешние формы божественной службы, отвергнув все фундаментальные догматы религии, а легковверные прихожане, счастливые уже тем, что им снова дали возможность ходить к мессе, пополняли ряды лютеран, даже не догадываясь об этом. Разумеется, главной целью реформаторов оставалось распространение своего учения. Во время мессы, внешне почти неотличимой от службы по римско-католическому обряду, но лишенной сакральной сути таинства, лютеранское учение медленно, но верно проникало в каждую душу. «Цель богослужения, — повторял Лютер, — состоит в том, чтобы Слово Божье явилось на смену пустому обряду, к которому мы привыкли».

Само собой разумеется, что осуществление этой цели требовало общего сбора прихожан под присмотром опытных пасторов. Больше всего мешали лютеранам католики, сохранившие верность своим священникам.

После того как антипаписты заняли одни храмы и надругались над другими, эти люди стали собираться в придомовых церквях, где кто-нибудь из монахов, каноников или кюре служил мессу без песнопений. Лютеру не терпелось покончить с этим пережитком суеверия. Вопреки собственному заявлению о терпимом отношении к «слабым духом», он направил в адрес капитула замковой церкви категорический приказ о прекращении богослужений. Католики притворились глухими. Тогда Лютер обратился к ним с официальным письмом, одновременно подбив курфюрста оказать на них давление. Потом он с кафедры замковой церкви лично огласил запрет на отправление мессы. Разжигая народный гнев, он грозно бичевал «этих прислужников вавилонской блудницы», которые осмелились продолжать свои дьявольские выходки. Постепенно последние каноники, брошенные князем и городскими властями, освистанные студентами и толпой, разбрелись кто куда. В конце концов в городе осталось всего трое верных католичеству священнослужителей, наотрез отказавшихся подчиниться новым порядкам. По их поводу Лютер высказался так: «Осталось всего три толстобрюхих свиньи — только не в церкви Всех Святых, а в церкви Всех чертей». Спеша закрепить достигнутый успех, он сочинил памфлет «Об уничтожении мессы без песнопений».

Еще одну из своих задач он видел в том, чтобы придать богослужению народный характер. Для простого народа он составил небольшой сборник молитв (Betbuchlein), в который вошли Десять заповедей, «Отче наш», псалмы о Покаянии и несколько отрывков из Священного Писания, а также требник для совершения таинства крещения (Tautbuchlein), почти неотличимый от католического требника. Между тем месса без проскомидии и без канона, отправляемая священником, не верящим в искупительную жертву, месса, в которой проповедь все настойчивее вытесняла молитву, не встречала восторга у паствы. Люди откровенно скучали в церкви, в результате чего ряды прихожан день ото дня редели. И тогда Лютера осенила поистине гениальная идея. Он предложил включить в службу песнопения на немецком языке.

Авторство этой идеи принадлежало не ему. И в Германии, и во Франции люди довольно часто пели песни религиозного содержания на родном языке, порой даже на диалекте. Хитроумие Лютера проявилось в том, что он решил включить народные песни в божественную службу наряду с латинскими песнопениями, имея в виду постепенную замену последних на первые. Лютеру понадобился весь его талант, чтобы сочинить действительно красивые произведения, которые сразу приняли бы большинство прихожан. Музыкальную часть он поручил Гансу Вальтеру,

придворному кантору из Торгау. В 1524 году Вальтер издал первый сборник лютеранских гимнов, озаглавленный «Книжка духовных песен». В сборник вошли 24 произведения на стихи Лютера и с его предисловием. Наряду с глубоко христианскими поэтическими сочинениями здесь встречались и такие, например, тексты: «Господи, Словом Своим защити нас; пресеки посягательства папы и турок на престол возлюбленного сына Твоего, Иисуса». Это, как пояснял автор, «детская песенка, которая поется против двух заклятых врагов Христа и Его Святой Церкви: папы и турок». Что ж, делая подобные куплеты достоянием всей Германии, реформаторы могли быть уверены, что воспитание подрастающего поколения лютеран пойдет по нужному руслу.

Конечно, не Лютер изобрел церковную музыку, которая существовала и до него в виде латинских гимнов и в виде народных мелодий. Мало того, оба эти жанра оказали на него сильнейшее влияние. Однако в том, что касается начала совершенно новой эры, ознаменованной небывалым расцветом религиозного музыкального творчества, заслуга Лютера несомненна. На протяжении двух последующих веков одна лишь Саксония дала миру больше великих имен в этой области, чем вся остальная Европа. В начале XVII века о себе заявили сразу три крупнейших представителя вокальной музыки, все трое уроженцы Саксонии: Преториус, автор более чем двух тысяч композиций (Крейцберг, Тюрингия), Шютц (Кестриц, близ Лейпцига), Шейн (Грюнхау). В это же время жили и работали два виднейших композитора-орган и-ста, предшественники Баха, тоже саксонцы: Шейд родился в Галле, Керль д'Адорф неподалеку от Цвикау. Телеман, сочинивший несколько сотен «служб», 44 произведения в жанре «страстей» и около тысячи кантат, был родом из Магдебурга.

В 1685 году с разницей в один месяц и в городах, расположенных на расстоянии 130 км друг от друга, на свет явились сразу два гения церковной музыки: в Галле родился Гендель, в Эйзенахе — Бах. Здесь же, в Саксонии, вступили в жизнь и четверо талантливых отпрысков этого замечательного семейства: Веймар стал родиной Фридемана и Эмануэля, Лейпциг — Кристиана и Фридриха. Среди их младших соплеменников, добившихся славы, безусловного упоминания заслуживают уроженец Гейзинга Кунау, Георг Бохм из Гогенкирхена, Науман из Блацевица, близ Дрездена. Несколько позже саксонская земля подарила миру еще двух музыкальных гениев, выразителей болезненно-тревожного немецкого духа: в городе мечтателей Цвикау родился Шуман, в Лейпциге — Вагнер.

Убедившись, что почва должным образом подготовлена, 29 октября 1525 года Лютер впервые совершил богослужение по новому обряду.

Спустя несколько месяцев он изложил его основные правила в своей книжке «Немецкая месса, или Порядок Божественной службы по виттенбергскому образцу». Немецкий язык окончательно вытеснил латынь, а народные песни — литанию. Если христианскую свободу его единомышленники понимали прежде всего как немецкую свободу, то и христианское богослужение с их легкой руки обрело немецкие черты.

8.

СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ (1522-1525)

Дело, начатое Лютером, постепенно становилось общегерманским делом. Не только потому, что главные события разворачивались на немецкой земле, не только потому, что за соблюдением законов Церкви на территории Империи призван был следить император-немец, но главным образом потому, что внутри универсальной (вселенской) Церкви началось формирование особой, немецкой. Незадолго до этого аналогичным способом образовалась чешская Церковь гуситов. Вполне естественно, что очередное собрание имперского рейхстага не могло обойти вниманием это явление, которое многие именовали «аферой».

Рейхстаг собрался в Нюрнберге осенью 1522 года и продолжал работу до августа 1523 года. Председательствовал брат императора эрцгерцог Фердинанд. Одним из первых перед делегатами выступил легат Киерегати, от имени папы Адриана VI решительно потребовавший исполнения Вормсского эдикта. В самом деле, вопреки решению высокого собрания и приказу императора Лютер продолжал безнаказанно наводнять Германию своими ядовитыми сочинениями и подталкивать народ к беспорядкам. Речь легата не встретила ни малейшего энтузиазма. Под влиянием протестантски настроенных князей, в свою очередь находившихся под сильным давлением советника курфюрста Саксонского Ганса фон Планица, делегаты постарались замять щекотливый вопрос. Арестовать Лютера, утверждали они, не только трудно, но и чревато опасностями, поскольку его деятельность во многом спровоцирована злоупотреблениями со стороны Рима. Список претензий — «gravamina» — выглядел на сей раз весьма внушительно и включал около сотни пунктов, в числе которых фигурировали и непомерные налоги, и симония, и торговля индульгенциями, и недостойный моральный облик представителей духовенства. В конце концов рейхстаг почтительно, но твердо потребовал от папы созыва Всенемецкого собора, который и решит, каким путем лучше всего покончить со всеми этими безобразиями. Единственной, кто принял близко к сердцу призыв папского легата, стала грозная Маргарита Австрийская, тетка Карла V и правительница Нидерландов. Не являясь главой ни одного из имперских княжеств, она, собственно говоря, не входила в состав членов рейхстага, однако, получив от племянника наказ следить за соблюдением законности на территории восточных провинций,

исполняла его с железной решимостью. В антверпенском монастыре августинцев после 1516 года побывал с визитом Штаупиц, и вполне вероятно, что он привозил с собой сочинения Лютера, потому что вскоре после его посещения настоятель монастыря Якоб Пробст направил в Виттенберг для изучения богословия несколько молодых монахов. Когда там начались антипапистские выступления, антверпенские монахи-студенты оказались в первых рядах бунтарей. С тем же воинственным настроением вернулись они и на родину. В результате весь антверпенский монастырь, а за ним и несколько других дружно перешли в лютеранство. С антверпенской обителью расправились сурово. Здание разрушили, монахов бросили в темницу, а двоих из них — Хенрика Воэса и Яна Экка — предали сожжению. Лютер сочинил в их честь торжественную песнь, в которой говорилось: «Они покинули этот мир в мученическом венце». Чтобы поддержать смельчаков, он направил письмо «Всем возлюбленным христианам Голландии, Брабанта и Фландрии».

Между тем пока делегаты рейхстага вели споры и дискуссии, представители рыцарства перешли к активным действиям. В августе 1522 года они основали военизированный «Братский союз Рыцарства», руководителем которого избрали уже известного нам Франца фон Зиккингена. Решив, что пришла пора прибрать к рукам владения князей-церковников, назначили и первую жертву — курфюрста Трирского. Зиккинген публично призвал к оружию всех угнетенных подданных архиепископа. В успехе он не сомневался. С самого начала XVI века Германию беспрестанно сотрясали крестьянские бунты локального характера, и всегда находился какой-нибудь обнищавший дворянин, готовый возглавить восставших. На сей раз двойная атака на Рим — со стороны Гуттена и со стороны Лютера — всколыхнула всю Германию. Страна уже давно напоминала пороховую бочку, и не хватало только искры, чтобы вспыхнул пожар. Архиепископ Трирский оказался во многих смыслах подходящей кандидатурой. Он занимал один из старейших в Германии церковных престолов, возглавлял одну из крупнейших епархий, к тому же его владения располагались на расстоянии одного конного перехода от армии Зиккингена, вставшей лагерем на берегах Мозеля. Ему-то и предназначили сыграть роль той искры, от которой должна была загореться вся Германия.

Весной небольшая конная армия приблизилась к стенам Трира и осадила город. Вопреки ожиданиям нападавших никакой волны мятежей на остальной территории курфюршества это не вызвало. Мало того, против Братского союза выступили двое соседей архиепископа — курфюрст

Пфальца и ландграф Гессена. Хотя они и относились к лютеранам с благосклонностью, однако феодальная солидарность оказалась сильнее. Они слишком хорошо понимали, что после падения Трира доберутся и до них. Объединенными усилиями им удалось разбить один из двух корпусов армии Зиккингена. Последнему пришлось снять осаду с города, а самому с остатком войска бежать в Пфальц, где он и укрылся в собственном замке в Ландштуле. Отступая, рыцари Зиккингена громили и рушили все церкви и монастыри, попадавшие им по дороге. Вскоре преследователи окружили замок. Имея в своем арсенале артиллерию — оружие по тем временам новое и малоизвестное, — они без труда разрушили замок. Зиккинген погиб на крепостной стене, сраженный стрелой из аркебузы (другие говорят, пушечным ядром). Гетц фон Берлихинген, герой Гете, потерял в этом бою руку, которую впоследствии заменил протезом, благодаря чему получил прозвище Железная Рука. Гуттен бежал в Швейцарию. Военная авантюра рыцарства завершилась полным провалом.

Известие о поражении Зиккингена сразило Лютера наповал. Нечего и говорить, что он занимал сторону рыцарей. Разумеется, в союз с рыцарями он вступил по необходимости, надеясь совместными усилиями сокрушить общего врага — Рим. Теперь, когда их дело стало и его делом, он переживал их разгром как личное поражение. На заседании рейхстага, который, к счастью, отказался выполнять приказ о его аресте, его имя не раз упоминалось в связи с событиями в Трире. Многие из князей подозревали, что без его участия здесь не обошлось. Находились и такие, кто открыто злорадствовал: «С антиимператором покончено, скоро разберемся и с антипапой». Снова приходилось лавировать. С одной стороны, на него взирали мятежники, сделавшие его имя своим знаменем; они-то и несли идеи Реформации в народ. С другой — косились могущественные князья, державшие в своих руках всю полноту светской власти. Этим ничего не стоило в мгновение ока и безо всяких предупреждений схватить его вместе с учениками и отправить гнить заживо в тюрьму. Он понимал, что попал между молотом и наковальней. И пока его не сплющили в лепешку, приходилось улыбаться тем и другим...

К июню 1522 года он уже успел опубликовать свою работу «Против сословия пап и епископов, ложно именуемого духовным», поэтому с большой степенью вероятности можно предположить, что ее агрессивный пафос оказал свое влияние на рыцарей. Тактика, избранная Лютером, преследовала вполне определенную цель: доказать и рыцарям, и князьям свою лояльность. Умело дозируя негодование и рассудительность, он словно объяснял, обращаясь и к тем и к другим: вы же понимаете, что наш

главный враг — Рим, а епископы и аббаты исполняют в Германии роль его агентов, мы же, нападая на епископов и аббатов, видим в них не владетельных князей и немецких сеньоров, но прежде всего папских прихвостней. Если внимательно приглядеться, то между строк этого документа уже можно обнаружить намек на будущую секуляризацию: мы не тронем ни одного из епископов и аббатов, как будто предупреждает Лютер, если они согласятся остаться только князьями и сеньорами, отказавшись от духовного сана.

В декабре того же года, когда заседал рейхстаг, а Зиккинген только разрабатывал план будущей кампании, Лютер выпустил трактат, созданный в жанре «политического богословия» — истинный шедевр изворотливости. Написанный по-немецки и посвященный князю Иоганну Саксонскому, которому вскоре предстояло унаследовать от умершего брата титул курфюрста, трактат назывался «О светской власти и пределах покорности этой власти». Светская власть дана от Бога, но это исключительно мирская власть. Духовная же власть целиком принадлежит Церкви. Поэтому светская власть не может распоряжаться церковными делами: ни карать еретиков, ни требовать соблюдения церковных догматов. И наоборот, во всем, что связано с явлениями мирского характера — ведением войн или поддержанием внутреннего порядка в государстве, одним словом, с внешними сторонами жизни общества, — решающее слово принадлежит светской власти, и Церковь не должна вмешиваться не в свое дело. Конечно, Церковь должна защищать правду и осуждать беззакония, однако несовершенство человеческой природы, обусловленное первородным грехом, распространяется и на великих мира сего, которые, так же как все остальные люди, подвержены всевозможным слабостям. Следовательно, их подданные изначально обречены на страдания и насилие со стороны власть предержащих. «Если Бог поставил во главе народов таких негодных правителей, это значит, что мир слишком плох и не достоин, чтобы им правили справедливые государи». Поэтому любое возмущение против власти незаконно: царей избирает Бог, и только Бог делает их такими, какие они есть. Цари жестоки и несправедливы? Это Провидение послало их нам, чтобы испытать наше терпение и наказать нас за наши грехи. «Наш Бог — могущественный царь, которому нужны благородные, образованные и богатые палачи. Это и есть наши государи».

Но Церковь в этом мире зла, стонущем под гнетом неправедных тиранов, остается Церковью Духа. Практически этим заявлением Лютер как бы давал понять сильным мира сего: наша Церковь признает за вами всю полноту власти в мирской жизни. В отличие от Рима мы не намерены

требовать от вас отчета перед святым престолом и предоставляем вам полную свободу действий в политике, какими бы бесчинствами она ни сопровождалась. От вас мы ждем одного: не препятствуйте распространению новой религии, ведь религия — это вопрос веры. Помните, что в своей стране вы у себя дома и не обязаны подчиняться Риму, в частности, не обязаны преследовать тех, кого Рим называет еретиками. Вы можете облагать крестьян сколь угодно тяжкими повинностями, вы можете применять любое оружие для подавления мятежных рыцарей — все это в вашей, мирской, власти. Мы же просим одного: не мешайте нашим сторонникам проповедовать на своих землях, позвольте им вытеснить собой каноников и приходских священников и не возражайте, когда мы по своему усмотрению меняем папистские обряды, ибо все эти вопросы связаны с верой. Точно так же, обращаясь к народу — бюргерам, крестьянам, рыцарям, — Лютер последовательно проводил ту же мысль. В области религии, внушал он им, вы пользуетесь всеми правами, включая право гнать вон тех, кто носит духовный сан, однако в мирской своей жизни вы обязаны помнить, что всякая власть дана свыше, даже та, которая вам кажется несправедливой. Если ты веруешь в Бога, то должен безропотно принимать все бедствия и невзгоды этой жизни: и голод, и войны, и лишение свободы, и даже смерть.

Заручившись поддержкой такого влиятельного человека, как Фридрих Саксонский, Лютер вполне мог рассчитывать на практическое осуществление этих идей. Свое отношение к мессе как к отвратительной мерзости он определил еще в 1522 году, теперь же пошел еще дальше. Месса, провозгласил он, не должна рассматриваться как явление исключительно духовной жизни, потому что она совершается в общественном месте и при большом скоплении народа. В связи с этим он писал курфюрсту: «Я больше не желаю слушать ни о каких закрытых мессах (ибо и закрытая месса оборачивается открытым безобразием). Между тем здесь, в замке есть священник, который в духе самого гнусного идолопоклонства ежедневно служит мессу». Этим священником был тот самый мужественный человек, который не бросил своего поста вопреки всем преследованиям и гонениям. Ионас с Меланхтоном обратились к курфюрсту с ходатайством о скорейшем запрещении мессы, уверяя его, что терпеть далее эту мерзость на земле, вверенной его попечению, никак нельзя. Однако Фридрих еще колебался. Полученные им уроки богословия, кажется, пока не убедили его, что его личная власть простирается столь далеко. Лютер снова взялся за перо, надеясь с помощью своих сочинений разжечь в народе и его правителях мстительное чувство к священникам,

отказавшимся отправлять божественную службу по новому уставу — Ordo Missae.

Он, многократно заявлявший, что не нуждается в ином мече кроме Слова, пообещал курфюрсту не прибегать к силе для распространения своего учения. Он и в самом деле отдал предпочтение другим средствам. В том же самом году он отправил пастором в Альтенбург небезызвестного нам Цвиллинга. Однако местный капитул наотрез отказался признать за вновь прибывшим какие-либо полномочия на территории своей епархии. Лютер, узнав об этом, обратился за помощью в муниципальный совет Альтенбурга, большинство в котором составляли приверженцы его учения. Совет вынес постановление, смысл которого сводился к следующему. Учитывая, что муниципальные власти несут ответственность не только за сугубо материальные стороны жизни города, но обязаны также следить за процветанием «христианского братского милосердия», они считают своим долгом «изгнать прочь хищных волков», то есть каноников, «увязших в сетях ложного учения». Глава капитула попытался было сослаться на постановления соборов, однако после соответствующего строгого внушения нехотя признал, что право принимать решения по вопросам внутрицерковной дисциплины принадлежит не соборам, а каждому отдельному христианину. Согласно Писанию, каждый вправе иметь собственное суждение о том или ином учении, каждый вправе признать в волке волка и постараться избежать встречи с опасным хищником. В результате назначение на должность священника против воли местного капитула получил Венцеслав Линк. Курфюрст взирал на происходящее с ледяным спокойствием. Еще через год Лютер лично благословил брачный союз Линка с уроженкой Альтенбурга, жители которого таким образом получили с подачи гражданских властей женатого священника, пылающего ненавистью к католицизму.

Столь многообещающее начало требовало продолжения. В соседнем с Мерзебургом Айленбурге Лютер попытался повторить тот же маневр. Он дважды предлагал муниципальному совету кандидатуру своего ставленника на должность приходского священника и дважды получал отказ. Тогда он обратился за содействием к Спалатину, который благодаря своему положению духовника курфюрста пользовался практически неограниченной властью в решении церковных дел. И Спалатин направил в Айленбург лютеранина Андре Кауксдорфа, которого совет безропотно утвердил. Как видим, Реформатор действительно сдержал свое слово и не допустил никаких насильственных мер: физически никто не пострадал. Светская власть попросту прибрала к рукам церковные дела, вот и все.

К тому же источнику поддержки обращался Лютер и в тех случаях, когда приходилось бороться с инакомыслием в собственных рядах и самому наказывать еретиков. Так, единственный способ образумить Карлштадта он видел в том, чтобы «властью закона и силой меча принудить его к соблюдению благочестия — держат же в клетках диких зверей, прежде заковав их в цепи». Чем же заслужил Карлштадт такую немилость? «Эта земля принадлежит саксонским князьям, а вовсе не Карлштадту, который на ней лишь бесправный гость. Кто же откажет хозяину в праве и возможности в любой миг выставить вон надоевшего гостя или нерадивого слугу? Жалок тот хозяин, которому приходится объяснять слугам причины своих поступков и вступать с ними в юридический спор, ибо он больше похож на пленника в собственных владениях, чем на хозяина, а истинным хозяином в его доме является тот самый слуга». Как известно, Карлштадт сумел привлечь к сотрудничеству иенских печатников, благодаря которым успешно распространял по всей стране литературу антилютеранского содержания. Подпольная типография, возмущался Лютер! Сочинения, публикуемые без ведома университетской цензуры! Какое неслыханное оскорбление! В конце концов он добился-таки закрытия типографии, правда, к самому Карлштадту отнесся достаточно снисходительно. «Прежде всего, — делился он планами со Сплатином, — мы от имени университета призовем его вспомнить о своем долге и приехать сюда, в Виттенберг. Если же он откажется, тогда напустим на него князя».

Карлштадту и в самом деле пришлось явиться в Виттенберг с повинной, однако, едва вернувшись в свой приход в Орламюнде, он как ни в чем не бывало продолжил свою прежнюю деятельность, хотя курфюрст по настоянию Лютера официально лишил его на это права. Лютер решил разобраться со строптивцем на месте. Он очень рассчитывал на свой авторитет, однако местные крестьяне, едва слышав о том, что их собираются лишить пастора, подняли страшный крик. Лютер разозлился не на шутку: «Ваш пастор? Да вы не имеете никакого права называть его так! Его не признают ни государь Фридрих, ни университет!» Страсти кипели вовсю, когда в дом эшевена, где Лютер беседовал с прихожанами, явился сам Карлштадт и скромно попросил разрешения присесть. «Прочь отсюда! — закричал на него Лютер. — Знайте, что вы отныне — мой враг и делать вам здесь нечего! Немедленно вон!» Однако паства явно настроилась не давать в обиду своего пастора и набросилась на Лютера, которому в итоге пришлось спешно уносить ноги. Вернувшись в Виттенберг, он дал волю своим чувствам. «Этот человек жаждет одной лишь шумихи и известности,

— сокрушался он о погубившем свою душу Карлштадте. — Не Божья слава занимает его мысли, нет. Этот несчастный одержим дьяволом. Поистине, милость Божья нужнее ему, чем любому другому, ибо он погряз в смертных грехах». Одними воздыханиями дело, конечно, не кончилось. Лютер атаковал своими жалобами не одну инстанцию, пока не дошел до Страсбурга, гражданский суд которого вынес постановление о закрытии типографии в Орламюнде и запрете на распространение сочинений еретика.

Но самым действенным и наиболее опасным оружием, полученным Лютером из рук политиков, стала секуляризация церковных владений. Теряя приход, каждый кюре лишался не только «места работы», но и средств к существованию, если, разумеется, не соглашался перейти в новую веру. Но так или иначе, склоняя священников на свою сторону или заменяя их своими людьми, последователи Лютера завладевали и духовной властью, и имуществом служителей Церкви. С епископами дело обстояло сложнее. От них во что бы то ни стало требовалось получить добровольное согласие, потому что подчинялись они одному императору, а он, конечно, никогда не пошел бы на сделку с лютеранами. Поэтому епископам следовало напомнить, что они в первую очередь — немцы, следовательно, не обязаны терпеть над собой римских начальников, а во вторую — владетельные князья, которым и вовсе ни к чему держаться за свою принадлежность к церковному сословию. Каждый прелат, которому эти доводы казались разумными, автоматически становился важным звеном в двойной схеме, разработанной Лютером и Гуттенем: обретал независимость от Рима в вопросах религии и превращал свои земли в часть германской территории. Большинство епископов, которые ощущали себя немцами гораздо сильнее, чем католиками, а к своим государственным обязанностям относились гораздо внимательнее, чем к духовным, не могли с легкостью отмахнуться от столь заманчивой перспективы.

В основных чертах Лютер изложил этот свой замысел в письме к курфюрсту Фридриху: «Вначале надо лишить сердцевины монастыри, а когда они опустеют, князья смогут делать с ними все, что захотят». Таким образом, речь шла не об отдельной инициативе, а о целой кампании по секуляризации церковных земель. В своей книге «Против духовного сословия» Лютер, как мы помним, призывал к разрушению монастырей и уничтожению епископов, но ведь тогда он обращался к крестьянам и людям вроде Зиккингена, которые ждали от него решительных действий. В новых обстоятельствах он повел себя более практично. В декабре 1522 года он писал графу Генриху фон Шварценбургу, что единственным надежным

средством, которое позволит проповедникам нового учения утвердиться в его владениях, является конфискация приходов и изгнание из них священников. «Тот, кто изгоняет волка из овчарни, не беззаконие творит, а напротив, исполняет высший из законов». Граф быстро усвоил урок, который преподавал ему Лютер. Отбирая земли и имущество у священников и монахов, он не раздавал их направо и налево, а присваивал себе. Светская власть просто прибрала к рукам церковное добро. Разве не к тому же призывал и Гуттен?

В Лейзинге, том самом городке, где лютеране попытались было создать образцовую общину, новая религия получила одобрение и поддержку муниципального совета, который тут же объявил себя владельцем всего церковного имущества. В Эрфурте события развивались даже стремительнее, чем могли надеяться лютеране. Городской совет под влиянием Ланга предложил каноникам соборов Богоматери и св. Северина перейти в лютеранство, а когда те отказались, официально постановил конфисковать все произведения искусства, хранившиеся в этих двух храмах. Часть из них подверглась уничтожению.

В это же время жители 14 окрестных деревень организовались в «лигу» и в одном из кабачков дали торжественную клятву «защитить Слово Божье и сбросить бремя податей». Вооружившись кто чем, они грозной толпой подступили к городским стенам. Никто из бюргеров отнюдь не горел желанием драться с мужичьем, зато жители города придумали кое-что получше. Они подослали к разъяренным крестьянам лютеранина Германна фон Гоффа, который распахнул перед ними городские ворота и показал, где живут их главные враги — католики. Еще трое последователей Лютера — Иоганн Ланг, Эгидий Мехлер и Эберлин фон Гюнзбург — лично повели толпу громить дворец архиепископа, монастырские обители и дома священников, оставшихся верными Риму. Нападавшие выгнали монахов на улицу, перебили украшавшие храмы статуи, осквернили священные сосуды. Общую печальную участь разделил и монастырь августинцев.

Ликующая чернь заполонила городские улицы. На этой волне муниципальный совет поспешил вынести решение о запрете на отправлении божественной службы по римскому образцу и высылке лиц духовного звания, исповедующих католичество. Но вскоре и сам совет под натиском восставших прекратил свое существование, чтобы уступить место оголтелому сборищу анархистов, которые путем голосования приняли городскую хартию, включавшую 28 пунктов. Этот документ отправили Лютеру, но вместо ожидаемого одобрения натолкнулись на его суровое осуждение. Вот она, идеальная община! Лютер высказался ясно и

недвусмысленно: не дело черни управлять городом и превращать муниципальный совет в своего послушного слугу. Власть в городе должна быть восстановлена под высоким покровительством курфюрста Саксонского.

В это же время курфюрст Майнцский, на чьих землях лежал Эрфурт, пригрозил вмешаться и силой оружия заставить горожан вернуться к прежним порядкам. Это заявление возымело свою силу. Крестьяне спешно покинули город, куда для контроля за восстановлением законной власти уже съезжались посланцы архиепископа. Городской совет признал свои ошибки, вернул монастырям все их владения и выплатил крупный штраф за разорение дворца архиепископа.

Таким образом, окончательное решение о том, оставаться ли всему народу в лоне католицизма или переходить в лютеранство, принадлежало князю. Поэтому какие бы планы ни строила Церковь Духа, главную роль в их осуществлении предстояло сыграть светской власти. Что касается курфюршества Саксонского, то здесь процесс разрушения католической веры пошел особенно быстрыми темпами после смерти Фридриха, скончавшегося 5 мая 1525 года. В законном браке он не состоял, а дочь и два сына, прижитые им от любовницы, претендовать на титул не имели права. Поэтому наследником Фридриха стал его брат Иоганн, всецело преданный идеям Лютера. В своем письме, составленном в едва ли не угрожающем тоне, последний потребовал от нового государя сурово покарать «идолопоклонников» и положить конец «мерзости под названием месса». С согласия Иоганна он наметил в общих чертах новый порядок государственного устройства: церковные земли, лишившиеся владельца, переходили в собственность князя, который взамен обязался гарантировать финансовую поддержку нового духовенства; отправление религиозного культа обрело форму общественного мероприятия, подконтрольного гражданской власти; наконец, князь отвечал за ликвидацию любых «пережитков» католицизма.

Нюрнбергским католикам повезло меньше, чем их единоверцам в Эрфурте. Император, все внимание которого поглощала постоянная война с королем Франции, не мог служить им надежной защитой. Как и в Виттенберге, источником пропаганды новых идей стал монастырь августинцев, а среди особенно ярых ревнителей его выделился Андреас Озиандер. Заручившись поддержкой секретаря городского совета Лазаря Шпенглера, он сумел добиться принятия дискриминационных мер, направленных против священничества и монашества: запрета служить мессу, отправлять религиозные культы и заниматься пропагандой

католического вероучения. Изгнав из монастыря кларисс их духовника, Озиандер отныне ежедневно являлся собственной персоной к монахиням и проповедовал им Евангелие от Лютера. Из восьмидесяти монахинь не дрогнула ни одна. Принимать в монастырь послушниц им запретили сразу, однако и после этого клариссы продолжали вести привычный для себя образ жизни, по-прежнему служили традиционные службы, пока их община не умерла тихой смертью от отсутствия прилива свежих сил.

Вмешательство муниципальных советов вольных городов в решение вопроса свободы совести стало общим правилом. Так, в Страсбурге был принят закон, под угрозой самых суровых наказаний запрещающий католикам любые публичные выступления, в том числе в печати, против Реформации. Примеру Страсбурга вскоре последовал Кольмар: сочинениями Лютера здесь торговала каждая книжная лавка, зато труды настоятеля монастыря августинцев Гофмейстера, направленные против Лютера, подлежали немедленному изъятию. В Люнебурге Регий сумел склонить на сторону Реформации большинство в муниципальном совете и добился принятия закона, в соответствии с которым каждого жителя города, отказавшегося перейти в лютеранство, ожидала ссылка. Занятно, что он сам некоторое время спустя, когда ряд пасторов обвинили его в ереси, пал жертвой этой меры.

Аналогичная политика экспансионизма распространилась и на университеты. В Базеле, где преподавал Эразм, большинство наставников сохранили верность католичеству. Должность ректора занимал здесь Людвиг Бер, выдающийся специалист по толкованию Священного Писания, которого Эразм, первым получивший докторскую степень в Сорбонне, называл своим учителем. После того как по городу прокатилась волна беспорядков и грабежей, организованных друзьями Лютера, городской совет перешел на сторону Реформации и назначил ректором Эколампадоса, прославившегося, в частности, тем, что именовал университеты «домами терпимости». В результате этой замены большая часть преподавателей покинула Базель, и университет, как писал Деллингер, «полностью обезлюдел».

Несколько иначе разворачивались события в Северной Германии. Здесь Реформацию возглавили высшие представители духовенства, которые и повели за собой покорную паству. Наиболее ярким примером такого «мутанта» может служить маркграф Альбрехт Бранденбургский-Ансбахский, двоюродный брат курфюрста Майнцского. Он приходился сыном Фридриху, маркграфу Ансбахскому (эта южногерманская земля входила в состав дома Гогенцоллернов) и братом курфюрсту Иоганну.

Начавший свою карьеру кельнским каноником, он в 1511 году по рекомендации герцога Георга Саксонского был избран гроссмейстером Тевтонского ордена и в этом качестве не только возглавил рыцарский орден, но и стал принцем-регентом Пруссии, провозглашенной владением Святого престола. Пруссия, обращенная в христианство рыцарями за три века до этого, официально подчинялась Ордену, но фактически в ней распоряжались польские короли. Так, в середине XV века, когда городское дворянство подняло восстание против Ордена, оно обратилось за помощью именно к королю Польши. Рыцарям пришлось убраться из Западной Пруссии со столицей в Мариенбурге и оставить за собой только Восточную Пруссию, да и то под польским контролем. В качестве новой столицы гроссмейстер Ордена избрал город Кенигсберг. Таким образом, к 1511 году, выдвигая на должность гроссмейстера немецкого князя, дядю курфюрста Бранденбургского и двоюродного брата курфюрста Майнцского, в Ордене надеялись привлечь внимание императора к прусским землям и попытаться с его помощью освободить их из-под польского влияния. Однако ни голос крови, ни интересы нации не заставили императора обратить свой взор к Пруссии. Откуда было ему знать, что триста лет спустя по иронии судьбы именно прусскому королю придется восстанавливать великий германский рейх?

Лютер, на которого работала широко разветвленная разведывательная сеть, прекрасно знал о настроениях гроссмейстера Тевтонского ордена, как знал он и о более чем прохладном отношении последнего к религии. Реформатор пригласил гроссмейстера к себе для переговоров, и Альбрехт приехал в Виттенберг. Здесь Лютер расписал ему все выгоды, какие мог бы получить гроссмейстер, порви он со Святым престолом и сделайся единоличным хозяином в этой северной провинции. Решиться сразу Альбрехт не захотел, однако согласился принять у себя в Кенигсберге троих проповедников — Бриесманна, Сператуса и Полиандера, которых Лютер снабдил всеми полномочиями в области религии. Пасторы не заставили себя долго просить и немедленно приступили к установлению в Пруссии новой веры. Под их непосредственным влиянием сразу двое епископов — Йорг фон Поленц (Самланд, Кенигсберг) и Эберхард фон Квайс (Померания) — примкнули к лютеранству и провозгласили свою независимость от Рима. Поскольку со стороны Альбрехта никаких возражений не последовало, фактически епископство превратилось в лютеранское. Еще более серьезный шаг Альбрехт совершил в ответ на очередную военную кампанию польского короля Сигизмунда. Отказавшись от мысли защищать свои владения, он 9 апреля 1525 года подписал с Си-

гизмундом договор, по которому признавал себя наследным герцогом Пруссим и принял сюзеренитет польского короля.

15 апреля новоиспеченный герцог уже выпустил указ об установлении в своих владениях реформированной религии. Все церковные земли переходили в собственность герцогства, а каждый, кто смел «противоречить Слову Божьему» (читай: пропаганде лютеранства), объявлялся бунтовщиком и подлежал тюремному заключению. Так одним росчерком пера гроссмейстер Тевтонского ордена и представитель папы римского приговорил к смерти католическую веру на всей территории Пруссии.

Что касается Церкви Духа, то она скончалась, не успев родиться. Судьбами Божьего народа отныне распоряжалась исключительно светская власть, провозглашенная единственным судьей и владыкой видимого мира. Вскоре Матиас Флаккий, служивший пастором вначале в Регенсбурге, а затем во Франкфурте, мог написать: «Пока духовенство (лютеранское. — И. Г.) предается приятному времяпрепровождению, полностью и добровольно покорившись земной власти, наша несчастная Церковь переживает такой упадок и такую слабость, что нередко случается видеть, как уверенные в своем праве члены городской управы пытаются — о мерзость! — подменить собой пасторов вплоть до их самых священных обязанностей. В прежние времена римские церковники посягали на власть правителей; теперь же князья и городские советы захватили власть над Церковью. В результате вместо одного папы у нас сейчас появилась тысяча пап — по числу князей, чиновников магистратуры и сеньоров». Пастор Штайнбаха Мельхиор Амбах вложил в уста Христа такую речь: «Князья-евангелисты из всего Моего учения запомнили лишь те слова, которые им понравились всего больше, слова, которыми утверждается их собственная власть. Они готовы ревностно защищать это учение, но лишь в той мере, в какой оно позволяет им увеличивать свои богатства и укреплять свое могущество. Они простирают свои жадные руки к церковному добру и раздают его своим дурно воспитанным детям, своим прихлебателям, бессовестным писакам и худшим из Моих врагов».

В этой обстановке политической и религиозной анархии князья потребовали созыва нового рейхстага, который снова собрался в Нюрнберге в январе 1524 года. Император, воевавший в Италии с французами, опять отсутствовал. Впрочем, католики ничего от этого не теряли, поскольку знали, что Фердинанд Австрийский настроен еще более решительно, чем его брат. Определенные надежды внушал им и новый легат, кардинал Лоренцо Кампеджо, посланец Климента VII (сменившего

Адриана VI в ноябре предыдущего года). Легат был известен как человек твердых убеждений и в то же время тонкий дипломат. Ему действительно удалось добиться того, что присутствующие проголосовали за исполнение Вормсского эдикта, правда, с одной существенной поправкой, внесенной по настоянию делегатов-князей. Поправка гласила: «по мере возможного», что, разумеется, значительно снижало важность принятого решения. Зато помешать голосованию предложения о созыве очередного собора на немецкой земле он не смог. Впрочем, Святой престол все равно отказался рассматривать это предложение.

Рейхстаг закончил работу 18 апреля. Переломить ситуацию ни в ту ни в другую сторону не удалось, и всеми участниками владело недовольство. Карл V прислал из Бургоса рескрипт, в котором напоминал делегатам рейхстага, что они не имели никакого законного права требовать созыва собора, и выражал сожаление в связи с тем, что Вормсский эдикт так и остался на бумаге. Лютер к этому времени уже успел высмеять эдикт в памфлете, озаглавленном «Два противоречащих друг другу императорских указа о Лютере». Он снова призывал Германию осознать важность его миссии, а князей уговаривал перестать быть ослами и мучениками Рима.

Отказ близких к лютеранству князей исполнять императорский эдикт, их протекционизм по отношению к проповедникам нового учения, терпимость к беспорядкам и грабежам и невозможность выработки единой политики, которую поддерживали бы все без исключения члены рейхстага, вынудили католически настроенных князей избрать оборонительную позицию. Некоторые из них прямо заявляли: «Если мы будем настаивать на исполнении Вормсского эдикта, это приведет к гражданской войне». Гражданская война действительно назревала, поскольку средствами дипломатии становилось все труднее заполнять пропасть, разделявшую последователей Лютера и сторонников католической Церкви. Реформация уже превратилась в политическую акцию, и ее проводникам волей-неволей пришлось изъясняться на политическом жаргоне. В политике же, как известно, бывают ситуации, когда слово бессильно, и тогда в ход идет оружие. 6 июля 1524 года в вольном баварском городе Регенсбурге архиепископ Фердинанд собрал совещание, на котором кроме него самого и легата Кампеджо присутствовали герцоги Вильгельм и Людвиг Баварские, архиепископ Зальцбургский, епископы Регенсбурга и Тренто, эмиссары епископов Бамберга, Пассау, Шпейера, Фрейзинга, Констанца, Аугсбурга, Бриксена, Базеля и Страсбурга. Все эти представители южных территорий, хранившие верность католицизму, заключили договор о взаимопомощи и совместной защите католической религии, о подавлении ереси и поддержке

единства Империи.

Папа предложил князьям, владеющим северными территориями, присоединиться к альянсу, однако они проигнорировали это предложение, обиженные тем, что их не пригласили в Регенсбург. Не последнюю роль сыграла и боязнь оказаться «затертыми» в этой компании такими могущественными властителями, как эрцгерцог Австрийский и герцоги Баварские. В конечном итоге год спустя (19 июля 1525 года) они под предводительством герцога Георга Саксонского образовали собственную лигу. Подписание договора состоялось в Десау, и в нем приняли участие курфюрст Иоахим Бранденбургский, его брат курфюрст Майнцкий, герцоги Генрих и Эрик Брауншвейгские. Этот документ, составленный в самых недвусмысленных выражениях, определял задачу лиги как «искоренение проклятой лютеранской секты», источника «бунта и мятежей». 14 ноября представители 12 епископств, входящих в курфюршество Майнцское, собрались в своей столице и сочинили обращение к императору, требуя от него активного противодействия Лютеру. В том же самом году, под Рождество, члены Лиги Десау снова собрались, теперь уже в Лейпциге, и тоже направили императору ходатайство с настоятельным призывом принять наконец решительные меры против распространения ереси.

Внутри Германии назревал конфликт, и разыгаться этому конфликту предстояло в сфере, весьма далекой от богословских споров.

9.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА (1524-1525)

Внутреннее столкновение перешло в открытую форму несколько иначе, чем ожидалось всеми, хотя без прямого влияния Лютера в любом случае не обошлось. Итак, первыми выступили крестьяне. Крестьянские волнения вспыхивали в Германии начала XVI века не раз, однако до сих пор требования восставших носили исключительно экономический характер. Так, в 1503 году произошло массовое крестьянское выступление в Пфальце, организованное союзом «Башмак». На своих знаменах участники этого союза изображали башмак на шнурках — обувь простолюдина (дворяне носили сапоги). Еще веком раньше нидерландские «казембродтеры» рисовали на своих стягах хлеб и сыр... Местным сеньорам удалось довольно легко подавить восстание «Башмака». В 1514 году более жаркое дело разгорелось в Вюртемберге. Крестьяне, разоренные войной, которую герцог Ульрих вел с курфюрстом Пфальца, объединились в союз под названием «Бедный Конрад» и предприняли ряд успешных набегов на города и поместные замки. Только добившись существенных уступок, они согласились сложить оружие. В 1515 году настал черед Австрии и Венгрии, где вооруженные толпы крестьян громили замки и монастыри, предавая жестокой смерти их обитателей. Для подавления этих выступлений понадобилось вмешательство армии.

Таким образом, в прирейнской Германии, особенно в южных землях, сохранялась весьма напряженная обстановка, до предела обострившаяся под влиянием лютеранской пропаганды. Сказалось и всеобщее падение нравов, и ослабление местной власти. По деревням ходили проповедники, которые во всеуслышание критиковали священников, аббатов и каноников; за ними следом шли другие, которые с не меньшей резкостью нападали на первых. В каждой проповеди теперь священники на все лады твердили о Слове Божьем, а о таких вещах, как повиновение, смирение и жертвенность, похоже, совсем забыли. Лютер и его ученики открыто призывали к восстанию против священников, монахов и епископов; Церковь они называли кладезем заблуждений, лицемерия, лени; всех, кто носил духовный сан, именovali угнетателями, грабителями, которых не в силах запретить ни один закон. Впервые за всю историю Германии нашелся пророк, провозгласивший (в сентябре 1523 года), что монастыри и церкви должны быть разрушены. Разумеется, за несколько месяцев до этого тот же

самый пророк объяснял, что власть князей незыблема, однако он имел в виду исключительно светскую власть. Епископы же, по его мнению, все служили дьяволу, а потому «заслужили смерть», ибо «жили в роскоши и разврате за счет чужого труда и пота». Еще дальше Лютера пошел глава анабаптистов Мюнцер, открыто призывавший ко всеобщему восстанию.

Искру, от которой вспыхнул большой пожар, первым разжег обращенный в лютеранство священник прихода Вальдсгут в Шварцвальде Балтазар Губмайер. От имени своей паствы он составил список требований, выдержанный в духе «Gravamina», выдвигаемых рейхстагом. (Впрочем, некоторые исследователи приписывают эти ставшие знаменитыми «статьи» «крестьянскому канцлеру» Венделю Гиплеру.) Этот труд назывался «Претензии и жалобы крестьян, сведенные в двенадцать статей». Предвидя будущие нападки, автор в самом начале подчеркивал, что Евангелие отнюдь не является подстрекательской книгой и что крестьяне стремятся жить именно по евангельским заповедям. Вины в том, что все тираны, которые не дают крестьянам строить свою жизнь в соответствии с Евангелием и тем самым толкают их на восстание. Составив свои жалобы в виде просьб, он на всякий случай предупреждал, что, если они не будут удовлетворены, начнется бунт.

Что же за требования содержались в этих 12 статьях? Во-первых, право каждой «общины» избирать своего приходского священника. Судя по этому пункту, можно предположить, что автор специально рассчитывал на распространение своего сочинения, поскольку в том приходе, к которому он принадлежал, паства уже широко пользовалась этим правом. Во втором пункте говорилось, что крестьяне согласны платить десятину хлебом, поскольку об этом упоминается в Ветхом Завете, однако отказываются делиться скотом, так как это придумано людьми. Третий пункт выражал протест против крепостного состояния, без уточнения деталей. Четвертый и пятый пункты сводились к требованию распространения на крестьян права участвовать в ловле дичи и пользоваться древесиной из окрестных лесов; шестой и седьмой призывали к отмене барщины; восьмой — к снижению поземельного оброка; девятый — к смягчению судопроизводства; десятый настаивал на возврате общинам конфискованных ранее земель; одиннадцатый — на отмене права «мертвой руки»^[21]. Наконец, статья двенадцатая, и последняя провозглашала отказ от исполнения любых требований, противоречащих Слову Божьему.

В целом все эти требования оставались совершенно справедливыми по сути и достаточно умеренными по форме, однако предварявшая их угроза прозвучала настолько отчетливо, что сомневаться не приходилось:

составитель выразил волю крестьян добиться их выполнения любой ценой. Тот факт, что Губмайер приложил все усилия к распространению 12 статей по территории Германии, также говорил сам за себя, выдавая намерение автора превратить свой труд в знамя будущей битвы. Чем закончились переговоры между ним и местным сеньором, мы не знаем, но можем догадываться, потому что сразу после их встречи приход Вальдсгут запылал в огне пожаров. Мы помним, что Гуттен с Зиккингеном призывали народ громить дома сеньоров, носивших духовный сан, однако крестьян такие тонкости не интересовали. Они не разбирали, имеет жертва отношение к Церкви или не имеет, и нередко обращали свой гнев против рыцарей. Вот почему многие представители этого сословия, спасая свою жизнь, предпочли присоединиться к восставшим, грабили и убивали наравне с ними. Когда подданные графов Гогенлоэ обращались к своим господам, в их речах было столько же братской дружбы, сколько угрозы: «Возлюбленные братья! Вы больше не господа нам, вы — такие же крестьяне, как и мы. Мы теперь сеньоры Гогенлоэ! Поклянитесь, что согласны исполнить наши 12 статей!» Пожар прокатился по всему Шварвальду до озера Констанца, захватил Вюртемберг, перекинулся на Швабию, где уничтожил имение князя и аббата Кемптена, достиг Франконии, перемахнул через Рейн и пошел гулять по Эльзасу. Вся южная Германия пылала в огне. Поджоги сопровождались грабежами, убийствами, разрушениями. В одной только Франконии пострадало 200 замков и монастырей, обитателей которых ждали пленение или мучительная смерть. За два года погибло более ста тысяч человек. Целые города превратились в руины. Около тысячи монастырей и триста церквей сгорели дотла или были разрушены.

Бунт едва начался, когда Лютер и Меланхтон получили текст «Двенадцати статей», что, безусловно, свидетельствует о том, что восставшие относились к этой паре с покровительственным уважением. Впрочем, очень скоро их хартия разошлась по всей, или почти по всей, Германии, давно перестав быть простым списком требований и превратившись в знамя борьбы. Лютер понимал, что молчать больше нельзя, потому что обе стороны с нетерпением ждали, что же он скажет. Крестьяне, убежденные, что действуют во имя Евангелия, надеялись услышать от него слова одобрения и поддержки; дворяне, видевшие в нем виновника разгоревшейся войны, верили, что он сумеет охладить пыл мятежников и призовет их к покаянию. Эразм написал ему в открытом письме: «Вот плоды вашей мысли! Вы отказываетесь признавать этих людей, а ведь они ссылаются на вас! Нет никаких сомнений, что зачинщики

этого ужасного бунта в большинстве своем принадлежат к числу сторонников вашего Евангелия».

Лютер чувствовал, что пора высказаться. Это его не пугало, как никогда не пугала необходимость защищать свое учение. В начале 1525 года он опубликовал написанный по-немецки «Призыв к миру в связи с двенадцатью статьями швабских крестьян». «Не могу допустить, — писал он, — чтобы из-за моего молчания на меня легла ответственность перед Богом и людьми за те несчастья, которые могут случиться». Но он не ограничился самооправданием, а попытался показать каждой из враждующих сторон, в чем ее ошибки, постарался помешать дальнейшему распространению войны и попробовать восстановить мир. Кроме того, он хотел, чтобы после всей излитой друг на друга злобы, после всех перенесенных страданий и горя и в том и в другом лагере вспомнили наконец о том, что на свете существует такая вещь, как христианское смирение.

Споря с крестьянами, он указал, что своими заявлениями они сами себя загнали в ловушку: «Во всех этих союзах я одобряю их стремление учиться и побуждать к тому других, лишь бы в своем рвении они не выходили за рамки простых и ясных истин, изложенных в Евангелии». Разумеется, в рядах восставших попадают лжехристиане, которые думают только об удовлетворении своих дурных наклонностей, но немало и истинно верующих, и именно к этим последним и обращается он со Словом Божьим, которого они так жаждут. Разве не сказано в Писании: «Поднявший меч от меча и погибнет»? «Это значит, — поясняет Лютер, — что никто не имеет права колебать устоявшуюся власть. Вспомните, чему учил святой апостол Павел: «Пусть каждый из вас подчинится власти с трепетом и уважением». И еще: «Кто восстает против порядка, установленного Богом, тот навлекает на себя гибель».

Преимственность с его же «Светской властью» очевидна. С точки зрения отдельного человека, бремя светской власти может казаться невыносимым, однако благодаря своей божественной природе такая власть абсолютно законна. «Вы говорите, что власть жестока и нетерпима? На это я вам отвечу. Ни беззаконие, ни тирания не служат оправданием бунту, ибо не может каждый встречный карать злодеев. Как учит святой апостол Павел, один царь носит меч». И дальше с опорой на Библию он обвиняет крестьян в том, что они посмели своими силами защищать свое дело. Поднимая проблему на высший уровень обобщения, он утверждает: «Вы согрешили не только против божественного, но и против естественного права». Затем следует аргументация логического характера: если каждый

захочет самолично судить ближнего своего, что станет с порядком, с человеческими взаимоотношениями, с обществом? Но и это еще не все. Лютер вспоминает, о чем он говорил в своей предыдущей работе, посвященной богословской политике. Христианин живет на земле, чтобы страдать. Он обязан нести свой крест вместе с Христом, сказавшим: «Не противься злу! Если тебя ударят по правой щеке, подставь левую!» В конечном итоге он оставляет человеку двоякий выбор. Разумеется, каждый вправе сетовать на жестокость и несправедливость, допущенные по отношению к себе, но тот, кто смеет восставать против них, не имеет права звать себя христианином и ссылаться на Священное Писание.

Разобравшись с крестьянами, Лютер переходит к их господам. Оказывается, они сами наказали себя за несправедливое и неразумное правление. Находятся языки, обвиняющие его, Лютера, в том, что он послужил причиной этого ужасного бунта. Какое кощунство! Лучше бы они посмотрели на себя, потому что, если они решительно не исправятся, всех их ждет гибель. Разве так уж глупы требования, предъявленные крестьянами в двенадцати статьях? А ведь они могли расширить этот список, если бы задумались о спасении Германии. Впрочем, понимая, сколь сложна нынешняя обстановка, он не собирается подливать масла в огонь. Пусть же сильные мира сего вспомнят, что смысл их власти в том, чтобы обеспечивать всеобщее благоденствие. Его дело — предупредить. И если к его словам не прислушаются, пусть пеняют на себя, когда на страну обрушатся еще более тяжкие невзгоды. Пусть не вздумают обвинять его, Лютера, если Германия превратится в пожарище.

Вот такое мудрое поучение, вполне достойное любого добросовестного толкователя Евангелия. Однако Лютер не мог позволить себе ограничиться евангельской кротостью и не поддаться искушению излить желчь на своего заклятого врага — католическое духовенство. Поднявшись над схваткой, столкнувшей крестьян и дворян, он не собирался хранить нейтралитет в битве между лютеранами и католиками. Церковники — вот кто главный виновник гражданской войны! Почему крестьяне до сих пор не поняли этой простой истины, ведь он столько писал об этом! Пора уже им признать очевидное. Обрушивая свои упрёки на власть имущих, он обвинял во всех бедах не только князей-епископов и графов-аббатов, но и каждого бесправного священника, каждого нищего монаха. «Да, в наших несчастьях и горестях повинны князья и сеньоры! Но еще большая вина лежит на вас, слепые епископы и священники, на вас, обезумевшие монахи, потому что еще и сегодня в своем ожесточении и бешеной злобе вы продолжаете попираť Евангелие».

Под Евангелием в данном случае следует понимать учение Лютера и его последователей. Тот же, кто не желает участвовать в распространении новой веры, а то и встает у нее на пути, достоин самой страшной муки. «В этом Евангелии — истина, — восклицает Лютер, — и не в вашей власти ее осквернить! Сколько раз предупреждал я вас: берегитесь! Но вы сами призываете несчастья на свою голову. Поистине, бесполезно учить и предостерегать того, кто сам стремится к несчастью!» Итак, приговор духовенству вынесен, и пусть не надеются на снисхождение. Как Лютер писал, обращаясь к немецкому дворянству, как он учил, рассуждая о духовном сословии, так и будет: епископы и священники обречены на гибель, ибо такова воля Божья. И найдется ли сила, способная удержать возмущение простого народа? Толпа, внимавшая подобным речам, звучавшим по всей Германии, делала выводы: сам Бог велит грабить и убивать священников.

При внимательном чтении «Призыва» становится ясно, что единственным серьезным преступлением, достойным суровой кары, является отказ признавать Евангелие от Лютера. Действительно, крестьяне не имеют права наказывать своих господ, потому что судить сильных мира сего не в их, а в Божьей власти. Но и господа не должны наказывать крестьян, потому что их задача заключается в том, чтобы обеспечивать благоденствие и справедливость. «Самое главное, чтобы нам не мешали проповедовать Евангелие. Власть не имеет ни права, ни возможности запретить нам открыто нести в мир наше учение».

Итак, получается, что в самый разгар чудовищной гражданской войны главным критерием правоты одних и неправоты других становится отношение к учению Лютера. «Те, кто мешает нам учить народ Евангелию (читай: священники, сохранившие верность католичеству, и защищающие их князья. — И. Г.), те, кто жестоко угнетает народ, заслуживают того, чтобы Господь согнал их с престола за великие грехи. Нет им прощения». Таким образом, Лютер приговаривает к уничтожению исключительно своих противников. О том, что это действительно так, говорит его письмо курфюрсту Фридриху, относящееся к этому же промежутку времени: «До сих пор я только смеялся над народными возмущениями, полагая, что они направлены только против духовенства; теперь я начинаю опасаться, как бы они не перекинулись и на наших покровителей». Под покровителями, о чьей безопасности пекся Лютер, он, конечно, подразумевал князей, примкнувших к лютеранам.

Именно эту последнюю идею Лютера и подхватили восставшие, продемонстрировав равнодушие к остальным заветам немецкого Пророка.

Между тем беспорядки ширились. Князья слишком серьезно отнеслись к своей роли проводников Божьего промысла. За несколько лет до описываемых событий правители южногерманских земель заключили между собой военный альянс, названный Швабским союзом. К несчастью, своим боевым духом они серьезно уступали герцогу Ульриху фон Вюртембергу, который в 1515 году сумел положить конец первой крестьянской войне: он действовал с помощью дипломатии, но затем, терзаемый ревностью, заколол кинжалом рыцаря Ганса фон Гуттена, отца того самого Гуттена, который дружил с Лютером; его жена, герцогиня Сабина, укрылась у своего брата герцога Баварского, а тот, заключив союз с эрцгерцогом Фердинандом, изгнал Ульриха с его земель. Император не придумал лучшего решения возникшей проблемы, как присоединить Вюртемберг к эрцгерцогству Австрийскому. После некоторых колебаний союзники поставили во главе своей армии графа Йорга фон Вальдбурга, «наследственного дворецкого» императоров (отсюда родовое имя Трухес, которое носили члены его семьи). Близкие чаще называли его прозвищем Фейрнйорг, что можно перевести как Йорг-поджигатель, — очень подходящим для предводителя головорезов. Его армия, усиленная демобилизованными солдатами, вернувшимися из Италии, трижды встречалась с отрядами восставших — под Лейпхеймом, Вюрцахом и Беблингеном — и в кровопролитной схватке разбила их наг слово. Но одной военной победы рыцарям показалось мало, и они перебили всех оставшихся в живых после битвы врагов. На другом бе-регу Рейна действовал герцог Антоний Лотарингский, войско которого разгромило отряды эльзасцев под Лупштейном и Шервиллером.

Но если князья-католики успешно расправлялись с мятежниками, то на землях, принадлежавших «покровителям» Лютера, крестьяне одерживали победу за победой. Из Швабии и Франконии бунт перекинулся в Тюрингию и Гессен, а оттуда распространился и на север графства Мансфельдского. К апрелю в него оказались вовлечены практически все крестьяне. Воинственно размахивая своими косами, восставшие требовали исполнения «Двенадцати статей», и дворянство под страхом смерти подписывало крестьянские «Жалобы». Городское население, опасаясь грабежей и насилия, предпочло примкнуть к бунтовщикам. Жители Эрфурта сами распахнули перед ними городские ворота, а бюргеры поспешили воспользоваться беспорядками, чтобы принудить городские власти к снижению налогов. Предводитель отряда 28 апреля направил умирающему Иоганну (о том, что курфюрст при смерти, повстанцы знали) послание, полностью выдержанное в духе лютеранства. Ему предлагали

мировую, а в качестве возмещения ущерба советовали конфисковать в свою пользу церковное имущество, «присвоенное антихристом».

Лютер, которому растущая тревога не давала сидеть на месте, отправился с объездом по деревням графства Мансфельдского — той самой земли, где он родился и провел первые годы жизни. Повсюду его глаз видел одни лишь дымящиеся руины, горы трупов, разрушенные стены замков, обгорелые скелеты церквей... Как всегда, он спешил излить свои впечатления в письмах к друзьям: «Я теперь понял, что такое эти тюрингские крестьяне. Чем больше их учишь, тем глубже в них укореняется дух гордыни и безумия». Неужели он будет просить для них снисхождения? «Даже если среди них есть и невинные души, об их защите и спасении позаботится сам Господь. Спас же Бог Лота и Иеремию!» Поэтому сеньоры могут не церемониться: «Если Бог не желает ко-го-то спасать, значит, этот человек преступник». Он уже забыл и Вормс, и Вартбург: «Человек, допустивший преступное неповиновение властям, восстает и против императора, и против Бога. Долг и право каждого христианина — перерезать такому человеку глотку».

Осталась последняя надежда спасти Саксонию и всю Германию, и эта надежда связана со светской властью. 6 мая 1525 года, вернувшись в Виттенберг, который бурные события обошли стороной, Лютер узнал о кончине курфюрста Фридриха. Время поджигало. Наскоро проводив своего покровителя в последний путь, Лютер хватается за перо и торопливо пишет очередное пламенное воззвание. Взвешенный тон «Призыва к миру» забыт, зато снова ожил стиль ма-нифестов-обращений «К дворянству» и «Против духовного сословия», хотя враг временно сменил личину. Свой новый труд он озаглавил «Против крестьянских убийц и грабителей». Его короткий, без затей и без ненужных цитат из Писания текст отличался ясностью и простотой:

«Крестьяне прибегли к силе, и теперь призывать их к миру бессмысленно. Всеми их действиями всегда руководило стремление к грабежам и кровопролитию. Главная их вина в том, что они восстали против власти, установленной Богом; и лишь во вторую очередь они повинны в пожарах, грабежах и убийствах. Каждый человек отныне вправе напасть на них с оружием, как нападают на разбойников. Пусть каждый, в ком горит желание бить их, действует! Их надо рвать на куски, душить и резать, в открытом бою и из-за угла, как режут бешеных псов. Пусть же власти вспомнят о своем долге! Повсюду, где крестьяне не желают повиноваться власти, их должен настичь ее карающий меч! Каждый князь — слуга Бога на земле. Время милосердия прошло. Настала пора войны и

гнева. Пусть крестьяне знают, что, расставаясь с жизнью на этой земле, они губят и свою душу; но законной власти беспокоиться не о чем, ибо она действует от имени Бога... Ее погибшие встанут в ряды мучеников Божьих. Горе нам, если крестьяне одержат верх. Поистине, тогда для нас настанут последние дни... Вперед же, возлюбленные сеньоры! Бейте их, режьте их! Тот из вас, кто погибнет в этом бою, обретет вечное блаженство, и не будет на земле прекрасней его смерти!»

Именно в этот момент на исторической арене снова появился глава анабаптистов Томас Мюнцер. В отличие от Лютера, его волновали совсем другие проблемы. Он нисколько не осуждал бесчинства, творимые восставшими крестьянами, поскольку считал, что ими движет Провидение, призвавшее их для установления царства равенства на земле. Он не видел различий между князьями-католиками и князьями-лютеранами, между священниками старого толка и проповедниками нового учения. По его мнению, любая власть на земле заслуживала уничтожения, и виттенбергских пасторов следовало выкинуть на одну помойку с римскими прелатами. Когда вспыхнуло восстание, он понял, что сами небеса посылают ему знак. Приехав в Мюльхаузен, расположенный к северу от Эйзенаха, он сейчас же собрал вокруг себя всех местных смутьянов. Захватив власть в городе, они начали жечь окрестные монастыри. Вскоре Мюнцер обратился к рудокопам Мансфельда с таким воззванием:

«Вставайте, если хотите, чтобы с вами восстал Бог! У вас нет выбора: или примете муку Божью, или станете мучениками дьявола! Поднимайтесь на Божий бой! Вы знаете, что на самой Святой Неделе в Фульде разорили четыре церкви? В Клегене и Шварцвальде уже поднялось триста тысяч крестьян, и число их растет с каждым днем. Одного боюсь, как бы эти безумцы не подписали какого-нибудь обманного мира, который приведет к самым роковым последствиям... К оружию, к оружию, к оружию! Час пробил! Злодеи уже дрожат, как жалкие псы! Они будут упрашивать вас, будут рыдать и молить пощадить их детей. Не поддавайтесь! Не слушайте стонов нечестивцев! Поднимайте деревни, поднимайте города, зовите за собой рудокопов! К оружию, к оружию, к оружию! Пока железо горячо, не дайте остыть своим обгаренным кровью мечам! Пока живы эти людишки, вас будет вечно преследовать страх... Слышите, Бог шагает в строю? За ним!»

Скоро саксонские князья спохватились. Филипп Гессенский, Георг Саксонский, Генрих фон Брауншвейг, Альбрехт и Эрнст Мансфельдские каждый на своих землях дали крестьянам несколько сражений, в результате которых силы последних значительно уменьшились. В конце концов

восьмитысячная крестьянская армия собралась под Франкенхаузен и стала готовиться к решительному бою. Внимательно следившие за передвижениями крестьянских отрядов князя также начали стягивать силы воедино. Мюнцер понял, что наступил решающий миг — крестьянская армия против объединенного княжеского войска! Он примчался в лагерь восставших и здесь узнал, что идет обсуждение недавно полученных мирных предложений. Ни за что! Никаких переговоров! Бог не простит нам этого, увещевал Мюнцер повстанцев. Эти слуги сатаны, эти узурпаторы власти и защитники лютеранства должны быть уничтожены. Графам Мансфельдским он направил исполненное презрения письмо, в котором говорилось: «Разве ты не знаешь, что Бог приказал всем птицам небесным клевать княжескую плоть, а всем диким зверям — питаться княжеским мясом? Одумайся и обратись, пока не поздно! Приходи к нам, и мы примем тебя, как простого брата». Вручив это послание княжеским эмиссарам, Мюнцер выпустил их из своего лагеря, оставив лишь одного молодого рыцаря, которого велел казнить. Разумеется, после этого ни о каком мире ни одна из сторон уже не могла и мечтать.

Завидев издали вражеское войско, Мюнцер выстроил крестьян за частоколом и произнес речь: «С нами Господь! Раньше земля и небо поменяются местами, чем Он покинет нас! Сейчас Бог сотворит для вас чудо. Они будут стрелять, но я своим рукавом отмету от вас все пули». Все утро в тот день шел дождь. Но вот тучи раздвинулись, проглянуло солнце, и над землей раскинулась огромная радуга. Это знак победы, ликовал Мюнцер. Княжеское войско пришло в движение. Крестьяне затянули гимн Святому Духу и принялись ожидать чуда. В это время грянул пушечный залп, и жалкое подобие оборонительных сооружений мюнцеровского воинства разлетелось в щепки. С изумлением крестьяне обнаружили, что кое-кто из их собратьев остался лежать на земле. А на них, потрясая мечами, уже неслись конные рыцари. Началось паническое отступление. Несколько часов спустя пять тысяч трупов убитых крестьян усеяли поле; остальным удалось разбежаться.

Рыцари окружили деревню Франкенхаузен, выволокли из домов три сотни прятавшихся крестьян и казнили их на месте. На чердаке одного дома слуга некоего рыцаря обнаружил лежащего в постели мужчину. «Я болен», — жаловался он. Мужчину обыскали, и последние сомнения рассеялись. Это был Мюнцер. Его переправили в Гельдрунген и устроили над ним суд. «Я хотел, — говорил он судьям, — добиться установления равенства в христианском мире. Те князья, которые выступали против, должны были умереть». Под пыткой его заставили выдать имена своих

ближайших друзей, а затем приговорили к смерти. Вскоре рыцари отбили и Мюльхаузен, где вместе с Мюнцером казнили всех его сподвижников. Так завершилась в Саксонии Крестьянская война.

Лютер, верный своей привычке выносить оценки любым событиям, узнав о чудесной победе своих покровителей и трагической кончине своего врага, опубликовал книжицу под названием «Ужасная судьба Томаса Мюнцера». В казни Мюнцера он видел прежде всего поражение анабаптистов и уверял читателей, что сам Бог покарал этих еретиков за пропаганду ложного учения. «Несчастные сектанты, где теперь ваши речи, с помощью которых вы прельщали и увлекали за собой глупый народ? Где Мюнцеров рукав, которым он собирался отгонять пули? Где тот Бог, который устами Мюнцера предрекает его армии победу? Безумцам, не желающим внимать Слову Божьему, достались на долю бичи и пушечные ядра, как тому и следует быть».

Рыцари выиграли свою битву, однако в народе авторитет Реформации сильно пошатнулся. Действительно, Лютер открыто выступил на стороне угнетателей. Он попытался оправдаться. Когда один из членов городского совета Мансфельда Рюгель выразил удивление в связи с тем, что уже после победы Лютер продолжал настаивать на самых жестоких мерах наказания для побежденных, тот отвечал, что в души крестьян вселился дьявол, а потому их следовало перебить как бешеных собак. Впрочем, любую критику в свой адрес он неизменно воспринимал как происки сатаны, о чем и писал Амсдорфу: «Они называли меня княжеским прихлебателем! Я знаю, то сатана святотатствует против меня и моего Евангелия! Пусть его, пусть себе брешет».

Вместе с тем он чувствовал потребность публичного оправдания и обратился к канцлеру графа Мансфельда Гаспару Мюллеру с открытым письмом «По поводу суровой книги против крестьян». Здесь он еще раз изложил свои политико-богословские принципы, сформулированные ранее: «Милосердие, кричите вы! Не о милосердии надо говорить, а о Слове Божьем, которое велит уважать власть и подавлять восстания. Как смее вы толковать о милосердии, когда сам Бог призывает к каре?» Он жестоко высмеивал своих критиков, которые только теперь прониклись жалостью к побежденным. Где же были они со своей жалостью, когда бродяги жгли чужие дома и убивали людей? На самом деле, повторял он, речь идет о противоборстве двух начал, которые он не раз уже называл. «Есть два царства: одно Царствие Божие, другое — царство земное. В первом есть и милость, и милосердие; во втором же судят и карают злодеев и защищают добронравие. Смешивать эти два царства — значит возносить дьявола на

небеса, а Бога сталкивать в преисподнюю». Разумеется, солдаты, участвовавшие в подавлении восстания, порой перегибали палку, но с этим приходится мириться, потому что «Бог избрал их своим орудием, чтобы покарать нас».

Успеху Реформации на первом этапе ее развития весьма способствовало благожелательное отношение к ней со стороны гуманистов. Объективно и гуманисты, и лютеране руководствовались сходными мотивами, толкавшими их на критику Церкви. Прежде всего это касалось защиты свободного подхода к толкованию библейских текстов. Гуманисты, прекрасно владевшие древними языками и отлично знавшие светскую историю, изучали Библию с чисто научных позиций, отбросив в сторону католическую традицию и игнорируя авторитет Святого престола. В свою очередь Лютер и его ученики также провозгласили свободу от влияния религиозных авторитетов, правда, не во имя науки, а исходя из аксиомы свободного толкования: по их мнению, каждый христианин, на которого снизошла благодать Святого Духа, сам по себе является Церковью. Гуманисты и лютеране сближались и в своих взглядах на мораль, и в критическом отношении к религиозной практике. И те и другие утверждали, что монастыри не приносят никакой пользы, а соблюдение безбрачия налагает на человека непосильную тяжесть, но при этом гуманисты выступали с жизнеутверждающих позиций, опираясь на пример языческой античности, а лютеране отталкивались от идеи бесполезности конкретных дел.

Вскоре, однако, их пути разошлись, и на первый план выступили разногласия, вызванные различием менталитета. Гуманисты прославляли Разум и отказывались принять слишком строгие ограничения, накладываемые верой, тогда как лютеране отошли от старой Церкви как раз во имя веры, которая, по их мысли, заменяла разум. К тому же лютеране выдвинули идею национальной Церкви, настаивая на разрыве с Римом, а гуманисты, напротив, стремились к духовному объединению Европы с помощью литературы. Закончилось тем, что Лютер навесил на гуманистов ярлык «педантизма», а последние прямо обвинили его в невежестве. Сыграли свою роль и папские инициативы, направленные на возрождение античного искусства, мимо которых гуманисты пройти не могли, отдавая дань уважения Риму — колыбели Ренессанса.

Употребляя слово «гуманисты», не следует забывать, что речь идет о конкретных людях, каждый из которых имел свою историю. Несмотря на живой интерес к Греции Перикла и Риму Августа, многие из них

продолжали хранить в душе глубокую веру в Христа, охотно признавали авторитет папы, соблюдали церковную дисциплину, а свой долг ученых видели в том, чтобы изучить и понять истоки христианства. В отношении к истории сходство и различие взглядов лютеран и гуманистов проявилось еще раз. И те и другие с презрением относились к схоластам, только первые отвергали возведенное ими стройное здание догматики и упрекали их в том, что они слишком многое отдали на откуп свободе, а вторые считали их варварами, писавшими на «кухонной» латыни и не владевшими языком Гомера. Отсюда интерес к писаниям Отцов Церкви, представлявшим христианскую античность. Заметим, что на этом пути горячих поклонников языческой античности ждали порой удивительные открытия.

Глава гуманистов Эразм Роттердамский представляется в этой связи фигурой одновременно в высшей степени типичной и глубоко оригинальной. Образование и духовная эволюция этого мыслителя позволяют рассматривать его как законченный прототип человека Возрождения, повторенный затем в сотнях «экземпляров». Вместе с тем совершенно особенные взаимоотношения, завязавшиеся у Эразма с Лютером, дают нам возможность видеть в нем уникальный пример человека, перешедшего от открытого восхищения лютеранством к недоверчивой настороженности, а от нее — к публичной оппозиции.

Ульрих Цазий, близко знавший и Эразма, и Лютера, оставил нам сравнительный портрет обоих деятелей, и остается лишь сожалеть, что он не счел нужным посвятить этому предмету отдельную книгу. Тем ценнее для нас его свидетельство: «Эразм всегда старается скрыть свои выдающиеся умственные способности, так, что иногда кажется, будто он сам о них не догадывается; Лютер, напротив, любит бахвалиться ими и выставляет их напоказ. Лютером владеет воинственный дух, порождающий вокруг себя вражду, тяжбы, ревность, гнев, ссоры, расколы, зависть и убийства. Эразм всегда настроен миролюбиво, и от него исходит дух мягкости, доброжелательности, благонравия, верности и снисходительности. Лютер говорит первое, что приходит ему в голову, а потом защищает свои высказывания с жаром и настойчивостью; Эразм излагает свои убеждения сдержанно и скромно, в самом любезном тоне. Когда речь заходит о толковании отрывков из Священного Писания, трудных для понимания, Эразм старается прояснить их смысл исходя из общего контекста; если тот или иной эпизод кажется ему двусмысленным или вызывающим сомнения, он почтительно оставляет его в стороне. Лютер поворачивает, переворачивает и выворачивает наизнанку каждое слово, пока весь контекст не зазвучит по-другому, а вся книга не

наполнится туманом и мраком непонимания. Что уж говорить о том бесстыдстве и нахальстве, с каким он ищет и находит в священных книгах, начиная с Ветхого и кончая Новым Заветом, в каждой их главе, одни лишь проклятия и угрозы в адрес папы, епископов и прочих лиц духовного звания, так, словно Бог веками только тем и занимался, что предавал анафеме священников». Разумеется, противопоставляя обоих мыслителей, автор доходит до крайней точки, однако его оценки позволяют нам понять, почему вопреки внешним сближающим факторам Эразм и Лютер так и не смогли между собой договориться.

Между тем оба вышли из одного и того же религиозного братства, мало того, оба в конце концов решились на нарушение монастырской традиции. Дезидерий Эразм, незаконнорожденный сын священника, родился в Роттердаме в 1466 году и в возрасте 21 года поступил в августинский монастырь строгого устава в Стейне. Призвания к монашеской жизни он не ощущал никакого, однако из-за своего незаконного происхождения не мог рассчитывать на приличную карьеру в миру. Впрочем, к своему вынужденному монашеству он сумел отнестись философски и нашел в стенах обители «приют, удаленный от мирских забот и суеты, в котором возможна достойная жизнь, целиком посвященная вещам духовным». В 1492 году он был рукоположен в сан и получил назначение секретарем к епископу Камбрейскому. В 1495 году, когда у епископа отпала надобность в его услугах, он позволил Эразму последовать зову сердца и отпустил его учиться. Эразм избрал богословский факультет Сорбонны.

Следующий этап представляется нам чрезвычайно важным в жизни Эразма, потому что он во многом определил особенности его научной карьеры в сравнении с карьерой его современников-гуманистов. Большинство из них, подстегиваемые интересом к литературе, начинали учебу очень рано, так что еще не достигнув зрелого возраста, уже успевали заслужить репутацию ученых мужей. Эта тенденция сохранялась на протяжении всего XV века, и заслуга молодых ученых тем выше, что почти все они были самоучками. Что касается Эразма, то он открыл для себя древних авторов достаточно поздно, а читал их большей частью урывками. С творчеством Блаженного Августина он впервые познакомился почти 30-летним человеком и испытал своего рода потрясение. Греческий язык он начал изучать в 37 лет, степень доктора богословия получил в 40. Он переезжал из города в город, учился у самых разных наставников, объездил практически всю Европу, бережно накапливая знания и меньше всего думая о личной славе, чтобы к 50 годам превратиться в светило западной мысли.

Его религиозная эволюция шла в направлении, обратном тому, что определило путь Лютера. Поступив в монастырь по необходимости, а не по призванию, он и не старался ревностно исполнять требования монашеского устава, а вместо этого попытался отнестись к своим собратьям с долей юмора. Не принимая активного участия в жизни общины, он больше интересовался сочинениями Святых Отцов, чем молитвами; получив в 26 лет сан священника, никогда не служил мессу. Вместе с тем, уважая право Церкви судить о материях, в которых сам он разбирался слабо, он сохранял лояльность по отношению к Риму, пока не получил право, не нарушая взятых на себя обетов, вести приемлемый для себя образ жизни, свободный от строгой монастырской дисциплины. Вспомним, что в 1510 году о том же мечтал и Лютер, и предположим, что, прояви он больше настойчивости, наверное, и он мог бы добиться того же. В 1517 году, когда доктор Лютер, все еще не расставшийся с клобуком августинца, вывешивал свои поджигательские тезисы, прозвучавшие сигналом к войне с Церковью, Эразм как раз получил от церковных властей окончательное признание, освободившее его от всякой цензуры. Свидетель, очевидец и живой пример многочисленных нарушений канонических правил, распространившихся в монастырских и церковных кругах, он откровенно критиковал все эти недостатки, с остроумием высмеивая порочность монахов и епископов, нелепость суждений авторов-схоластов и посредственный уровень изучения Библии.

Он действительно сыграл роль предтечи Реформации, и первые же ученики Лютера не преминули воспользоваться его авторитетом, понимая, что одно имя Эразма способно существенно расширить их аудиторию. Позже, когда Лютер перешел к открытому противостоянию Церкви, когда над ним нависла угроза отлучения, когда его сторонники повели настоящий бой против папизма, требуя отмены священничества, закрытия монастырей и проповедуя свободу нравов, Эразм словно бы пробудился. Чем больше ударов сыпалось на Мать-Церковь, тем яснее становилось ему ее достоинство; чем яростнее лютеране уродовали ее лик, тем прекраснее он ему казался; чем ближе делалась угроза раскола, тем дороже представлялась ему ее целостность. И тогда Эразм встал на защиту Церкви, вступив в бой с реформаторами, — к великому недоумению тех, кто успел зачислить его в союзники.

В 1515 году, после того как Эразм оказал решительную поддержку специалисту по древнееврейскому языку Рейхлину в его споре с кельнскими доминиканцами («темными людьми»), ближайшие сподвижники Лютера — Спалатин, Ионас, Ланг, Меланхтон — поспешили

воскурить ему фимиам. Сам Лютер, однако, еще не определил своего отношения к философу. Оставаясь внешне дипломатично почтительным, внутренне он ему все-таки не доверял. В 1516 году в кругу единомышленников он позволил себе обвинить

Эразма в «полупелагианстве» (читай: в стремлении больше полагаться на человеческую волю, чем на Божью благодать) и отходе от учения Блаженного Августина. В 1517 году он уже писал Лангу: «Читаю нашего Эразма, и он нравится мне все меньше и меньше».

Эразм безусловно одобрил начатую Лютером кампанию против торговли индульгенциями и все сочинения последнего, выпущенные в рамках разгоревшегося спора, возражая лишь против излишне грубой формы. «Лютер, — писал он Ионасу в 1518 году, — преподавал прекрасный урок. Вот только выразиться ему следовало бы мягче. Тогда у него появилось бы еще больше защитников и сторонников, а сама религия от этого только выиграла бы. Я считал бы непростительным отказать ему в поддержке столь праведного дела... Я не берусь судить о его учении, но для меня бесспорно одно: то, что сделал Лютер до сих пор, заслуживает благодарности гуманистов». В письме к кардиналу Вольсею он добавлял: «Немалая заслуга Лютера в том, что жизнь его совершенно безупречна и не дает врагам ни малейшего повода для критики... Я не сразу воздал ему должное уважение, опасаясь, как бы склоки, к которым наука должна оставаться равнодушной, не сыграли для него своей роковой роли».

Итак, мы видим, что Эразм, этот живущий в миру монах (покинувший монастырь, отметим, во имя благородной любви к науке), придававший огромное значение нравственной реформе Церкви, прежде всего оценил в Лютере человека, не побоявшегося поднять голос протеста против недостойного поведения духовенства. Правда, его слегка передергивало от методов, которыми пользовался Реформатор, но он решил не акцентировать на этом внимания в надежде, что общий результат перекроет недостатки. Что касается богословия, то он предпочел (он, доктор и ученый!) не вдаваться слишком глубоко в теологические дебри. Этот факт, конечно, немало говорит нам о ценности университетских дипломов того времени. Спустя еще некоторое время гуманист, публикуя своего «Светония», посвятил его курфюрсту Саксонскому с пожеланием оградить августинца «от людской злобы».

Высокое покровительство Эразма льстило Лютеру, и он, конечно, захотел извлечь из него пользу. В 1518 году, в очередном письме к Ионасу, он снова заговорил об Эразме: «Я очень высоко ценю его и изо всех сил защищаю (интересно, от кого? — И. Г.), хотя от меня не укрылось, что в его

сочинениях слишком много такого, что отнюдь не способствует познанию Иисуса Христа». Поскольку хвалы, расточаемые ему «королем гуманистов», показались Лютеру слишком сдержанными, он решил сделать шаг навстречу Эразму. Из осторожности он вначале попытался снестись с ним через Меланхтона, который послал философу письмо следующего содержания: «Лютер искренне восхищается вами и будет счастлив услышать от вас одобрение своим выступлениям». Прошло два месяца, однако «петиция» осталась без ответа. 28 марта 1519 года Лютер решился и написал Эразму лично. В своем письме он называл его естественным союзником лютеран, подчеркивал, что у них общие враги, а главное, они оба испытывают взаимное уважение и единодушие.

Как раз в эту пору великий гуманист переиздал своего «Энхиридиона», который несмотря на мудреное название на самом деле представлял собой руководство для образцового рыцаря-христианина, в некотором роде предвосхитившее «Введение в благочестивую жизнь» Франциска Сальского. Это было набожное, вполне ортодоксальное сочинение, проникнутое духом Виндешайма. Правда, автор обильно цитировал языческих мыслителей, однако превыше любой античной мудрости провозгласил простое правило, согласно которому «главной целью наших творений, речей и молитв должен быть один Иисус Христос».

Между тем отдельные положения этого труда оказались созвучны идеям виттенбергской школы. Разумеется, ни о каком «подлаживании» под лютеранство не могло идти и речи, поскольку первое издание «Энхиридиона» появилось еще в 1503 году. Просто его автор, обращаясь к мирянам, напоминал им, что для спасения души совсем необязательно становиться монахом, а рассказывая о монашестве, объяснял, что не простой суммой ограничений достигается Божья благодать. Обе эти истины, в христианском благочестии считающиеся классическими, впоследствии найдут отражение в знаменитом труде Скуполи «Духовная битва», который появится на волне католической Реформы вслед за Реформацией и вдохновит автора «Введения в благочестивую жизнь». Вот о чем напишет Скуполи в самом начале своей книги: «Некоторые люди полагают, что стремление к истинному духу христианства невозможно без внешней епитимьи, без умерщвления плоти, ношения власяницы, бичевания, продолжительных бдений, постов и прочих тяжелых повинностей, служащих усмирению плоти. Другие, особенно женщины, думают, что они прежде других приблизятся ко Христу, если возьмут за правило читать длинные молитвы, выстаивать долгие мессы и другие божественные службы, часто ходить в церковь и без конца исповедоваться.

Даже в числе тех, кто носит духовное одеяние, находятся такие, кто верит, что истинному христианину достаточно знать свое место в церковном хоре, блюсти обет молчания, любить одиночество и исполнять требования устава. Все они заблуждаются. Все эти занятия иногда действительно служат средством достижения истинно духовной жизни, а иногда являются плодом самой этой жизни».

Ничего, что вырывалось бы за рамки этой традиции, Эразм не сказал, но поскольку лютеране как раз предприняли массированную атаку на «дела» и подвергли суровой критике монашескую жизнь, получилось, что второе издание «Энхиридиона» объективно лило воду на их мельницу. Одновременно на книгу обрушился шквал желчных упреков со стороны богословов, даже самых проницательных, таких, как Алеандр, который рассудил, что любое выступление, хоть в чем-то совпадающее с учением Лютера, только вербует тому новых сторонников. В свою очередь, Лютер, как и все остальные, решил, что Эразм публично высказал свои симпатии к лютеранству и поспешил воспользоваться этим. «Энхиридион», — писал он, — окончательно скомпрометировал вас в глазах папистов, значит, пора вам отбросить колебания и примкнуть к нам». По своему обыкновению и для пущей уверенности, что корреспондент его услышит, он поспешил обнародовать свой замысел и изложил его в предисловии к «Комментарию к Посланию к Галатам». Эразм, говорилось в этом тексте, как один из выдающихся европейских богословов (новый фокус: теперь уже Эразм стал богословом!), должен возглавить Реформацию, а он, Лютер, готов уйти в тень.

Мы не знаем, почувствовал ли Эразм себя польщенным, но простая осторожность помешала ему ухватиться за предложенную роль. По существу, он оставил этот призыв без ответа, ограничившись тем, что порекомендовал Лютеру придерживаться большей умеренности и «хранить верность своим благородным чувствам». Сделав вид, что ему незнакомы наиболее провокационные из сочинений Лютера (разве не их поносили кельнские доминиканцы, с которыми сам он спорил?), он передал свои поздравления автору комментариев к «Псалтири». Заканчивая свое послание, он выразил пожелание, что «божественный дух еще долго будет осеять своей благодатью многочисленные таланты автора к его вящей славе и ко благу его читателей». Он даже попытался замолвить словечко в защиту Лютера перед курфюрстом Майнцским, уверяя, что допущенные тем резкости объясняются «вспыльчивостью его характера». Он отправил это письмо Гуттену, находившемуся тогда на службе Альбрехта Бранденбургского, а Гуттен, вместо того чтобы переправить его по

назначению, сделал письмо достоянием гласности. После этого слухи о приверженности Эразма делу Лютера обрели еще больший размах.

В 1520 году Эразм вопреки официальной позиции Церкви, успевшей осудить Лютера, все еще продолжал демонстрировать Реформатору свою дружбу и восхищение. Для него во всей этой истории определяющее значение имел не теоретический, а морально-нравственный и дисциплинарный аспект. Лютер выступил с критикой Рима, Рим вынужден защищаться, однако делает это из рук вон плохо, не понимая, сколь высоки ставки в этой игре. «Более всего задело и огорчило людей набожных и чистых душой, — писал он Спалатину, — не учение Лютера, а папская булла, своей грубостью слишком не соответствующая той кротости, которую должен бы показать наместник Иисуса Христа на земле... Создается впечатление, что папу больше заботит защита собственного достоинства, нежели Христовой славы». Он также постарался принизить важность оценки, вынесенной Лютеру университетскими светилами, подчеркивая, что никто из них так и не доказал, что взгляды августинца ошибочны.

Письмо ушло к адресату, и тут Эразм всполошился. Он хорошо знал Спалатина, знал, как ловко умеет тот обдѣлывать дела. Страшно подумать, какую выгоду извлечет он из его послания! Он потребовал, чтобы письмо ему немедленно вернули. Увы, слишком поздно! Письмо уже отправили в печать. Именно к этому времени относится знаменитая фраза Эразма, высказанная им в ответ на вопрос о его отношении к осуждению Лютера Церковью: «Лютер совершил две непростительные ошибки: он замахнулся на папскую тиару и ткнул в брюхо монахов». Тогда же он делился с Меланхтоном: «Я поддерживаю Лютера настолько, насколько это возможно, но все его сторонники, то есть почти все порядочные люди искренне сожалеют, что он не проявил в своих сочинениях большей осторожности и умеренности. Теперь уже слишком поздно: дело зашло так далеко, что раскол кажется неизбежным». Иными словами, он по-прежнему осуждал Лютера лишь за «стилистические» огрехи, объясняя его опалу слишком буйным темпераментом одной стороны и болезненной обидчивостью другой. Он все еще верил, что примирение возможно, и в соавторстве с Иоганном Фабером опубликовал анонимную записку с требованием созвать собор для «спасения достоинства верховного иерарха и сохранения мира внутри католичества».

В 1521 году в отношении Эразма к Лютеру произошел перелом, обрушивший последние надежды Реформатора на взаимопонимание с Гуманистом. Откровенно мятежный дух и все более резкие нападки на Рим,

которые позволял себе Лютер, заставили Эразма всерьез усомниться в возможности мирного разрешения конфликта. Единство Церкви оказалось под угрозой, тогда как одна лишь мысль о расколе, к которому толкали немцы, наполняла его сердце ужасом. К тому же и до одного, и до другого постоянно доходили в пересказе доброхотов всякие ядовитые словечки и реплики, якобы произнесенные Лютером об Эразме и Эразмом о Лютере, что еще больше осложнило их взаимоотношения.

Так, Лютеру стало известно, что Эразм в частной переписке позволил себе подвергнуть сомнению его правоту. Лучшая оборона — нападение, и Лютер возмущенно пишет: «Эразм лжет, когда утверждает, что он мне друг. Эхх хотя бы не скрывает, что воюет против меня... Ненавижу увертки и коварство этого человека». Или: «Бегемот (таким прозвищем он наградил Эразма. — И. Г.) далек от благодати; он больше озабочен тем, как достичь покоя, а о кресте думает меньше всего». С другой стороны, гуманист, недавно поселившийся в Базеле, постоянно слышал в свой адрес упреки в том, что питает непростительную слабость к Реформатору. Ему пришлось даже выступить в печати с самооправданием. «Кто из нас, — вопрошал он, — не склонился поначалу на сторону Лютера? Ведь и в самом деле имели место такие нарушения, терпеть которые было уже нельзя. Роковая любовь толкнула его к простоте древнего и святого богословия. И любые вопли, буллы, запреты и обвинения бессильны вырвать эту любовь из сердца верного христианина».

В 1522 году Эразм с горечью признал, что разрыв неизбежен. Своими мыслями по этому поводу он поделился с духовником Карла V Педро Руисом де ла Мотой: «Если шут вызвался плясать, а сам косолапит, то над ним только посмеются. Мы тоже не сумели понравиться, и что же? Нас уже именуют еретиками. Только ведь я меньше всего стремился нравиться, я хотел принести пользу. И когда это уже начало у меня получаться, случилась трагедия с новым Евангелием. Поначалу это учение встретило почти поголовное одобрение и многими воспринималось как чудо, но потом сами сектанты наломали таких дров, что началось какое-то безумие... Что до меня, то я никогда не понимал бунтарской правды, и еще меньше склонен благоволить ереси».

Итак, Эразм наконец отказался видеть в возникшей проблеме только психологические корни и обратился к ее богословской подоплеке. Лютер не потому бунтарь, что природа наделила его взрывным характером, а потому, что его доктрина противоречит христианской вере. Эразм приходит к важному для себя выводу: «Ни жизнь, ни смерть никогда не разлучат меня с католической Церковью». Вот когда виттенбергские богословы обрушили

на своего бывшего попутчика град ударов, соответствующий глубине постигшего их разочарования. Как писал Эразм, они засыпали его «публичными оскорблениями и воинственными памфлетами».

На сей раз борьба сместилась в сферу противостояния между лютеранством и христианским гуманизмом. Теперь уже Эразм дал себе труд внимательно изучить доктрину своего противника, хотя до сих пор, озабоченный сохранением мира, не слишком вдавался в тонкости лютеранства. Начав читать (напомним, что шел 1523 год), он обнаружил в новом учении массу «парадоксов и загадок». Особенно его поразили совершенно бездоказательный, на его взгляд, тезис о «греховности всех человеческих деяний, включая деяния святых», а также тезис о невозможности свободного выбора. По последнему пункту впоследствии развернулась особенно ожесточенная дискуссия. В то же самое время он вслед за многими другими понял, что глубоко заблуждался относительно побудительных мотивов и целей лютеранского движения, которые не имели ничего общего с моральным обновлением Церкви. В своем письме к декану капитула в Турне он горько сетовал на проповедников нового Евангелия: «Одни из них видят в нем только удобный способ удовлетворения своих безумных страстей и плотских желаний, а кое-кто и явно зарится на церковное добро; другие охотно пользуются им как предлогом для разбазаривания собственного имущества в пьяных дебошах, надеясь затем восполнить утраты с помощью грабежей и вымогательства».

До Лютера дошел слух, что базельский мыслитель готовит серьезную книгу с критикой его тезисов. Мэру опасности он осознал сразу и, испуганный, 20 июня 1523 года отправил Эразму пространное письмо, которое несмотря на высокомерно-снисходительный тон не могло скрыть тревоги писавшего. «Не хочу упрекать вас, — начал он и тут же перешел к упрекам, — но ваши книги, напечатанные с целью снискать себе милость со стороны наших врагов или отвлечь от себя их гнев, причинили нам немало неприятностей. Очевидно, Господь не одарил вас достаточной силой и мужеством, чтобы принять от этих чудищ открытый бой. Что ж, мы не станем требовать от вас того, что превосходит ваши возможности...»

В этом весь Лютер. Надеясь умягчить сильного противника, он с первых же шагов не может удержаться от презрительного сарказма. В конце концов он все-таки проговаривается о своих страхах: «Мы всерьез опасаемся, как бы под влиянием наших врагов вы не перешли к открытым нападкам на наши догматы. В этом случае мы будем вынуждены вступить с вами в борьбу». Чтобы просьба не выглядела откровенной слабостью, он сопровождает ее угрозой. И напоминает Эразму, что главная

ответственность за разгоревшийся конфликт лежит именно на нем, ведь это он «самым недостойным образом побудил к активным действиям» сторонников новой религии, а теперь (о, слабость человеческая!) они уже не в состоянии проявить необходимую выдержку. И виттенбергский учитель предлагает себя в качестве посредника между Эразмом и собственными разгоряченными последователями, как будто сам он вообще ни при чем и нейтральным наблюдателем взирает сверху на чужую ссору. Единственное, что требуется от Эразма — молчание. «Прошу вас об одном: не вмешивайтесь больше в нашу трагедию, не вступайте в союз с нашими противниками, в частности, не выступайте в печати против меня».

Итак, условия договора определены. Предупреждение Лютера прозвучало: если Эразм после всех своих колебаний все-таки решится занять жесткую богословскую позицию и поставит свое перо на службу Церкви, пусть готовится к тому, что на него будет спущена свора памфлетистов. Понимал ли Реформатор, насколько его предложение неприемлемо для христианина, насколько унижительно оно для писателя? В это же время Георг Саксонский, также узнавший о творческих планах Эразма, с горечью писал ему: «Если бы вы осуществили свой благородный замысел три года назад, пылающий сегодня пожар принес бы куда меньше бедствий, а мы не оказались бы в теперешнем печальном положении».

Эразм ответил Лютеру не только как мудрец, но и как человек, знающий себе цену. Если бы он в самом деле ставил себе целью повергнуть Лютера и его единомышленников, он нашел бы способ привлечь к себе симпатии власть имущих, однако он не сделал этого, потому что в результате пострадала бы Церковь. Что касается книги, над которой он работает, то она одна принесет делу защиты Евангелия больше пользы, чем все безумные сочинения тех, кто называет себя лютеранами. Одновременно он написал Гаспару Гедио, бывшему проповеднику при Майнцском дворе, ставшему активным пропагандистом идей Реформации в Страсбурге: «Люди, которые не боятся никаких преступлений, обвиняют меня в малодушии. Если б я мог надеяться, что в один прекрасный день совесть моя успокоится при виде добрых плодов этого учения, я бы показал, что не боюсь ничего. Но посмотрите сами, к чему ведет проповедь их Евангелия! Они выбросили вон из храмов и домов изображения святых, но почему же, без конца поминая Евангелие, они не спешат изгнать из своего сердца идола плотских утех, куда более опасного?»

Значит, книга будет написана. Приняв это решение, Эразм сразу почувствовал, что его спокойной жизни в Базеле пришел конец. Человек, которого почитала и прославляла вся Европа, в письме к кардиналу

Кампеджо делился своей тревогой: «Приходится постоянно быть настороже, потому что, попытайся я уехать из города, меня разорвут на части немцы, которые своим поведением все больше напоминают сумасшедших. Многие из тех, кто кичливо именует себя евангелистами, скорее заслуживают звания бесноватых, настолько они безрассудны». Новым, незамутненным взглядом озирался он вокруг, и увиденное заставляло его содрогнуться от омерзения. «У меня на глазах, — доверительно сообщал он герцогу Саксонскому, — под знаменем Евангелия на свет рождается новая порода людей — бесстыжих, дерзких, своевольных. Кончится тем, что они доберутся и до самого Лютера». Рассказывая Гайа Германну о будущей книге, он заранее предвидел реакцию, которую ее появление вызовет у людей, живущих «с Христом на устах и дьяволом в сердце». Те же мысли звучат в его письме к Теодору Гезию: «Самые священные слова, такие, как Евангелие, Слово Божье, Вера, Христос, Святой Дух, не сходят у них с языка, однако большинство из них ведет себя так, что у меня нет ни малейших сомнений — это бесноватые». В письме к Генриху Штромеру снова читаем: «Новое Евангелие имеет одно неоспоримое достоинство — оно наглядно показало нам, что из себя представляет новая порода людей, бессовестных, лукавых, презирающих все и вся святотатцев, которые даже между собой не могут договориться, потому что ни к чему не питают уважения, а способны только к ругани и склокам. Не могу вам передать, до чего отвратительны мне эти буйные и опасные безумцы. Знай я, что есть на Земле место, куда еще не проникла эта зараза, бежал бы туда не раздумывая».

Своими огорчениями он делился даже с Меланхтоном. Оба принадлежали к одному и тому же племени гуманистов, несмотря ни на что поддерживали между собой ровные и вежливые отношения. «Когда-то, — писал он, — Евангелие вызвало к жизни новую человеческую расу... О том, что зарождается сегодня, я бы предпочел умолчать. Люди, которых еще недавно я относил к числу лучших, веря, что они живут для добродетели, изменились настолько, что стали неотличимы от худших из худших. Они очень любят ссылаться на Евангелие, только никому кроме себя не позволяют его толковать». «Если раньше, — читаем в еще одном письме, — Евангелие превратило грубых, диких, алчных, жестоких святотатцев в человеческих, добрых, милосердных и миролюбивых людей, то что же творит с ними новое Евангелие? Как последние нечестивцы, они только и думают, как бы завладеть чужим имуществом, сеют вокруг себя семена раздора и клеветают на честных людей! Куда ни глянь, повсюду одно лицемерие и новая тирания, и ни следа истинно евангельского духа!»

Книга, озаглавленная «Критика свободы воли, или Вклад Дезидер Эразма», увидела свет в Роттердаме 1 сентября 1524 года (печатать ее в Базеле автор не решился). Общая ее тональность отличалась сдержанной твердостью и вежливой убедительностью. Принимая бой на территории противника, автор не стал черпать аргументы ни у античных-мыслителей, ни у современных философов, но предпочел обойтись одним Священным Писанием. Он начинает с утверждения, что, ознакомившись с тезисами Лютера о человеческой свободе и «оценив всю изобретательность и выразительную силу последнего», не может согласиться с его выводами. Прежде чем перейти к дискуссии, он не может удержаться от выпада против тех, кто привык «с упорством цепляться за одни и те же доводы, лишь бы доказать правоту раз и навсегда усвоенной идеи, даже если для этого им приходится вывернуть наизнанку все тексты Писания». Он напоминает таким спорщикам слова святого апостола Петра: «Это невежды и изменники, которые извращают Писание себе на погибель».

Он упрекает Лютера и его сторонников в том, что они не подумали о грядущей опасности, когда предложили вниманию самой широкой публики вопросы, смущающие душу, сеющие сомнения, ведущие к гибели и греху. Почему они не захотели ограничиться дискуссией в своей, богословской, среде? Вот они утверждают, что человек не в состоянии достичь блага собственными силами. «Что может быть опаснее, чем этот парадокс для непосвященного? Брошенное в народ, это заявление способно толкнуть на любые беззакония огромное число людей. Обычный человеческий разум слишком неуклюж, слишком привязан к плоти, слишком склонен к безверию, подвержен злу и легко мирится со святотатством. Для чего же подливать масла в огонь?»

Очень жаль, пишет Эразм, что Лютер намеренно игнорирует сочинения Отцов Церкви, в которых подчеркивается значение свободной воли человека перед лицом благодати; при этом он приводит обширный список таких авторов. Неужели их единодушное мнение недостаточно авторитетно? Что касается его, Эразма, то он присоединяется к их мнению. Ему могут возразить, что Писание и так ясно и не нуждается в комментаторах. Но если так, то придется признать, что все эти выдающиеся умы пребывали в ослеплении, а Церковь вместе с ними в течение тринадцати веков ошибалась в столь важном вопросе. Затем Эразм, все еще не забывший ужасного впечатления, которое на него произвели своим поведением поборники нового Евангелия, переходит к аргументации морального порядка. Те, кто следовал учению Христа, верили в свободу, как «всем сердцем верили в нее и святые, защищавшие право человека на

свободный выбор». Что же говорят современные толкователи Писания, утверждающие, что им диктует Дух Святой? «Если спросить их, почему Дух избрал именно их, а не тех, кто своими чудесами прославился на целый свет, они ответят так, будто никакого Евангелия в минувшие тринадцать столетий вовсе не существовало. Если вы станете требовать от них, чтобы они вели жизнь, достойную Духа, они ответят, что искупление дается верой, а не делами. Если вы попытаетесь предложить им в свою очередь сотворить хоть какое-нибудь чудо, они ответят, что время чудес давно миновало».

Следующая часть книги посвящена рассмотрению тех библейских текстов, в которых наиболее ясно выражена мысль о свободе нравственного выбора. В Книге Екклесиаста Бог говорит: «Вот перед человеком жизнь и смерть, добро и зло: что изберет он, то и будет ему дано». Эразм согласен с Блаженным Августином, разработавшим теорию упреждающей благодати, которую Бог даровал человеку, чтобы он мог действовать свободно. Эта идея целиком соответствует Писанию, что подтверждают приводимые Эразмом отрывки из Книг Бытия, Второзакония, Царств, пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля, Захарии.

Затем он переходит к Евангелию, комментируя в числе прочих и тот эпизод, где Христос говорит богатому юноше: «Если хочешь быть совершенным...» Доказывая необходимость творить добрые дела, он напоминает пророчество о Страшном суде: «Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть...», и проклятие, обрушившееся на города, которые «не захотели покаяться». Далее Эразм обращается к любимому автору Лютера — святому апостолу Павлу — и приводит в пример отрывки из Послания к Римлянам, где говорится, что Бог каждому воздаст «по делам его», а также из Первого Послания к Коринфянам и обоих Посланий к Тимофею. Затем, воспользовавшись методом доказательства от обратного, он анализирует наиболее важные тексты, послужившие источником его оппоненту, и подвергает безжалостному разгрому основанную на них аргументацию. Эта часть «негативной» критики заканчивается выводом, имеющим непосредственное отношение к лютеровской теории о непобедимости похоти: «Когда наши противники говорят, что человек ничего не может без Божьей благодати, следовательно, ни одно из его деяний не может быть добрым, мы можем возразить им с помощью такого, на мой взгляд, убедительного довода: человек с помощью Божьей благодати может все, следовательно, все его деяния могут быть добрыми». В заключительной части своей книги, рассматривая скорее психологический, нежели чисто богословский аспект проблемы, Эразм сумел подняться и над

пелагианством, и над совершенно поверженным им лютеранством: он советует своему читателю не полагаться в вопросе спасения души ни исключительно на Божью благодать, ни на одни лишь собственные заслуги.

«Критика» имела огромный успех. Ее появления с нетерпением ожидали не только в Германии, но и за ее пределами. В частности, в Англии, где Эразм в прошлом подолгу жил, его друзья Томас Мор и король Генрих VIII встретили выход книги с большим удовлетворением, потому что она не только показала, что у Лютера есть могучий оппонент, но и продемонстрировала тенденцию к примирению гуманизма с католической верой. Тем не менее, ряд богословов-католиков, приверженцев схоластики, затаивших на Эразма обиду за его предыдущие насмешки в свой адрес, выразили явное неудовольствие новым трудом мыслителя. Неодобрительно отнеслись к книге сорбоннские доктора, а римский богослов Хуан Гинее де Сепульведа упрекнул Эразма в слишком узком подходе к проблеме: напрасно, рассудил он, автор ограничился анализом Писания и не воспользовался аргументацией из сферы естественной истории и логики. Между тем последующие поколения теологов пришли к мнению, что «Критика», написанная в яркой индивидуальной манере, полностью согласуется с учением св. Фомы Аквинского, а некоторые из ученых предполагают, что именно у Фомы заимствовал Эразм наиболее убедительные аргументы.

Удивительно, но произведение гуманиста встретило более горячий отклик среди отдельных из лютеран, нежели среди схоластиков. Так, стразбургский богослов Вольфганг Капитон, не принимавший учения виттенбергской школы о благодати, отозвался о книге Эразма весьма одобрительно, а впоследствии, к великому возмущению своих собратьев, перевел трактат Эразма о единстве Церкви на немецкий язык. Лейпцигский мыслитель Петер Шаде, известный также под именем Мозеллания, отвергавший учение Лютера о предопределении, восторженно встретил книгу, прославлявшую свободу. Даже сам Меланхтон продемонстрировал определенное удовлетворение. Позицию Лютера относительно необходимости греха он считал крайностью; гуманист по образованию, воспитанный на принципах рационалистической философии (столь ненавидимой его учителем), он все-таки не до конца разделял богословские взгляды реформаторов и в личном письме выразил Эразму благодарность за проявленное в освещении этого вопроса чувство меры.

Лютер долго медлил с ответом. Он боялся оказаться не на высоте поставленной задачи. В частности, он признавался, что не владеет латынью в таком же совершенстве, как его оппонент, и не хотел ронять свой престиж

в глазах гуманистов. Когда друзья начинали торопить его, он отмахивался, притворяясь, что дело не стоит того: «Что за интерес отвечать на столь слабое творение столь выдающегося ума?» Наконец, в декабре 1525 года он выпустил в свет сочинение под названием «О порабощенной воле» («De servo arbitrio»), в котором еще раз излагал все свои взгляды на проблему свободы воли. Отточенный слог этого произведения должен был не только посрамить его противников, но и выбить почву из-под ног критиков, привычно упрекавших его в грубости выражений. Он считал эту работу самой значительной из всего им созданного, а потому позаботился, чтобы немецкий перевод, выполненный Ионасом, появился сразу вслед за латинским текстом.

Этот теоретический труд несет на себе яркий отпечаток личности автора. Впрочем, у Лютера иначе и быть не могло. Во-первых, несмотря на изначально заданную самому себе установку (на первых тридцати страницах нет ни одного ругательства), он тем не менее время от времени позволяет выпады против оппонента, доказывая, что личный спор с

Эразмом заботил его не меньше, чем научная основа полемики. По мнению Лютера, этот «переменчивый и скользкий» писатель, невежественный комментатор и посредственный ученый, болтливый софист, «несерьезный безбожник» и святотатец для защиты своих взглядов не нашел ничего лучше кучи «мусора» и «отбросов». Он же именуется злобным спорщиком и любителем наслаждений. Эта жалкая дюжина эпитетов, разбросанных на трех с лишним сотнях страниц текста, свидетельствует о чудесах выдержки, проявленных Лютером.

Еще один личностный аспект этого произведения проявился в том, что его автор не счел нужным скрывать связь, которая существовала между теоретическими основами его учения и внутренними проблемами, заставившими его задуматься над загадками судьбы. Он признается, что одно предположение о свободе воли «глубоко ранило его и доводило до отчаяния», так что в иные минуты он «жалел о том, что родился на свет». Впрочем, именно это отчаяние и толкнуло его к спасительному открытию благодати. Он придает этой стороне своего учения столь важное значение, что еще раз напоминает о ней читателю в конце работы, формулируя выводы. Если бы сам Бог захотел предоставить ему, Лютеру, свободу воли, он отказался бы от этого дара; он ни за что на свете не согласился бы с тем, чтобы решение вопроса его спасения оказалось в его собственной власти, потому что в этом случае ему никогда не удалось бы «успокоить свою совесть». «Теперь, когда Бог освободил меня от свободы выбора и препоручил дело моего спасения божественной воле, я получил надежду на

спасение вне зависимости от моих добродетелей и деяний, но исключительно через Божью благодать и Божье милосердие».

Как же убедить других в справедливости этой истины, как заставить их последовать за ним? Лютер обращается к таким приемам толкования Писания, о которых Эразм не имел понятия. Он говорил, что Писание не всегда поддается ясному прочтению? Отчего же, поддается, но только не всем, а тем, на ком Дух Святой. Истинная вера не ведает мрака, а так называемые темные места Библии, которая сама по себе есть «свет более яркий, чем свет солнца», появились в результате стараний схоластов, этих губителей душ и верных слуг сатаны. Эразм ссылается на авторитет Церкви, пытаясь прояснить то, что видится ему как в тумане, то есть признается в своем скептицизме? Однако истинный христианин не приемлет скепсиса, значит, этот путь не может вести к истине. Лютер вынужден признать, что Отцы Церкви действительно исповедовали свободу воли, но делали это, утверждает он, лишь «по слабости человеческой», и чем решительнее защищают они этот догмат, тем меньше у нас оснований «доверять им в толковании Священного Писания».

Затем автор обращается к библейским текстам, на которые в споре опирался Эразм. Лютер «перетолковывает их по-своему, — отмечает Кун, — порой извращая их смысл в пользу своей доктрины». Святой Иаков? Но его Послание — позднейший апокриф! Святой Петр? «Законченный образец грешника». Святой Павел? Традиционное толкование его высказываний в пользу свободы воли «есть крупнейшая победа, одержанная сатаной над Церковью». Хорошо, но существуют Божьи заповеди. Для чего, спрашивается, Бог дал их людям, если заранее знал, что они будут нарушены? «Заповеди, — объясняет Лютер, — даны для того, чтобы показать нам наше ничтожество. Признав невозможность исполнения Божьих приказов, мы проникаемся пониманием собственного ничтожества и уповаем на благодать». Вот он, опыт монашества, определивший всю направленность его учения!

Здесь же Лютер в сжатом виде формулирует главный догмат своей веры: «Все, что сотворено Богом, единым Богом, и движимо, все приводится в действие Его всемогуществом. Ни одно существо не может избежать Его власти, никто не в силах ничего изменить. Самая воля наша зависит от Бога, и когда человек хочет того или другого, это значит, так угодно Богу». Значит ли это, что человек, не удостоенный дара спасительной веры, обречен на гибель? Именно так! «Поскольку человек получает освобождение только милостью воли Божьей, которая и заставляет тех, кому предначертано спастись, внутренне стремиться ко

Христу, то это означает, что всем остальным спасение недоступно».

Учение о предопределении тесно связано с манихейством, согласно которому Бог и сатана делят друг с другом власть над человеческими душами. Одним предначертано служить Богу, другим — сатане. Утверждение несвободной воли «сводится к следующей формуле. Если в нас Бог, то места для сатаны просто нет, следовательно, мы можем стремиться только к добру; если в нас нет Бога, значит, его место занимает дьявол, и все наши побуждения будут направлены ко злу». И Лютер набрасывает захватывающий образ: человек — всего лишь жалкое вьючное животное, слепо повинующееся воле наездника. Если его оседлает Бог, то оно поскачет напрямик к спасению, если же его взнуздает дьявол, то дорога ему одна — к гибели. Как писал царь Давид: «Пред Тобой, Господи, я — словно неразумное животное». Следовательно, делает вывод Лютер, «не в человеческой воле избирать себе хозяина. Двое всадников сражаются друг с другом и спорят, кому владеть человеческими душами».

Но остается еще один, последний, аргумент, приводимый Эразмом, который Лютер также спешит опровергнуть. Поскольку Бог добр и всемогущ, Он по самой своей природе не может не одарить спасительной благодатью всех людей до единого. И в Писании говорится, что Богу угодно всех людей привести к спасению. Не так все просто, возражает Лютер. Божественная воля бывает двух видов. Есть явная воля Божья, о которой и говорится в Писании. Проявляя эту волю, Бог «ищет спасения для всех людей, привлекает их к себе и внушает им доверие к себе». Но помимо этой очевидной воли Божьей «есть и другая, несоизмеримая с первой и представляющая собой непостижимую тайну. Этой волей творится жизнь и смерть людей, этой же волей изначально решается, кому из людей будет даровано спасение, а кого ждет вечное проклятие».

Таким образом, главный вывод, к которому подводит учение о порабощенной воле, заключается в том, что наряду с ясной истиной Писания существует еще одна, сокрытая от человека, истина, оставшаяся неведомой и Отцам Церкви, и Эразму, но тайно открытая ему, Лютеру. Иначе говоря, есть лживый Бог, который говорит с нами через Писание, и есть настоящий, правдивый Бог, тщательно прячущий свою волю от людей. Тогда зачем изучать Писание? И стоит ли строить в соответствии с ним свою жизнь?

Лютер уходит от ответа на этот вопрос, зато предвосхищает другой, относящийся более к сфере морали, нежели к чистой теологии, а потому более животрепещущий. Почему Бог, который добр и располагает властью для спасения всех людей, лишает их свободы выбора между добром и злом,

но не обещает спасения каждому? Разве можно вменять человеку в вину грехи, совершенные помимо собственной воли? Как может Бог осуждать невинных? На этот вопрос Лютер находит ответ в Писании: «Кто ты таков, человеке, что хочешь подняться против Бога? Разве глиняный горшок спрашивает у горшечника, почему ты сделал меня таким?» Бог не обязан перед нами отчитываться. Что касается нас, то мы превратно понимаем самую сущность добра. Добро — это то, что угодно Богу. Нам же не остается ничего иного кроме поклонения Его загадочной воле.

В начале своей книги Лютер упрекал Эразма в том, что, найдя отдельные отрывки из Библии туманными и не сумев их прояснить, он спрятался за авторитет толкований, принятых Церковью. Сам же он, объявив ясность Писания ложной, а истину непостижимой, пришел к окончательному выводу, что у человека остается единственный выход — отказаться от всяких попыток понять себя. «Наш природный разум возмущается, но вера и дух говорят нам: Аминь! Нам не дано знать. Это тайна, которая будет нам открыта только в будущей жизни. Тогда все загадки, сегодня кажущиеся нашему уму неразрешимыми, внезапно обретут полную ясность».

Лютер немедленно отправил Эразму экземпляр своей книги, сопроводив ее письмом, в котором обращал особое внимание гуманиста на сдержанный тон своего произведения, рассчитывая на взаимную признательность. Вскоре он получил и ответ. Три месяца спустя вышел в свет «Гипераспистес», что по-гречески буквально значит «воин со щитом». На сей раз Эразм решил не ограничивать поле сражения Священным Писанием и яростно бросился в полемику, так что у его «воина» кроме «щита» оказался еще и острый меч. Эразм признал, что поначалу отнесся к новому Евангелию с искренней симпатией, но тут же показал всю несостоятельность его апостолов, поправших все христианские ценности, ввергнувших в заблуждение людей несведущих, приведших Церковь к расколу. Не отказал он себе и в удовольствии воспользоваться лексиконом своего оппонента: «Я предпочитаю оставаться овцой в отаре, нежели стать вожаком в стаде свиней». Он даже высказал подозрение, что для сочинения столь пространныго труда Лютер воспользовался посторонней помощью, и попутно подверг беспощадной критике окружение последнего.

Еще через год Эразм в качестве дополнения к этому труду выпустил памфлет, в котором богословский спор оказался круто сдобрен личными выпадами против Лютера. Poleмика не затухала до 1533 года, когда базельский мыслитель, перебравшийся во Фрайбург, опубликовал исполненную безмятежной кротости книгу «О восстановлении Церкви и

согласия», призывавшую к единству под эгидой Святого престола. Лютеране предприняли против него новую яростную атаку. Эразм им больше не ответил. Он только что закончил новую работу под названием «Подготовка к смерти».

11.

ЖЕНИТЬБА ЛЮТЕРА (1525)

«О лютеранстве, — писал Эразм, — повсюду говорят как о трагедии. Мне же оно больше видится комедией: и тут и там все заканчивается свадьбой».

С тех пор как Лютер причислил монашеские обеты к плотским деяниям, не играющим никакой роли в спасении души, и провозгласил непреодолимость похоти, монахи сделались лишними и никому не нужны; с тех пор, как он объявил священнический сан всеобщим достоянием, а духовное сословие обвинил в узурпации чужих прав, лишними стали и священники. Обет безбрачия, который принимали те и другие, в одночасье превратился в лицемерную папистскую уловку.

К признанию необходимости каждому христианину состоять в браке Лютер шел постепенно. В 1518 году, в «Десяти заповедях» он еще защищал тезис о безбрачии духовных лиц, хотя уже тогда настаивал, что это правило не является божественным установлением. Нарушение этого обета он считал тогда «святотатством, потому что осквернивший свое целомудрие священник оскорбляет Бога, которому принес его в дар. Нарушение обета безбрачия равнозначно осквернению святыни. Однако целибат священников есть скорее церковное, чем божественное установление. Что же касается монахов, добровольно посвятивших себя Богу, а потом нарушивших верность Ему, то для них утрата целомудрия является тягчайшим преступлением». Как видно из этой цитаты, в то время Лютер, несмотря на уроки, почерпнутые из Послания к Римлянам, подсознательно все еще стремился к религиозному совершенствованию путем добровольного личного самоограничения.

Но уже с 1519 года в его речах зазвучали упреки к Церкви, смысл которых сводился к тому, что Церковь, заставляя своих сынов принимать обет безбрачия, ставит их в безвыходное положение. Теперь он уже называл нечестивыми попытки заслужить милость Божью с помощью целомудрия, нищенствования или отправления религиозных обрядов, считая, что оправдание дает одна вера. Тем не менее в этом же году он высказывал по поводу освященного Церковью celibата вполне католические убеждения: «Каждый должен решить для себя, при каких условиях ему лучше всего удастся победить грех и укротить природу. Тот, кто вступает в брак, должен быть готов к трудам и страданиям,

свойственным этому состоянию, дабы воздействовать на собственную природу и лучше подготовиться к смерти. Тот же, кто не боится тяжких страданий и хочет как можно быстрее подготовиться к смерти путем несения многих повинностей, дабы скорее осуществить то, что предначертано ему крещением, должен хранить целомудрие и принять духовный сан, потому что принадлежность к духовному сословию, если правильно ее понимать, сопряжена с высшими страданиями и лишениями. Поэтому такой человек скорее сохранит верность крещению, чем тот, кто состоит в браке».

В этом отрывке явственно слышны отголоски мечты о подвигах аскезы, лелеемой Лютером времен послушничества, но впоследствии решительно им отвергнутой. Само монашество он еще расценивает как состояние совершенства и задается вопросом (весьма для него актуальным) о монашеском призвании. Способен ли человек, избравший для себя в жизни эту стезю, навсегда сохранить целомудрие? Все в том же году, рассказывая в одной из проповедей о браке в Кане Галилейской, он утверждал, что Евангелие, рекомендуя целомудрие как неперемнное условие монашеского существования, оставляет право окончательного выбора свободной воле каждого конкретного человека.

В 1521 году, уже после разрыва с Римом, он написал книгу, посвященную монашеским обетам, в которой занял диаметрально противоположную позицию. 15 августа он сообщал о своих планах «разорвать узы целибата, как того требует Евангелие», однако признавался, что пока не знает, как это сделать. О том же самом намерении он проговорился и в День Всех Святых: «Мы с Филиппом Меланхтоном заключили могущественный союз с целью выкорчевать и уничтожить монашеские и священнические обеты». Отметим, что он сделал это заявление сразу после окончания своего затворничества в Вартбурге, где ему пришлось пережить тысячу плотских искушений и, по его собственному признанию, совершить грехопадение. Вероятно, упоминая про соглашение, заключенное с Меланхтоном, он намекал на свое к нему письмо от 9 сентября: «Каждый, кто принял обет, противоречащий евангельскому духу свободы, должен быть от него освобожден, а сам обет должен быть предан анафеме». Монахи принимают обеты, полагает он, «в нечестивом убеждении, что утратили благодать, дарованную им крещением», и в надежде заслужить ее снова подвергают себя всевозможным строгостям, вовсе не предписанным Богом. Как сообщает Лютер в другом своем письме, крестовый поход против монашеских обетов он начал с единственной целью «освободить молодых людей от ада

безбрачия, этой достойной всяческого порицания скверны, вынуждающей их тела терзаться зудом желания».

Начиная с 1520 года он уже высказывается за развод либо, если последний недостижим, за двоебрачие. Что, вопрошает он, должна делать женщина, если она не может иметь детей от своего мужа? Если из-за его слабости она принуждена терпеть воздержание? Лучше всего потребовать от мужа развода. Если он отказывается предоставить ей свободу, то пусть она больше не считает себя его женой и тайно вступит в союз с другим мужчиной, хотя бы с деверем; ребенок же, родившийся от этого союза, должен считаться сыном обманутого мужа. Если же муж настроен совсем уж непримиримо, совсем оставить его и найти себе другого. Лучше обзавестись вторым мужем, чем сгорать в огне неуголенного желания или «становиться прелюбодейкой»! Чуть позже он выскажет тот же самый совет, разбирая вполне конкретный случай. Своему корреспонденту, обманывающему жену, он рекомендует бросить надоевшую супругу и найти себе другую женщину. Только новый союз, поясняет он, позволит ему избежать греха прелюбодеяния. Лютер считает, что и гражданская власть должна сказать свое слово. Если женщина отказывается исполнять супружеские обязанности, «против нее должна выступить законная власть и под страхом смертной казни принудить ее повиноваться мужу».

В 1522 году в проповеди о супружеской жизни Лютер утверждал, что вступление в брак обязательно для каждого мужчины и каждой женщины. «Точно так же, как я не могу не быть мужчиной, я не могу обходиться без женщины. И наоборот: так же, как ты не можешь не быть женщиной, ты не можешь оставаться без мужчины. Речь идет не о прихотях или необязательных пожеланиях, но о самых естественных и насущно необходимых вещах. Каждый мужчина должен иметь женщину, каждая женщина — мужчину. Закон, изложенный самим Богом — плодитесь и размножайтесь! — это не просто заповедь, это нечто большее: божественное творение. Это даже более необходимо, чем есть и пить, справлять естественные надобности, спать и бодрствовать».

Кем же предстают в свете этого учения монахи и монахини? Раз они не исполняют Божьей заповеди, значит, не имеют веры. Их целомудрие стоит меньше, чем материнство незамужней девицы. Потому те из них, кто еще «чувствует в себе способности к продолжению, рода и увеличению числа Божьих созданий», должны немедленно оставить монастырь. В письме, написанном несколько месяцев спустя, он снова возвращается к этой мысли, как всегда, облекая ее в поразительно тактичную форму: «Если бы кто-нибудь захотел запретить себе испражняться и мочиться, но не смог

бы этого сделать, что бы с ним стало? Вот так же трудно мужчине или женщине блюсти обет целомудрия!» В том же году, комментируя Послание к Тимофею, он утверждает, что монашеские обеты придуманы папством, и приходит к такому выводу: «Римский владыка запрещает браки... Тем самым он приказывает мужчине перестать быть мужчиной, а женщине — женщиной».

Называя брак Божьей заповедью, позволяющей избежать греха прелюбодеяния, Лютер в то же самое время считает сами супружеские отношения греховными. В 1521 году он называл брак «поганым таинством». В книге о монашеских обетах он пишет: «Как говорится в 50-м псалме, супружеский долг есть грех и крайнее проявление насилия. С точки зрения утоления страсти или постыдных желаний, он ничем не отличается от любодеяния и блуда». Если Бог и не карает супругов за этот грех, то «из чистого милосердия, понимая, что не согрешить нельзя, хотя мы и должны бы сдерживаться».

Год спустя, то есть в 1522 году, он по-прежнему защищает тот же принцип: «Если я и превозносил ранее супружескую жизнь, то не потому, что считаю ее безгрешной... Супружество невозможно без греха, однако милосердный Бог прощает этот грех, потому что брачный союз есть творение рук Его. Разрешая этот грех, он одобряет и благословляет брак».

Поскольку всякая плоть греховна, между браком и любодеянием нет существенной разницы, хотя степень греховности в том и другом случае не одинакова. Поэтому переход от одного к другому уже не кажется чем-то чрезвычайным. Мало того, с учетом порочности человеческой природы он представляется скорее неизбежным. Нет такого супружества, которое обходилось бы без измен. Таким образом, тот, кто нарушил ранее данный обет, надеясь обрести покой в брачном союзе, получит только новую головную боль. Лютер отразил и этот момент психологии в своем учении: «Страсть не поддается излечению даже в браке, потому что все женатые люди прелюбодействуют». Монах, который жил благочестивой жизнью в своей обители, рассуждает он, а потом покинул ее ради женитьбы, в конце концов пресытится законной супругой и обязательно возжелает чужую. По его мнению, каждый из состоящих в браке может сказать своему супругу: «Я не могу жить ни с тобой, ни без тебя». «И эта чудовищная гнусность, — комментирует он, — проистекает из самой честной и выдающейся части нашего тела. Я называю ее выдающейся, потому что она служит высокому делу продолжения рода, во всяком случае, пока сохраняет к нему способность. Но из-за нашей греховности самый полезный человеческий орган превращен в самый постыдный».

В 1523 году Лютер снова возвращается к этой идее, подчеркивая, с одной стороны, бесполезность целомудрия, а с другой — пользу плотского удовлетворения: «Бог не отнял у человека его телесных свойств, дав ему половые органы, семя и плод; тело христианина должно служить зарождению новой жизни, способствуя размножению рода, как и тело любого другого человека, как и тело всякой птицы и всякого зверя. Для того Бог и создал его. Таким образом, во всех случаях, где речь не идет о Божьем чуде, сама необходимость требует, чтобы мужчина соединялся с женщиной, а женщина с мужчиной». Разумеется, Бог способен также сотворить с человеком чудо целомудрия, и по одной этой причине следует признать разумность существования хотя бы немногих монастырей, служащих приютом для этих исключительных людей. Отметим, что еще два года спустя Лютер называл девственность «редкостным и драгоценным даром», которым, увы, не владеет никто. В том же году он восклицал: «Если вам не дан дар целомудрия, вы не смеете брать на себя такой обет. Но только дара этого вы не получите никогда».

Из понимания животной природы брака, основанного на желании и удовлетворении инстинкта, логично вытекает и терпимое отношение к разврату. Лютер не только не отрицает возможности распутства, но и благословляет его, именуя христианской свободой. Еще в 1523 году он пояснял, что в соответствии с требованиями этой свободы «пред лицом Господним мы вольны распоряжаться всеми внешними проявлениями своей жизни. Каждый христианин может делать со своим телом все, что ему угодно, пользоваться или не пользоваться своими телесными возможностями как заблагорассудится. Твой единственный долг перед Богом — верить в Него и исповедовать эту веру. Во всем остальном ты можешь делать все, что хочешь (неужели он все-таки признал свободу воли? — И. Г.), нисколько не боясь повредить своей совести. Ты можешь бросить жену, предать хозяина, нарушить любое из данных тобой обещаний — Богу нет до этого никакого дела. И то сказать, что для Него твои дела и поступки?»

Как же должен в таком случае относиться терзаемый желанием мужчина к женщине, этому «глупому животному»? Реформатор и на этот вопрос дает ответ: «Творения Божьи с очевидностью внушают нам, что женщин следует использовать либо для брака, либо для проституции». Женщина, созданная лишь как средство удовлетворения природного инстинкта самца и производительница потомства, должна чувствовать себя счастливой и здоровой, исполняя обе эти функции. «Если женщина умирает, изможденная многочисленными родами, ничего страшного в этом

нет. Она и должна умирать, лишь бы рожала, — для того она и создана. Лучше прожить короткую, но здоровую жизнь, чем влачить долгое, но болезненное существование». Целомудрие есть насилие над природой, а когда человек «допускает надругательство над своей природой, самое тело его становится болезненным, слабым, вялым и источает дурной запах». Позже, храня верность этому принципу, он заявит: «Тот, кто чувствует себя мужчиной, должен иметь жену и не искушать Господа. Если у девиц имеется особый орган (в немецком оригинале употреблено более грубое слово. — И. Г.), то он дан им для того, чтобы исцелять мужчин от грязных извержений и прелюбодеяния». И еще: «Пока есть на свете женщины и девицы, есть надежда спастись от возмущений плоти и соблазнов».

В ноябре 1525 года, то есть спустя пять месяцев после собственной женитьбы, он, как и предполагал, все еще не смог избавиться от искушения похотью. Тогда он дал следующее толкование шестой заповеди Божьей, защищая супружескую измену: «Бог оказал миру высокую честь, превратив его в стойло, битком набитое прелюбодеями обоего пола. Не было бы ничего удивительного, если бы мы ощутили в себе враждебность к Богу, ведь Он вынуждает нас к бесчестью, покрывает нас позором и срамом, не оставляя выхода никому, даже монахам, принявшим обет целомудрия. Посмотри сам, Бог настолько не доверяет никому из нас, что и предположить не может, что на свете найдется хотя бы один муж, хранящий верность своей жене, и наоборот. Бог не щадит никого. В этой заповеди он всех мужчин и женщин обвиняет в прелюбодеянии. Он говорит нам, что мы все без исключения бабники, и даже если нам удастся не выглядеть такими в глазах окружающих, мы знаем, что в душе мы именно таковы; располагай мы возможностью, местом, временем и поводом, мы все стали бы прелюбодеями. Такими мы родились, и из этого правила нет исключений. Земная юдоль есть огромная лечебница, все обитатели которой, мужчины и женщины, старики и молодые, страдают от одной и той же хвори. Это истинная чума, ее не сбросишь с себя, как платье. Мы впитали ее вместе с материнским молоком, и со дня нашего рождения она всегда с нами, подчиняя себе нашу плоть и кровь, мозг и кость, струясь в каждой из наших жил».

Подобные уроки не могли не принести результатов. В 1521 году, когда Лютер впервые открыто выступил против монашеских обетов, его бывший ученик Бернхарди фон Фельдкирхен, кюре Кемпена, сочетался законным браком. Церемонию освятил один из его братьев. В декабре того же года его примеру последовал Карлштадт, архидиакон Виггенберга и преподаватель университета, отлученный от Церкви одновременно с

Лютером. Учитель послал ему в связи с этим событием поздравительное письмо. На будущий год наступил черед Юста Ионаса, главы капитула коллегиальной церкви курфюршества и преподавателя правоведения. Стремясь объяснить свой поступок, Юст выпустил памфлет под названием «За брачевание лиц духовного звания, против Иоганна Фабера, покровителя проституции». Тогда же женился и Бугенхаген по прозвищу Померанец, витгенбергский священник. Одним словом, в лютеранство перешли все крупные церковные деятели города.

В 1523 году старший викарий конгрегации Венцеслав Линк сложил с себя должностные обязанности и женился. Лютер вместе с ним ездил в Альтенбург, где состоялось венчание, и лично благословил новобрачных. Вскоре он написал: «Мы побывали на свадьбе у Линка. Радостно видеть, как столь значительный человек не побоялся предать свое имя поруганию... Всего какой-то час позора, а потом — долгие годы счастья». Когда Линк вместе с женой перебрался в Нюрнберг, получив должность «надзирателя», в этом городе началась настоящая эпидемия. Аббат монастыря бенедиктинцев и глава капитула черного духовенства, а за ним следом и множество монахов-августинцев поспешили последовать его примеру.

В 1524 году бывший настоятель Виттенбергского монастыря Ланг женился на богатой вдове, бездетной женщине в преклонных летах, опровергая тем самым учение Лютера о смысле брака как института продолжения рода. Правда, уже на следующий год он обзавелся еще одной супругой, что в большой степени соответствовало заветам Реформатора. В начале 1525 года Лютеру сообщили о свадьбе Мельхиора

Миригша, настоятеля дрезденского монастыря августинцев. Лютер сейчас же отправил письмо Амсдорфу: «Приветствую нашего молодожена, толстого Мельхиора, и желаю ему жены покорной, какой он и заслуживает. Пусть она по семь раз на дню таскает его за шевелюру и трижды за ночь ублажает его пристойными супруге разговорами».

Впрочем, все эти случайные успехи не могли удовлетворить ярого врага монашеских обетов, который начал целенаправленную кампанию, и в личных письмах, и в публичных выступлениях стремясь убедить в своей правоте все новых и новых сторонников. Узнав о том, что его бывший ученик Вольфганг Райсенбух, глава капитула черного духовенства Лихтенберга, посмел в частной беседе преподать Лютеру урок богословия по проблеме брака, он решил раз и навсегда покончить со спорной темой, опубликовав «Христианское послание господину Вольфгангу Райсенбуху». Этим сочинением он намеревался убить сразу двух зайцев: склонить на свою сторону видного церковного деятеля и убедить в своей правоте всех

остальных священников.

Все возражения своих оппонентов он решительно отметал. Раз Бог придумал супружество, значит, Вольфганг обязан ему подчиниться; такова суровая необходимость жизни. Держаться за верность своим обетам означает стремиться к невозможному, возводить самого себя в ангельский чин, замахиваться на чудотворство, одним словом, полагаться на «дела», а не на благодать. «Если вступать в брак стыдно, то почему же не стыдно нам есть и пить? Ведь обе эти потребности одинаково насущны, поскольку сам Бог возжелал, чтобы было так». Совокупление есть неизбежная необходимость, которой рано или поздно поддается каждый. Подобно тому, как он подталкивал князей к грабежам, Лютер подталкивает священников к венцу: «Вас просто необходимо поторопить, подбодрить и поддержать. Что вы медлите? Поймите, по-другому не бывает и быть не может. Вперед!» Конечно, бедному монаху поначалу будет стыдно, но разве «не покрыл Христос все наши бесстыдства»? В конце концов Вольфганг не устоял перед натиском и нашел себе жену в Торгау.

Тем же самым методом воздействовал он и на Альбрехта Бранденбургского, гроссмейстера Тевтонского ордена. Вначале он лично встретился с ним для беседы, а затем опубликовал написанное по-немецки воззвание под красноречивым заголовком «Рыцарям немецкого ордена. Призыв к избежанию ложного и к достижению истинного христианского целомудрия». Разве не страдают рыцари от своего безбрачия? Разве не вступают некоторые из них в тайные связи? Так пусть же покажут пример другим, в частности, аббатам и епископам, и вступят на благословенную брачную стезю. Альбрехт поддался уговорам, а затем уговорил и своих монахов-рыцарей. Впрочем, прежде чем ответить на настойчивый призыв Лютера, он дождался титула герцога Пруссии и тогда уже торжественно сочетался браком с датской принцессой Доротеей.

Окрыленный своими успехами, Лютер нацелился и на более крупную дичь, которую присмотрел в лице курфюрста Альбрехта Майнцского. Курфюрст оказывал покровительство Гуттену, принимал у себя Капитана и к тому же вел светский образ жизни, внушавший Лютеру определенные подозрения по части нравственности. Атака началась с письма, похожего по содержанию на предыдущие, будоражащего воображение и вместе с тем обращенного к доводам рассудка. Не забыл автор и о финансово-политических выгодах. Если архиепископ откажется от своей принадлежности к духовному сословию (так или иначе обреченному на вымирание) и обзаведется законной супругой, он сможет превратить курфюршество в светское государство. Заканчивается письмо патетическим

призывом: «Нет ничего ужаснее для человека, чем дожить до самой смерти, так и не познав женщины! Если б еще он не испытывал искреннего стремления к женитьбе! И что же ответит он Господу, когда Господь скажет ему: «Я дал тебе пол не для того, чтобы ты жил одиноким. Где же твоя жена?»»

На сей раз все красноречие Лютера пропало даром. Курфюрст хоть и вел светскую жизнь, но отличался прочной верой, а честлюбивые замыслы не мешали ему хранить верность Церкви. Поэтому он с презрением отмахнулся от эротической рекламной кампании, раздутой Лютером. Привыкший к успехам красноречия почувствовал себя уязвленным. Он ждал долгих 13 лет, пока ему не подвернулась возможность опубликовать сочинение под названием «Против архиепископа Магдебургского, кардинала Альбрехта». Между тем курфюрст восстановил в Эрфурте католичество, вступил в католическую лигу Десау, а затем Шпайера и в конце концов по настоянию легата Морона и иезуита Пьера Лефевра, сподвижника св. Игнатия Лойолы, провел на территории своего государства католическую реформу.

Лютер никогда не смог бы считать свою миссию исполненной, если бы обошел вниманием женские монастыри, поскольку монашеские обеты таили для женщин не меньше вреда, чем для мужчин. Он вовремя позаботился о том, что-бы его труды проникли и в женские обители. Потраченные усилия не пропали даром. В марте 1523 года он узнал, что целая группа молодых цистерцианок из монастыря в Нимбшене, близ Гриммы, более или менее прониклась светом его учения о монашеских обрядах. В основном это были девушки из аристократических семейств, помещенные в монастырь родителями и не чувствовавшие к религии никакого призвания. В монастыре они откровенно тосковали и мечтали о светской жизни.

Лютер решил помочь им бежать. Первым делом он нашел умелого подручного, которым стал Леонард Коппе — муниципальный советник из Торгау. Для проведения рискованной акции последний выбрал пасхальную ночь, когда в монастыре никто не спал, а потому снующие по коридорам монахини ни в ком не могли вызвать подозрений. Участвовать в аванюре согласились 12 монахинь. Трое из них знали, куда податься, но девять остальных, боявшихся возвращаться в лоно семьи, пришлось перевезти в Виттенберг. Кое-кого удалось пристроить в семьи, других поместили в монастырь августинцев, практически опустевший. Среди этих последних оказалась и Магдалена фон Штаупиц, племянница бывшего старшего викария.

Дело получило огласку, и Коппе призвали к ответу. Лютер написал ему письмо, которое постарался сделать достоянием гласности. «Этот безумец Коппе, скоро услышите вы отовсюду, действовал по указке монаха, обвиненного в ереси и отлученного от Церкви. Он не только вырвал из стен монастыря девять монахинь, но и заставил их забыть о взятых на себя обетах. Вас станут именовать похитителем. Да, вы похититель, но только подобный Христу, ибо вы похитили эти несчастные души из темницы людской тирании. Вы совершили этот поступок в знаменательный день, в самый день Пасхи, когда Христос разрушил стены других темниц». Пример оказался настолько заразительным, что ему последовали сразу в нескольких монастырях Саксонии. Из Видерштеттена удрали сразу 16 монахинь. Пятеро из них нашли приют у графа Альбрехта Мансфельдского, остальные присоединились к беглянкам, скрывавшимся в Виттенберге.

Лютер не мог не ухватиться за столь удачное дело в целях дальнейшей пропаганды своих идей. Одного письма к Коппе ему показалось недостаточно. Не прошло и трех недель после последнего крупного побега, как в свет вышло его сочинение, озаглавленное «Почему девы имеют святое право покинуть монастырь». По мнению автора, на тысячу монахинь едва ли найдется одна, принявшая обет по собственной воле. Почему так происходит? Объяснение все то же: «За исключением особ, наделенных редкостным, выдающимся даром, обычная девушка не может обходиться без мужчины, как не может она обходиться без еды и питья, без сна и удовлетворения иных своих потребностей. Причина этого кроется в том, что деторождение является такой же глубокой надобностью нашей природы, как утоление голода или жажды. Вот почему Бог снабдил наши тела особыми органами, создал каналы, и семя, и все остальное, предназначенное для исполнения этой цели. Из этого я делаю вывод, что монахини, принуждаемые к целомудрию в стенах своих монастырей, покоряются чужой воле, тогда как на самом деле они страдают от отсутствия мужчин. Но, исполняя не свою, а чужую волю, они губят себя не только для этой жизни, но и для жизни будущей; познав ад в земном бытии, они не избегнут адской бездны и в мире потустороннем. Насильно навязанное целомудрие не в состоянии побороть природу. Как ни неприятно мне говорить об этом, но печальная необходимость требует, чтобы я ясно заявил: если природное истечение не попадает в плоть, оно марает рубашку». Удивительно деликатное объяснение богословской премудрости! Впрочем, раз автор не верит в целомудрие своих слушателей, чего стесняться? Только почему же монахини от стыда за свой поступок боялись ходить к исповеди и в результате восставали против Бога?

Выходит, ими руководил не Бог, а дьявол?

Некоторое время спустя в Виттенберге появилась еще одна монахиня, Флорентина фон Обервеймар, сбежавшая из обители в Ной-Гельфте, близ Эйслебена. Это был прославленный монастырь. Здесь в XIII веке под руководством св. Гертруды фон Гаккеборн создавали свои пламенные произведения две выдающиеся представительницы мистической мысли — св. Гертруда Великая и св. Мехтильда фон Гаккеборн. В их сочинениях нашло выражение то духовное единство и та глубокая вера, которыми отличалась жизнь общины цистерцианок. Но в XVI веке этому религиозному горению пришел конец.

Сестра Флорентина, наверняка хорошо знакомая с бесценными традициями своего монастыря, с трудом соглашалась принять учение доктора Лютера о монашеских обетах. Зато она охотно рассказала ему свою историю. Оказывается, она любила тайком читать книги, но ее застали за этим занятием и сурово наказали. Она чувствовала себя ужасно несчастной. Однажды монахиня, которая запирала ее в келье, случайно оставила дверь открытой. Флорентина воспользовалась подвернувшейся возможностью, бежала из монастыря и явилась в Виттенберг. Лютер расценил ее рассказ как неоспоримое свидетельство чуда и божественное знамение, указывающее на то, что ему следует продолжать начатое дело. Так на свет появилось еще одно сочинение — «Как Бог пришел на помощь монахине». Не приходится сомневаться, что на простых людей жалобный рассказ о судьбе несчастной девушки произвел куда более сильное впечатление, чем теоретические изыскания о свободе воли.

Почему же сам Лютер не спешил жениться? Он, так активно толкавший к браку и своих друзей, и знакомых епископов, и незнакомых священников, и даже монахинь? Вот уже в течение четырех лет он без устали повторял каждому встречному, что брак является необходимостью, что безбрачие невозможно, что для каждого мужчины, способного к супружеству, избегать сокоупления с женщиной значит наносить оскорбление Богу. Чем же объяснить его собственное поведение? Либо он такой способностью не обладал, либо грешил против Святого Духа... Почему, потратив столько лет на откровения по поводу собственных вожделений, живописуя в письмах и устных проповедях жаркий пламень желания, настоятельно требующий удовлетворения, сам он продолжал оставаться во власти этой неутоленной жажды? Разве не он во всеуслышание провозгласил многократно повторенные призывы: «Тело требует женщины и нуждается в ней»; «Мы созданы для брака, и Богу неуютно, чтобы хоть кто-то из нас оставался одиноким»? Почему он, столь

заботливо пекущийся о благополучии других, сам упорно сопротивлялся исполнению божественного закона?

Ряд историков видят причину воздержания Реформатора в том, что он слишком много работал и у него просто не оставалось времени на решение личных проблем. Подобный подход свидетельствует о плохом знании психологии Лютера. Как бы ни захватывала его работа, ему не удавалось с ее помощью загасить в душе внутренний огонь, и если он развернул целую кампанию в защиту вступающих в брак священников, то делал это прежде всего в собственных интересах. Не будем забывать, что само его учение родилось на свет из глубоко личных побуждений. Наивно думать, что ему не хватало времени подыскать себе подходящую партию. Как только к любому неженатому мужчине приходит известность, находятся тысячи женщин, жаждущих его внимания. Логично предположить, что и вокруг Лютера крутилось достаточно поклонниц, тем более что его откровенные высказывания по вопросам брака никак не способствовали сдержанности. Действительно, как мы вскоре убедимся, он оказался в центре настоящего клубка интриг, чтобы в конце концов сделать выбор, как говорили гуманисты, в пользу одной из интриганок.

Причина этой неспешности заключалась в другом: Лютер боялся повредить своей репутации. Он был Пророк, человек Обновления, Германский Святой. На портретах, которые продавались по всей стране, художники изображали его с нимбом вокруг головы. И он очень хорошо понимал, что в глазах простого народа его безбрачие, как символ победы духа над телом, служило самым лучшим залогом признания его особой миссии. Разумеется, он провозгласил необходимость супружества, но ведь при этом подчеркивал, что она проистекает из слабости человеческой. Он же, не поддаваясь этой слабости, в глазах всех, кто ожидал от него духовного обновления, оставался редким, исключительным примером — быть может, вообще единственным — человека, вознесенного над всеобщей грязью. Существовал ли лучший способ доказать, что именно он — Избранник Божий? Да, он старательно побуждал всех остальных на личном примере убедиться в греховности и ничтожности человеческой природы, которую он сделал первым догматом своей религии, однако сам предпочитал не подчиняться общей закономерности, демонстрируя свою трансцендентность. Лютер вышел из народа и прекрасно чувствовал, о чем нужно говорить и писать, чтобы народ принял его, а не отверг. Вероятно, в глубине души он чувствовал также, за что именно в народе его почитают и чем конкретно в нем восхищаются. Помимо реакции простых людей он учитывал и отношение великих мира его: не зря же курфюрст Фридрих с

презрением отказался иметь дело с женатыми священниками.

С момента его отлучения прошло четыре года, но он, публично издевавшийся над монашеским клобуком, называвший его обладателей шутами, ослиами и свиньями, горячо призывавший членов любых братств выкинуть эту дрянь на помойку, сам продолжал ежедневно облачаться в рясу августинца. В этом одеянии он читал свои проповеди, в нем участвовал в божественных службах, в нем ездил по Саксонии. А как же иначе народ признает в нем посланника Небес? Лишь 9 октября 1524 года он расстался с монашеским платьем, воспользовавшись как предлогом подарком курфюрста, пожаловавшего ему штуку сукна на пошив «капюшона или рясы». Неизвестно, какими соображениями руководствовался князь, делая столь богатый подарок Лютеру в пору, когда Церковь в Виттенберге подверглась полному разорению, а пастыри жаловались, что умирают с голоду. Получив дар, Лютер приказал сшить себе светскую одежду — не исключено, что он надеялся обрести с этого времени вид законченного буржуа.

Своим сподвижникам ему пришлось не раз объяснять, почему он так долго не мог расстаться с гнусным церковным облачением. «Я делал это, — оправдывался он, — чтобы поддержать слабых духом». Что на самом деле означало: чтобы не раздражать народ. Впрочем, он тут же торопливо добавлял: «И чтобы поиздеваться над папой!» В письме к Капитану от 25 мая он высказал решимость сбросить наконец с себя монашескую рясу. Довольно уступок нестойким духом, пора покончить с этим непотребством. Однако он еще долгие четыре месяца носил это мерзкое одеяние. Когда же все-таки сменил его на светское платье, счел необходимым еще раз оправдаться: «Я сделал это, дабы смутить сатану». Итак, продолжая носить рясу, Лютер дразнил папу; расставшись с ней, бросил вызов сатане. Значит ли это, что в преисподней сразу два хозяина?

Важно отметить, что в письме к Капитону проблема ношения церковного одеяния рассматривается в единой связи с проблемой брака: и то и другое имеет непосредственное отношение к его репутации. «Мне чрезвычайно приятно, — восклицает он, — узнавать о том, что ваши священники и монахи женятся. Для меня нет радостнее этих вестей!» Здесь же он дает ответ и на вопрос, волнующий все его окружение: а почему сам-то он медлит? Впрочем, от прямого объяснения он ловко увиливает и говорит, что в настоящий момент готовится к тому, чтобы расстаться с монашеским одеянием. Иными словами, он и так жертвует слишком многим, чтобы от него требовали еще каких-то доказательств правоты!

Тем не менее вопрос о женитьбе постоянно волновал его начиная с 1521 года. Этого требовали и его темперамент, и основы его вероучения. Но... как глядеть в глаза людям? «На нас ведь смотрит весь мир», — вслед за святым апостолом Павлом повторял он. И несколько позже добавлял: «Дьявол положил на меня глаз... Знаю, он хочет отметить меня своим клеймом, хочет, чтобы на мое учение косились с подозрением». А тут еще со всех сторон на него надели ученики и советчики, расхваливая на все лады его же собственные посулы, предназначенные для других. Мучительные сомнения терзали его все сильнее, заставляя жестоко страдать...

В 1523 году он действительно заболел. Высокая температура, бессонница, внутреннее беспокойство отнимали все силы. Чтобы вернуть «новому Илию» сон, приглашенный врач рекомендовал ему прикладывать к голове компрессы из женского грудного молока, смешанного с фиалковым маслом. Можно вообразить, какие мечтания проникали в несчастную голову больного из этой «гремучей смеси»! Вскоре Диафорус^[22] заподозрил «французскую болезнь», иначе говоря — сифилис. Не исключено, что в это время свирепствовала эпидемия именно этого заболевания. Так или иначе, но состав целебного снадобья подвергся решительному пересмотру. Теперь медицина предписала пластырь из оленьего мозга, перемешанного с кашицей из вываренных земляных червей, с добавлением очищенного вина и щепотки шафрана. Илия поправился, и Диафорус мог пожинать плоды заслуженной славы.

После этого чудесного избавления вопрос о женитьбе встал перед Лютером с особой остротой, обретя при этом предметный характер. Дело в том, что в Виттенберге продолжали жить монахини-беглянки, в большинстве своем молодые и хорошенькие девушки, начитавшиеся к тому же сочинений Реформатора о необходимости брака. Он постоянно видел их, когда смотрел в окно, сталкивался с ними в монастырских коридорах, встречался в домах своих друзей, обращался к ним, когда читал очередную проповедь в домашней церкви. Время от времени он заговаривал то с одной, то с другой, разумеется, о вещах самых серьезных. Но постепенно ученые разговоры переходили в милую болтовню, а тон из назидательного обращался в шуточный. Ежедневное общение делало свое дело. Ему льстило их внимание, они наперебой старались понравиться. Очевидец этого флирта, «король поэтов» Эобан Гесс написал потом о виттенбергских барышнях: «Ни одна куртизанка никогда не выглядела более *mammosa*», употребив почти непере译имое латинское слово, которое примерно означает «декольтированная»; более же точный смысл его можно передать

выражением «выставляющая напоказ свою грудь». И более холодному типу, нежели Лютер, было от чего прийти в неистовство.

Именно это и отметил уравновешенный и сдержанный Меланхтон, которого сложившаяся ситуация начинала беспокоить все сильнее. Он назвал своего друга «человеком, крайне подверженным чужим влияниям» (он написал это по-гречески, однако все поняли, что он имеет в виду). «Монахини с величайшей ловкостью сплели вокруг него свою сеть, в которую он в конце концов и попался. Слишком тесное знакомство с этими барышнями (запоздалые сожаления! — И. Г.) заставило бы его размякнуть и воспламениться, даже если б он обладал более благородной натурой и был способен на более возвышенные чувства». Все это он сообщал Камерарию через три дня после свадьбы, обсуждая причины случившегося. Среди переводчиков возникли некоторые разногласия относительно точного смысла последней части фразы («даже если б он...»), однако общая направленность мысли Меланхтона не вызывает никаких сомнений.

Никуда не пристроенных девушек между тем оставалось все меньше. Действительно, стоило беглянкам объявиться в Виттенберге, как на них немедленно обращали жадные взоры многочисленные слуги Церкви, без сожаления расстававшиеся со своими обетами. Каждый надеялся получить свою часть добычи. Главным распорядителем назначили Амсдорфа. Дележка шла быстро, так что бедным девицам вряд ли хватало времени как следует подготовиться к новому для себя образу жизни. 11 апреля, в Святую пятницу (на шестой день после побега), Амсдорф писал еще одному бывшему монаху: «К нам привалило сразу девять штук! Все красавицы, все милашки, все из хороших семей. Нет ни одной старше пятидесяти. Для тебя, милый братец, я припас в качестве законной супруги самую старшую; впрочем, если захочешь кого-нибудь помоложе, выбирай из самых привлекательных». Из письма неясно, предполагалось ли заменить «самую старшую» кем-нибудь «помоложе» или одарить монаха последней в качестве дополнения. К счастью для самых нетерпеливых, за первой партией беглянок последовали новые, так что в течение нескольких ближайших лет проблемы с выбором спутниц жизни у бывших монахов не возникало.

Среди девушек, прибывших из обители Нимбшена, особенной красотой и предприимчивостью отличалась некая Катарина фон Бора, для близких Кэтхен. К моменту приезда в Виттенберг ей минуло 24 года. Она умела нравиться и не испытывала недостатка в поклонниках, однако не спешила с окончательным выбором. Дарила ли она между делом кого-либо своей благосклонностью? Судя по всему, без этого не обошлось. В 1528

году некий Иоахим фон Гейден писал ей, напоминая о минувших днях: «В Виттенберге ты вела себя, как уличная плясунья. Прежде чем взять Лютера в мужья, ты жила с ним, как проститутка и публичная девка».

Означает ли обидное сравнение с плясуньей, что Катарина до Лютера, а может, и одновременно с ним, имела связи с другими мужчинами? В свое время просочились кое-какие слухи о ее добродетели. Так, в 1523 году в Виттенберге у Лукаса Кранаха гостил Кристиан II, свергнутый король Дании, Норвегии и Швеции. Он откровенно восхищался Катариной, а перед отъездом подарил ей золотое кольцо. По мнению некоторых очевидцев, это кольцо, которое она не только приняла, но и хранила потом всю жизнь, было не чем иным, как памятью о мимолетной любви. Симон Лемний, поведавший в своей «Монахопорномахии» (вот как по-научному это называется!) о шалостях бывших монахов, рассказывает, что прекрасная Катарина ругалась, как солдат. Факт, конечно, интересный, однако недостаточно весомый, чтобы выдвинуть гипотезу о распутной натуре этой дамы.

Имеются сведения, что она всерьез увлеклась неким красавцем студентом, не имевшим отношения к духовному сословию и принадлежавшим к порядочной буржуазной фамилии. Звали его Иеронимус Баумгартнер. Что за отношения связывали их? «Если хотите получить свою Кэтхен, — писал Лютер этому студенту 11 октября 1524 года, — поспешите, пока она не досталась другому... Она вас все еще любит. Мне было бы приятно видеть вас мужем и женой». Итак, дележка невест продолжалась, а роль свахи теперь взял на себя Лютер. Выражения, употребленные им в письме, позволяют предположить, что между молодыми людьми действительно существовала связь, иначе к чему бы такой угрожающий тон: женись, а не то... Но опять-таки все это не более чем догадки. Что касается молодого человека, то он не позволил вертеть собой и вскоре уехал в родной Нюрнберг, где благополучно женился на другой девушке. Кэтхен от расстройства заболела.

Лютер принялся спешно подыскивать брошенной красавице другого жениха. Счастливым избранником на сей раз предстояло сделаться пастору из Орламюнде доктору Глацу. Судя по всему, он не показался невесте блестящей партией и, очевидно, не смог ее как следует утешить. Катарина, девушка с характером, решительно воспротивилась: ни за что на свете, заявила она, не свяжет она свою судьбу с этим человеком! Не решаясь обращаться непосредственно к Лютеру, она сообщила о своем отказе второму по значимости «брачному распорядителю» Амсдорфу. Потом, набравшись смелости, продиктовала свои условия: она согласна выйти

замуж, но только за одного из двух руководителей Реформации — Лютера или Амсдорфа. Поскольку об этом разговоре нам известно со слов самого Амсдорфа, нельзя исключить, что он намеренно преувеличил собственную роль: «Я тоже мог бы жениться на этой женщине и притом по ее личной просьбе». Тем не менее он считался вторым человеком в лютеранской партии, своего рода Елисеем при Илии, его советчиком и доверенным лицом, заменив Штаупица, от которого выгодно отличался силой характера и решительностью. Поэтому вполне вероятно, что его рассказ о смелом предложении прекрасной беглянки соответствует истине. Так или иначе, он это предложение отверг, переадресовав его Лютеру. Шел апрель 1525 года.

Из всего сказанного вытекает, что до этого времени Лютер не проявлял к Катарине фон Бора особенного расположения, более того, она, похоже, серьезно раздражала его своей независимостью. «Я не любил ее, — скажет он позже. — Всегда считал гордячкой. Но в конце концов Богу стало угодно, чтобы я призрел эту покинутую душу». Итак, мы получили первое из множества объяснений, которые он затем приводил в оправдание своей женитьбы. Позже он признавался, что в тот момент, когда решился наконец на этот важный шаг, его больше привлекала Анна фон Шенфельд, а в одном из писем к Амсдорфу упоминал свою «бывшую невесту» Еву Алеманн. Таким образом, ситуация к весне 1525 года сложилась следующая. Лютер считал себя «женихом» одной из беглянок, Евы, что, по всей видимости, означало особые отношения между ними. В то же время он утверждал, что готов жениться на Анне. Зная его взрывной темперамент, мы вправе предположить, что в данном случае речь также шла не просто о симпатии. Наконец, появляется третья женщина, Кэтхен, которая, к величайшему его изумлению, сама заявляет ему: «Желаю видеть своим мужем вас и только вас!» О ее моральном облике гуляют самые жуткие слухи. Насколько они обоснованны?

Ответ на этот вопрос мы находим в письме Лютера к Сплатину, датированном 15 апреля 1525 года, днем, на который тогда пришелся святой праздник Пасхи. Вначале автор оправдывается, что до сих пор не женился, но обещает в самом скором времени покончить со своим безбрачием. «Вы удивляетесь, — продолжает он, — что такой галантный кавалер, как я, все еще не нашел себе пары». В какой-то мере эти слова можно считать признанием справедливости ходивших вокруг него слухов. Дальше он добавляет, что «имеет отношения с женщинами», употребляя при этом латинский глагол «*miscer*». Какого рода эти отношения? Некоторые особенно осторожные переводчики предпочли более обтекаемое выражение «я связан с женщинами». Но вот Денифле убежден, что, как и в

других своих сочинениях, употребляя этот глагол, Лютер всегда имел в виду плотскую связь. Да и контекст письма яснее ясного говорит о том же. Лютер писал письмо с конкретной целью — убедить Спалатина в необходимости жениться. Что же он услышал в ответ? Только после вас! Тогда Лютер проявил настойчивость, утверждая, что его теперешнее положение равнозначно супружескому. После упоминания своих «отношений» он восклицает: «Вы просите, чтобы я подал вам пример. Но разве может быть пример более яркий, чем тот, что я уже вам подал?» Неужели он полагал, что может послужить «ярким примером» для своих друзей, если его «отношения» с дамами ограничивались беседой за чашкой кофе?

Но и это еще не все. Дальше Лютер пишет: «У меня оказалось сразу три супруги, и каждую из них я любил до безумия, пока из-за своей любви не потерял сразу двух, которые предпочли других женихов. Да и третью я удерживаю из последних сил, и может статься, что и ее у меня скоро отнимут». Три супруги? Ясное дело, невенчаные, но ведь Лютер не верит в церковные таинства. Поименный список выглядит следующим образом: Анна, Ева, Катарина. Они околдовали Лютера, как с недоумением отмечал Меланхтон. Но что это за безумная любовь, которая оттолкнула от него двух избранниц? Об этом нам неизвестно ничего. Остается лишь предположить, что две из трех девушек быстро сообразили, что настоящей женой может быть только одна. А потому и «невеста», и «самая желанная» махнули ему на прощанье рукой. С кем же он остался? Правильно, с Кэтхен! Ничего, что она включилась в гонку последней, главное, что она ее выиграла. Выбора-то у него больше не оставалось. Еще вчера он мог придирчиво присматриваться к двум другим, решая, которую предпочесть, но его колебания добром не кончились. Да и последняя того и гляди ускользнет, если он не поторопится повести ее к алтарю («удерживаю из последних сил»). Она все-таки получила порядочное воспитание. Пусть она сбежала из монастыря, но это еще не значит, что он уговорит ее на внебрачное сожительство.

Вот так он и достался наименее любимой, зато самой упорной. Лютер подтвердил оценку, данную ему Меланхтоном, доказав, что «легко подвержен чужим влияниям». Правда, это утверждение справедливо только по отношению к его личной жизни. В делах религии он вел себя совсем иначе. До вмешательства Катаринины он вообще не мог ни на что решиться, напоминая буриданова осла, разрывающегося между Евой и Анной. Вопрос аристократки Аргулы фон Штауфен, в сентябре 1524 года в лоб спросившей его: «Когда вы женитесь?» (еще одна дама, равнодушная к

его холостяцкой жизни!), поставил его в тупик. Он не посмел огрызнуться, дескать, подите вы к дьяволу со своими расспросами, но вместо этого с миной ученого богослова пустился в рассуждения о том, что судьба его «в руках Божьих, и если Богу угодно будет повлиять на его сердце, значит так тому и быть». Иначе говоря, пока он действительно не женат, но как только Бог решит, что ему пора жениться, он противиться не станет. Весьма уклончивый ответ, вполне достойный норманна-фаталиста. Надо думать, что любопытство светских дам он отнюдь не удовлетворил. Вместе с тем, чтобы письмо выглядело поучительным и одновременно вызвало сочувствие к автору, Лютер (что-что, а свою аудиторию он изучил хорошо!) добавлял: «В том душевном состоянии, в каком я пребывал до последнего времени и все еще продолжаю пребывать, обзаводиться супругой нет для меня ни малейшей возможности. Не то чтобы я не чувствовал к этому способности со стороны своей плоти и мужского органа {поразительная деликатность в беседе с дамой! — И. Г.}, ведь я не из дерева и не камня сотворен, просто душа моя теперь слишком далека от мыслей о браке. Я ежедневно ожидаю гибели и смертной казни за свою ересь».

После Пасхи тон существенно изменился. В игру вступила Катарина, и дело сразу приняло другой оборот. В самый разгар Крестьянской войны, под впечатлением своих поездок по саксонским деревням, он писал советнику графа Мансфельда Гансу Рюгелю, что каждый день готовится принять смерть. На сей раз он, скорее всего, говорил вполне искренне, потому что своими глазами видел бесчинства вооруженных мятежников, которые, зная его антикрестьянские настроения, вполне могли расквитаться с ним самим. Эта угроза была куда реальнее приговора Вормсского эдикта. Сам дьявол, понял он, захотел его смерти. Но он придумал способ, как его обмануть: «Чтобы обвести его вокруг пальца, я перед смертью женюсь на своей Кэтхен». Впервые в его переписке всплыло это имя! Вместе с тем вполне очевидно, что окружающие прекрасно знали о ее существовании (возможно, это и породило слухи), иначе он не стал бы называть ее просто своей Кэтхен, без дальнейших комментариев.

Новые объяснения о причинах своей нерешительности он изложил курфюрсту Майнцскому в письме, написанном 2 июня. Призывая архиепископа обзавестись супругой, он добавлял, что, если Его Милости требуется ободрение, он готов подать ему личный пример. На сей раз он категоричен. Приняв твердое решение вступить в брак до того, как его унесет смерть, он согласен даже на «роль мужа, подобную роли Иосифа» (интересно, куда девался «галантный кавалер», дававший Спалатину уроки мужественности?). Брак, напоминает он, есть Божья заповедь, от

исполнения которой никому из людей негоже уклоняться. Но если так, почему же сам он до сих пор не женат? «Я всегда испытывал опасение, — отвечает он, — что окажусь неспособным к супружеству».

Но вот наконец решение принято. 13 июня, в среду, он объявил: «Нынче вечером». Приглашения удостоились Бугенхаген, который и благословил союз, Юст Ионас, юрист Апель и Кранах с женой. Других гостей не было. Он намеренно «забыл» про Меланхтона, боясь, как бы тот не стал возмущаться. Впоследствии Меланхтон жаловался, что его даже не предупредили о предстоящем браке. Лемний рассказывает (неизвестно, впрочем, откуда у него столь секретная информация), что в последнюю минуту, горько сожалея о необдуманном поступке, Лютер якобы вознамерился сбежать, однако бдительная Катарина, хорошенько его отругав, просто не выпустила из дому. Здесь же, в домово́й церкви, состоялась краткая церемония, по истечении которой Катарина, два месяца мечтавшая об этом, стала именоваться фрау Лютер.

Реакция, последовавшая на женитьбу, подтвердила худшие опасения Лютера. Даже ближайшие сподвижники выразили явное неодобрение. За несколько дней до решающего дня профессор права Виттенбергского университета Шурф предупреждал: «Если этот монах вздумает жениться, над ним будет потешаться весь мир, включая самого дьявола. Этим шагом Лютер разрушит все, что им до сих пор создано». Как всегда сдержанный, Меланхтон не позволял себе критических высказываний в кругу собратьев-лютеран, однако в своем письме к Камерарию дал происшедшему весьма трезвую и лишенную иллюзий оценку. Прежде всего он упрекал своего вожда в том, что в самый разгар Крестьянской войны, когда тысячи людей переживали горе, страдания и боль, он занялся улаживанием своих личных дел. «Он даже не испытывает никакого сострадания. Он живет — во всяком случае, так это выглядит со стороны — в довольстве и неге, бесчестя собственное призвание, в то время как Германия нуждается в его прозорливости и энергии».

Тем не менее он постарался обелить Лютера и отвести от него упреки в добрых связях: «Слухи о его незаконных отношениях с женщинами не имеют под собой никаких оснований». Меланхтон признался другу, что нашел Лютера «погруженным в тревогу и печаль, вызванные резкой переменой в его жизни». И тут же выразил надежду, что их учителю удастся научиться вести себя более достойным образом и отказаться от своего привычного шутовства. В любом случае общее дело не должно пострадать: «Бог не раз в прошлом являл Свою волю, заставляя даже святых совершать ошибки... Горе тому, кто отвернется от учения только

потому, что учитель грешен».

Ко всем этим сплетням внимательно прислушивался и Эразм. С одним из своих корреспондентов он поспешил поделиться новостью о том, что Катарина родила через две недели после свадьбы. Правда, вскоре ему пришлось признать, что слух оказался ложным. Впрочем, говорят (снова слухи!), что она беременна. На самом деле, достоверно известно только то, что первый ребенок Лютеров, Ганс, родился 7 июня 1526 года, то есть через год после бракосочетания родителей.

Новость о женитьбе Лютера вызвала яростное негодование и у Георга Саксонского. Но он высказал свое неодобрение. Реформатору только к концу года, отвечая на почтительное приглашение последнего влиться в ряды его сторонников. Подчеркивая принципиальную разницу между анабаптистами, сеющими в его герцогстве семена войны и раздоров, и собой, проповедником Слова Божьего, живым примером чудодейственной силы Божьей, Лютер призывал герцога отказаться от дальнейших преследований лютеран и на всякий случай грозил ему карой Божьей. Герцог не замедлил с ответом и с негодованием отверг все предложения Реформатора. «С тех пор как ты начал проповедовать свое Евангелие, — сурово отчитал он его, — мир не видывал больших святотатств, творимых христианами. Где еще, кроме Виттенберга, найдется такое же число монахов и монахинь, вставших на путь гибели?» Что касается лично Лютера, то герцогу ясно, что дьявол сумел-таки искушить его плоть, а потому ему следует немедленно отречься от своей новой Евы, влекущей его ко греху. В заключение он призывал на Лютера и Катарину Божий суд, которого оба заслужили.

Итак, удары сыпались со всех сторон, требуя отпора. Лютер не успевал придумывать все новые извинения и оправдания. Членам Мансфельдского муниципального совета он представлял свой поступок как акт обращения к истинной вере, уверяя, что этим шагом поставил точку в прежнем, подвластном папе существовании. Кроме религиозного аргумента он приводил еще два, не без оснований полагая, что они окажутся ближе сердцу бюргеров. С одной стороны, говорил Лютер, он исполнил давнее пожелание своего отца, мечтавшего видеть его женатым человеком; с другой — ему просто пришлось ускорить ход событий, дабы заставить умолкнуть злые языки.

В письме от 16 июня он жаловался Спалатину на непонимание со стороны христианского народа: «Своей женитьбой я так унизил и опошил собственный образ, что, наверное, ангелы смеются надо мной, а бесы рыдают». Почему же общество так сурово отнеслось к нему? «Мир со

всеми своими мудрецами не в силах понять, сколь свято и священно это Божье дело. Глядя на меня, они считают его нечестивым порождением дьявола».

Организатору похищения монахинь Коппе, наверняка не мучившемуся угрызениями совести, он писал совсем в другом тоне, ограничась тяжеловесными шуточками. Оказывается, он запутался в кудрях «юной девы» и пожелал доказать себе и миру, что «и он мужчина». В письме к Михаэлю Штифелю от 17 июня он сетовал, что люди, считающие себя мудрыми, склонны видеть в нем нечто пугающее. Во всяком случае, именно так можно понять латинское выражение «larva-», которое он употребляет по отношению к себе и которое означает «маска ужаса».

20 июня, обращаясь к Линку, он рассуждает о провидении: «Я сам еще находился в полном неведении, когда Господь чудесным образом бросил меня в супружеские объятия бывшей монахини Катарины фон Бора». В тот же день он пишет маршалу Гансу фон Дольцигу, снова изумляясь внезапному повороту в своей судьбе: «Он представляется мне настолько странным, что я до сих пор не могу в него поверить; однако свидетели этого события столь единодушны, что волей-неволей приходится положиться на их слово». (Каким бы легковесным ни казалось это объяснение, вполне возможно, что оно наиболее близко к истине!)

21 июня он пишет своему дорогому Амсдорфу и приводит целый список причин, вынудивших его поступить так, а не иначе. Он не хотел лишать своего отца радости увидеть его потомство; он стремился показать, что его дела не расходятся с его учением; он спешил положить конец досужим пересудам. В любом случае (ведь человек лишен свободы выбора!), «как было угодно Богу, так все и свершилось». Почему он так в этом уверен? Потому что не испытывает по отношению к жене ни любви, ни страсти.

После празднества, в котором приняла участие вся ново-испеченная община евангелистов, начались будни супружеской жизни, освященные гражданским законом. Гнездо семейного счастья пришлось вить в том самом монастыре, ныне отчужденном от Церкви, где в былые времена он проводил дни и ночи в молитвах и покаянии. Несмотря на все старания и хитроумные тактические ходы, ему так и не удалось полностью оправдаться в глазах окружающих, так что время от времени приходилось вновь возвращаться к обсуждению этого вопроса. В письмах к друзьям он порой натужно острил, изобретая каламбуры наподобие тех, которыми 22 июля веселил Линка: «Кэтхен связала меня по рукам и ногам» (латинское слово «catena» обозначает «цепь») или «ложе мое теперь именуется Бора»

(Boга переводится так же, как Bohre — гроб). В связи с последним замечанием он таинственно добавлял: «Можно считать, что для мира я умер».

Он не мог не заметить, что крутая перемена в личной жизни вкупе с антикрестьянскими настроениями, которых он не считал нужным скрывать, значительно охладили восторженное отношение к нему со стороны широких народных масс. 16 августа, обращаясь к уже упоминавшемуся нами Брисманну, он настойчиво подчеркивал, что, в отличие от всех остальных, видит в этом обстоятельстве лишнее подтверждение правоты своего Евангелия: «Чтобы никто не подумал, что я сдался, я женился на монахине». К этому решению, добавлял он, его подтолкнула вовсе не плотская страсть, а высокие духовные соображения: «Ведь я стар и совсем не создан для супружества». Ему исполнилось в ту пору 42 года, и впечатления стареющего мужчины он, судя по всему, не производил. Тем не менее полтора месяца спустя в письме к Штифелю он снова пытается прибегнуть к той же аргументации. Отвечая на призыв собственной плоти, человек исполняет лишь то, что предначертано Богом, а поскольку он, Лютер, вскоре готовится покинуть этот бренный мир, ему хочется успеть до кончины воодушевить своим поступком тех, кто слаб духом.

В начале января 1526 года в письме к Маркарду Шульдорфу, женатому на собственной племяннице, он еще более твердо отстаивал свою позицию, уверяя, что шумиха, вспыхнувшая вокруг его женитьбы, сыграла чрезвычайно полезную роль. «Я и сам женился, — откровенничал он, — и притом женился на монахине. Я мог бы этого и не делать, потому что никаких причин стремиться к браку у меня не было. Если я все-таки совершил этот шаг, то исключительно желая бросить вызов дьяволу и его сатрапам, всем этим князьям и епископам, докатившимся в своем безумии до того, чтобы запретить духовенству жениться. Я бы охотно пошел и на еще более громкий скандал, если бы он помог мне еще лучше послужить Богу и навредить всем им... Они возмущаются вашим поведением? Смейтесь им в лицо и чувствуйте себя счастливым! Их негодование — лучший признак того, что ваше поведение угодно Богу».

Несколькими годами позже он снова предложил использовать тактику скандала в качестве лечебного средства сродни гомеопатии. Вот что писал Лютер Иерониму Веллеру: «Забавляйся (он опять употребляет латинский глагол *miscere*. — И. Г.) с моей женой и другими женщинами, резвись и развлекайся. Всякий раз, когда тебя начнет одолевать бес печали, ищи спасения в обществе себе подобных. Пей, играй, болтай глупости, одним словом, не позволяй себе грустить. Иногда из ненависти и презрения к

дьяволу полезно совершить какой-нибудь грех, дабы он не смел надеяться, что мы будем терзаться бесполезными угрызениями совести. Тот, кто боится согрешить, уже погиб. Если дьявол твердит тебе: «Не пей!», ты должен ответить ему: «Буду пить, да еще как! Ах, тебе это не нравится? А я возьму и напьюсь!..» Дьявола нужно дразнить, потому что он этого не любит. О, если б я только мог выдумать какой-нибудь особенно страшный грех, чтобы обмануть дьявола, чтобы дать ему понять, что я не признаю греха как такового, что моей совести неведомы угрызения. Мы обязаны решительно отвернуться от Десяти заповедей и даже не вспоминать о них, потому что именно через них дьявол нападает на нас, заставляя страдать и мучиться».

Личный пример, поданный Реформатором, стал достойным завершением той кампании, которую он начал с помощью своих сочинений. Монахи, порвавшие с уставом, и священники, обращенные в пасторов, с его легкой руки пустились во все тяжкие. К гражданскому браку (ведь церковное таинство брака они отвергали) вскоре добавились открытые супружеские измены, развод и двоебрачие. Пастор Михаэль Крамер завел себе сразу трех жен. Не меньшим успехом пользовались и остальные его собратья по новой вере, которых отсутствие житейского опыта превращало в легкую добычу для корыстных соискательниц. Хроникер Фрайберг рассказывает, что в 1525 году, когда лютеране по приглашению отделившегося от Церкви Тевтонского ордена явились в Пруссию, здесь началась настоящая эпидемия бракосочетаний. «Священники и монахи, — пишет он, — считались завидными женихами, ведь они присвоили себе церковные деньги». Неудивительно, что женщины бегали за ними табунами. Впрочем, как только деньги иссякали, оба участника брачного союза теряли друг к другу всякий интерес и принимались смотреть на сторону. «Дня не проходило без свадьбы кого-нибудь из священников и монахов с монахинями или просто девицами, и пирушка следовала за пирушкой». В это же время Георг Саксонский писал Филиппу Гессенскому: «Вы видели, сколько появилось монахов и монахинь, которые, покинув свои обители, превратились в развратников и потаскух?»

Знал об этом и Лютер. Однако вместо того чтобы радоваться нахлынувшей свободе и приветствовать своих собратьев, которые в полном соответствии с его уроками бросили вызов дьяволу, он горько жаловался: «Из всех знакомых мне монахов лишь единицы, покинув монастырь, сделались новыми людьми». Несколькими годами раньше он еще приписывал падение нравов «болезни роста» и верил, что суровыми

мерами сумеет призвать распутников к порядку. «Не следует удивляться, — говорил он тогда, — что многие превратно понимают суть Евангелия. К счастью, у нас есть виселица и колесо, есть меч и кинжал, так что мы сумеем защититься от всякого, кто извращает волю Божью». К 1525 году ему пришлось признать, что применение подобных мер свело бы число его сторонников к жалкой горстке.

По большому счету, пропаганда свободы нравов, которую вел Лютер, сослужила Церкви добрую службу. Она позволила выманить из монастырей — так выманивают из норы крыс — всех случайно попавших туда людей, не чувствовавших к религии настоящего призвания. Все остальные — разумеется, те, кого не выгнали силой, — продолжали как ни в чем не бывало молиться Господу и строго исполнять требования монастырского устава. Монашество просто очистилось от ненужного балласта. Знаменитый францисканский проповедник Августин фон Альфельд так написал об этом: «Члены этой клики пьют с утра до ночи и купаются в нечистотах, словно свиньи. Благодарение Господу, почти все это отребье, раньше жившее среди нас, освободило от своего присутствия монастыри и храмы». Цистерцианец Вольфганг Майер выразился еще проще: «Господь очистил Свое поле, вырвав плевелы из зарослей пшеницы».

Папа Лев X с кардиналами Джулио де Медичи и Луиджи де Росси. *Копия с картины Рафаэля*

Продажа индульгенций. Лукас Кранах Старший. 1521.

Папа Юлий II. Г. Бургкмайр. 1511.

Альбрехт Браденбургский. *Альбрехт Дюрер. 1519.*

Император Максимилиан I. *Альбрехт Дюрер 1519.*

Медаль с изображением ландграфа Филиппа Гессенского и герцога Иоанна-Фридриха Саксонского. 1535

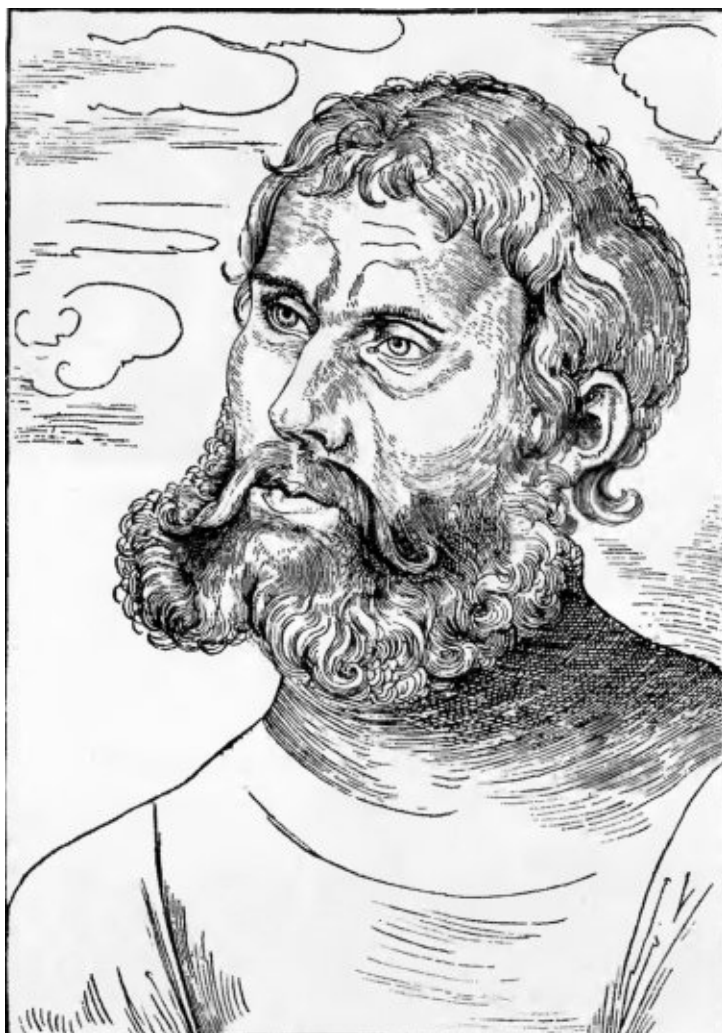
Курфюрст Фридрих Мудрый Саксонский. Альбрехт Дюрер. 1524.

Медаль с изображением курфюрста Фридриха III Саксонского. 1522.

Тезисы Мартина Лютера на дверях Замковой церкви в Виттенберге, выполненные в бронзе. *Современное фото.*

Портрет Мартина Лютера, скрывающегося под именем юнкера Йорга. Лукас Кранх Старший. 1522.

Ульрих фон Гуттен.

Франц фон Зиккинген.

Восставшие крестьяне. Гравюра неизвестного художника, XVI век.

Томас Мюнцер. *Позднейшая гравюра.*

Андреас Карлштадт.

Распятие. *Т. Рименшнайдер. 1510—1515.*

Часть третья.

В ДРУГОЙ ЦЕРКВИ (1526-1546)

1.

НОВАЯ ЦЕРКОВЬ

Собственно говоря, доведя наше повествование до 1526 года, мы могли бы поставить на нем точку. Конечно, Лютер прожил после этой даты еще 20 лет, однако эволюция его как человека и как общественного деятеля к этому времени полностью завершилась. Это, разумеется, не значит, что учение лютеранства остановилось в своем развитии. Как раз напротив, оно продолжало видоизменяться, обрастая новыми догматами и дробясь на секты и противоборствующие группировки. Однако в труде, посвященном не богословской истории Реформации и даже не истории развития философской мысли Лютера, а личной истории этого человека, для нас важно отметить этот момент как начало завершающего этапа его судьбы. Конец бурям, страхам, сомнениям, колебаниям. Никаких резких поворотов больше его не ожидало. Все свои проблемы он решил.

Решил проблему преследовавшего его чувства вины: все его грехи прикрыл собой, словно плащом, Христос. Решил проблему подчинения Церкви: папа — антихрист, епископы — узурпаторы. Решил проблему монашеских обетов: требования монастырских уставов — святотатство и порок. Решил проблему личной безопасности: глава светской власти — защитник Слова Божьего, следовательно, защитник и его провозвестника в лице Лютера. Решил проблему плотских соблазнов: монахи обязаны жениться, и сам он склонился перед необходимостью этого шага, хотя, строго говоря, при всей своей неизбежности этот шаг практически бесполезен, ведь Христос ждет от нас лишь веры и не собирается карать нас за наши грехи.

На основе этих решений, лежавших в области чистой психологии и первоначально не имевших для брата Мартина иной цели кроме обретения согласия с самим собой, доктор Лютер впоследствии развил целое догматическое учение, полностью отвергавшее все, чему он поклонялся в начале своей жизни. Монах-августинец открыл для себя истины, определившие всю его дальнейшую жизнь; доктор богословия распространил полученные выводы на всю Церковь целиком. Стремление обеспечить спасение души, отмахнувшись от необходимости противостоять бесу плотских соблазнов, принесло новому христианству доктрину о благодати и предопределении, из которой с неизбежностью вытекал новый подход к таинствам. В самом деле, если Бог лично

озаботился спасением моей души, зачем мне какой-то внешний посредник? Стремление порвать с папизмом, предавшим его анафеме, принесло доктрину невидимой Церкви, главой которой может быть только сам Христос, принадлежащий миру иному, а всей полнотой власти могут располагать только сами верующие, озаренные Духом Святым и объединенные в общины. Стремление к союзу с немецким дворянством и желание использовать воинственный рыцарский дух в борьбе против Рима и князей-епископов принесло доктрину национальной Церкви. Стремление найти себе защиту в лице светской власти, отомстить с ее помощью своим прежним противникам и заставить замолчать новых принесло доктрину государственной Церкви. Стремление связать свою жизнь с женщиной, чье упорство сломало его волю к сопротивлению, принесло доктрину брака, являющегося одновременно надежным приютом и позором, благом и необходимостью, исполнением долга и грехом. Стремление — лично и с помощью учеников — к проповеди нового Евангелия, отрицающего Священное Предание, святоотеческое учение, авторитет папы и соборов, принесло доктрину свободного толкования, в соответствии с которой каждый христианин получал право толковать Писание вопреки установлениям Церкви, а в отдельных случаях и вопреки любой духовной власти.

На смену духовным метаниям и вечным переездам с места на место пришла пора укоренения. Терзаемый страхами монах уверовал в свое спасение — как в этом мире, так и в том. Больше того, ему удалось внушить свое видение спасения тысячам других людей, которые провозгласили его Пророком. Никогда не знавший родительской ласки, воспитанный суровыми учителями, слишком рано лишившийся своей приемной матери, оставшийся непонятым в первые годы жизни в монастыре, отвергнутый церковной властью, теперь он оказался в окружении восторженных почитателей и почитательниц. Одиночка, которому осталась недоступной радость очистительной исповеди, переживший в тиши своей кельи бесовские искушения плоти, не находивший ответов на свои вопросы в принятом всеми учении, теперь он стал отцом семейства и по-хозяйски обосновался в том самом монастыре, где еще недавно был всего лишь кем-то вроде постыльца.

Он сам стал папой новой Церкви. Нельзя сказать, чтобы он специально стремился к этому, однако и сопротивления особого не проявил. Приняв свою новую роль не без удивления, он тем не менее весьма ею дорожил. Совсем недавно, проклиная Церковь за ее авторитаризм и слияние со светской властью, обличая безнравственное поведение священников, он

провозгласил новую веру, основанную на Духе, новую религию, в которой на смену авторитаризму придет свобода, религию, в которой не будет ни папы, ни епископов, ни уставов, ни обетов, ни догматов, ни анафемы. Себя и своих учеников он видел той безымянной закваской, которая заставит бродить тесто новой истины; тем христианским благовоением, которое заглушит смрад всеобщего порока; тем духовным озарением, которое позволит преодолеть боязливую покорность. Что же произошло на самом деле? На самом деле на место прежних установлений явились новые, пасторы сменили приходских священников, а суперинтенданты — епископов; вместо обетов, только рекомендованных прежней Церковью, новая религия потребовала в обязательном порядке вступать в брак, а объявив недействительными старые догматы, немедленно предложила свои собственные. Отказавшись признавать власть епископов, она провозгласила незыблемой власть светских владык. О том, чтобы попытаться вдохнуть новую жизнь в полуразрушенное тело старой Церкви, уже не могло быть и речи. За-то встал вопрос о создании новой Церкви, не имеющей с прежней ничего общего. Телом этой Церкви предстояло стать сильной светской власти, лично заинтересованной в ее успехе, что же касается души... Увы, с момента зарождения душа ее оказалось больной, подверженной порокам, обреченной на внутренние распри и бесконечные ошибки.

Как только образ новой Церкви сложился в представлении Лютера, он с яростной энергией, вспыхивавшей в нем во все важные моменты его жизни, принялся за его практическое воплощение, понимая, что на одного Бога надеяться недостаточно. Заявивший во всеуслышание о непримиримости своей позиции, он теперь не мог допустить ни малейшего компромисса с Римом, как не мог и бросить на произвол судьбы доверившиеся ему души. Со старой Церковью было покончено бесповоротно. Оставалась новая Церковь, основателем которой стал он сам.

Поначалу достаточно сдержанный в публичном оглашении своих далеко идущих планов, вскоре он уже открыто говорил о них. «Поскольку это учение тогда еще оставалось новым, — признавался он в 1545 году, — и во всем мире вызывало ропот у толпы, мне пришлось проявить особую осторожность и оставить неосвещенными некоторые его стороны, которые могли смутить слабых духом. Впоследствии я уже этого не делал». Он настойчиво повторял, что принес Германии свет Евангелия, поскольку римско-католическая Церковь, погубившая Евангелие, возникла раньше, чем свершилось обращение германцев в христианство. Начиная с 1525 года он утверждал: «До века нынешнего в Германии не ведали об истинном Евангелии». В 1537 году, связывая воедино национализм и религию, он

писал: «Милостью Божьей мы выгнали папу. Теперь мы восстановим Крещение, Евангелие и Причащение, и не только здесь, но и по всей Германии. Отныне в наших руках истина искупительной жертвы».

Итак, Лютер основал новую, истинную Церковь, вернувшуюся к евангельским истокам и вознамерившуюся заменить собой Церковь прежнюю, в свою очередь считавшую себя истинной. В 1533 году он заявлял, противопоставляя обе Церкви: «Одна из них, ложная, хоть и именуется Церковью и Божьим народом, на самом деле таковой не является; другая же, хоть и не носит столь громкого имени, по сути и есть истинная Церковь». Первая на протяжении веков занималась обманом верующих, которые не подозревали, что доверились «Церкви Антихриста», «свинской Церкви», «новой Церкви прелюбодеев и дьявола». Эта Церковь одержима множеством бесов, наиболее опасные из которых «бес паломничества, бес индульгенций, бес булл, бес братств, бес святых, бес мессы, бес чистилища, бес монастырей, бес священничества и бес папства». Ни одному из сынов этой бесовской Церкви нет и не может быть спасения. Впрочем, как только ему пришлось бороться с ересями внутри собственного учения, он сразу вспомнил о традиции, носителем которой себя считал. Обличая Цвингли, не верившего в реальность божественного Присутствия при таинстве Причащения, он писал: «В этом вопросе нам должно с избытком хватить свидетельства всей христианской Церкви. Весьма опасно прислушиваться и принимать на веру утверждения, противоречащие единодушному свидетельству, вере и учению всей святой Церкви, которая со дня своего основания и на протяжении 15 веков твердо придерживалась единой точки зрения».

Светской власти Лютер отвел роль защитницы истинной Церкви и гонительницы Церкви ложной, понимая, что без ее поддержки проповедь нового Евангелия не может рассчитывать на успех. Если в одном и том же городке выступают сразу два проповедника, разобраться, кто из них кто, обязаны представители княжеской или городской власти: «Того, кто учит истине, опираясь на Писание и Слово Божье, следует оставить в покое; но того, кто проповедует ложное учение, противное Писанию и Слову Божию, надлежит немедленно изгнать». Итак, с теми, чье учение противоречит установлениям веры (читай: лютеранству), отмечает он в другом месте, «мириться ни в коем случае нельзя; их надо наказывать как публичных святотатцев». Какую же меру наказания он предлагает? Вплоть до крайней. В 1530 году, вспоминая о собственной снисходительности (продолжавшейся весьма недолго), Лютер уже сожалеет о своей «глупой мягкости». «Теперь я пришел к мнению, — продолжает он, — что власть

должна карать смертной казнью всех, кто поддерживает не то что бы бунтарские, но даже просто кощунственные идеи». Вопрос, как видим, лишь в том, что именно считать кощунством.

Ему хотелось, чтобы в Саксонии этот принцип утвердился как можно скорее. Не позже октября 1525 года он писал курфюрсту Иоганну Саксонскому: «Именно курфюрсту как послушному орудию в руках Господа надлежит навести порядок в делах религии». Спустя еще несколько месяцев он добавлял: «Глава светской власти не имеет права терпеть, чтобы его подданные страдали от раскола и отсутствия единства, вызываемых противоречивыми проповедями. От этого могут случиться смуты. Руководствуясь этим принципом, городской совет Нюрнберга утихомирил монахов и закрыл монастыри». Под словом «утихомирил» следует понимать «разогнал». Что касается герцога Георга, то он, в свою очередь, гнал со своих земель проповедников лютеранства. Тут уже возмущенный Лютер обвинил его в тирании, напоминая, что светская власть распространяется исключительно на дела земные. Когда же в 1539 году герцог умер, передав престол брату Генриху, убежденному стороннику Лютера, Реформатор немедленно обратился к последнему с письмом, в котором требовал содействия в уничтожении папства: «Призываю вас положить у себя в Мейсене конец кощунственному идолопоклонству!» Генрих так и сделал, отдав епископство Мейсенское на разграбление ордам осквернителей и иконоборцев. Аналогичный совет получил от Лютера и Филипп Гессенский, также ревностный адепт новой веры: «Вы должны лично следить за тем, что проповедают ваши служители».

Не скупился на подобные рекомендации и Меланхтон. Тому же ландграфу Гессенскому он писал: «Светская власть обязана принимать самые жесткие меры против богохульства, кощунств и святотатств, если они принимают публичный характер. Она же должна карать и наказывать авторов ложных учений, ересей и незаконных культов... Ни одно учение не может быть допущено, если оно не опирается на свидетельство старинной, истинной Церкви (в данном случае старинной именуется именно новая Церковь, так как предполагается, что она восходит к самым истокам христианства. — И. Г.)... Долг каждого правителя — глубоко изучить Слово Божье». Иначе говоря, прежде чем ополчиться на нарушителей и еретиков, каждый князь обязан пройти курс лютеранского богословия; соответственно, все то, что Меланхтон называет «богохульством, кощунством и святотатством», суть слова, печатные выступления и действия, не согласные с этим богословием. Его призыв не остался втуне. Во время диспута между лютеранами и сторонниками Озиандера некий

еретик выступил с речью, которую присутствующие сочли святотатственной. Люди бургграфа Ботона Айленбургского схватили несчастного и казнили на месте. Меланхтон в этой связи заявил, что негодяй всего лишь получил по заслугам, как, впрочем, и другие сторонники Озиандера, подвергшиеся преследованиям в других городах.

Разумеется, столь полезная власть могла рассчитывать на самую твердую поддержку новых религиозных деятелей в глазах населения. «Во времена папства, — писал Лютер, — никому не приходило в голову требовать от подданных слепого повиновения распоряжениям власть предержащих, особенно несправедливым. Многие думали, что против несправедливых приказаний надо бороться, как и против законов, издаваемых неправедной властью. На самом деле любая власть законна, ибо она существует исключительно по воле Божьей. Повиноваться следует даже самому свирепому тирану». Далее он подробно объясняет, что представители власти заслуживают того, чтобы именоваться богами, поскольку на земле они занимают место Бога. В 1533 году он с гордостью сообщал, что именно его богословская доктрина впервые с апостольских времен разработала наиболее прочное обоснование светской власти.

Таким образом, новая Церковь должна была стать Церковью государственной. Стоит ли говорить, с какой готовностью обращенные в лютеранство князья приняли на вооружение этот закон, выведенный новым Евангелистом? Стоит ли объяснять, что многие из них и в лютеранство-то обратились только ради него? Еще бы, отныне они могли не только диктовать свою волю без ссылок на Святой престол и не опасаясь гнева последнего, но и держать в кулаке всех беглых монахов и перекресившихся священников, которые проповедовали на их землях. Одновременно никто не мешал им прибрать к рукам имущество духовных лиц, сохранивших верность Риму, — для этого достаточно было обвинить их в святотатстве, попрании истинной веры и нарушении общественного порядка. Таким образом, инквизиция новой Церкви, проводимая светской властью, обрушилась и на папистов, поклонявшихся римскому идолу, и на лютеран-отступников, посмевших усомниться в праве на свободное толкование Писания, и даже на самых ревностных проповедников нового учения, которые пытались бичевать пороки, следовательно, извращали догмат о необходимости греха.

Преследования принимали разнообразные формы, но всегда оставались беспощадными. «Почти повсюду, где паписты представляли большинство, — сообщает Крот Рубеан, — были изданы суровые законы против лиц, сохранивших верность устаревшей Церкви. Например,

каждого, кто ходил к службе, отправляемой одним из папистов, ждала тюрьма или штраф. Само слово «папист» превратилось в их устах в худшее оскорбление, хотя грязных ругательств в их речах хватало всегда. Горе тому, кто посмеет войти в папистскую церковь, исповедоваться священнику-паписту, выслушать его проповедь, принять участие в мессе или другой церковной службе! У новых посланцев Небес повсюду шпионы, зоркие, как пес Аргус, которые не пропустят ни одного нарушителя закона».

Впрочем, здесь сложилась еще не самая страшная обстановка, поскольку власти не трогали духовенство, если убеждались, что от него отвернулись верующие. Хуже обстояли дела в других местах. «Повсюду, куда ни бросишь взгляд, — восклицал Витцель в ту пору, когда еще поддерживал сторонников нового Евангелия, — только и видишь, как народные толпы, чиновники и дворяне грабят церкви, занимают монастыри, изгоняют монахов и присваивают себе их добро». В Виттенберге Спалатин, сохранивший непыльную должность духовника курфюрста, именем Реформатора призывал своего господина усилить гонения на тех, кто защищал мессу и прочие «гнусности». В 1530 году курфюрст издал указ под названием «Инквизиция против светских лиц», определявший меру наказания за преступления против веры. Особенно яростно виттенбергские богословы нападали на анабаптистов, в том числе на самых мирных, в результате чего многие из них погибли на плахе.

Случалось также, что обращенные в лютеранство князья, более заботившиеся о земных радостях, чем о вечном блаженстве, безжалостно притесняли любых представителей духовенства, нимало не интересуясь, к какой именно Церкви — истинной или ложной — те принадлежат. Добившись изгнания священников и монахов, они торопились завладеть церковным имуществом, не дожидаясь, пока опустевшие храмы и монастыри займут проповедники новой веры. Увы, жаловаться теперь стало некому. Разве не Лютер заранее узаконил подобные методы, возведя в культ светскую власть? В 1540 году Меланхтон жаловался Камерарию на «бессмысленную злобу князей». На следующий год, когда бесчинства властей усилились еще больше, он увидел в этом знак наступления конца света: «Князья обирают Церковь до нитки. Число примеров растет день ото дня, приближая второе славное пришествие Иисуса Христа».

В своем «Комментарии к Евангелию от Иоанна» Лютер обвинил дворянскую верхушку в стремлении обрушить основы евангелической религии: «Сам дьявол побуждает городских магистратов и сельских бургомистров к грабежам и воровству церковного имущества и его

использованию в преступных целях». Волей-неволей ему приходилось сравнивать новое положение вещей с бывшим: «Прежде короли и князья жертвовали на нужды Церкви, способствуя ее обогащению; теперь они только грабят храмы, так что скоро от них останутся одни голые стены». Далее теоретик священного характера светской власти искренне изумляется размаху злоупотреблений последней: «До появления нового Евангелия ни один светский властитель не смел превозносить свою власть (подразумевается, что он сознавал ее подчиненный характер по отношению к власти папы". — И. Г.). Теперь, когда наше Евангелие возвысило его в глазах окружающих, эти гордецы захотели подняться выше Бога и Его Слова. Они доходят до того, что пытаются диктовать нам, священнослужителям, во что мы должны верить и что проповедовать!»

«Обращение к немецкому дворянству» принесло свои плоды. Дворяне поняли, что они хозяева на своей земле, а всякое там христианство — неважно, «евангельское» или нет, — не более чем пережиток римской тирании. «Они вообразили, что всякого, кому не нравится их поведение, могут обвинить в бунтарстве и неповиновении власти, данной им Богом».

На всех землях, отмеченных обращением в лютеранство, была восстановлена цензура. Печатать теперь разрешалось только произведения, написанные либо самими руководителями Реформации, либо получившие их одобрение. Под запретом оказались не только труды католической направленности, но и любые сочинения, содержавшие отступления от лютеранского учения. Нарушителям грозил крупный штраф, а то и конфискация имущества. Само собой разумеется, что запретные книги подлежали уничтожению.

И в этой сфере князья и члены городских советов зачастую пользовались своей неограниченной властью в собственных интересах, доходя до самодурства. Маттеус Юдекс, проповедовавший в Магдебурге и Иене, признавал и за собой долю вины в том, что его собратья по вере впали в рабское угодничество перед представителями светской власти: «Магистраты взяли на себя роль учителей Слова Божьего, принадлежащую Церкви и священнослужителям. Они подвергают цензуре книги и не пропускают в свет душеспасительные сочинения, достойные всяческих похвал. Многие из нас молча, словно немые псы, взирают на это, не смея открыть рот и указать властям на их злоупотребления». Впрочем, в оправдание своего молчания он сообщает далее, что осмелившихся выступить с протестом просто-напросто лишают должности.

Основателем государственной Церкви следует считать Лютера, который и передал курфюрсту Саксонскому полномочное право на

церковные назначения. Он же дал ему совет прибрать к рукам все церковное имущество, чтобы затем распоряжаться им по своему усмотрению. Затем он потребовал от курфюрста создания особого органа, названного Инспекцией. «Вот как можно поступить: всю территорию следует разделить на четыре-пять округов, и в каждый округ направить по два человека, зависящих от Вашей Милости, которым и поручить проверку».

Идея Лютера, воспринятая курфюрстом Иоганном как приказ, нашла немедленное воплощение. С 1527 по 1530 год, то есть в течение трех лет, доверенные лица курфюрста, избранные по рекомендациям Меланхтона, Микония и Мения, объезжали приходы, вели допросы, проверяли чистоту учения, назначали и смещали пасторов, выискивали пережитки католицизма в богослужении или намеки на доктрину анабаптистов в проповедях, а также подсчитывали, сколько церковного имущества разграблено и сколько еще осталось, намереваясь заложить основы финансовой организации нового культа.

В 1529 году из докладов инспекторов Лютеру стало известно о плачевном состоянии большинства приходов, и он решил принять личное участие в их проверке. То, что ему открылось, ввергло его в состояние ужаса. «Крестьяне, — писал он, — ничему не учатся и ничего не знают, не молятся, не исповедуются и не причащаются. Они научились одному — употреблять полученную свободу во зло. Отринув папистские заповеди, они с презрением отворачиваются и от наших». В качестве самоутешения он добавлял: «Что за кошмарные плоды управления римских епископов!»

Постепенно сложилась церковно-политическая бюрократия. «Ты не поверишь, — писал Лютер своему другу Brentz, будущему редактору «Вюртембергской исповеди», проповедовавшему в Галле, — как в землях, обращенных в евангельскую веру, придворные и государственные сановники тиранят честных проповедников. Ни одному здравомыслящему человеку не придет в голову с одобрением отнестись к засилью представителей светской власти в церковных делах». В свою очередь, Витцель, рассказывая об инспекторах, с иронией писал: «Кто не знает множества новых правил, которые они изобретают каждый день и главная особенность которых заключается только в резком отличии от прежних. Как же, иначе кто-нибудь может подумать, что они придуманы не евангелистами! Люди смотрят на все это с угрюмым недовольством. Плохое сменилось еще худшим, вместо вековых обычаев им предлагают несостоятельные новшества... Новым проповедникам нужны священники. Что же они делают? Католических священников лишают сана и

приглашают в качестве пасторов первых встречных — неважно, посвященных или нет, — лишь бы те умели читать, имели жену или выражали готовность обзавестись таковой».

Подготовка пасторов действительно стала важным делом. Учитывая убожество богословского образования в Германии накануне Реформации, на практике большинство приходских священников обладали в вопросах религии лишь самыми поверхностными знаниями. Отречение от прежних взглядов, в частности от celibата, в пользу новой веры еще не означало, что вновь обращенные моментально обзавелись солидным теоретическим багажом. Они соглашались учить народ тем истинам, которые внушало им начальство, — им ведь тоже надо было жить. Под новой вывеской они продолжали заниматься привычным для себя трудом, но в какой мере отражались в их проповедях уроки, полученные от новых наставников, остается под вопросом. Сами люди крайне невежественные, чему они могли научить свою паству? Георг Майор, заместитель Лютера в Виттенберге, попытавшийся после смерти учителя реабилитировать пользу «дел», позже напишет: «Пасторами назначали тупиц, неотесанных невежд, безмозглых ослов, которые не только ничему не учили прихожан, но и сеяли среди них смуту».

Несмотря на это, инспектора, стремившиеся заполнить пустоты, образовавшиеся после изгнания одних священников и бегства других, без малейших сомнений приглашали на роль пасторов каждого желающего, объявившего себя «евангелистом». Витцель утверждает, что в эту внезапно открывшуюся контору по найму хлынули толпы полуграмотных безработных, каждый из которых получил место. В Швейцарии, сообщает Конрад Клаузер, «пасторами назначали людей, которым никто не доверил бы пасти даже самую глупую скотину». Напротив, студенты-богословы, разочарованные будущей профессией, дружно переходили на медицинский и правоведческий факультеты. Страсбургский пастор Штурм с горечью писал о том, что бегство наиболее способных учеников совершенно обескровило богословский факультет.

Тогда для подготовки новых проповедников начали создавать богословские школы. Увы, контингент в них ничем не отличался от вышеописанного. В 1543 году Лютер, рассказывая о школе, открытой в Виттенберге, признавался Шпанденбергу, что вознесет благодарственную молитву Господу, если из двух тысяч учеников найдутся хотя бы два или три, из которых выйдет толк. И добавлял: «Если им удастся подыскать себе невесту из богатеньких вдов, они моментально бросают учебу». Какое же богословское образование получали эти школяры? Преподавание в

основном сводилось к туманным разглагольствованиям по поводу Ветхого Завета. «Теперь осталось совсем немного пасторов, знакомых с заповедями Господними, Символом веры и молитвой «Отче наш», которые могут научить им несчастный народ. Зато они умеют без конца рассуждать о самых темных местах из пророчеств Даниила или Осии, а то и из Апокалипсиса». Помимо прочего и сами преподаватели, вовлеченные в беспрестанные внутренние распри, защищали каждый свое понимание того или иного нюанса общего учения, а потому в их лекциях содержалось гораздо больше критики и желчи, чем твердой веры и духа евангельского терпения.

Снова обратимся к свидетельству Витцеля (автора книги «Пастыри овец») относительно методов, к которым не брезговали прибегать невежественные подонки общества, лишь бы заполучить престижную должность пастора. «Мы видели, — рассказывает он, — с помощью каких трюков и какого обмана, ценой каких обещаний и какой грубости, с каким бесчестьем и какой развязностью, влекомые какой злобой и какой ненавистью все эти евангелические пастыри проникли в овчарню». Чем же они стали заниматься? Выслушаем того же обвинителя, составившего внушительный список их преступлений: «Сеять вражду, готовить мятежи, преследовать невинных, разорять Церковь, насмехаться над набожностью, нарушать христианские обычаи, подбивать народ к ереси, прожигать монастырское добро и жить в роскоши и внешнем блеске, предаваясь всевозможным излишествам, строить планы уничтожения инакомыслящих, портить, пакостить, переворачивать с ног на голову все и все заражать духом разврата». При этом, добавлял Буцер, их отличали такое тщеславие и самодовольство, что от окружающих они требовали почтительного обращения «учитель», а малейшее несогласие со стороны кого бы то ни было воспринимали с гневом и яростью. Матезий сообщает, что к 1539 году бесчинства новых пасторов достигли такого размаха, что Лютер вполне серьезно намеревался открыть особую церковную тюрьму.

С другой стороны, каких радостей могли ожидать от своей службы эти патентованные проповедники нового Евангелия? Паства напрочь забыла о своих обязанностях и решительно отвернулась от религии. «В результате проповеди Евангелия, — сетовал Лютер в кругу близких, — крестьяне докатились до такой степени развращенности, что уверились, будто им все позволено. Они больше не боятся ни ада, ни чистилища. Они одержимы гордыней, грубы, дерзки, алчны, способны на любое мошенничество. «Зато мы имеем веру, — твердят они, — и этого с нас довольно». В тех же беседах, названных застольными, он жаловался на религиозное невежество

народа, который совершенно перестал интересоваться богословием и впал в ослепление. «Их не останавливает ни страх наказания, ни дисциплина, ни принятые условности. Они предаются всевозможным мерзостям. В результате мы живем в скотской, сатанинской обстановке, и у нашей жизни нет будущего».

Сетованиям Лютера не видно конца, ими же наполнен его «Комментарий к Евангелию от Иоанна». Поначалу, свидетельствует он, прихожане еще вели себя пристойно, однако к настоящему времени они полностью утратили страх Божий и даже проявляют «отвращение к Евангелию». Тем не менее «наша доктрина чиста!» — восклицал он. Вот только нести ее свет стало почти некому; люди слушают новых проповедников, но это не мешает им «с каждым днем все глубже погружаться в пучину злобы и мрак невежества». «Сбросив с себя путы папизма, они заодно освободились и от Евангелия, и от Божественного закона». В конце концов Лютеру приходится напоминать распоясавшейся толпе о пламени, в котором сгинули Содом и Гоморра.

Но разве могли рассчитывать на внимание и уважение публики пасторы, лишённые образования и опыта, абсолютно оторванные от народной жизни, сами постоянно находившиеся на подозрении у властей и к тому же в большинстве отличавшиеся аморальным поведением? Особенно если учесть, что сам Реформатор неоднократно настаивал на главном пункте своей доктрины, которая заключалась в необходимости греха и бесполезности добрых дел. Стоит ли удивляться, что его посланцев повсюду встречали презрением? Вот как пишет об отношении к ним жителей Виттенберга сам Лютер: «Нам все равно, есть здесь пастыри или их нет. Мы и без них знаем, что спасение и оправдание нам дано свыше. Для молитвы о спасении никакие пастыри не нужны». А что думало по этому же поводу дворянство? «Вы только взгляните, с какой дерзостью они третируют и тиранят пастырей, буквально попирая их ногами, а потом и вовсе гонят прочь». То же можно сказать и в отношении бюргеров: «И в городах проповедь Евангелия встречает не больше успеха, чем в деревне: здесь слишком много неблагодарных и слишком мало искренне признательных нам людей». Наконец, о крестьянах: «Несчастный деревенский пастор превратился сегодня в самое презираемое существо на земле. Каждый мужик готов смешать его с грязью и дерьмом и считает себя вправе пинать его и оскорблять». Из этих высказываний очевидно, что в Саксонии и прилегающих к ней землях новых евангелистов ждало отнюдь не радужное будущее. «Толпа настолько обнаглела, что смеет открыто насмехаться над своими пасторами, и чем дальше, тем это явление

распространяется все шире. Скоро здесь никто вообще не станет слушать проповедей, а Библию и молитвенники швырнут в костер».

Аналогичные сетования слышим из уст Меланхтона. В письме к пастору из Эйсфельда он сообщает, что отныне воздерживается спорить со своими собратьями. «Вы же знаете, — поясняет он, — до какой степени ненавидит нас народ». Крестьяне, утверждает он, питают больше уважения к деревенскому пастуху, чем к своему пастору. Почему так происходит? Потому что «без пастуха в деревне обойтись нельзя, а без пастора можно». Сардерий заходит в своих оценках еще дальше, предполагая, что изрядное число его соотечественников охотно согласилось бы спасти свои души, если б рядом не было ни пасторов, ни проповедников.

Постепенно сложилась такая парадоксальная ситуация: священники получили право жениться, но ни одна девушка из хорошей семьи не желала выходить за них замуж. «Ни одна разумная мать, — восклицал Зельнеккер, — не захочет отдать свою дочь не только за кого-нибудь из расплодившихся за последнее время проповедников, но даже за самого порядочного пастора!» А вот горькие жалобы Виганда: «Нет теперь более презираемого сословия, чем пасторы. Признаваясь в своей принадлежности к этой корпорации, люди краснеют со стыда. Священники воспринимаются повсюду как отбросы человечества».

По мнению Сарцерия, подобное положение установилось после того, как Церковь обрела характер государственной. Именно при княжеском дворе принято «поносить и оскорблять духовенство, которое Бог заповедовал нам почитать; именно здесь приучают народ насмехаться и издеваться над пасторами. Придворные всячески унижают несчастных пасторов, угнетают и тиранят, облагают непосильными податями и поборами, лишая в то же время льгот и привилегий, отбирая имущество, в былые времена дарованное им королями и императорами Германии». Швабский пастор Маршталлер обвинял князей в том, что они превратили священнослужителей в лакеев. Зато Шнепф, суперинтендант из Вюртемберга, сумел обнаружить в создавшейся ситуации даже полезное зерно: «Крестьяне презирают пасторов, следовательно, наша Церковь несет свой крест. Ее хотят распять, следовательно, она и есть истинная Церковь».

Унижаемая сильными мира сего и презираемая простым народом, лютеранская Церковь хоть и стала государственным учреждением, но рассчитывать на финансовую поддержку отныне не смела. «Крестьяне, бюргеры и дворяне, — писал Лютер, — в один голос убеждают власть имущих, что вполне могут обойтись без пасторов. Они заявляют, что скорее готовы лишиться Слова Божьего, чем кормить бесполезного нахлебника».

В своих застольных беседах он делился с гостями такими мыслями: «Велико число священнослужителей, которых все гонят и никто не уважает. Доходит до того, что люди спокойно взирают на их нищету, оставляя их гибнуть от голода и нужды». Он полагает, что виной всему — заговор против его Церкви: «Если не удастся избавиться от пасторов открытым путем, их начинают выживать, заставляя голодать и терпеть лишения. Со всех уголков курфюршества до нас доносятся жалобы на глухие и скрытые гонения, во сто крат более опасные, чем откровенная вражда. Обрекая служителей культа на нищету, окружая их ненавистью и презрением, гонители замахиваются прежде всего на нашу Церковь». Он также считал виновниками сложившегося положения вещей дворянство и государственных деятелей: «Наши правители добьются того, что по всей стране не останется ни одного пастора, потому что они поставили своей целью избавиться от них, уморив голодом и затравив нищетой. Впрочем, далее на эту тему я распространяться не желаю».

О бедственном положении священнослужителей сохранилось множество свидетельств. Меланхтон, повествуя об этом, употребляет почти те же выражения, что и Лютер: «Церковь наша бедствует. Все ее бросили, повсюду ее гонят и подвергают мучениям. Почти все наши священнослужители живут на грани голодной смерти, а некоторые уже и миновали эту грань». Суперинтендант из Шмалкальдена Фишер с болью писал о «дьявольском презрении к духовенству». В Германии совсем не осталось желающих поддерживать служителей Церкви и заботиться о культовых сооружениях. Школы, где готовили будущих пастырей, пришли в полный упадок. «Прежде, — сокрушается Маршталлер, — наши храмы поражали воображение роскошью бархатных и шелковых риз, обилием драгоценных камней. Что же мы из них сделали? Чепцы да корсажи для наших жен!» Случалось, у священника не оказывалось стихаря, чтобы было в чем взойти на кафедру! Мансфельдский диакон Кауфманн отмечал, что церковным добром успели поживиться многие, прибрав к рукам и здания, и хорошие земли, и пашни, и лесные угодья, и виноградники, и дома священников, и школы, и прочее имущество, так что новоявленным пасторам остался самый жалкий доход, которого их в любую минуту может лишить власть, если ей вдруг разонравятся их проповеди.

Заметим, что немалое число новообращенных священнослужителей покинули монастыри именно потому, что им надоело жить в нищете. Что ж, вместо добровольной бедности, радостно приносимой в жертву Христу, они получили нужду, навязанную им обществом.

2.

ПРИМИРЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО (1526-1530)

Поскольку вопросы религии перешли в ведение государственной власти, неудивительно, что к их решению отныне стали привлекать методы дипломатии, а позже и войны. К предстоящим военным действиям обе стороны начали готовиться с момента заключения военных союзов. Поначалу немецкие князья еще питали некоторые надежды на мирное урегулирование разногласий, однако интересы обеих сторон настолько противоречили друг другу, что найти компромисс было чрезвычайно трудно. Католики настаивали на искоренении ереси и восстановлении статус-кво; лютеране считали свои завоевания не подлежащими пересмотру и мечтали об их расширении. Католики непременно условием ставили исполнение папской буллы и императорского эдикта, а в расколе между Церквями, осложненном обособлением анабаптистов и цвинглиан, видели предтечу дробления империи на множество конфессий и угрозу единству немецкой нации, столь дорогому сердцу рыцарей. Лютеране уверяли, что возврат к прежнему для них невыносим, поскольку заплатить за него придется ценой убеждений; что же касается единства нации, то они полагали, что разрыв с Римом будет лишь способствовать его укреплению. Из последней посылки с неизбежностью вытекала необходимость обращения в лютеранство всей Германии.

Католики располагали серьезным преимуществом в лице облеченного властью и авторитетом императора, а также его брата эрцгерцога Австрийского. К несчастью для них, Карл V начиная с 1521 года вел непрерывную войну с одним из самых опасных своих врагов — бесстрашным Франциском I, королем Франции. Желая лично руководить военными действиями, он почти не появлялся в Германии и не занимался государственными делами. В 1525 году события приняли благоприятный для католической партии оборот: французские войска разбили имперскую армию в Провансе и преследовали ее до Ломбардии. Здесь, у города Павии, и состоялось решающее сражение. Несмотря на два крупных козыря — выгодную позицию и наличие артиллерии, — французы ухитрились совершить такое количество грубейших ошибок, что потерпели сокрушительное поражение. Они потеряли две пятых личного состава, король попал в плен, а трое генералов — Бонивэ, Ла Палис и Тремойль — сложили на поле битвы свои головы. Немецкие католики вздохнули с

облегчением: наконец-то освободившийся император займется наведением порядка в стране. 13 января 1526 года Франциск I подписал Мадридский мир, по условиям которого отказался от Италии и Бургундии. Очередное заседание рейхстага назначили на июнь, а местом его проведения избрали город Шпейер. Император пообещал, что лично возглавит заседание.

Однако Карлу V так и не удалось достичь мирного соглашения с папой Климентом VII. Мало того, последний убедил Франциска I воздержаться от исполнения условий договора, навязанных, как он утверждал, грубой силой. Папа и король Франции заключили против Карла V альянс с Генрихом VIII, Венецией и герцогом Миланским Максимилианом Сфорца, подписанный в городе Коньяк. Это означало новый виток войны, и император в очередной раз отложил решение внутренних проблем. Рейхстаг в Шпейере собрался без него. Сторонники Лютера, вдохновленные недавними успехами своего движения, вели себя вызывающе: ходили к божественной службе, отправляемой по новому обряду, и открыто появлялись на публике со «своими» богословами. Папские легаты попытались было напомнить делегатам рейхстага о необходимости исполнения Вормсского эдикта, но их даже не стали слушать. Зато немецкие князья с особой тщательностью составили свой традиционный список претензий к папе — последний теперь уже однозначно воспринимался ими как враг Германии.

В это же время Сулейман Великолепный, призванный на помощь Франциском I, — человек, отнюдь не отягощенный христианскими побуждениями, — предпринял решительное наступление в Венгрии. Он наголову разбил войско короля Людовика, шурина Карла V, под Мохачем. В этом сражении погиб и сам король. Для дома Габсбургов его гибель оказалась кстати, поскольку обе короны — венгерская и чешская — перешли к Фердинанду. Однако верхушка венгерского дворянства избрала на престол Иоанна (Яна) Заполья, служившего при Людовике генералиссимусом. Вспыхнула гражданская война. Иоанн был разбит Фердинандом, однако признал себя вассалом Сулеймана, который смог таким образом усилить свое могущество в Центральной Европе. Перед лицом турецкой опасности христианские государи повторяли свои прежние ошибки, в результате которых мусульманская Османская империя уже захватила власть над восточным православием. В то время как папа, более озабоченный укреплением своего политического могущества, чем защитой духовных ценностей, с легкостью, граничащей с легкомыслием, заключал и расторгал альянсы за альянсом, «христианнейший из королей» не придумал ничего лучше, чем вступить в союз с Турцией, направленный против

короля католиков, а венгерская аристократия действовала в интересах захватчика.

На фоне этих событий рейхстаг в Шпейере показал полную неспособность к принятию конкретных решений. Его работа завершилась 27 апреля 1526 года. В один из последних дней своей работы рейхстаг принял две резолюции: просить императора вернуться в Германию, дабы лично разобраться в сложившейся ситуации и созвать собор; в ожидании окончательного решения предоставить каждому князю и каждому городу свободу действий в отношении к лютеранам и распространению нового культа. На самом деле подобная осторожность означала победу Реформации и явилась еще одним результатом непоследовательной политики императора, видевшего свою главную цель в сохранении единства империи в духе верности римско-католической Церкви, а цель промежуточную — в военной победе над Римом. Бросив все силы на достижение этой второстепенной цели, он самоустранился от решения германских проблем, не сделав ничего для предотвращения начавшегося раскола. Император-папист и король католической Испании, он воевал с папой и своим бездействием облек империю на смуту, раскол, распространение ереси и скорую гражданскую войну.

В Италии война возобновилась в 1527 году. Пока Карл V в очередной раз пытался взять Милан, коннетабль Бурбон, один из победоносных участников сражений под Агнаделем и Мариньяно, впоследствии поступивший на службу к германскому императору и командовавший его войском в сражении при Павии, бросил своего хозяина и решил организовать собственную военную кампанию. 6 мая во главе отряда наемников он предпринял штурм Рима, во время которого был убит. Его солдаты, лишившиеся командира, устроили в Вечном городе настоящее побоище. Вскоре Лютеру донесли, что Карл V якобы разрушил Рим, и он не смог удержаться от скоропалительных выводов: «Рим бесславно пал. Вот она, воля Христова! Император, подвергший Лютера гонениям от имени папы, сам погубил папу во имя Лютера! Истинно, все что ни делается, служит делу Христа и Его присных».

До разрушения Рима дело, конечно, не дошло, но в течение двух месяцев город подвергался самым жестоким грабежам. Климент VII, укрывшийся в замке Святого Ангела, оказался пленником и провел в заточении семь месяцев, освободившись только ценой крупного выкупа. Франциск I, вспомнивший о своей принадлежности к католичеству, решил выручить Святого Отца, однако адмирал генуэзского флота Андреа Дориа переметнулся на сторону Карла V. В результате королю Франции пришлось

спешно убираться из Италии. Папе оставалось лишь рассчитывать на добрые чувства германского императора. Последний приказал доставить его в Рим, весьма прозрачно намекнув, что его покровительство должно быть оплачено ценой политических уступок.

29 июня 1529 года папа и император подписали Барселонский мир, вернувший их к взаимному согласию. 5 августа Луиза Савойская, мать Франциска I, и Маргарита Австрийская, тетка Карла V, в свою очередь подписали в Камбре так называемый «дамский мир». В соответствии с этим документом Франциск I, овдовевший в 1524 году, когда умерла тихая и добрая Клод Французская, принесящая супругу в качестве приданого Бретань, намеревался жениться на сестре Карла V Элеоноре Австрийской, также вдове, потерявшей мужа — Эммануила Португальского — после двух лет брака. Император полагал, что этот альянс послужит скреплению достигнутого мира. Но он продержался лишь до 1534 года, когда король Франции демонстративно вступил в союз с князьями-лютеранами.

Между тем Карл V решил наконец, что настала пора вплотную заняться внутренними делами империи, которыми он слишком долго пренебрегал. Наибольшее беспокойство вызывало турецкое вторжение, стремительно развивавшееся. В 1529 году 120-тысячное войско Сулеймана подошло к самым стенам Вены, столицы владений Фердинанда. Под угрозой оказались не только Габсбурги, но и весь христианский мир. От Франции помощи ждать не приходилось, поскольку Франциск I связывал с султаном дружественный договор. Что касается лютеранских князей, то еще на рейхстаге 1526 года они заявили, что окажут финансовую поддержку крестовому походу только в том случае, если их подданным будет предоставлена свобода вероисповедания. Император понимал, что под этим заявлением крылось требование закрыть глаза на конфискацию церковных земель и запрет католического богослужения. Таким образом, решение турецкой проблемы оказалось в прямой зависимости от решения второй настоятельной задачи внутренней политики — лютеранского дела. В любом случае Карл, конечно, не мог не сознавать, что его длительное отсутствие, затянувшееся на целых три года, позволило князьям-лютеранам укрепить позиции, захватить в свои руки значительную часть церковного аппарата и усилить свою партию новыми сторонниками в северных и центральных землях Германии. Теперь ему, отвечающему и за единство Церкви, и за единство империи, следовало действовать без промедления.

На новое свое заседание, снова в Шпейере, рейхстаг собрался 15 марта 1529 года. Отдавая себе отчет в успехах, достигнутых адептами новой веры, и в их самоуверенности, Карл V не обманул надежд католиков и

продемонстрировал завидную твердость. Вормсский эдикт, принятый рейхстагом, недвусмысленно заявил он, безоговорочно должен быть приведен в исполнение, и это решение останется незыблемым вплоть до созыва собора. Однако его опять отвлекли другие дела, и он в очередной раз передоверил руководство рейхстагом брату Фердинанду. Вместе с князьями-католиками, составлявшими большинство, последний предложил следующий ряд мер. Там, где Реформация успела укорениться достаточно глубоко и где любые попытки пересмотра сложившегося соотношения сил повлекут за собой беспорядки, следует ограничиться запретом на дальнейшее распространение лютеранства, одновременно обеспечив свободу проповеди католицизма и восстановив в правах мессу. В землях же, сохранивших верность католичеству, Вормсский эдикт должен быть приведен в безусловное исполнение. Ученики Лютера получили обещание, что никто из них не пострадает за свою веру.

Каждая из сторон понимала, что подобное решение представляет собой компромисс, и каждая испытывала недовольство. Шестеро князей-лютеран составили торжественный протест, в котором, обращаясь к императору, утверждали: «Мы заявляем перед лицом Бога, людей и всех тварей Божьих, что мы и наши сторонники никогда не предпринимали ничего, что было бы противно Богу и Слову Божьему, спасению душ, совести, а следовательно, и настоящему эдикту. Поэтому мы объявляем все это не имеющим никакого значения». Документ подписали Иоганн курфюрст Саксонский; Филипп, ландграф Гессенский; Вольфганг, князь Ангальтский; Эрнст и Франц, герцоги фон Брауншвейг-Люнебургские; Георг, маркграф Бранденбург-Ансбахский. К ним присоединились 14 городов, в том числе Страсбург, Ульм, Констанц и Нюрнберг. Случилось это 19 апреля 1529 года, и с этого самого дня сторонников Лютера стали именовать протестантами.

Германия раскололась надвое, причем линия раздела пролегла главным образом в сфере политики. Император отверг протест князей. Иоганн Саксонский и Филипп Гессенский заключили союз со Страсбургом, Нюрнбергом и Ульмом. Лютера не слишком беспокоили новости с заседания рейхстага: его верные сторонники курфюрст и Меланхтон лично присутствовали в Шпейере, обеспечивая ему и политическую, и религиозную защиту. Узнав о появлении Протеста, Лютер написал каждому из обоих своих друзей по одобрительному письму. Однако сообщение об образовании военного союза вызвало с его стороны осуждение. Он счел, что слишком опасно поднимать меч против законной власти. В любом случае, полагал он, паписты, доказавшие собственную нерешительность

еще на Вормсском рейхстаге, не осмелятся напасть на немецкие государства.

Другой слабостью членов антиримской партии стала их разобщенность. Насколько она опасна в политическом и военном плане, прекрасно понимали князья. Филипп Гессенский, ничего не смысливший в богословии, зато вынашивавший далеко идущие политические планы, надеялся, что ситуация переменится к лучшему, если удастся убедить лидеров крупнейших религиозных школ прийти к общему мнению относительно фундаментальных принципов доктрины. Этими соображениями он поделился сначала с Меланхтоном, а затем и с Цвингли. Меланхтон согласился принять участие в объединительном коллоквиуме, но с единственным условием — не приглашать на него Цвингли. Для достижения более прочного союза, считал он, следует ограничиться представителями более или менее сходных направлений. Лютер высказался категорически против этой идеи. Он опасался, что вместо согласия между потенциальными участниками диспута произойдет дальнейшее размежевание, а их разногласия получат нежелательную публичную огласку. Свое мнение он высказал ландграфу, который от него отмахнулся. Зато глава секты таинственников Цвингли, отрицавший реальность присутствия Христа в таинстве евхаристии, с горячностью ухватился за эту идею, увидев в ней шанс завербовать в свои ряды новых сторонников. Ситуация напоминала Вормсский рейхстаг, вывернутый наизнанку: роль Лютера играл теперь Цвингли, которому сам Лютер, в свою очередь, пытался заткнуть рот. Так или иначе, но приглашения были разосланы. «Ландграф Гессенский, — писал Лютер 2 августа, — приглашает нас в Марбург на день св. Михаила. Он сгорает от нетерпения, желая примирить нас с таинственниками. Ни на что хорошее мы не надеемся, более того, ожидаем любых ловушек. То, что затевается, опаснее для наших друзей, чем для наших врагов. Жаждающий крови сатана не ведает отдыха, готовя новые убийства и кровопролития».

Марбургская конференция оказалась короткой и закончилась провалом. Согласно воле князя, 1 октября виттенбергские доктора встретились, каждый по отдельности, с виднейшими представителями швейцарского инакомыслия: Лютер имел беседу с Эколампадасом, Меланхтон — с Цвингли. Ничего хорошего из этой затеи не вышло. 2 октября в главном зале дворца состоялось публичное заседание. Даже о повестке дня участникам договориться не удалось. Цвингли настаивал, чтобы обсуждение ограничилось проблемой евхаристии, Лютер, напротив, решительно предлагал расширить его тематику, понимая, что по первому

вопросу согласие недостижимо. К вечеру 3 октября бесплодные споры все еще продолжались. Каждый клан твердо держался мнения, что именно его учение основано на Слове Божьем, а потому ни малейших отступлений от его основ нет и не может быть. Лютер, очевидно, не без влияния ландграфа, сделал последнюю попытку достичь согласия и предложил к рассмотрению 15 статей, 14 из которых, касающихся Троицы, веры, оправдания верой, крещения, устной исповеди, могли удовлетворить всех — представителей и Виттенберга, и Швейцарии, и Страсбурга. Однако пятнадцатая статья стала камнем преткновения. И хотя единодушие по поводу тезисов антикатолической направленности еще могло расцениваться как признак единства в вопросах богословия, никакой радости Филиппу Гессенскому это не принесло. Швейцарцы категорически отвергли его предложение о возможном военном союзе, так что ему пришлось признать, что затея его оказалась напрасной.

Как и опасался Лютер, непримиримая борьба оппонентов только ужесточила взаимные позиции и привлекла внимание к аргументации Цвингли. Ульм переметнулся на сторону таинственников. Лютер попытался осуществить свой собственный план, идущий вразрез с замыслом ландграфа, и сразу после марбургской неудачи собрал в Швабах, неподалеку от Нюрнберга, конференцию протестантских земель, не удостоив приглашением швейцарцев. Здесь он предложил новый свод тезисов, надеясь добиться единодушного их одобрения. Но на сей раз против выступили представители Ульма и Страсбурга. Что касается Филиппа Гессенского, то он от одного из своих осведомителей получил данные о якобы готовящемся против него заговоре князей-католиков и немедленно собрал небольшое войско. Вскоре выяснилось, что информация о заговоре не соответствует действительности, однако не желая, как он признавался, допустить, чтобы понесенные военные расходы обернулись пустой тратой средств, он бросил свое войско на баварские епископства в Вюрцбурге и Бамберге и подверг их разорению.

Турецкая опасность временно отступила. Несмотря на пережитый страх, немцы практически не предприняли ничего, чтобы помешать захватчику. Для этого потребовался бы не только всплеск национального самосознания, но и всплеск христианского чувства. Однако в глазах противников Рима подобные побуждения привели бы к единению Европы под эгидой папы. Франциск I считал, что защита Германии под флагом защиты христианства превратила бы германского императора в главу христианского мира. Лютер, со своей стороны, боялся, что она заставит немецких князей консолидироваться под властью Габсбургов. Таким

образом, для успешного противостояния Османской империи ни в Германии, ни во всей Европе не хватило стремления к единству, хотя о зверствах турецких орд ходили самые страшные слухи.

Лютер довольно долго не оставлял попыток отговорить немецкое дворянство воевать с турками. Папа, уверял он, призывает к крестовому походу, преследуя личные интересы. В 1524 году в небольшой работе, озаглавленной «Два противоречивых указа императора», он писал: «Откажитесь от выступлений против турок и не соглашайтесь давать деньги на войну с ними, потому что турки вдесятеро умнее и набожнее наших князей». Он подверг суровой критике императора, настоявшего на Нюрнбергском рейхстаге на решении в пользу крестового похода: «И не стыдно этой тряпке называть себя защитником христианской веры?» Если Богу угодно спасти Церковь, полагал Лютер, Он спасет ее и без всяких крестовых походов. Им же вместо войны с турками следует прежде разобраться с Римом.

Между тем наступил 1529 год, и доблестная армия Сулеймана подошла к венским воротам. Лютер сменил тон. В своей новой книге «Война против турок» он писал: «Проповедники-глупцы вещают народу, что с турками воевать бесполезно и невозможно; безумцы, они учат, что поднимать против них оружие запрещено. Немцы — народ настолько дикий и звероподобный, наполовину состоящий из людей, а наполовину — из чертей, что кое-кому кажется, что будет даже лучше, если они попадут под турецкое владычество». Но хуже всего то, что подобные злобные глупости приписываются «Лютеру и его Евангелию». Лютер тонко обороняется. Да, он выступал против идеи крестового похода, потому что предполагалось, что это будет «война папы». К тому же христианин не должен защищаться с помощью меча, иначе первыми, на кого он обрушил бы этот меч, стали бы «папа и его присные». Однако в данном случае речь идет не о борьбе с мусульманством, претендующим на души христиан, а о войне с национальным врагом, который зарится на чужие земли. Вот почему главную роль в этой битве должен играть не папа, а император. Христианам же следует молиться о победе, ибо только она принесет им спасение и не даст захватчику завладеть их добром.

В его письмах этой поры сквозит неподдельный ужас. Бог наказывает христиан за вероотступничество, сбывается Писание и наступают последние времена. «Молитесь за меня, ибо я охвачен смертельной скорбью пред лицом турка и его бога — сатаны». «На грани гибели я скорблю о приходе турка. Мы должны его преодолеть, его и сатану, которому он служит». Затем ему сообщили, что германская армия во главе с

баварскими князьями-католиками отбросила захватчика. Турки отступили, но какой ценой далась победа над ними! «Австрия почти опустошена. Божье чудо, что не сдалась Вена, но какому разорению она подверглась! Разрушены все окрестные деревни, более ста тысяч жителей погибли или взяты в плен. То же самое творится в Венгрии. В Германии полным-полно предателей, помогающих туркам». За этим выводом следует другой: «Похоже, на Германию надвигается новый Цезарь, но никто его не боится».

Цезарь действительно надвигался. Воспользовавшись договором, с помощью которого ему удалось унижить папу, Карл V организовал для себя новую коронацию — через десять лет после первой. Торжественная церемония состоялась в Болонье 24 февраля 1530 года. Карл принес традиционную присягу, в которой поклялся безоговорочно защищать права Церкви. Теперь он мог наконец-то заняться германскими делами, пришедшими в его отсутствие в полный упадок. Предпосылок к тому, чтобы энергично взяться за дело, хватало: его активно подталкивал к этому папа, ему благоприятствовало спокойствие на границах государства, его заставляли действовать исполненные отчаяния доклады, которые слали ему брат, нунции и католики-князья.

Император назначил заседание рейхстага в Аугсбурге на 8 апреля. С подчеркнуто любезным письмом он обратился к курфюрсту Саксонскому, приглашая его на собрание вместе с придворными богословами. Следовало ли Лютеру принимать Приглашение? Мнения на этот счет разделились. Сведения о Барселонском мире, подписанном между папой и императором, просочились и в Германию, где хорошо понимали, что за внешней любезностью Карла V может таиться серьезная угроза. И потому было решено, что Лютер в Аугсбург не поедет, а вместо этого остановится в одном из близлежащих городков, чтобы быть в безопасности и в то же время иметь возможность снестись со своими друзьями. Из Торгау, где располагалась резиденция курфюрста Саксонского, в Аугсбург двинулась целая делегация из 160 человек. В нее кроме курфюрста входили его сын Иоганн-Фридрих, князь Вольфганг Ангальтский, герцог фон Брауншвейг-Люнебургский, граф Альбрехт Мансфельдский, семьдесят рыцарей и группа виттенбергских богословов, в том числе Лютер, Меланхтон, Спалатин, Ионас и Агрикола. 15 апреля процессия прибыла в замок Кобург — последнюю крепость на саксонской земле, а 20-го отправилась дальше, оставив в замке Лютера.

От Аугсбурга их отделяла еще сотня лье. Карл V не случайно остановил свой выбор на этом городе. Он хотел, чтобы собрание делегатов рейхстага прошло в области, сохранившей верность католичеству,

расположенной как можно ближе к Италии и как можно дальше от Саксонии. Аугсбург в этом смысле оказался самым подходящим местом, гарантировавшим участникам собрания спокойную обстановку и безопасность. Вольный имперский город, получивший свой статус в 1276 году, он располагал крепостью и находился недалеко от Мюнхена — столицы баварских князей. К описываемому нами моменту Аугсбург превратился в крупнейший финансовый центр Европы, а семейство Фуггеров — первых банкиров Германии — хранило нерушимую верность императору и Церкви. Эрцгерцог Фердинанд встретил брата у приграничного перевала Бреннер, откуда они уже вместе двинулись дальше и 15 июня прибыли на место. В Аугсбурге их ждал пышный прием, устроенный городским советом и архиепископом Майнцским, возглавлявшим Коллегию курфюршеств. Благословить многочисленную толпу горожан, в первых рядах которой выделялись делегаты рейхстага, вышел папский нунций Кампеджо. Когда все опустились на колени, протестантские князья и богословы одни остались стоять как ни в чем не бывало...

20 июня рейхстаг начал свою работу. Карл V хотел, чтобы в числе первоочередных был рассмотрен финансовый вопрос, в частности, материальная поддержка военной кампании против турок. Однако князья-протестанты, предводительствуемые курфюрстом Саксонским, потребовали начать с обсуждения религиозных проблем. Князьям-католикам, не желавшим усугублять и без того сложную ситуацию, пришлось согласиться. Первые надеялись еще раз во всеуслышание заявить о своих требованиях; вторые рассчитывали, опираясь на авторитет императора, добиться окончательного решения проблемы. Таким образом, о политическом компромиссе речи не шло, однако Меланхтон, известный своим умом и тонкостью, попытался «пробить» религиозный компромисс, который как нельзя лучше устроил бы виттенбергскую команду. Лютер облек его всеми полномочиями, к тому же он поддерживал постоянную связь с Кобургом. Итак, Меланхтон сочинил программное заявление, позже получившее название «Аугсбургского символа веры»^[23], а пока именовавшееся «Княжеским символом веры». В самом деле, выступать на заседании рейхстага богословы не имели права, поэтому огласить заявление пришлось самим протестантским князьям.

Меланхтон сделал ловкий ход, представив разногласия между католиками и протестантами как не имеющие принципиального значения. Эта «военная хитрость» преследовала сразу две цели: политическую — призыв к императору не применять силового воздействия против князей-

лютеран; и религиозную — добиться для Лютера и его сторонников свободы проповедовать свое учение на всей территории Германии. Меланхтон перечислил ряд протестантских догматов, ничем не отличающихся от догматов католицизма. Так, в вопросе о Троице и те и другие придерживались решений Никейского собора; в вопросе о первородном грехе — Халкидонского собора; касательно значения таинств и те и другие признавали, что сущность последних связана не со святостью церковнослужителей, а с божественным установлением; в таинстве евхаристии (в отличие от цвинглиан) и те и другие видели реальное присутствие Тела и Крови Христовых; наконец, относительно предназначения души и те и другие в противовес анабаптистам соглашались с концепцией вечного ада (правда, о проблеме чистилища Меланхтон не обмолвился ни словом). По вопросу оправдания одной верой были предложены осторожные, но в то же время двусмысленные формулировки, способные удовлетворить обе партии: признавались заслуги Христа как источника спасения, но не отрицалась и «некоторая доля свободы человеческой воли», хотя подчеркивалось, что последняя ничто без Божьей благодати; говорилось также о необходимости добрых дел как свидетельстве покорности Божьей воле.

Разумеется, «Символ» содержал также ряд нападок на религиозную практику папизма, но его автор считал их несущественными, тогда как в глазах католиков они имели важное значение. Речь идет о культе святых, о церковном celibate, о монашеских обетах, о закрытой мессе. Наконец, само формальное определение Церкви оставляло широкий простор для толкования. Церковь, говорилось в документе, есть «сообщество Святых, в котором осуществляется праведное учение Евангелия и правильно отправляются таинства». Между строк этого определения ясно читалось: одни лютеране достойны именоваться истинной Церковью.

«Княжеский символ веры» подписали Иоганн Саксонский, Филипп Гессенский, Франц и Эрнст Брауншвейг-Люнебургские, Вольфганг Ангальтский, Георг Бранденбург-Ансбахский, а также представители двух имперских городов — Нюрнберга и Рейтлингена. Затем документ вручили императору, который передал его для рассмотрения комиссии из 20 богословов-католиков. В числе других в нее вошли Экк, Кохлей, Вимпина, Юзинген, Фабер. Комиссия составила собственный документ, названный «Аугсбургским опровержением» (*Confutatio Augustana*), в котором подвергла суровой критике двусмысленность и многочисленные умолчания «Символа» относительно основ вероучения и указала на конкретные его положения, недопустимые с точки зрения католицизма. Император,

искренне стремившийся к примирению, счел суждение комиссии слишком жестким и потребовал новой редакции документа. Увы, употребление более обтекаемых терминов не могло разрешить принципиальных разногласий. Убедившись в невозможности примирить непримиримое, Карл V решил, что настал решающий момент, и выразил готовность сыграть свою роль «попечителя и защитника Церкви». Он категорично потребовал от протестантов вернуться в лоно Церкви, в обратном случае пригрозив им обвинением в ереси.

В рядах лютеран слово императора вызвало смятение. Филипп Гессенский перепугался и тайком покинул город. После его бегства Карл V приказал закрыть городские ворота, так что протестантские князья и богословы оказались в ловушке. Правда, письма Лютера продолжали свободно проникать в Аугсбург. Не представляя, в какое трудное положение попали его единомышленники, Лютер по-прежнему старался поддержать в них боевой дух. Всецело доверяя Меланхтону и веря в его дипломатический талант, он тем не менее сурово корил его за приспособленчество и недоговорки. Опасный оборот, который приняли события, испугал и Меланхтона. По-настоящему встревоженный, он предпринял последнюю попытку примирения, вложив в нее всю свою добрую волю.

По совету Кампеджо император назначил смешанную комиссию, в которую вошло по семь представителей с каждой стороны: два князя, два юриста и три богослова. От католиков выступили герцог Генрих Брауншвейг-Вольфенбуттель и князь-епископ Аугсбургский, Бернард Гаген и Иероним Вегус, Экк, Вимпина и Кохлей; от протестантов — сын курфюрста Саксонского Иоганн-Фридрих и Георг Бранденбург-Ансбахский, Понтанус и Веллер, Меланхтон, Бренц и Шнепф. Обе стороны попытались сделать шаг навстречу друг другу. Католики предложили признать в протестантских государствах причащение под обоими видами (что относилось не к области догматики, а к сфере религиозной практики), узаконить уже заключенные браки священников и подвергнуть секвестру конфискованные церковные земли. Меланхтон зашел еще дальше и выказал готовность признать авторитет папы и епископов. Но едва он успел сформулировать свои предложения, как Лютер обрушил на него целый поток писем, в которых горькая ирония перемешивалась с язвительностью и отчаянием. «Я узнал, — писал он ученикам 26 августа, — что вы совершили чудо и сумели примирить папу с Лютером. Вот только папа от этого отказался, а Лютер приносит вам свои извинения». Затем он предостерегал против вероломства папистов, называл Кампеджо отпетым

бесом и грозил, что даже противники поднимут их на смех, убедившись, что они позволили себе поддаться на хитрости и уловки папистов.

Попытка примирения провалилась. Впрочем, как знать, может быть, честное размежевание стоило иллюзорного единства? Меланхтон написал «Апологию Аугсбургского символа веры». Цвингли обратился к императору с письмом, в котором предлагал собственную концепцию вероучения, основанную на реформах, осуществленных в Швейцарии. Страсбургские богословы Буцер, Капитон и Гедион совместно с Майнингеном и Линдау (из Констанца) опубликовали «Вероучение четырех городов». Все это знаменовало необратимость раскола не только между католиками и протестантами, но и между представителями различных протестантских течений.

3.

АДСКАЯ ПОЛОСА (1526-1531)

Все свои теоретические проблемы Лютер успешно решил, но оставались еще проблемы внутреннего, психологического плана. Как и прежде, он снова попытался подавить силой разума побуждения души — но, как и прежде, безуспешно. Сомнения богословского характера больше его не тревожили, но душевного покоя он так и не обрел.

Он начал новую жизнь, и в первое время окружающим могло показаться, что он совершенно успокоился. Не исключено, что так же думал он сам. Он наслаждался медовым месяцем, щедро расточая комплименты в адрес своей дражайшей супруги. Жизненным укладом он напоминал одновременно и бюргера, и крестьянина. Он продолжал читать проповеди, принимал у себя гостей, частенько отправлялся обедать и ужинать в город, но одновременно с этим ухаживал за садом, покупал семена, развел обширный цветник и вырыл во дворе колодец. Подумать только, еще вчера с негодованием отказывавшийся помогать брату-монаху в огородных работах, теперь он — в том же самом монастыре! — терпеливо копался на грядках. Впрочем, у него имелся слуга по имени Вольф, которого отправляли за покупками, и девушка-служанка по имени Розина, старательная, но крайне тупая, которую он в конце концов выгнал. В свободное время он начал изучать часовое и токарное дело.

Он пополнел. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить два портрета, выполненные Кранахом в 1520 и 1526 годах. На гравюре 1520 года мы видим печального монаха со впалыми щеками и с отсутствующим взглядом; на полотне 1526 года перед нами еще моложавый в свои 43 года мужчина, что называется, в теле и с внушительным двойным подбородком. Взгляд, однако, несколько не смягчился и блуждает в неких далях, недоступных пониманию художника, суля грядущие бури.

7 июня 1526 года в семействе родился первенец. Как и всякий отец, Лютер чувствовал счастье и гордость. «Господь благословил меня, — писал он Спалатину, — подарив мне, счастливейшему супругу самой очаровательной из женщин, маленького Лютера. Чудодейственной милостью Божьей я теперь отец». Не знавший в безрадостном детстве ничего кроме вечных придилок, он мог теперь наслаждаться теплом собственного семейного очага. Не помня зла на отца, он назвал сына Гансом. Его письма этой поры посвящены в основном рассказам о ребенке.

«Маленький Ганс чувствует себя отлично». «Мальш Ганс шлет вам привет». «У крошки Ганса режутся зубки». «У малютки Ганса болит животик от сырого молока». «Маленький Ганс настоящий крепыш и весельчак — любитель хорошо покушать и выпить». Виттенбергский папа, совсем недавно с высокомерием писавший, что никогда не пойдет на уступки своим слабостям и не женится, ибо душой слишком далек от супружества, погрузился теперь в мирное существование, деля его с женой и сыном. Ему досталась лучшая доля, уверял он всех, которой папа римский недостоин.

Идиллия продолжалась меньше двух лет. Возможно, первые тучи омрачили ее даже раньше, потому что вскоре после женитьбы Лютер признавался Бугенхагену: «Из-за того, что я с легкостью веду веселые разговоры, многие думают, что моя жизнь усеяна розами. Один Бог знает, что это не так». 13 января 1527 года с Лютером случился припадок, который современная медицина, вероятно, назвала бы сердечным приступом. Субботним утром в тот день, когда по церковному календарю празднуется Посещение Богородицы св. Елизаветой, Лютер почувствовал себя нехорошо. Его охватило непреодолимое ощущение ужаса. Бугенхаген, который находился тогда рядом, рассказывает об «испытании духа». Сам Лютер впоследствии говорил друзьям: «Это совсем не походило на природную слабость, но скорее напоминало глубочайшую скорбь, которую пережил святой апостол Павел после того, как его ударил по щеке сатана». Разумеется, сравнение со святым Павлом, чье состояние не в силах описать ни врач, ни богослов, льстило его самолюбию, однако для нас важно другое. Лютер как будто бы вернулся на 20 лет назад. Позже он признавался, что пережитый им «внутренний припадок» наполнил его душу «невыразимой тоской».

Вечером приступ повторился. Он казался сильнее утреннего, но, по позднему свидетельству больного, носил более физический, чем моральный характер. Тем не менее между двумя приступами наверняка существовала связь. Следует ли думать, что к вечеру Лютеру действительно стало плохо с сердцем из-за перенесенного утром душевного шока? Так или иначе, но он поспешно составил завещание и приготовился к смерти. Окружающие также не сомневались, что конец его близок. Забыв на время собственные речи о неизбежности перехода в мир иной, он приказал привести врача, который велел согреть для больного подушки и простыни.

Итак, близкие обступили его ложе, ловя каждое его слово; он же, по свидетельству Ионаса, «с твердой верой и полным доверием» молился.

Некоторые из его молитв пересказал тот же Ионас: «Боже, которого я так люблю, Бог грешников и несчастных, Бог испуганных и нищих духом, Бог тех, кто ищет утешения и ждет помощи и милости Твоей... Иду к Тебе, Господи, веруя в обещанное Тобой. Мне страшно, Господи, меня терзают тысячи печалей. Помоги мне, Господи!» Нашлись у него и слова поддержки для жены: «Ты — моя законная супруга. Ни в чем не сомневайся». Очевидно, у нее хватало поводов для беспокойства. Затем он вдруг внезапно испугался, что о нем могут составить неправильное мнение после его кончины: «Мир любит лгать. Найдутся такие, кто скажет, что я отрекся от своего учения. Прошу вас быть свидетелями моей верности избранной вере».

Он признал, что дурно обращался со своими противниками, однако сейчас же добавил, что нисколько в этом не раскаивается. В самых суровых выражениях он отозвался о фанатиках-цвинглианах и высказал горькие сожаления по поводу множества образовавшихся сект. Наконец, он предрек, что его ученики, лишенные, в отличие от него, Лютера, «Божьего дара», не сумеют повести себя столь же стойко и последовательно. Затем он попросил, чтобы ему принесли сына, и назвал его сироткой. Завершив все эти дела, он спокойно отдался воле Божьей, призвав к тому же Катарину. В это время помощники принялись энергично растирать его тело, и по прошествии некоторого времени он вдруг сказал: «Боль уходит... Силы возвращаются ко мне... Если удастся пропотеть, то на этот раз я, кажется, вывернусь». По всей видимости, пропотеть ему удалось, поскольку уже на следующий день он был жив, спокоен и больше не собирался умирать. «Господь, — сделал он вывод, — низводит в ад и выводит из ада».

Итак, со смертного одра он поднялся, однако весь следующий год прошел для него под знаком бездеятельности и тревоги. Он неоднократно делился своими мыслями и чувствами с окружающими. «Телесные недомогания — ничто по сравнению с душевной тоской, снедающей меня». «Сатана со своими приспешниками изводят меня... Почему наш божественный Искупитель допускает это?» «Меня потрясали бури сомнений, меня качало на волнах отчаяния и кощунства против Господа». Уверенность, что сатана намерен его погубить, прочно поселилась в его душе, хотя лукавый, являясь к нему, порой принимал черты самого Иисуса Христа. В частности, именно под этим видом он упрекал Лютера в присвоении себе миссии, которой ему никто не поручал. «Зачем ты нарушил согласие в Церкви? Почему ты так твердо уверен, что тебя вдохновил на это Бог? Что ты ответишь, когда Он спросит с тебя отчет за все погубленные души?» Доходило до того, что он просил друзей молить

Бога, чтобы Он поскорее отнял у него жизнь. Посещали его и мысли о самоубийстве. Одному из проповедников, рассказавшему, что стоит ему увидеть нож, как к нему является сатана и принимается подговаривать его к самоубийству, Лютер признался: «Со мной такое тоже часто бывает. Когда я беру в руки нож, меня захватывает та же мысль, мешая мне молиться». К этому же времени относится и его признание Меланхтону: «И мне, подобно Иову, часто хочется воскликнуть: «Зачем я родился на свет? Для чего написал я столько книг? Я ведь не просил, чтобы мне дана была жизнь! И пусть мои книги сгинут без следа, я не стану о них жалеть!»

В июле по Виттенбергу прокатилась эпидемия какой-то инфекционной болезни, которую в ту пору называли чумой, хотя современные историки полагают, что речь идет о менее страшном заболевании. Университет переехал в Иену, и курфюрст предложил Лютеру перебраться вслед за ним. Однако тот отказался: «Добрый пастырь жизнь свою кладет за своих овец». И в доказательство того, что смерть его не страшит, добавил: «Что такое чума в сравнении с ужасом искушений, терзающих меня?» Действительно, недавнее недомогание вернулось, причем вернулось с удвоенной силой. «Со мной случился глубокий обморок, — писал он Сплатину. Я уже решил, что вот-вот умру на руках у жены и друзей, однако Господь сжалился надо мной». «Голова моя, — жаловался он другому пастору, — отказывается и читать, и писать». Из письма к Меланхтону от 2 августа узнаем: «Больше недели все мое тело сотрясала адская, смертная мука. До сих пор при одном воспоминании об этом меня охватывает дрожь. Я забыл тогда и Христа, весь отдавшись отчаянию и святотатству. Но Бог, тронутый молитвами святых, смилостивился надо мной и вернул меня из адской бездны».

С пристальным вниманием следил он за развитием эпидемии, надеясь, что болезнь пощадит его и всех его друзей, преданных Христу. 19 августа он отмечал, что пока в городе умерло только 18 человек, «включая детей и девиц». К сентябрю он, кажется, совершенно успокоился: «Чума оказалась не такой свирепой, как ожидалось. Думаю, что слухам способствовало паническое бегство наших из города». Но в ноябре произошла новая вспышка эпидемии: «Мой дом стал похож на лазарет... В один день болезнь унесла 12 человек. В воскресенье я с ужасом наблюдал муки жены капеллана Георга, у которой начались преждевременные роды. И она, и ребенок погибли». Наконец, 14 декабря он записал: «Чума миновала».

Но, как бы ни переживал он по поводу этого национального бедствия, связанная с ним тревога отступала на второй план перед ощущением внутренней катастрофы, охватившей все его существо. На него, уверял он,

ополчился сатана собственной персоной, недовольный проповедью Слова Божьего, а Бог оставил его биться с лукавым один на один, словно второго Иова. К октябрю ситуация нисколько не улучшилась: «Вот уже три месяца, как я страдаю телом, но еще мучительнее — душой. Пишу мало, почти ничего. Меня избрал своей мишенью сатана». Та же жалоба повторяется спустя три недели: без поддержки Иисуса Христа он не может ни читать, ни писать, ни нормально жить. Едва ли не последним сильным чувством осталась в нем неприязнь к врагам: Цвингли, отмечал он в это время, достоин святой ненависти. В ноябре, в самый разгар чумы, он записал: «Долгие месяцы терплю я муки телесные и душевные». На направленные против него статьи, опубликованные, с одной стороны, Эразмом, а с другой — таинственниками, он реагировал с возмущением: «Они преследуют безвинного несчастного человека, человека, чье сердце разрывается от искреннего раскаяния». Если бы им хоть на четверть часа судьба послала такие же муки, как ему! Они не стали бы медлить с обращением в истинную веру!

10 декабря 1527 года он сообщил Ионасу великую новость: Кэтхен родила ему девочку! Попутно он делился и другими, менее важными известиями: «Малыш Ганс поправился. У нас пали десять свиней. Студенты возвращаются». Что же он сам? Исцелило ли его столь знаменательное событие? «Что касается меня, то я, хоть и похож на живого, на самом деле мертвец». В письме к Сплатину он поведал, что новорожденную назвали Елизаветой. Быть может, он выбрал это имя в честь великой святой, чей образ посещал его в Вартбурге? Это не исключено. Впрочем, он сам уточнял, же-лая избежать любых недомолвок на этот счет: «Так звали мать Иоанна Крестителя». Но дальше... Дальше повторяются все те же жалобы: «Я так и не избавился от своих страданий». «Подумать только, я, приведший других к спасению, не в силах спастись сам!» «Я попал в лапы к диаволу». «Одиночество действует на меня самым роковым образом. Мне необходимо общество». 3 апреля 1528 года маленькая дочь Лютера скончалась. «Моя крошка Елизавета умерла. Ее смерть невероятно опечалила мою душу, я горюю, как женщина».

Поездка в Марбург и диспуты с оппонентами оживили его. Оскорбления как будто придавали ему сил, присутствие врагов наполняло его ощущением удовольствия. Отдаваясь жару полемики, требовавшему от него бесконечного перечитывания Писания, анализа каждой его запятой, поиска слабых мест в аргументации противника, он на время забывал о своих личных переживаниях. Но... Едва вернувшись в Виттенберг, он, по собственному его признанию, впал в состояние, близкое к агонии. Как

выяснилось, глубочайшая тоска способствовала взлету поэтического вдохновения: именно в эти дни он сочинил гимн «Ein ' feste Burg ist unser Gott» («Господь — наша крепость»).

Господь — наша крепость,
Наш щит и наш меч.
Он избавит нас от страха,
Что терзает нас всечасно...
Пусть беснуются демоны,
Алчущие наших душ.
Страх нам неведом,
Мы победим!

Вскоре ему действительно понадобилась крепость, и ею стал Эренбургский замок близ Кобурга. Как когда-то в Вартбурге, толстые стены надежно защищали от недругов тело, и он снова оказался один на один со своими тревогами. Он не выпускал из рук перо, сочиняя послание за посланием. Сознание того, что его столь надежно охраняют, вселяло в него чувство гордости: «Здесь со мной 30 мужчин, в том числе 12 ночных стражников и два часовых на башнях». Описывая деревья и птичек, он впадает в лиризм. К нему даже вернулась работоспособность: он перевел книги пророков Иеремии, Иезекииля, Даниила, Псалтирь и басни Эзопа. Разумеется, он поддерживал самую тесную связь с богословами, бившимися в Аугсбурге, и жестоко страдал, не имея возможности лично вмешаться в ход событий. Особенно его злила примиренческая позиция Меланхтона, и он написал «Призыв к церковникам, собравшимся на Аугсбургский рейхстаг».

И вдруг новый приступ... «Все шло отлично, пока моя старая добрая оболочка не взбунтовалась против середины. В голове у меня что-то начало беспрестанно шуметь, звенеть, греметь... Последние три дня я ни разу не взял в руки перо». Снова накатились соблазны. Он признавался, что поддался греху и отправился на исповедь к пастору в Кобург, но тот поспешил успокоить его, объявив, что все наши грехи покрыл Христос, а потому бояться нечего. Опять ему начало казаться, что он вот-вот умрет, и он готовился встретить кончину. В то же время он сознавал, что все это проделки дьявола. Как-то вечером, часов около девяти, он заметил на замковой башне огненного змея. Потом змей исчез, но скоро возник снова — уже в виде звезды на небосклоне. Вот он, дьявол! Впоследствии он так

вспоминал об этом видении: «Я видел, как дьявол полетел над лесом в сторону Кобурга».

В этом же состоянии тоскливой безнадежности застала его весть о кончине отца. Нельзя сказать, что она прозвучала неожиданно, — Лютеру еще несколько месяцев назад сообщили, что старик совсем плох. На похороны он не поехал, посчитав, что подобное путешествие сопряжено со слишком большим и неоправданным риском. «На самом деле, — комментирует Гризар, — речь шла о поездке через земли, принадлежавшие курфюрсту. Однако этот пример наглядно показывает, в какой изоляции оказался теперь столь популярный в недавнем прошлом человек. Со времени Крестьянской войны он утратил расположение простого народа, который видел в нем одного из угнетателей». Услышав печальную новость, Лютер просто сказал кому-то из окружающих: «Ну вот, отец умер». После чего заперся у себя и плакал так долго и безутешно, что на следующий день у него страшно болела голова. Работать он не стал: «Сегодня в знак сыновней почтительности не напишу ни строчки».

Все эти события происходили в конце мая 1530 года. До закрытия Аугсбургского рейхстага оставалось еще четыре долгих месяца. К Лютеру беспрестанно подъезжали курьеры со свежими новостями и подробными отчетами о диспутах, требовавшими обстоятельных ответов. Необходимость работы отвлекала его от мрачных мыслей. Он чувствовал ответственность перед друзьями, которым приходилось трудно без своего духовного вождя. Без его подсказок они даже не умели точно сформулировать основные положения его вероучения! Тогда он наскоро набросал «Отдельные положения, которые Мартин Лютер будет защищать перед лицом всей сатанинской школы». Он хотел, чтобы эти 40 тезисов, либо отсутствующие в тексте «Символа веры», либо выраженные слишком вяло, обязательно были в него включены. Тех, кто осмелится возражать против изложенных им истин, он заранее именовал «убийцами, ворами, предателями, лжецами и негодяями».

Работа над этим сочинением расшевелила его и заставила с новой силой осознать свою роль зачинателя Реформации. Борьба против Церкви обрела второе дыхание. Он создает еще одну работу — «Ключи», в которой отрицает власть папы и епископов. Слово Божье, говорится в этом произведении, принадлежит общине, следовательно, она и должна ведать назначением священников. Узнав, что в одной из статей «Символа веры» должен быть затронут вопрос о святых, он отправляет в Аугсбург «Письмо Мартина Лютера о толковании святых и их заступничестве». Здесь он возвращается к давнему спору с католиками, которые упрекали его в том,

что он приписал святому Павлу слова о «спасении одной верой», тогда как апостол говорил просто о «спасении верой». Иначе говоря, Лютер произвольно добавил лишнее словечко в высказывание св. Павла. Лютер возмущенно отвечал, что на то он и Реформатор, чтобы толковать Писание так, как внушил ему Бог. «Мне не нужен в качестве судии ни мул, ни папа-осел. Я вообще не собираюсь отвечать этим ослам, особенно на их глупые вопли по поводу слова «sola». Лютер говорит так, как считает нужным, и этого довольно! Лютер — сам доктор, стоящий выше всех докторов всего папизма!» Что касается культа святых, то он признавал, что в данном случае речь идет о древнем наследии «всего христианства», которое даже ему больно выкорчевывать из своего сознания, однако немедленно добавлял, что это «лживое изобретение пап-ослов».

Он понимал, что готовящийся в Аугсбурге «Символ веры» не зря назывался «Княжеским символом». Иными словами, он имел не только теологическое, но и общенациональное значение. После смерти Гуттена и Зиккингена Лютер остался единственным живым символом Немецкой судьбы. И свое очередное послание делегатам рейхстага, озаглавленное «Обращение доктора Мартина Лютера к его возлюбленным немцам», он подписал не как Реформатор, а как «Немецкий пророк». Предчувствуя, что войны не избежать, он призывал князей-протестантов уклониться от ответственности, налагаемой на инициатора военных действий, однако быть готовыми взять в руки оружие, если император первым выступит против них. Если же он посмеет покуситься на жизнь самого Лютера, то следом за ним в могилу отправятся все епископы, монахи и церковнослужители.

Воспользовавшись удобным поводом, Лютер еще раз из-дожил свою теорию двух ветвей власти, одна из которых должна ведать исключительно духовной жизнью подданных, а другая — только земной. «Христианин, живущий в Царстве Христовом, знает одни лишения: он не ест, не пьет, не родит детей. Напротив, гражданин пользуется всеми законами права, в согласии с которыми может защищаться. Если у меня на глазах насильник захочет надругаться над моей женой или дочерью, я буду вести себя не как христианин, а как гражданин — убью злодея». Пока паписты и прочие ослы не используют против евангелистов оружия в виде светской власти, последним следует не ропща сносить все. Лютер противопоставляет Францию, король которой имеет абсолютную власть, передаваемую по наследству, Германии, где императора избирают, следовательно, он обязан выражать интересы курфюрстов. Если он попытается предпринять нечто, идущее вразрез с этими интересами, последние вправе выступить против

него. «Иисус Христос вовсе не против права и полиции; напротив, Он за их уважение».

После сочинения «буллы», обращенной ко всем делегатам рейхстага, полемический азарт Лютера не только не выдохся, но разгорелся с еще большей силой. Ему уже казалось, что он избрал недостаточно хлесткие формулировки, а потому сразу после издания императорского указа на свет явился написанный по-немецки памфлет «Рассуждение о так называемом императорском эдикте». Торжественно-богословский слог перемежался в нем грубыми просторечными выражениями: «Я, доктор Лютер, недостойный Евангелист Господа нашего Иисуса Христа, заверяю вас, что ни римский, ни турецкий, ни татарский император, ни папа, ни кардиналы, ни епископы, ни церковники, ни князья, ни рыцари ничего не смогут предпринять против настоящего сочинения, хотя бы им помогал весь мир и все его бесы. Они лишь накликают на свою голову смертельную ненависть. Это заявляю я, доктор Мартин Лютер, говорящий от имени Духа Святого». Он, правда, пощадил Карла V, который в глазах «возлюбленных немцев» все еще символизировал единство нации, сделав вид (подобную тактику он уже применял по отношению к папе), что официальный документ, подписанный императором, на самом деле — фальшивка. «Нечего бояться позорной подделки, приписываемой мудрому императору». И с удвоенным жаром он опять призывал немецкий народ подняться против иноземных угнетателей, против «этого лжеца папы Климента и его прихвостня легата Кампеджо».

Обязанность защиты князей-католиков от нападков Лютера взял на себя герцог Георг Саксонский. В своем анонимном сочинении он подчеркнул, что никакой ответственности за готовящуюся войну они не несут — в отличие от князей-протестантов, вдохновляемых Лютером и тайно вооружающихся. Лютер не стал дознаваться об авторстве этого текста, а вместо того выпустил новое сочинение — «Против дрезденского убийцы», широко распространившееся в апреле 1530 года. Первым делом он отказался признать, что подготовка к войне ведется под его влиянием, поскольку он, дескать, вообще не разбирается в военных вопросах. Но даже если б это было так, он бы только порадовался, ибо это значило бы, что паписты не на шутку испуганы! Кто такие паписты? Это Каин, убивающий Авеля, это Каиафа, осуждающий Христа. Они все заслуживают справедливой кары. Что означает Аугсбургский эдикт? «Что во всей империи натовчены и вынуты из ножен мечи, заряжены все аркебузы, поднята вся кавалерия, чтобы обрушиться на курфюрста Саксонского и его сторонников!» Его обвиняют в жестокости? Что ж, тем достойнее его

слава! «Вот уже больше десяти лет, — скромно замечает Лютер, — я унижаюсь, распинаясь в добрых речах... Но паписты неисправимы, и, отчаявшись разрушить их адские планы добром, я порываю с ними и отныне и до самой смерти стану без усталости преследовать их своей злобой. Больше ни одного доброго слова они от меня не услышат».

Вероятно, католики долго ломали себе голову, вспоминая, какие такие добрые слова слышали они от Лютера за эти десять лет. Зато на будущее никаких сомнений у них уже не оставалось: «Я больше не могу молиться без проклятий! Говоря: «Да святится имя Твое!», я должен добавлять: «Будь прокляты имена всех папистов и святотатцев!» Говоря: «Да приидет Царствие Твое!», я обязан продолжить: «Будь проклято папство!» Говоря: «Да исполнится воля Твоя!», я непременно закончу: «Да будут прокляты все планы папистов!» Такую молитву я теперь страстно читаю каждый день». И тут же Лютер простодушно заключает: «Однако я ко всем храню дружеское расположение мирного христианина. Об этом знают все, даже мои заклятые враги».

Прочитав этот новый вариант «Отче наш», герцог Георг пришел в негодование. Его ответом стало сочинение, озаглавленное «Против оскорбительного памфлета», написанное в том же стиле, что у Лютера, и с неменьшим полемическим задором. «В твоём «Рассуждении» лжи столько же, сколько в нём слов. Гнусный отступник, ты позволяешь своим устами извергать одну только ложь. Ты бесстыдно утверждаешь, что папизм запрещает браки; ты лжешь, говоря, что каждого, кто пользуется неосвященной солью, ждёт смерть.

Ты лжешь, уверяя, что герцог Саксонский и курфюрст Бранденбургский предоставили императору пять тысяч всадников для войны против лютеран. Ты называешь всех папистов, включая императора, предателями, негодьями, ворами Господа Бога и бешеными псами. Император не желает, чтобы священники путались с продажными девками, но ты, злобный отступник, находишь в этих словах нечто столь мерзкое и безобразное, что не под силу выдумать даже дьяволу в аду». Лютер рассчитывал, что его оскорбления заставят герцога дрожать от страха? Не тут-то было! «Твои громы и молнии меня не пугают и не помешают мне говорить правду. Хочешь таять на меня? Я в ответ тоже залаю, да так, что ты, адский пес, станешь плевать огнём!»

Георг подвел итог деятельности Лютера: «Для князей, не согласных с тобой, у тебя есть только два слова: воры Господа Бога и безумцы. Так знай: вор Господа Бога и безумец — это ты и есть! Воплощённый бес, ты называешь их святотатцами! Но кто, скажи, украл и разграбил Христово

добро, собираемое королями, князьями, сеньорами, горожанами и крестьянами ради любви к Нему, ради почтительной памяти о Его Страстях, о Его пролитой крови, о Его безвинной смерти? Скажи, учитель Мартин, скажи, доктор Лютер, кто отнял у бедных деревенских кюре и присвоил себе их жалкий доход? Скажи, свиной пастырь Лютер, кто за 12 лет украл великое множество душ, чтобы отправить их прямоком в адскую бездну? Кто, о убийца душ людских, украл у Христа Его невест, посвятивших Господу святые свои жизни, кто увел у Него великое множество монахинь, чтобы бросить их в пучину греха, позора и нищеты? Стыдись же, святотатец и нечестивец! Ты устроил один большой лупанарий для монахов и монахинь, бросивших свои обители, для священников-изменников и всех отступников».

Далее в «обвинительном приговоре» перечисляются социальные последствия пропаганды лютеранства. Какие плоды принесла проповедь нового Евангелия? «Кто из вас найдет слова, чтобы оправдать распространившееся пьянство, осквернение брака, непослушание детей перед родителями и учителями, захват чужой собственности?» Лютер называет себя доктором Церкви? Но разве день, когда он защитил свою диссертацию, не стал для него днем отступничества от учения Церкви? Ему следовало бы преподавать в «школе, ректором в которой — сам сатана», потому что они учат одному и тому же: бунту и мятежам. Свою ответственность за народные возмущения Крестьянской войны и последовавшую за ними жестокую расправу Лютер не отрицал и сам.

«Ты повинен в крови и смерти этих людей! Ты, бешеный пес, нечестивец, проклятый вор!»

Герцогу удастся проникнуть в самые потаенные закоулки души пророка: «Каждый знает, что нечистая совесть гложет тебя днем и ночью, а сердце твое не ведает ни покоя, ни радости, хоть ты и хорохоришься перед своей Кэтхен. За эти десять лет ты даже сам с собой не сумел договориться и решить, во что же нужно, а во что не нужно верить. Какую новую веру ты еще придумаешь на будущий год? А бедные люди между тем теряют последний разум, не понимая, какая вера правильной, и в каждой деревне является на свет новая секта, не признающая никого кроме себя». Подводя итог, герцог приходит к выводу, что в личности Мартина Лютера нашло выражение «все зло, вся мерзость, вся греховность и весь позор мира. Вот она, вершина злодейства!»

...По возвращении Лютера в Виттенберг его воинственный дух угас, зато с новой силой навалились тоска и сомнения. Тщетны оказались попытки утопить горечь от бесплодной борьбы с Искушителем в вине.

Несколькими месяцами раньше он писал Веллеру: «Почему, как ты думаешь, я слишком много пью? Дьявол издевается надо мной и терзает меня, я только принимаю меры предосторожности». Теперь, делился он с друзьями, «дьявол снова принялся стучать кулаком», но «виггенбергское пиво еще не успело побороть головные боли, вызванные старым вином, выпитым в Кобурге».

В 1531 году он сообщал своим корреспондентам: «Прошлой ночью я до самого утра таскал камни и дрова, но только не в Египте, а в аду. Это было еще хуже, чем египетское пекло, и я чувствовал себя настоящим трупом». «Сатана вновь и вновь испытывает меня, отнимая здоровье у моего тела... Пишу я теперь все реже и реже. Неужели скоро он убьет меня? Да исполнится не его воля, а воля Того, кто победит его и разрушит все царство его».

4.

ВНУТРЕННИЙ РАСКОЛ

Одной из причин духовной драмы, переживаемой Лютером, стало дробление его учения, происшедшее вследствие размежевания умов. Он, бросивший вызов папской Церкви, надеялся, что на ее месте в самое короткое время возникнет новая, лютеранская Церковь. Но вот минуло десять лет, и выяснилось, что Церковь прежняя стоит непоколебимо, как утес, тогда как его собственная на глазах распадается на тысячу всевозможных толков. Он провозгласил себя Провозвестником Истины, но тысячи его последователей теперь проповедовали множество совершенно других истин, не имевших ничего общего с его взглядами. Он гордо назвал себя Пророком и борцом с Антихристом, но тут же обнаружил, что на эту роль претендуют тысячи других пророков. Он первый выдвинул принцип свободного толкования, позволявший с помощью Духа Святого находить в Писании сокровенный смысл, но вслед за ним каждый, кому не лень, захотел толковать Писание по-своему, утверждая, что именно на него снизошел Святой Дух.

Подобные умонастроения Лютер почувствовал еще в 1527 году, когда тесно сошелся с рыцарями и принял вместе с ними участие в освобождении Германии. Уже тогда он понял, что рыцари отнюдь не испытывают по отношению к нему священного трепета. «Зачем мне пастырь? — говорил каждый из них. — Если Дух Святой указывает проповеднику, что нужно делать, Он с таким же успехом может указать это и мне самому. А уж объяснить крестьянам, что к чему, я сумею еще лучше их». Реформатор по этому поводу написал: «Среди дворян, особенно имеющих власть над простым народом, появилось немало таких, кто, пресытившись Словом Божьим, отвергает покорность Церкви, уверенный, что Дух Святой — его личная собственность». Еще позже он уже жаловался, что аналогичные настроения охватили всю его паству: «Каждый воображает, что в делах Церкви именно он самый умный и знающий, и каждый старается навязать свое мнение другим. Не осталось ни одного проповедника, которого не критиковали бы, не презирали и не осыпали градом упреков». И еще: «Сегодня и крестьяне, и дворяне знают Евангелие лучше, чем святой апостол Павел и сам доктор Мартин Лютер. Они считают себя умнее и опытнее, чем все их пастыри, вместе взятые!» Стоит какому-нибудь юноше, продолжал он, сунуть нос в Библию, как он уже

твердо верит, что познал все на свете и готов учить своих учителей.

К аналогичному выводу пришел и Андреас Гиперий, которого Деллингер называл самым выдающимся протестантским теологом Марбургского университета, расположенного на землях ландграфа Гессенского: «Трудно найти сегодня хотя бы один немецкий город, в котором не обнаружилось бы множества школ, сект и церквей, носящих имена своих основателей. Каждый более или менее известный проповедник или богослов имеет собственную школу! Сапожники, ткачи, горшечники, каретники собираются в кабаках и прочих публичных местах и ведут смелые диспуты и споры о божественном».

В результате, полагал он, люди начинают задаваться вопросами об основах религии, но не знают, к кому обратиться за помощью. Сторонников нового вероучения он делил на три категории. Первые попадают в плен лжеученым и навсегда проникаются их порочными идеями; вторые, отчаявшись найти непротиворечивое учение, погружаются в хаос сомнений; наконец, третьи, устав от бесконечных споров догматиков, вообще отвращаются от религии. Похоже, отмечал Гиперий, последняя категория самая многочисленная, потому что редко встретишь человека, у которого имеется дома собственная Библия, и еще реже — такого, кто, имея эту книгу, хоть раз удосужился ее открыть.

К числу пасторов, всю свою жизнь, подобно Лютеру, терзаемых сомнениями и тревогами, принадлежал и Матиас Флаций по прозвищу Иллирик. В Виттенберг он приехал в 1541 году и преподавал в университете древнееврейский язык. «Вместо одного папы, — писал он, — теперь у нас целая тысяча: столько же, сколько князей, магистратов и сеньоров. Все они исполняют — одновременно или поочередно—и церковные, и светские обязанности. Вооружившись скипетром, мечом и гневом Господним, они диктуют нам, чему мы должны учить народ в церкви... Иногда мы пытаемся жаловаться, что в нашем учении и в нашей Церкви царит анархия, а наши споры вызывают смущение совести и брожение умов. Увы! Наши жалобы натываются на глухую стену непонимания. Слишком развращены умы, слишком неправедны сердца, а молодежь с молоком матери впитывает закваску заблуждений и порока».

В пылу богословских споров никто уже не вспоминал о милосердии. Диспуты превращались в склоки, склоки вели к расколам, а за расколом следовали взаимные оскорбления, обвинения, отлучения... «Лютеран и цвинглиан разъединяет зло еще более опасное, чем раскол, — писал Меланхтон. — Я говорю об охватившем нас состоянии всеобщей анархии, в результате которой, как говаривал Еврипид, никто никому не желает

подчиняться». Он же отмечал, что «по самым ничтожным поводам» вспыхивают самые жестокие споры. Находятся и такие, кто превращает эти распри в «свое единственное занятие». Возможно ли в подобных условиях сохранить авторитет Церкви? «Невероятно трудно исполнять миссию руководителя в обстановке вражды, разногласий и ненависти, царящей среди людей, которые своим усердием и единомыслием должны давать остальным поучительный пример».

Витцель, которого Гиперий отнес было к третьей категории, но который не отвернулся от религии, а вернулся в лоно католицизма, с едкой иронией говорил о непрекращающемся дроблении лютеранского учения. Раскол на секты и отсутствие согласия даже внутри отдельных фракций, считал он, нагляднее всего свидетельствуют о том, чего стоит это предприятие. Ученые мужи ссорятся друг с другом, каждый преследует исключительно личные амбициозные цели, а народ окончательно теряет голову, не понимая, кому и во что верить. Даже их апостолы, снедаемые взаимной ненавистью, никак не могут договориться между собой. Нет ни единого пункта, по которому один пастор мог бы согласиться с другим.

Чрезвычайно трудно описать все ветви, направления, секты и конфессии, выросшие из общего лютеранского ствола, а затем окончательно отломившиеся от него. Разумнее всего, очевидно, было бы воспользоваться научным методом классификации по принципу особенностей того или иного учения. Однако мы, как уже упоминалось, пишем не богословский трактат, а личную биографию Лютера, а значит, этот метод нам явно не подходит. Оставив в стороне длинный ряд интересных, с теоретической точки зрения, сект, сосредоточим свое внимание на конкретных людях, сыгравших ту или иную роль в жизни Лютера.

Самой большой «головной болью» для него с самого начала стала группировка анабаптистов. Они не только расходились с ним по ряду основополагающих позиций, таких, как отношение к крещению и евхаристии, но и всем своим агрессивным поведением отталкивали Лютера. Их революционный дух шел вразрез с выдвигаемым им принципом покорности политической власти. Между тем благодаря своему бунтарству они завоевали огромное влияние в широких народных массах, тогда как виттенбергские богословы, напротив, лишились значительной части своей паствы среди крестьян и рудокопов. Дальнейшие события показали правоту Лютера. Основоположник анабаптизма Мюнцер погиб, а вместе с ним погибли и поверившие в него мятежные крестьяне. Тем не менее движение анабаптистов со смертью Мюнцера отнюдь не прекратило

своего существования. Из Саксонии его последователи бежали кто в Нидерланды, кто в Мюнстерское епископство, кто в Вюртемберг, кто в Швабию, кто в Баварию, кто в Австрию. Их, конечно, преследовали, бросали в тюрьмы, многих казнили.

При всей своей ненависти к анабаптистам Лютер не мог не восхищаться их мужеством, позволявшим им с легким сердцем переносить любые мучения. «Новая секта анабаптистов, — писал он в декабре 1527 года, — растет не по дням, а по часам, а все благодаря отваге живущих и героизму гибнущих от огня и воды». В январе 1528 года он добавлял: «Наверное, Бог простит этих несчастных, попавших в сети сатаны. Их не берут ни меч, ни огонь. Сатана беснуется, словно наступает конец времен». В мае он записал, что, по его мнению, твердость и бесстрашие анабаптистов перед лицом смерти есть дело рук дьявола. Вот мученики-лютеране ведут себя совершенно иначе и принимают смерть с кротким смирением.

Экстремизм этой секты в конце концов привел к тому, что ряды ее истаяли. Глава южногерманских анабаптистов, ткач Августин Бадер, называвший себя Пророком и намеревавшийся с помощью турок сделаться королем, в марте 1530 года за подстрекательство к бунту был приговорен к смерти—в городе Штутгарте с него живого каленым железом содрали кожу. Вожак вестфальских анабаптистов Бернгард Ротманн занял со своим войском Мюнстер, где к нему присоединились эльзасцы во главе с Мельхиором Гофманном, прозванные поэтому мельхиористами. Они намеревались основать Сионское царство в Страсбурге, а когда этот план рухнул, перебрались в Мюнстер. Все эти революционеры-леваки, пользуясь современной терминологией, состояли из хиппи, утопистов и террористов. В древнем городе Каролингов они повели себя весьма агрессивно: заняли церкви и монастыри, запретили богослужение по католическому обряду, перебили статуи и витражи, сожгли священные книги и священнические одежды, установили общность жен и приступили к конфискации имущества горожан. Некий голландец по имени Ян Лейденский объявил себя царем Нового Сиона. Франц фон Вальдек, князь-епископ Мюнстера, осадил город, а 23 июня 1535 года взял его штурмом. Главарей казнили, остальных бросили в тюрьму или отправили в ссылку.

Второй по остроте занозой после Мюнстера стал для Лютера Ульрих Цвингли. Он родился в тот же год, что и Лютер, правда, на два месяца позже, а карьеру свою начал духовником швейцарских солдат-наемников в Италии. Впоследствии он служил священником в соборе Богоматери в швейцарском городе Айнзидельне. Толпам паломников, которые стекались

сюда со всех уголков страны, он читал горячие проповеди, призывал отказаться от почитания культа Девы Марии, не покупать индульгенции, не служить заупокойные службы по усопшим, наконец, не признавать монашеские обеты. Тем не менее в 1518 году он занял пост главного проповедника Цюрихского кафедрального собора и тогда же ознакомился с трудами Лютера, нашедшими в его душе живой отклик. В 1519 году Цвингли решительно выступил против некоего продавца индульгенций. Ситуация несколько напоминала ту, что сложилась в Саксонии, однако местный епископ Гуго фон Ланденберг лично вмешался в дело и запретил торговлю индульгенциями, выбив у Цвингли почву из-под ног.

Последний, впрочем, вскоре нашел и иные поводы для ссоры с Церковью, ополчившись против поста, воздержания и celibата, — всего того, что Лютер именовал «делами». В Цюрихе состоялось два диспута. Оппонентами Цвингли на них выступали представители епископа Констанцкого. Городской совет полностью одобрил тезисы, выдвинутые Цвингли. После этого проповедник вступил в официальный брак со своей любовницей и тогда же получил от совета поручение заняться организацией Реформации в городе. Из храмов начали выкидывать образа, монастыри переоборудовали в лечебницы, наложили запрет на служение мессы, заменив ее обрядом причащения, который принял еще более поверхностный вид, чем в Виттенберге. С 1525 года католицизм окончательно исчез из Цюриха, а наиболее упорные проповедники-паписты отправились на костер. Из Цюриха движение Реформации двинулось в Базель (благодаря Эколампадосу), оттуда — в Берн, Аппенцель, Сен-Галлен, Шафхаузен, Гларус и Гризон.

В 1518 году Цвингли признавал в Лютере учителя и открыто восхищался им. Однако уже в 1523 году, осознав собственное значение сначала в городском, а затем и в общенациональном масштабе, он стал называть себя Реформатором Швейцарии. В 1524 году он направил Матеусу Альберу письмо, посвященное проблеме евхаристии, в котором отрицал реальность присутствия в этом таинстве Христа; в то же самое время, трактуя слова Иисуса, произнесенные на Тайной Вечере, он выдвинул теорию иносказательного толкования Писания. Слово Божье, учил он, следует понимать не в прямом смысле, а как аллегорию.

Эта идея привела к столкновению Лютера и Цвингли. Правда, поначалу Лютер предоставил право обрушиться с яростной критикой на тех, кого он именовал таинственниками, своим ученикам, но и сам не упускал случая лишний раз с сожалением высказаться об этих заблудших душах. «Я удручен тем, что даже такой мудрый человек, как Эколампадос,

погряз в этом болоте, в этом ничтожестве, в этом убожестве мысли. Видно, его толкнул туда сам сатана! Да поможет ему Бог выбраться назад!» «Паписты действуют втихомолку, так же, как таинственники. Они — орудие в руках сатаны, не дающего мне покоя. Я до сих пор и не подозревал, сколь велико его вероломство. Да поднимет Господь свое воинство против этих новых еретиков!» Отныне одно упоминание о Цвингли приводило его в ярость. Цвингли превратился для него в исчадие сатаны, второго Мюнцера, чуму для Церкви, смердящий яд. В течение четырех лет оба лагеря осыпали друг друга проклятиями в печати, но в конце концов силы Лютера истощились. Он переживал труднейшую пору своей жизни, противники же его, напротив, процветали. Состоявшийся в Марбурге коллоквиум не только не привел к взаимному примирению, но и еще больше обострил и усугубил имевшиеся разногласия.

Поскольку в Швейцарии, как и в Германии, гонениями и на католиков, и на протестантов занимались представители власти, решение религиозных проблем не могло не коснуться сферы политики. В Швейцарии события разворачивались особенно стремительно именно в силу того обстоятельства, что отдельные ее кантоны не подчинялись единой верховной власти. В 1527 году Цюрих, Базель и Берн заключили между собой альянс, к которому впоследствии присоединились и другие, менее крупные кантоны. Аналогичный союз при поддержке Фердинанда Австрийского образовали в 1529 году и прокатолически настроенные кантоны. Его подписание состоялось в Валезе. Уверенные в своих силах цвинглиане изгнали аббата знаменитого монастыря Сен-Галлен, основанного в VII веке швейцарским апостолом. Этого католики вынести уже не могли и перешли в наступление. Решающая битва разыгралась в Каппеле, близ Цюриха, 11 октября 1531 года. Протестанты потерпели сокрушительное поражение, а сам Цвингли пал на поле боя.

Его гибель не оставила Лютера равнодушным. «Вот чем закончилась слава, которой искали богохульствующие цвинглиане! Она обернулась позором!» Рассуждая о трагической судьбе Цвингли, он не мог не вспомнить анабаптистов: «На наших глазах Божий суд в первый раз покарал Мюнцера, а во второй — Цвингли. Не я ли предрекал, что Господь не потерпит столь нечестивого святотатства? Что ж, они получили то, к чему стремились!»

Дабы рассеять любые сомнения в умах своих сторонников, в марте 1528 года виттенбергский наставник опубликовал «Исповедь Мартина Лютера о святом причастии». Этот текст представляет собой подробное изложение лютеранского символа веры. Большая его часть посвящена

борьбе с ересью внутри самого лютеранского учения. Мимоходом автор останавливается на божественной сущности Богородицы и непорочности зачатия Иисуса Христа, рожденного «без участия греха от Святой Девы Марии и Духа Святого». Христос, утверждает в этом сочинении Лютер, есть «единственный истинный Сын Господа и Девы Марии».

Здесь же он еще раз напоминает об отсутствии у человека свободы воли: «Мы — слепые пленники греха и дьявола, который побуждает нас мыслить и действовать в угоду себе». По-прежнему отрицает он пользу конкретных дел. Христианская любовь, пишет Лютер, «заключается в том, чтобы приходить на помощь всем страждущим, напитать алчущих, напоить жаждущих, простить своих врагов, молиться за всех людей и претерпеть тысячу земных страданий. Все это — добрые дела, чистые и святые, однако не они ведут к спасению. Единственный путь к нему — вера в Иисуса Христа».

Таким образом, в книге, написанной против Цвингли, Лютер вновь нападает на католичество. Он отрицает власть папы, по сравнению с которым бледнеют турецкий султан и все еретики вместе взятые, отрицает таинство покаяния и таинство брака, протестует против индульгенций, отрицает существование чистилища, отрицает культ святых и институт священничества. Мессу он называет «гнуснейшей из мерзостей». «Самые страшные мои грехи состоят в том, что я был святым монахом и на протяжении 15 лет, служа мессе, каждый раз оскорблял, гневил и причинял страдания моему возлюбленному Господу!» Он настоятельно рекомендует монахам бросать свои монастыри и «вступать в истинно христианские ордена», порвав с монашескими обетами. «В первые времена существования Церкви целибат действительно был похвальным явлением, но сегодня он превратился в гнусное преступление. Сегодня соблюдение безбрачия означает отрицание благодати Иисуса Христа». В заключение у него прорывается опасение. Что, если и его одолеют внутренние сомнения, не подвластные его воле, и он горько пожалеет о том, что покинул лоно прежней Церкви? «Если искус и страх смерти когда-либо заставят меня держать иные речи, пусть считается, что я ничего не говорил».

Даже в Виттенберге разнообразные отклонения от основного учения приняли характер массового явления. Даже Меланхтон, о котором в 1523 году Лютер говорил: «Я доверяю Филиппу ровно столько же, сколько себе самому», по целому ряду вопросов разошелся с учителем. Впрочем, он, не имевший собственного глубоко выстраданного учения и нередко менявший убеждения в зависимости от хода событий, всегда побаивался Лютера и при жизни наставника не спешил афишировать свои взгляды. Тем не менее

в 1526 году он писал своему близкому другу Камерарию, что в Виттенберге нет ни одного человека, с которым Лютера объединяло бы полное единодушие. Меланхтон всегда считал, что Лютеру свойственно во всем хватать через край и неуступчивость его позиции в вопросах догматики наносит урон движению Реформации. «Меланхтон, — писал Деллинген, — видел свою задачу в корректировке тех утверждений Лютера, которые казались ему явным перегибом».

Действительно, во всем, что касалось фундаментальных принципов протестантизма, Меланхтон демонстрировал скорее умеренность. В вопросе о свободе человеческой воли он занимал промежуточную между Лютером и Эразмом позицию. На Аугсбургском рейхстаге Меланхтон предпринял попытку максимального сближения нового учения с католицизмом — и в итоге получил от Лютера строгое внушение. Впоследствии он осмелел до того, что выступил с критикой лютеровского определения евхаристии, но снова услышал в ответ грубый окрик. К 1535 году его расхождения с Лютером приняли необратимый характер, вплотную приблизив Меланхтона к Кальвину. Стремясь добиться официального признания своей точки зрения по этому важнейшему вопросу в области догматики, он потребовал созыва ассамблеи для его обсуждения «без пристрастия, лукавого мудрствования и давления чьего бы то ни было авторитета» (последнее — явный намек на Лютера). Помимо всего прочего Меланхтон не раз подчеркивал, что участие добрых дел так же необходимо для спасения души, как и вера. Отныне между ним и Лютером пролегла непреодолимая пропасть.

Лютер, однако, не торопился лично нападать на Меланхтона — то ли в память о старой дружбе, то ли не желая разжигать склоку внутри новой Церкви. С завидной ловкостью он предоставил сделать это другим, менее видным сторонникам своего учения. Так или иначе, но против еретика поднялась настоящая волна критики. В своих письмах Меланхтон жаловался, что каждый новый день приносит ему новых врагов. «Если им хочется, чтобы я расстался с ними, — делился он своими заботами с Дитрихом, — пусть только скажут, и я с удовольствием уеду». Чуть позже он признавался Буцеру: «Не без удовлетворения брошу я этот приют рабства, если в одном из приступов своей ярости Лютеру взбредет в голову меня выгнать». Он предчувствовал, что изгнания ему не избежать. Ландграфа Гессенского весть о взаимном неприятии этих двух деятелей приводила в отчаяние: «Если ссора между Лютером и Филиппом (Меланхтоном. — И. Г.) не прекратится, нам остается только уповать на милость небес. Что станет с нами? Что скажут паписты? Нет никаких

сомнений, что при виде этого безобразного скандала огромное множество людей и вовсе отвернется от Евангелия».

Меланхтоном навязчиво владела мысль о единстве, без которого не может быть Церкви. Ради единства он готов был пожертвовать многими из своих идей. Низкий моральный облик тех, кто именовал себя евангелистами, серость и интеллектуальное ничтожество пасторов, бесконечные мелочные стычки между богословами будили в нем отвращение, но он ни на минуту не оставлял надежды по крохам собрать воедино новую Церковь. Лютера с его гордыней и твердолобостью он считал на это неспособным. «Что меня более всего неприятно поражает в Лютере, — писал он Эразму, — так это его привычка доводить до крайности и даже до чрезвычайной крайности любое свое начинание. Любая попытка заговорить с ним на эту тему не только не смягчает его, но заставляет изобретать нечто еще более крайнее, так что кажется, будто в этом изобретении крайностей и состоит его единственная цель».

В 1525 году он уже не скрывал огорчения. «Боже праведный, сделай так, чтобы Лютер умолк! Я надеялся, что с возрастом он станет мягче, но теперь вижу, что с каждым днем он делается все грубее и грубее». На протяжении последующих лет ему довелось наблюдать и за тем, как все больше слабел и впадал в уныние Лютер, и за тем, как торжествовал раскол. «Меня серьезно тревожат бесконечные жалобы Лютера на его несчастья, — писал он. — Он перестал походить на себя самого, он сломлен разными писаниями, которые никак не назовешь достойными презрения. Мне искренне жаль его, и я глубоко удручен всеобщим разорением Церкви».

В конце концов он пришел к выводу, что причиной разногласий и догматического, и дисциплинарного характера стало отсутствие высшего авторитета. Целый ряд людей присоединился к Лютеру «из одного желания разделаться с епископами. Они получили свободу, но не сумели извлечь из нее ничего хорошего для собственного будущего. Во что превратится Церковь, если в ней изменятся все прежние обряды, если не станет ни прелатов, ни надежных вожатых?» Дошло до того, что он советовал создать «папскую монархию», без которой невозможно достичь «согласия в учении». Разве не дерзостью звучало такое его утверждение: «Главенство папы и авторитет епископов неоспоримы»? Он не побоялся высказать эту мысль самому Лютеру, с которым когда-то в один голос поносил папу римского, именуя его антихристом: «Все наши осуждают меня за то, что я предлагаю восстановить правомочность епископского суда. Народ, привыкший к вольнице, не желает снова ощутить на себе гнет, который

один раз уже успел сбросить; в имперских городах один намек на такое подчинение вызывает ненависть. Происходит это потому, что ими движет не дух религиозного учения, но дух Империи и свободы». Между тем, признавая как высший авторитет имперскую власть и свободу, они отрицают оба «величайших сочинения Реформации» — «Обращение к дворянству немецкой нации» и «Христианскую свободу».

Разрыва между Лютером и Меланхтоном так и не произошло. Учитель слишком хорошо понимал, что, несмотря на обилие недовольных писем, которыми ученик наводнил Германию, Меланхтон никогда не осмелится прямо выступить против него. С первых дней их знакомства «тихоня» Филипп послушно, как эхо, повторял все его высказывания, затрагивающие сущность нового вероучения, убежденный, что так надо для пользы Реформации. Между обоими виттенбергскими богословами с годами сложился определенный стиль отношений, сохранявшийся до самой смерти Лютера. Но когда Лютера не стало, на Меланхтона обрушился настоящий шквал обвинений. Последние его годы прошли невесело. Незадолго до кончины, случившейся в 1560 году, он заявлял: «Единственное, что нам, богословам, еще под силу сделать для блага нашего дела — это сесть и заплакать».

Но не только эти двое испытывали в Виттенберге недовольство друг другом. Один из близких к Лютеру богословов, Круцигер, с 1528 года преподававший в университете, в 1544 году писал: «Немногим среди нас до сих пор удавалось уберечься от приступов дурного настроения, посещающих Лютера, когда он становится откровенно мстительным». А ведь еще в 1535 году учитель не жалел хвалебных слов в адрес своего ученика. «Если я — Илия, — восклицал он, — то Круцигер, бесспорно, Елисей!» Вскорости, однако, последний выступил в защиту тезиса о важности добрых дел, и его все чаще стали замечать в обществе Меланхтона. Тогда ему, «недостойному развязывать шнурки на башмаках великого

Реформатора», была прислана записка с предложением публично отречься от своих заблуждений. В противном случае, говорилось в записке, он рискует заслужить звание «паписта, доктора и слуги сатаны». Отныне его вражда с Лютером — «человеком цельным, но грубым, почти всегда воспринимающим в штыки самые простые и безобидные предложения», — перешла в острую форму, что, впрочем, отнюдь не мешало Круцигеру требовать от курфюрста отчуждения церковных земель и изгнания из монастырей монахов. Благодаря покровительству Меланхтона Круцигера не трогали, зато мстительность правоверных лютеран настигла его сына,

преподававшего в Виттенберге метафизику: в 1576 году его арестовали по обвинению в приверженности идеям Меланхтона, а затем с позором изгнали из Саксонии.

Среди противников Меланхтона при жизни Лютера особенно выделялся Ганс Шиттер, известный также под именем Агриколы, возглавивший движение антиномистов. Это название происходит от греческого «anti nomos» — против закона, причем под законом подразумевался закон Моисея, чью бесполезность провозгласил еще св. апостол Павел. Агрикола пошел еще дальше, потребовав отмены и нравственных законов, изложенных в Десяти заповедях. В 1527 году Меланхтон напечатал «Поучение о пастырских посещениях», в котором разъяснял смысл Десяти заповедей. Агрикола выступил с резкой критикой этой книги. На конференции в Торгау, созванной в том же году, Лютер даже не позволил Агриколе взять слово по этой теме. Он припомнил старый спор в 1537 году, когда выпустил серию статей, осуждающих антиномистов, особенно, самого Агриколу, которого обвинил в подстрекательстве людей ко греху. После трех диспутов, обернувшихся бесплодным препирательством, Агриколе пришлось оставить свою кафедру в Виттенберге и бежать в Берлин.

Ганс Фостер, преподававший в Цвиккау, получил по рекомендации Лютера место пастора в Аугсбурге, но потерял его в 1538 году после ссоры с Келлером, демонстрировавшим некоторую близость к идеям цвинглианства. Фостер перебрался в Тюбинген, но и здесь не смог задержаться по причине своего несогласия с официально принятой богословской доктриной. Его приняли в Регенсбурге, но снова ненадолго, потому что он открыто проповедовал необходимость покаяния. Георг Майор, получивший по протекции Лютера должность ректора Магдебургской школы, а затем и профессора Виттенбергского университета, навлек на себя подозрения после лекции, посвященной причащению. После смерти Лютера он уже открыто поддерживал тезис о необходимости творить добрые дела, в результате чего оказался в гуще очередной бурной ссоры. Противники обвинили его в тайных сношениях с Римом, в ответ он назвал их дураками и папскими осликами. В конце концов Амсдорф настоял на его увольнении, и Майор перебрался в Готу, где и окончил свои дни в нищете. Князь Георг Ангальтский, примкнувший к лютеранам с 1530 года, высказывался за сохранение католических обрядов, в частности, за отправление мессы, указывая, что это необходимо, дабы не отпугнуть простой народ. С ним яростно спорили Амсдорф и Иллирик, называвшие его папистом. Лютер принял сторону князя и, когда

протестантский капитул избрал того епископом Мерзебургским, лично прибыл в Мерзебург для посвящения князя в сан.

Наиболее успешно противостоял Лютеру силезский рыцарь Гаспар фон Швенкфельд. По его личному признанию, в течение восьми лет он оставался самым ревностным и старательным лютеранином, пока Господь не внушил ему, что он должен избрать иной путь. Путь этот пролегал в двух направлениях. Во-первых, Гаспар поддерживал идею о необходимости добрых дел, поскольку считал, что учение о спасении одной верой стало источником бесчисленных безобразий, охвативших всю Северную Германию. Во-вторых, он отрицал все таинства вообще. Если спасает одна вера, говорил он, для чего Лютеру понадобилось сохранить в новом учении два таинства — крещение и причащение? Крещение водой, развивал он свою мысль, является внешним действием, следовательно, оно не нужно. Для спасения довольно внутреннего крещения Духом Святым. Точно так же излишне таинство евхаристии, потому что Иисус Христос и так вечно присутствует в наших душах, обьятых верой. В 1527 году Швенкфельд приехал в Виттенберг, надеясь объяснить Лютеру недоработки его доктрины. Ему вежливо указали на дверь. Тем не менее он сумел склонить на свою сторону маркграфа Эрнста Баденского, герцогиню Анну Силезскую, курфюрста Иоахима II Бранденбургского. Особенно доверительные отношения сложились у него с герцогом Ульрихом фон Вюртембергом и ландграфом Филиппом Гессенским.

Достигнув пика признания, Швенкфельд — то ли по простоте душевной, то ли из провокационных побуждений — отослал Лютеру свои сочинения. Нетрудно догадаться, какая на них последовала реакция. Лютер высказал горячее пожелание, чтобы прочитанные им писания оказались последним творением автора, поскольку они заслуживают лишь того, чтобы вечно гореть в огне. И вообще, возмущался он, кто дал Швенкфельду право учить других чему бы то ни было? «Этот безумец, этот сумасшедший, этот одержимый не разбирается ни в чем и сам не понимает того, о чем говорит. Нечего ему братья не за свое дело. Во всяком случае, пусть уволит меня от чтения своих книжонок, ибо они суть не что иное, как куча нечистот и мерзости, которую навалил и выблевал дьявол. Вот мое последнее слово: да смилостивится Господь над тобою, проклятый бес, над тем, кто внушает тебе твои идеи, над делами рук твоих и над теми, кто внемлет твоим словам! Да обернутся все ваши начинания крахом и вечным проклятием!»

Не прошел Лютер и мимо ссор, будораживших богословов Страсбурга — города, который в истории Реформации сыграл роль пороховой бочки

идей. Здесь собрались представители множества антипапистских школ и направлений — оригинальных, экстремистских, непримиримых, и все они были убеждены в своей правоте. При этом они действовали с постоянной оглядкой на Виттенберг. Начиная с 1523 года в вольный город Страсбург ринулись реформаторы всех мастей, и каждый нес с собой собственное толкование Священного Писания и Лютера. Матеус Целлий, которого Буцер называл «страсбургским апостолом», открыто выражал свое предпочтение Швенкфельду; его жена Катарина (тезка супруги Лютера) поддерживала с последним регулярную переписку. «С 10-летнего возраста, — писала она, — я была матерью Церкви и Апостольской кафедры». Вольфганг Капитон, прежде служивший у архиепископа Майнцского, тайно примкнул к Реформации, но заявил о своих взглядах лишь после того, как получил назначение на должность декана капитула страсбургской общины св. Фомы. Поначалу сторонник учения Швенкфельда, впоследствии он проявил себя как умеренный цвинглианин.

Мартин Буцер, монах-доминиканец из Шлештадта, покинул свой орден в 1521 году и присоединился к Зиккингену, в окружении которого свел знакомство с Эколампадосом. Став священником прихода Ландштуле, он женился на богатой монахине и отправился проповедовать новое учение в Виссенбург. В эту пору он поддерживал равно доверительные отношения и с Лютером, и с Цвингли. «Проповеди мои, — писал он Лютеру, — столь действенны, что во всем Страсбурге не сыщешь ни одной женщины, которая с Библией в руках не смогла бы опровергнуть всех католических священников вместе взятых». Буцер не относился к числу богословов, глубоко убежденных в своей правоте. О нем говорили, что его учение проникнуто духом двусмысленности и дипломатичности, — способ, равно пригодный, чтобы угодить всем и каждому и оттолкнуть от себя всех и каждого. Шпенглер писал: «Как много мог бы я вам рассказать, если бы вздумал поделиться теми неприятностями, что доставляют нам страсбургские мечтатели. Особенной ловкостью отличается среди них Буцер, в котором ни на миг не заподозришь человека прямого и искреннего». В другой раз он зашел еще дальше, прямо назвав Буцера «хитрецом и притворой». Также и Лютер не раз жаловался на непостоянство Буцера, именуя его болтуном и лицемером. Самому Буцеру эти оценки нисколько не мешали с успехом продолжать вести свою примиренчески-пропагандистскую деятельность. В конце концов он вслед за Меланхтоном открыто выдвинул требование восстановить церковную иерархию, однако сформулировал свой призыв столь резко, что даже Меланхтон счел его папистом. Окончательно устав от брожения умов и

моральной распущенности, одним из инициаторов которой был он сам, Буцер переехал в Англию, где закончил свои дни профессором Кембриджского университета.

Авиньонский францисканец Франсуа Ламбер познакомился с учением Лютера во время стажировки в Виттенберге, откуда он уехал в Страсбург. В этом городе он не обнаружил ничего кроме «клеветы, зависти, лжи и злословия». В своих проповедях он излагал иной, нежели у Лютера, взгляд на евхаристию, вступил в спор с Буцером, считавшим его «абсолютно никчемным человеком, преисполненным самолюбия и тщеславия». Протестантский пастор страсбургского прихода Сент-Этьен Энгельбрехт, прежде служивший коадьюнктором при епископе Шпейера, обвинил Буцера и Капитана в стремлении восстановить папский гнет. Одновременно Буцер обличал Энгельбрехта как лукавого лицемера. Гербель выступил против Энгельбрехта, но попутно отругал и его оппонентов за недооценку католических институтов. Лютер прислал ему письмо с горячей поддержкой, уверяя, что Гербель остается его единственным рупором «среди всех этих хищных змей, тигров и пантер». Циглер, попытавшийся было образумить спорщиков и положить конец склокам, добился лишь того, что его самого выслали из Страсбурга.

На самом деле Лютер весьма смутно представлял себе, что творится в Страсбурге. Если учесть, что вокруг каждого из упомянутых богословов сложился собственный кружок единомышленников, разносивших его идеи среди широкой публики, то легко вообразить, к какому сумбуру это приводило. Об этих господах, гордо швырявших друг другу в лицо самые грозные обвинения, доподлинно знали одно: все они были антипапистами. Но вот их позитивная программа для многих оставалась загадкой. Вряд ли имеет смысл подробно описывать картину, характерную для Германии в целом. Далеко не столь пестрая, как в Страсбурге, она, конечно, отличалась рядом оригинальных черт, но и без того очевидно, что ситуация с богословским учением Реформации, какой ее видели Лютер и Меланхтон, сложилась странная и непонятная.

5.

ПОД СОЛНЦЕМ САТАНЫ (1532-1542)

В десятилетие, последовавшее за событиями в Шмалькальдене, в душе Лютера произошли перемены, удивительным образом возвращавшие его в прошлое. В конце 1531 года ему сообщили, что мать его тяжело больна и практически умирает. Очевидно, семейная жизнь способствовала пробуждению в нем сыновних чувств, поскольку он написал матери (от которой, напомним, видел больше равнодушия, чем искренней теплоты) полное сердечности письмо: «Милая мамочка! Получил от Якоба (своего брата. — И. Г.) письмо, из которого узнал о вашей болезни. Как жаль, что я не могу сейчас быть рядом с вами. Я ваш сын, а вы моя мать, и как хотелось бы мне оказаться среди тех, кто способен принести вам утешение». И он напоминал матери, что Иисус Христос — «Спаситель всех несчастных грешников, которые перед страхом кончины отдаются Ему и твердят имя Его».

Этот призыв к Христову милосердию и тревожные мысли о грядущем спасении как будто отбросили его на 20 лет назад. За что умирающая старая женщина должна благодарить Бога? За то, что Он избавил ее, как и его самого, «от папистских заблуждений». «Они учили нас строить свое спасение на делах и монашеской святости. Они показывали нам нашего Икупителя Христа не как единственный источник утешения, но как строгого судию и деспота».

Но Мартин Лютер так и не нашел утешения. Он создал целое учение, из которого логически вывел возможность ощутить себя защищенным, но резкий возврат к мыслям и чувствам 20-летней давности показал, что никакого мира в душе он так и не обрел, а давняя душевная рана так и не зарубцевалась. Именно в этом следует искать источник его постоянного недовольства окружающими, вечного ворчания и резкой грубости, упорного стремления поливать грязью все и всех подряд. Его надежды на согласие с собой рухнули. И даже если внешне он стал вести себя гораздо спокойнее, в сердце его по-прежнему бушевали бури.

Примечательно, что подавляющее количество «нечистот», которыми изобилует его творчество, использовавшее, кажется, все существовавшие немецкие и латинские выражения, имеющие отношение к акту дефекации и частям тела, принимающим в этом участие, всегда было направлено против двух главных врагов Лютера — дьявола и папы. В навязчиво

повторяющемся образе смердящих фекалий, вновь и вновь проникающем в его сочинения помимо воли автора, нашел выражение тот самый пакостный страх, который не желал уходить из его души, несмотря на отчаянные попытки Лютера от него избавиться. Поэтому, забрасывая, образно говоря, дерьмом своих оппонентов, виновников этого страха, он как будто возвращал им то, что они навязали ему вопреки его воле. Но чем активнее он им мстил, тем яснее ему становилось, что душевного ликования внутри него нет и в помине, и тогда он принимался поливать их грязью с еще большей силой, теперь уже хотя бы затем, чтобы не захлебнуться в ней самому. Словно Сизиф, катил он перед собой гигантский смрадный ком, и пусть весил этот ком не так много, как каменная глыба, зато каким омерзительным был «материал»!

И не следует принимать всерьез объяснения, что, дескать, таков был «язык времени», что в Средние века люди относились к окружающему миру с реалистической прозорливостью и каждую вещь называли своим именем, что наша эпоха слишком погрязла в лицемерии, чтобы по достоинству оценить старинную откровенность. Верно, в Италии, Франции и Германии находились близкие к народу проповедники, которые обличали порок в весьма энергичных выражениях, не стесняясь соленого словца, но ведь Лютер — во всяком случае, пока он учился богословию, — не читал ни одного церковного автора, который позволил бы себе пользоваться непристойной лексикой! Да и сам он начал употреблять похабщину только после своего разрыва с Римом. Проповедник из Цюриха Беллингер, рассуждая о языке «немецкого Пророка и апостола», как он именовал Лютера, делал следующую оговорку: «К сожалению, очевидно и не подлежит сомнению, что никто кроме Лютера никогда не писал по поводу веры и других серьезных вещей в более грубом, непристойном, неприличном и бесстыдном стиле, противном всякой христианской порядочности». И далее: «Большинству людей страшно нравится циничное, грязное и похабное красноречие Лютера. Вот почему он продолжает писать все в том же духе, стараясь в искусстве оскорблений превзойти самого себя». Томас Мор, автор латинского труда, содержащего анализ языка Лютера, пришел к выводу, что в этом потоке он не увидел ничего кроме *latrinae, terdae, stercora*^[24].

Бессмысленно и неинтересно пересказывать все ругательства Лютера — они слишком однообразны. Во всяком случае, большинство из них — такого свойства, что легко могли вызвать смех, скажем, у мансфельдского рудокопа. Пожалуй, занятнее просто привести ряд определений, которые дадут нам возможность ощутить, с какой ураганной силой пытался Лютер

освободить свою душу от того, что ему мешало. Папа? «Куча дерьма, которую дьявол навалил на Церковь». Отметим, что эта формулировка извлечена нами из научного труда. Или: «Глава христианского мира — это передняя и задняя дырка, через которые дьявол навалил в этот мир кучу дряни, такой, как месса, монашество, монахи и прочие безобразия». Этот отрывок взят из «Краткой исповеди о Святом Причастии». Папа требует от грешников покаяния? «Пусть поцелует нас в зад!»

Паписты, по определению Лютера, это те, кто «подтирает папе зад». Князь-католики? «Создания, слепленные из того теста, что падает у папы из задницы» — так Лютер утверждал в проповеди, посвященной толкованию Евангелия от Иоанна. Герцог Генрих? «Вонючее дерьмо, которым дьявол обос..л Германию». Из чего следует, что герцог Брауншвейгский и папа — одного поля ягоды. Каждый, кто смеет критиковать взгляды лютеран, принадлежит к «породе свиней, замерших перед кучей дерьма, которым им ужас как хочется набить себе пасть и брюхо! Они рыскают повсюду, вынюхивают чужие грехи, чтобы сунуть в них свою харю!» Себя самого Лютер сравнивает со «слабительным, от которого у дьявола съезжаты брюхо и зад». Описывая таинство миропомазания, он уверяет, что «рукополагаемый пошире разевает рот, чтобы папа ему туда нас..л». И Лютер призывает самые страшные кары на голову тех, кто лишил его душевного покоя и едва не поставил под угрозу его спасение.

Для изгнания дьявола у него имеется свой рецепт. Лукавый докучал ему, без конца напоминая о совершенных грехах (из чего следует, что сожаление о сотворенном грехе есть дьявольское искушение): «Милый дьявол! Я совершил еще множество других грехов, которых нет в твоём реестре, а именно: я пачкал штаны! Можешь взять их себе, обмотать вокруг шеи и запустить в них свой нос!» Генриху Брауншвейгскому он рекомендует «разинуть пасть, как только ему скажут, что старая свинья принялась портить воздух». А потом заявить: «Благодарю тебя, чудесный соловей!» Что касается рыцарей, не желающих кормить за свой счет новоявленных пасторов, Лютер вынашивает против них план страшной мести: «Мы возьмем и навалим кучу. А они станут ей поклоняться!»

Слава Богу, в эти годы Реформатор занимался не только тем, что совал папе и дьяволу под нос кучи навоза. Несмотря на охватившую его усталость, он заканчивал титанический труд, начатый с дюжину лет до того, — перевод Библии. Книга вышла в Виттенберге в 1534 году под названием «Biblia, или Полное Священное Писание на немецком языке». Здесь необходимо сделать ряд уточнений, касающихся значения этой

работы для того времени. Лютер хвалился, что извлек Библию из забвения, в которое ее столкнули паписты. Эта легенда продержалась достаточно долго, пока протестантские историки XIX века не открыли, что в Средние века Библией пользовались достаточно широко, цитируя священные тексты в научных трудах и используя их в проповедях и богослужении. В период с 1450 по 1520 год вышло 156 изданий Библии на латинском языке. Да и немецкий перевод Библии еще до Лютера существовал в 14 изданиях. Специалисты считают, что Лютер в своей работе обращался к трудам своих предшественников, и отмечают, главным образом, его вклад в развитие немецкого языка. Кроме того, Лютер, вслед за Эразмом, опирался не на Вульгату, а на оригинальные тексты, написанные по-гречески и по-древнееврейски. Наконец, сыграла свою роль и протестантская пропаганда, немало сделавшая для того, чтобы это основополагающее для каждого христианина сочинение стало доступным представителям всех общественных классов. Достаточно сказать, что только при жизни Лютера его перевод выдержал 150 изданий.

Между тем эта Библия оказалась весьма действенным инструментом пропаганды лютеранства, поскольку всякий раз, когда в том возникала нужда, переводчик с легкостью обращался в толкователя. В эпизоде, повествующем о том, как Мария Магдалина умащивает благовониями ноги Христа, Лютер от себя прибавляет: «Ибо одна лишь вера обращает деяния в добро». Когда Иисус произносит, обращаясь к Петру: «Ты — камень, и на камне сем Я воздвигну Мою Церковь», Лютер комментирует: «Петр символизирует всех христиан». Как только в тексте появляется слово «праведный», которое в Библии означает «исполняющий закон», Лютер переводит его как «набожный». Послание св. апостола Иакова он в текст вообще не включил, поскольку в нем содержится тезис о важности дел, следовательно, делает вывод Лютер, «это ложное послание, в котором нет ничего евангельского». Кроме того, лютеровский перевод Библии вышел с весьма красноречивыми иллюстрациями. Так, римско-католическая Церковь была представлена в образе вавилонской блудницы, подталкивающей людей в ад; папа изображался в виде дракона, а дьявол красовался в кардинальском облачении.

На протяжении всех этих лет Лютер продолжал сочинять и гимны, в которых одинаково важное значение придавал содержанию и музыке. Он не всегда сам сочинял мелодии, однако дорожил ими ничуть не меньше, чем стихами. «Перед лицом напастей и искушений, в минуты грусти, — свидетельствует его врач Райцебергер, — Лютер прибегал к музыке как к надежному средству, способному облегчить груз его печалей». В латинском

тексте этого высказывания употреблен термин «меланхолия», который следует понимать отнюдь не в романтическом значении, как синоним «дурного настроения», но именно в том смысле, который вкладывал в него врач, разумея под меланхолией патологические приступы жестокой депрессии. «Музыка, — делился Лютер со своими сотрапезниками, — есть божественное искусство, волшебный Божий дар. Она изгоняет соблазны и черные мысли. Помните, как пением Давид смирил гнев царя Саула? Для сердец, увязших в сомнениях, музыка — бальзам, она успокаивает и освежает душу. Повсюду она несет с собой мир и радость. Она прогоняет злобу, нечестивые побуждения, гордыню и порок. После богословия музыка — лучшая и достойнейшая из наук».

Своему корреспонденту, жаловавшемуся на снедавшую его тоску, он давал такой совет: «Когда вами овладеет печаль, скажите себе: «Я должен славить Господа нашего Иисуса Христа!» И все дурные мысли исчезнут без следа». Он даже сделал попытку обратиться с просьбой к придворному мюнхенскому музыканту Людвигу Зенфлу, поясняя, что им движет «великая любовь к искусству музыки». То был редчайший случай, когда ярый противник князей-католиков не анафемствовал против них: «Герцоги Баварские являются моими врагами, однако я одобрительно отношусь к ним за то, что они поддерживают и почитают музыкальное искусство». В подтверждение своих слов он приводит довод абсолютно субъективного свойства, который, однако, для Лютера стоит любых других: музыка, пишет он, «приносит умиротворение и укрепляет душу. С замиранием сердечным стремлюсь я навстречу этому искусству, которое так часто служило мне единственным утешением».

Но и музыка оказывалась бессильной перед отчаянием, которое нет-нет и накрывало его своей волной. «Сердечная грусть, — признавался он, — отвратна Богу; между тем я предаюсь ей по сто раз на дню». И снова виновником своих страданий он называл дьявола. Но настаивал, что никогда не сдастся без борьбы. Как же он сопротивлялся? Очень просто. Он давал лукавому понять, что ему, Лютеру, хорошо известно, что папа — его, дьявола, креатура. «Да что он такое, твой папа, чтобы ты оказывал ему такое внимание, чтобы я его славил?» Он идет даже на то, чтобы открыть дьяволу глаза на «низость папы». И ему самому становилось легче. «Гнусность папы — вот величайшее мое утешение! Если кто-нибудь думает, что папу нельзя оскорблять, то он всего-навсего жалкий дурак! Да оскорбляйте его сколько душе вашей угодно!» Той же участи заслуживают и сторонники папы. «Честь мне и хвала, — предрекал он, — если обо мне скажут, что я осыпал папистов отборными ругательствами, клял и

оскорблял их. До самой могилы буду я клеймить позором и проклинать этих негодяев!»

Порой ему удавалось заставить умолкнуть искушителя еще более простым способом. «Дабы положить конец искушению и отвлечься от пустых мыслей, я частенько зову жену. И так далее...» Последнее выражение оставляет читателю свободу догадываться, что именно рассказывал Пророк своим сотрапезникам, когда речь за столом заходила о совместных усилиях Мартина и Кэтхен по изгнанию беса. Конрад Кордаций высказался более определенно: «Эти тревожные мысли и неразлучное с ними уныние, как рассказывал Лютер, удручали его больше тяжких трудов и ранили больше вражеских нападков. Вот они, самые страшные орудия смерти! Я так и не смог, повторял он нам, отыскать средство избавления от них. В конце концов я просто прижимал к себе жену и старался изгнать сатанинские мысли, возбуждая плоть». Иерониму Веллеру, также мучимому навязчивыми страхами, он советовал прибегнуть к аналогичному лечению, то есть разлечься с женщиной, а то и совершить «какой-нибудь грех пострашнее, дабы показать дьяволу всю меру своего презрения».

Очевидно, эти меры, какими бы дьявольски хитрыми они ни казались, так и не привели к желаемой цели. Возможности человеческой плоти ограничены, возможности сатаны безграничны. В 30-е годы Лютера терзали по ночам сомнения и страхи. Не пойдешь же всякий раз будить Кэтхен! «Я куда чаще сплю с сатаной, чем со своей Кэтхен!» — честно признавался он. Враг рода людского, судя по всему, преследовал его без устали, стремясь заполучить Лютера в свои лапы. Ночные битвы, писал он, «стали для меня ужасней дневных сражений... Дьявол известный мастер изобретать аргументы, которые выводят меня из себя». Когда помощи жены становилось недостаточно, приходилось выдумывать что-то еще. «Сатана внушает мне более чем странные мысли. Тогда я собираю в кулак все свое мужество и громко кричу ему: «Поцелуй меня в задницу!»

Что же это за «аргументы» и «странные мысли», которые порождал адский дух в душе Мартина Лютера? Оказывается, он ставил ему в упрек его прошлое, говоря: «Ты не любил Бога!» Если бы еще сатана твердо заявил ему: «Ты на протяжении долгих лет творил гнусный грех — служил мессу!» Но нет, лукавый обманщик никогда ни словом не обмолвился о мессе. Зато вновь и вновь нападал на него, стараясь задеть побольнее его верность своему делу. Разве это не знак, что его миссия — от Бога? «Что станет с тобой, если окажется, что твое учение ложно?» Вот когда для Лютера начиналось самое страшное. Безысходное отчаяние завладевало

всем его существом, и надежды на избавление не оставалось вовсе.

Быть может, имело смысл вернуться назад? «Видишь, ты совсем один. Ты можешь перевернуть установленный тобой же порядок вещей, сломать все, что создал, разрушить организацию, задуманную и построенную с такой ловкостью! Ты говоришь, папизм погряз в ошибках и грехах? Ну а сам-то ты? Разве ты не ошибаешься? Не грешишь?» Неужели нужно все начинать заново? Нет, ни за что! «Даже если бы мне посулили целый мир, я никогда не согласился бы на еще одну попытку! Слишком много забот и тревог принесло мне мое дело». Вспомним, с какой решимостью отверг он предложение отречься: «Никогда!» «Когда я думаю о Том, кто призвал меня, я понимаю, что жалеть мне не о чем».

А внутренняя боль все не утихала. «Никак не могу отделаться от мысли, что лучше бы мне никогда не начинать того, что я сделал». Может быть, он ошибся в выборе метода действия? Что, если бы он подступился к задуманному с другой стороны? Может, вместо призыва к бунту, приведшему к расколу, стоило попытаться создать внутри Церкви скромную тайную секту? Тогда монахи продолжали бы спокойно жить в своих монастырях. «Миру необходимы маски», — делает он вывод.

Верил ли он сам в то, чему учил других? Ответа на этот вопрос мы не знаем, однако бесспорно одно: идея о непогрешимости Церкви продолжала тяготить его. (Уж не сатана ли внушил ему эту мысль?) «Когда сатана, воздействуя сразу и на плоть, и на разум, начинает щеголять этим доводом, сознание мое туманится и робеет». Но он не сдается. Он готов противопоставить себя всем Отцам Церкви вместе взятым: «Даже если Киприан, Амвросий и Августин, даже если Петр, Павел и Иоанн, даже если сам ангел небесный стал бы учить меня иному, я остался бы при своем твердом убеждении, что в моем учении нет ничего от людей. Оно целиком божественно, и я готов повторять, что создал его не человек, но сам Бог!»

Увы, но и вера его постепенно слабела. «В прошлом я верил всему, что говорили папа и монахи, сегодня не могу поверить даже в то, что говорит Иисус Христос, не ведающий лжи». С тех пор как свои сомнения в истинности нового вероучения он стал приписывать дьяволу, ему понадобилась особенная уверенность, что это учение продиктовано ему Богом. Но что толку рассуждать, если чувство внушало ему обратное? «Как это горько и как ничтожно! — жаловался он гостям, делившим с ним трапезу, то есть людям, которым он доверял. — А, ладно! Поговорим об этом как-нибудь в другой раз!» Другой раз наступал, а его одолевали все те же мысли: «Не верю я, что богословие несет истину». Позвольте, какое

именно богословие? Папистское? Схоластическое? Да нет же, речь шла об учении реформаторов. «Я думаю, что св. апостол Павел, — говорил он Ионасу, — верил далеко не так твердо, как сам утверждал. И сам я не могу верить так же искренне, как уверяю в своих проповедях, речах, книгах и как люди, должно быть, думают, что я верю».

Но ведь это он придумал, распространил и продолжал защищать целое учение, ради которого не побоялся пойти на отлучение от Церкви! Неужели он мог сомневаться в своей правоте? «Я ни в чем не убежден, — отвечает он. — Вот Христос, да, Он убежден. Поразительно, но в то время, как я сам не в состоянии осмыслить свое учение, мои ученики бахвалятся, что знают его назубок!» К 1534 году он дошел до того, что по поводу оправдания верой, покрывающей все грехи, — краеугольного камня своей доктрины, созданной в поисках мира с собой, так, впрочем, и недостигнутого, написал: «В своем кругу мы и сами веруем в наше учение вопреки себе, хоть и провозглашаем его истинность народу». Точно так же, щедро делясь со всеми желающими советами о том, как лучше избежать дьявольских козней, сам он в схватке с лукавым демонстрировал бессилие: «Меня бесит, что я так и не научился с помощью Иисуса Христа изгонять из души дурные мысли и одолевающие меня соблазны. Выходит, что я сам не владею тем искусством, которое столько изучал, о котором столько написал и которому учу других».

В 1537 году его настиг новый приступ болезни, которую он именовал «болезнью духа». В течение пятнадцати дней он не мог ни есть, ни пить. Бог стал казаться ему врагом, а в мыслях воцарился такой хаос, что он уже не понимал, кто же в него вселился. «Невозможно разобраться, дьявол ли Бог, или Бог — дьявол». Временами на него накатывала настоящая потребность разобраться в вопросе существования Бога. «Дьявол порой приводит мне такие аргументы, что я начинаю всерьез сомневаться, а есть ли Бог». В 1538 году его мучила «ежедневная агония». Злобный дух являлся ему во всех видах и формах: то пылающим факелом, блуждающим в сумерках, то жирной черной свиньей, бродящей у него под окнами... В 1539 году доктор Мартин Лютер, сидя за семейным обедом, говорил своим обычным сотрапезникам: «Против нас действуют сильные противники и могущественные враги. Это бесы, коих не счесть, столь велико их число. Они страшно ловки и опыты».

Изматывающее, длящееся практически без передышки испытание в конце концов привело к тому, что в душе Лютера зародился страх перед жизнью. В 1537 году, на пике душевного кризиса, он признавался, что «приступы отчаяния порой заканчиваются тем, что с уст моих срываются

ужасные слова: «Будь проклят тот день, когда я родился!» В 1538 году, когда спор с антиномистами разгорелся в полную силу, он сравнивал себя с Иовом, восклицавшим: «Господи! Зачем я явился на свет?» И Лютер продолжал: «Боже мой! Как было бы славно, если б я не написал ни одной из своих книг! Дьявол — вот властелин и князь мира сего! Лучше бы я умер и вернулся в землю! Чего ждать мне от будущего? Я больше не чувствую никакого вкуса к жизни и желаю одного — спокойно умереть... Вы все, кто переживет меня, помолитесь за меня». В 1541 году он писал Ионасу: «Я убит происходящими событиями, измучен болезнью; жизнь моя полна печали и тяжело мне ее бремя. Молю Господа, чтобы

Он не дал мне забыть, что я сотворил довольно зла и видел много такого, хуже чего не бывает». Когда его сыну Мартину исполнилось три месяца, он с горечью сказал Катарине: «Ах, если бы я умер в возрасте этого малютки! Всю свою будущую славу я с радостью отдал бы за это!»

В 1542 году болезнь всего за несколько дней унесла 13-летнюю дочь Лютера Магдалину — прелестное и кроткое создание. Отец переживал свое горе, целиком доверившись Божьей воле. «Духом я ликую, но плоть моя скорбит. Разве не прекрасно, что она теперь в царстве вечного покоя?» Друзьям он повторял: «Больше не тревожьтесь ни о чем! Я отправил на небеса святую!» Он жалел, что не умер ребенком, в возрасте, которому еще неведомы страхи. В этот же год он высказал пожелание, чтобы конец света наступил через 50 лет. Собственного стремления к смерти ему казалось мало, и он мечтал о гибели всего человечества.

Но даже из этой тоски, которую он сравнивал с «занозой» св. Павла, он постарался извлечь лишний богословский довод в пользу своего учения. Раз его проповедь увлекла такое число сторонников, значит, на то была воля Небес. Ведь учение его утверждалось «под жестоким гнетом папизма и вопреки многим сомнениям, терзавшим нашу совесть». Он не случайно употребил слово «нашу». Его личный жизненный путь не отличался уникальностью: слишком многие из его учеников окончили свои дни в скорби и печалях, не имея даже той отдушины, которую Лютер находил для себя в напористой агрессивности. «Нет у меня лучших помощников, — писал он, — чем гнев и злость. Они освежают мои молитвы, пробуждают мой разум, гонят прочь из мыслей сомнения и уныние».

Духовник курфюрста Саксонского Спалатин уже с 1528 года признавался, что устал жить. Постепенно эта усталость подвела его к самой грани душевного отчаяния. «С какой радостью, — писал он Линку, — услышал бы я новость, что наступают последние дни. Лучше и счастливее этой вести нечего и желать. Конец близок и ждать его осталось

недолго. Да и кому захочется и дальше жить в этом океане бед?» Умер он в 1544 году, впав в полный маразм. Признаки недовольства жизнью нередко проявлял и Ионас, к концу жизни во всем разочаровавшийся. Клаус Хаусманн, проповедник из Цвиккау и близкий друг Лютера, страдал черной меланхолией и скончался от апоплексического удара. Матезий целыми днями сидел дома взаперти, терзаемый приступами страха и отвращением к жизни. «Я познал, — признавался он, — адские муки». Его преследовало искушение покончить с собой, которому он все-таки сумел противостоять, как и бывший августинец Леонард Бейер — от этого домашним приходилось прятать ножи. А вот проповедник из Нюрнберга Георг Беслер, которому в бредовом состоянии повсюду чудились явившиеся по его душу жандармы, покончил-таки самоубийством. «Однажды ночью, — рассказал Шейерль, — он поднялся с постели, где спал вместе с женой, пошел и проткнул себе грудь рогатиной». То же наваждение преследовало и Веллера, так и не исполнившего совет своего наставника утопить угрызения совести в развратных удовольствиях. «Язычник на моем месте, — жаловался он, — покончил бы с собой». В последние годы жизни он отказался читать проповеди.

Бельций, пастор тюрингского города Аллерштадта, не страдал меланхолией в болезненной форме, но и его жизнь отравляло чувство глубокого разочарования: «Из-за своих грехов, из-за злобы этого мира, свар наших богословов и слабого здоровья я испытываю такое отвращение к жизни, что мечтаю об одном — умереть как можно скорее». Он, правда, добавлял: «...в Иисусе Христе», однако имел в виду отнюдь не смерть духа. Суперинтендант Темниц, которого называли «вторым Лютером», тоже познал скорбные дни. Он отказался исполнять свои обязанности и в течение целого года не переставая плакал, в конце концов уже не узнавая окружающих. Его кончина вызвала разноречивые отклики. В сообщении, опубликованном в ангальтском городе Цербсте, говорилось, что Темниц поплатился за то, что «потерял веру в учение, которое сам проповедовал», а потому его настигла кара, подобная той, что обрушилась на Иуду. Ланг возражал, утверждая, что причиной столь страшного конца стали многочисленные грехи покойного, из-за которых он и прятался от людей.

Пожалуй, не стоит и дальше перечислять всех лютеран, которые от первоначального энтузиазма скатились к унынию, а от безграничной веры — к безверию. Деллингер составил список, в котором фигурируют еще 33 фамилии, подтверждающие это утверждение. Среди тех, с кем жизнь обошлась особенно сурово, он называет друга Лютера диакона Баховена, виттенбергских богословов братьев Бибенбах, данцигского проповедника

Гудельвайна и кенигсбергского пастора Изиндера, утративших рассудок. Выходит, что Лютер, обрубивший свои религиозные корни и создавший новое учение в надежде освободиться от снедавшей его тоски, не только сам не обрел желанного покоя, но и лишил его многих из своих последователей.

6.

РАСПАД ИМПЕРИИ

Согласно Аугсбургскому эдикту, подписанному Карлом V, срок, отпущенный на раздумья князьям-протестантам, истек 15 апреля 1531 года. Однако последние отнюдь не спешили исполнять все требования эдикта. Так, они категорически не желали ни возвращать захваченные церковные земли, ни восстанавливать в правах католические обряды, а вместо этого потихоньку готовились к вооруженному сопротивлению. Император понимал, что игра предстояла крупная и следовало запастись козырями. Он предложил избрать «королем римлян» Фердинанда Австрийского. Этот титул получал обычно наследник империи. Таким образом, Карл заранее давал понять курфюрстам, что позаботился о преемственности своей власти.

Нечего и говорить, что немецкие князья встретили предложение императора в штыки. Как ни странно, у Лютера эта идея не встретила неприятия. Напротив, он всячески уговаривал курфюрста Иоганна согласиться с кандидатурой Габсбурга, разумеется, имея на то свои причины. Дело в том, что Иоганн, наследовавший престол после брата, еще не получил права участвовать в выборах императора, и оставалась опасность, что Карл V передаст его голос герцогу Георгу. Кроме того, Лютер не видел большого греха в политической поддержке ставленника противоборствующей религиозной группировки, сознавая, что религия и политика суть вещи разные. Судя по всему, он проявил гораздо больше политического чутья, чем князья. Протестанты еще не были готовы к вооруженной борьбе, следовательно, сотрудничество пока было им выгодно. Протестантски настроенные князья, однако, продолжали упорствовать, так что избрание Фердинанда, состоявшееся в Кельне 5 января 1531 года, произошло вопреки их воле.

Эта акция ярко продемонстрировала политическое могущество католической партии, но в то же время послужила одной из причин раскола, наметившегося в ее рядах. Герцоги Баварские (Вильгельм и Людвиг) с нескрываемой неприязнью наблюдали за растущей гегемонией Габсбургов. Тем временем в протестантских землях решили, что пришла пора объединяться. 29 марта в укрепленном городе Шмалькальдене, расположенном в Гессене, в непосредственной близости от курфюршества Саксонского, сторонники Аугсбургского символа веры подписали договор

об образовании оборонительного союза сроком на шесть лет. По условиям этого договора, каждый из его участников, ставший жертвой агрессии, мог рассчитывать на помощь остальных. Документ подписали курфюрст Саксонский, ландграф Гессенский, герцоги Брауншвейг-Люнебургский и Брауншвейг-Грубенхагенский, графы Мансфельдские, князь Ангальтский, три северных города (Любек, Бремен, Магдебург) и восемь южных (Страсбург, Ульм, Констанц, Линдау, Биберах, Мемминген, Рейтлинген, Изни). Главой союза избрали Филиппа Гессенского. Еще ряд городов, выразивших желание присоединиться к союзу, так и не удостоился этой чести из-за того, что их представители не могли принять кое-каких уложений Аугсбургского символа веры. Зато союз заключил альянс с Баварией и сделал попытку заручиться поддержкой королей Франции и Англии.

Ситуация стала по-настоящему взрывоопасной, когда в игру, смешав карты остальным участникам, вмешался турецкий султан. Его войско заняло Штирию, и внутренние распри немцев отступили на задний план перед внешней угрозой. Карл V, уже созревший для выступления единым католическим фронтом против Саксонии и Гессена, дал задний ход и 23 июля 1532 года подписал Нюрнбергский мир, аннулировавший требования Аугсбургского эдикта. На следующий год было намечено проведение собора, пока же стороны обязались воздерживаться от взаимной агрессии. Лютеране отстаивали право проповедовать новое учение в границах своих земель, взамен пообещав императору покорность и помощь в войне с турками. Вопрос о возвращении захваченных церковных земель так и остался нерешенным. 2 августа Карл V издал в Регенсбурге указ, которым подтвердил все уступки, сделанные в Нюрнберге. «Бог услышал наши молитвы!» — с облегчением вздохнул Лютер. Однако Фердинанда Австрийского отступничество брата привело в ярость. Еще бы, все его усилия по борьбе с протестантами пошли насмарку!

Между тем турецкая угроза требовала решительных действий. 80-тысячную немецкую армию возглавил лично император. Саксонским войском командовал примкнувший к Реформации Иоахим Бранденбургский, сын курфюрста-католика Иоахима I. «Не имея возможности встать под ваши знамена, — написал ему Лютер, — я молюсь за вас и нашего бесценного императора Карла. Вместе с вами быюсь я против сатаны. Да поможет вам вождь небесного воинства св. архангел Михаил!» По достоинству оценив мощь противника, Сулейман быстро убрался из Австрии. Немецкая армия вернулась домой, и внутренние проблемы Германии снова выдвинулись на первый план.

В империи царили тревожные настроения. Будет война или нет? На сей раз ей не дал вспыхнуть французский король Франциск I, который в тайной надежде навредить своему заклятому врагу — императору подписал соглашение со Шмалькальденским союзом. На самом деле он ничего от этого договора не выиграл, поскольку протестанты Германии вовсе не собирались принимать участия в его военных операциях. Зато движению Реформации договор сулил прямую выгоду. Пока имперская армия воевала в Тунисе и строила планы вторжения в Прованс, князья-протестанты могли безнаказанно нарушать нюрнбергские договоренности, продолжая грабить монастыри и преследовать католиков. Так и случилось. Мало того, в отсутствие императора новая вера утвердилась в качестве государственной во владениях Альбрехта Гогенцоллерна в Магдебурге и Гальберштадте, лишний раз доказав, что одному епископу не под силу управлять сразу тремя епархиями, в герцогстве Юлих-Клевском (на границе с курфюршеством Кельнским), в княжествах Ангальт-Готском и Ангальт-Цербстском, в Мекленбурге (Померания) и в вольных городах Аугсбурге, Франкфурте, Гамбурге и Любеке.

В 1534 году свергнутый ранее герцог Ульрих Вюртембергский, заручившись военной помощью Франциска I и Филиппа Гессенского, разбил армию Фердинанда Австрийского, вторгся в его владения и принялся насаждать здесь самый радикальный протестантизм, сопровождавшийся отчуждением монастырских земель, конфискацией церковного имущества, грабежом предметов культа и запретом католического богослужения. По его поручению Меланхтон осуществил полную смену преподавательского корпуса Тюбингенского университета. Еще через год умирающий курфюрст Бранденбургский Иоахим I призвал к себе сына и потребовал от него клятвы хранить в своих землях верность католичеству. Иоахим II не долго держал данное отцу на смертном одре слово. Воспитанный матерью-лютеранкой, он повел себя так же, как Ульрих. Впрочем, дорожа внешними приличиями, он позволил совершать таинство причащения по католическому обряду, то есть в священных ризах и на латинском языке, и даже разрешил крестный ход. Организацией новой Церкви занимался здесь Агрикола.

На папский престол в это время взошел Павел III, в миру Александр Фарнезе — чрезвычайно любопытная личность, вполне достойная своего времени. Светский гуманист, совершенно равнодушный к религии, он согласился надеть рясу священника исключительно в надежде на блестящую карьеру. Реализовать свои честолюбивые замыслы ему удалось благодаря сестре Джулии (ее облик запечатлел на своем полотне

«Красавица» Тициан), которая была любовницей Родриго Борджа. Избранный папой под именем Александра VI, последний назначил 25-летнего Фарнезе кардиналом. Получив власть, новоявленный слуга Святой Церкви не только с жаром занялся собирательством произведений живописи, которую страстно любил, но и предался менее достойным развлечениям. У него было по меньшей мере четверо незаконнорожденных детей, каждому из которых он постарался обеспечить достойное будущее.

Ему исполнилось 47 лет, когда в его душе произошел серьезный нравственный переворот. Назначенный епископом, он вдруг осознал значение своей миссии и, что не менее важно, сумел верно оценить сложность складывающейся обстановки. Жизнь его отныне превратилась в образец добродетели. Он с головой погрузился в церковные дела и сделался ближайшим сподвижником Льва X, Адриана VI и Климента VII. Умелый дипломат, он пользовался равным доверием и Карла V, и Франциска I. Он же активно выступал за созыв Вселенского собора с целью проведения церковной реформы, за что к нему неплохо относились в Германии. Когда в 1534 году умер Климент VII и высшим церковным иерархом был избран 66-летний Александр Фарнезе, Рим получил взамен бессильного, ограниченного и довольно бестолкового человека умного и энергичного папу, вдобавок отличавшегося замечательной широтой взглядов.

Четыре месяца спустя Павел III заявил во всеуслышание о своем намерении созвать Вселенский собор. В рядах протестантов это предложение не вызвало восторга. Их гораздо больше устроил бы общенемецкий собор, да и инициативу его проведения отдавать папе они отнюдь не собирались. Павел III попытался действовать кротостью и направил в Германию с дипломатической миссией нунция. Папский посланец рьяно взялся за дело, не боясь порой превысить данные ему полномочия. В Виттенберге он обедал с Лютером. Тот принял его в роскошном костюме, отороченном лисьим мехом, с массивной золотой цепью на шее. В таком одеянии, утверждали очевидцы, немецкому папе не пришлось краснеть со стыда. Беседа больше походила на игру в кошки-мышки. «Какой смысл созывать собор, — заявил Лютер, — если вы намереваетесь обсуждать на нем всякие мелочи, не имеющие значения: форму митры, размер тонзуры, кому что следует есть и пить. На самом же деле внимания заслуживает единственный вопрос — вопрос веры, покаяния и спасения. Но у вас нет на этот счет собственного мнения, тогда как у нас милостью Духа Святого имеется целое учение. Значит, собор нужен вам, а не нам». Он познакомил гостя с Бугенхагеном, которого успел произвести в епископы, на все лады расхваливал «почтенную монахиню и

свою супругу», предрек, что его малолетний сын Ганс станет великим проповедником Евангелия. В завершение встречи Лютер, то ли не удержавшись от провокации, то ли действительно рассчитывая на возможность выступить с высокой трибуны, пообещал папскому нунцию, что явится на собор, где бы тот ни состоялся.

Расставаясь, и гость, и хозяин усмехались, разумеется, каждый про себя. Лютер пребывал в уверенности, что произвел на приезжего ошеломляющее впечатление. Каким на самом деле было это впечатление, мы узнаем из отчета, предоставленного нунцием папе. В нем тот описал Лютера как человека дерзкого и желчного, безрассудного и поверхностного, не слишком умного и, судя по всему, неспособного к трезвомыслию. Главное же, ему со всей очевидностью открылось, что ни один из князей-протестантов вовсе не горит желанием участвовать в работе собора. Предложение папы отвергли также Франциск I и Генрих VIII.

В это же время князья и богословы Реформации всерьез размышляли об укреплении своего единства. С 21 по 28 мая 1536 года в Виттенберге прошла встреча крупнейших теологов, представлявших основные течения новой веры. Председательствовал Лютер. По его приглашению в Виттенберг явились Буцер и Капитон (Страсбург), а также представители Аугсбурга, Франкфурта, Ульма, Майнингена, Рейтлингена, Эйслингена, Фюрфельда. От лютеран выступали Бугенхаген, Ионас, Круцигер, Миконий, Мений и Веллер. Камнем преткновения стал вопрос о евхаристии. В конце концов сошлись на формулировке, худо-бедно удовлетворившей всех участников встречи, которые и подписали так называемое Виттенбергское соглашение. Не получившие приглашения на совещание последователи Цвингли, со своей стороны, составили Первое швейцарское соглашение.

Павел III не боялся протестантов и от слов перешел к делу. Не желая проводить собор в отсутствие Карла V, все еще занятого войной в Африке, он вплотную занялся реформированием папской курии. Он потребовал, чтобы все лица духовного звания в обязательном порядке носили церковное одеяние, чтобы кардиналы вели себя безукоризненно, не давая ни малейших поводов для упрека. Были сформированы две комиссии, в состав которых вошли люди, известные честностью и неподкупным нравом. Первая комиссия занялась проверкой повседневной жизни римского духовенства, вторая — проверкой работы папской администрации. По соглашению с Фердинандом Австрийским местом проведения будущего собора была избрана Мантуя, а после визита в Рим императора, наконец-то вернувшегося в Европу, 17 мая 1536 года папа издал буллу «Ad Dominici

Gregis^[25]», назначив дату проведения Вселенского собора — 23 мая 1537 года, четверг Пятидесятницы. Предполагаемая программа собора включала в себя осуждение ереси, восстановление мира между христианами и возвращение в лоно римско-католической Церкви городов и земель, поддавшихся проповеди протестантизма.

В качестве ответного шага протестантские княжества решили собрать собственный конгресс в Шмалькальдене. Лютер мечтал, что это будет исключительно немецкое мероприятие, однако у будущих участников имелись собственные виды на его состав, обязательность его решений и роль императора. Большинство сразу отвергли идею назвать конгресс «антисобором», понимая, что это равнозначно признанию своей ответственности за раскол христианского мира. Символ веры, который предстояло обсудить богословам, поручили написать Лютеру. В этом документе прозвучали уже хорошо известные тезисы. Бог есть Троица. Христос — единственный Искупитель и Спаситель, что и составляет суть лютеранского учения, направленного «против папы, дьявола и мира». Месса — гнусность и «худшее из папистских идолопоклонств». Этому утверждению Лютер придавал особое значение, будучи уверенным, что «если не станет мессы, рухнет и папство». Папа — антихрист, захвативший власть обманом и мечтающий погубить Святую Христианскую Церковь. Но Церковь устоит, если сумеет освободиться от папы. «Да покарает тебя Бог, сатана!» — обращается Лютер непосредственно к папе. Человек непоправимо греховен, и спасение ему может принести одна только вера. Христос реально присутствует в хлебе и вине, входящих в таинство причащения, и каждый верующий получает свою часть.

Сочиненный Лютером Символ веры одновременно походил и на обличительную речь. «В каждой из его статей, — подчеркивал Кун, — содержится то или иное обвинение в адрес Рима. Каждая его строка дышит ненавистью к римскому гнету, презрением к папизму, твердой решимостью не уступать ни пяди и готовностью идти до конца». Составленный Лютером текст вызвал яростные споры богословов, но вовсе не по причине пропитавшего его духа нетерпимости и злобы. Меланхтон, Амсдорф, Бугенхаген, Ионас, Спалатин, Крузигер, Агрикола схлестнулись друг с другом по вопросу реальности присутствия Иисуса Христа в таинстве евхаристии. Партии Буцера грозила опасность остаться в меньшинстве. Мало того, Меланхтон, подписывая документ, сделал к нему приписку: «Что касается папы, то ради сохранения мира можно оставить за ним власть над епископами».

Протестантский конгресс собрался в Шмалькальдене 9 февраля 1537

года, то есть еще до начала работы католического собора. Папа делегировал на него нунция Ван дер Ворста, император — советника Гельда. Из-за нежелания участников прийти к соглашению по вопросу присутствия Христа в таинстве евхаристии работа конгресса затянулась. Блауэр высказывался против, Амсдорф — за. Меланхтон встал на сторону Блауэра. Неожиданно для всех заболел Лютер. С ним случился жестокий приступ почечной колики, доставивший ему ужасные физические страдания. Все тело горело, он не мог принимать никакой пищи и решил, что настал его последний час. Впоследствии в своих «Застольных беседах» он вспоминал об этом эпизоде и рассказал, как молился: «Господи! Ты знаешь, с каким рвением и твердостью проповедовал я Слово Твое! И вот теперь я умираю, пылая ненавистью к папе». Его тешила мысль, что оба они вскоре предстанут перед Высшим Судом, только его ожидает вечная радость, а папу — вечный позор.

Боль все не унималась, и тогда он решил, что это проделки дьявола, вонзившего ему в тело занозу, как когда-то святому Павлу (снова сравнение себя с апостолом, хоть и в новом аспекте). Полагая, что ниспосланное ему суровое испытание — лишь пробный камень, он не без удовлетворения сравнивал себя со святым Этьеном, побитым камнями. В одной из доверительных бесед с Меланхтоном у него вырвалось признание, что ему горько умирать отлученным от Церкви. Правда, он сейчас же спохватился: «Папа умрет, отлученный навеки Господом моим Иисусом Христом!» Невыносимые физические страдания, кажется, лишили его способности логично рассуждать, и он уже смешивал в одну кучу недостатки прежней Церкви и ошибки новой. «Отец Небесный! — взывал он. — Услышь мои стоны и облегчи мои муки! Под ненавистным гнетом папизма мы не знали истинного Евангелия кроме жалких латинских обрывков, которые бормотали, не понимая их смысла, в церкви, за столом, на утрени. Неужели миру суждено вернуться к этому?! И почему кругом столько ссор и вражды? Каждый только и думает, как бы прокричать собственные бредни и заставить остальных в них верить!»

В этом тяжелом состоянии он пробыл долгих восемь дней, еще дыша, но уже думая о переходе в мир иной. Никакого значения на конгрессе он не имел. Перед смертью ему захотелось встретиться с единомышленниками; к тому же его крайне угнетала мысль, что своей кончиной он доставит радость «мерзкому папскому легату». 26 февраля курфюрст распорядился приготовить для Лютера карету. Перед отъездом больной осенил остающихся размахистым крестом: «Да благословит вас Господь и да преисполнит ваши сердца ненавистью к папе!» От сильной тряски на

неуклюжих носилках камешки, которые не смогли изгнать из почки Лютера медики, выскочили сами собой. Больной почувствовал громадное облегчение. Меланхтону он написал: «Господа тронули ваши слезные молитвы, и Он отверз мой мочевого канал. Благодарите же вместе со мной Всемилостивого и Всеблагого Бога! Да сохранит нас Господь, да сгинут под нашими стопами сатана и все его приспешники из римской курии!»

Впрочем, мысли о скорой кончине еще не оставили его. Об этом он через Бугенхагена сообщал Ионасу, намеренно придавая своим словам характер завещания: «Слава Богу, я понимаю, что правильно поступил, с помощью Слова Божьего поколебав папизм, ибо папизм — это гнусное преступление против Бога, Христа и Евангелия. Передайте слова утешения моей Катарине. Пусть со смирением встретит весть о моей смерти. Она была мне достойной супругой и верной помощницей». Затем он просил передать ландграфу, чтобы тот не волновался по поводу конфискации церковных земель (можно подумать, Филиппа Гессенского донимали угрызания совести!), поскольку он пошел на этот шаг исключительно в интересах истинной религии. Своим соратникам он велел продолжать начатое дело. О себе он писал, что готов встретить смертный час, хотя мечтает дожить хотя бы до Троицы, чтобы еще раз прилюдно обличить «римского зверя». В заключение он заявил, что предает свою душу в руки Спасителя Иисуса Христа. Он исповедовался Бугенхагену, получил отпущение грехов, дал указания, как следует поступить с его прахом. 14-го он добрался до Витгенберга, и здесь здоровье его понемногу пошло на поправку. «Я заново учусь есть и пить. Милостью Божией я, наверное, снова встану на ноги».

Конгресс продолжил работу без Лютера. Вдохновителем споров выступил Меланхтон. Надеясь побыстрее составить документ, который удовлетворил бы всех участников встречи, он отказался от своей идеи протолкнуть тезис о главенстве папы и предложил собранию два коротких текста, целиком выдержанных в антипапистском духе: «О власти и главенстве папы», «О власти епископов творить суд». Лютер перед отъездом поинтересовался, все ли богословы подписались под составленными им статьями, и Меланхтон, не желая огорчать умирающего, каким все считали Лютера, ответил утвердительно, что совершенно не соответствовало действительности. Написанные Лютером тезисы отнюдь не встретили единодушной поддержки, так что в конце концов их вообще решили снять с обсуждения.

Зато единогласного одобрения удостоились оба меланхтоновских текста. Избавившись от нависавшей над ним тени Лютера, тот теперь

почувствовал себя первым богословом новой религии и спешил утвердиться в этой роли, снискав всеобщее признание. В знак почтительности перед тем, кого многие в мыслях уже называли «дорогим усопшим», и стремясь избежать ссоры с наиболее радикально настроенной частью собрания, являвшей большинство, он организовал переиздание «Обращения доктора Лютера к возлюбленным немцам», выдержанного в яром антипапистском духе.

Когда Реформатор узнал, что его «Шмалькальденские статьи» не получили поддержки конгресса, он выпустил их отдельной книгой, изложив ряд тезисов в еще более резкой форме и указав, что публикуемый текст «полностью одобрен участниками движения Реформации». Однако из-за болезни автора книга увидела свет только в 1538 году. Еще через год вышел трактат «О соборах и Церкви», в котором Лютер развивал свои идеи о духовной власти. Последнее слово в вопросе веры принадлежит не папской Церкви и не соборам, писал он, но Духу Святому, который проявляется лишь в сознании верующих. «Церковь это не папа, не епископы, не монахи, не имеющие веры в Иисуса Христа, но сами верующие христиане». Далее шли замечания менее научного характера: «Папа-осел придавил нас своей грязной, зловонной, поганой тушей. Он решил, что Церковь — его личный нужник, и потребовал, чтобы поклонялись всему, что вываливается из него и спереди, и сзади». Вместе с тем он выражал надежду, что папа все-таки созовёт Вселенский собор и тем самым продемонстрирует всему миру свою несостоятельность.

Агрессивный антипапизм Шмалькальденского конгресса, воинственные заявления Филиппа Гессенского и успехи но-вой Церкви в ряде немецких земель заставили католиков всерьез задуматься о единстве. Договоренности, достигнутые в Десау, существовали только на бумаге. Особенно очевидным это стало после того, как баварские князья вопреки здравому смыслу присоединились к Шмалькальденскому союзу. По поручению Карла V советник императора Гельд, получивший задание расшевелить правоверных князей, в марте 1538 года собрал в Шпейере правителей земель, не изменивших католицизму. Он убедил их в необходимости образования военного союза и даже сумел привлечь к нему баварцев. Однако князья-епископы, с 1524 года входившие в Регенсбургский союз, отвергли предложение Гельда.

В апреле 1538 года в Брауншвейге (на землях герцога Брауншвейг-Люнебургского) состоялся еще один съезд князей-протестантов. Католикам стало ясно, что медлить дальше нельзя. 10 июня родился Нюрнбергский оборонительный союз, который возглавил лично император. В него вошли

король Фердинанд, герцог Георг Саксонский, герцоги Эрих и Генрих Брауншвейг-Вольфенбютгельские и курфюрст Майнцский. Этого было слишком мало. Герцог Георг, старый и больной человек, давно утратил былой боевой дух, и командование войском Святого союза — второе название альянса — было возложено на герцога Генриха Брауншвейгского.

В Шмалькальдене прекрасно видели, сколь ничтожны силы союза. Филипп Гессенский сгорал от нетерпения вступить в открытый бой. Поражение армии католиков привело бы к тому, что вся Германия обратилась бы в лютеранство. Но как раз в это время снова вспыхнула турецкая угроза, и императору пришлось бросить все и мчаться к границе. С другого конца империи угрожала Франция, заключившая с протестантами союзнический договор.

Филиппа и его единомышленников ожидало крупное разочарование. 17 июня 1538 года, то есть ровно неделю спустя после образования Нюрнбергского союза, Карл V подписал в Ницце перемирие с королем Французским, развязав себе руки для других сражений. Но гессенцы по-прежнему рвались в бой. Колебания испытывал только курфюрст Саксонский Иоганн-Фридрих, который в 1532 году сменил на троне своего отца. В январе 1539 года Лютер направил ему послание, подписанное также Ионасом, Меланхтоном и Буцером. Конституция империи, говорилось в этом документе, и естественное право позволяют князьям брать в руки оружие, если враг угрожает Евангелию. Если император посмеет применить силу, он тем самым допустит святотатство по отношению к Богу и докажет, что поклоняется идолу. Тогда не останется никакой разницы между ним и заурядным убийцей.

В феврале князья-протестанты собрались на рейхстаг во Франкфурте-на-Майне. И император не посмел воспрепятствовать им, хотя по закону он один имел полномочия на созыв ассамблеи подобного уровня. Он даже счел для себя полезным отправить на это мероприятие своих представителей. Его примеру последовал и король Фердинанд. Филипп Гессенский и Иоганн Саксонский намеревались дать католикам решающий бой, однако остальные князья с ними не согласились. Король Франции действительно сулил им военную помощь, однако пока ничем не подтвердил серьезность своих намерений, а потому, рассуждали они, стоит повременить.

Лютера не покидало чувство тревоги. Он своими глазами наблюдал Крестьянскую войну и хранил в памяти все виденные ужасы. «Господи! — молился он. — Отведи от нас войну, ибо она несет одни разрушения и бедствия! Лучше нашли на нас чуму, быть может, тогда мы образуемся!»

Действительно, по сравнению с войной — делом рук человеческих — чума представлялась Божьим промыслом. Он отлично понимал, что от наемников обеих армий ничего хорошего ждать не придется, неважно, под какими знаменами они будут выступать. «Солдаты превратились сегодня в воплощенных бесов. В них нет ни веры, ни жалости, они не признают никаких законов. Наши собственные защитники станут для нас несчастьем». В самый разгар споров Филиппа Гессенского свалил жестокий приступ сифилиса, и ему стало не до войны.

Избавившись на время от самого воинственного и властного из князей, сторонники сохранения мира поспешили предложить императору сделку. Карл V не был уверен в своих силах и потому согласился. 19 апреля 1539 года он подписал Франкфуртский договор, по условиям которого предоставлял князьям — участникам Аугсбургского соглашения перемирие сроком на 15 месяцев. На такое же время приостанавливалось судебное следствие по всем религиозным процессам. До истечения срока перемирия император обязался провести совещание, которое обсудит проблемы вероисповедования.

Итак, не решаясь перейти к активным военным действиям, князья-протестанты предпочитали годами тянуть с созывом рейхстага, который мог бы примирить их с католиками. Они не ждали от этого примирения никаких выгод и не надеялись на согласие в вопросах религии. В течение почти 20 лет собирались конгрессы, рейхстага, совещания, но толку из них не выходило никакого. Богословы не желали идти друг другу навстречу в тонкостях теологии, политики и слышать не хотели о малейшей взаимной уступке. От открытого противостояния тех и других пока удерживал страх, но не страх кровопролития и разрухи, а страх оказаться побежденными. Поэтому мирная обстановка расценивалась всеми как временная передышка, необходимая, чтобы успеть получше вооружиться. Лютеранам она позволила на вполне законных основаниях утверждать свою Церковь в тех княжествах, которые открыто примкнули к протестантизму. Князьям-католикам приходилось несладко. Они чувствовали, что император, больше похожий на дипломата, чем на главу Священной империи, предает их.

Еще через месяц на них свалилось новое несчастье — в одночасье умер престарелый герцог Георг Саксонский. Трон унаследовал его брат Генрих, который со времени женитьбы на Катарине Мекленбургской был ярым сторонником Лютера. У герцога имелось два сына. Старший, Иоганн, ревностный католик, умер двумя годами раньше, не оставив потомства; младший, Фридрих, был идиотом. К 1538 году перед Георгом со всей остротой встала дилемма: кому оставить герцогство? Слабоумному или

лютеранину? Он склонялся в пользу первого варианта и даже учредил регентский совет, который правил бы государством от имени недееспособного герцога. В это же время он крупно поссорился с братом, успевшим в качестве наследника герцогства вступить в Шмалькальденский союз. Получалось, что Георг гнал со своих земель проповедников новой веры, а Генрих привечал их и укрывал в своей резиденции во Фрайберге.

К 1538 году вражда между братьями достигла крайней точки. Католическая партия следила за развитием событий, затаив дыхание. У герцога оставалась последняя надежда — сын Фридрих, и он, как за соломинку, ухватился за обещание шарлатанов вернуть несчастному рассудок. В результате их «лечения» Фридрих скончался. Убитый горем отец пережил сына всего на несколько месяцев. Прах его едва успел остыть, когда Генрих, опасавшийся подвоха со стороны католиков, служивших при дворе покойного, прибыл со свитой в Дрезден и публично провозгласил себя герцогом Саксонским. На следующий день — он пришелся на Троицу — состоялось торжественное богослужение по новому обряду. Это было 25 мая 1539 года.

Лютер и не думал скрывать радости, которую доставила ему весть о кончине главного защитника католичества: «Герцог Георг, этот нечестивец, умер. Господь славно потрудился во имя мира». «Герцог Георг согрешил против Святого Духа. Это был жестокий тиран. Он проклинал Бога, а потому должен быть проклят сам. Если он не раскаялся и если Евангелие говорит истину, то сейчас он в аду».

Впрочем, к концу года настала очередь горевать и протестантам, хотя и совсем по другому поводу. Оскандалился Филипп Гессенский. На протяжении шестнадцати лет он состоял в браке с Кристиной Саксонской, дочерью герцога Георга, которой постоянно изменял, находя, что она нелюбезна, дурна лицом и от нее нехорошо пахнет. Законной супруге он откровенно предпочитал дам приветливых, красивых и, соответственно, благоухающих приятными ароматами. В учении Лютера его особенно пленил тезис, согласно которому лучше иметь нескольких жен, чем впасть в грех прелюбодеяния. Впрочем, при жизни своего грозного тестя он остерегался применить усвоенный от лютеран принцип на практике. К 1539 году у Кристины не осталось ни отца, ни брата — никого, кто мог бы отомстить за ее поруганную честь. Правда, имелся еще дядя, но и он проникся учением Лютера. Филипп понял, что пришла пора воспользоваться брачной теорией, которая так пришлась ему по вкусу. Фавориткой его в это время числилась молоденькая фрейлина его сестры Маргарита фон дер Зааль, к которой он воспылал жаркой страстью.

9 декабря в Виттенберге встречали Буцера, который привез Лютеру послание от ландграфа. Прожив изрядную часть жизни совсем не так, как надо, сообщал тот, он осознал, что более не в силах сносить укоры совести, а потому жаждет сочетаться законным браком со своей любовницей, естественно, не расторгая ради морганатического свой предыдущий династический брак. Желая избежать возможных кривотолков относительно положения его новой жены, он хотел бы, чтобы церемония бракосочетания получила огласку. Помимо доводов нравственного порядка он приводил еще один, юридический, в котором явно звучала едва прикрытая угроза: если руководители Реформации не сочтут возможным удовлетворить его ходатайство, ему придется обратиться непосредственно к императору. Иными словами, он дал Лютеру ясно понять, что пойдет на нарушение политического альянса, в результате чего в проигрыше окажутся протестанты. Ни Лютер, ни Меланхтон не колебались ни одной секунды. Их заботило одно: как свести к минимуму скандал, который — они это предвидели — разнесется по всей Германии, стоит им одобрить решение Филиппа.

Уже на следующий день оба богослова совместными усилиями сочинили ответ ландграфу. Намек Филиппа Гессенского на возможное соглашение с императором привел их в трепет. Опасением проникнуты уже первые строки их письма, в котором авторы просят ландграфа хранить верность новой религии и не обращаться за помощью к императору. «Если Ваше Высочество, — говорится в ответном послании, — решились обзавестись второй супругой, мы полагаем, что этот брак должен остаться тайным». Что касается грядущего скандала, то Лютер с Меланхтоном выражали уверенность, что его размах не выйдет за рамки обычного: «Нет ведь ничего особенного в том, что князь содержит любовниц. В народе будут считать, что Маргарита — ваша содержанка, а люди просвещенные разберутся в сути дела и согласятся, что найденный компромисс куда лучше прелюбодеяния и беспорядочного разврата». В любом случае не стоит обращать внимания на пустые пересуды; главное — успокоить собственную совесть. В заключительных строках оба реформатора, не скрывая своей озабоченности политической обстановкой, игравшей ключевую роль в территориальном расширении их учения, обрушивают громы и молнии на императора, попирающего христианскую веру и сеющего смуту в Германии. Здесь же они воздают хвалу самому Филиппу, причисляя его к сонму «набожных и мудрых правителей», верных помощников Церкви. 4 марта 1540 года в замковой часовне Ротгенбурга на Фульде в присутствии Буцера, Меланхтона и посланца курфюрста

Саксонского Филипп Гессенский, именуемый также Великодушным, обвенчался с Маргаритой фон дер Зааль. Обряд совершил Дионис Меландер, бывший доминиканец, сам недавно женившийся в третий раз.

Бракосочетание, задуманное как тайное, оставалось таким весьма недолго. Первой голос протеста подала сестра Филиппа принцесса Елизавета фон Рохлиц, возмущенная мезальянсом брата. В то же время мать новобрачной, вне себя от счастья за дочку, сумевшую вознестись столь высоко, категорически не желала, чтобы Маргариту считали просто любовницей ландграфа, и охотно делилась секретом с каждым, кто проявлял к новости интерес, — а проявили его все без исключения придворные дамы. Очень скоро весть о второй женитьбе Филиппа распространилась по всему Виттенбергу. В знак благодарности Лютеру ландграф прислал ему бочонок доброго вина, и курьер, доставивший подарок, счел своим долгом на каждом углу восславить вторую жену своего хозяина.

Князья-протестанты перепутались не на шутку. По имперским законам двоеженство каралось смертной казнью независимо от происхождения провинившегося. Курфюрст Саксонский поспешил отмежеваться от оскандалившегося союзника, марбургские богословы, представлявшие в Гессене Реформацию, горячо порекомендовали Филиппу официально объявить, что Маргарита — всего лишь его любовница. Они приводили тот же аргумент, что Лютер с Меланхтоном: неважно, что непосвященные в тайну могут обвинить его в прелюбодеянии, главное, что перед собой совесть его будет чиста. Но ландграфа такой вариант совершенно не устраивал. Как раз совесть и не позволяла ему терпеть столь грубую ложь! Разве Бог не запрещает нам лгать? И неужели лучше послушаться Бога, чем людей? Чтобы позлить союзников, которые не отличались от него поведением, но предпочитали прятать свои пороки за личиной добродетели, он снова распустил слух, что намеревается вступить в сговор с императором, а то и с самим папой. Пока же, в доказательство того, что его второй брак одобрили Лютер и Меланхтон, он пригрозил опубликовать их письмо от 10 декабря.

В Виттенберге запаниковали. Наверное, даже весть о том, что мессу в замковой церкви приедет служить сам папа, не вызвала бы такого переполоха. Меланхтон слег в постель. Лютер, как обычно, засел за письменный стол, но вскоре обнаружил, что с каждой написанной строкой все больше запутывается в противоречиях. Так, курфюрсту Саксонскому он сообщил, что признание ландграфа, которым тот так бахвалится, получено им на исповеди, а потому он считал себя обязанным хранить его в тайне.

Советнику ландграфа он разъяснял, что, обратись Филипп к императору, ему придется рассказать, что он содержит любовницу, и снова зачем-то упоминал про тайну исповеди. Затем тон письма вдруг резко изменился, и в нем явно зазвучала угроза. Если Филипп опубликует компрометирующее письмо, уж он-то, Лютер, найдет способ оправдаться... Со своей стороны и Буцер раздавал всем заинтересованным в деле лицам советы аналогичного содержания. 8 июля он писал своему князю, что не только ветхозаветные мудрецы, но и Христос, и апостолы, и сам Господь Бог «внушали врагам ложные видения и ложные откровения».

15 июля ландграф созвал в Эйзенах советников Гессена и Саксонии и предложил Лютеру выступить перед ними и разъяснить ситуацию. Как обычно, Лютер проявил чудеса изворотливости. Оказывается, он дал ландграфу совет «морального свойства», оговорив, что все сказанное останется между ними. Филипп держал свое слово, вот и он, Лютер, старался блюсти условия договоренности. «Нет ничего дурного в том, чтобы во имя добра и во славу христианской Церкви пойти даже на крупную ложь». Далее он заявил, что, если его письмо получит огласку, он просто открестится от него, потому что иначе не избежать грандиозного скандала. 17 июля он повторил сказанное раньше: нужно все отрицать, ибо ложь, сотворенная из благих побуждений, прощается Богом. 24 июля он развил свою мысль в письме к Филиппу Гессенскому: «Почему Ваше Высочество так настойчиво не желает признать свою любовницу обыкновенной куртизанкой?» Далее следуют пояснения. В глазах всего мира она была и останется содержанкой, но для Лютера, Меланхтона и Буцера, а следовательно, и «перед Богом» она есть и будет «законная сожительница». 24-го он снова переходит к угрозам. Пусть Его Милость поостережется, потому что стоит ему, Лютеру, взяться за перо, как он сумеет выкарабкаться из любой неприятности.

Тут уже разозлился ландграф Гессенский. Всем известно, заявил он, что он взял себе вторую жену по совету Реформатора. И теперь его интересуется, является ли его брак законным с точки зрения имперского права? И законны ли браки, заключенные лютеранскими священниками и беглыми монахами? Ах, ему кивают на авторитет курфюрста Иоганна-Фридриха? Вот уж, действительно, образец добродетели, нечего сказать! А известно ли Лютеру, что во время Шпейерского рейхстага они с курфюрстом в доме ландграфа совершили содомский грех? То-то же!

Коротко говоря, в результате этого громкого скандала случилось то, чего не могли добиться князья-католики: Лютер насмерть перессорил между собой двух главных и наиболее могущественных сторонников

протестантизма. В довершение картины наконец очнулся герцог Генрих Саксонский, оскорбленный судьбой своей несчастной племянницы. Один из советников ландграфа, Ганс Ленинг — Меланхтон называл его «чудовищем телом и духом» — сочинил направленный против виттенбергских богословов памфлет, немедленно изданный Филиппом. У Лютера чесались руки написать ответ, однако курфюрст строго-настрого запретил ему раздвигать склоку дальше.

Увы, было слишком поздно. Страсти настолько накалились, что разрыв стал неминуем. Мстительный и трусоватый Филипп Гессенский решил-таки переметнуться на сторону императора. Он понимал, что ради политической выгоды и император, и папа, будь они хоть католики, хоть протестанты, охотно закроют глаза на любые проступки, попирающие мораль. В конце концов стороны пришли к следующему соглашению: Филипп оставляет возле себя Маргариту, однако официально супругой ландграфа она не считается; взамен он обязался не мешать императору в борьбе против Иоганна III, герцога Юлиха, перешедшего на сторону Реформации и аннексировавшего Гельдери и Зютфен. Нейтрализовав таким образом Шмалькальденский союз, Карл V спокойно довел до конца задуманную операцию и отвоевал у герцога захваченные земли.

Между противоборствующими кланами вновь установилось шаткое равновесие. Очередная проба сил состоялась на Регенсбургском рейхстаге, собравшемся в феврале 1541 года. Он получил название «промежуточного», поскольку результатом его явилось перемирие еще более хрупкое, чем все предыдущие. Один император, словно не желая признавать, что компромисс невозможен, пытался превратить эту встречу в инструмент религиозного примирения, да богословы обоих направлений тщетно силились разработать единый символ веры, который удовлетворил бы всех. По некоторым вопросам удалось не то чтобы достичь согласия, но хотя бы прийти к мнению, что отдельные формулировки могут толковаться неоднозначно. Карл V снова подписал договор с обеими сторонами, отложив окончательное решение проблемы на время до будущего собора. От протестантов теперь требовали немногого: прекратить грабить монастыри и отказаться от конфискации церковных земель. Князей-лютеран эта статья договора, разумеется, не устраивала, и они добились от императора разрешения на закрытие или преобразование в удобном им духе монастырей, расположенных на своих землях. Опять-таки, дабы не дразнить католическую партию, это важное добавление к договору Карл сделал уже после закрытия работы рейхстага. Император, как всегда, торопился на войну, на сей раз в Алжир, где противником его выступала

Османская империя.

Убедившись, что кошки не видно, мыши тотчас пустились в пляс. На севере в опасной изоляции оказался глава Нюрнбергского союза герцог Брауншвейг-Вольфенбуттель, «зажатый» с двух сторон своими кузенами — герцогами Люнебургским и Грубенхагенским, курфюрстами Бранденбургским и Саксонским и герцогом Мекленбургским. Он проявил оплошность, предоставив императору свое войско для войны с турками. Этим незамедлительно воспользовались

Филипп Гессенский и Иоганн-Фридрих Саксонский, которые вторглись на его земли, до последнего времени хранившие верность католичеству, и принялись силой насаждать Реформацию. Аналогичная судьба постигла Галле, где размещалась резиденция курфюрста Майнцского. Два следующих рейхстага — в Шпейере (1542) и Нюрнберге (1543) не смогли изменить ситуацию, скорее, они знаменовали собой начало очередного этапа на пути распространения по стране протестантизма. Когда скончался епископ Наумбургский, курфюрст Саксонский против воли капитула назначил на его место Николаса Амсдорфа, рукоположенного в сан самим Лютером. Вскоре к Реформации примкнул и курфюрст Пфальцкий Генрих фон Нейбург.

Воинственный дух князей-лютеран едва не привел к большим неприятностям. После двух лет царствования умер Генрих Саксонский. Он завещал государство сыну Морицу, воспитанному матерью-протестанткой, но равнодушному к религии. По-настоящему его интересовало только военное дело. Мориц вступил на престол в возрасте 20 лет, незадолго до того женившись на дочери Филиппа Гессенского Агнессе, по материнской линии приходившейся внучкой Георгу Бородатому. Как и подобает истинному евангелисту, он уже давно озирался вожделенным взором не только епископство Мейсенское, приютившееся на его землях, между Дрезденом и Лейпцигом, но и епископство Мерзебургское, расположенное в восьми лье от Лейпцига, на территории курфюршества Саксонского. Схожие мысли бродили и в голове курфюрста Иоганна-Фридриха, которому не хватало только удобного предлога, чтобы от грез перейти к действиям. Мориц оказался расторопнее. Едва вступив во владение герцогством, он отправил в Мерзебург своего младшего брата Августа, объявившего себя князем этих земель^[26]. Чтобы заставить кузена-курфюрста проглотить эту горькую пилюлю не морщась, Мориц сговорился с Лютером, и тот назначил епископом Мерзебургским князя Георга Ангальтского, исполнявшего обязанности каноника, ограничив его полномочия религиозными рамками. Зато Лютер лично, как и Амсдорфа,

рукоположил его в сан. Таким образом, провозглашенный им принцип разделения «горнего» и «земного» получил практическое воплощение. Сговор Лютера с князьями Дрездена и Ангальта сделал любой протест курфюрста бессмысленным.

Впрочем, довольно скоро он взял реванш. Это случилось, когда епископ Мейсенский — владелец последнего осколка бывшего церковного могущества на землях Саксонии, отныне превратившегося в вождленную добычу для соседей-хищников, зажавших его в тиски, попытался бросить вызов курфюрсту-еретику, отказавшемуся выплачивать церковный налог. Иоганн-Фридрих с войском вторгся в пределы епископства и захватил небольшой городок Вюрцен. Но и Мориц не дремал. Он привел к городским стенам свое войско и осадил Вюрцен. Война казалась неизбежной. Лютера эта весть привела в смятение. «То-то возрадуются паписты!» — с болью восклицал он и осыпал проклятиями тех самых аристократов, чьим знаменосцем был еще недавно и которые так жестоко обманули его надежды. «Да покарает и изничтожит Господь аристократов, в первую голову Мнения (фамилия Морица. — И. Г.), всю их породу, развращенную гордыней, распутством, бесстыдством, алчностью, ростовщичеством и безбожием!»

Он написал обоим князьям, но ни от одного не дождался ответа. Примирить своего соседа с зятем сумел Филипп Гессенский. Хищники просто поделили добычу. Иоганну-Фридриху досталась западная часть с городом Вюрценом, а Морицу — восточная, более значительная, с городом Мейсеном, его готическим собором и могилами саксонских князей. Захватчики не церемонились на завоеванных землях, грабя и опустошая церкви и монастыри, оскверняя святыни и изгоняя монахов. Виттенбергские реформаторы могли ликовать. Отныне во всей Саксонии не осталось ни одного католического епископства, ни одного католического монастыря.

Теперь они помышляли о том, как распространить свое могущество дальше, за Рейн. Казалось, все говорило в их пользу, однако сбыться их планам было не суждено. В 1541 году, том самом, когда состоялся «половинчатый» рейхстаг, придавший смелости князьям-протестантам и способствовавший падению последних саксонских епископств, примкнувший к лютеранам Германн фон Вид, архиепископ Кельнский и князь-курфюрст империи, призвал к себе Буцера и поручил ему заняться организацией новой Церкви на своих землях. В Виттенберге эта акция встретила восторженное одобрение. «Кельн, — писал Лютер герцогу Прусскому, — принял Евангелие». Кельн славился обилием монастырей,

из-за чего его часто называли новым Римом, и потому завоевание этого города обрело символическое значение. Но и ответная реакция оказалась весьма бурной. С яростным протестом выступили муниципальный совет и кафедральный капитул, резкое неодобрение продемонстрировало городское население. В противоборство с Буцером вступили самые знаменитые проповедники, в том числе иезуит Пьер Каниций. Лютеранам пришлось посылать на помощь Буцеру Меланхтона, который, впрочем, не отважился появляться в Кельне и предпочел остановиться в Бонне. Совместно с Буцером он сочинил труд под названием «Кельнская Реформация».

Мог ли курфюрст, лишившийся войска, рассчитывать на укрепление своей власти силами шмалькальденской группировки? Нет, об этом не могло уже идти и речи. Филипп Гессенский заключил с императором сделку, исключавшую любые его действия к западу от Гессенского княжества. Мориц Саксонский все теснее сходил с Карлом V, противником Иоганна-Фридриха. Из союза он вышел и теперь помогал императору бить французов, снискав на полях сражений громкую воинскую славу.

18 сентября 1544 года в Крепи Карл V и Франциск I подписали мир, по условиям которого король Франции отказался от всех прав на итальянские, испанские и немецкие земли и обязался в союзе с императором выступить против турок. Теперь Карл V освободился и мог вплотную заняться внутренними проблемами империи. Прибыв в Кельн, он сделал строгое внушение Германну, но на большее не осмелился, поскольку перебежчик все еще носил официальный титул архиепископа, а в глазах остальных князей оставался курфюрстом. 9 октября 1545 года городской совет и капитул обратились с ходатайством в Рим, но прошло долгих полгода, прежде чем папа Павел III, дипломат и противник скорых решений, сказал свое слово. Лишь 16 апреля 1546 года вышел указ о низложении Германа фон Вида и его отлучении от Церкви. На его место назначили ревностного католика Адольфа фон Шаумбурга. Кельн остался в лоне католической Церкви. Кельнские викарные епископаты Мюнстер, Оснабрюк и Мюнден последовали примеру метрополии. Лютер этой победы папизма уже не увидел: он скончался двумя месяцами раньше.

Зато он успел насладиться падением Генриха Брауншвейгского. Низложенный герцог с отчаянием наблюдал, как его бывшие владения превращаются в арену грабежей, разбоя и притеснений. Он предпринял попытку отвоевать их, принял бой от объединенного войска Филиппа и Иоганна-Фридриха, потерпел поражение и сам попал в плен. Ландграф, в первый и, пожалуй, последний раз в жизни оправдав свое прозвище

Великодушного, потребовал освобождения побежденного соперника, но тут в дело вмешался Лютер. Просить свободы для «этого злодея и опасного прислужника римского идола» означало, по его мнению, посягать на Евангелие и волю Господню, которая столь «ярко проявилась в этой войне, вдохновляемой ангелами».

Совещание в Регенсбурге, состоявшееся в январе 1547 года, стало еще одним актом пустого кривлянья, показав сторонникам сохранения мира, что они только зря теряют время. Германию уже сотрясал грохот солдатских сапог, оба противоборствующих лагеря вовсю ковали мечи, а богословы, исчерпав последнюю надежду добиться взаимных уступок, теперь только анафематствовали в адрес друг друга. Власть предрешающие забыли о религии и думали лишь о пушках. Католическую партию спасли в это время два человека, прежде объединившиеся для войны с французами. Это были Карл V и Мориц Саксонский, заключившие между собой пакт. Мориц затаил на союзников лютую злобу за то, что они расширили свои владения за счет Генриха Брауншвейгского. С одной стороны, Филипп Гессенский приходился ему тестем, но с другой — он подверг публичному унижению его тещу, к тому же дочь его дяди Георга. Мориц питал большое уважение к Георгу и охотно принимал на службу по его рекомендации советников-католиков и даже канцлера. С Иоганном-Фридрихом они и вовсе были кузенами, однако им явно стало тесно вдвоем в одной Саксонии. Слишком прочно засело в памяти воспоминание о Вюрцене, и все эти пять лет Мориц только выжидал, когда подвернется случай захватить город. Условия пакта не отличались сложностью: герцог Саксонский присягнул служить императору и обязался выступить против Шмалькальденского союза. В случае победы ему доставалась вся Саксония и титул курфюрста в придачу. 31 марта умер Франциск I. Это означало, что бдительность на французской границе можно было слегка ослабить. Карл и Мориц вместе радовались счастливой вести.

Первыми перешли в наступление протестанты, чью армию возглавил Себастьян Шартлин. Император, расценивший эту акцию как мятеж, объявил обоих князей-зачинщиков вне закона. Протестантские войска разбили баварцев и заняли город Фюссен, открыв себе путь в тирольские земли. Отсюда они двинулись на Тренто, где наконец-то открылся Вселенский собор. Одна мысль о том, что папа вот-вот окажется в их руках и они смогут делать с папистами все, что захотят, пьянила их. И в это время к курфюрсту Саксонскому прибыл гонец с сообщением, что в его земли вторгся герцог Мориц. Иоганн-Фридрих, а вслед за ним и Филипп Гессенский дружно решили, что игра зашла слишком далеко, а жертвовать

собственными землями никак не входило в их планы. Подоспевшая имперская армия под командованием Карла V отбила Ульм, Аугсбург, Франкфурт, Гейльбронн. Герцог Вюртембергский разом утратил воинственный дух и вышел из союза, уведя с собой и войско. Карл V овладел Южной Германией, и армия протестантов откатилась к северу, где соединилась с войском Филиппа Гессенского. Император, изрядно постаревший за 30 лет непрерывных войн, передал командование герцогу Альбе, успевшему прославиться в Фонтарабии и Тунисе. Альба повел дело весьма умело и сумел соединиться с полками Морица Саксонского, взявшими к этому времени Галле. Шмалькальденцев вытеснили в долину Эльбы, к югу от Торгау. Решающее сражение разыгралось 24 апреля 1547 года близ Мюльберга, на границе обеих Саксоний. Шмалькальденское войско было разбито наголову и в панике бежало. Филипп Гессенский сложил оружие, Иоганна-Фридриха взяли в плен. Мориц получил обещанное — титул курфюрста и земли побежденного врага. Амсдорфа из Наумбурга изгнали, и сюда вернулся епископ Иоганн фон Пфлюг. Генриха Брауншвейгского освободили из заточения и вернули ему все владения.

Уже на следующий после битвы день жители Виттенберга, этой цитадели Реформации, с горечью наблюдали за вступлением в их город императора-католика. «Сир, — обратился к нему герцог Альба, — я полагаю, что теперь нам должно извлечь из земли прах ересиарха и предать его огню». «Я воюю с живыми, — отвечал ему Карл, — но не тревожу покоя мертвых».

7.

РАСКОЛ ХРИСТИАНСТВА

Параллельно с Германией распространение протестантизма шло и в Северной и Центральной Европе. Одним из первых активный интерес к учению Лютера проявил князь-епископ Бреслау Иоганн V. В 1523 году герцог Лигница Фридрих II, силезский вассал короля Чехии, призвал к себе лютеран, способствуя проникновению Реформации на территорию Силезии. В 1526 году герцог Прусский Альбрехт I поручил группе проповедников заняться организацией новой Церкви на своих землях. Он ввел отправление литании на польском языке и потребовал от всех своих подданных исполнения Аугсбургского вероисповедания. Одновременно некоторое число польских аристократов вопреки воле короля Сигизмунда склонились к Реформации и начали внедрять новое вероучение в своих поместьях.

В скандинавских странах религиозные перемены совершались на волне политических столкновений, сотрясавших побережье Балтики. Христиан II, король Дании, Норвегии и Швеции, зять Карла V, женатый на его сестре Изабелле, поссорился со своими епископами и серьезно подумывал о переходе под крыло Реформации. Этим планом он поделился с Меланхтоном, который направил к нему одного из своих учеников, Мартина Райнхарда. Обращение населения в новую веру пошло далеко не так гладко, как предполагалось, и сопровождалось жестокими репрессиями против особенно строптивых монахов. Не менее печальная судьба ожидала и архиепископа Лунда, примаса Скандинавии, посмеявшегося возмутиться кровавыми методами новых проповедников. Против Христиана II дружно выступило дворянство, добившееся его низложения. Тогда на престол вступил его дядя Фридрих Гольштейнский, тоже лютеранин. Не желая пугать подданных сверх меры, Фридрих I принес в день коронации клятву поддерживать католичество и бороться с ересью, что не помешало ему в 1527 году протащить на рейхстаге в Оденсе указ, уравнивший в правах обе конфессии.

Это был лишь один эпизод в истории становления государственной религии. Король получил право назначать епископов и принялся раздавать церковное имущество тем, кто перешел в лютеранство. Еще более действенные меры принял его сын и наследник Христиан III (1534—1559), друживший с Лютером. Начал он с того, что посадил в тюрьму всех

епископов, а выпустил оттуда только тех, кто соглашался принять новую веру, навязанную государем. Об эффективности этого метода говорит тот факт, что участвовать в сделке отказался один-единственный епископ, так и окончивший свои дни в темнице. Устанавливать новую церковную иерархию прибыл Бугенхаген, лично рукоположивший в сан семерых священников-лютеран. Он же сформировал новый епископский корпус. Полная смена кадров произошла и в Копенгагенском университете. Сохранившие верность Церкви священники были лишены сана, а светская профессура подверглась ущемлению в правах вплоть до лишения права наследования.

Аналогичным образом развивались события и в других странах Скандинавии. Избранный королем Швеции в 1523 году национальный герой Густав Ваза всенародно объявил себя лютеранином, осуществил конфискацию церковных земель, назначил архиепископом Упсалы бывшего виттенбергского студента Лаврентия Петерсена и, наконец, провозгласил лютеранство государственной религией. В Норвегии пятеро священников были лишены сана и заменены послушными королевскими чиновниками. В Исландии епископ Холарский Ганс Арезен попытался сопротивляться, но добился только того, что его заключили под стражу и вскоре казнили.

В Англии переход к Реформации совершался скачкообразно, что и обусловило особый драматизм разыгравшихся здесь событий. Парадоксальным образом он во многом осуществился благодаря Генриху VIII — тому самому королю, которого за деятельность в защиту Церкви и борьбу против Лютера удостоили почетного звания радетеля католической веры. В 1514 году из рук папы Льва X он получил шапочку доктора богословия; в 1520-м издал указ о неукоснительном исполнении на всей территории своего королевства папской буллы об отлучении Лютера. Но, как и многие другие участники этой религиозной драмы, он оставался покорным сыном Церкви лишь до тех пор, пока не затрагивались его личные интересы.

В 1527 году Генрих VIII направил в Рим ходатайство с просьбой о признании недействительным его брака с Екатериной Арагонской, дочерью Фердинанда Католика, приходившейся Карлу V теткой. Подвигли его на этот шаг сразу две причины: династическая — за 18 лет совместной жизни Екатерина так и не смогла одарить супруга наследником мужского пола; и личная — король воспылал страстными чувствами к молоденькой фрейлине королевы Анне Болейн. Анна соглашалась ответить королю взаимностью, но... исключительно в форме законного брака. Разумеется, обращаясь в Рим, король даже не заикался ни об одном из истинных

мотивов своей просьбы и предпочел воспользоваться как предлогом тем фактом, что первым браком Екатерина была замужем за старшим братом Генриха принцем Артуром, который умер юным, так и не успев воспользоваться супружеским правом. Между тем законом Моисея, утверждал просвещенный король, запрещается жениться на свояченице (Книга Левит, XVIII, 16).

Генрих выбрал плохую тактику. С одной стороны, в глазах Церкви законы Моисея не имели никакого веса (разумеется, кроме случаев, когда они совпадали с евангельскими законами). С другой — этому завету из Книги Левит, упомянутому в довольно-таки неясном контексте, противоречит другой завет, приведенный во Второзаконии (XXV, 5). Здесь прямо говорится, что если муж умирает, не оставив наследника, его брат обязан жениться на вдове и обеспечить ее потомством. Вдобавок ко всему первый брак Екатерины остался формальным, поэтому считать недействительным следовало скорее его. Наконец, накануне женитьбы второго сына Генриха VII папа Юлий II выдал тогдашнему королю оформленное по всем правилам разрешение, которое заранее исключало возникновение в будущем любых неясностей.

Приняв у себя и внимательно выслушав многочисленных эмиссаров короля, Климент VII направил в Лондон кардинала Кампеджо, якобы для изучения обстоятельств дела. Папа не сомневался, что окончательный ответ будет неблагоприятным для Генриха, однако намеренно тянул время, стараясь избежать нежелательных политических и религиозных последствий своего отказа. Своему посланцу он дал задание вести разбирательство как можно медленнее, надеясь, что за это время любовь короля пройдет сама собой. Но канцлер Англии кардинал Уолси, всей душой поддерживавший сердечные увлечения короля и к тому же в гораздо большей степени чувствовавший себя придворным, нежели слугой Церкви, недвусмысленно дал понять кардиналу Кампеджо: если брак с Екатериной не будет признан недействительным, Англия пойдет на раскол с римско-католической Церковью. Очевидно, что Генрих VIII уже продумал стратегию поведения с Римом, а придворные льстецы считали своим долгом поддерживать его в избранном направлении.

Папский легат прибыл в Лондон в октябре 1528 года. Несмотря ни на что ему удалось договориться о переносе слушания дела на май 1529 года. Первым делом он попытался уговорить впавшую в немилость королеву мирно уйти в монастырь, однако Екатерина с негодованием отвергла это предложение. Мало того, она потребовала подтверждения законности своего брака. Не ослаблял давления на легата и король. Не находя выхода

из создавшегося тупика, папский эмиссар 23 июля отбыл в Рим, якобы на каникулы, так и не вынеся никакого конкретного решения. Королева воспользовалась отсрочкой и отправила в Рим собственное прошение. Груз ответственности целиком лег на плечи папы.

Между тем король почему-то решил, что главный виновник его неудачи — кардинал Уолси. Он заменил его светским гуманистом Томасом Мором, а незадачливого помощника запер в Тауэр, где тот и умер. «Если бы я служил Богу с таким же рвением, с каким служил королю, — говорил Уолси перед смертью, — он не отвернулся бы от меня на закате моих дней». Генрих VIII продолжал с упорством искать хоть какой-нибудь поддержки и вскоре ее получил. Университеты Кембриджа, Оксфорда и Парижа объявили недействительным разрешение на брак, выданное папой Юлием II, и как следствие незаконным союз Генриха с Екатериной. В Риме по-прежнему не говорили ни да ни нет, — по упомянутым выше причинам. Наконец, испугавшись, как бы в Лондоне не; наломали дров, в январе 1531 года Климент VII подписал два бреве. В первом он запрещал Генриху VIII вступать в брак с Анной Болейн до принятия Римом официального решения, грозя в случае неповиновения признать детей от этого брака незаконнорожденными; во втором требовал, чтобы король оставил Анну Болейн, с которой сожительствовал, и вернулся к Екатерине.

Папа готовился к тому, что реакция на его указы будет бурной, но того, что случилось в действительности, он не мог себе и вообразить. Воспользовавшись юридическими зацепками, Генрих конфисковал все церковные земли, расположенные на территории королевства, а затем предложил духовенству выкупить их, уплатив штраф в размере 100 тысяч ливров. При этом они должны были присягнуть королю Английскому, признав в нем «главного защитника, единственного и высшего владыку, главу Церкви и английского духовенства, в соответствии с христианским законом». Король предполагал, что поставленные перед выбором — сохранить верность Риму или вернуть себе источник доходов — епископы предпочтут второе. И он не ошибся. 11 февраля 1531 года епископы проголосовали за принятие изданных королем «Статей».

Одновременно Генрих VIII, больше озабоченный своей репутацией в народе, чем угрызениями совести, поручил лютеранину Роберту Барнесу, скрывавшемуся в Виттенберге, проконсультироваться с руководством Реформации. В этом его поступке странным образом переплелись и низкая трусость, и редкая отвага — ведь Генрих публично осудил учение Лютера, объявил незаконной его женитьбу, отзывался о нем в самых оскорбительных выражениях и яростно преследовал его сторонников. В

августе 1531 года король получил первый ответ — от Меланхтона. Тот рекомендовал королю взять Анну Болейн в качестве второй жены и не волноваться из-за такого пустяка, как двоеженство. Лютер раздумывал дольше и только 3 сентября наконец отправил монарху свое «мнение». Брак, заключенный королем, говорилось в этом послании, является законным и нерушимым, а потому о разводе нечего и думать. «Я скорее позволю королю добавить к первой жене еще одну, — продолжал Реформатор, — и стать, по примеру ветхозаветных царей и патриархов, супругом двух жен и господином двух королев сразу». Такой же выход из положения он позже предложит и Филиппу Гессенскому. Правда, на сей раз он даже не думал о том, чтобы принять какие-то меры предосторожности, поскольку понимал, что имеет дело с абсолютным главой суверенного государства, который может по своей прихоти менять законы королевства. Король Англии — не германский ландграф, вынужденный действовать с оглядкой на императора.

Ответ реформаторов не удовлетворил Генриха. Он не желал ни оставаться мужем Екатерины, ни Прослыть двоеженцем. Рим по-прежнему хранил молчание. В марте 1532 года Генрих провел через парламент закон об отмене аннатов — пошлины, которую английское духовенство платило папе, — и заменил их налогом в пользу короны. В мае 1532 года пришла очередь «Уложений о покорности духовенства», в соответствии с которыми Церкви предписывалось признать короля единственным авторитетом в области религиозного законодательства. Против последней откровенно узурпаторской выходки подали голос всего три человека — Вильям Ворхэм, архиепископ Кентерберийский и примас Англии, категорически несогласный с попранием прав королевы и тремя годами раньше отказавшийся занять пост канцлера, предложенный ему Генрихом в виде взятки, а также Джон Фишер, епископ Рочестерский, и Томас Мор, вышедший в отставку.

Настал 1533 год. Анна Болейн ждала ребенка, и Генрих VIII тайно обвенчался с ней. Незадолго до этого умер Ворхэм — и король вздохнул с облегчением. Теперь он подыскивал на место примаса человека с гибкой совестью, послушного проводника своей политики. Его выбор пал на Томаса Крэнмера. Крэнмер получил сан в 1520 году, но в дальнейшем проникся лютеранскими идеями. В 1530 году, то есть еще до того, как стало известно мнение по этому вопросу Лютера, он уже высказывался за признание первого брака короля недействительным. Стоит ли говорить, что в глазах короля он выглядел как раз тем человеком, который был ему нужен. Отправившись с поручением в Рим, Крэнмер сумел ловко скрыть от

папы свои истинные убеждения, затем побывал в Германии, где вошел в контакт с протестантами и заодно женился на сестре Озиандера, хотя до того уже успел обзавестись женой в Англии. Как видим, ему не требовалось советов богословов, чтобы стать двоеженцем!

По возвращении в Англию Крэнмер и словом не обмолвился о своих личных делах королю, который на дух не выносил женатых священников. Принимая посвящение в сан, он принес торжественную клятву хранить верность Святому Престолу. Генрих ненавидел протестантов, и его разлад с Римом ничего не менял в его приверженности католицизму. И Крэнмер, при всей своей враждебности к католикам, как ни в чем не бывало служил мессу по римскому обряду и рукополагал священников по обычным церковным правилам. «Вот таков он был, — писал Боссюэ, — с головы до ног лютеранин, женатый человек, скрывающий факт своей женитьбы, архиепископ, рукоположенный папой римским, покорный папе, власть которого он ненавидел всем сердцем, служивший мессу, в смысл которой не верил, и допускавший к свершению божественной службы других».

23 мая 1533 года Томас Крэнмер провозгласил брак Генриха VIII и Екатерины Арагонской недействительным. Пять дней спустя он узаконил тайное бракосочетание Генриха с Анной Болейн; еще через три дня короновал новую королеву. Климент VII отреагировал только через полтора месяца: 11 июля он отлучил от Церкви Генриха, Анну и Томаса Крэнмера, объявив новый брак не имеющим законной силы. Король ответил мерами, способствовавшими углублению разрыва с Римом: принял ряд законов, дающих ему право лично назначать епископов, отменил выплату налогов Святому Престолу и запретил епископам издавать какие бы то ни было указы без его позволения. 23 марта 1534 года в Палате лордов состоялось голосование «Акта наследования». Наследницей престола объявили маленькую дочь Генриха и Анны Болейн Елизавету. 19-летняя Мария Тюдор, дочь Генриха и Екатерины Арагонской, была отстранена от власти. В тот же самый день всем членам парламента, как духовного, так и светского звания, пришлось принести присягу королю как главе Английской Церкви. Одни из страха, другие из корыстных побуждений (отказ присягать означал лишение бенефиций), но почти все парламентарии послушно исполнили волю короля.

Генрих VIII даже не ожидал, что так легко добьется всеобщей покорности, а потому, уже не сдерживаясь, пустился во все тяжкие. Проводить политику устрашения и тирании ему помогал Томас Кромвель, которого он пожаловал титулом графа Эссекского и назначил канцлером и заместителем главы Английской Церкви. Приносить присягу отказались

францисканцы строгого устава — их монастыри немедленно закрыли, а 50 монахов бросили за решетку, где те и скончались. Смертная казнь настигла также троих настоятелей картезианских монастырей, одного бриджитинца и одного мирского священника, которые осмелились подать голос против всевластия Генриха. Затем настал черед Фишера и экс-канцлера Томаса Мора.. Последний, по словам англиканского священника Барнета, душой и телом был предан Генриху VIII, а «своими душевными качествами и знаниями составлял честь Англии». И того и другого католическая Церковь впоследствии канонизировала.

Наконец, несмотря на рабское угодничество монастырского духовенства, с 1535 по 1536 год государство конфисковало в свою пользу все 800 английских монастырей. По всей стране прокатилась та же волна грабежей, что десятилетием раньше обрушилась на Германию: налетчики растаскивали из храмов мебель, рушили часовни, тащили на продажу священные сосуды. Священники, монахи и монахини, в одночасье лишившиеся крова, голодными толпами бродили по городам в поисках хоть какой-нибудь работы. Зато дворянам жаловаться не приходилось — в надежде снискать себе популярность среди знати король осыпал их щедрыми подарками. Одному только герцогу Сеффолку перепало 30 монастырей.

Вскоре в графстве Линкольн вспыхнули беспорядки. 40-тысячная армия обездоленных, которыми командовали 800 священников и монахов, потребовала возвращения монастырей исконным хозяевам, а заодно отставки Крэнмера и Кромвеля. Герцог Сеффолк нанес повстанцам сокрушительное поражение. Сразу после этого начались казни и репрессии. Еще одна армия недовольных сумела завладеть Йорком. На этот раз восставшие требовали отмены дискриминационных мер против католической Церкви. Король лично принял их делегатов и, не скупясь на посулы, затянул с ними долгие переговоры, дав возможность герцогу Норфолку подтянуть к городу войска и разбить мятежников наголову. Снова последовала жестокая расправа. Между тем любвеобильное сердце короля выкинуло очередной трюк, в результате чего вопрос о наследнике престола снова оказался актуальным. Генриха пленила камеристка королевы Джейн Сеймур. Поскольку после рождения Елизаветы Анна одарила супруга только одним мертворожденным сыном, ничего хорошего он от нее больше не ждал. Закончилась эта история печально. В 1536 году Генрих выдвинул против королевы обвинение в супружеской измене и кровосмесительстве и приговорил ее к смертной казни. Брак опять объявили недействительным, а дочь Елизавету — лишенной права на

наследование. Крэнмер, сделавший благодаря Анне головокружительную карьеру, приложил к ее гибели не меньше усердия, чем когда-то к свержению Екатерины. Генрих обвенчался с Джейн, которая через год умерла при родах, произведя на свет сына, будущего короля Эдуарда VI.

Генрих оставался ревностным католиком. При всем при этом ересь вызывала в нем глубокое отвращение, и он весьма дорожил своим званием радетеля католической веры, дарованным ему тем самым папой, с которым теперь он порвал всякие отношения. Между тем существовало сразу два мощных источника влияния, вдохновители которых пытались склонить Генриха VIII к Реформации. Первый, достаточно скромный, представляли английские единомышленники Лютера и Цвингли; второй, гораздо более внушительный, — те князья-протестанты, союз с которыми сулил для Генриха немалые выгоды. Взамен они ожидали от короля Англии определенных религиозных уступок.

В 1535 году Генрих VIII направил в Эрфурт трех эмиссаров, поручив им договориться о политическом союзе с князьями-протестантами. Последние не скрывали, что такой союз возможен, однако Генриху придется оказать им поддержку в борьбе за новую религию. В апреле 1536 года на свет явился «Символ веры англиканской Церкви» — своего рода гибрид, в котором переплелись положения Аугсбургского вероисповедания и догматы, защищаемые английскими католиками — так называемыми генрицистами, которых возглавлял епископ Винчестерский Гардинер. Но после кровавых событий 1536—1537 годов, убедившись в мощи католической партии и опасаясь еще более бурных проявлений недовольства, король созвал богословскую ассамблею, приказав ее участникам внести в «Символ веры» поправки в духе усиления ортодоксии. Исправления зашли довольно далеко, были признаны семь таинств, необходимость добрых дел и молитвы за упокой душ усопших — то есть именно те три пункта, которые категорически отвергал Лютер. Вдобавок ко всему Генрих VIII издал несколько ордонансов, изобличающих ересь.

Несмотря на настойчивость Кромвеля, который в 1538 году сделал ставку на трудности взаимоотношений короля Англии и императора Германии и даже пригласил к себе нескольких богословов-лютеран, чтобы с их помощью внести очередные поправки в «Символ веры», решающее влияние оставалось все-таки за генрицистами. В мае 1539 года парламент по указке короля проголосовал за закон «О шести статьях», который протестанты окрестили «плеткой о шести концах». Этот документ носил ярко выраженную антилютеранскую направленность, подтверждал догмат о пресуществлении освящаемых даров в таинстве евхаристии, настаивал на

безбрачии священников, признавал нерушимость монашеских обетов, разрешал службу закрытой мессы, восстанавливал в правах устную исповедь. Всех, кто смел протестовать против первого пункта, ждал костер, недовольным остальными статьями грозила конфискация имущества. Два епископа, известные своими лютеранскими убеждениями, действительно поплатились за них свободой. Кромвель смирился и, наступив на горло собственной песне, приступил к исполнению «Статей». Одновременно он подготовил один весьма ловкий маневр. После смерти Джейн Сеймур Генрих VIII вдовствовал, и верный помощник уговорил своего короля жениться на герцогине Анне Клевской, немецкой принцессе и протестантке. Для пущей убедительности он доставил Генриху самый льстивый из портретов Анны, принадлежавший кисти Гольбейна. Но когда принцесса прибыла в Лондон, король испытал горчайшее разочарование, ибо оригинал не обладал ни одним из тех достоинств, которые могут заставить мужчину потерять голову от любви. Тем не менее 6 января 1540 года он женился на Анне Клевской, чтобы полгода спустя добиться от Крэнмера признания недействительным и этого брака!

Всю мощь своего гнева король обрушил на посредника, устроившего этот союз. Кстати обнаружилось (странно, что так поздно!), что все это время Кромвель втихомолку занимался пропагандой лютеранских идей. Кромвелю немедленно вынесли смертный приговор, а вместе с ним казнили еще трех лютеранских проповедников и — для справедливости — трех католических священников, несогласных с всевластием короля в вопросах религии. Заодно прихватили и графиню Солсбери, которой исполнилось 80 лет и единственное преступление которой заключалось в том, что она была матерью кардинала Поула.

Удачным для себя моментом не замедлил воспользоваться ярый враг Кромвеля англокатолик герцог Норфолк, «подсунувший» королю свою 20-летнюю племянницу, красавицу Екатерину Говард. Генрих не устоял перед ее чарами, и вскоре состоялась свадьба. В августе 1541 года Екатерину провозгласили королевой. Но и Крэнмер не дремал. Убедив короля, что его молодая жена завела себе сразу нескольких любовников, он добился для королевы вынесения смертного приговора. 16 января 1542 года свершилась казнь. Теперь матримониальную карту взялась разыграть с Генрихом протестантская партия. Королю представили Екатерину Парр, к этому времени уже дважды вдову, не питавшую ни малейшей склонности связывать свою судьбу с ожиревшим к старости кровожадным тираном. Однако лютеранское окружение Екатерины сумело внушить ей, что таков ее долг, и в июле 1543 года ее и Генриха обвенчали. Увы, вопреки

ожиданиям своих друзей-лютеран новая королева не имела на короля ни малейшего влияния. Король хранил нерушимую преданность католичеству. Весьма осторожная в первые годы брака, Екатерина постепенно осмелела и позволила себе в частной беседе высказать ряд идей, которые ее супруг счел несовместимыми с истинной верой. Печальная участь королевы, казалось, была предрешена, и спасла ее только кончина самого Генриха, последовавшая 28 января 1547 года.

Лютера не стало еще раньше, так что торжества Реформации в Англии ему увидеть уже не довелось. Когда Англия порвала с Римом, он всей душой надеялся, что она последует примеру скандинавских стран и объявит протестантизм государственной религией. Виттенбергские богословы торопили князей-протестантов вступить в союз с Генрихом VIII против Карла V, рассчитывая, что Крэнмер сумеет заняться распространением лютеранства на всей территории королевства. Меланхтон посвятил Генриху один из своих богословских трактатов, за что получил неплохой гонорар в 500 золотых монет. «А нам заплатили всего пятьдесят!» — возмущалась по этому поводу Катарина фон Бора.

Смуту 1535 года, в результате которой Томас Мор и епископ Фишер отправились на эшафот, в Виттенберге встретили громом рукоплесканий. Расправу с неугодными здесь сочли справедливой: ведь король покарал нечестивцев, осмелившихся бунтовать против государственной власти. «Гнев законен (под «гневом» подразумевалась кровавая баня, устроенная католикам. — И. Г.), — писал Лютер Меланхтону, — если он обращен против изменников, воров, убийц и воплощенных бесов, какими являются кардиналы и папа с его легатами. Какая жалость, что в мире всего один король Английский, способный их всех известить!» Но он резко сменил тон, когда очередь идти на костер дошла до лютеран. Тут уж Генрих VIII превратился в мерзавца и развратника. Меланхтон открыто молился о смерти короля. «Нет для Бога лучшей жертвы, — восклицал он, — чем голова тирана! Да внушит Господь эту мысль хоть кому-нибудь из отважных людей!»

Тем не менее именно Генрих VIII, столь рьяно оборонявший свое королевство от нашествия протестантизма при жизни, сам же и подготовил его приход после своей смерти. Его сыну Эдуарду VI едва исполнилось 9 лет, и, разумеется, никакой осмысленной религиозной политики он проводить еще не мог. Напротив, Крэнмер только и ждал своего часа, чтобы с помощью двух регентов — герцога Соммерсета, дяди юного короля, и герцога Нортумберленда — приступить к осуществлению своих планов. Лютеранская партия живо подняла голову. Таившиеся до поры или

освобожденные из тюрем проповедники ринулись учить народ новому Евангелию, а парламент отменил изданные покойным королем ордонансы. Католицизм вновь восторжествовал при Марии Тюдор — «кровавой королеве», унаследовавшей престол после брата Эдуарда и снискавшей всеобщую ненависть за совершенно дикую жестокость. После нее наступило царствование дочери Анны Болейн Елизаветы, восстановившей национальную Церковь Англии, в которой места католическому учению уже не оставалось вовсе.

Во Франции почву для успешного укоренения Реформации подготовил Жак Лефевр д'Этабль, критиковавший пришедшую в упадок схоластику и обличавший безнравственное поведение духовенства. Именно он провозгласил, что единственным средством борьбы против двух этих зол может стать возврат к Священному Писанию. Франциск Ассизский еще тремя столетиями раньше говорил в точности то же самое, только настаивая на необходимости дополнять слова смирением, бедностью и милосердием. Жак Лефевр, изучивший между делом сочинения Лютера, особенно воодушевился идеей о спасении одной верой в Христа-Искупителя. Сорбонна, осудившая в 1521 году около сотни тезисов, извлеченных из трудов Лютера, наложила на учение Лефевра запрет. Парижский парламент одобрил это решение и вскоре после того, как Рим отлучил Лютера от Церкви, издал эдикт, запрещающий издание религиозной литературы без цензуры богословского факультета. Переводчик произведений Лютера и Гуттена на французский язык Луи де Беркен поплатился за свою творческую деятельность жизнью. В 1528 году в Бурже состоялся собор, осудивший учение Лютера и подтвердивший католическую точку зрения по всем спорным вопросам.

В это же время стараниями проповедников Гийома Фареля, Пьера Вире и Антуана Фромана идеи реформаторов перекинулись из Берна во Французскую Швейцарию, а оттуда — в Бургундию и долину Роны. Женева заключила с Берном и Фрайбургом политический альянс, участников которого стали называть конфедератами, по-немецки Eidgenossen. Во Франции это немецкое слово переиначили на свой лад, отсюда пошел термин «гугеноты». Гугенотами именовали приверженцев учения, пришедшего из Швейцарии. Новые идеи захватили Жана Ковена, который на латинский манер называл себя Кальвием, а впоследствии стал известен как Кальвин. Особенно привлекло его учение о спасении одной верой. Впервые он заставил заговорить о себе в 1533 году, когда подготовил для вновь избранного ректора Парижского университета Николя Копа

вступительную речь, которую последний и зачитал к великому возмущению аудитории. 18 октября 1534 года в Париже и многих городах провинции появились на стенах афиши антикатолического содержания. 29 января следующего года вышел королевский эдикт, направленный против еретиков. Коп бежал в Базель, а Кальвин предпочел кочевать из города в город, объехав таким образом Страсбург, Базель, Феррару и Лион. Наконец он прибыл в Женеву, где провел два года, затем еще на три года был выслан, но с 1541 года окончательно обосновался в этом городе и занялся организацией местной Церкви, которая стала известна не только во всей Швейцарии, но и во Франции, Нидерландах, Шотландии и Венгрии.

Вопреки надеждам, которые в Виттенберге возлагали на Франциска I, он так и не влился в ряды Реформации. Его альянс с немецкими князьями носил чисто политический, но ни в коем случае не религиозный характер, и воевал он с Карлом V, а отнюдь не с католической Церковью. Демонстрируя политическим руководителям шмалькальденской группировки самое дружеское расположение (то же самое он, впрочем, делал и по отношению к Сулейману — еще одному союзнику Франции по борьбе с императором), он пылал яркой ненавистью к любым проявлениям ереси, ощущая за спиной поддержку всей религиозной и интеллектуальной верхушки французского общества. Согласно королевским ордонам от 1540 и 1542 годов, балыи^[27] и прокуроры на всей территории страны получили право привлекать к королевскому суду лиц, заподозренных в отходе от истинного учения.

В 1545 году члены секты водуан из Дофине и Прованса, примкнувшие к Реформации и увлекавшиеся иконоборчеством, допустили ряд явных перегибов. Король обрушил на них мощь армии, предавшей их земли мечу и огню. За несколько недель солдаты награбили и разрушили больше, чем еретики за 10 лет. Несколько месяцев спустя после смерти Лютера в городе Мо отправили на костер 14 протестантов, обвинив их в извращении таинства причащения.

Со смертью Франциска I, последовавшей 31 марта 1547 года, репрессии не кончились. Его сын Генрих II продолжил их с еще большей энергией. Скандальная связь короля с Дианой де Пуатье, известная всей Франции, заставила советника Анна дю Бура взять на заседании парламента слово и во всеуслышание сказать то, о чем остальные только шептались: «Справедливо ли осуждать людей, которые идут на костер с именем Иисуса Христа на устах? Справедливо ли карать их, как не карают даже прелюбодеи?» Смелость дорого обошлась дю Буру — он и сам отправился вслед за теми, чью жизнь пытался защитить.

Поначалу Кальвин отнесся к Лютеру с горячим восхищением. Даже самые грубые выходки последнего казались ему «святым упрямством», «святым бахвальством», «святым чванством». Позже он объявил Лютера «новым папой», что отнюдь не равнялось комплименту. «Раздражительность Лютера, — писал он Буллингеру, — совершенно невыносима. Самолюбие не позволяет ему признаваться в своих недостатках, и он терпеть не может, когда ему противоречат». А вот что он писал Меланхтону: «Каким приступам гнева подвержен ваш Перикл! Признаюсь, мы многим обязаны ему, и я только радовался бы росту его авторитета, если б он научился владеть собой... Плохо дело, когда одному человеку позволено больше, чем всем остальным, особенно плохо, если этот человек не боится злоупотреблять своей властью. Я убежден, что, отрекаясь от собственной воли из страха обидеть одного из нас, мы подаем весьма дурной пример потомкам. Он груб, с этим согласны все, но самая грубость его приводит в отчаяние именно потому, что все кругом стремятся ему угодить». Затем настал черед расхождений богословского характера, коснувшихся проблемы предопределения, роли светской власти (Кальвин склонялся к идее теократии), но главным образом евхаристии. Когда Кальвин узнал, что Лютер предлагает совершать возношение даров во время причащения, полагая, что это позволит верующим поклоняться Телу и Крови Христовым, он с негодованием объявил, что «Лютер воздвиг идола в Божьем храме».

Таким образом, учение Лютера не застыло в неизменности, как того хотелось виттенбергеким ортодоксам. Распространяясь по миру, оно видоизменялось. Эти трансформации сами по себе доказывали католикам, что свобода толкования Писания губительна для единства Церкви, они ввергали в уныние Лютера и Меланхтона, они заставляли неопитов вступать в бесконечные споры и осыпать друг друга самыми страшными проклятиями, но вместе с тем они свидетельствовали, что дело, задуманное Лютером как свержение римской власти, живо, что раскол христианского мира стал свершившимся фактом. Скорбь «виттенбергского папы» по поводу распыления новой Церкви и его ярость против извращений его учения, которое он считал истинно христианским, не мешали ему наслаждаться мыслью, что отныне антихрист навсегда утратил власть над душами смертных в половине европейских государств.

СВЯТАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Червь проник в самую сердцевину плода. По мнению евангелистов, намеревавшихся вытеснить римско-католическую Церковь собственной Церковью чистого духа — святой христианской Церковью^[28], главная опасность носила не внешний, а внутренний характер. Только Лютер продолжал настаивать, что нет врага страшнее Рима, что бояться надо возвращения к мессе и монашеским обетам, а вовсе не того морального разложения, что потихоньку пожирало изнутри дело его жизни. Новое учение помогло ему обрести душевный покой (так, во всяком случае, он утверждал устно и письменно), и 20-летний опыт борьбы с собой он полагал бесценным и для всех остальных. Лично для него новая религия была прежде всего фундаментальным жизненным принципом и лишь потом — реальной организацией, поэтому он не воспринимал в свой адрес никакой критики. «Сохранить твердость духа и утолить муки отчаявшейся совести, — поучал он гостей, собиравшихся у него за обеденным столом, — это стоит многих царств. Мир не задумывается над этим и смотрит на нас свысока. Нас именуют мятежниками, смутьянами, святотатцами, фальсификаторами и палачами христианской веры. На самом деле все эти определения имеют смысл только в миру, хоть и горько нам созерцать окружающую нищету духа».

Почему-то, когда юный брат Мартин возмущался безнравственным поведением римских прелатов, вину за эти безобразия он поспешил возложить на Церковь, но теперь, когда те же пороки, словно раковая опухоль, принялись разъедать уже его Церковь, виноватым оказался «мир» — мир в понимании св. Иоанна, отягощенный множественными последствиями первородного греха. Толпа ошибается, упрекая пастырей и паству новой Церкви. Источник зла — вовсе не он, Мартин Лютер, а сам сатана. Человек греховен изначально, так чему же удивляться, если сатана, не жалеющий сил, лишь бы навредить богоугодному начинанию, постарался внедрить в его Церковь свои гнусности и мерзости? Паписты верят в свободу воли, следовательно, их грехи непростительны и за все творимое ими зло они несут полную ответственность. Но для лютеран, признающих догмат о поработщенной воле, греха как такового не существует. Они — всего лишь жертвы, и Церковь их чиста.

«Мир, — вещал Лютер своим сотрапезникам, — считает себя раем, а Божью Церковь, Церковь Господа нашего Иисуса Христа сравнивает с ужасным чудовищем. Но ведь Церковь эта владеет всей чистотой учения и твердо защищает его. И потому в глазах Божьих она бесценна, любима и исполнена достоинства. И мы не должны обращать внимания на то, что думают о нас в миру, и не должны бояться того, что о нас говорят». Эта проблема настолько занимала его, что он обращался к ней еще не раз: «Многие люди относятся к Церкви как к громоздкому камню, споткнувшись о который легко переломать себе ноги. Они считают, что Церковь должна оставаться незапятнанно чистой, как Божий голубь, сияющий безупречной белизной. Перед Богом Церковь действительно такова, но здесь, в миру, она больше походит на своего Жениха Небесного Иисуса Христа, который, по словам Исая, был самым жалким и презираемым из людей, снедаемым скорбями, мучимым болезнями и на вид таким безобразным, что люди закрывали себе руками лицо, лишь бы не глядеть на Него».

Но порой и он, не сдержавшись, с возмущением указывал на несоответствие между волей Христа, ясно выраженной в Евангелии, и моральным обликом евангелистов, вроде бы обязанных руководствоваться в жизни Христовыми заветами: «Миссия и все дело Христа состоят в том, чтобы в каждый миг нашей жизни сделать нас свободными от смерти и греха, сообщая нам Свою святость и Свою жизнь. Увы! На деле все происходит не так, и учение Христа до сих пор служило лишь усугублению хаоса в мире». Трагизм окружающей жизни он готов был объяснить приближением конца света. «В первые времена, когда только начиналась проповедь Евангелия, дело шло более или менее терпимо. Но теперь, когда исчез Божий страх, когда порок и бесчестье с каждым днем все громче заявляют о себе, когда продажность одних натывается на глупость других, порождая лжеучения, чего, кроме светопреставления или иной катастрофы ожидать нам, в мерзостях своих докатившихся до предела?» «С той поры, как миру открылась евангельская истина, потрясшая его до основания, он трещит по всем швам, и близок час всеобщей гибели. Последний день, прихода которого мы ждем с таким нетерпением, уж недалек!» Порой он с беспощадной суровостью принимался бичевать грешников. Каждого, кто повинен в преступлениях против общества, следует «послать ко всем чертям, а прах отправить на свалку». Прихожан, забывающих ходить к причастию, надо «зарывать в землю, как собак». Что касается светской власти, то ей надлежит принимать принудительные меры к тому, чтобы все граждане исправно ходили к исповеди и изучали катехизис^[29].

В той тревожной обстановке, отмеченной расхождением между верой и практическими делами, слишком многие жили предвкушением наступления последних времен. «Я чрезвычайно удивлен, — писал Лютер, — но не могу не заметить, что чем усерднее проповедуем мы жизнь во Христе, тем ощутимее становится в народе страх перед смертью». Некоторое время спустя он с не меньшим изумлением наблюдал рост числа самоубийств в рядах адептов новой веры. Он объяснял это явление происками дьявола, от имени Бога карающего тех, кто посмел ослушаться Слова Божьего.

Не один Лютер жаловался на неприятности. Невеселые мысли одолевали многих из его сторонников. В 1539 году Меланхтон отмечал: в среде протестантов «бушуют бесчисленные склоки и скандалы, отвращающие от нас добродетельных людей». Кто виноват в этих бедах? «Это все он, бес, всегда готовый обратить добро во зло». Шестью годами позже в письме к Камерарию он признавал, что внутри его Церкви по вине «духа злобы» пустило корни зло. Впрочем, тут же подчеркивал он, именно новые приходы являются хранилищами истинного учения. Еще несколько лет спустя он отмечал рост числа безбожников и зарождение «чудовищных сект». И соглашался, что эти приметы свидетельствуют о приближении конца света.

То же разочарование сквозит в письмах суперинтенданта Люнебурга Урбана Регия. В городах, называющих себя «евангельскими», жаловался он, «повсюду бал правят алчность и корысть». «Никто не святотатствует и не упоминает имени Божьего всуе с такой привычной легкостью, как протестанты: и молодежь, и старики клянутся и кощунствуют напропалую и по любому поводу». «Теперь, когда мир осчастливило новое учение Иисуса Христа, появилось — странное дело! — больше, чем когда бы то ни было душ, на словах почитающих Христа, но на деле ищущих одних лишь земных благ, богатства и почестей». «Нынче не осталось ни одного разбойника, бродяги и мошенника, который не прикрывался бы в своих преступных деяниях Евангелием».

Еще дальше в своих обобщениях пошел Антон Корвин, суперинтендант из Брауншвейга, более известный как один из организаторов Марбургского университета — первого высшего учебного заведения, основанного князем-протестантом с целью распространения нового вероучения. «Мы много рассуждаем о евангельском учении, — писал он в 1537 году, — и хвастаем, что овладели всей его чистотой. Между тем среди нас едва ли найдется один или двое на тысячу, кто своим поведением и моральным обликом не вступал бы в вопиющее

противоречие с этим учением». Далее бывший цистерцианин, привыкший рассуждать о проблемах совести, добавляет: «Я чувствую себя виноватым не меньше других; не меньше других я труслив, невежествен, порочен и многогрешен». И он делает вывод: творить добрые дела необходимо, нечего рассчитывать на одну только веру, не подкрепляя ее практическими добродетелями. В обратном случае, пророчествует Корвин, мир придет к всевластию сатаны.

Примерно о том же говорил и ближайший ученик Лютера Файт Дитрих: все сословия «погрязли в коррупции, для всех в равной мере стали нормой бесстыдство и безнравственность». Приобщившиеся к Слову Божию «предаются разврату, прелюбодействуют, жаждут обогащения, дают деньги в рост, обманывают, лгут и совершают иные не менее гнусные проступки». Как и Лютер, он ясно понимал, какую выгоду могут извлечь для себя паписты, наблюдая за этим разгулом безобразий. «Наши враги прекрасно видят, как мы распутны, корыстолюбивы, эгоистичны, алчны, как теми, кто прикрывается Евангелием, владеет торгашеский дух, гордыня, любовь к роскоши и излишества, лживость и плутовство. И они приходят к выводу, что все эти бесчинства суть плоды проповеди нашего Евангелия. Если б учение было добрым, заявляют они, поступки и нравственный облик его последователей не могли бы быть столь дурны». Глубочайшая печаль, терзавшая его душу многие годы, порой прорывалась в таких строках: «Если б пролитые мною слезы заставили выйти Дунай из берегов, и тогда не утихла бы моя боль за нынешнее состояние протестантской Церкви».

До Лютера доходили отзвуки этих горестных стенаний, в сущности, лишь подтверждавшие то, что и сам он наблюдал в Виттенберге и других саксонских городах. Вновь и вновь он мысленно сравнивал, как было раньше и как стало теперь. «Прежде, — восклицал он в одной из проповедей, — когда мы еще находились в плену у заблуждений папизма, все кругом стремились к добрым делам и каждым двигала добрая воля. Нынче же каждый только и думает, как бы скопить побольше денег, ограбить ближнего, обобрав его с помощью ростовщического займа, обмануть и обвести вокруг пальца. Люди относятся к себе подобным не как к братьям во Иисусе Христе, а как к злейшим врагам. Вот какими стали все нынче — не иначе, в благодарность возлюбленному Евангелию, освободившему их от гнета папизма!» «Беспутство и всевозможные пороки и мерзости, — писал он в комментарии к одному из псалмов, — распространились сегодня так широко, как не бывало даже при папистах». «В прежние времена, — отмечал он в «Послании к церквам», своего рода

перечню рекомендаций для пасторов, — христиане видели друг в друге несчастных грешников, исполненных несовершенств; сегодня каждый мнит себя святым!» В другом месте читаем: «С той поры, как для нас закончилась тирания папы, все начали свысока взирать на простое и спасительное учение. Не с людьми приходится нам теперь иметь дело, а с какими-то дикарями, больше похожими на зверей!»

Те же причитания слышим от него в связи с угасшей щедростью прихожан, от которой напрямую зависело благосостояние прихода и самого пастора: «Во времена папизма люди не скупясь жертвовали на нужды Церкви, поддерживая ложный культ, державший их в тисках обмана. То старался дьявол, враг Иисуса Христа. Лукавый змей слишком хорошо понимал, что делает, когда поощрял народ к щедрым подаяниям, — он хотел, чтобы проповедь мерзкого учения процветала и дальше». Плутни вчерашних попов строились на том, чтобы, прославляя добрые дела, заставлять верующих работать на них. И им это неплохо удавалось: «Раньше, при па-листах, люди жертвовали без счета, веруя, что судить их будут по делам их, и надеясь щедростью заслужить спасение. Но их дары служили только земной правде. Сегодня же, когда на нас пролился свет Евангелия, стало ясно, что личные заслуги ничего не значат. Потому-то и перестали люди жертвовать церквям, потому забыли и братское милосердие». «В былые времена находилось достаточно богатых, чтобы возводить монастыри и храмы; нынче денег не хватает даже для того, чтобы починить крышу на доме священника».

Не лучше обстояло дело и с набожностью. «Раньше люди почитали и уважали молитву, индульгенции, паломничество. Сегодня, когда у них осталась лишь вера в Иисуса Христа, а братскому милосердию они только учат друг друга, многие вообще перестали понимать, что такое набожность». «Я сам готов признать, — вырывается у него, — и думаю, что не одинок в этом, — я стал гораздо небрежнее, чем раньше, во времена папистов. Нет во мне былого усердия и дисциплины, хотя они нужны нам сегодня более, чем когда бы то ни было». Однажды, возможно нечаянно, ту же мысль высказала за обеденным столом и Катарина. «Скажите, господин доктор, — спросила она так, чтобы ее слышали все гости, — почему при папистах мы молились с таким усердием и так истово?» Доктор не поддался на провокацию и подробно разъяснил присутствующим проделки беса, который «без устали заставляет своих слуг плясать под его дудку».

Не только Лютер с Кэтхен обращались взором в славное прошлое. «Бессмысленно отрицать, — заявлял Веллер, — что распушенность и

мирская злоба при нашем учении выросли по сравнению с временами папизма. Лютер — далеко не единственный из тех, кто страдает от ужасающей живучести злобы и неблагодарности людей; не он один, но многие с болью отмечают, что читают свои проповеди глухим». Суперинтендант из Готы Юст Мений докладывал, что подначальные ему пасторы все чаще задаются вопросом, чего больше — пользы или вреда — несут народу их проповеди. Он же отмечал: «Огромное число наших сторонников настолько злоупотребляет Евангелием и христианской свободой, что, не побоюсь этого слова, они куда хуже прежних папистов».

Ганноверский пастор Вольфарт, позднее получивший должность суперинтенданта в Хильдесхайме, утверждал примерно то же самое: «Сегодня, когда свет Евангелия освободил нас из вавилонского пленения, в котором мы страдали под властью пурпуноносной римской блудницы, мы можем сколько душе угодно учить народ, да только никто нас не слушает». Пастор из Вюртемберга Райшер жаловался, что его прихожане открыто сожалеют о «мерзостном папизме». Они без конца твердят, что «с той поры, как началась проповедь Евангелия, ни счастья, ни благодати на земле не осталось; что люди не только не стали лучше, но день ото дня делаются все хуже и хуже, а виной тому — евангельские проповеди». Пастор Георг Штайнхарт из расположенного в том же герцогстве Оттенсдорфа рассказывал о недовольстве своей паствы: «При папистах все было по-другому! Славное было времечко! Евангелисты сделали нас несчастными!»

Проповедник из Франкфурта-на-Одере Мускул поражался тому, насколько высоким моральным авторитетом пользовалась прежняя Церковь, несмотря на все свои заблуждения: «Наши достойнейшие предки заботились о жизни будущей. Стремясь избежать кары небесной, они не боялись подвергать себя жестоким испытаниям здесь, на земле: морили свою плоть, молились, раздавали милостыню и открывали богоугодные заведения». А ведь они не ведали истинного пути в Царство Небесное! «Пока мы терпели власть дьявола и его римского наместника, крестьяне и бюргеры вели добропорядочный образ жизни. Но стоило Лютеру начать вслух и на бумаге проповедовать свое учение, как поднялась такая суматоха, будто все вокруг решили, что настал вечный праздник». Увы! Из рассказа Мускула ясно, что недобрые перемены затронули представителей всех сословий. «Если и бывали времена, когда продажность достигала невиданных высот, то нигде и никогда не видывали, чтобы расплодилось такое множество злых людей, попирающих Евангелие, послушание и честь, и при этом хвастливо кичащихся тем, что именно они владеют Святым Евангелием».

Профессор Марбургского университета Пауль Гроций так и не решился поставить свою подпись под текстом, напоминающим обвинительный приговор в адрес новой Церкви, к которой он и сам принадлежал, а потому опубликовал его под именем Пауля Асфе. Любопытно, что гуманист Гроций сделал основной акцент на материальном ущербе, который принесла Реформация: «Когда мы жили при папистах и ходили к мессе, почитали святых и совершали паломничества, у нас было все необходимое для жизни. Теперь же мы терпим великие лишения, и начались они как раз после того, как мы отказались от своих прежних занятий и стали слушать проповедников нового Евангелия. Что же за выгоды оно нам принесло? Мятежи, войны, надругательство над образами и разорение церквей». Затем он переходит к моральному ущербу: «С той поры, как Господь Словом Своим освободил нас от рабства, мы стали хуже, чем были раньше».

Да, раньше мы поклонялись идолам, но сегодня предаемся алчности и разврату, прелюбодействуем, затеваем свары и служим тьме иных пороков, которые в конце концов приведут нашу Церковь к краху!»

Усердие пасторов нисколько не усилилось даже после того, как для их подготовки открылись специальные школы. «Хотите поглядеть, — вопрошал Иоганн Бельц, — на скопище диких грубиянов и нечестивцев, ежедневно предающихся всем мыслимым мерзостям, сделавшимся нынче модой? Ступайте в любой лютеранский город, где живут самые известные проповедники и самые усердные учителя Святого Евангелия». Сарцелий сообщает, что несколько суперинтендантов вознамерились установить в подчиненных себе приходах ряд дисциплинарных правил. Напрасный труд! В их адрес со всех сторон полетели оскорбления и насмешки. Над ними издевались князья и придворные, простонародье и даже сами пасторы, «ненавидящие дисциплину ничуть не меньше своей паствы!»

Среди лютеран продолжались раздоры и склоки. Кристоф Фишер, служивший пастором в Юттербоге, а затем получивший пост суперинтенданта в Целле, рассказывал о своей епархии следующее: «Мы рвем друг друга на куски, готовые сожрать один другого. Своими сварями, вызванными не любовью к истине, а гордыней, мы смущаем умы и вводим души в искушение. Что за горе видеть, как образованные и достойные люди, одержимые бесом гордыни, ведут нашу Церковь к ссорам и расколу. Про лютеран говорят, что у них столько мнений, что их и не сосчитаешь, и столь мало согласия между собой, что невозможно понять, кому же из них верить».

Стараясь отвести взоры верующих от другой Церкви, хранящей

единство под эгидой папы, Фишер изрыгал потоки брани: «Да настигнет вечное проклятие папу, этого архиубийцу душ, да будут прокляты вместе с ним все бритоголовые монахи, смеющие своими грязными устами рассуждать об Иисусе Христе, нашем Господе и Спасителе». «Горе тебе, проклятый разбойник, гнусный слуга дьявола, посмевающий своими грязными лапами прикоснуться к скипетру и венцу Господню и на место возлюбленного нашего Спасителя втиснуть свое жирное вонючее тело».

В обстановке всеобщего хаоса дух разрушения не мог не коснуться и молодежи. Во многих сочинениях этого периода Лютер с горечью говорит о том, что детям и юношеству приходится наблюдать слишком дурные примеры и усваивать слишком дурные привычки. «Со всех сторон слышны жалобы на непокорность и дерзость молодежи из всех сословий». И эти жалобы имели все основания: «Много ли найдется молодых людей, повинующихся родителям, учителям и гражданской власти? Они знать ничего не знают ни о Божьем Слове, ни о крещении, ни о святом причастии; живут они, как звери, слушают одну свою утробу и думают только о том, как удовлетворить свои низменные желания!»

Об одичании молодежи Лютер говорил за дружеской трапезой, выступая от лица этой самой молодежи: «Мы едим и пьем, едва не лопаемся от еды и питья. Нежась в постели и набивая себе брюхо, мы убиваем себя». Куда девалась юношеская чистота? «Нет больше ни надзора, ни страха, ни послушания. Матери перестали воспитывать дочерей и разучились внушать им скромность, сдержанность и стыдливость». Если отцы пьют без просыпу, стоит ли удивляться, что к тому же приучаются и дети? «Этот бич поразил многих юношей, в том числе весьма достойных и наделенных прекрасными качествами. В результате они гибнут во цвете лет и разрушаются, даже не дожив до зрелого возраста. Есть и такие, кто приучает детей с самого утра пить вино, а то и водку или ликер».

Те же сетования слышим и от Себастьяна Франка: «Такого невиданного пьянства не бывало еще никогда. Пьют не только мужчины, но и женщины, и даже малые дети. Пить и есть — вот чем озабочены теперь все вокруг, взрослые и дети, мужчины и женщины, юноши и старики. Детей приучают к вину едва ли не с колыбели... Евреи да турки неслыханно богатеют. Чему же удивляться? Они-то ведь работают! Ну а мы — мы пьем и едим!» Еще более суров в своих суждениях Витцель: «Я уже обличал то безнравственное воспитание, которое дают детям в евангелических сектах. Писал я и о том, как их приучают святотатствовать и с самого нежного возраста втягивают в иные пороки. За одно небрежение к молодежи, развращенность которой начинает пугать и самих воспитателей, новое

учение заслуживает самой суровой критики. Молодые люди напрочь забыли о страхе, уважении и дисциплине».

Школы, основанные пасторами и родителями, не в силах были исправить это зло. Главную свою задачу они видели в том, чтобы культивировать в юных душах ненависть к старой Церкви. Здесь учили, что папа, епископы и монахи извратили Евангелие, что сами они — нечестивцы и идолопоклонники. В качестве примера учебного пособия по истории религии можно привести следующий текст, составленный Лютером: «Папистская Церковь ничего не знала об Иисусе Христе и Его Слове. Даже турки, евреи и язычники были лучшими христианами, чем паписты. Все, что говорит, что делает и чему учит эта Церковь, имеет своей целью кощунство и отрицание Иисуса Христа и Его учения... Папизм хранил столь же глубокое молчание об Иисусе Христе, Его страстях, Его казни, Его заслугах и Его Воскресении, какое хранят безгласные статуи, украшающие папистские церкви».

Подобное просвещение принесло свои плоды на протяжении жизни меньше чем одного поколения. Об этом говорит в своем отчете Мускул: «Даже детишки, болтающиеся по улицам, всей душой презирают римских преступников. Беднейшие из жителей наших деревень знают, что нет хуже мерзости, чем та, что императоры, короли, князья, знать и все прочие именовали святостью».

Наряду с искоренением папизма образование преследовало еще одну цель, которая заключалась в борьбе с оппозиционными течениями. Воспитание презрения шло бок о бок с развитием умения спорить и все подвергать сомнению. О самой науке забыли или почти забыли. Дети, успевшие дома получить пример безнравственного поведения родителей, попадали в руки невежественных учителей и в результате вырастали не просто невеждами, но невеждами самоуверенными, готовыми перекричать любого и по любому поводу.

О катастрофическом положении в системе образования писали и говорили многие пасторы и преподаватели университетов: «В минувшие времена в немецких университетах никогда не ощущалось недостатка в умных и стремящихся к знаниям людях. Университеты процветали, ибо они давали настоящее образование, а не были, как сегодня, рассадниками разврата, окончательно губящими нашу молодежь». Гуманист Леопольд Дик, сам протестант, восклицал в одной из речей: «Не знаю (неужели и в самом деле не знал? — И. Г.), кто тот кретин, чье идиотское учение одурманило нашу несчастную молодежь! Да заберет их всех сатана, этих растленных ничтожеств с отравленной душой! Из-за них отцы больше не

доверяют сыновьям, а матери — дочерям, богатые не верят бедным. Из-за них мир погрузился в хаос и анархию». Майор предрекал, что с такими школами «Германии суждено впасть в состояние варварской дикости похлеще, чем у турков и московитов». Но никто не отзывался ни на эти жалобы, ни на эти проклятия: виттенбергские богословы считали, что гораздо важнее вырвать молодежь из-под влияния папизма, чем приобщать ее к знаниям и добродетели.

И новое поколение оказалось оторванным не только от религии, но и от культуры вообще — той самой культуры, которую Церковь созидала на протяжении пятнадцати столетий. Одно лишь это обстоятельство заставляло Витцеля пылать праведным гневом. «Ни один из вас, — возмущался он (хотя и ошибался, ибо смелые люди, не боявшиеся протестовать, все-таки находились), — не смеет спорить, когда святых и мудрейших Отцов Церкви именуют плотскими созданиями, когда открыто насмеваются над их якобы невежеством, когда богословов прошлого называют безбожниками и невеждами». И он показывает, как всего за несколько лет невиданная волна фанатизма смела и уничтожила бесценную сокровищницу латинских гимнов, литургических песнопений, торжественных богослужений, исполненных любви молитв, благороднейших произведений искусства.

Наконец, полнейшему разорению подверглась вся система богоугодных заведений. Захватив здания больниц и изгнав из них монахинь, ухаживавших за больными, князья прибрали к рукам и благотворительные фонды. Лечить неимущих стало некому, и число жертв эпидемий начало неуклонно расти. «Наши лютеране, — с горечью констатировал Якоб Андреа, сам лютеранин, — не враждуют с Божьим Словом, пока речь идет о проповеди, но кроме болтовни в них нет ничего ни христианского, ни евангельского... Вместо того, чтобы облегчить жизнь обездоленному, они снимают с него последнюю рубашку». Заккрытие бесплатных лечебниц ни в коей мере не способствовало росту энтузиазма среди городского населения, особенно в периоды эпидемий, когда каждый боялся заразиться. «Не позор ли, — вопрошал Витцель, — что те самые люди, которые не страшились чумы во времена антихриста, стали так трусливы теперь, когда гордо именуют себя христианами? Никто уже не ходит за больными, никто не находит в себе смелости прикоснуться к зачумленному. Ужас воцарился в душе каждого».

Итог духовного хаоса, воцарившегося за 30 лет Реформации, подвел Кристоф Фишер: «Разложение достигло высшей точки. Нас, подобно потоку, захлестнули с головой все виды пороков и мерзостей. Страх

Господень, благочиние и милосердие угасли почти в каждом сердце».

9.

РЕФОРМА

Положение вещей, не дававшее покоя Лютеру и многим из его учеников, не меньше тревожило и католическую Церковь. Обрушившиеся на нее бедствия и несчастья, усугубленные расколом, расцветом ересей и ненависти, войнами и мятежами в Европе, знаменовали жесточайший из кризисов, когда-либо случавшихся в ее истории. Между тем сама история Церкви, которая, с точки зрения доктрины, представляла собой прежде всего цепь уточнений и все более взвешенных толкований раннехристианского учения, с точки зрения поведенческой, являлась цепью реформ, направленных на возврат к первоизданной чистоте.

Католическая Церковь веровала в пользу добрых дел и в числе своих догматов защищала двойной принцип, в соответствии с которым человек наделен волей, пусть и ослабленной первородным грехом, а значит, обладает возможностью выбора между добром и злом; Бог, дарующий спасение, принимает во внимание наши усилия к добру, свидетельствующие о действительной любви к Нему. Поэтому в вопросе вероисповедания католицизм настаивает на свободном волеизъявлении каждого христианина. Но помимо учения католическая Церковь имела за своими плечами еще и богатую традицию реальной, конкретной святости, воплощенную в образах многочисленных мужчин, женщин, детей, душой и телом преданных Богу. Именно они, строя свою жизнь на принципах чистоты, покаяния, смирения, терпения и действенного милосердия, служили лучшим доказательством истинности учения. В то же время церковные иерархи не могли не понимать, что взрыв, закончившийся расколом христианства, вызван именно скандальным поведением слишком многих служителей Церкви. Мало того, одна из образовавшихся в результате раскола половин прежде единой Церкви продолжала дробиться, грозя в самом ближайшем будущем превратиться в калейдоскоп сект и толков, совершенно чуждых друг другу. О том, что Реформа назрела, понимали все религиозные деятели, и эта Реформа должна была восстановить основы раннехристианской святости, именно той святости, что проповедовал своим ученикам Христос.

Движение католической Церкви за внутреннее очищение и обретение былого достоинства получило в классической традиции наименование Контрреформации, иначе говоря, явления, направленного на уничтожение

результатов Реформы, проведенной Лютером. Нам этот термин представляется некорректным, поскольку он лишь частично и далеко не исчерпывающе отражает суть происходивших событий. Католическая реформа готовилась на протяжении целого века и вне зависимости от возникновения протестантской ереси. Вдохновляемая своим собственным идеалом, Церковь стремилась не к отрицанию чего бы то ни было, не к борьбе против того или иного явления, но прежде всего к обретению своего истинного лика, который соответствовал бы ее исконной высокой миссии. Агрессивно-негативный оттенок приставки «контр-» совершенно не отвечает ни планам, которые вынашивало церковное руководство, ни тем более конкретным мерам, предпринятым католическими реформаторами. Учение Лютера и в самом деле явилось для участников Тридентского собора превосходным предложением, позволившим уточнить догматы о грехе, благодати и таинствах; святые отцы и в самом деле переживали как личное унижение ту готовность, с какой дети Матери-Церкви покидали ее лоно ради чуждых объятий грубой мачехи, — и они потребовали восстановления в собственных рядах самой суровой дисциплины. Однако предложение — это еще не причина. Причина же была прежней, то есть той самой, что вызвала к жизни и все предыдущие реформы, — возвращение Церкви ее истинного лика, лика Иисуса Христа.

Папа Павел III повел свой корабль к цели наперекор всем бурям и штормам. А бури и штормы разыгрались нешуточные. Во-первых, любым переменам решительно противились те недостойные представители духовенства, которые категорически не желали лишаться привычных преимуществ вольной жизни, практически ничем не отличавшейся от светской. Во-вторых, имело место политическое сопротивление ряда суверенов, либо боявшихся ссориться с протестантами, либо радовавшихся любым неприятностям, осложнявшим жизнь римской курии. Раздумывая о выборе места для проведения будущего собора, папа колебался. Он не хотел проводить собор в Германии, где неизбежно попал бы под давление со стороны лютеран и солидарных с ними князей, но не мог перенести его и на Итальянский полуостров, потому что это вызвало бы острое недовольство немцев. Еще на Нюрнбергском рейхстаге 1522 года нунций Кьерегати пообещал, что собор состоится на германской земле. Расширительное толкование этого понятия помогло подыскать место, равно приемлемое для всех. Кандидатуру города Тренто^[30], расположенного в Тироле, предложил еще папа Адриан VI, и Карл V одобрил этот выбор. Тренто считался немецким городом, хотя население его говорило по-итальянски. Но Климент VII отказался от идеи проведения собора, считая,

что в разгар кризиса, переживаемого Церковью, это бессмысленно. Сыграла свою отрицательную роль и непрекращавшаяся вражда между Карлом V и Франциском I.

Павел III занял папский престол в 1534 году и сейчас же обратился с соответствующими инициативами к главам католических государств. В январе 1535 года король Фердинанд согласился провести собор в Мантуе — итальянском городе, входившем во владения Габсбургов; Карл V и его брат могли чувствовать себя здесь, как дома. Достигнув соглашения, папа обнародовал буллу «Ad dominici gregis», в которой назначил проведение Вселенского собора на 23 мая 1537 года. Но Карл V и Франциск I наотрез отказались ехать в Мантую. Павел III предложил Виченцу, а срок открытия перенес на 1 мая 1538 года. Но этот вариант тоже не устроил обоих монархов. Император Германии и король Франции снова затеяли войну, и папе пришлось ждать, пока они выяснят отношения. Наконец противники заключили мир, и тогда появилась новая булла «Laetare Jerusalem^[31]», в которой указывалось, что собор откроется 19 ноября 1544 года в городе Тренто.

Между тем папа, не дожидаясь открытия собора, предпринял ряд мер, направленных на улучшение ситуации внутри Церкви. Начиная с 1535 года он формировал кардинальский корпус из лиц, разделявших его взгляды (что должно было обеспечить ему большинство голосов в Священной коллегии), и одновременно расширил полномочия Конгрегации Реформы — своего рода министерства, отвечающего за внутрицерковную дисциплину. В январе 1536 года этот орган издал устав, регламентирующий посвящение в духовный сан и устанавливающий правила поведения для священников и епископов. Затем под председательством кардинала Контарини была создана экспертная комиссия, представившая в 1537 году отчет о злоупотреблениях, имевших место в Церкви, и предложившая меры к их искоренению. Поэтому Вселенский собор смог начать работу не с «чистого листа», и прибывшие на него церковные деятели получили целый пакет документов для плодотворной дискуссии. Направили приглашение и лютеранам. Но, понимая, что инициатива проведения собора целиком принадлежит папе, а представители светской власти вообще не имеют на нем права голоса, те с надменным видом отказались. Павел III продемонстрировал незаурядное терпение, добиваясь участия лютеран в работе собора, что само по себе выходило за все привычные рамки, поскольку лютеране были отлучены от Церкви.

Лютер, который на протяжении многих лет требовал созыва собора, теперь активно противился ему. «Я больше не интересуюсь ни

рейхстагами, ни соборами, — писал он. — Ничего от них не ожидая, я предпочитаю о них вообще не думать». На самом деле он думал о соборе очень часто, о чем свидетельствует его письмо к Амсдорфу: «На рейхстаге говорили, что государь с силой давит на наших, принуждая их дать согласие на участие в соборе; наши в ответ упираются и негодуют. Что-то я не пойму, в чем тут дело. Папа называет нас еретиками и отказывает нам в праве ехать на собор, император, напротив, настаивает на нашем в нем участии и желает, чтобы мы приняли к исполнению все его решения». 20 лет назад, ратуя за созыв собора, Лютер надеялся использовать его как инструмент в борьбе против папы. Однако нынешний собор, он видел это, собиравшийся действовать заодно с папой, а указы Павла III, предшествовавшие собору, решительно обрушивались на беспорядки, с которыми Церковь с переменным успехом боролась на протяжении уже ста лет. Поэтому натравить друг на друга папу и делегатов собора не представлялось ни малейшей возможности. «Вот оно, царство сатаны! Бредят они, что ли? Они проклинают нас и тут же зовут к себе! Нет уж, пусть сначала папа признает, что собор главнее его, а уж тогда мы приедем и поспорим».

Наступил день 15 марта 1545 года, дата официального открытия собора, но из-за того, что прибыло слишком мало делегатов, срок снова пришлось отодвинуть. В конце концов XIX Вселенский собор открылся 13 декабря, за два месяца до смерти Лютера. Первая его часть, наиболее продолжительная, заняла около четырех лет. Ею руководил папа Павел III. Работа собора протекала в двух направлениях. Первое касалось догматики (именно в этой связи и уместно говорить о Контрреформации, ибо собор проголосовал за целый ряд определений, опровергавших лютеранское учение); второе — дисциплинарных вопросов. В области догматики собор провозгласил, что Писание не является единственным источником веры, что помимо него существует также Предание; еще раз напомнил католическое учение о первородном грехе и спасении, о таинствах, чистилище и индульгенциях.

В дисциплинарном аспекте собор подтвердил незыблемость папской власти над всей Церковью; обязал епископов постоянно проживать на территории своих епархий и быть всегда на виду местного духовенства; строго запретил совмещение бенефиций; подтвердил необходимость серьезной богословской подготовки для священников. Князьям запрещалось вмешиваться во внутрицерковные дела.

Собор закончил работу только в 1563 году. В промежутке между двумя отделениями работы собора папа Павел IV, стремясь не допустить, чтобы

применение уже принятых дисциплинарных мер затянулось надолго, назначил Комиссию по общей реформе, которая незамедлительно приступила к претворению в жизнь решений Тридентского собора.

Наряду с этими официальными мероприятиями начала разворачиваться и настоящая Реформа Церкви, причем не на бумаге, а в людских сердцах. Ее инициаторами выступили несколько деятельных и глубоко набожных епископов — Джиберти в Вероне, с 1528 по 1543 год неустанно объезжавший всю свою епархию, державший под неусыпным контролем учебные заведения и следивший, как живут подчиненные ему священники; Гераклий Гонзаго в Мантуе; Бернардо Клее в Тренто; Алеандр в Бриндизи; Садоле в Кар-пентра, своим усердием немало способствовавший укреплению в вере своей паствы.

Реформа «со знаком плюс», ставившая своей целью не борьбу с ересью, а улучшение духовенства и через него — всей Церкви, определила деятельность многих религиозных организаций. Среди них в первую очередь заслуживает упоминания «Общество Иисуса», основанное Игнатием Лойо-лой. Этот бравый капитан участвовал в осаде Памплоны, был тяжело ранен, долго болел, а поправившись, совершил в одиночку паломничество ко святым местам. Только в 35 лет он поступил на факультет искусств в Алкале, затем учился в Саламанке и, наконец, в Сорбонне. 15 августа 1534 года вместе с еще шестью единомышленниками 43-летний Лойола организовал общество, поставившее себе одну цель — служение Богу. Три года спустя оно получило название «Общество Иисуса». Поначалу члены Общества занимались подготовкой кадров для выполнения различных ответственных поручений папы, затем занялись проповеднической деятельностью, обращая особое внимание на исконно христианские, но отошедшие от христианства страны. Они преподавали в учебных заведениях и организовали собственную систему «приютов», куда был открыт доступ священникам и верующим мирянам, желавшим в тиши уединения поразмыслить о вере и своей дальнейшей жизни.

Благодаря высокой образованности, дисциплине и самоотверженности иезуиты стали для папы чрезвычайно эффективным «инструментом», способным работать по всей Европе. Но наибольшее применение их таланты нашли в Германии, которая как никакая другая страна нуждалась в грамотных проповедниках. В 1540 году Пьер Фавр — один из шести первых сподвижников Игнатия Лойолы — принимал участие в Вормсском коллоквиуме, а затем проповедовал в Шпейере, Майнце и Кельне, где поддержал народные выступления против архиепископа Германна фон Вида. Ле Жей участвовал в подготовке реформы Регенсбургского капитула

и создании школ при университетах и семинарий в Южной Германии. Именно ему доверил представлять себя на Тридентском соборе епископ Аугсбургский. Бобадилья трудился в Нюрнберге, растолковывая прихожанам смысл Послания к Римлянам в духе католицизма, участвовал в диспутах с богословами-протестантами и получил от епископа Пассау задание подготовить реформу духовенства. Он же совершил большую поездку с публичными проповедями по всей Южной Германии. Петер Канизий — первый немецкий иезуит — в качестве богослова принимал участие в работе Тридентского собора.

Кроме иезуитов были и другие организации, посвятившие свою деятельность очищению католического духовенства. В 1517 году, том самом, когда Лютер обнародовал в Виттенберге свои тезисы, в Риме появилась Оратория божественной любви, основанная Жаном-Пьером Карафа (будущим папой Павлом IV), Гаэтаном Тиенским и гуманистом Садоле. Эта организация быстро распространилась по всей Италии. Свою задачу она видела в воспитательной работе с представителями духовенства. В 1524 году из ее недр вышла конгрегация театинцев, занявшаяся подготовкой церковной реформы. Первыми ее руководителями стали Карафа и Гаэтан Тиенский. Со своей миссией она справлялась так успешно, что ее ряды надолго стали тем надежным источником, из которого папство черпало кадры епископов и кардиналов, преданных идеям Тридентского собора.

Еще одна духовная организация того же типа — Духовенство св. Павла — появилась в 1528 году в Милане по инициативе Антонио-Марии Захарии. Основателям этого братства уже было хорошо известно, какая ситуация сложилась в Германии; они читали произведения Лютера и потому особенно ясно понимали, чем грозит Церкви дурное поведение и невежество лиц духовного звания. На севере Италии к этому времени обосновалось некоторое число поборников Реформации, однако Антоний-Мария и его сподвижники избегали вступать с ними в споры, полагая, что это бесполезно. Действительно, богословские диспуты могли привлечь только внимание интеллигенции, а их участники больше думали об удовлетворении тщеславия, чем о поисках истины. Другое дело — практика религиозных добродетелей (по терминологии Лютера, «дела»), без которых спасение души невозможно, а сердца остаются глухими к любым словам. Павел III, внимательно наблюдавший за деятельностью братства с момента его основания, быстро понял его перспективность и присвоил ему статус религиозной конгрегации. Отныне вступавшие в конгрегацию давали торжественный обет, а сама она прямо подчинялась

Святому Престолу.

Члены еще одного ордена — варнавиты, получившие свое имя от св. Варнавы, — в пик протестантам довели до совершенства красоту литургии, благодаря чему привлекли к своим службам множество верующих. В своих проповедях они разъясняли божественную сущность евхаристии и, не желая мириться с одичанием молодежи, открыли сеть средних школ, в которых старались привить подрастающему поколению интерес к богословию, внушить благочестивые чувства и научить практической добродетели. Именно к варнавитам обращались государственные деятели и епископы, когда требовалось направить проповедников в регионы, охваченные протестантизмом. И они ехали и работали в Венгрии, Савойе, Беарне. Надо сказать, им удалось вернуть население этих земель в католическую веру.

Одновременно и старые, давно существующие ордена испытали дыхание живительного ветра перемен. Коснулось оно и францисканцев. Францисканские монастыри строгого устава, созданные за сотню лет до этого, дали рождение еще одной ветви монашества. В 1526 году по инициативе Матвея де Баски был образован орден капуцинов. Первоначально основоположник ордена не ставил перед собой далеко идущих целей, а всего лишь стремился во всем подражать в жизни Франциску Ассизскому и его сподвижникам, жившим не в городских монастырях, а в скитах. Впрочем, довольно скоро капуцины покинули свои уединенные убежища и отправились проповедовать благочестие и святость таинств в мир. Они умели разговаривать с людьми искренне и просто, а потому нашли дорогу к сердцу многих и многих христиан, вернув их в лоно католичества. Между тем в 1542 году всеми уважаемый глава ордена Бернардино Окино перешел в протестантизм. Увлечшись новым учением, он поселился в Женеве, затем перебрался в Страсбург и, наконец, обосновался в Англии, в равной мере поддерживал и лютеран и кальвинистов, дошел до отрицания Святой Троицы и окончил свои дни в полной нищете в Моравии. Для ордена, за эти годы широко разросшегося, его поступок стал тяжким испытанием. Папа готовился упразднить орден, однако поначалу ограничился запретом для монахов отправлять божественную службу и читать публичные проповеди. Но и этот запрет спустя два года он снял, поскольку убедился, что, несмотря на гнилую голову, тело осталось здоровым. Всесторонняя проверка капуцинских монастырей показала, что орден незыблемо хранит верность католической вере. Вернув себе доверие папы, в дальнейшем орден доказал, что вполне достоин его.

И остальные ордена, вдохновляемые положительным примером, пережили пору истинного обновления, которое и стало одной из причин того, что в романских странах католицизм устоял. Тридентский собор принял, бесспорно, важнейшие решения по реформе Церкви, однако их практическое исполнение целиком и полностью зависело от того, насколько серьезно отнесутся к ним епископы и насколько готовы духовенство и весь народ следовать путем, указанным епископами. Успех католической реформы в Южной Европе, в половине Швейцарии, в Верхней Германии и прирейнских землях, в Польше, Венгрии и Чехии был в значительной мере обусловлен активной деятельностью традиционных орденов, сохранивших дух живой веры, той самой искренней веры, которая находила выражение не столько в ученых книгах и папских буллах, сколько в повседневной жизни. Несомненно, Тридентский собор позволил католической Церкви задуматься над смыслом своего существования, уточнить важнейшие догматы, сплотиться перед угрозой ереси и раскола, укрепить дисциплину и обновить свои организации. Но подготовка и проведение реформы не принесли бы успеха без глубокой преданности идеям католичества легионов искренне верующих людей, которые вдохнули в нее душу и сделали ее результаты столь убедительными.

События, потрясшие романские страны в 1536—1543 годы, столь важные для католической Церкви, мало занимали Лютера. Полюса противостояния сместились: Рим был далеко, папу удалось нейтрализовать, кардиналы в основном пеклись о земных заботах, и казалось, что папизм медленно умирает. Реальная опасность гнездилась гораздо ближе. Его религии угрожало сонмище сепаратистов, явных и скрытых, начиная от непотопляемых анабаптистов или швейцарских и эльзасских таинственников и кончая глухим, но не менее пугающим сопротивлением в собственных рядах, наиболее болезненный пример которого являл Филипп Меланхтон. Боялся он и политиков. Он не забыл, что в день принятия Вормсского эдикта император обрек его на опалу; он знал, что князья-католики гонят прочь со своих земель его проповедников; наконец, он с ужасом думал о перспективе гражданской войны, которая в любую минуту могла смести защищавшую его светскую власть.

Немало хлопот и волнений доставляли ему и пасторы новой Церкви. Он не мог не видеть, сколь они невежественны, сколь непопулярны в народе, сколь склонны к взаимным распрям и обидам. Знал он и то, что большинство из них влачили поистине нищенское существование. Пока их поддерживало государство, они могли не бояться конкурентов и насаждать в своих приходах новое вероучение. Но, случись серьезное испытание, — и Лютер понимал это, — вряд ли его Церковь легко устоит...

Главными соперниками представлялись ему Цвингли и Швенкфельд. Он явно недооценивал угрозу, исходившую от католической Церкви, полагая, что ее позиции защищают лишь такие люди, как Альбрехт Майнцский или Мильтиц. Раз и навсегда поставив жирный крест на том, что он именовал «делами», он уже не придавал значения ни набожности, ни благочестию в будничной жизни. Если бы ему стало известно, каких успехов достигла в народе проповедь добродетельной жизни в других частях христианского мира, это могло бы послужить ему предупреждением... Нельзя забывать и о том, что залогом безопасности для него давно стала обостренная политическая бдительность. Он мог и не ведать, с какой стороны ждать подвоха — слишком много непонятого творилось вокруг, — зато четко сознавал: пока его бережет княжеский меч, он может не волноваться за судьбу своей организации, по меньшей мере, в

Саксонии, а может быть, и во всей Германии.

Бойцовский дух Лютера остался в далеком прошлом. Им владели усталость, уныние и разочарование. Не желая отказываться от своей догмы о поработенной воле, он в то же время претендовал на то, что сумеет изменить ход событий. Несоответствие между рациональной посылкой и личным душевным опытом все так же мешало ему. На сей раз мстило ему именно разумное начало: несмотря на все усилия собственной воли, им же провозглашенной рабской, ему все не удавалось подчинить себе происходящее. Разумеется, для объяснения триумфа враждебных сил у него имелись отговорки: он-де служит Богу, а в неудачах его повинен дьявол.

И этот дьявол, похоже, прочно обосновался внутри его Церкви, вероятно, ради того, чтобы подвергнуть испытанию твердость его веры и веры его учеников. Увы, объяснения успокаивали ум, а неприятности приходилось переживать в реальной жизни. И страх, который он, казалось, давно выгнал в дверь с помощью догматики, вновь проникал в него через окно рассудка. Пошатнувшееся здоровье — скорее результат, нежели причина внутренней тоски — уже не позволяло ему как в былые времена схлестнуться с противниками, хотя оскорбленное самолюбие и взывало к мести. В последние годы он как будто преждевременно состарился. Таким, во всяком случае, его воспринимало теперь большинство учеников, все меньше боявшихся бурных вспышек его гнева.

. Удалившись от дел, Мартин Лютер жил в Виттенберге какой-то усеченной жизнью. Внешне он выглядел спокойным, но душа его не знала мира. Со стороны казалось, что все его интересы ограничены кругом семьи. Он с большой заботой пекся о поддержании своего очага, окружил нежным вниманием жену и детей. Брак, который он еще недавно именовал «дерьмовым таинством», теперь превратился для него в «святое состояние». Реальная жизнь опять вносила коррективы в теорию. Пока ему хватало сил бороться с тем, что он считал искушением, он заявлял друзьям, что брак — не для него, что женитьба — не более чем «чудовищный обман». Но вот он зажил женатым человеком, и все переменилось. Он не поленился отыскать в Послании к Евреям цитату, напоминавшую, что супружеское ложе не бывает грязным. Пока он подталкивал к браку других, он утверждал, что супружества без измен не бывает; очутившись в роли мужа, он охотно демонстрировал всем желающим самый достойный облик семейного человека.

Конечно, порой у него вырывались сожаления, а то и намеки, что его, дескать, заманили в ловушку. В одной из застольных бесед он говорил Дитриху: «Если женился, прости с хорошей жизнью! Как славно жили

раньше священники! А теперь им хочешь не хочешь приходится глотать горькую пилюлю!» (Как будто не он настоятельно советовал им жениться на своих кухарках!) Что ж, его захватили врасплох, и, очевидно, сделал это сам Господь Бог, ведь именно Бог «подтолкнул» его к браку. И он рассудил, что раз Бог явил ему это «чудо», следует принять его если не с восторгом, то хотя бы с благодарностью. Он теперь соглашался, что «самая сладкая жизнь у тех, кто довольствуется малым и мирится с посредственностью существования бок о бок с достопочтеннейшей супругой». Для своей ставшей ему дорогой половины он не жалел нежных эпитетов, сравнивая жену с «надежным берегом» и «цепью», именуюя ее «господином», «хозяином» и «Моисеем».

Виттенбергский папа тихо старился в окружении родных и близких. Он пополнил — Кэтхен строго следила, чтобы муж хорошо питался. Во флорентийской галерее Уффици хранится портрет Лютера кисти Лукаса Кранаха (или одного из его учеников), датированный 1543 годом. Мы видим на нем мужчину с полными щеками и пухлыми руками. «Червям, — любил в шутку приговаривать он, — достанется славный упитанный доктор». Если сравнить этот портрет с последним прижизненным изображением Лютера, выполненным Лукасом Фортнагелем и прежде хранившимся в университетской библиотеке Лейпцига (неизвестно, пощадила ли картину война?), то становится очевидно, что за три последние года малоподвижной и бездеятельной жизни он раздобыл еще больше. Впрочем, на полотне 1543 года Лютер выглядит грустнее. На последующих портретах его взгляд утратил скорбный блеск, стал безразличным и разочарованным, подернулся дымкой равнодушия.

По утрам семейство собиралось для молитвы, состоявшей из Десяти заповедей, Символа веры, нескольких псалмов и краткого богословского поучения. Вечернюю молитву сопровождали многоголосым пением: к домочадцам присоединялись друзья и соседи, приходил даже суровый Меланхтон. По воскресеньям службу отправляли в домовой церкви, с не меньшим тщанием. Лютер чрезвычайно требовательно относился к детям. «Лучше мертвый ребенок, — повторял он, — чем дурно воспитанный». И добавлял: «Мы занимаем в обществе высокое положение и потому обязаны служить для остальных примером. Если наши дети станут вести себя неподобающим образом, это будет откровенный скандал». Он мечтал о достойной карьере для троих своих сыновей, правда, категорически не хотел, чтобы хоть один из них стал юристом, — эту породу он ненавидел. «Воля моя тверда: ни один из моих сыновей не станет изучать право». Он заранее продумал, какую пользу обществу сможет принести каждый из

них: «Ганс будет богословом, Мартин не добьется ничего особенного, а Пауль отправится сражаться с турками». Если это был приказ, то дети его проигнорировали; если пророчество, то оно не осуществилось, разве что в отношении Мартина, который, выучившись на богослова, жил затем на ренту жены. Ганс стал-таки юристом, Пауль — врачом.

Лютер принимал под своей крышей множество гостей. У них постоянно жили осиротевшие племянники и племянницы, с полдюжины богословов, странники и почитатели хозяина дома, находившие здесь отдых в своих скитаниях по свету. Жизнь в доме шла на широкую ногу, и Катарине, чтобы сводить концы с концами, пришлось брать на пансион студентов. Чем больше прибывало народу, тем больше требовалось держать и слуг. За обеденным столом ежедневно собиралось большое общество, и разговор подолгу не утихал. Некоторые из приглашенных записывали все, что говорил Лютер: его остроты, забавные истории и соленые шутки, но также и воспоминания, ученые речи и поучения.

Начало этой традиции положили в 1531 году Дитрих и Рехнер, затем эстафету подхватили Кордаций, Лаутербах (от него осталось больше всего записей), Веллер и Корвин. После 1540 года самым прилежным слушателем стал Матезий, но и другие внесли посильную лепту, в том числе Аурифабер. Именно его усилиями собранные воедино эти записи вышли по-немецки в виде книги, озаглавленной «Застольные беседы» (Tischreden), Лаутербах издал их на латыни под названием «Colloguia». На самом деле, в обоих изданиях немецкий и латынь изрядно перемешаны, а порой встречаются и греческие цитаты.

Кое-кто из почитателей Реформатора попытался представить этот сборник спонтанных высказываний таким кладезем мудрости, называя его «самым значительным интеллектуальным наследством, оставленным Лютером человечеству». Другие, не находя в «Застольных беседах» ничего кроме желчных нападок на оппонентов и развязной грубости, сочли этот труд памятником человеческой низости. Самое занятное, что книгу можно использовать для доказательства и той и другой версии, и неудивительно, что Матезий, например, простодушно утверждает, что никогда не слышал из уст своего учителя ни одного непристойного слова, а католик Шатцгейер возмущенно пишет, что при близком знакомстве с этой нестерпимо смердящей кучей пакостей ему захотелось бежать от нее без оглядки. На самом деле в этих «домашних» сентенциях Лютер не выглядит ни тоньше, ни пошлее, чем во всех остальных своих писаниях. Он оставался верен самому себе, разве что излагал мысли с несколько большей долей непосредственности. Молодежи он категорически запрещал следовать кое-

каким из собственных примеров. Так, одному из взрослых племянников, Андреасу Кауфманну, допустившему в разговоре непотребное выражение, он влепил пощечину, а затем прочитал собравшимся целую лекцию о нечестивцах, которые позволяют себе говорить мерзости.

На что он жил? Курфюрст Саксонский регулярно выплачивал ему содержание, которого поначалу семье вполне хватало. Однако постепенно этот источник средств стал недостаточным. И Лютер, привыкший все дни проводить за письменным столом, а теперь вдруг оказавшийся не у дел, новым взором окинул раскинувшиеся вокруг дома бывшие монастырские сады, пришедшие в запустение. В его душе заговорил древний зов земли. И он принялся копать, сажать и... собирать урожай. Глядя на него, к делу подключилась и аристократка Кэтхен. Они расширили свой земельный надел, засадили его фруктовыми деревьями, закупили ульи, а потом развели и домашнюю скотину. «Мой господин Кэтхен, — писал Лютер, — правит лошадьми, трудится в поле, откармливает на продажу свиней и варит пиво». Интерес к духовному чтению, которым бывшая монахиня-беглянка, очевидно, никогда не отличалась, теперь пропал у нее окончательно. Лютеру однажды пришлось посулить ей 50 флоринов, если до Пасхи она успеет целиком прочитать Библию. (На эту сумму семья жила два месяца; значит, деньги у Лютера все-таки водились?) Исход этого пари нам неизвестен. Некоторое время спустя один из братьев оставил Лютеру в наследство дом в деревне, и благодаря финансовой поддержке курфюрста семья смогла его отремонтировать. Лютер и сам принимал участие в строительных работах, доказав, что умеет не только огородничать.

Преподавание и ученые диспуты он совсем забросил, вел простой и здоровый образ жизни, приносивший ему физическое удовлетворение, а потому все меньше копался в себе, забыв о терзавших его когда-то соблазнах похоти. Сомнения и неуверенность больше не мучили его, а если и мучили, виду он не подавал и ни с кем не делился своими проблемами. Источник его тревог сместился в другую область и касался в основном состояния, в котором оказалась его Церковь. Его письма той поры полны беспокойств именно по этому поводу. «Гнев Божий обрушился на Германию. Вот уже 30 лет ценою тяжких трудов и суровых испытаний я проповедую Евангелие, и не я один, а теперь, на старости лет, вынужден слушать и соглашаться, что дела обстоят хуже, чем когда бы то ни было. Над этим городом лежит то же проклятие, что обрушилось на Хоразин, Бехсаид и Капернаум». Он приглядывался к тому, чем живут люди разных сословий, и видел, что разложение затронуло всех — и аристократию, и буржуазию, и крестьянство. «Кругом царит одно вероломство,

продажность, презрение к Божьему Слову и неблагодарность».

Им овладела страшная усталость — и телесная, и духовная. «Я стал ленивым, бессильным, остывшим, старым и ни на что не годным. Свой путь я прошел до конца. Когда же Господь соединит мою душу с душами предков? Пора уже червям и тлению приниматься за работу. Я устал от жизни — если только это существование можно назвать жизнью». «Скорее бы Господь прибрал меня и моих близких!» «Весь этот год (1542. — И. Г.) я чувствую себя мертвецом. Я еще дышу, но понимаю, что в этом мире я уже никто. Да ниспошлет мне Господь счастливый миг, да явится Он предо мною в лучах Своей славы! Скорей! Скорей же! Аминь». «Об одном мечтаю — дожждаться часа, когда Бог призовет меня к Себе. Я пресыщен жизнью, я устал. Я больше не могу. Молитесь же Господу, чтобы он скорее прибрал меня к Себе». Порой в его голосе слышны ноты, чем-то напоминающие о пережитых в прошлом искушениях: «Истинные причины моей болезни — это старость, тяжкий труд и изматывающая работа мысли. Но главным образом это происки сатаны, против которых бессильны любые снадобья». Значит, основания для тоски все еще оставались. Лечивший его Ратцебергер так определил три главные хвори, мучившие Пророка: «Душевное беспокойство, меланхолия, сердечная болезнь».

Мысли о близком конце света посещали его постоянно. «Померкнет свет, сияющий сегодня полным блеском. Скоро все будет кончено». «Наступают реченные времена, за которыми последует низвержение антихриста. Исполнится Слово Христово. День пришествия Сына Человеческого будет похож на дни Лота и Ноя». «Величайшим утешением служит мне мысль, что день Божий близок. Неслыханное небрежение к Слову, глухой стон правоверных возвещают, что мир подходит к концу. Скорей бы он наступил, день его гибели и нашего освобождения!» «Приди же к нам, Господи Иисусе! Услышь стенания Церкви Твоей! Ускорь Свое возвращение к нам! Пусть все наши несчастья достигнут предела! Это конец. Аминь». «Молюсь за приближение дня нашего освобождения и жажду его прихода. Этот мир изжил себя и не может более существовать. Знаков много, и каждый исполнен величия. Станем же молиться, воздев очи к небесам, ибо спасение наше близко». «Возрадуемся в скорбях и не будем препятствовать миру катиться туда, куда он катится. Наша слава с нами: мы явили нечестивому и неблагодарному миру ясное солнце нашего учения, как Отец Небесный дарует солнечный свет равно и добрым и злым».

Виттенберг теперь вызывал в нем ненависть. Его раздражали споры богословов, казалась неисправимой безнравственная жизнь аристократии и

мелких бюргеров. «Женщины и юные девушки показываются на улицах едва ли не нагими», — возмущался он. Внешне спокойная жизнь в конфискованном монастыре, в окружении жены и детей, в занятиях садом и огородом в конце концов сделалась для него невыносимой. И в голову все чаще стали закрадываться мысли о побеге. В июле 1545 года Амсдорф пригласил его в Цайц, и это приглашение стало толчком к осуществлению давно назревшего плана. По прибытии в Цайц он послал Катарине письмо, в котором сообщал о своем решении не возвращаться в Виттенберг. «Сердце мое леденеет в этом городе». Он велел ей покинуть монастырь, который им не принадлежал, продать пристроенный за свой счет небольшой дом и вернуться в родовое поместье. Пенсия, выплачиваемый курфюрстом, он целиком отдавал в ее распоряжение, чтобы она и дети не терпели нужды. Главное, подчеркивал он, убраться из этого Содома. Сам же он намеревался отправиться с нищенской сумой бродить по городам, пока на одной из дорог его не застигнет смерть.

Итак, история его любви подошла к концу. «Я люблю ее больше, чем себя», — делился он с друзьями всего несколькими годами раньше. Теперь он бросал ее, что называется, не простившись. Мало того, требовал, чтобы она вместе с детьми покинула надежный приют, в котором понемногу забыла о прежней бурной жизни. С холодным рационализмом он объяснял Катарине, что дом после смерти мужа у нее все равно отберут, так что лучше сделать это не откладывая.

Поставив последнюю точку, он решил, что с прошлым покончено навсегда. В одном из писем этой поры он признался, что утратил потенцию. Он, призывавший мужчин к браку и утверждавший, что существовать без женщины невозможно, внезапно обнаружил, что это неутолимое желание, оказывается, в один прекрасный миг может исчезнуть без следа. В третий раз он начинал жизнь сызнова.

Ни Катарина, ни друзья и не подумали проявить покорность, на которую рассчитывал автор. Сразу четверо виднейших представителей Виттенберга — Меланхтон, Бугенхаген, бургомистр и Ратцебергер, — не желавшие в одночасье лишиться главной городской «достопримечательности» и пропустившие мимо ушей обидную оценку, данную Лютером Виттенбергу, отправились по стопам беглеца, чтобы уговорить его вернуться. Просили они настойчиво, возражений не слушали, и 18 августа привезли Лютера назад, в проклятый город. Жить ему оставалось еще полгода. Забегая вперед, скажем, что его последняя воля все-таки исполнилась, и умер он вдали от Виттенберга.

Хотя писать в эти закатные годы он стал меньше, они все-таки не

стали бесплодными для него. Общая подавленность, в которой он пребывал, прорывалась на листе бумаги порой жалобным стоном, но чаще — криком ярости. Снижение творческой плодовитости он как будто возмещал особенным накалом своих текстов. Последние работы Лютера мало что добавляют к его учению — о нем он уже успел сказать все, что хотел. Зато их полемический задор нисколько не остыл, ибо говорить о своих врагах Лютер мог до бесконечности. А враги в это время одерживали победу за победой! Что ему еще оставалось? Чем он мог им ответить? Ничем, разве что излить на бумаге свою злость, которая, кажется, еще никогда не сочилась таким убийственным ядом.

В 1542 году он перевел на немецкий (или, что не исключено, заказал для себя перевод, не желая перенапрягаться) памфлет XIV века «Коран от брата Ричарда», направленный против Мухаммеда и его религии. Перевод он сопровождал собственным предисловием. В этом тексте он обрушивается на турок не как на врагов христианского мира, против которых надлежит воевать светской власти, но как на врагов христианства, изобличение которых входит в задачу богословия. Но турки — только повод, чтобы наброситься на извечных своих противников — папу и Цвингли. Почему, вопрошает он, эти люди наложили запрет на издание Корана? Народу полезно знать, какие мерзости таит в себе это учение. Отцы Церкви именно потому столь убедительно разделились с еретическими учениями, что об этих учениях знал каждый простолудин. Так же нужно поступить и с учением турок, дабы каждый христианин знал, ради чего сражается с иноверцами.

Еще один враг обнаружился у него в лице евреев. Антиеврейские настроения начали проникать в его сочинения только после 1538 года. До этого Лютер относился к евреям вполне уважительно, лелея надежду привлечь их на свою сторону. Ему казалось, что сделать это будет достаточно легко. Не позже 1523 года он издал небольшую книжку, озаглавленную «Христос, рожденный евреем», в которой анализировал пророчество о том, что перед концом света евреи будут обращены в христианство. Поскольку светопреставление не за горами, делал он вывод, самое время тем, кто до сих пор не признал Евангелия, присоединиться к нему, Лютеру. «Если бы к нам примкнули несколько раввинов и видных граждан, — мечтал он, — за ними пошли бы и все остальные, ибо они уже устали ждать». Увы, обращение евреев в лютеранство так и не состоялось, и тогда на место разбитой надежды пришла ненависть. В проповедях он обличал евреев за предательство и святотатство и, между прочим, приложил руку к их изгнанию за пределы курфюршества,

осуществленному Иоганном-Фридрихом в 1536 году.

В 1538 году вышло в свет «Письмо против соблюдения субботы». Обитатели еврейских кварталов неукоснительно блюли закон Моисея, и по субботам жизнь в этой части города полностью замирала. Мало того, в воскресенье евреи активно трудились, что возмущало христиан. Наконец, кое-кто из христиан, поддавшись примеру, тоже повадился устраивать себе по субботам выходной. И Лютер, смело обращавшийся к авторитету Книги Левит, когда ему требовалось найти оправдание двоеженству Филиппа Гессенского, теперь предостерегал единоверцев против нечестивых обрядов, противных Евангелию.

За столом Лютер частенько высказывался о евреях неприязненно. Он издевался над их самомнением: «У них нет постоянного местожительства, они прозябают в нищете и, как последние бездельники, все ожидают прихода Мессии. И тут же кичатся своим величием и особой ролью, которую возложил на них Бог, выделив их из всех прочих народов». К счастью, Бог попустил разрушить их храм, «дабы они устыдились и забыли свое бахвальство». В других местах он прибегает к более распространенным обвинениям: «Это подлый народ, народ ростовщиков, несущий всем народам разорение... От этих жалких людишек не добьешься никакого толку, потому что они не желают внимать Божьему Слову, но довольствуются собственными представлениями». Как-то, посмеиваясь, он рассказал историю следующего содержания. Некий еврей дал (Лютер говорит именно «дал», а не «продал») герцогу Альбрехту Саксонскому, дяде Фридриха и Иоганна, талисман, якобы защищающий от холодного оружия. Герцог проводил еврея до городских ворот, своей рукой повесил ему талисман на шею, а затем взял и проткнул бедолагу шпагой, приговаривая: «Хорош бы я был, если б доверился тебе!» «Нельзя осуждать герцога за этот поступок», — комментирует Лютер. Еще характернее такое высказывание: «Если еврей придет ко мне креститься, я исполню его просьбу, но сразу после крещения сведу его на мост через Эльбу, повешу ему на шею мельничный жернов и столкну его в воду».

В 1542 году он предрекал скорый крах иудаизма, который, по мысли Лютера, должен совпасть с крахом папизма — второго великого обманщика, отравляющего ядом своей лжи Церковь. Этот текст, озаглавленный «Евреи и их ложные выдумки» (Von den Juden und ihren Lugen), он писал на одном дыхании, как всегда случалось с ним в минуты гневного возбуждения. Но сказанного показалось ему недостаточно, и вскоре на свет появилось еще одно сочинение, выдержанное в гораздо более грубом и развязном стиле — «Шем Хамфорас и происхождение

Христа». «Шем Хамфорас» на древнееврейском означает «невыразимое имя», то есть имя, которое можно назвать только с помощью других слов. Этим произносимым на человеческом языке, отстраненным и высшим по отношению ко всему остальному именем зовется Яхве. Лютер понимал значение древнееврейского слова и придумал ему замену — Шам Хаперес, что в переводе означает «вот дерьмо». Еще несколько месяцев спустя он опубликовал «Последние речения Давида», дополняющие предыдущие сочинения.

Обрушиваясь на евреев, он воспользовался собственными находками времен улюлюканья по адресу духовенства. «Сжигайте их синагоги и школы! Что не горит, то засыпайте землей! Рушьте их до основания, чтобы не осталось ни камня, ни обломка! Крушите и ломайте их дома! Отнимите у них молитвенные книги и талмудические сборники! Под страхом смерти запретите раввинам обучать остальных! Лишите евреев всех прав на охрану и защиту со стороны властей! Запретите им заниматься торговлей! Отберите у них сбережения, драгоценности, золото и серебро! А если и этого покажется вам мало, гоните их прочь, как бешеных собак!» Вот такие лозунги звучали в Германии в 1542 году...

Как водится, после подстрекательства к драке наступала очередь экскрементов. Жирную свинью, именуемую Синагогой, евреи «должны безропотно целовать под хвост». Этот совет, впервые прозвучавший в «Ложных выдумках», повторяется затем в «Шем Хамфорас»: «Поспешите к целованию, ибо дьявол как раз изволил облегчиться! Ведь все, что еврей и желающий быть евреем должен целовать, есть, пить, чему он обязан поклоняться, все это свято. Дьявол тоже ест и пьет то, что его ученики извергают через верх и через низ... Вот и наш дьявол со своим ангельским рылом жадно пожирает то, что евреи выbleвали через глотку и вывалили через задницу. Ах, какой восхитительный десерт! Он наслаждается кормежкой, точь-в-точь свинья помоями». Откуда в книгах иудаистов такое количество заумных объяснений, задается вопросом Лютер. Оказывается, ответ прост: «Евреи заглянули в задний проход к своему богу Шеду и в этой черной опаленной дыре нашли все свои откровения».

Рассуждая на любую тему, Лютер, как правило, не может удержаться, чтобы не заговорить о себе. Если принять все им написанное за пространную речь адвоката, то окажется, что в каждом новом «разделе» этой речи непременно найдется фрагмент его личной биографии. Любой спор по вопросам догматики выливается у него в полемику и исповедь — два способа самооправдания. Иногда полемический настрой задает именно конфиденциальный тон изложения, как, например, в первой части

антииудаистской трилогии, где он сравнивает своих противников со свиньями.

И выясняется, что он порой испытывает чувство... зависти к этим самым свиньям! С той поры как Катарина развела в бывших монастырских службах свиноферму, ему, должно быть, нередко доводилось наблюдать за этими мирными домашними животными, и в голову ему приходили довольно странные мысли. «Я слишком хорошо знаю: человек, испытавший давящий ужас смерти, предпочел бы сделаться свиньей, лишь бы избавиться от гнетущего чувства страха. Свинья валяется в уличной пыли или лежит на куче навоза, но ей хорошо, как на самой мягкой перине. Она ни о чем не думает, а только мирно похрюкивает или сладко спит. Ей не надо бояться ни короля, ни хозяина, ни смерти, ни ада, ни беса, ни Божьего гнева. О чем ей волноваться? Ей даже не нужно заботиться о пропитании, потому что ее корыто всегда полно отрубей. Но попробуйте сдвинуть ее с насиженного места, и она недовольно заворчит. Если б она умела говорить, мы бы, наверное, услышали: «Глупец! Посмотри, как нелеп ты в своем гневе! Ты лишен даже малой части того счастья, которым владею я, и будь ты стократ богаче и могущественнее, и тогда не видать тебе и часа того безмятежного покоя, каким наполнены все мои дни! Да, свинье незачем размышлять о смерти; она живет, не ведая страха, и наслаждается жизнью». Далее Лютер приводит цитату из Эпикура, который, правда, писал о смерти человека, а не свиньи: «До самого смертного часа человек не верит, что умрет. Никогда раньше ему не приходилось испытать, что же это такое — смерть. Жизнь казалась ему прекрасной и вечной. В этом отношении ни один человек, будь он царь или Мессия, ожидаемый евреями, несмотря на всю свою хитрость, величие, богатство, святость и могущество, не может тягаться с обыкновенным поросенком».

Но покуда смерть, приближение которой он со страхом предчувствовал, не явилась за ним, он спешил закончить еще одно дело — расквитаться с таинственниками. В сентябре 1544 года он выпустил «Краткую исповедь доктора Мартина Лютера о Святом Причастии». «Прежде чем сойти в могилу и предстать перед Высшим Судом, я хотел бы получить доказательство, что, исполняя волю Божью, всегда гнал и преследовал фанатичных врагов Святого Причастия — Карлштадта, Цвингли, Эколампадоса, Швенкфельда и их учеников, засевших в Цюрихе и других городах. В Марбурге мы пошли им на некоторые уступки, но это оказалось бесполезно — они стали вести себя только хуже. Сотни раз я ловил их на лжи и святотатстве. Больше я не желаю спорить с ними.

Христос сказал Свое Слово, а я верую во Христа».

И действительно, он уже не спорит, а яростно клеймит своих врагов. Меланхтон и Буцер, участвовавшие в составлении «Кельнской Реформации», в которой догмат о реальном присутствии был сформулирован с такими оговорками, что утратил всякий смысл, с ужасом ждали гневной реакции Лютера. Особенно трепетал Меланхтон. Он откровенно боялся, что в своем новом сочинении Лютер прямо укажет на него, и делился своими опасениями с друзьями и покровителями. Меланхтон предупреждал их: если Лютер выступит с его критикой, он уедет из Виттенберга. Для колыбели Реформации потеря Меланхтона стала бы настоящим скандалом!

К Лютеру подослали советника курфюрста, после переговоров с которым он пообещал не нападать на «своих», разве что намеками. Опасность раскола внутри виттенбергской школы была преодолена, а всю мощь своего гнева он обрушил на «швейцарцев», этих «душегубов с лживым языком и сатанинским сердцем». В заключение автор запрещал лютеранам молиться за своих врагов. Брошенную Лютером перчатку поднял Буллингер, назвавший это сочинение «грязной бранью взбесившегося бесстыжего старика». Лютер не удостоил его ответом. Он считал, что сказал своим врагам все, что хотел сказать. Теперь его занимала другая забота: он готовил последнюю атаку на главного своего врага — папу. Только спев свою лебединую песню, он мог умереть спокойно.

«Песня», исполненная лиризма, эпического размаха и драматизма, вышла из-под печатных прессов 26 марта 1545 года и называлась «Против римского папства, основанного дьяволом» (*Wider das Papstum zu Rom vom Teufel gestiftet*). Первые страницы посвящены нападкам на Тридентский собор. «Его сатанейшество (Лютер заменил титул «*sanctissimus*» — святейшество — на «*satanissimus*». — И. Г.) Павел III» созывает собор. А зачем ему собор, если он мнит себя выше всяких соборов? Уж немцам-то он точно ни к чему, потому что они уже успели провести у себя реформу. Значит, это сборище нужно одной только «римской гадине». Далее автор ставит три вопроса и сам же отвечает на них. Вопрос первый: правда ли, что папа «является главой христианского мира, стоящим, как он мнит, выше соборов, императоров, ангелов и всех тварей Божьих?» Нет, заявляет автор, папство «дерзостно» вознеслось «на обломках Церкви». Оно подчинило себе епископов, утвердило себя «абсолютным повелителем веры, догматов, Писания, попрало светскую власть». Но папство не смеет претендовать на божественность происхождения. Когда Иисус сказал Петру: «Паси моих овец!», он обращался в равной мере ко всем своим апостолам и ученикам.

Поэтому Рим не является престолом наместника Христа. Рим — «проклятая держава, несущая погибель душам и разорение народам». Папа — «враг рода человеческого, антихрист, воссевший на Святом престоле, грешник, наводнивший мир гнусностями». Папство — «величайший бич человечества, худшее из бедствий, которые насылает на мир сатана». Вопрос второй: правда ли, что никому не дано ни судить, ни сместить папу, «кичащегося своей неподсудностью»? Ответ прост: получая крещение, христианин отрекается от дьявола, следовательно, каждый крещеный ребенок имеет право «судить папу и выносить ему приговор, не слушать его, отворачиваться от него и топтать его ногами». Вопрос третий: правда ли, что папа, как он любит хвастать, передал немцам империю греков? Нет, неправда, ибо папа узурпировал власть, следовательно, никому не может передать ее и никто не обязан ему повиноваться.

Таково в общих чертах содержание книги. Что же касается деталей, то их анализ показывает, что в качестве историка папства Лютер больше внимания уделял оскорбительности тона, чем доказательствам. На самом деле, его труд больше всего напоминает простое сведение счетов. Рана, нанесенная ему отлучением, так и не затянулась, и ему было неважно, кто именно нанес эту рану — Лев X или другой папа. Он все еще кричал от боли, даже не замечая, что его обидчика перед ним давно нет, а на его месте совсем другой человек. Трактат о папстве обретает эпический размах, когда автор переходит к описанию действий и чувств конкретных персонажей. «Внутри папистов кишмя кишат все черти ада! Кишат, кишат, да так, что в каждом их плевке, в каждой куче дерьма — одни черти! Они выворачивают перед нами наизнанку задницу, и по этому-то признаку мы их и узнаем!»

Может быть, есть какие-нибудь особые признаки и для опознания римских католиков? «Кардиналы и вся шатия-братия из римской курии спереди — мужчины, а сзади — женщины», а «папская Церковь это Церковь блудниц и гермафродитов». Сам папа — «буйнопомешанный, фальсификатор истории, лжец, святотатец, извратитель, угнетатель императора, королей и всей Вселенной, мошенник, плут, грабитель церковных и мирских богатств. Да разве перечислишь все его преступления? Он явился на свет из чертовой задницы, а потому битком набит чертями, кощунами, враками и идолопоклонством; он враг Божий, антихрист, разрушитель христианства, церковный вор, похититель святых ключей, сутенер и содомит». Ознакомившись со столь внушительным списком, проводники Реформации, видимо, должны были испытать некоторое самоуспокоение.

Папа сказал лукавому: «Прииди, сатана! Если ты владеешь мирами

кроме нашего, я хочу получить их все, а за это готов не только поклониться тебе, но и лизать тебе задницу». Что касается папских указов, то все они «скреплены печатью дьяволова дерьма, а писаны ветрами, что испускает папа-осел». А попробуй поморщиться! Папа объявил своей пастве: «Кто не поклонится моим ветрам, тот совершит смертный грех и отправится прямоком в ад!» Но вот поэт Лютер читает декреталию папы «Significasti», в которой говорится, что овцы стада Христова вверяются заботам папы, преемника святого Петра. «Я перепугался, — повествует он. — Честное слово, я решил, что начался ураган. Но это всего лишь папа-осел испортил воздух! А я-то думал, что слышу раскат грома! И как только ему не разорвало задницу и брюхо!»

Лирика начинается, когда поэт пытается выразить свои чувства в связи с происходящими событиями. «Ах, если б я был император! Я знаю, что я тогда сделал бы! Я бы связал по двое всех этих гнусных разбойников — папу, кардиналов и всю папскую шайку. Я отвел бы их за три мили от Рима, в Остию. Там, как известно, плещется водоем, именуемый Тирренским морем, воды которого чрезвычайно целительны при чуме, огорчениях и преступной святости пап, кардиналов и прочих обитателей Святого Престола. И я окунул бы их в волны и хорошенько искупал. Если же, как большинство одержимых и утративших рассудок, они проявили бы признаки водобоязни, я для большей надежности привязал бы им на шею тот самый Камень, на котором они основали свою Церковь. Сюда же повесил бы я и ключи, которыми они отпирают и запирают все, что пожелают, на земле и на небесах, — пусть-ка попробуют пошуровать ими в воде! А еще дам пастырский жезл и палицу и посмотрю, как они будут биться мордой об воду, пока не разобьют ее в кровь!» Он готов поклясться, что зрелище будет что надо, и чтобы насладиться им, «не побоялся бы прогневить и Повелителя моего Христа».

Еще один лирический отрывок посвящен самозащите. Еще бы, ведь «святая Павлина III» не позволила ему участвовать в соборе. Вот что пишет он на латыни: «От имени всех нас я обращаюсь с призывом к Святому Римскому Престолу, тому самому престолу, что проводит осмотр пап, дабы определить, кто перед ним — мужчины или женщины. Если они мужчины, пусть предъявят testes». Последнее слово, которое переводится как «свидетели», совершенно очевидно содержит намек на нечто иное. «Если же они женщины, я повторю им слова св. Павла: «Женщина! Молчи, когда приходишь в церковь!» Затем следует обращение к немецкому читателю, который, автор предчувствует это, уже покатывается со смеху: «Не смейся, читатель! Задумайся над тем, что хохот подействует на твое брюхо, как

слабительная пилюля, и ты выстрелишь папе под нос, воссдавив его содержимым своей утробы!»^[32] После того как папа отобрал у святого Петра ключи от райских врат, «мы можем с чистой совестью прихватить с собой в нужник папский герб, украшенный изображением этих ключей, а потом навалить на него кучу и бросить в огонь. Как только христианин увидит папский герб, он должен во имя славы Божьей плюнуть на него и забросать его грязью!»

Драматическим накалом проникнуты воображаемые диалоги поэта со своим врагом. Исчерпав запас ругательств, поэт принимается утешать папу: «Ну же, милый ослик Павел, не сердись! Не злись, любовь моя, папуля-ослик! Ослица моя ненаглядная, не дуйся! Зима нынче ранняя, на дорогах гололед, ты можешь упасть и сломать лапку. А вдруг тебя прослабит? Ведь люди засмеют! Гляди-ка, скажут, вот мерзавец! Лежит себе в дерьме и ухом не ведет!» Но папа упорствует по-прежнему. Он отвергает учение Реформатора, намеревается созвать собор и требует, чтобы люди с уважением относились к словам, которые произносят его уста. «О каких это устах ты толкуешь? — вопрошает оппонент папы. — Уж не о тех ли, что выпускают ветры? А может, о тех, куда так легко льются добрые вина? А может, о тех, куда пес справляет свою нужду?»

Диалог поднимается до вершин трагизма, когда противники в прямом словесном поединке скрещивают шпаги.

«Лютер: Любезнейшая папесса! Когда тебе придется носить отрепье, не забудь попросить черта с его матушкой, чтобы они заштопали твои лохмотья! Но скажи, неужто ты совсем не боишься, что Бог поразит тебя громом и молнией, что земля разверзнется под твоими ногами и ты провалишься в преисподнюю? Для чего же ты святотатствуешь и бесстыдно извращаешь Слово Божье?

Папа: Ах! Да благословит тебя Бог, милостивый государь мой, Свиное Отродье! Ах вы, немецкие пропойцы! Вы что же, думаете, что мы такие же безмозглые, как вы, чтобы верить во все враки и бредни про Бога да про вашего Христа, который давным-давно помер?

Лютер: Ишь, что запел! Зачем же ты тогда захватил себе и никому не отдаешь такие слова, как «камень», «ключи», «пастырь»?

Папа: Милый мой! Лучше держать дикарей в стаде, чем позволить им и нас превратить в дикарей! А мы, как добрые христиане, пользуемся вашей верой, чтобы вас же и заманить в ловушку. Так мы вас и держим, и ведем туда, куда надо нам, а не вам, германские остолопы!

Лютер: Тысяча благодарностей, господин Осел, ваше сатанейшество, за столь ценные сведения!»

На фронтисписе этого вдохновенного труда Лютер поместил гравюру, служащую наглядной иллюстрацией к тексту и изображающую папу, поклоняющегося дьяволу. Главу католической Церкви держит над адской бездной толпа чертей; они же венчают его тиарой. Папа протягивает молитвенно сложенные руки к сатане, который реет над ним, демонстрируя зрителю выстриженную на голове монашескую тонзуру.

Очевидно, эта картинка имела шумный успех, потому что в начале мая, то есть через два месяца после выхода в свет сочинения Лютера «Против папства», он издал альбом уже из десяти гравюр, выполненных в мастерской Лукаса Кранаха, озаглавленный «Образ папства». Впоследствии альбом переиздавался не один раз, поэтому порядок расположения картинок и текст комментария к ним известны в нескольких вариантах. Аббат Пакье, переиздавший альбом в качестве приложения к IV тому книги Денифле «Лютер», воспользовался экземпляром, хранящимся в Британском музее. Получилось весьма поучительно!

Первая гравюра называется «Рождение и происхождение папы». На ней показано, как папа вместе с кардиналами появляется на свет из живота чудовищной дьяволицы. Его принимают три фурии: первая кормит его грудью, вторая качает в колыбели, а третья учит ходить. Вторая гравюра почти в точности воспроизводит картинку, опубликованную в 1523 году и изображавшую выловленного из Тибра папу-осла; впрочем, кое-какие изменения присутствуют. Так, голова ослицы обрела более звериный облик, а знак половой принадлежности — вполне человеческий — выписан более тщательно. Третья гравюра воспроизводит фронтиспис уже упоминавшегося памфлета, а подпись под ней гласит «Царство сатаны и папы».

Четвертая называется «Целование папских стоп». Папа сидит на троне между двумя кардиналами, в руке он держит буллу об отлучении (воспоминание об этом преследовало Лютера и 25 лет спустя!), которую лижут языки пламени. Спина к нему стоят два человека (отлученные?). Они показывают папе язык и, спустив штаны, посылают в его направлении по облачку из-под низа живота. Пятая гравюра — «Поклонение папе, богу земному». Поклонение, как это особенно любит Лютер, совершается ниже пояса. Вокруг валяющейся на земле тиары стоят три наемника. Первый натягивает штаны, второй, присев на край тиары, справляет в нее нужду, третий, напротив, штаны снимает, готовясь, по-видимому, сделать то же самое. Шестая гравюра — «Папа созывает в Германии собор». Увенчанный тиарой папа сидит верхом на огромной жирной свинье; в левой руке он держит кучу дымящихся экскрементов, которые благословляет правой.

Седьмая гравюра — «Папа — магистр богословия и доктор веры». На сей раз в тиаре сидит осел под балдахином и как ни в чем не бывало играет на волынке. Восьмая гравюра — «Папа жалуется императоров за их великие заслуги». Под картинкой имеется комментарий: «Конрадин, сын императора Конрада IV, король Сицилии, обезглавлен папой Климентом IV». Станный подход к историческому материалу! На самом деле Конрадина казнил Карл Анжуйский, король Неаполитанский. Девятая гравюра — «Достойная награда его сатанейшеству папе и его кардиналам». Папа и кардиналы болтаются на виселице, а толпа ужасного вида чертей уносит их души. Десятая гравюра встречается не во всех изданиях. Она подписана так: «Послушный св. Петру, папа чествует короля». На картинке видим императора, распростертого перед папой, который ставит ногу ему на голову. Помимо подписей под каждой гравюрой было напечатано четверостишие. Автор — Мартин Лютер.

Сборник назидательных картинок из жизни католиков задумывался как упрощенный вариант трактата «Против папства», предназначенный для неграмотных. «Пусть и не умеющие читать миряне увидят и поймут, что думал Лютер о папизме», — записано рукой анонимного комментатора на экземпляре, хранящемся в Галле. Почерк, соответствующий той эпохе, позволяет предположить, что запись принадлежит одному из друзей или учеников Реформатора. Поэтому, так подробно описывая этот альбом, мы вовсе не ставили своей целью бросить тень на славную память Лютера, на старости лет вздумавшего «поразвлечься», но, напротив, стремились показать, что речь идет о выражении глубинных и никогда не скрывавшихся убеждений. Об их глубине говорит использование в этом сочинении тех самых выражений, которые автор употребил во всех своих памфлетах против Рима, начиная с брошюры «Против буллы о жратве», появившейся в 1522 году. О том, что сам Лютер отнюдь не относился к этой работе как к случайной и «проходной», говорит свидетельство, оставленное пастором из Галле Матиасом Ванкелем. Ванкеля крайне удивило появление альбома, и он обратился к учителю за разъяснениями.

15 мая 1545 года — Ванкель придавал такое значение разговору с Лютером, что отметил дату, когда он состоялся, — Реформатор сказал ему следующее: «Я знаю, что жить мне осталось недолго, а мне еще нужно поведать миру слишком многое о папе и его царстве. Поэтому я и предпринял публикацию этих гравюр. Каждая из них заключает в себе целую книгу, которую я мог бы написать о папе и папизме. Я хотел засвидетельствовать перед всем миром, что именно я думаю о папе и его власти. Пусть эти гравюры станут моим завещанием. И я не случайно

поставил свое имя под каждой из них. Я не хочу, чтобы потом пошли разговоры, что, дескать, эти картинки — лишь клевета на Лютера. И если когда-нибудь, сейчас или в будущем, найдется человек, которому они покажутся оскорбительными, пусть все знают: я готов отвечать за них перед лицом всей Империи».

Поэтому, заостряя внимание на появлении этого альбома и подчеркивая его непристойный характер, мы вовсе не клеветаем на Пророка Реформации, а лишь исполняем его же собственную волю. Не для того, чтобы потешить падкого на сальности читателя, мы так подробно останавливаемся на работе, которой сам автор придавал огромное значение. Нам важно проникнуть вглубь его сознания и понять, что двигало им при создании альбома. Очевидно, что зрелый Лютер ничем не отличался от Лютера первых лет борьбы с Римом. С того дня, когда он заявил: «Больше никогда!», до дня, когда он подтвердил свою готовность «ответить перед всей Германской империей за оскорбления в адрес ненавистного папизма», он сохранил верность себе и не изменил ни одному из своих убеждений.

Пасквиль «Против папства» и наглядно иллюстрирующее его приложение — не забудем, сам автор признавал, что каждая из гравюр равноценна целой книге, которую он мог бы написать, — продолжают, развивают и доводят до логического завершения его же «Призыв к немецкому дворянству». В 1520 году, на заре своего бунта, Лютер обвинил папу в том, что тот вознесся выше Бога, и призвал все кары небесные на голову этого греховодника и сына погибели. Он молил провидение разорить римское гнездо, но в то же время подстрекал дворянство во главе с императором сбросить папскую тиранию. 25 лет спустя он говорил тем же самым языком, разве что с большей долей развязности, что, впрочем, только добавляло его речам искренности: юный монах, отворачивавший взор от любой мало-мальски непристойной картинки, давно отказался от внутренней цензуры; максималист, трепетавший от ужаса при одной мысли о вожделении, успел пресытиться всеми земными радостями.

В области политики он уже отказался от идеи склонить императора к крестовому походу против «папы-осла» и всей его «конюшни». Он чувствовал себя усталым, разочарованным и изверившимся. Давно канули в прошлое времена, когда в нем ключом била молодая энергия, когда его переполняло сознание нерастраченных сил. Теперь силы иссякли, а в душе осталась горечь, окрашенная предчувствием конца. Не ослабла одна только ненависть, и, не находя себе иного выхода, она изливалась в горячечных воплях, доходящих до низости. Молодой волк еще рычал, но высунуть из норы нос уже не смел. Оттого-то и рычал все громче и все ожесточеннее,

словно надеялся, что от его рыка, как от колдовского заклинания, враги впадут в слепой ужас и сдадутся без боя. Но чем яростнее звучал этот рык, тем отчетливее слышалось в нем отчаяние. Он лучше всех знал, что кусаться ему уже нечем...

На грязные оскорбления, граничившие с непристойностью, его, именовавшего себя лидером германской нации, толкала отнюдь не любовь к милым шуткам. Обе публикации 1545 года стали завершающим аккордом его бунта и одновременно призывом к единомышленникам довести этот бунт до победного конца. Сам он уже не верил в победу — потому-то и позволял себе опускаться до явных низостей. Но чем еще он мог показать свое превосходство над папой? А так, поливая грязью непогрешимого, он чувствовал себя победителем. Другие падали перед папой ниц, а он окунал его в нечистоты; другие курили ему фимиам, а он демонстративно зажимал себе нос, якобы не в силах сдержать отвращения; другие склонялись перед папской тиарой как перед символом высшей власти, а он смело топтал ее ногами. И все это время его поддерживало сознание своей дерзновенности.

Отстаивая пророческий характер своей миссии, он выстраивал систему доказательств от противного. Ему не удалось обратить в свою веру весь христианский мир — но разве сумел Христос обратить Капернаум? Он не убедил в своей правоте гуманистов — но разве убедил Христос фарисеев? Он не добился признания от императора и королей христианских государств — но разве признал Христа царь Ирод? Когда же от него требовались более весомые аргументы в споре, он принимался... браниться. Душившая его ненависть заставляла его бросать в лицо увенчанному тиарой папе римскому такие страшные обвинения, что ни о какой сдержанности и порядочности, ни о каких внешних приличиях не могло уже идти и речи. В этом смысле он действительно мог считать себя Пророком, ведь ему удалось лишить папу Власти над всем христианским миром и открыть новую эру, названную его именем.

Теперь не страшно было и умирать. Опубликовав альбом гравюр, он поставил точку в своей миссии. Незадолго до смерти он еще раз вспоминал о них: «Эти чертовы картинки наверняка приведут папу в ярость. Так ему, свинье, и надо! Пусть подавится собственным хвостом! Они могут меня убить (снова, как перед Вормсским рейхстагом, он демонстрирует героизм. — И. Г.), но им все равно придется сожрать ту кучу дерьма, что папа держит в руке (имеется в виду гравюра номер шесть. — И. Г.)... У меня перед ними огромное преимущество: я подчиняюсь тому, чье имя Шеблимини (на древнееврейском: «Сядешь одесную от Меня». — И. Г.). И Он говорит: «В последний день воскрешу вас». И Он скажет: «Доктор

Мартин, доктор Ионас, господин Михаэль, восстаньте!» И каждого из нас назовет поименно... Поэтому ничего не бойтесь!» Значит, те, кто открыто выступил против Рима, заслужили вечную награду. Что же касается папы и церковников, то им надеяться не на что: Лютер уже определил им место в аду. Лично за себя он мог не волноваться: невзирая на переполнявшую его ненависть, он твердо рассчитывал на Божье милосердие, ибо имел главное — веру.

Отношение к папству в полной мере разделили с Лютером его непосредственные сподвижники, заимствовавшие у учителя и методы борьбы с Римом. Через три года после появления «Картинок» Флаций Иллирик опубликовал памфлет против Тридентского собора, в котором пытался доказать, что римские порядки «ведут от Христа к антихристу». На фронтисписе книги он поместил ту самую шестую гравюру, которой перед смертью так восхищался Лютер (папа верхом на свинье), сопроводив ее комментарием. Мало того, он упомянул эту гравюру в самом названии книги: «Пояснение к постыдному греху... Благодаря пророческой гравюре третьего Илии, Мартина Лютера». Итак, святотатственная картинка, еще недавно просто немыслимая в церковном издании, теперь преподносилась как доказательство пророческой миссии Реформатора. Иллирик сурово отчитал тех многочисленных лютеран, которые под влиянием «мудрствований, благопристойности и стыдливости, продиктованных более телом, чем духом, приняли эти картинки за плод воображения «утратившего совесть и разум старика». Они решительно не правы, поясняет Иллирик. На самом деле, картинки суть результат «усердия и мудрости, внушенных Божественным духом». Ибо «нет такого дерьма, которое смердело бы гаже, чем папизм для Бога и ангелов. Папизм — вот наимерзейшее чертово дерьмо». Что ж, в одном новый Илия мог быть уверен: ученики верно восприняли дух его учения.

Опубликовав свое духовное завещание, Мартин Лютер закончил подготовку к кончине. О завещаниях более материального порядка он позаботился еще раньше, составив их сразу два. Первое было написано в Готе в 1537 году, когда его терзал приступ почечно-каменной болезни. Он тогда пребывал в радостной уверенности, что с помощью Слова Божия одолел-таки папизм. Второе завещание появилось в 1542 году. Выдержанное в торжественном духе, оно касается в основном семейных дел Лютера. Первая его часть посвящена заботе о близких: перечисляя имущество, оставляемое в наследство жене, завещатель попутно воздает хвалу «верной, набожной и нежно любившей супруге», которая, он уверен,

останется заботливой и добросовестной матерью.

В конце документа Лютер поясняет, что хотя завещание не облечено в должную форму (он ненавидел юристов) и не заверено у нотариуса, оно заслуживает полного доверия, ибо Отец Небесный «доверил ему, ничтожному и многогрешному, Евангелие от Его Сына». Благодаря его усилиям, говорится далее, «многие мужи познали Евангелие», следовательно, его, Лютера, можно смело считать «доктором Истины даже вопреки отлучению от Церкви, ответственность за которое лежит на папе, императоре, королях, князьях, священниках и злобе сатаны». В качестве подписи он начертал: «Мартин Лютер, нотариус от Бога, Свидетель Евангелия».

В этом документе нашли воплощение оба принципа, на которых строились его убеждения начиная с 1520 года. Он — Божий избраннык, наделенный миссией нести в мир Евангелие; поскольку же двух Церквей быть не может, значит, глава второй Церкви служит дьяволу. Война между ними — это война на уничтожение, и иначе быть не может. Враг отлучил его от Церкви, он же, в свою очередь, отлучает его. И пусть сильные мира сего отказываются его признавать, есть на земле множество светлых духом людей, и им-то известно, что на самом деле он — Свидетель Иисуса Христа.

Именно в этом качестве графы Мансфельдские вскоре призвали его в Эйслебен, обратившись с просьбой помочь в разрешении семейного конфликта. 23 января 1546 года он выехал из Виттенберга. В Галле пришлось задержаться — разлив Зале преградил дальнейший путь. Лютер воспользовался непредвиденной остановкой, чтобы выступить с гневной проповедью против последних остававшихся в городе монахов, потребовав «изгнать этих безумцев вон». Несколькими днями позже, уже в Эйслебене, в последней своей публичной проповеди он так же потребовал изгнания из города евреев.

В родной город он въехал 28 января. Переговоры с графским семейством оказались трудными, так что достичь окончательного примирения удалось лишь 16 февраля. Лютер рвался назад, домой, но физически он так ослаб, что не мог подняться с постели. На следующий день с ним случился приступ, похожий на приступ стенокардии. По его просьбе ему приготовили снадобье из толченого рога единорога. Приняв порошок, он почувствовал себя значительно лучше. Впрочем, он не обманывался, понимая, что час его пробил. Друзья провели у его изголовья всю ночь. «О Боже! — стонал он. — Мне плохо, я боюсь!» Все в один голос принялись уверять его, что он поправится. «Нет, — возражал он. — Это

предсмертный пот... Мне все хуже и хуже». Он принялся молиться вслух, перемежая призывы к Богу хулой на своих врагов. «Отче Небесный, Боже-утешитель, благодарю Тебя за то, что открыл мне Сына Твоего Иисуса Христа, в которого верую, именем которого учил и исповедовал, которого любил и славил и которого негодяй папа и иные нечестивцы порочат, гонят и срамят... Я покидаю этот мир, но знаю, что вечно пребуду с Тобой, где никто уже не вырвет меня из Твоих рук».

Он несколько раз принимался шептать стих, который когда-то каждый день пел во время повечерия: «In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum»^[33]. Ионас громко обратился к нему: «Преподобный отец, готовы ли вы принять смерть с верой в Иисуса Христа и учение, которое проповедовали?» Он ответил: «Да». В три часа зимней саксонской ночи он испустил последний вздох.

Такова официальная версия. Она изложена в памятной записке, составленной тремя сподвижниками Лютера, находившимися возле него в последние часы его жизни и претендовавшими на роль очевидцев его кончины, — Юстом Ионасом, Аурифабером и придворным мансфельдским проповедником Михаэлем Целием. Их рассказ вполне мог сойти за достоверный и искренний, если б сам Целий, произносивший 20 февраля заупокойную проповедь, не возбудил у слушателей кое-каких подозрений. Уже на следующий день после кончины, возмущался он, нашлись люди, которые принялись распространять сплетни, не имеющие ничего общего с действительными событиями. Что это за люди и какие именно сплетни они распространяли, Целий не уточнял, зато пообещал в ближайшее время опубликовать, не считаясь с расходами, отчет, который заткнет пасть дьяволу, по чьему наущению и пущены в ход позорящие Реформатора слухи. И в самом деле, подготовленная в кратчайшие сроки «История» вскоре вышла из-под печатных прессов и разошлась тиражом в сто тысяч экземпляров.

Как ни оперативно была провернута эта акция, помешать распространению слухов она так и не смогла. По словам юриста Георга Эдера, цитировавшего самого Меланхтона, Лютер умер «скоропостижно, неожиданно и недостойно». Откуда такие сведения у Меланхтона и прочих «сплетников», передававших друг другу полные смутных намеков рассказы? Это все происки папистов, восклицал Целий. Но, помилуйте, откуда было взяться хоть одному паписту в окружении Лютера? Да и найдись такой, неужели он не постарался бы как можно скорее обнародовать подслушанную тайну? В том-то и дело, что разговоры по

поводу кончины Лютера не выходили за рамки слухов, передаваемых друг другу шепотом и по секрету, чтобы о них не пронюхали враги. Со стороны учеников и близких такое поведение выглядит вполне логичным. Именно так ведут себя люди, пережившие жестокое разочарование.

В памятной записке упоминалось, что помимо подписавших ее проповедников у смертного одра Реформатора присутствовал слуга по имени Амвросий, а также еще «один или двое других». Несмотря на расплывчатость информации, по ней легко догадаться, откуда пошли кривотолки. Следовательно, посвященных в тайну было несколько. Но вот сколько именно, осталось неизвестным, потому-то и локализовать источник слухов оказалось так трудно.

В Мансфельде чего только не болтали! В тот же год, когда умер Лютер, вышла книга Иоганна Кохлея. В ней автор приводит рассказ местного бюргера, судя по всему, осведомленного о всех событиях роковой ночи. Вскоре после полуночи к Реформатору вызвали двух медиков — магистра Симона Вильфа и доктора Людвига. Врачи констатировали, что пациент, еще накануне вечером пребывавший в приподнятом настроении и демонстрировавший чудеса красноречия, не подает более признаков жизни. На всякий случай они попытались применить крайнее средство — клистир, однако процедура не принесла результата.

Раз уж оживить больного не удалось, следовало объяснить причину смерти. Доктор настаивал на апоплексии. В самом деле, рот покойного был сведен судорогой, а вся правая половина лица почернела. Но магистр, убежденный, что такого святого человека Бог ни за что не наказал бы смертью от апоплексии, выдвинул версию о приступе удушья. Оба предположения выглядели вполне правдоподобно: по многочисленным свидетельствам, накануне вечером Лютер плотно поужинал и крепко выпил, и, вероятно, такой нагрузки его изношенный организм просто не выдержал.

Лекарь курфюрста Саксонского Ратцебергер^[34], время от времени пользовавшийся Лютера, придерживался иного мнения. Он предполагал, что Реформатор, скорее всего, умер от «болезненной скорби и меланхолии». В доказательство своих слов он вспоминал о том, что покойного постоянно преследовал страх перед дьяволом. В частности, он ссылался на Целия, который вместе с Ионасом слышал от самого Лютера такое признание. Это случилось за несколько дней до смерти учителя. Вечером он подошел к окну и хотел помолиться, как вдруг увидел, что во дворе, на фонтане, сидит дьявол. Лукавый осыпал его градом издевательских насмешек, а затем продемонстрировал ему свой зад. Это происшествие ввергло Лютера в

крайнее смятение.

Подобные рассказы продолжали будоражить Германию, да и остальной христианский мир, когда в 1592 году в Риме, а годом позже и в Кельне вышла книга под названием «De Signis Ecclesiae»^[35], написанная монахом-ораторианцем Томасом Боцио. Боцио исповедовал одного из слуг, присутствовавших при кончине Лютера. Обстоятельства этой смерти так потрясли несчастного слугу, что, выждав некоторое время, он бежал из Германии в Рим, где упросил принять его назад в лоно католической Церкви.

Слуга рассказал Боцио следующее. В ночь с 17 на 18 февраля Лютер после весьма плотного ужина и в самом веселом расположении духа отправился спать. Однако среди ночи он внезапно проснулся, охваченный безотчетным ужасом, и удавился «посредством скользящего узла». Отсюда и симптомы, зафиксированные медиками. Срочно вызванные проповедники смогли лишь констатировать свершившийся факт. Тогда они потребовали от всех домочадцев клятвы, что «ради чести Евангелия» никто из них не обмолвится об увиденном ни словом.

Этот рассказ дошел до сведения кельнского профессора философии Мартина Бекана, который решил убедиться в его достоверности. Он попросил слугу изложить свою историю в письменном виде, что тот и сделал. Францисканский монах-затворник Генрих Зедулий ознакомился с рассказом во Фрайбурге и в 1606 году издал его в Антверпене, включив в пространный труд под названием «Praescriptiones adversus haereses»^[36]. По содержанию изложенная им версия ничем не отличается от рассказа Боцио, с той существенной разницей, что принадлежит перу непосредственного очевидца. Самый важный отрывок заслуживает того, чтобы мы воспроизвели его текстуально:

«На другой день мы явились к хозяину, как обычно, чтобы одевать его. Каково же было наше горе, когда мы увидели Мартина Лютера повесившимся на своей кровати^[37] и самым жалким образом удушенным («juxta tectum suum pensilem, et misere strangulatum»). Страшное зрелище повешенного ввергло нас в ужас. Преодолев растерянность, мы побежали за князьями и спутниками Лютера, ужиновавшими с ним накануне, чтобы сообщить о его ужасной кончине. Они перепугались не меньше нашего и тут же стали требовать от нас множества разных вещей. Прежде всего они приказали нам хранить все увиденное в строгой тайне, чтобы не просочилось никаких слухов. Затем нам пришлось уложить оскверненное тело Лютера в постель, но уже без веревки на шее. Наконец, нам велели

рассказывать всем, что он скончался скоропостижно. За это нам посулили много всего, и мы твердо держали данное слово, как в знак привязанности к памяти хозяина, так и из-за приказания князей... Но правда, хоть и бывает попираема, если тому способствуют уважение к человеку, страх и деньги, но в конце концов торжествует, потому что религиозное чувство и угрызения совести все-таки сильнее».

На эту публикацию лютеранский мир ответил ледяным молчанием. Только в 1635 году, то есть 29 лет спустя, гамбургский пастор Ганс Мюллер осмелился его нарушить, издав «Lutherus defensus»^[38]. В этой книге он категорически опровергает все сколько-нибудь критические отзывы о Лютере, когда-либо появлявшиеся в тех или иных изданиях, по следующим пунктам: «Его женитьба, его несдержанность, его бранчивость, его святотатства, его ересь, его гордыня, его пьянство, его любовь к непристойностям, его непостоянство, его мятежный дух, его лживость, его сделки с дьяволом, превратное толкование им Священного Писания, его кончина, его похороны». Относительно трудов Боцио и Зедулия об обстоятельствах смерти Реформатора он заявил, что это не более чем месть папистов, а всех, кого интересуется истина, отсылал к «Истории», написанной тремя проповедниками-лютеранами.

11.

СИМВОЛ ГЕРМАНИИ

Тело Мартина Лютера с помпой перенесли из Эйслебена в Виттенберг. На всем пути следования траурной процессии в деревенских церквях звонили в колокола, собирая толпы народу. В Виттенберге состоялись пышные похороны. За гробом покойного шли богословы, пасторы, дворяне, бюргеры, студенты. Все они явились отдать последний долг человеку, которого считали своим освободителем.

А ведь на протяжении всех последних мрачных лет он только и делал, что сокрушался тем, как возмутительно ведут себя представители всех этих сословий! Он не жалел в их адрес язвительных замечаний и сулил им вечное проклятие. С завидным упорством он обличал, не скрывая горечи, непостоянство богословов, склоки и взаимную ненависть пасторов, бесчинства дворян, алчность бюргеров, развратность студентов. Всех без исключения обвинял он в жестокости, нравственной распущенности и глумлении над Законом Божиим. И все они пришли проводить его в последний путь? Да, пришли, потому что понимали: именно он снял с них узы, навязанные папизмом. Благодаря ему богословы смогли удобным для себя образом повернуть толкование христианских догматов, монахи — покинуть стены обителей и зажить мирской жизнью, дворяне — пополучить в свое владение церковные земли, бюргеры — свободно поклоняться маммоне, студенты — безнаказанно колотить в храмах витражи, гоняться за юбками и напиваться, как свиньи — именно с этими животными и сравнивал их Пророк.

Вот почему, несмотря на все человеческие слабости, из которых его близкие и не думали делать тайны, несмотря на хаос, воцарившийся в Германии и ответственность за который, по общему мнению, лежала на нем, никогда еще на похоронах не звучало такого единодушного хора восторженных похвал. Меланхтон, задыхавшийся в атмосфере Виттенберга и после 1538 года неоднократно жаловавшийся Дитриху, что Лютер всячески унижает его, превратив чуть ли не в раба, сравнивавший немецкого папу с демагогом Клеоном и разъяренным Гераклом; Меланхтон, о котором Амсдорф писал Лютеру, что он пригрозил у себя на груди змею, — этот самый Меланхтон, сообщая студентам о смерти учителя, патетически восклицал: «Ушел от нас возничий колесницы Израилевой, умело правивший Церковью в эти смутные и скорбные времена!» Меланхтон,

пытавшийся «мухлевать» с учением Лютера в Марбурге и Аугсбурге, а почти сразу после кончины Реформатора занявший диаметрально противоположную позицию по основным пунктам его учения, вызвал к студенческой толпе: «Не человеческая проницательность открыла ему глаза на истину о прощении грехов и спасении одной верой в Сына Божьего. Нет! Этого человека вдохновлял сам Бог, а потому и учение его исходит от Бога. Сохраним же память о нем в наших сердцах и станем продолжателями его дела!»

На следующий день, во время заупокойной службы он произнес такую речь: «Он пролил для нас свет на учение о спасении; он рассеял тучи, скрывавшие истину о покаянии... Он научил нас праведному поклонению Господу, поклонению с верой и ясным ее осознанием. Все, знавшие Лютера, запомнят, какой это был приветливый человек, равно любезный со всеми, равно далекий от любых ссор и раздоров. Оплачем же нашего героя! Ибо сегодня мы, как сироты, потерявшие отца!»

Признание Лютера Божьим посланником было для всех этих людей настоящей необходимостью. Что же удивляться, что Ионас так волновался в последние минуты жизни учителя? По его же свидетельству, он громко и торжественно спросил умирающего, по-прежнему ли он верит в учение, которое нес другим. Кому, как не ему, на протяжении четверти века исполнявшему роль духовника Лютера, было знать о его страхах, сомнениях и угрызениях совести? А вдруг, стоя на пороге вечности, этот непредсказуемый, не боящийся никаких скандалов человек отречется от всего, чему учил? Его, бесконечно уставшего от жизни, ничего не стоило поймать на этой усталости, чтобы минутную слабость выдать за отказ от прежних убеждений. Впрочем, еще в 1528 году в своей «Исповеди о Святом Причастии» Лютер, словно предвидя такую возможность, написал: «Если, не дай Бог, искус или страх смерти когда-либо заставят меня держать иные речи, пусть считается, что я ничего не говорил. Я заранее и во всеуслышание заявляю, что подобные слова должны быть расценены как непотребные и внушенные дьяволом». Потом, в припадке гнева, он как-то пригрозил, что способен отречься от своих убеждений и дать им обратный ход. Обо всем этом Ионас, конечно, знал, да и не он один. С каким же облегчением услышал он слетевшее с губ умирающего: «Да»! Оно стоило того, чтобы поведать о нем всей Германии: «Положа руку на сердце свидетельствуем, что он отошел к Господу с миром, не страшась подступающей кончины».

Освободитель Германии и после смерти обязан был оставаться фигурой символической, и его последователи не пожалели ради этого

никаких усилий. Когда он только начинал свой путь, возглавив бунт против Церкви, его уже изображали на портретах с нимбом над головой, освещенным лучами, исходящими от Святого Духа. Меланхтон в эту пору называл его «святейшим человеком» и заявлял, что «презирать Лютера — значит презирать Христа». Другой ученик именовал его «Ангелом Бога живого». После Вормсского рейхстага Лютер получил анонимное послание, автор которого обращался к нему в форме молитвы: «О Мартин, превосходящий ученостью и набожностью всех святых отцов, избранный Богом для толкования Писания!» Его прах еще не успели предать земле, а Ионас уже говорил о нем как о «великом Пророке» и сравнивал его с Иоанном Крестителем, а Михаэль Целий превозносил его как Божьего избранника, стоящего в одном ряду с Илией, Иеремией, Иоанном Крестителем и апостолами, и выражал при этом отнюдь не только свое личное мнение. На похоронах Бугенхаген зачитал в его честь следующий стих из Апокалипсиса: «И увидел я другого Ангела, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле». Свою речь он завершил призывом к колеблющимся отбросить всякие сомнения и смело устремиться вслед за Лютером, процитировав одну из последних произнесенных им перед смертью фраз: «О папа! При жизни я был тебе чумой, после смерти стану твоим концом!»

Уникальность судьбы Лютера заключается прежде всего в той роли, которую он играл долгих 25 лет — играл помимо своей воли, хотя и извлекая из нее пользу для самого себя. Судьба сделала его Символом Германии. Задумаясь, кому в церковных кругах нужна была его реформаторская деятельность. Считанным сторонникам Уиклифа и Гуса да еще, быть может, немногочисленным ученикам Пьера Вальдо, укрывшимся в Альпах. Как свидетельствуют все документы эпохи, Церковь в те времена настоятельно нуждалась в моральном обновлении и конкретных дисциплинарных мерах для его осуществления. Народы христианского мира жаждали прихода святого папы, который стал бы истинным Отцом верующих, а не просто очередным воинственным царьком. Они мечтали, чтобы епископы и кардиналы занимались церковными делами, а не прожигали жизнь в вихре удовольствий. Они хотели, чтобы монахи хранили верность уставу, а кюре ревностно исполняли свои обязанности, свершали таинства и отправляли божественную службу как положено. Пророк, приговоривший папу к смерти, отрицающий духовную власть епископов, провозгласивший никчемность монашеских обетов и церковных обрядов, никому из них не был нужен.

Напротив, выгоду из проповедей красноречивого и решительного

монаха извлекли те, кого моральное оздоровление религии интересовало меньше всего: националистически настроенное дворянство, жаждущее столкновения Германии с Римом; падшее духовенство, искавшее оправдания своему недостойному поведению; лжемонахи, рвавшиеся из монастырей в мирскую жизнь; князья, с вождением взиравшие на церковные земли; бюргеры, страстно мечтавшие сколотить состояние; наконец, смутьяны всех мастей, ненавидящие любую власть, и закоренелые греховодники, которых учение о спасении одной верой освобождало от ответственности за совершенные грехи. Доктрины Лютера специально никто не ждал, но, явившись, она устроила многих, найдя среди них живой отклик.

Оговоримся сразу: не следует путать два таких разных понятия, как Реформа и Реформация. Реформа представляла собой возврат к утраченным ценностям, к чистоте нравов и уважению законной власти — то есть ко всему тому, от чего папа, монашество да и все христианство откатились слишком далеко. Вселенские соборы, начиная с Латранского, состоявшегося в 1215 году, ориентировались на реформу Церкви, пока не пришел черед Тридентского собора, вошедшего в историю как собор, осуществивший Реформу с большой буквы. И если усилия Церкви, трудившейся в этом направлении на протяжении двух столетий, предшествовавших рождению Лютера, не принесли плодов, то причина крылась в расколе, глупом и позорном, но тем не менее потрясшем весь западный мир. В традиционном понимании Реформа есть постоянный процесс, протекающий внутри Церкви и осуществляемый силами и властью лиц, ее возглавляющих. Реформа видит свою первейшую цель в воспитании паствы в духе смирения и любви и придает первостепенное значение достижению единства и согласия. Реформация, задуманная Лютером, стремилась к созданию новой Церкви, противопоставившей себя прежней, основанной на ином учении, на иных законах и, разумеется, выдвинувшей другого лидера — открыто заявившего о своей враждебности к первому, не желавшего возвращаться на путь единства и согласия и приложившего все усилия к тому, чтобы разрыв стал окончательным и бесповоротным.

Реформация оформилась — постепенно и порой помимо воли ее вдохновителя — благодаря подмене трех важных понятий, которые затем и легли в основу новой Церкви. Во-первых, произошло смешение проблемы личности с проблемой Церкви. В юности Лютер, сначала послушник, затем принявший постриг монах, всей душой стремился к личной святости и

вовсе не помышлял о преобразовании Церкви. По-настоящему его заботило тогда только достижение мира с самим собой. Замкнувшись на сознании собственной греховности — или того, что он называл греховностью, — он меньше всего думал о болезнях, поразивших весь христианский мир. В посланиях апостола Павла доктор Лютер искал и нашел откровения, которые успокоили мятущуюся душу брата Мартина. Успокоили, но лишь до того дня, когда брат перестал быть братом, потому что доктор сумел доказать ему, что принятые им на себя обеты противоречат греховной природе человека, и не только ей, но и истинному учению Церкви. Эти два тезиса устраивали и чувство, и разум, но... Стоило ему вслух провозгласить догмат о спасении одной верой, идущий вразрез с официальным учением Церкви, как он обратился в еретика.

Во-вторых, произошла подмена самого объекта приложения сил Лютера по преобразованию Церкви, отколовшейся от Рима. Именно в этом аспекте уместно подчеркнуть разницу между Реформой и Реформацией. Лютер, вознесенный на роль Реформатора популярностью, которую снискали ему отнюдь не его толкования посланий апостола Павла, никогда не стремился к Реформе Церкви. Поначалу ему удалось ввести в заблуждение многих гуманистов, читавших его латинские сочинения, в первую очередь Эразма. Но очень скоро они поняли, что меньше всего озабоченный улучшением нравов, Лютер со своей доктриной неизбежности греха объективно лишь способствовал легализации существующих безобразий и, более того, их проникновению в такие сферы, где до него ничем подобным и не пахло. Вместо того чтобы призвать монахов возлюбить безбрачие, он всеми силами толкал их к разврату; вместо того чтобы напомнить им о смирении, открыто подстрекал к бунту. Практика религиозной жизни его больше не интересовала. Его заботила лишь теория — учение о спасении одной верой. И ничто не мешало теперь любому желающему броситься в омут греха с головой. Объявив о тщете дел, Лютер пришел к неизбежному выводу о необходимости закрыть монастыри, есть по пятницам сало и таскаться по борделям.

Наконец, третья подмена касается сферы религии и сферы политики. Ни Гуттена, ни Зиккингена, поверивших в мятежный потенциал Лютера, распространявших его труды и вербовавших ему сторонников в рядах аристократии и интеллигенции, совершенно не занимали вопросы чистоты религии. Князья-лютеране, гнавшие вон монахов и запрещающие служить мессу, сами отнюдь не отличались набожностью. Чего стоили в этом отношении курфюрсты Саксонские, курфюрст Бранденбургский, не говоря уже о ландграфе Гессенском или короле Датском — прожигателях жизни,

жадных до власти и денег! Поэтому Лютер не только не способствовал нравственному очищению Церкви, но, напротив, подтолкнул ее, во всяком случае, в Германии, к дальнейшему моральному падению. Он не только не освободил Церковь от гнета светской власти, но полностью подчинил первую последней. Его Церковь Духа оказалась на поверку нежизнеспособным мифом. Секуляризация церковных земель и замена власти епископа властью князя привели к утрате Церковью политической самостоятельности.

Одновременно Церковь лишилась и своей духовной власти. Учение о свободе толкования Писания вылилось на практике в появление бесчисленного числа новых догм и догматиков, их защищающих, а новая Церковь тут же начала дробиться на секты и толки, соперничающие друг с другом и предающие друг друга анафеме. Каждый из лидеров вновь образованных группировок считал отныне своим долгом толковать Писание по-своему, при этом максимально выхолащивая его суть. Нападки на авторитет Церкви, освященный тысячелетней традицией, приняли столь грубую и разнузданную форму, будоража самые низменные, самые порочные из человеческих устремлений, что такие добродетели, как смирение и долг, вообще потеряли в глазах людей всякую цену. Католики покорялись папе не потому, что считали его святым, а потому что он был для них наместником Иисуса Христа на земле. Даже если его власть оборачивалась деспотией, верующие знали: папа имеет право диктовать им законы бытия. Мало того, высмеивая и принижая культовые ценности и аскезу — по Лютеру, бессмысленные потуги гордыни, — новое учение сводило на нет понятия духовного труда и благочестия.

Итак, Лютер не принес никакой пользы Церкви. Но, может быть, он послужил хотя бы Германии? Может быть, злейший враг папы и приятель Гуттена способствовал процветанию Германской империи? Увы, его роль была прямо противоположной. Вспомним для начала его собственные сетования и горькие вздохи его сподвижников по поводу нравственного разложения, захватившего государства Центральной и Северной Германии. Но бытовой распушенностью дело не ограничилось. Отчуждение церковных земель в пользу алчного дворянства сопровождалось закрытием и ликвидацией лечебниц и прочих богоугодных заведений и как следствие обесцениванием в глазах обывателей таких ценностей, как милосердие, доброта, сострадание к бедным и обездоленным. В области культуры, особенно в сфере изобразительных искусств, начался настоящий застой, чтобы не сказать хуже. Проклиная скульптуру, витражи, фрески, заалтарные картины как проявления идолопоклонства, а величественные

готические здания как символ торжествующего папизма, Лютер перечеркнул само существование сакрального искусства. Должно быть, вчерашнему монаху доставляло немалую радость наблюдать за гибелью того, чему он еще недавно с трепетом поклонялся и что потом с ненавистью отверг. Уничтожение католического культа — и его обрядов, и его вещественных воплощений — можно считать актом культурной революции, ставившей своей целью стереть из памяти людей реалии минувшего прошлого. Именуя бывшее кощунством, легко было натравить народный гнев на виновников этого кощунства — католиков.

Итак, героем духа он не стал. Но Лютер разделил взгляды рыцарей и сыграл свою роль в консолидации Священного союза германской нации против Рима. Так нельзя ли назвать его хотя бы национальным немецким героем? Посмотрим, что получилось в действительности. Возмущение против папы быстро переросло в возмущение против императора, то есть человека, выдвинутого немецкой нацией — институтом имперской власти и лично выборщиками-курфюрстами — как гаранта своего единства. Борьба против императора обернулась для Германии тем же, чем стала борьба против папы для Церкви — дискредитацией власти и последующей раздробленностью страны. Призыв Лютера к немецким князьям не только не привел их к единству, но, напротив, спровоцировал раскол. Свобода толкования, вначале приложимая к догматике, затем распространившаяся на сферу морали, в конце концов захватила и политику, заразив мелких немецких суверенов тягой к независимости и нежеланием подчиняться кому бы то ни было. Дух сектантства, воцарившийся в религии, отозвался в государственном устройстве дальнейшим дроблением и обособлением отдельных земель. Заключив союзнический договор с королем Франции — злейшим врагом императора, князья-протестанты фактически совершили измену. Но если Франциск I жертвовал религиозными убеждениями в угоду политике, эти князья, поставив религиозные интересы выше политических, способствовали не только ослаблению Германии перед Францией, но и ослаблению всей Европы перед Османской империей. Стычки на религиозной почве, вскоре переросшие в Тридцатилетнюю войну, сделали возможным военное вмешательство Швеции в имперские дела. Вестфальский мир, заключенный столетие спустя после смерти Лютера, закрепил принципы этой самоубийственной политики. Германия уступила иноземным завоевателям значительные территории и признала право постороннего вмешательства во внутренние дела империи. Вестфальский мир признал существование 350 суверенных германских государств, каждое из которых имело право воевать друг с другом и вести независимую

внешнюю политику. Немецкий народ на сто с лишним лет превратился в жертву грабежей и массового уничтожения, эпидемий и разрухи. Фабрики стояли, крестьянские хозяйства приходили в запустение, в стране свирепствовала безработица. Стоило ли ради сомнительного удовольствия унижить императора-католика идти на такие жертвы? Увы, ненависть — особое чувство. Дай ему волю, его уже не остановить.

Каким же образом никому не ведомый пугливый монах всего за несколько лет сумел произвести такие потрясения? Почему миллионы немцев поддались тому тройному обману, о котором говорилось выше? Иными словами, какова роль личности Лютера в истории Германии? Все дело в том, что брошенные им семена попали на чрезвычайно благодатную почву. Неизвестно, что стало бы с его призывами, не прозвучи они столь своевременно. В самом деле, в XV и начале XVI века Германия переживала гораздо более глубокое моральное разложение, чем сопредельные с ней латинские страны. Князья-епископы, чувствовавшие вдали от Рима и вдали от императора политическую независимость, упивались своим могуществом, а высшее духовенство вообще не вникало в дела религии. Избрание молодого Альбрехта Гогенцоллерна наглядно доказывает, что епископами в Германии становились в это время отпрыски могущественных семейств, не только не имевшие духовного призвания, но зачастую лишенные даже обыкновенной набожности и озабоченные одним — получить в свое владение землю, на которой можно будет самовластно править. Можно, наверное, не уточнять, что и подначальные им священники, пользуясь полной бесконтрольностью, вели себя не лучше. Напрасно верующие ждали от них духовного руководства!

Тем временем в народе зрела потребность в духовных пастырях, Божьих людях, которые, как в минувшие золотые века расцвета Церкви, вывели бы их из мрака на свет. И тут явился Лютер со своей проповедью новой Церкви. Стоит ли удивляться, что толпа ловила каждое его слово? Протестантский историк Поль Сабатье сопоставляет лютеранскую Реформацию с Реформой, проведенной св. Франциском Ассизским. Последний, пишет он, «никогда не замахивался на роль новатора. Ереси, несущей угрозу Церкви и порождающей ненависть, для него не существовало. Для укрощения ереси существуют такие вещи, как инквизиция и крестовый поход. И Франциск рассеял ересь, как солнечный свет рассеивает ночную тьму. Если бы в XVI веке жил такой человек, как св. Франциск, голоса Лютера и Кальвина потонули бы в общем хоре голосов». Чуть дальше он отмечает, что «у других проповедь тех же самых евангельских истин оставалась пустым звуком, заглушаемая гордыней,

тогда как он сумел вдохнуть в них новую душу, оживив смирением, любовью и покорностью».

Еще одним германским императивом стала жажда освобождения от власти Рима. Впрочем, в самом факте римского владычества над Священной империей, осуществляемого через князей-епископов, прослеживалась определенная историческая закономерность. Вспомним, что германские императоры на протяжении пяти веков держали в подчинении не только Рим, но и всю Италию, в результате кровавых походов насаждая в итальянских королевствах и княжествах германских правителей и поддерживая их военной силой. Однако римская хватка ощущалась в Германии, пожалуй, еще более болезненно, чем былое военное давление немцев на Рим, по той простой причине, что хватка эта стала финансовой. Бремя налогов в пользу Рима давило на все без исключения сословия. Между тем Германия переживала в это время мощный экономический подъем. Банкиры и крупное купечество чувствовали, что пробил их час. Народившаяся буржуазия жаждала обогащения, и не было для нее на заре XVI века хуже поработителя, чем тот, кто посмел бы посягнуть на ее кошелек. Стоило Лютеру намекнуть, что Рим зарится на немецкую мощь, как за ним дружно поднялось все дворянство и бюргерство.

Это был ловкий ход. Вообще, наряду с удачной конъюнктурой большую роль в успехе Реформации сыграло блестящее владение Лютером разнообразными тактическими приемами. Так, например, использование книгопечатания позволило ему в полной мере проявить свой незаурядный талант журналиста. Литературный дар и неугасающая энергия вознесли его перо до невиданных дотоле полемических высот. Печатники, люди грамотные, быстро сообразили, какие выгоды сулило им сотрудничество с таким многообещающим автором. Разумеется, среди них попадались убежденные протестанты, однако большинство думало в первую очередь о собственных денежных интересах. И действительно, те, кто сделал ставку на Лютера, не прогадали. Многие из работавших с ним издателей сколотили себе недурные состояния. Сам Реформатор рассказывал об одном печатнике, не называя, впрочем, его имени, которому издание его книг принесло баснословные барыши: «на одну вложенную монету он получал две». Во времена, когда пятипроцентный заем считался ростовщическим, это и в самом деле выглядело заманчиво. От Лютера же мы узнаем, что еще один из его издателей, Ганс Грюнебергер, как-то посетовал: «Господин доктор, я больше не могу печатать такие книги: слишком велика прибыль». А сколько на одного бескорыстного труженика

приходилось алчных деляг?

Но самый ловкий (в какой-то степени даже гениальный) ход Лютер сделал, когда заставил работать на себя дурные наклонности современников. Он видел немцев насквозь и знал наизусть все пороки, которыми отличались его соотечественники, поминая их по любому поводу. Кто подсчитал, сколько сутан и клобуков лишились своих владельцев, наслушавшихся дерзких речей человека, впервые откровенно поощрившего их дать волю своим похотливым желаниям? Обращаясь к человеческой зависти, он добился закрытия множества монастырей. Распалая в людях ненависть, предлагая им объект для этой ненависти и выставляя его в самом неприглядном виде, он умело направлял низменные инстинкты толпы, хотя сам никогда никого и пальцем не тронул. Он швырнул на растерзание Германии, бурлившей в огне Возрождения, своего личного врага, сумев внушить ей, что это и ее враг.

Он не просто сам пылал яростью разрушения, ему надо было заразить этой яростью других, превратив ее в действенный инструмент своей политики. С того самого дня, когда Гуттен предложил ему союз, он уже ни разу не свернул с избранного пути и двигался только вперед. Разумеется, бывали минуты, когда его душу раздирали сомнения, но ненависть неизменно брала верх. И действительно, его друзья, ученики, единомышленники, пасторы настолько прониклись его мыслями и чувствами, что стена, воздвигнутая им между своей Церковью и прежней, стала непреодолимой. Вместе с тем Церковь, которую он считал своей, оставалась таковой недолго, потому что лютеранское учение вскоре после смерти основателя перестало быть собственно лютеранским. «Аугсбургское вероисповедание», принятое стараниями ловкача Меланхтона, в данном случае превзошедшего в хитрости учителя, нанесло роковой удар по доктрине о бесполезности «дел». Меланхтон принадлежал к породе людей осторожных и робких, которые предпочитают двигаться вперед потихоньку, с оглядкой, но стремятся к победе тем упорнее, чем унижительнее для них натиск грубого и наглого противника. Ужаснувшись чудовищным плодам лютеровской проповеди никчемности добрых дел, Меланхтон и его сторонники быстренько восстановили в правах категорию моральной ответственности, то есть признали такие понятия, как свобода воли и польза добрых деяний. Ортодоксальные лютеране пробовали возмущаться, поднимали шум, но число их таяло с каждым годом, так что в конце концов на них просто перестали обращать внимание. Зато возникли и на глазах стали крепнуть секты, поддерживавшие практику аскезы, в частности, секта пиетистов.

Но если свободный выбор и признание личных заслуг вернулись на свое место, какой же смысл оставался в расколе? Ведь эти два положения были фундаментом, на котором зиждилось все здание его учения! Почему протестанты, похоронив основоположника, не сделали попытки примириться с католиками? Похоже, Лютер предвидел такую возможность и перед смертью принял соответствующие меры. Если учение о тщете дел спасало его личную совесть, то смертельная борьба против папы служила инструментом его личной мести. Он объявил, что отомстит папе, и он ему отомстил. Поток ненависти, излитый Лютером на папизм и римско-католическую Церковь, грубостью формы и политическим содержанием сделал невозможным возврат к прошлому. Религиозный авторитет протестантских князей, вынудивших капитулировать Карла V, также не позволил их потомкам отступить с завоеванных позиций. Разве могли вернуться к владельцам отнятые церковные земли? Разве могли восстать из руин разрушенные монастыри? Разве могли обрести утраченную независимость протестантские пасторы и суперинтенданты, если государственная Церковь усилилась настолько, что превратилась в неприступную крепость?

Мало того, в сердцах молодого поколения антиримские настроения успели пустить столь глубокие корни, что вряд ли кому-нибудь удалось бы теперь внушить им даже слабое подобие доброго чувства к старой Церкви. Лютеранская пропаганда, вознесшая своего основателя на недостижимую высоту, а римского епископа, напротив, обратившая в существо низшего порядка, пережила века и проникла в глубины человеческого сознания. В том, что на протяжении четырех столетий католики и протестанты видели друг в друге врагов, виноваты, конечно, войны, политика, преследования и массовые убийства. Но даже память о войнах стирается. Настоящей же стеной между теми и другими стала ненависть — непримиримая, мстительная ненависть Лютера, который однажды заявил: «Больше никогда!» Веками стражу возле этой стены несли ученики Лютера, постепенно превращавшиеся из его соучастников в жертвы. Каких-нибудь сто лет назад лютеранский катехизис преподавал детям такой, например, урок истории из времен Вормсского рейхстага: исполненный благородства, душевной чистоты, прекрасный в своей добродетели Лютер, отважно покинувший мрачный монастырь, где томился под гнетом нечестивцев, гордо восстал против одержимого дьяволом папы. В том же «учебном пособии» о католичестве сообщались совсем уже странные вещи. Оказывается, римско-католическая Церковь избрала своим девизом лозунг: «Один папа, и никого кроме папы!», оказывается, «женатые люди не могут

служить Богу», оказывается, «католики поклоняются только Деве Марии», оказывается, «один папа имеет право толковать Библию, но толкует он ее превратно».

Лютер добился того, к чему стремился, внушив ненависть к папе пятнадцати или двадцати поколениям людей, навсегда отвортив их взор от монашества, уничтожив в их глазах таинство рукоположения и мессу. И все это он сделал только потому, что папа отлучил его от Церкви, потому, что он чувствовал себя несчастным, приняв постриг, потому, что он испугался, принимая Причастие. Ценой своей ужасной мести он действительно достиг величия в глазах тех, кто эту месть с ним разделил, и величие его выглядело тем внушительнее, что таковых оказалось немало. Но все-таки мы не можем поставить точку, не задавшись последним вопросом: что стало бы с Германией, если бы Лютер обратил свои таланты не на отрицание, а на утверждение добрых дел, на защиту монашеской бедности, на восхваление добровольного смирения, на доказательство того, что с помощью Божьей можно справиться с любым искушением? Что стало бы с Германией и что стало бы с Мартином Лютером?

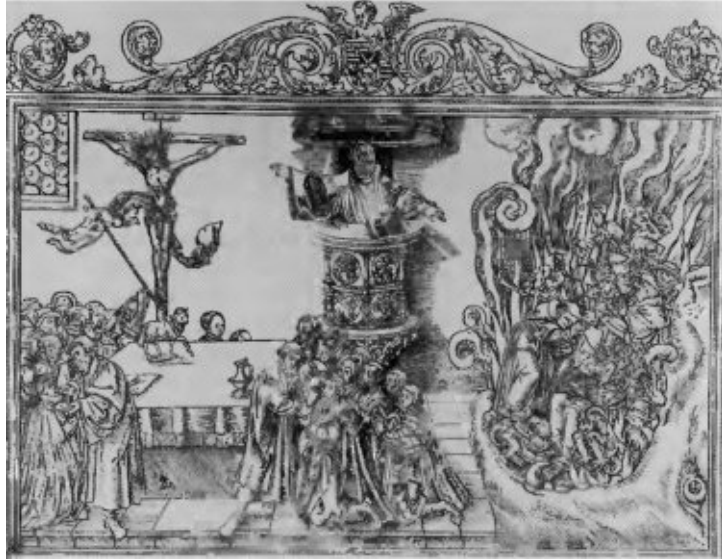
Мартин Лютер. *Лукас Кранах Старший. Около 1532.*

Ульрих Цвингли. *А. Меллис. 1540—1550.*

Рудольф Агрикола. *Лукас Кранах Старший. Около 1532.*

Церковь ложная и истинная. *Лукас Кранах Младший. Около 1546.*

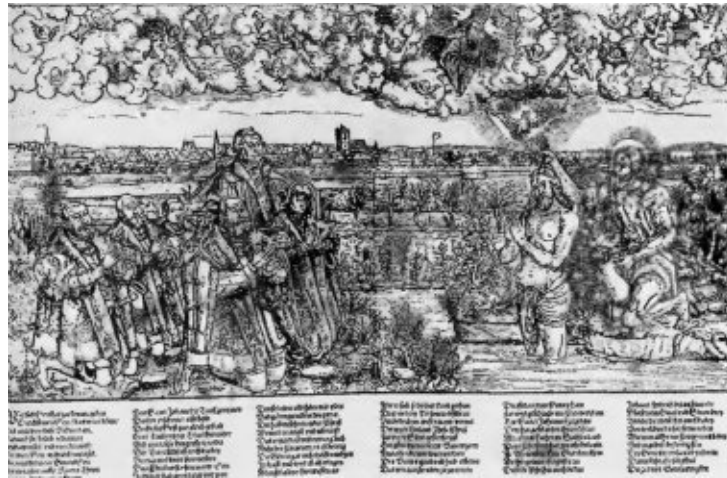
За кафедрой — Мартин Лютер, указывающий перстом на Истинную Церковь.

Филипп Меланхтон. *Альбрехт Дюрер. 1526.*

Георг Спалатин. Лукас Кранах Старший.

Крещение Христа в водах реки Эльбы в виду Виттенберга.
Якоб Луциус, 1555.

Лютер и Гус: причащение под обоими видами. *Неизвестный саксонский художник. XVI в.*

Эразм Роттердамский. Альбрехт Дюрер. 1526.

Портрет Мартина Лютера в полный рост. *Лукас Кранах Младший. 1546.*

Ангел с ключем от бездны. Альбрехт Дюрер. Из цикла гравюр «Апокалипсис».

Портрет Мартина Лютера. *Лукас Кранах Старший. 1526.*

Портрет Катарины фон Бора. *Лукас Кранах Старший. 1526.*

Император Карл V. И. Хонфер. 1521.

Медаль в честь императора Карла V. 1521.

Папа Павел III. Гравюра А. Далько по картине Тициана

Папа Павел IV. Гравюра Н. Беатризе.

Жалобы на Лютера. С. Бехам. Около 1525.

Герцог Иоанн-Фридрих Саксонский. М. Рибештайн. 1547.

Император Фердинанд I. Гравюра Б. Бэгама. 1531.

Христиан II Датский. Гравюра неизвестного мастера. 1517.

Император Рудольф Габсбург. Р. Хоффхальтер. 1559.

Титульные листы книг Мартина Лютера

Жилая комната в доме Лютера

Здание августинского монастыря в Виттенберге; впоследствии — дом Лютера. Ныне музей Мартина Лютера.

Площадь в Виттенберге с памятниками Мартину Лютеру и Филиппу Меланхтону. Современное фото.

Хроника жизни Мартина Лютера и даты выхода в свет его основных трудов

[\[39\]](#)

1483 (1484?), 10 ноября — в Эйслебене (Саксония) родился Мартин Лютер.

1497— 1498 — учеба в школе лоллардов в Магдебурге.

1498 — Мартин Лютер поступает в школу святого Георгия в Эйзенахе.

1501 — 1505 — годы учебы в Эрфуртском университете.

1505 —1506 — Мартин Лютер поступает послушником в монастырь августинцев (Эрфурт).

1506 —принятие монашеского обета.

1507 — рукоположение в священнический сан.

1508 —брат Мартин перебирается в Виггенбергекий монастырь и одновременно поступает на богословский факультет Виггенбергского университета.

1510— 1511 — пешее путешествие в Рим.

1512, 19 октября — Мартин Лютер получает степень доктора богословия.

1514 —«Диктанты по Псалтири».

1515 —отца Мартина избирают викарием деканата (11 монастырей) ордена августинцев.

1516 —«Комментарий к Посланию к Римлянам».

1517 —«Комментарий к Посланию к Евреям».

31 октября — отец Мартин Лютер вывесил на дверях Виттенбергской приходской церкви 95 тезисов об индульгенциях.

1518 —«Комментарий к Посланию к Галатам».

«Проповедь об отпущении грехов и благодати».

«Свобода проповеди об отпущении грехов и благодати».

«Астериски».

«Резолюции».

«Значение отлучения».

Октябрь — папский легат Каетан допрашивает Мартина Лютера в Аугсбурге.

«Акты».

1519 —«Пояснение к Десяти заповедям».

«Комментарий к Псалму 109».

28 марта — первое письмо Лютера Эразму Роттердамскому. 27 июня-июль — диспут с Экком в Лейпциге. «Тесарадекас, или Утешение душам, обремененным трудом и заботами».

«Проповедь о причастии». «Проповедь об отлучении».

1520 — «Проповедь о добрых делах».

«О римском папстве».

15 июня — папа Лев X подписывает буллу, в которой предлагает Лютеру в 60-дневный срок отречься от своих еретических идей. «К христианскому дворянству немецкой нации».

«Причащение». «Вавилонское пленение». «Христианская свобода». «Против мерзостной буллы антихриста».

10 декабря — на городской площади Виггенберга толпа студентов и монахов под руководством Лютера сожгла папскую буллу и сочинения оппонентов Лютера.

«Почему доктор Мартин Лютер сжег писания папы и его учеников».

1521, 3 января — булла Льва X об отлучении Мартина Лютера от Церкви.

«Защита всех положений, осужденных новой буллой папы Льва X».

Январь — май — Вормсский рейхстаг. «Поучение к исповедующимся».

«Сборник чтений о страстях Христовых и антихристовых».

26 мая — Карл V подписывает эдикт о высылке еретика Мартина Лютера за пределы империи.

1521, май — 1522, март — Мартин Лютер под именем Юргена Йорга скрывается в Вартбургской крепости.

«Поучение Мартина Лютера против монашеских обетов».

«Монастырские обеты».

«Об отмене приватной мессы» («Неправедность мессы»).

«Изложение Величания».

Сборник проповедей «Kirchen Postille».

Перевод на немецкий язык Нового Завета.

«Поклонение идолу в Галле».

«Книга короля Англии Генриха VIII».

«Беззаконие мессы».

«Булла Нашего Преосвященного о жратве». «Честное увещание против мятежей».

1522, 6 марта — возвращение в Виттенберг.

«Восемь проповедей, прочитанных в Виттенберге во время Великого

поста».

Поездка с проповедями по городам Саксонского герцогства. «Против ложного церковного сословия папы и епископов». «К Эрфуртской Церкви».

«О светской власти и пределах покорности этой власти».

1523 — «Новая Апология, или Ответ на смертный крик папистов».

20 июня — второе письмо Лютера Эразму Роттердамскому. Не позже 1523 — «Христос, рожденный евреем».

1524 — появление первого сборника лютеранских гимнов «Книжка духовных песен» на немецком языке. «Два противоречащих друг другу указа о Лютере».

1 сентября — Эразм Роттердамский публикует антилютеранский труд «Критика свободы воли, или Вклад Дезиратия Эразма». «Почему девы имеют святое право покидать монастырь». «Как Бог пришел на помощь монахине».

1524 — 1525 — Крестьянская война в Германии.

1525 — «Призыв к миру в связи с двенадцатью статьями швабских крестьян».

«Против крестьянских убийц и грабителей».

«Ужасная судьба Томаса Мюнцера».

«По поводу суровой книги против крестьян».

«Против небесных пророков, по поводу образов и Причастия».

Словарь «Об организации обрядов в общине».

Манифест «Да будет христианское сообщество, или Коммуна вправе и во власти судить о любых учениях и ученых, назначать их и смещать. Причины и основания».

Устав «Отправление мессы и причащение в церкви Виттенберга».

13 июня — Мартин Лютер женится на Катарине фон Бора.

Декабрь — «О порабощенной воле».

29 декабря — первое богослужение по новому обряду, совершенное Лютером.

«Немецкая месса, или Порядок Божественной службы по виттенбергскому образцу». 1526 — «Христианское послание господину Вольфгангу Райсенбаху».

7 июня — родился старший сын Лютера Ганс. 1527, 10 декабря — родилась дочь Лютера Елизавета, умершая 3 апреля 1528 года.

Лютер принимает участие в Марбургской конференции, проводимой совместно со сторонниками Цвингли. Конференция протестантских земель в Швабахе.

1528 — «Исповедь Мартина Лютера о святом причастии».

1529 — «Война против турок».

1528 — 1530 — Аугсбургский рейхстаг, за работой которого Лютер наблюдает из расположенного неподалеку Кобурга. «Призыв к церковникам, собравшимся на Аугсбургский рейхстаг».

«Отдельные положения, которые Мартин Лютер будет защищать перед лицом всей сатанинской веры».

«Ключи».

«Письмо Мартина Лютера о толковании святых и их заступничестве».

«Обращение доктора Мартина Лютера к его возлюбленным немцам».

«Рассуждение о так называемом императорском эдикте». «Против дрезденского убийцы».

Переводы книг пророков Иеремии, Иезекииля, Даниила, Псалтири и басен Эзопа.

1534 — перевод Библии.

1536, 21—28мая — в Виттенберге под председательством Лютера состоялась встреча крупнейших богословов новой веры.

1537, 9 февраля — протестантский конгресс в Шмалькальдене, для которого Лютер написал «Символ веры».

1538 — «Шмалькальденские статьи».

Болезнь Лютера и его возвращение в Виттенберг. «Письмо против соблюдения субботы».

1539 — «О соборах и Церкви».

1542 — перевод памфлета «Коран от брата Ричарда». «Евреи и их ложные выдумки».

«Шем Хамфорас и происхождение Христа». «Последние речения Давида».

1543 — 1546 — семейная жизнь в монастыре Виггенберга.

1544 — «Краткая исповедь доктора Мартина Лютера о Святом Причащении».

1545, март — «Против римского папства, основанного дьяволом».

Альбом «Образ папства» с иллюстрациями Лукаса Кранаха.

Июль — поездка в Цайц.

Август — возвращение в Виттенберг.

1546, 23 января — Мартин Лютер покидает Виттенберг и останавливается в Галле.

28 января — прибытие в Эйслебен.

17 февраля — приступ болезни, похожей на стенокардию.

18 февраля — Мартин Лютер скончался.

«Застольные беседы» — запись «домашних» речей Лютера,

опубликованная после его кончины сподвижниками и учениками.

Библиография

- Luther Martin. Opéra latina. Erlangen, 1829—1872, 15 vol.
- Luther Martin. Werke. Weimar, 1883—1928, 64 vol. Briefe, Berlin, 1828-1856, 6 vol.
- Luther Martin. Mémoires écrits par lui-même. Paris, 1854.
- Luther Martin. Tischreden. Berlin, 1830.
- Luther Martin. Propos de table. Paris, 1932.
- Luther Martin. Les Grands Ecrits réformateurs. Paris, s.d.
- Luther Martin. Traité du serf arbitre. Paris; Genève, 1936.
- Melanchthon. Vita Lutheri, 1546, dans l'édition de Berlin, 1846.
- Mathesius. Historié von des ehrwürdigen in Gott seligen theuren Mannes Gottes Doctoris Martini Lutheri. Anfang, Lere, Leben und Sterben, 1565, dans l'édition de Prague 1898.
- Bozius Thomas. De signis Ecclesiae. Cologne, 1593.
- Ulenberg C. Historia de vita, moribus, rebus gestis, studiis doct. Martini Luther. Cologne, 1622.
- Audin J. M. Histoire de la vie, des ouvrages et des doctrines de Luther (7 éd.). Paris, 1856, 3 vol.
- Kuhn F. Luther, sa vie et son œuvre. Paris-Neuchatel, Geneve, 1883—1894, 3 vol.
- Majunke Dr. La Fin de Luther. Paris, 1893.
- Denifle H. Luther et le luthéranisme. Paris, 1912—1914, 4 vol.
- Grisar H. Luther. Fribourg-en-Brisgau, 1924—1925, 3 vol.
- Grisar H. Martin Luther, sa vie et son œuvre. Paris, 1931
- D ö i n g e r. La Reforme, son développement intérieur et les fruits qu'elle a produits. Paris, 1848—1849, 3 vol.
- Maimbourg L. Histoire du luthéranisme. Paris, 1680, 2 vol. Bossue t. Histoire des variations des Eglises protestantes. Paris, 1688, 2 vol.
- Beausobre I. de. Histoire de la Réformation. Berlin, 1785, 3 vol. Mignet. Luther à la diète de Worms. Paris, 1835. Audin. Léon X. Paris, 1846.
- Henri VIII. Défense des sept Sacrements contre Luther. Angers, 1850.
- Gasparin A. de. Luther et la Réforme au XVI siècle. Paris, 1875. Monumenta Reformationis Lutheranae. Ratisbonne, 1883—1884, 2 vol. Janssen J. L'Allemagne et la Réforme. Paris, 1889. 8 vol. Mayer A. Érasme et Luther.

Paris, 1904.

Imbart de La Tour. Les Origines de la Réforme. Paris, 1905— 1914, 3 vol.

Jundt. Le Développement de la pensée de Luther jusqu'en 1517. Paris, 1906.

Cristiani L. Luther et le luthéranisme. Paris, 1909. Cristiani L. Du luthéranisme au protestantisme. Paris, 1911. Cristiani L. Luther au couvent. Paris, 1914.

Humbertclaude H. Érasme et Luther. Paris, 1910. Kaikoff P. Der Prozess des Jahres 1518. Gotha, 1912. Pâquier J. Le Protestantisme allemand. Paris, 1915. Boehmer H. Der junge Luther. Gotha, s.d. Wolf E. Staupitz und Luther. Leipzig, 1927. Febvre L. Un destin, Martin Luther. Paris, 1928. Funck-Brentano F. Luther Paris, 1934. Erasme. Essai sur le libre arbitre. Alger, 1945. Dalbiez R. L'Angoisse de Luther. Paris, 1974. Brecht M. Martin Luther. Stuttgart, 1983—1987, 3 vol.

Бецольд Ф. История Реформации в Германии. Т. 1—2. СПб., 1900.

Лихачева Е. Европейские реформаторы (Гус, Лютер, Цвингли, Кальвин). СПб., 1872.

Порозовская Б. Д. Мартин Лютер. СПб., 1898.

Смирин М. М. Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. М., 1962.

Смирин М. М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978.

Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. Л., 1976.

Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. М., 1984.

Примечания

Среди многочисленных книг И. Гобри, посвященных католической церкви и христианской философии и морали, следует особенно отметить трехтомную историю монашеских орденов на Западе, удостоенную академической премии (1985—87), а также работы о Франциске Ассизском (1957), Бернаре Клервоском (1900) и ряд трудов на тему «Французская революция и церковь», среди которых особенной известностью пользуется «Словарь мучеников революции» (*Dictionnaire des martyrs de la Révolution*, 1990).

Индульгенция — папская грамота, дающая за деньги отпущение грехов. Продажа индульгенций была одним из главных источников дохода папской казны в XV—XVI веках.

Уже в IX веке началось, а в 1054 году завершилось разделение единой христианской церкви на западную (католическую) и восточную (православную). Обрядовые и догматические особенности обеих церквей мало чем отличались друг от друга, но православная церковь всегда подчинялась государству, в то время как римские папы сами превращались в государей и претендовали на политическое господство во всем христианском мире.

Один из троицы, Иоанн XXIII, в молодости бывший пиратом, вызвал такую единодушную ненависть современников, что после его смерти, вплоть до середины XX века, ни один папа не называл себя Иоанном. В 1958 году кардинал Ронкалли, избранный на папский престол, принял имя Иоанна XXIII, подчеркивая этим, что папу XV века с тем же именем церковь не считает законным.

Этот тезис, однако, показался настолько несвоевременным многим отцам собора, что официально принят он был много позднее и совсем в другой обстановке — в 1869—1870 годах.

В 1814 году постановлением Пия VII орден был восстановлен и продолжает существовать в настоящее время.

Латинская Библия. (Прим. перев.)

Линейка. (Прим. перев.)

Духовное лицо, возглавляющее монастыри определенного ордена в округе. (Прим. перев.)

Для себя, о себе (лат.). Здесь — в самооправдание. (Прим. перев.)

«Поучение Мартина Лютера» (лат.). (Прим. перев.)

Бреве — краткое папское послание. (Прим. перев.)

В переводе с немецкого его фамилия означала «свет дома». По любимой гуманистами традиции, он перевел это словосочетание на греческий язык, соединив «ойкос» (дом) и «лампас» (факел; в родительном падеже «лампадос», то есть факела).

Утраквисты (от латинского *sub utraque specie* — «под обоими видами»), они же чашники, каликстинцы или подобои, требовали причащения всех мирян не только хлебом, но и вином, что в католической Церкви считается привилегией духовенства.

Не можем, не говорим (лит.).

Интердикт — временный запрет (без отлучения от Церкви) совершать на территории, подвергшейся наказанию, богослужение и религиозные обряды. (Прим. перев.)

Письма темных людей (лат.). (Прим. перев.)

Слово «булла» происходит от латинского «bulla», что означает «шарик». Первоначально буллой называли печать или любой документ с печатью. (Прим. перев.)

«Греши смело» (лат.). (Прим. перев.)

Анабаптисты, в переводе с греческого, буквально: «перекрещенцы:
{Прим. перев.)

Право сеньора распоряжаться имуществом после смерти крепостного.
{Прим. перев.)

Имя Диафорус носили два персонажа комедии Мольера «Мнимый больной» — отец и сын, оба лечившие пациентов главным образом с помощью заклинаний. Имя это стало во французской традиции нарицательным для обозначения невежественного и самоуверенного лекаря. {Прим. перев.}

В отечественной историографии принят термин «аугсбургское вероисповедание». (Прим. перев.)

Отхожее место, дерьмо, навоз (лат.). (Прим. перев.)

«К пастве Божьей» (лат.).

Захват независимого соседнего государства в пользу младшего брата явил собой яркий пример того, как можно избежать дробления отцовского наследства. Филипп Гессенский не нашел такой возможности, а потому перед смертью вынужден был разделить свои владения на четыре княжества, по числу сыновей: Гессен-Кассель (ландграфство), Гессен-Дармштадт, Гессен-Рейнфельс и Гессен-Марбург.

Королевский чиновник, выполнявший административные и судебные функции. (Прим. перев.)

Так Лютер назвал свою Церковь в споре с Цвингли.

В Саксонии к этим рекомендациям Лютера отнеслись с полной серьезностью, о чем свидетельствует тот факт, что 11 лет спустя после его смерти к гражданам, пропускающим воскресную службу, здесь начали применять следующие меры наказания: штраф, тюремное заключение, принудительные работы с ношением железного ошейника.

Латинское название этого города — Тридент (Tridentim); отсюда Тридентский собор. (Прим. перев.)

Ликуй, Иерусалим!

Существует множество вариантов перевода этого выполненного пафоса увещевания. Автор придерживается латинского перевода Юста Ионаса.

«В руки Твои, Господи, предаю дух свой» (лат.).

Автор «Биографии Лютера», опубликованной в Иене в 1850 году.

«О Церковных знаках» (лат.).

«Поучения против ересей» (лат.).

В те времена спали на высоких кроватях, стоящих на столбиках.

«Защита Лютера» (лат.).

Сост. Е. В. Головина.